

НОУ ВПО ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ИНФОРМАТИЗАЦИИ
при поддержке
РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ФОНДА
ФГБУН ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН
НОУ ВПО МОСКОВСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
НОУ ВПО МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ПСИХОАНАЛИЗА

ЧЕЛОВЕК В ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**4-5 октября 2012 г.
Москва**

Издательство «Институт психологии РАН»
Москва
2012

УДК 159.9
ББК 88
Ч 39

Редакционная коллегия:

А.Б. Купрейченко, Л.Н. Широкова (ответственные редакторы),
А.Л. Журавлев, В.А. Барабанщиков, А.Е. Воробьева, В.В. Гаах,
Л.А. Григорович, Д.М. Данкин, И.И. Ильясов, Е.Г. Карпова, А.Н. Ларионов, А.Н.
Лебедев, Н.Л. Нагибина, А.Н. Неверов, Е.П. Панкратов, В.П. Позняков,
И.Л. Сурат, Л.И. Сурат, Л.А. Юнусов

Ч 39

Человек в экономических и социальных отношениях: Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. А.Б. Купрейченко, Л.Н. Широкова - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012, 415 с.

ISBN 978-5-9270-0244-3

УДК 159.9
ББК 88

В сборнике представлены материалы Всероссийской научной конференции с иностранным участием по следующим направлениям: Экономико-психологические и социально-психологические факторы поведения человека в современном обществе; Самореализация и самоопределение как основа становления личности в современном мире; Индивидуальные и типологические свойства человека как ресурс оптимального развития общества; Доверие как стратегический ресурс развития общества; Инновационное развитие России: экономические, социальные, психологические, правовые факторы и технологии; Моделирование психических и социально-психологических процессов. Материалы междисциплинарной конференции представляют результаты современных исследований российских и зарубежных исследователей.

Сборник представляет интерес для специалистов в области психологии, экономики, социологии, политологии, юриспруденции и других общественных наук, а также для широкого круга интересующихся актуальными проблемами человека и современного общества.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного
научного фонда (гран № 12-06-14067г)*

© НОУ ВПО Институт Мировой экономики и информатизации, 2012

ISBN 978-5-9270-0244-3

СОДЕРЖАНИЕ

Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.
ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ 12

РАЗДЕЛ 1. ЭКОНОМИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Chen X.
THE MENTAL MODEL AND SOCIAL INTEGRATION
OF FLOATING POPULATION 17

Wüstner K.
DAS INDIVIDUUM IN DER MODERNEN ARBEITSWELT:
LEISTUNGSORIENTIERUNG, PERFEKTIONISMUS UND ARBEITSSUCHT 20

Азарёнок Н. В., Медведева А.М.
ВОСПРИЯТИЕ ТОРГОВОЙ МАРКИ В СИСТЕМЕ ДЕТЕРМИНАНТ
ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ. 23

Акбарова А.А.
КРИТЕРИИ СУБЪЕКТИВНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТАТУСА РОССИЯН 27

Анненкова Н.В., Камнева Е.В., Буянова С.М.
ЛИЧНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА 30

Бескова Т.В.
РЕКЛАМА КАК ФАКТОР СТИМУЛИРОВАНИЯ ЗАВИСТИ 31

Васильева Н.М.
СОЦИАЛЬНЫЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ
САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЫХ МЕДИЦИНСКИХ
СОТРУДНИКОВ 36

Воскресенская Н.Г.
РОЛЬ КИНОИНДУСТРИИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЛИКА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ 38

Григорьев А.В.
РОЛЬ ВОЛЕВЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ЕЁ
СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ 41

Григорьева М.В.
УРОВНЕВЫЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ 43

Губайдуллина Г.Г.
ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ
И ВЫБОРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ 45

Доценко О.Н., Бондаренко И.Н.
КРИТЕРИИ УСПЕШНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ДЛЯ РАЗНЫХ ТИПОВ ПРОФЕССИЙ 48

Дулина Г.С.
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УСПЕШНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ 50

Елизаров А.Н.
ПСИХОТЕРАПЕВТИЧНОСТЬ ОБЩЕНИЯ
КАК ФАКТОР СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 52

<i>Ермакова Е.А.</i> УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ: ПСИХОЛОГИЯ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА	54
<i>Зотова Е.И.</i> ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СИТУАЦИИ НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ	57
<i>Игнатенко Т.И.</i> «СОЦИАЛЬНАЯ РАДИАЦИЯ» КАК ФОРМА АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ	59
<i>Казанцева Н.В., Михайлова А.А., Выскочков В.С.</i> ТИПЫ ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И КОПИНГ-СТРАТЕГИИ У СТУДЕНТОВ ВУЗОВ ПРИ ОРГАНИЗАЦИОННОМ СТРЕССЕ	62
<i>Капцов А.В., Колесникова Е.И.</i> СООТНОШЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ И ГРУППЫ КАК ФАКТОР РЕГУЛЯЦИИ СУБЪЕКТНОЙ АКТИВНОСТИ.	66
<i>Кленова М.А.</i> СПЕЦИФИКА ЦЕННОСТНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ РИСКОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ В РАЗНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУППАХ	68
<i>Ковалева Ю.В.</i> АНАЛИЗ МОТИВОВ ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ.	71
<i>Ледовская Т.В., Прудников О.Е.</i> РОЛЬ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РАЗРЕШЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ	73
<i>Митрофанова Е.Н.</i> СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ	77
<i>Неверов А.Н.</i> ЭКОНОМИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	78
<i>Неруш Т.Г.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ КАК ФАКТОР ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	81
<i>Нестик Т.А.</i> СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ОБРАЗА ЭКОНОМИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО	85
<i>Нехорошева И.В., Зубов В.Н.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТОРОНЫ ЖИЗНИ ЛЮДЬМИ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЭГОИЗМА	88
<i>Петрова Т.А.</i> К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ НРАВСТВЕННОСТИ	91
<i>Попов Л.М., Устин П.Н., Попов М.Л.</i> ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОТЧУЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ	94
<i>Радина Н.К.</i> СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ	96
<i>Семяшкин А.А.</i> ОБЩИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И МЕЖЛИЧНОСТНАЯ АТТРАКЦИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗНЫХ КУЛЬТУР: ФОРМУЛИРОВКА И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	98

<i>Соколова И.С.</i> СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВЫБОРА ПОКУПАТЕЛЕМ КНИЖНОГО НАУЧНО- ПОПУЛЯРНОГО ИЗДАНИЯ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ	101
<i>Соловьева М.А.</i> ЧЕЛОВЕК В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ АСПЕКТ	103
<i>Стрижов Е.Ю., Сажин А.В.</i> НРАВСТВЕННЫЕ ДЕФОРМАЦИИ В ОТНОШЕНИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА К ДЕНЬГАМ И ТРУДУ	105
<i>Федоркова Е.В.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ РЕКЛАМЫ НА СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ.	108
<i>Фоминова А.Н.</i> СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ЧЕЛОВЕКА	110

**РАЗДЕЛ 2. САМОРЕАЛИЗАЦИЯ И САМООПРЕДЕЛЕНИЕ КАК ОСНОВА
СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

<i>Барышева Т.Д.</i> РЕФЛЕКСИЯ КАК РЕСУРС ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СПЕЦИАЛИСТА	114
<i>Бирюкевич Е.А.</i> ЛИЧНОСТНЫЙ РОСТ И ОБЫДЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ХАРАКТЕРЕ.	116
<i>Бочарова Е.Е., Тарасова Л.Е.</i> СУБЪЕКТНЫЕ ГРАНИЦЫ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ	118
<i>Бюндюгова Т.В.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ЛИЧНОСТНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ	120
<i>Вагапова А.Р.</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ БУДУЩЕМ И ИХ РОЛЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ	124
<i>Василенко А.Ю.</i> САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ «ЭГОИСТОВ» И «АЛЬТРУИСТОВ»	126
<i>Волынская Л.Б.</i> НАСКОЛЬКО СВОБОДЕН ЧЕЛОВЕК В САМООПРЕДЕЛЕНИИ?	130
<i>Воробьева А.Е., Купрейченко А.Б.</i> ТЕОРЕТИКО-ЭМПИРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СТРУКТУРЫ НРАВСТВЕННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ	135
<i>Герасимова А.С.</i> ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ В СИТУАЦИИ ВЫБОРА УРОВНЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.	138
<i>Глазков В.В.</i> ОТНОШЕНИЕ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ИСКУССТВА КАК ФАКТОР САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.	142
<i>Гудович Д.С.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛОКУСА РОЛЕВОГО КОНФЛИКТА И КОМАНДНЫХ РОЛЕЙ	144

<i>Гуцыкова С.В.</i> САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	147
<i>Дёгтева Я. Н.</i> РОЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ЛИЧНОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ КУРСАНТОВ	149
<i>Душанбаева С.С.</i> К ПРОБЛЕМЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	152
<i>Журавлев А.Л., Соина И.А.</i> ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ И ПРЕДПОЧТЕНИЕ ЕЮ РАЗНЫХ КАТЕГОРИЙ ЗНАЧИМЫХ ДРУГИХ (НА ПРИМЕРЕ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА)	153
<i>Ишимухаметов Р.Р.</i> УРОВЕНЬ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЮНОШЕЙ КАК ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ В ОСЛОЖНЕННЫХ УСЛОВИЯХ ЖИЗНЕННОЙ СРЕДЫ.	156
<i>Катцов А.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ЛИЧНОСТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ . .	159
<i>Карпова Е.А.</i> АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ	160
<i>Каширский Д.В., Шмойлова Н.А.</i> ЗДОРОВЬЕ В СТРУКТУРЕ ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ	163
<i>Колодина А.В.</i> ЛИЧНОСТНЫЕ ТИПЫ БУДУЩИХ И ДЕЙСТВУЮЩИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ	167
<i>Кузьмина В.М.</i> ОТРАЖЕНИЕ САМОРЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ	169
<i>Локаткова О.Н.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СТАРШЕКЛАССНИКОВ КАК ФАКТОР ГОТОВНОСТИ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ	173
<i>Марьясова Н.В.</i> ФЕНОМЕН И СТРАТЕГИИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТНАЯ ОСОБЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО МИРА	175
<i>Месникович С.А.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЗАВИСТИ В КОНТЕКСТЕ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ	178
<i>Некрасова Е.В.</i> ОТВЕТСТВЕННОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ – ОСНОВА ТВОРЧЕСКОГО ЖИЗНЕОСУЩЕСТВЛЕНИЯ	179
<i>Непочатых Е.П.</i> ДИНАМИКА КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	181
<i>Огаркова (Дубинская) Ю.Л.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХОФИЗИЧЕСКИХ ТРЕНИНГОВ РУССКОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ УСПЕШНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ	185

<i>Попов Л.М., Ибрагимова Е.Н.</i> ПРОБЛЕМА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ. .	187
<i>Разумовская П.Е.</i> КОНЦЕПТ «СВОБОДА» КАК УСЛОВИЕ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА	189
<i>Романюк Л.В., Романюк В.Г., Сурков П.Д.</i> СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	192
<i>Рыбчак С.В.</i> СОЦИАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ	194
<i>Салихова Н.Р.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕЛЕЙ В САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ	197
<i>Селезнева Е.В.</i> ОСОБЕННОСТИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.	199
<i>Скутина Т.В.</i> РАЗВИТИЕ РЕСУРСОВ СУБЪЕКТНОЙ, УПРАВЛЯЮЩЕЙ ПОЗИЦИИ ПОДРОСТКА В ОБЩЕНИИ ЧЕРЕЗ ПРОБЫ РЕЖИССИРОВАНИЯ.	202
<i>Соина И.А.</i> ЛИЧНОСТНОЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ОДНА ИЗ ФОРМ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ИНДИВИДА	204
<i>Терлецкая Л.Г.</i> САМОАНАЛИЗ КАК МЕТОД САМОРЕАЛИЗАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ	206
<i>Трубина Е.С.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ПЕДАГОГОВ ДОУ	209
<i>Шевчук А.П.</i> САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЖЕНЩИН В ПРОФЕССИИ	213
<i>Юрчинская А.К.</i> ВЗАИМОСВЯЗИ КРЕАТИВНОСТИ И ТЕМПЕРАМЕНТА В ПРОЦЕССЕ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ЖИВОПИСИ	217

**РАЗДЕЛ 3. ДОВЕРИЕ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС
РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

<i>Антоненко И.В.</i> ДОВЕРИЕ И ЭФФЕКТИВНОЕ ОБЩЕСТВО	220
<i>Василевская Е.Ю.</i> ДОВЕРИЕ И НЕДОВЕРИЕ ОКРУЖАЮЩИМ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН	222
<i>Данкин Д.М.</i> ДОВЕРИЕ КАК РЕСУРС МОДЕРНИЗАЦИИ	225
<i>Дрынкина Т.И.</i> ДОВЕРИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА И ЕГО НОРМАТИВНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ.	230
<i>Киреева О.В., Змиев Е.Е.</i> ДОВЕРИЕ ПОЛНОМОЧИЙ СОВЕТУ ДИРЕКТОРОВ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ	233
<i>Корнеева И.Е.</i> ДОВЕРИЕ И ГОТОВНОСТЬ ОБЪЕДИНЯТЬСЯ КАК ФАКТОРЫ САМООРГАНИЗАЦИИ. .	235

<i>Купрейченко А.Б., Шляховая Е.В.</i> БАЗОВОЕ ДОВЕРИЕ/НЕДОВЕРИЕ КАК РЕГУЛЯТОР ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА	238
<i>Купрейченко А.Б.</i> КАЧЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ (СУЩЕСТВУЮТ ЛИ «ХОРОШЕЕ» И «ПЛОХОЕ» ДОВЕРИЕ?)	242
<i>Мерсиянова И.В.</i> ДОВЕРИЕ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ	246
<i>Мерсиянова И.В., Якимец В.Н., Пахомова Е.И.</i> ИНДЕКСЫ ДОВЕРИЯ РОССИЯН К ГОССЛУЖАЩИМ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА	249
<i>Орлов Л.Ф., Орлова Е.А.</i> ДОВЕРИЕ КАК УСЛОВИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ДОМОХОЗЯЙСТВ	252
<i>Ребрилова Е.С.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТРАКТ И ДОВЕРИЕ В ДИАДЕ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУКОВОДИТЕЛЬ – ПОДЧИНЕННЫЙ.	256
<i>Савченко И.А.</i> ДОВЕРИЕ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЛУЖАЩИМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	259
<i>Сидоренков А.В., Сидоренкова И.И.</i> ДОВЕРИЕ КАК РЕСУРС ЭФФЕКТИВНОСТИ МАЛЫХ ГРУПП В ОРГАНИЗАЦИИ.	261

**РАЗДЕЛ 4. ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ,
СОЦИАЛЬНЫЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ ФАКТОРЫ И ТЕХНОЛОГИИ**

<i>Алексеева Е.М.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ СТУДЕНТОВ ОБ ИННОВАЦИЯХ, ЭКОНОМИЧЕСКОМ РОСТЕ И БЛАГОСОСТОЯНИИ.	264
<i>Беликова Т.В.</i> К ПРОБЛЕМЕ КАРЬЕРНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	266
<i>Бондарев С.А.</i> О РЕКУЛЬТИВАЦИИ ЗЕМЕЛЬ БЫВШИХ УРАНОДОБЫВАЮЩИХ ПРОИЗВОДСТВ СТРАН ЕВРАЗЭС.	270
<i>Карицкий И.Н.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ И ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ	273
<i>Клиновой Д.В.</i> ОСНОВНЫЕ ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ПРИРОДНЫМИ РЕСУРСАМИ В СОВРЕМЕННОМ КОНЦЕПТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	276
<i>Король Л.Г., Малимонов И.В.</i> ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ В СИСТЕМЕ «СТУДЕНТ-АДМИНИСТРАЦИЯ» КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ.	278
<i>Ломкин А.П.</i> К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР РФ С ПОЗИЦИИ МЕНТАЛЬНО-ПРАВОВОГО ПОЛЯ	281

<i>Манолова О.Н., Микушко А.Е., Симоненко А.В.</i> ПРОЕКТИРОВАНИЕ АКМЕОЛОГИЧЕСКОГО АЛГОРИТМА ОПТИМИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ.	283
<i>Морозова Т.И.</i> ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ ИПОТЕЧНЫХ КРЕДИТОВ	285
<i>Неверова А.В.</i> СООТНОШЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ И СОПРОТИВЛЕНИЯ ИННОВАЦИЯМ	288
<i>Николаева И.А., Зайнулина Ю.И.</i> ЛИЧНОСТЬ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СЕЛЬСКИХ ШКОЛЬНИКОВ	291
<i>Овруцкий А.В.</i> ПРАВА ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ СВОБОДЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.	293
<i>Покрышкина Е.В.</i> МОДЕЛИРОВАНИЕ УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ НА БАЗЕ КГУЗ «ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР АЛТАЙСКОГО КРАЯ» И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИКУ.	296
<i>Серебрякова Т.А.</i> ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ИННОВАЦИОННАЯ ПРОГРАММА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА И ПЕРВИЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЕЕ ВНЕДРЕНИЯ	298
<i>Троцкий А.Р.</i> ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ	301
<i>Федорова Н.В.</i> РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ОРГАНИЗАЦИЮ, В ПРОЦЕССЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	305
<i>Финогенов В.В.</i> ВЛИЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ НАЦИИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ	307
<i>Чиркунова Е.К.</i> ИННОВАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ.	309

**РАЗДЕЛ 5. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЧЕЛОВЕКА КАК
РЕСУРС ОПТИМАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

<i>Dauphauer А., Ильясов И.И., Нагибина Н.Л.</i> ПОЗНАНИЕ КАК ЦЕННОСТЬ: ТИПЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ.	313
<i>Арендачук И.В.</i> ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.	315
<i>Беспалов Д.В.</i> ЛИДЕРЫ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	317
<i>Бойко З.В.</i> ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВА СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ	319
<i>Бочарников В.Н.</i> КОНЦЕПТ «ГЕШТАЛЬТ» В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАДАЧ ГЕОГРАФИИ	321

<i>Вазиева А.Р.</i> ТРЕВОЖНОСТЬ И ДЕПРЕССИВНОСТЬ У ЖЕНЩИН СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА	325
<i>Вайберт М.И.</i> ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ, ТВОРЧЕСКИХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЯХ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	327
<i>Гавронова Ю.Д.</i> ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ СТУДЕНТОВ	329
<i>Голубева Е.В.</i> МОТИВАЦИОННО-ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ПОДРОСТКОВ, ВОСПИТЫВАЕМЫХ РОДИТЕЛЯМИ С РАЗНОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ ЛИЧНОСТИ.	331
<i>Двинянинова Е.Н.</i> РАЗВИТИЕ НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА	334
<i>Зеленова М.Е.</i> СОЦИАЛЬНАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ СУБЪЕКТОВ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	336
<i>Иванченко Т.П.</i> СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГОВ	338
<i>Каширский Д.В.</i> ФАКТОРНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ	342
<i>Кашуба И.В.</i> К ВОПРОСУ О НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ	346
<i>Короткина Е.Д.</i> ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕНСИОНЕРОВ С РАЗНЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ СТАТУСОМ.	349
<i>Кузьмина В.М.</i> К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	351
<i>Купченко В.Е.</i> ТИПЫ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ ЛИНОСТЕЙ С РАЗЛИЧНЫМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ СТАТУСОМ	354
<i>Мельник О.А.</i> ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ АВСЕНЬЕВА ПЕТРА СЕМЕНОВИЧА	357
<i>Сараева Н.М., Суханов А.А.</i> ПОКАЗАТЕЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНЕ С ОСЛОЖНЕННЫМИ УСЛОВИЯМИ ЖИЗНЕННОЙ СРЕДЫ КАК ОСНОВА ОЦЕНКИ ПОПУЛЯЦИОННЫХ ПСИХИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ	360
<i>Седов В.П.</i> ПРОБЛЕМА СМЫСЛА СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА: РАСКОЛ СОЗНАНИЯ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ БЫТИЕМ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НА ПРОИЗВОДСТВЕ	363

<i>Флоровский С.Ю.</i> К ПРОБЛЕМЕ ЛИЧНОСТНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ РОЛЕВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В КОМАНДНОЙ РАБОТЕ	366
<i>Хабibuлина В.М.</i> МЕДИК КУРЯЩИЙ - СУБКУЛЬТУРНЫЕ/ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ И ВОЗМОЖНОСТЬ ВЛИЯНИЯ НА ЗДОРОВЬЕ СБЕРЕГАЮЩУЮ МОТИВАЦИЮ ОБЩЕСТВА	369
<i>Циринг Д.А.</i> САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ ПРЕДИКТОРОВ УСПЕШНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	371
<i>Чораян О.Г, Чораян И.О.</i> ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ АДАПТАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	374
<i>Щербина Л.Ф.</i> РАЗВИТИЕ МЫШЛЕНИЯ: СУЩНОСТЬ И УСЛОВИЯ	376

РАЗДЕЛ 6. МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО- И СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

<i>Волгач Г.А.</i> АНАЛИЗ ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГРУППАХ С РАЗЛИЧНЫМИ ФОРМАЛЬНЫМИ ПАРАМЕТРАМИ	380
<i>Волкова Ю.В.</i> КОРПОРАТИВНОЕ ВОЛОНТЕРСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН	382
<i>Гурьева Л.П.</i> ПОЗИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	385
<i>Зеленцова Н.Н.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ НЕДИРЕКТИВНЫХ ВОЗДЕЙСТВИЙ НА ТИПИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖЕНЩИН В ПРЕНАТАЛЬНЫЙ ПЕРИОД.	387
<i>Косов А.В.</i> СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И МИФОСОЗНАНИЕ	390
<i>Нагибина Н.Л.</i> ПСИКОСМОЛОГИЯ КАК МОДЕЛЬ ПСИХИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ	393
<i>Николаева И.А.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ЦЕННОСТНОГО ОЦЕНИВАНИЯ	395
<i>Никольская А.В.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДА И ВЛАСТИ	397
<i>Орехов А.Н.</i> САМООБУЧАЮЩАЯСЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ СИСТЕМА НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ ПСИХИКИ.	400
<i>Прасолова Е.М.</i> ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ	406
<i>Сутужко В.В.</i> МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕКА	409

ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 11-06-00285а).

В настоящее время довольно динамично развиваются методологические и теоретические основания исследований психологии человека, малых и больших социальных групп и общества в целом (Василюк, 2003; Кольцова, 2007; Корнилова, 2006; Корнилова, Смирнов, 2006; Семенов, 2007; Юревич, 2005, 2010 и др.). По мнению многих современных авторов, выполняемые в последние годы исследования человека отражают специфику экономической и социальной жизни современного общества. Представляется вполне закономерным, что они также должны вписываться в *основные тенденции развития* современной психологической науки в целом.

В ряду таких тенденций необходимо выделить следующие:

1. *Акцент в исследованиях на самодетерминации и миропреобразовательной активности субъекта.* В ряду современных научных разработок отражающих данную тенденцию развития психологической науки особо необходимо отметить *теории самоопределения*, основы которых заложены в работах Ж.П. Сартра, С.Л. Рубинштейна, К.А. Абульхановой и *самодетерминации субъекта* – в работах Р.М. Райана, Э.Л. Деси и др. Под *самоопределением* нами понимается поиск субъектом своего способа жизнедеятельности в мире на основе воспринимаемых, принимаемых или формируемых (создаваемых) им во временной перспективе базовых отношений к миру, человеческому сообществу и самому себе, а также собственной системы жизненных смыслов и принципов, ценностей и идеалов, возможностей и ожиданий (Журавлев, Купрейченко, 2007). В концепции Р. Райана и Э. Деси самодетерминацией называется способность выбирать и иметь выбор. Данное понятие дает возможность учитывать как собственный внутренний выбор человека, так и объективно существующие внешние ограничения для свободы выбора. Самодетерминация включает в себя управление своей средой или своими действиями, направленными на результат, но также может включать в себя и отказ от контроля (Ryan, Deci, 2000). Э. Деси считает, что самодетерминация является не только способностью, но и потребностью человека (Deci, 1980).

Конкретные социально-психологические исследования последних лет позволили выявить особые *типы взаимодействия* личности и группы с интенсивно изменяющейся социальной средой, которые подтверждают значимую роль самодетерминации и самоопределения субъекта в регуляции его социальной активности. В качестве примеров можно привести сознательный отказ личности от адаптации к новым экономическим условиям, а также стремление изменить окружающую среду в соответствии со своими социальными представлениями, жизненными принципами и ценностями. Такой тип взаимодействия возникает в результате «миротворческой», «миросозидательной», или «миротворческой» активности субъекта. Кроме того, у представителей некоторых социальных групп, например «аутадаптантов», выявлено отсутствие потребности в адаптации, поскольку происходящие в обществе изменения не затрагивают ни основную сферу их жизнедеятельности, ни основные их жизненные смыслы, ценности, идеалы и т.п. Нередко отмечается также временный и противоречивый характер адаптации, например «вынужденное предпринимательство» и многие другие феномены.

2. *Акцент на духовных и нравственных, а также другие позитивных явлениях (процессах, состояниях и свойствах) как основаниях жизнедеятельности.* В этой связи особо актуальными являются исследования нравственных ценностей и других духовных детерминант экономического поведения разных субъектов. Исследования, выполненные в лабораториях психологии личности, социальной и экономической психологии ИП РАН, а также в других научных центрах позволяют считать нравственные характеристики основополагающими факторами социального поведения человека (Воловикова, 2004; Журавлев, Купрейченко, 2003; Купрейченко, 2011; Попов, Голубева, Устин, 2008; Психологические исследования духовно-нравственных проблем, 2011; Психология

нравственности, 2010; Попов, 2007; Проблемы нравственной и этической психологии в современной России, 2011 и др.).

Подобные тенденции обусловили и бурное развитие в последнее десятилетие такой отрасли как позитивная психология, основоположниками которой выступили М. Селигман и М. Чиксентмихайи. Центром изучения позитивной психологии и объектом наиболее многочисленных исследований выступают положительные эмоции, чувства и сложнейшие состояния счастья, удовлетворенности, потока, оптимизма, надежды и др. (Леонтьев).

3. *Разработка психосоциальной проблемы.* К важнейшим изменениям общественной, главным образом социально-экономической, жизни России за последние примерно два десятилетия следует отнести смену общественной формации, состоявшую за сравнительно небольшой исторический период времени и включавшую, естественно, радикальное изменение системы социально-экономических отношений. Этот период ознаменовался появлением различных, в т.ч. комбинированных (смешанных) форм собственности, снижением роли государственного регулирования экономики, резким изменением ее структуры, формированием новых социально-экономических групп, отменой обязательной занятости, снижением социальных гарантий для многих категорий работников, появлением безработицы, заметным недоиспользованием трудового потенциала и др. (Демин, 2004; Заславская, 2002; Позняков, 2000; Хашченко, 2012 и др.).

В качестве наиболее общей тенденции можно также отметить, что российское общество постепенно утрачивает свою яркую специфику и обретает черты западных обществ, описанные в свое время Э. Фроммом. Отправной точкой его рассуждений служит утверждение о *взаимозависимости* между структурой социального характера, обязательно включающего социальную психологию, т.н. «среднего» индивида и социоэкономической структурой общества. Общество, принципами которого являются нажива, прибыль и владение собственностью, порождает социальный характер, ориентированный на *обладание* (Э. Фромм, 2008, с.168).

Таким образом, радикальные изменения в общественной жизни в настоящее время определяют особую остроту психосоциальной проблемы, которая тесно связана, в т.ч. с более частной и конкретной проблемой взаимодействия субъекта и его непосредственного социального окружения.

4. *Анализ взаимодействия индивидуального и группового субъекта и социального окружения.* В качестве актуальной тенденции, приводящей к парадигмальным изменениям в современных исследованиях, можно выделить необходимость анализа жизнедеятельности, бытия человека как системы феноменов, включающей важные события не только его частной жизни, но и жизни значимых для него людей, социальных групп, в том числе больших. Именно социальные потребности и интересы, качество и образ жизни и т.п. отдельных людей и их сообществ, окружающих субъекта, могут в высокой степени определять его жизненные цели, ценности и идеалы, ожидания и опасения, намерения и стремления, степень удовлетворенности жизнью и т.д. Следовательно, понять психологию современного человека можно лишь при условии специального изучения постоянно расширяющихся социальных границ его взаимодействия с окружающим миром.

Многие наиболее значимые теоретические направления социальной психологии в той или иной степени затрагивают проблему роли, которую играют в жизни личности значимое социальное окружение, а также проблему формирования этого окружения. Близкими по проблематике к ним являются современные исследования *социального капитала*, основы изучения которого заложены Д. Колмэном, Р. Патнэмом и др. В настоящее время они активно привлекают внимание и отечественных исследователей (Нестик, 2009а, 2009б; Татарко, Лебедева 2009; Татарко, 2010; Шихирев, 2003; Штейнберг, 1999). В ряде исследований показано, что общества, характеризующиеся высоким социальным капиталом, являются более прогрессивными в экономическом плане, в таких обществах более благоприятный климат для развития малого бизнеса, высокий субъективный уровень счастья и удовлетворенности жизнью у населения (Helliwell, Putnam, 1995; Svendsen, 2010).

В контексте исследования влияния *значимого окружения* на жизнедеятельность субъекта важными феноменами выступают также лидерство, референтность, авторитетность, уважение. Исследования этих феноменов особо важны, наряду с целым рядом других: доверием и недоверием (Купрейченко, 2008), социальной и психологической дистанцией и близостью и т.д. (И. Богардус, Г. Зиммель, А. Моль, П. Сорокин, Р. Парк, Б.Ф. Поршнев, Э. Эриксон и др.).

Исследования *ролевых и организационных конфликтов* также отвечают требованиям учета влияния социального окружения на жизнедеятельность субъекта. В целом, важной особенностью,

которую отмечают многие исследователи, является то, что между личностью и окружающими людьми зачастую одновременно *имеют место и межгрупповые (социально-ролевые) и межличностные (психологические) отношения*. Такая двойственность нередко приводит к межличностным и внутриличностным конфликтам, возникающим не только между социальными группами или внутри их, в частности, в организации, в семье и т.д. В качестве характерного для нашего времени примера столкновения, как интересов различных групп, так и межличностных отношений, можно привести *отношение к мигрантам и особенно - иммигрантам*. Наиболее острой эта проблема является для органов социальной защиты и правоохранительных органов

5. *Учет динамичности психологических явлений, временной перспективы в жизни субъекта*. Все более насущно необходимым оценивается имеющий давние традиции в хорошо известных теоретических работах Б.Г. Ананьева, С.Л. Рубинштейна, К.А. Абульхановой, Л.И. Анцыферовой и других специалистов подход к исследованию *жизнедеятельности человека во временной перспективе*, т.е. в единстве прошлого, настоящего и будущего. Данный подход предполагает учет *целостности жизненного пути* субъекта т.е. относительной устойчивости, преемственности и закономерной изменчивости его жизненных принципов и смыслов, ценностей и идеалов, норм и т.д. на различных стадиях жизни. Эта тенденция делает особо актуальными исследования *динамики* разных психологических феноменов индивидуального и группового субъекта (личности, социальных, в частности, социально-экономических, групп, организаций и т.д.), особенно на протяжении длительного времени и на различных этапах их функционирования и развития.

6. *Учет многоплановости и многогранности бытия*. Человек должен рассматриваться во всей сложности и многообразии его отношений с миром, а это предполагает *изучение взаимодействия* разных сфер жизнедеятельности, в которых он выполняет различные роли, функции и имеет соответствующие им ценности и цели, ожидания и опасения и т.д. Многоплановость и многогранность бытия определяют противоречивость и амбивалентность многих психологических процессов и состояний, отношений и чувств человека. Интерес к жизнедеятельности личности и группы в условиях подобной «внутренней» нестабильности особенно усиливается в переходные, динамичные периоды жизни общества.

Многоплановость и многогранность бытия обуславливает появление в научном дискурсе таких специфических феноменов как многомирие. *Множественность* миров уже давно привлекает внимание исследователей. Для их изучения предлагаются и специальные термины, например, «эвереттика», под которой понимается область духовной деятельности, направленной на осознание и описание *многомирия* как фундаментальной характеристики бытия (Лебедев, 2006). В ряде случаев возможно появление в психологии субъекта таких специфических феноменов, как «параллельные миры», «множественная реальность», «двойная жизнь» и т.д. Чрезвычайно интересные данные о специфических феноменах множественной реальности и ирреальности социально-психологического пространства накоплены в области клинической психологии.

7. *Возрастающая сложность и интегративность изучаемых феноменов*. Возрастает число исследований (что особенно важно – конкретных эмпирических), посвященных *сложным, целостным, интегративным психологическим феноменам*. К их числу относятся, например, культура и менталитет, психологическое пространство и время, экономическое, нравственное и т.д. сознание и самосознание также как и отдельные их составляющие - самоопределение, субъективное благополучие и т.д. Их анализ позволит выявить общие и частные закономерности формирования, функционирования и развития различных социально- и экономико-психологических феноменов (Журавлев, Купрейченко, 2012).

В заключение отметим, что перечисленным, уже проявившимся, а также некоторым недостаточно выраженным современным тенденциям в исследовании человека сегодня в полной мере отвечает большинство современных работ. Не случайно в концептуальных моделях и программах эмпирических исследований многих авторов можно отметить рост внимания к ценностно-смысловым и духовно-нравственным компонентам личности и группы, усиление роли их субъектных свойств (самостоятельности, активности, ответственности, произвольной регуляции и саморегуляции, рефлексивности и т.д.), а также возрастание значимости самодетерминации социального и экономического поведения по сравнению со значимостью влияний окружающей среды и др.

Литература

1. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ; Смысл, 2003. 240 с.
2. Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
3. Демин А.Н. Личность в кризисе занятости: стратегии и механизмы преодоления кризиса. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004. 315 с.
4. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. 436с.
5. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Социально-психологическое пространство личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 496 с.
6. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. 480 с.
7. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М., 2002.
8. Леонтьев Д.А. Психология - наука о нарушениях? // http://pp.smysl.ru/history/leontiev_article.htm#more
9. Кольцова В.А. Актуальные проблемы методологии современной отечественной психологической науки // Психологический журнал. 2007. №2. С.5-18.
10. Корнилова Т.В. К проблеме полипарадигмальности психологических объяснений (или о роли редукционизма и пристрастиях в методологии психологии) // Психологический журнал. 2006. №5. С.92-100.
11. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. СПб., 2006.
12. Купрейченко А.Б. Нравственно-психологические факторы экономического самоопределения: Монография. Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing. 2011. 412с.
13. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 571с.
14. Нестик Т.А. Социальные сети // Инновационное развитие: Экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / Под ред. Б.З. Мильнера. М.: ИНФРА-М, 2009а. С. 365–386.
15. Нестик Т.А. Социальный капитал организации: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2009б. Т. 30. № 1. С. 52–63; № 2. С. 29–42.
16. Семенов В.Е. Современные методологические проблемы в российской социальной психологии // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 38–45.
17. Татарко А.Н. Социальный капитал и экономические представления русских и китайцев: различия и взаимосвязь // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 1. С. 138–148.
18. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Социальный капитал: теория и психологические исследования: Монография. М.: РУДН, 2009.
19. Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. Ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
20. Психология нравственности / Отв. Ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
21. Позняков В.П. Психологические отношения субъектов экономической деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. 220 с.
22. Попов Л.М., Голубева О.Ю., Устин П.Н. Добро и зло в этической психологии личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
23. Проблемы нравственной и этической психологии в современной России / Отв. Ред. М.И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
24. Хащенко В.А. Психология экономического благополучия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 432 с.
25. Фромм Э. «Иметь» или «быть». М.: АСТ МОСКВА, 2008. 314 с.
26. Шихирев П.Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход / Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 17-32.

27. Штейнберг И. Русское чудо: локальные и семейные сети взаимоподдержки и их трансформация // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999.
28. Юревич А.В. Методология и социология психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
29. Юревич А.В. Психология и методология. М., 2005.
30. Deci E.L. The psychology of self-determination. Toronto: Lexington books, 1980.
31. Helliwell J., Putnam R. Economic growth and social capital in Italy // Eastern Economic journal. 1995. V. 221. P. 295-307.
32. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development and well-being // American psychologist. 2000. V. 55. №1. P. 68-78.
33. Svendsen G. (Ed.). Handbook of social capital. The Troika of Sociology, Political Science and Economics. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2010.

РАЗДЕЛ 1.

ЭКОНОМИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Chen X.
Fudan University, P.R. China

THE MENTAL MODEL AND SOCIAL INTEGRATION OF FLOATING POPULATION

Abstract: *The mental models of floating population root in the profound systemic background, from the sense of indignation of individuals when themselves or their group get the unfair results. In order to better adapt to the life of inflowing area, floating population needs for personal cultural and value experiences, even the process of remodeling character. Therefore, relevant policies and provisions should be given to the floating population on the right of free movement and employment, that they can enjoy the same treatment as locals.*

Over the past 30 years, China's industrialization advanced rapidly in the reform and opening up, and this was accompanied by a significant increase in floating population. Take migration of rural workers as an example only: according to a released data by National Bureau of Statistics, in 2006, practitioners going out of rural areas were nearly 132 million people, and 51% of these were the inter-provincial movement. This was an huge historical progress compared to the planned economy condition that workers lost the right to free movement and choice. However, it is so difficult for the floating population to integrate into the local life and employment in the existing formal and informal system.

The floating population in China includes not only foreigners, Hong Kong, Macao and Taiwan staff, graduates, the introduction of talent, immigration, floating residents with buying a house, but also migrant workers, floating staffs stayed because of working reasons (there is no intention to long-term residence), the short-term tourism, travel and other floating personnel. The floating population in this article refers to is to leave the seat of household registration certificate in a certain period, and temporary live in an administrative region. Floating population tend to make a living or profit for the purpose of the initiative to leave the seat of household registration certificate, across the scope of a certain area, and live in different places., They engage in economic and business activities in the socio-economic sectors, and their places of residence change constantly. The report covers the case from the author's interview on the local population and the floating population, as well as 4-6 copies of investigation on a number of enterprises in Shanghai in 2007. Firstly, the paper will report the characteristics and mental models of the floating population based on the data of the sample survey; secondly reveal reasons for the change of mental models from the socio-economic and political factors; And finally, give the countermeasures and proposal to improve the mental model of the floating population.

The Characteristics and Mental Models of Floating Population

1. Cognition on the Personal Life and Status of Social Environment.

The floating population is generally satisfied with the overall living conditions. In the investigated floating population, 88.9% of the respondents believed that their living standard is improved, 4.4 % of the respondents think decline, there are still 6.7% of people think that has not changed. For the question of life satisfaction, the answer of "very satisfied", "satisfactory", "a hard nut to crack," "not satisfied" are respectively with the proportion of 4.4%, 66.7%, 20%, 8.9%. it can be said that the majority of local people are quite satisfactory at the present life. When are asked by the question of "which level belong to among white-collar, gray-collar and blue-collar", 28.9% of people think they are white-collar workers, 8.9% of the people think they are blue-collar workers, 20% of people think they are gray-collar workers, 42.2% have not said yes. In the choice of the most important part in life, high to low respectively were 55.6 percent, the family, the work of 24.4%, 20% of amateur life. In the assessment of mental status, 13.3% of the people consider themselves very happy, 68.9% of people think well-being, the "hard nut to crack" accounts for 15.6 percent, and 2.2% feel that it is not even well-being. On this point, it is the same conclusion as the

assessment on the life satisfaction. 64.4% of people expressed they are full of energy, 75.6 percent had “not often feel fear and anxiety”, and 84.4% had no excited and nervous condition, some 35.6 percent of the respondents said “emotions are often high”, 51.1 % of the people chose the “hard nut to crack.”

Common Satisfaction of the revenue. Floating population in general was not satisfying with income: “There is no rest days to go out to buy things, then we must go at night.” “which is not satisfied is spending too much and hard to earn money also”. Different with the floating population, when asked for local people’s satisfaction with the current work, 47.4% of people chose a satisfactory, 2% of the people chose dissatisfactory, 44.7% of people chose common, and 5.3% of people said that hard nut to crack.

2. Emotional Experience to Local People

Floating population had a quite different complexity of emotional experience to the local groups, which embodied in a strong sense of the conflict. Those people who excluded by others and lack of a positive relationship often show lonely, jealousy, depression, anxiety. “Shanghai people always look down on outsiders, and they keep us under control, we have to tolerant sometimes.” Some interviews with the target language full of hatred towards the local people: “The worst is the more than 30-year-old wealthy women, who act like a snob, look down on outsiders and abuse offensively.”

Sense of superiority and self-confidence. Floating population who had a certain cultural standards and working ability were full of their own sense of superiority and self-confidence. “I do not feel I am a lot different with them, I come into contact with the majority of the same age, I do not have geographical concept. I know there is a significant gap for some local people, especially elders, so I am not glad to know those people... In my view, there is no need to distinguish between locals and outsiders in particular; I live in the city, so it is normal to affiliate with the locals. We are vague the concept of geographical.”

Emotional numbness. On the one hand, when came into a new place, the mental models of floating population would be influenced by local culture a lot, and constantly changed, evolved. On the other hand, the floating people might not feel the existence of mental models in dealing with local people. A number of floating population reacted non-sensitive and emotional numbness in the social exclusion of local people. “There is no difference between locals and outsiders, and only the rich and the poor’s difference”. When asked whether local people and outsiders have a lot of differences, 37.8% of the local people think there is different, in terms of 35.6 percent of people do not think there is different, and 26.7 percent of people think that a hard nut to crack. On the aspect of close relation, only 20% of locals think that they closely related to each other, and 66.7% of people think that the relation between locals and outsiders is just common.

A strong sense of inequity. “ floating population come to Shanghai to do those dirty and bitter works that local people do not want to engage in , they get minimum wage, do not have the social health insurance at least, but often been accused of the origin of a large number of social problems, they can not live with dignity. This is unfair. Others who engage in a decent work and contribute a lot to Shanghai’s development, but been accused of robbing local people’s jobs in Shanghai. The reality is that many local people in Shanghai with a low social welfare even do not look for a job.” “We can not put all the blame into the non-native population for rising the social problems, which there are many other reasons.”

3. Enthusiasm for Learning and Using Dialect

Floating population will have the resistance in the process of accepting a new language because of cultural differences, thereby impeding effective language learning. A Case Study of Shanghai: here are a number of people from different countries who each have their own dialects that are very conspicuous differences. For the reason of past educational and grown environment, many of them cannot even speak Mandarin. However, a Shanghai native always communicate with each other by shanghai dialect, and they do not have the habit of speaking Mandarin. Thus, most of the floating population is extremely disgusted with the mainstream culture imposed on them, including the control of language.

4. Expectations for Social Security

On the aspect of social welfare, a part of floating crowd is the subject of social security, but it cannot be denied that there are some people cannot be included in social security because they cannot meet the qualification. Some because they do not know the relevant information, some worry about the cost of application, and some are not aware of the importance of security, a small minority of people even feel a sense of stigma, so they excluded from certain welfare system for this feeling of “losing face”.

Expectations for lacking stability of social security. “Local is local, the local government always takes care of local people. Regardless of where we work, welfare and benefits are few. Therefore, we do not

often think about these things.” However, different with floating population, 80% of local population have received help from other people or organizations in employment.

Most wanted is housing security. “Housing, people need a place to take activities, housing is the foundation, if there is no housing, and the other is out of the question.” Different with floating population, on the aspect of housing, the local people always buy their own house, and 62.2% of the local people have received the help from other person or institution.

Requirements to receive education and training. There is a distinctive feature of floating population in the state of education, that is, or above graduate degree, or below high school. Different with the floating population, for the investigated local population, a university degree or above (including college) accounted for 60%, a high school diploma (including technical secondary school) was about 24%, secondary education was about 11%, primary and below was about 5%. Removing the impact of the ratio of the sample in all ages, we can found local people’s level of education is relatively high. Therefore, in order to have enough to live comfortably in life, a general demand for the floating population is to access to higher education and life-long education.

The Reasons for Floating Population’s Difficulties in Social Integration

The important factors for deviant mental models of floating population include unfair social policy, irrational social structure, as well as abnormal ideas and values.

First of all, one reason for floating population’s difficulties in social integration is the urban-rural residence segregation, inside and outside stated-owned system isolation, as well as the local administrative area isolation. in according to the difficulty degrees of social integration, the floating population can be divided into different types. The first is policy-based mobile population, such as educated youth and their children who enter the inflowing area by implementation of government policy or planning, as well as overall Three Gorges migration because of government’s requirement for construction of the Three Gorges Reservoir. The policy-oriented floating population began with the support of government, did not have much relevance with personal capacity, property and so on. Thus, the resistance in flow was small, so the opinions for the inflowing area are more positive. The second is talent-based personnel such as the highly skilled talents, study-abroad and returned students who enter the inflowing area by virtue of their own efforts and excellent capabilities, so this kind of influx of population can take the household registration certificate soon , they are self-confidence and optimism, intend to long-term stay. The third type is career-oriented floating population, such as person with foreign nationality, Hong Kong, Macao and Taiwan staff as well as all foreign population worked in the inflowing area. Although they work in the inflowing area, own the house, they have no intention of permanent residence. They do not value household registration certificate, medical care, and other general social security projects, but take more attention to the law and order, finance, transport, other public services and social “soft environment” of inflowing area. The fourth category is floating population aimed to make a living, they are mainly migrant workers, and most of them are from rural areas with only a little education. In order to change their situation, they carry out the flow, and in order to make a living, they engage in informal work in hard environment such as construction, service industries. Generally, it is difficult for them to obtain the household registration certificate, and it is often hard for them to have long-term stay plans because they always change work, suffer social exclusion and do not have own house. Therefore, for the floating population, their mental models are deeply marked with the imprint of the environment.

Moreover, local people’s social exclusion for floating population is an important cause. The local population in the survey, 86.7 percent of people think that people from outside Shanghai are difference with local, the local feel that they are “out of date” especially in dress, style and quality. In some extent, it shows the sense of superiority of Shanghai local people; 88.9% of the local people think outsiders as the “supporting role” of the city, and they are the “leading role”; 71.1 percent of the local people think that the social status of floating population is “lower” or “very low.” Especially in the investigation of the local people, when we asked, “ do you agree that many social problems are caused by the floating population”, 60% of the people gave a clear answer “yes”, they think floating population caused many issues such as social security, sanitation, public transport, employment pressure and many others. When asked about whether it is willing to make friends with floating population, it is a considerable number of Shanghai people to answer “do not want to.” It is the discrimination and exclusion of the local people in all the time to remind and to stimulate the negative awareness of floating population, but also because of the recognition and acceptance of local people, the floating population become more optimistic and self-confidence.

The Reconstruction of Self-identity for Floating Population

One of the most basic and common needs for floating population is the desire to belong to a social group, be accepted by the community groups and make a positive, stable, long-lasting social relationships with others. The formation of a sense of belonging for floating population, is the process of giving up past customs and way of life, adjusting behavior to meet the living standards and value, and the process of acclimation, integration, adaptation.

1. Expansion of the Fairness of Social Security and the Elimination of Social Competition

Currently, it ought to speed up the construction of unitive national population registration system, improve the residence permit system of the floating population and eliminate the barriers of the free movement of labor force among urban and rural areas, the various types of ownership of enterprises, inter-regional, inter-departmental. So that the floating population will no longer suffer the negative impact including the unemployment, low-skill, low-income, relatively poor living conditions, crime, poor health, family difficulties, limit access to social services, as well as living in remote areas (such as geographical remoteness, sparse population, isolation, or the high cost of living).

2. Promotion for the Changes on Mind-set of Floating Groups and Local Groups.

Government should change the direction of “management and punishment” to “equality, respect and service”, and guide the floating population, employment enterprise and community to improve mental models continually, including the elimination of the local population’s bias to floating population, avoiding cultural centrism and contributing to the change on their long-standing mind-set.

The orderly flow of population and a reasonable distribution are the both reasons of regional economic and social development; it also will greatly affect the region’s economic and social development. Therefore, it is one of the important tasks in the design of social policy to make the floating population and local population learn to open hearts, accommodate each other’s ideas and learn to “communication” to achieve “win-win” or even “all-win”.

References

1. Zhu Ling, Research Report Working Hours and the Occupational Health of Rural Migrant Workers, Social Sciences in China January, 2009(1),133-149.
2. Twenge J.M. et al. Social exclusion decreases prosocial behavior. Journal of Personality and Social Psychology, 2007, 92(1): 56-66.

Wüstner K.,

Berlin School of Economics and Law, Berlin, Deutschland

DAS INDIVIDUUM IN DER MODERNEN ARBEITSWELT: LEISTUNGSORIENTIERUNG, PERFEKTIONISMUS UND ARBEITSSUCHT

Die moderne Gesellschaft hat eine Arbeitswelt hervorgebracht, in der sich dem Individuum auf der einen Seite vielfältige Entwicklungsmöglichkeiten bieten, während es auf der anderen Seite die Risiken der Individualisierung und Pluarisierung der Lebens- und Arbeitsformen weitgehend selbst zu tragen hat. Gefordert sind fachliche, persönliche, soziale, methodische sowie Meta-Kompetenzen, um die erforderliche Flexibilität zu entwickeln und zu leben, die es ermöglicht, sich in einer Welt zurecht zu finden und zu bewähren, die einem raschen Wandel unterzogen ist (Sennett, 2000, Beck, 1999). Schließlich wird das Individuum selbst verantwortlich gemacht für die Erhaltung seiner Beschäftigungsfähigkeit. Mobilität, Flexibilität und lebenslanges Lernen sind dabei Faktoren, die die Employability fördern sollen.

Individuen antworten auf diese Herausforderungen unter anderem mit einer ausgeprägten Leistungsorientierung, einer perfektionistischen Arbeitseinstellung und im Extremfall mit Arbeitssucht. Dies gilt nicht nur für Selbstständige und Arbeitnehmer in der Privatwirtschaft, sondern auch für Beschäftigte im öffentlichen Dienst. Im Folgenden sollen beispielhaft eben diese Facetten herausgegriffen und näher beleuchtet werden, die ausgewählte Einstellungs- und Verhaltensformen von Individuen in modernen Lebens- und Arbeitswelten abbilden.

Leistungsorientierung als Ausdruck einer bestimmten Arbeitseinstellung

Jahoda (1983) hat vor etlichen Jahren Funktionen von Arbeit beschrieben, die bis heute in mehr oder minder ausgeprägter Form Bestand haben: Erwerbsarbeit bietet eine regelmäßige Tätigkeit, soziale Kontakte, sozial vermitteltes Zeiterleben, Status und stabilisiert persönliche Identität. Wenn diese allgemein beschriebenen Funktionen für Menschen bedeutsam werden, dann sprechen sie bestimmte Motive an, die Individuen mit Blick auf Arbeit haben.

Die Einstellungen eines Individuums zu seiner Arbeit können grundlegend durch drei Einflussgrößen geprägt sein: kognitive, affektive und behaviorale (Aronson et al., 2006). Mit Blick auf Leistungsorientierung können Wissen und Überzeugungen dazu beitragen, dass ein Individuum ein überdurchschnittliches Leistungsniveau anstrebt. Aber auch emotionale Faktoren können von Bedeutung sein, etwa der Wunsch nach Anerkennung, Prestige, Status, Macht und Dominanz, oder die Angst vor Misserfolg oder gar Verlust der Arbeit. So hat die erlebte Unsicherheit – dies kann meinen allgemeine gesellschaftliche Arbeitsplatzunsicherheit, allgemeine betriebliche Arbeitsplatzunsicherheit, akute individuelle Unsicherheit oder Antizipation des Arbeitsplatzverlustes – erheblich an Bedeutung gewonnen und ist mit psychischen und körperlichen Beeinträchtigungen verbunden (Mohr, 1997, Haupt 2010). Zuletzt kann die Erfahrung, dass nur mit überdurchschnittlichem Arbeitseinsatz das zu erreichen ist, was eine Person anstrebt, die Einstellung zur Arbeit geprägt haben.

Wurde vor einigen Jahren noch eine Dominanz an hedonistischen Werten angenommen (Klages, 1984), weisen neuere Studien nach, dass wieder traditionelle Arbeitswerte an Bedeutung gewonnen haben (Bubeck & Bubeck, 2001). Auch die schon etwas älteren Daten der Weltwertestudie zeigen, wie stark konventionelle Ansprüche an die Arbeit (Einkommen und Sicherheit) 1995 waren und dass dieser Wert seit 1981 angestiegen ist. Demgegenüber sind hedonistische Werte (hier: Freizeitmaximierung) kaum von Bedeutung zu zudem rückläufig (Schneider, o. J.). Ein Trend scheint jedoch eindeutig zu sein: eindeutige Wertemuster gibt es nicht mehr, vielmehr kristallisieren sich in etlichen Studien Mischtypen heraus. Nach der Shell Jugendstudie (2010) sagen die meisten Befragten, sie seien äußerst leistungsorientiert (83% finden es wichtig, „fleißig und ehrgeizig“ zu sein), zugleich hat ein hoher Lebensstandard für sie eine fast genauso große Anziehungskraft.

Wie nehmen nun Arbeitnehmer die Erwartungen wahr, denen sie sich ausgesetzt sehen und welche Erwartungen haben sie selbst an ihre Arbeit?

Beispielhaft sollen an dieser Stelle zur Illustration Ergebnisse aus zwei Mitarbeiterbefragungen im öffentlichen Dienst herangezogen werden. Es handelt sich jeweils um Ergebnisse aus Vollerhebungen aus Stadtverwaltungen (Studie 1, n = 2.395 (Rücklaufquote 46%), erhoben 2004, und Studie 2, n = 252, (Rücklaufquote 49%), erhoben 2005). Die Ergebnisse sind auch insofern von Interesse, als Mitarbeitern im öffentlichen Dienst in der Literatur u.a. wegen des sicheren Beschäftigungsverhältnisses nicht selten eine starke Leistungsorientierung abgesprochen wird (zur Kritik am öffentlichen Dienst siehe z.B. Budäus, 1995).

Zunächst soll der Blick darauf gerichtet werden, welche Erwartungen die Befragten an sich gerichtet sehen:

In der Studie 1 geben 2/3 an, von ihnen werde uneingeschränkte Flexibilität erwartet. Drei Viertel sagen aus, ihr Arbeitgeber fordere von ihnen Selbstmanagement und 90% nehmen wahr, von ihnen werde volles Engagement verlangt. In Studie 2 liegen vergleichbare Tendenzen vor, jedoch sind alle Werte sogar noch höher, d.h. die Befragten nehmen noch höhere Erwartungen wahr.

Beide Studien bestätigen, dass Mitarbeiter sich einem großen Erwartungsdruck ausgesetzt sehen. Dies gilt, obwohl etwa 2/3 einen unbefristeten Vertrag und im öffentlichen Dienst einen relativ guten Kündigungsschutz haben.

Welche Einstellungen zur Arbeit haben die Befragten?

In beiden Befragungen sagen ca. 5% über sich selbst aus, eine minimalistische Arbeitseinstellung zu haben („Ich mache nicht mehr als nötig.“). Zirka 10% gehen Problemen am liebsten aus dem Weg. Demgegenüber versuchen 90%, ihre „Arbeit so perfekt wie möglich zu machen“ und ca. die Hälfte möchte „besser sein als die Kollegen“. Dies drückt ein konkurrenzorientiertes Leistungsdenken aus.

Fast 90% erklären, manchmal zur Arbeit zu gehen, auch wenn sie krank sind. Diese Zahlen sind sogar noch höher als bei bevölkerungsrepräsentativen Daten. Nach Schmidt und Schröder (2010) sind im Befragungsjahr 2008 71% krank zur Arbeit gegangen, knapp 30% gegen den expliziten Ratschlag ihres Arztes, und fast 9% haben trotz ärztlicher Verschreibung auf eine Kur verzichtet. Fast 13% haben zur

Genesung Urlaub genommen. Nach den Gründen für diesen Präsentismus gefragt, wird die Hauptursache schnell erkennbar: Es ist die Angst um den Arbeitsplatz, die 77% in die Arbeit treibt. Fast 22% berichten von Fällen, in denen Arbeitnehmer wegen Krankheit entlassen wurden.

Wenngleich in den oben beschriebenen Studien 1 und 2 die Effekte der sozialen Erwünschtheit oder die Tendenz der Selbstüberschätzung bei der Beurteilung der Statements eine Rolle gespielt haben können, kann doch auch von einem hohen Anspruch an die eigene Arbeit ausgegangen werden. Leistungsorientierung und Perfektionismus sind für die Befragten bedeutsame Momente.

Eine perfektionistische Arbeitseinstellung kann in entsprechendes Verhalten münden und im Falle eines hohen Leistungsniveaus von großem Vorteil für die Organisation, das Unternehmen sein. Allerdings hängt das Verhalten nicht nur von der Einstellung ab, sondern auch von weiteren Einflussgrößen (von Rosenstiel, 2000), so etwa von situativen Rahmenbedingungen, d.h. dem Personal muss z.B. ausreichendes und geeignetes Arbeitsmaterial zur Verfügung gestellt werden, oder vom sozialen Sollen und Dürfen, d.h. eine sehr leistungsorientierte Person braucht entsprechende soziale Unterstützung, denn sie kann beispielsweise in ihrem Verhalten durch Kollegen, die innerlich bereits gekündigt haben und nur Dienst nach Vorschrift machen, gebremst werden. Weiterhin spielen Fähigkeiten und Fertigkeiten, also das Können, eine Rolle, sowie andere Motive und Bedürfnisse. Die Problematik, die mit einer starken Leistungsorientierung und weiteren Motiven einhergeht, wird beispielsweise intensiv unter dem Schlagwort der Work-Life-Balance diskutiert (Michalk & Nieder, 2007).

Perfektionismus kann mit Vorteilen für das Individuum und seinen Arbeitgeber verbunden sein, aber auch mit Nachteilen. So ist dieser ein wesentlicher Motor, der zum Burnout-Prozess beiträgt (Freudenberger & Richelson, 1983, Burisch, 1999). Die Überzeugung, unersetzbar und unverzichtbar am Arbeitsplatz zu sein, kann zur Selbstausbeutung und zum oben bereits erwähnten Präsentismus führen – ein Individuum verleugnet vermeintlich hinderliche Bedürfnisse, wie Erholung, Schlaf, gesunde Ernährung, Sport – oder Zeit für das Genesen nach einer Krankheit. Eine besonders extreme Ausprägung dieser Entwicklung ist die Arbeitssucht.

Arbeitssucht

Arbeitssucht kann in manchen Merkmalen mit anderen, substanzgebundenen Süchten verglichen werden. Sie zeichnet sich aus durch einen Verfall „normalen“ Arbeitsverhaltens, Zwanghaftigkeit, Kontrollverlust, Tendenz zur Verleugnung, Unehrlichkeit, Selbstisolation, Rücksichtslosigkeit, Abstinenzunfähigkeit, Entzugserscheinungen, Toleranzentwicklung sowie durch psychosoziale Störungen (Poppelreuter & Gross, 2000 sowie Heide, 2010). Beispielhaft kann der Prozess der Arbeitssucht allgemein in eine Anfangs-, Hauptphase, kritisches Stadium und Endstadium eingeteilt werden (Heide, 2010). Inhaltlich können folgende Phasen durchlaufen werden (in Anlehnung an Bohmeyer, 2002, Heide, 2010 und Wüstner, 2006):

1. Phase: Wunsch nach Leistungserbringung, Gefühl der Leistungsfähigkeit
2. Phase: erste Erfolge, anerkennende Rückmeldungen des sozialen Umfelds, positive Emotionen
3. Phase: Verengung des Lebens auf Arbeit, aber bereits erste körperliche Beeinträchtigungen, u.a. Konzentrationsstörungen, Herz-Kreislauf-Beschwerden,
4. Phase: Hochgefühl wird seltener, aber nun umso intensiver angestrebt, Verdrängung, aggressives Sozialverhalten, Rückgang der Arbeitsleistung, substanzgebundene Süchte,
5. Phase: Soziales Miteinander ist erheblich gestört, Krankheiten, z.B. Herzinfarkte, Hörstürze, sowie Medikamentenabhängigkeit

Dieser beispielhafte Prozess unterstellt nicht, dass ein Individuum alle Phasen genau in dieser Reihenfolge mit jeweils allen genannten Facetten erleben muss. Er liefert lediglich ein Beispiel für einen möglichen Entwicklungsprozess, der die Gefahr der Selbstzerstörung birgt und sogar mit dem Tod enden kann. Für den Tod durch Überarbeiten gibt es in Japan einen Fachbegriff: das Karoshi-Syndrom.

Arbeitssucht hat als Krankheit noch keinen Niederschlag im ICD-10 oder DSM-IV gefunden (Bühler, 2002), und auch das Karoshi-Syndrom ist nur in Japan anerkannt. In der Arbeitswelt selbst kommt die Arbeitssucht jedoch vor und wird seit einigen Jahren auch beforscht. Poppelreuter (1997) nimmt beispielsweise an, 100.000 bis 200.000 Personen seien in Deutschland arbeitssüchtig. Dies kann nur eine vage Schätzung sein, denn v.a. diagnostische Probleme, aber auch fehlende Repräsentativdaten erlauben keine verallgemeinerbaren Aussagen.

Mit Blick auf präventive und kurative Maßnahmen kommt im Kontrast zu anderen Süchten das Problem hinzu, dass Arbeitssucht gesellschaftlich anerkannt, sogar eher honoriert wird und Organisationen

zumindest eine Zeit lang von arbeitssüchtigen Mitarbeitern profitieren. Dies sind jedoch nur kurzfristige Sichtweisen, denn erste Studien belegen, dass spätestens mittelfristig mit individuellen, organisationalen und gesellschaftlichen negativen Konsequenzen zu rechnen ist (Heide, 2010).

Dies macht deutlich, wie wichtig eine gesellschaftliche und wirtschaftliche Entwicklung ist, in der die Qualität von Arbeit für die Beschäftigten stets im Auge behalten, fortwährend überprüft und ggf. verbessert wird, damit der Fortschritt auch im humanistischen Sinne nachhaltig ist.

Literatur

1. Aronson, E., Wilson, T. & Akert, R. (2006): Sozialpsychologie. München: Pearson.
2. Beck, U. (1999): Schöne neue Arbeitswelt. Frankfurt/Main: Suhrkamp.
3. Bohmeyer, A. (2002): Arbeitssucht als soziale Pathologie der Erwerbsgesellschaft. Frankfurt/Main.
4. Bubeck, M. & Bubeck, P. (2001): Die Erwerbsarbeit – und was wir von ihr erwarten. In: Sozialwissenschaftliche Informationen, 30. Jg., H. 4, S. 72-77.
5. Budäus, D. (1995): Public Management: Konzepte und Verfahren zur Modernisierung öffentlicher Verwaltungen. Berlin: Edition Sigma.
6. Burisch, M. (1999): Das Burnout-Syndrom. Berlin: Springer.
7. Freudenberger H. & Richelson, G. (1983): Mit Erfolg leben. München: Heyne.
8. Haupt, C. M. (2010): Der Zusammenhang von Arbeitsplatzunsicherheit und Gesundheitsverhalten in einer bevölkerungsrepräsentativen epidemiologischen Studie. In: Badura, B. Schröder, H. & Klose, J. (Hrsg.) Fehlzeiten-Report 2009 - Arbeit und Psyche: Belastungen reduzieren – Wohlbefinden fördern. Heidelberg: Springer, S. 101-107.
9. Heide, (2010): Ursachen und Konsequenzen von Arbeitssucht. In: Badura, B. Schröder, H. & Klose, J. (Hrsg.) Fehlzeiten-Report 2009 - Arbeit und Psyche: Belastungen reduzieren – Wohlbefinden fördern. Heidelberg: Springer, S. 83-91.
10. Jahoda, M. (1983): Wie viel Arbeit braucht der Mensch? Arbeit und Arbeitslosigkeit im 20. Jahrhundert. Weinheim: Beltz.
11. Klages, H. (1984): Wertewandel in der Bundesrepublik Deutschland. In: Waigel, T. & Eisenmann, P. (Hrsg.): Wertewandel in Staat und Gesellschaft. Rosenheim. O. S.
12. Michalk, S. & Nieder, P. (2007): Erfolgsfaktor Work-Life-Balance. Weinheim: Wiley.
13. Mohr, G. (1997): Erwerbslosigkeit, Arbeitsplatzunsicherheit und psychische Befindlichkeit. Bern: Lang.
14. Poppelreuter S. (1997): Arbeitssucht. Weinheim: Beltz-Psychologie Verlags Union.
15. Poppelreuter S. & Gross, W. (2000): Nicht nur Drogen machen süchtig. Entstehung und Behandlung von stoffungebundenen Süchten. Weinheim: PVU-Verlag.
16. Schmidt, O. & Schröder, H. (2010): Präsentismus – Krank zur Arbeit aus Angst vor Arbeitsplatzverlust. In: Badura, B. Schröder, H. & Klose, J. (Hrsg.): Fehlzeiten-Report 2009 - Arbeit und Psyche: Belastungen reduzieren – Wohlbefinden fördern. Heidelberg: Springer, S. 93-100.
17. Schneider, C. (ohne Jahr): Veränderungen von Arbeits- und Umwelteinstellungen im internationalen Vergleich. WZB P00506.
18. Sennett, R. (2000): Der flexible Mensch: die Kultur des neuen Kapitalismus. München: Siedler.
19. Shell (2010): 16. Shell Jugendstudie.
20. von Rosenstiel, L. (2000): Grundlagen der Organisationspsychologie. Stuttgart: Schäffer-Poeschel.
21. Wüstner, K. (2006): Arbeitswelt und Organisation. Wiesbaden: Gabler.

*Азарёнок Н.В., Медведева А.М.,
БГПУ им. М. Танка, Минск*

ВОСПРИЯТИЕ ТОРГОВОЙ МАРКИ В СИСТЕМЕ ДЕТЕРМИНАНТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Особенности потребительского поведения и современные тенденции конкурентного рынка товаров обуславливают необходимость научного подхода к изучению воздействия образа торговой марки на целевую аудиторию. Отечественные компании, производящие товары, все больше внимания

обращают на то, что потребности клиента не ограничиваются функциональными свойствами, а имеют широкий личностный и социальный контекст, а эмоциональные мотивы покупки преобладают над рациональными. Ж.-Ж. Ламбен и другие исследователи считают, что человек, в первую очередь, покупает не товар с определенными физическими характеристиками, а нематериальные выгоды и ценности для себя (Котлер, 1995).

Торговая марка, представляя собой объективную характеристику товара, идентифицирует продукт и дифференцирует его от продуктов конкурентов. С точки зрения Е.П. Голубкова «торговая марка» – это вся совокупность представлений, идей, образов, ассоциаций о конкретном продукте и его окружении, которая сложилась у потребителей (Голубков, 1998). По мнению В.Н. Наумова, восприятие торговой марки характеризуется как «восприятие потребителем совокупности функциональных и эмоциональных характеристик как самого товара, так и всего того, что связано с его производством, распространением и потреблением» (Наумов, 2009; с. 149).

Восприятие торговой марки подчиняется основным психологическим законам:

- результатом всегда является образ, включающий в себя комплекс разнообразных ощущений, приписываемых сознанием предмету;
- восприятие характеризуется: апперцепцией, категориальностью, константностью, предметностью;
- является интеллектуальным процессом, связанным с активным поиском признаков, необходимых для формирования образа;
- индивидуальный процесс, на который влияют некоторые специфические качества личности: тип нервной системы, прошлый опыт, установки личности, ее потребности.

Наумов отмечает, что формирование восприятия марки складывается из трех последовательных процессов:

- первичное восприятие торговой марки (знание о назначении и характеристике товара);
- восприятие образа торговой марки;
- развитие восприятия в сторону формирования доверия и отношения к торговой марке (решение потребителя стать пользователем товара).

Образ торговой марки – это эмоционально окрашенный, социально-значимый объект, имеющий характер стереотипа, сложившийся в сознании потребителя, оказывающий психологическое влияние на потребительское поведение личности (Маркова, 2010).

Восприятие — значимый фактор формирования поведения покупателя при принятии решения и наиболее весомый аргумент для совершения им акта покупки. Знание того, как формируется восприятие товара, дает производителю возможность привлекать покупателей, формировать их лояльность, эффективно управлять потребительским поведением.

С точки зрения маркетингового подхода, потребительское поведение определяется как деятельность, направленная непосредственно на получение, потребление и распоряжение продуктами и услугами, включая процессы принятия решений, которые предшествуют этим действиям и следуют за ними (Котлер, 1995).

Особенность влияния характеристик покупателя на восприятие раздражителей, следствием чего является принятие покупателем решения, можно объяснить философско-психологическим принципом детерминизма. Принцип гласит об обусловленности психических процессов внешними и внутренними факторами. Под детерминантами поведения понимаются явления, действия которых вызывает, регулирует, трансформирует в новое качество поведенческий акт субъекта (Шамионов, 2002).

По мнению Ф. Котлера, к характеристикам покупателя, влияющим на его потребительское поведение, относятся внешние и внутренние факторы. В свою очередь внешние факторы подразделяются на факторы культурного и социального порядка, а внутренние факторы подразделяются на психологические и личностные (Котлер, 1995):

- факторы культурного порядка: культура (базовый набор ценностей, восприятий, предпочтений, манер и поступков, характерный для его семьи и основных институтов общества); субкультура (культура более мелких групп); социальное положение;
- факторы социального порядка: референтные группы; семья; роли и статусы;

- факторы личного порядка: возраст и этап жизненного цикла семьи; род занятий, экономическое положение; образ жизни; тип личности или представление о самом себе;

- факторы психологического порядка: мотивация; восприятие; усвоение; убеждение.

К внутренним факторам относятся процессы, посредством которых индивидуум реагирует на влияние групп, на изменение среды и маркетинговые усилия. Внутренние факторы относятся в основном к психологическим аспектам поведения, а внешние затрагивают преимущественно социальные аспекты поведения покупателя.

Р. Блэкуэлл и Ф. Котлер считают, что «принятие решения о покупке является центральным действием потребителя, когда он удовлетворяет свою потребность» (Блэкуэлл, 2010, с.114). В процессе принятия решения потребители обычно проходят семь главных стадий (Ф. Котлер): осознание потребности, поиск информации, оценка вариантов перед покупкой, покупка, потребление, оценка после потребления и освобождение от продукта. Модель процесса принятия решения потребителями представляет собой карту хода мыслей потребителей, с помощью которой продавцы и менеджеры могут разрабатывать стратегии создания продукта, коммуникации и сбыта. Умея читать «карту» принятия решения потребителями, продавцы могут понять, почему люди покупают или не покупают продукты и что делать, чтобы заставить их покупать больше или обращаться к определенному продавцу.

Таким образом, в ходе организации теоретического и экспериментального исследования, проходившего в рамках дипломного проекта, реализуемого на кафедре социальной психологии УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», ставилась цель: изучить влияние образа торговой марки на потребительское поведение.

Для реализации цели исследования были поставлены следующие задачи:

- 1) определить особенности восприятия потребителями шоколадного продукта;
- 2) изучить специфику восприятия образа торговой марки потребителями;
- 3) исследовать влияние образа торговой марки на потребительское поведение.

В исследовании, которое длилось с января по март 2012 года, приняли участие 100 человек (50 женщин и 50 мужчин), в возрастном диапазоне от 18-23 лет. Фиксация результатов исследования осуществлялась в специальном разработанном бланке, включающем анкетные вопросы. В качестве стимульного материала использовался шоколад белорусских торговых марок «Спартак» и «Белга».

Критериями выбора торговых марок служили:

- 1.одинаковая сегментная ниша – шоколад детский;
- 2.одинаковый вид – молочный, темный;
- 3.схожая упаковка (зеленая цветовая гамма);
4. различная узнаваемость торговых марок. То есть, торговая марка одного шоколада должна была быть хорошо известна белорусским покупателям («брендированный» продукт), вторая – нет.

Согласно результатам исследования, были определены особенности восприятия потребителями шоколадного продукта:

В итоге категориального анализа результатов ассоциативного эксперимента были выделены категории, составляющие основу восприятия потребителями шоколадного продукта: «Вкусовые качества», «Внешний вид», «Запах», «Консистенция», «Начинка», «Производитель», «Упаковка», «Функциональные свойства», «Цена». Данные категории являются характеристиками шоколадных изделий, которые участвуют в выборе, осуществляемом потребителем.

Существуют различия в принятии решений о покупке шоколада в зависимости от характеристик потребителя.

Обработка результатов исследования с помощью однофакторного дисперсионного анализа позволила сделать вывод о наличии различий по половому признаку в отношении таких характеристик как начинка ($F=6,732, p \leq 0,01$) и запах ($F=7,370, p \leq 0,01$). Дальнейшая интерпретация данных позволяет конкретизировать, что на принятие решения о покупке шоколадных изделий у мужчин в большей степени, чем у женщин, влияет наличие начинки. Для женщин, в отличие от мужчин, важнее приятный запах.

Существуют различия выбора шоколада с начинкой и без начинки у респондентов в зависимости от их места проживания. Испытуемые, проживающие в Минске, в большей степени предпочитают шоколад с начинкой, а потребители других населенных пунктов Беларуси выбирают шоколад без начинки ($F=5,426, p \leq 0,05$).

Выявлены различия в предпочтениях производителя товара у покупателей с различным уровнем образованием ($F=5,160, p \leq 0,01$). Потребители со средним образованием при покупке шоколадного изделия больше ориентируются на производителя, чем люди с высшим образованием. Респонденты, имеющие высшее образование, чаще обращают внимание на запах шоколада ($F=4,269, p \leq 0,01$).

Социальный статус определяет отношение покупателя к таким характеристикам товара как цена ($F= 2,675, p \leq 0,05$) и внешний вид ($F=4,264, p \leq 0,005$) шоколада. Работники организации частной формы собственности при покупке учитывают цену в отличие от работников государственных структур. Внешний вид товара значим только для служащих.

С целью изучить рациональное и иррациональное поведение потребителей, осознанные и неосознанные особенности их восприятия шоколада торговых марок «Спартак» и «Белга» респондентам предоставлялась возможность продегустировать шоколад данных торговых марок. Далее испытуемые знакомились с упаковкой, ценой, составом, весом. В бланке анкетного опроса фиксировались 5 ассоциаций, возникших при восприятии данного шоколадного изделия. Процедура проводилась поочередно с шоколадным продуктом торговой марки «Спартак» и «Белга». Далее испытуемые выбирали из продегустированного шоколада, который они предпочли бы приобрести, и по важности указывали характеристики, повлиявшие на их выбор.

Исследование специфики восприятия торговых марок «Спартак» и «Белга» потребителями позволило восстановить категориальную структуру, с помощью которой происходит их оценка и сформировать определенные образы торговых марок.

При ознакомлении и дегустации шоколада торговых марок «Спартак» и «Белга» были получены оценочные характеристики восприятия шоколадного продукта, образовавшие в результате категориального анализа 9 категорий: «Ассоциации, связанные с шоколадом» (например, «гадкий утенок», «вкус, знакомый с детства»), «Вкусовые качества», «Внешний вид», «Запах», «Консистенция», «Производитель», «Упаковка», «Цена», «Эмоции».

С целью детального изучения различий в полученных категориях по половому признаку испытуемых был применен t-критерий Стьюдента. Значимые различия в восприятии шоколадного изделия торговой марки «Белга» были выявлены по следующим категориям: «Упаковка» ($t=3,38, p \leq 0,001$) и «Вкусовые качества» ($t=3,70, p \leq 0,001$). Полученные результаты позволили нам проводить дальнейший анализ данных дифференцированно для мужчин и женщин.

Однако, ядерную зону образов торговых марок у всех категорий потребителей составляют «Вкусовые качества» и «Консистенция». «Ассоциации» входят в ядерную зону образа марки «Спартак» у мужчин, и у женщин, описывающих восприятие шоколада торговой марки «Белга».

Ближнюю периферию образов обоих торговых марок «Спартак» и «Белга» и у мужчин и у женщин составляет «Запах». У женщин ближнюю периферию образа марки шоколада «Спартак» так же составляют «Эмоции» и «Ассоциации», а образа марки «Белга» - упаковка. «Ассоциации» так же находятся в ближней периферии образа торговой марки «Белга» у мужчин.

Дальнюю периферию образов торговых марок «Спартак» и «Белга» у всех категорий потребителей составляет «Внешний вид» шоколада. Так же, у женщин и мужчин в дальней периферии образа торговой марки «Спартак», и у мужчин в образе марки «Белга», находится «Упаковка». «Производитель» и «Цена» входит в данный уровень образа торговой марки «Спартак» у женщин и мужчин, образа марки «Белга» - у женщин. У мужской аудитории потребителей «Эмоции» также составляют дальнюю периферию образов обоих торговых марок. «Цена» не является компонентом образа торговой марки «Белга» у мужчин.

Исследование влияние образа торговой марки на потребительское поведение осуществлялось при помощи дискриминантного анализа. В качестве зависимой переменной использовался выбор продукции торговой марки «Спартак» или «Белга» для покупки, а в качестве независимых переменных – характеристики, которыми респонденты оценивают каждую из марок, а так же пол и возраст.

С использованием обратного пошагового дискриминантного анализа была сформирована прогностическая модель поведения потребителей с 78% долей вероятности (по канонической функции: $\lambda=0,63, p=0,000220$). В результате полученных данных мы можем предсказать, что чем старше покупатель, тем вероятнее, что при дегустации, ему понравится шоколад торговой марки «Белга». Покупатели скорее выберут шоколад торговой марки «Спартак» по таким характеристикам

как «Производитель» и «Запах». А шоколад торговой марки «Белга» основываясь на такие характеристики торговой марки как: «Упаковка», «Цена», «Вкусовые качества», «Вес» и «Состав».

Литература

1. Блэкуэлл, Р.Д. Поведение потребителей (Пер с англ.) / Р. Блэкуэлл, П. Миниард, Дж. Энджел. – СПб.: Лидер, 2010. – 943 с.
2. Голубков, Е.П. Маркетинговые исследования: теория, методология и практика / Е.П. Голубков. – М.: Финпресс, 1998. – 416 с.
3. Котлер, Ф. Основы маркетинга / Ф. Котлер. – М.: Бизнес-книга, 1995. – 702 с.
4. Маркова, В.М. Социально-психологические характеристики образа торговой марки: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / В. М. Маркова. - Москва, 2010. –146 с.
5. Наумов, В.Н. Модели поведения потребителей в маркетинговых системах: Учебное пособие / В.Н. Наумов. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2009. – 240 с.
6. Шамионов, Р.М. Внешние и внутренние детерминанты личности в процессе ее социализации: автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Р.А. Шамионов. - Саратов, 2002. – 24 с.

*Акбарова А.А.,
ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва*

КРИТЕРИИ СУБЪЕКТИВНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТАТУСА РОССИЯН*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Нравственно-психологические и социально-экономические факторы самоопределения личности»), проект № 12-36-01099a1.

Субъективный экономический статус – важный показатель экономического и социального самоопределения личности. Отнесение себя человеком к какому-либо слою общества (в том числе по экономическому признаку) влияет на отношение к жизни, и, соответственно, на активность человека. В современном мире потребления и высокой значимости достижений субъективный экономический статус нагружен дополнительными смыслами, а не является простой констатацией материально достатка.

Субъективный экономический статус определяется как самооценка человеком своего материального благосостояния и своих экономических возможностей. Он трактуется исследователями в качестве когнитивной составляющей экономической идентичности личности – осознание своей принадлежности к какой-либо имущественной группе (к богатым, к людям среднего достатка, к бедным). Осознание человеком своего имущественного положения влияет на переживание своей принадлежности к определенной социальной группе (переживание себя как бедного, как богатого, как человека среднего достатка и т.д.) и в определенной степени обуславливает поведение в соответствии со стандартами и нормами поведения, принятыми в ней (Журавлев, Купрейченко, 2012). Современные исследования показывают, что существует взаимосвязь психологической готовности к экономической активности, оценок материального благополучия и качества жизни, с одной стороны, и субъективного экономического статуса личности – с другой (Головина, Савченко, 2004; Журавлева, 2006; Осипенко, 2005; Позняков, 2002; Филинкова, 2005; Хашченко, Баранова, 2004; Hartner, Kirchler, Poshalko, Rechberge, 2010; Wenzel, 2007).

Поскольку роль субъективного экономического статуса, как для социального самоопределения, так и для активности в обществе является важной, то представляет интерес выявление критериев (индикаторов) субъективного экономического статуса. Одной из задач выполненного исследования являлся анализ оснований определения субъективного экономического статуса. Наряду с этим анализировались основания и критерии социального статуса и статуса личностной зрелости.

В разработанной нами программе сделана попытка реализации системного подхода к изучению компонентов социального самоопределения личности или группы в социуме, в том числе экономической составляющей самоопределения. Исследование было выполнено на выборке из 377 человек (235 женщин и 141 муж, от 18 до 70 лет. В первом блоке программы содержалось задание

респондентам написать те индикаторы, которые, по их мнению, определяют низкий, средний и высокий экономический статус человека с современной России.

Практически в половине случаев респонденты отмечают в качестве критерия низкого, среднего или высокого экономического статуса *доход*, его уровень, либо его отсутствие.

При оценке низкого экономического статуса респонденты чаще указывали низкий доход или заработок (60 упоминаний), описывая его примерно одинаковым уровнем - от 5 тысяч рублей до 30 тысяч. Большинство респондентов отмечали, что доход до 10 тысяч рублей, либо на уровне прожиточного минимума – это признак низкого статуса.

Высокий доход был наиболее частым описанием высокого экономического статуса (54 упоминания), предполагалось, что доходы от 50 до 100 тысяч (7), или даже больше (5).

При этом доходы среднего экономического статуса более размыты. Как критерий среднего экономического статуса доход упоминается чаще всего (162 упоминания), уровень дохода всегда выше прожиточного минимума, но границы определяются от 25 тысяч до 500 тысяч.

Если низкий субъективный экономический статус описывается больше через зарплату, то высокий статус – больше через уровень доходов. Также доход при высоком статусе описывается более четкими характеристиками, их количество меньше, чем при описании других статусов.

Среди критериев среднего экономического статуса встречается как большой доход, так и низкий, используется больше описательных характеристик, либо описание сводится к усреднению (средний доход, заработок). При этом зарплата описывается противоположными характеристиками как стабильная (4), так и нестабильная (3).

Важным индикатором экономического статуса, по мнению респондентов, является наличие или отсутствие *работы*. Показателем низкого экономического статуса является безработица, отсутствие работы (65 упоминаний). Если работа есть, то она, по мнению респондентов, плохая, низкой квалификации и низкооплачиваемая (16).

Критериями среднего экономического статуса является наличие работы (36 упоминаний). Часто это: стабильная работа (5), любимая (2), умственный труд (3), работа, предполагающая возможность карьерного роста (2). Но наличие бизнеса упоминается довольно редко: небольшой бизнес (5). Возможно, это связано с тем, что в стране трудно развивается малый и средний бизнес.

Владение бизнесом (15) и высокооплачиваемая работа (13) является практически равноправными показателями высокого экономического статуса. При этом высокая квалификация при перечислении индикаторов упоминается лишь однажды. Возможно, респонденты не всегда понимают источники высокого дохода, есть ощущение, что у людей много денег, но они не всегда много работают.

Высокопоставленные и руководящие должности (15), положение и связи также попадают в разряд показателей высокого экономического статуса.

Низкий статус видится как довольно низкая социальная позиция, должность (5), более того это бомжи (7) и люди «без всего».

Значение при определении экономического статуса имеет и имущество, как недвижимое, так и движимое. Наличие *автомобиля* упоминается и среди критериев среднего (29 упоминаний), и высокого статуса (27). Но высокий статус предполагает не просто наличие транспортного средства, автомобиль должен быть хорошим, дорогим или в семье может быть несколько машин. Низкий статус часто даже не предполагает автомобиля (упоминаний всего 9 и только 2 из них касаются его наличия). Остальные указывают на его отсутствие.

Среди показателей экономического статуса *недвижимость* встречается довольно часто. Если критерием низкого и среднего уровня выступает наличие недвижимости, даже скорее просто «кровать»: респонденты употребляют выражения «отсутствие жилья» (20 упоминаний), средний статус – «наличие жилья» (22). Описывая индикаторы высокого статуса, уже употребляется наличие недвижимости (29). Вероятно, предполагается, что это нечто большее, чем простое удовлетворение потребности в жилье. Также указывается, что недвижимости должно быть много (7), помимо квартиры имеется и загородный дом (11), в том числе недвижимость за границей (5). Упоминается также недвижимость дорогая, в элитном районе, коттеджи, виллы и особняки.

Следует отметить, что такой параметр как *образование* чаще фигурирует при описании среднего экономического статуса (21). Причем часто это именно высшее образование. Показателями низкого экономического статуса респонденты считают отсутствие образования вообще, либо низкий его

уровень. Образование как критерий высокого статуса для респондентов упоминается в 13 случаях. Это обязательно высшее образование, возможно, несколько образований.

В целом, респонденты считают показателями низкого экономического статуса бедность (11 упоминаний) или даже нищету (5), недостаток денег (17), низкий уровень жизни (10), того, что денег хватает только на еду и невозможно удовлетворить потребности (3). При этом индикаторами низкого статуса выступают отсутствие стремления, активности, нежелание работать и лень (7). Возможно, это показатели, которые должны объяснять отсутствие средств.

Критериями, определяющие высокий экономический статус, являются также достаток (17), сбережения, счета в банках и инвестиции (11). Люди с высоким статусом могут позволить удовлетворять любые потребности и желания (12), имеют даже излишек денег, могут приобретать предметы роскоши (10). Нацеленность на успех, успех (4) сопутствует высокому статусу. Отмечается в качестве индикатора и трудолюбие (7).

Респонденты считают также, что показателями среднего экономического статуса являются достаток (12), сбережения (4), есть деньги на еду, развлечения, одежду обучение и медицинские услуги, хотя нельзя позволить себе лишнего. Личностные же качества как индикаторы среднего экономического статуса описываются довольно противоречиво: стремление к успеху, реализованность, но и недостаточное стремление, невостребованность; профессионализм, но и мало тенденций к развитию в профессиональной сфере.

В результате проведенного контент-анализа можно увидеть, что субъективный низкий и высокий экономический статус более определенные и четкие, хотя возможно в некоторой степени поляризованы. Индикаторы среднего экономического статуса довольно размыты, уровень дохода как показатель колеблется в широком диапазоне.

То, что респонденты все же предпочитают объяснять уровень статуса личностными характеристиками, либо мотивацией может свидетельствовать о том, что статус воспринимается в большей степени как результат активности самого человека. Это обстоятельство, вероятно, влияет на то, что большинство респондентов отмечают свою высокую готовность к экономической активности (собираются увеличивать свои доходы).

Таким образом, контент-анализ показал, что в ряду критериев экономического статуса, упомянутых респондентами, выделяются экономические, социальные, правовые, духовно-нравственные, а также другие личностные свойства и состояния. Нередко называются критерии, которые интегрируют в себе социальные, экономические, профессиональные, а также психологические характеристики качества жизни. Дальнейшая работа над полученными данными должна позволить оценить, как в сознании россиян критерии экономического статуса соотносятся с критериями социального статуса и статуса личностной зрелости.

Литература

1. Головина Г.М., Савченко Т.Н. Влияние экономического фактора на субъективное качество жизни// Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во «Институт психологи РАН», 2004, Том.1. с. 527-542.
2. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Социальное самоопределение личности и группы: концептуальные основы и программа исследования// Психологические проблемы современного российского общества/ Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 172-193.
3. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Субъективный экономический и социальный статус: сходство и различие критериев оценки// Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы: материалы двенадцатой междунар. науч.-практ. конф., Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. С. 73-81.

ЛИЧНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА

В последние годы тема социальной ответственности бизнеса все чаще поднимается в российской экономической психологии (Журавлев, Купрейченко, 2009). В широком смысле она понимается как «ответственность субъектов бизнеса за соблюдение норм и правил, неявно определенных или неопределенных законодательством (в области этики, экологии, милосердия, человеколюбия, сострадания и т.д.), влияющих на качество жизни отдельных социальных групп и общества в целом» (Хваловская, 2010). В тоже время проблема личной социальной ответственности (ЛСО) субъекта бизнеса разработана крайне незначительно. Поскольку социальная ответственность бизнеса является добровольным вкладом бизнеса в развитие общества, то особенности и психологические характеристики субъекта ЛСО в области этики, экологии, сострадания и пр. интересуют нас в первую очередь.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Психолого-экономические механизмы социальной ответственности российского бизнеса в сфере финансов», проект № 12-06-00556а. В исследовании приняли участие 18 студентов второго высшего юридического образования, совмещающих работу с обучением в Финансовом университете при Правительстве РФ.

В ходе исследования были сопоставлены данные 16 факторного опросника Кеттелла (R.V. Cattell's 16PF) и методики диагностики социальной ответственности, разработанной Н.В. Анненковой. В последней представлено 7 проблемных ситуаций, к каждой из которых предлагается три высказывания, отражающие возможные отношения индивидуума к феномену социальной ответственности:

единственная ответственность бизнеса – увеличение прибыли для своих акционеров;

бизнес должен делать максимально доступный вклад в решение общественных проблем, повышение качества жизни граждан и сообщества, а также в сохранение окружающей среды;

социальная ответственность бизнеса сокращает долгосрочные потери прибыли, создавая в долгосрочной перспективе благоприятное социальное окружение.

Методика позволяет оценить личную социальную ответственность индивидуума по отношению к «другому», личную социальную ответственность индивидуума компании и личную социальную ответственность индивидуума обществу. Помимо этого, по результатам методики можно говорить об общем уровне личной социальной ответственности испытуемого.

Как известно, опросник Кеттелла позволяет получить данные по 16 относительно независимым факторам (шкалам первичных черт) личности:

коммуникативные свойства личности включают факторы А (общительность), Н(смелость), Е (доминантность), L (подозрительность), N (дипломатичность), Q2 (самостоятельность);

интеллектуальных свойств включают факторы В (интеллектуальность), М (мечтательность), N (дипломатичность), Q1 (восприимчивость к новому);

эмоциональных свойств определяются факторами С (эмоциональная устойчивость), F (беспечность), Н (смелость в социальных контактах), I (эмоциональная чувствительность), О (тревожность), Q4 (напряженность);

регуляторные свойства личности включают факторы Q3 (самодисциплина), G (моральная нормативность).

Корреляционный анализ результатов исследования показал, что, фактор «G» моральной нормативности поведения коррелирует с личным социальным отношением к обществу ($r=0,53999$, $p\leq 0,05$). Иными словами, личная социальная ответственность, проявляемая по отношению к обществу, связана с принятием общепринятых моральных правил и норм, настойчивостью, организованностью, принятием на себя ответственности, руководством чувством долга.

Личная социальная ответственность, проявляемая по отношению к «другому», имеет обратную зависимость, согласно данным нашего исследования, с эмоциональной чувствительностью (фактор I, $r=-0,674077$, $p\leq 0,01$) и дипломатичностью (фактор «N», $r=-0,509016$, $p\leq 0,05$). Полученные

данные объяснимы партикулярным характером нашего общества, согласно которому не всегда можно дать определение тому, что хорошо и правильно, а затем использовать это в качестве этического стандарта. В культурах партикуляристского склада гораздо больше внимания уделяется обязательствам в рамках межличностных отношений и обстоятельствам, которые не зависят от человека (Тромпенаарс, Хэмпден-Тернет, 2004).

Личная социальная ответственность, проявляемая по отношению к другому, имеет положительную корреляцию с фактором «F» опросника Кеттелла – беспечность. В целом фактор ориентирован на измерение эмоциональной окрашенности и динамичности в процессах общения. Таким образом, согласно данным нашего исследования личная социальная ответственность по отношению к другому связана с импульсивностью, беспечностью, безрассудностью в выборе партнеров по общению, эмоциональной значимостью социальных контактов, экспрессивностью, эмоциональной яркостью в отношениях между людьми, динамичностью общения, которая предполагает эмоциональное лидерство в группах. Интересен тот факт, что, по мнению специалистов, работающих с опросником Кеттелла, с годами проявление импульсивности и беспечности постепенно снижается, что можно рассматривать как свидетельство определенной эмоциональной зрелости. Таким образом, в исследуемой нами выборке социальную ответственность по отношению к другому можно рассматривать как проявление эмоциональной незрелости, что в свою очередь также может быть объяснено национально-культурными особенностями нашего общества, диктующего скорее морально-нравственные обязательства перед близким другим, нежели перед законом и обществом в целом (Тромпенаарс, Хэмпден-Тернет, 2004).

В свете полученных данных можно говорить о том, что такой аспект личной социальной ответственности, как ответственность перед обществом, связан с моральной нормативностью поведения, принятием общепринятых моральных правил и норм, настойчивостью, организованностью, принятием на себя ответственности, руководством чувством долга. Личная социальная ответственность, проявляемая по отношению к «другому», напротив, имеет обратную зависимость, с эмоциональной чувствительностью, дипломатичностью по отношению к другому и может быть объяснима партикулярным характером нашего общества

Литература

1. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Тенденции социально-экономической жизни российского общества и развитие исследований отечественной экономической психологии // Знание. Понимание. Умение. 2009. №4. С.27-35.
2. Тромпенаарс Ф., Хэмпден-Тернет Ч. Национально-культуральные различия в контексте глобального бизнеса//Пер. с англ. Е.П.Самсонов. – Мн.: ООО «Попурри», 2004.
3. Хваловская Н.О. Социальная ответственность бизнеса // Перспективы науки. №7(09). 2010. С.53-56.

Бескова Т.В.

Институт социального образования (филиал) Российского государственного социального университета, Саратов

РЕКЛАМА КАК ФАКТОР СТИМУЛИРОВАНИЯ ЗАВИСТИ

Зависть, являясь сложным социально-психологическим образованием, представляет собой отношение к другому человеку, обусловленное субъективной оценкой его превосходства в значимых сферах, сопровождающееся комплексом негативных эмоций, снижением самооценки и желанием нивелировать превосходство Другого (Бескова, 2012). Детерминанты зависти имеют системное строение и включают в себя многообразие внешних и внутренних условий, факторов, оснований и предпосылок, каждая из которых находится в определенных отношениях с другими и составляет в совокупности ее общую структуру. Немалую роль в возникновении и формировании зависти играют СМИ, выступающие «в качестве одного из основных социализирующих институтов, наиболее доступного и влиятельного механизма формирования личности» (Соснин, 2010).

Реклама, являясь одним из элементов массовой культуры, призвана распространять информацию о товарах и услугах с целью формирования и поддержания интереса к ним и способствования их реализации. Среди многочисленных функций рекламы, выделяемых в современной учебной и прикладной литературе, основными на сегодняшний день остаются ее экономические функции: внедрение в сознание потенциальных покупателей торговой марки и способствование повышению объема продаж (реклама – двигатель торговли). Реализация данных функций нередко приводит к тому, что соображения этики отходят на задний план. Создатели рекламных сообщений сознательно «играют» на человеческих пороках и страстях, о чем, отчасти, свидетельствует появившийся в последнее время в интернете целый ряд статей, рекомендующих использовать их в рекламной продукции для повышения ее эффективности. Д. Цветкова, начиная свою статью с нравственного тезиса: «Во всех религиозных учениях существует перечень поступков, психологических состояний и свойств личности, которые противоречат нормам общественной морали, а значит, должны пресекаться и блокироваться как обществом, так и личностью», заканчивает ее прямо противоположным образом: «Использование человеческих потребностей, ценностей, эмоций, оформленных в концепцию семи смертных грехов, – не просто основа для эффективной рекламной кампании. Это в какой-то мере необходимость для успешного продвижения» (Цветкова). Е. Шевченко в статье, название которой говорит само за себя, – «7 смертных грехов в баннерной рекламе» приводит список вполне конкретных «ингредиентов», которые при умелом «смешивании» делают рекламный материал заметным. В данный список включены выгода, юмор, котят, секс, насилие и *зависть* (Шевченко, 2011).

Играя на низменных потребностях человека, реклама поощряет и стимулирует их. Стратегия продвижения продукта с использованием зависти, как правило, заключается в выстраивании ассоциативного ряда, когда покупка какого-либо товара дает человеку определенные преимущества, некое превосходство над всеми остальными. Безусловно, апеллирование к зависти в рекламных текстах имеет под собой психологическую основу. В.А. Лабунская отмечает: «современный человек <...> стремится к созданию «круга» завидующих ему людей. Без такого отношения, оценивания со стороны других, субъекту трудно прослыть успешным. <...> «круг» завистников выполняет важную социально-психологическую функцию. Он подтверждает или не подтверждает, возвращает индивиду его представления о нем (совпадающие или не совпадающие с его Я-концепцией), позволяет ощутить или не ощутить причастность к клану успешных людей» (Лабунская, 2006). Ю.М. Орлов считает, что зависть является одним из средств управления поведением: «Мы уверены в том, что завистливый и гордый человек разобьётся в лепёшку, чтобы не уступить другому. Мы в большей степени управляемся гордостью и завистью, чем это принято думать» (Орлов, 2005).

Мысль о том, что человек для подтверждения собственной значимости желает вызывать зависть других, не нова для психологии и была высказана гораздо раньше. Об этом говорил еще древнегреческий философ конца VI в. до н.э. Эпихарм: «Ничего не стоит тот, кому не завидуют» и древнегреческий драматург V в. до н.э. Эсхил: «Незавидна участь того, кому не завидуют». Однако наилучшим образом, на наш взгляд, эту мысль выразил М. Твен: «Человек готов на многое, чтобы пробудить любовь, но решится на все, чтобы вызвать зависть» (Большая книга афоризмов, 2001).

По мнению А. Штейнзальца, чем больше развита страна, тем больше средств вкладывается в «индустрию зависти» (Штейнзальц, 2001). Современное общество потребления делает возбуждение зависти стимулом человеческого существования: туалетная вода «Envy me!» (Gucci); студия моды «Завидуйте мне»; модельное агентство «Envy me»; творческое объединение «Зависть», созданное в 1997 г. и специализирующееся на разработке сайтов и компьютерных игр и др.

Достаточно часто апеллирование к зависти в рекламе осуществляется косвенным путем, когда само слово «зависть» и производные от него в рекламном тексте не употребляются, однако в подтексте весьма отчетливо прочитывается: «Купи и все умрут от зависти!». Одной из иллюстраций этого является, вышедший на экраны российского телевидения в 2012 г. рекламный ролик: «Ландкрузер «Прадо» – почувствуй свое превосходство». Однако нередко встречается и прямое использование мотива зависти в рекламных текстах, сюжетах и слоганах.

В России реклама различных товаров и услуг появилась лишь с середины 80-х годов XX в. (до этого времени реклама в СССР существовала в строго ограниченном пространстве в рамках плановой экономики и была монополизирована государством), а массовый характер она приобрела

лишь с середины 90-х годов. Поэтому обзор рекламы, в которой проводится прямая апелляция к зависти, будет весьма логично начать с зарубежных источников.

Так в 1961 г. в США в газете «New York Times» была помещена реклама следующего содержания: «Если вы никогда не были в отелях системы Уолдорф, вы можете, не задумываясь считать их дорогими. <...> В цену за номер включено восхищение (если не зависть) ваших земляков» (New York Times, 1961). Г. Шек, проводя анализ рекламных сообщений в Германии в шестидесятые годы XX века, отмечает, что в них все чаще зависть используется в качестве основания того, чтобы люди покупали товар. Приведенные им примеры свидетельствуют об этом. «Так, в конце 1965 г. огромные постеры на майнцких трамваях обещали счастливым обладателям одной из марок стиральных машин, что другие будут им завидовать. А на рекламе одного производителя грузовиков, появившейся в немецких ежедневных газетах в 1966 г., было написано: «Вам будут завидовать оттого, что вы сидите в этом кресле». В 1968 г. тот же самый слоган использовала компания IBM в своих объявлениях о найме сотрудников в Германии» (Шек, 2010).

В XXI веке тема зависти стала ключевой в рекламе разных моделей французского автомобиля Пежо. Так статья, опубликованная в 2002 году в журнале «За рулем» называется «Peugeot 406. Пусть ПЕЖОнам завидуют» (Будкин, 2002). Позднее появляются и телевизионные рекламы Envy («Зависть») для Peugeot 207 и 307 (агентство Euro RSCG London) (Ревность и зависть в автомобильной рекламе). В рекламе обновленной Peugeot 207, завистники топят автомобиль в бассейне на заднем дворе хозяина. Реклама сопровождается текстом: «Мы вас предупредили о том, чем чревато обладание Peugeot 207». Более того, была создана целая рекламная кампания Peugeot 207 серии Envy под названием «Beware the consequences of Envy» или «Остерегайтесь последствий зависти», построенная по принципу «whodunnit» (примерный перевод «кто сделал это»). В рамках акции пользователи Facebook следили за развивающимся сюжетом, разгадывали загадки и голосовали.

Еще более изощренным и мучительным пыткам в телеролике подвергается Peugeot 307, хозяин которой пытается защитить свой новый автомобиль от завистливых незнакомцев, которые всячески пытаются повредить его: крошат на него хлеб, чтобы клевали голуби; пускают на него тяжелую металлическую корзину из супермаркета; опускают на крышу шлагбаум; запирают выезд из подворотни мусорным баком; прикармливают к нему свору собак. А кончается ролик и вовсе радикально – на автомобиль падает рояль. «Ужасная вещь – зависть» – этот сильный слоган, произнесенный в конце, а также сам ролик привлек не только внимание аудитории, но и принесли агентству множество наград (Awards American Advertising Awards, ADDY 2004, Cannes Lions 2004, Eurobest 2004).

Продолжая обсуждение автомобильной рекламы с использованием темы зависти, остановимся еще на одном примере. Агентство «Jung von Matt / Strömmen» нарисовало картину беспощадной зависти к автовладельцам BMW – в качестве холста была выбрана дверь BMW, на которой была нанесена длинная и глубокая царапина, сделанная владельцем машины, которой, видимо, далеко до BMW. Текст, сопровождающий эту зарисовку, был таковым: «Шрамы... Они украшают лицо настоящего мужчины. Они украшают поверхность настоящего автомобиля. Работа «Зависть» («Envy»). Для тех, кто понимает...» (Картина маслом: BMW, предмет зависти). Потребности, которые затрагивают производители рекламы, вполне очевидны – это потребности каждого человека в признании, в самоподтверждении и самоосуществлении. Логика их такова: «Что как ни зависть окружающих к покупке BMW, позволит Вам почувствовать собственную значимость?».

Использование зависти в рекламе не всегда связано с демонстрацией столь кардинальных ее последствий. Так в 2010 г. агентство Leagas Delaney Hamburg GmbH (Германия) сняло забавный рекламный ролик Skoda Octavia RS под названием «Foot Envy» («Зависть ног»), в котором левая нога постоянно вредит правой: стаскивает одеяло во сне, обливает водой из лужи и роняет на нее тяжелые предметы. А делает она это потому, что именно правая нога нажимает на спортивную педаль газа в этом замечательном автомобиле. Слоган это ролика – «Ваша левая нога позавидует вашей правой». В 2009 году на экраны российского телевидения вышел комедийный ролик в поддержку тарифа МТС «Супер ноль» (креативная концепция АМК Знаменка, креативный директор А. Алексеев), в котором обыгрывается идея зависти к абонентам МТС, а роль завистника принадлежит кроту: «Даже кроты завидуют абонентам МТС. Тариф «Супер ноль» – ноль копеек за минуту после первой минуты разговора. Это еще один повод для зависти!». При рекламе кетчупа «Махеев» зависть используется

на контрасте с такой базовой нравственной категорией как совесть («Кетчуп «Махеевъ» – вкус на зависть, качество на совесть»).

Стоит отметить, что лишь единожды Комиссия ФАС России признала рекламу, напрямую апеллирующую к зависти, незаконной (реклама жидкокристаллического телевизора Philips Ambilight (2006 г.)) (Philips уличили в незаконной рекламе, 2006). В этой рекламе сообщалось, что «Ночные кошмары, нездоровый цвет лица – это зависть. У кого-то он лучше. Жидкокристаллический телевизор «Филипс» с подсветкой МБ-лайт признан Эйса лучшим телевизором года. Жидкокристаллический телевизор «Филипс» – все позеленеет от зависти». Комиссия антимонопольного ведомства признала рекламу ненадлежащей, нарушающей закон «О рекламе», поскольку в ней люди, которые не приобрели рекламируемый товар, характеризуются отрицательно – завистливостью, в связи с чем, к ним формируется негативное отношение.

Таким образом, в настоящее время для развития потребительского спроса создатели рекламы все чаще прибегают к мотиву зависти как мотиву покупательского поведения, отодвигая на задний план соображения этики. Отчасти об этом свидетельствует полемика, возникшая в формате круглого стола «Эпатажная реклама – за! Неэтичная реклама – против!» (Степанова, 2006), проводившегося в рамках выставки «СИБРЕКЛАМА». Главный тезис рекламистов в достаточно утрированной форме озвучил директор Института рекламы и связи с общественностью Г. Теребило: «У рекламы есть только одна функция – продавать. <...> Должны приниматься в расчет коммерческие соображения, а не личные мнения какой-либо группы выдающихся джентльменов» и менеджер по рекламе «Сибкадеминвест» А. Задков: «Если рекламодатель ориентируется на молодежь, позволительно пренебречь нормами этики – какова молодежь, такова и реклама. Ведь реклама – отражение нашего общества. Будем мы более цивилизованными <...>, тогда и реклама изменится». Доводы же психологов и психотерапевтов звучали, на наш взгляд, не вполне убедительно: «Реклама должна быть нравственной, этичной, должна соответствовать нормам ментальной экологии. <...> Я не согласен с тезисом, что реклама отражает общество. Реклама становится средством воспитания, хотим мы этого или нет» (К. Козлов, психотерапевт), «Если обращаться к низменным сторонам человеческой личности, личностная деградация приведет к тому, что вы потеряете этого потребителя как активного участника рынка» (В. Чаплыгина, ассистент кафедры психотерапии Новосибирской медицинской академии).

Если опустить моральные принципы, то в условиях рыночной экономики желание производителей как можно выгоднее продать рекламируемый товар, является вполне естественным. Тем не менее, вполне закономерно возникает ряд вопросов: «Действительно ли апеллирование к мотиву зависти является эффективным способом увеличения потребительского спроса?», «Когда на одной чаше весов оказывается страх человека перед негативными последствиями зависти, примерами которых насыщены как литературные произведения, так и повседневная жизнь, а на другой – подтверждение собственной значимости и успешности, какая из них перевесит?».

Отметим, что несмотря на высокую привлекательность и эпатажность рекламы про зависть, отклик аудитории на нее оказывается весьма неоднозначным. В интернете появляются целые форумы, призывающими убрать подобную рекламу. Приведем лишь одну типичную реакцию владельца пострадавшего Peugeot: «Обнаружила на капоте своей машины глубокие царапины. <...> Буквально все люди, которым я рассказывала о случившемся, смеясь, говорили: «Зависть плохое чувство» (типа как в рекламе). <...> Уберите эту рекламу, она формирует у людей, не являющихся целевой аудиторией Peugeot, вполне конкретное чувство, которая эта реклама даже классифицирует как зависть, а главное указывает на возможные формы проявления отношения к предмету зависти, как бы провоцируя их» (Убрать рекламу о зависти). На наш взгляд, в этом обращении ключевым моментом является то, что зависть, которая должна стать по идеи рекламистов мотивом покупки автомобиля, возникает вовсе не у целевой аудитории.

Ответ на второй вопрос приводится в проведенном нами ранее эмпирическом исследовании (Бескова, 2010), выборка которого составила 421 человек. В нем представлены результаты контент-анализа ответов на вопрос: «Доставляет ли Вам удовольствие осознание того, что Вам завидуют другие? Почему?», которые показывают, что около трети респондентов на первую часть вопроса ответили положительно. Причины же этого «сомнительного» удовольствия, практически сводятся к одной – повышение самооценки. Однако количество респондентов, ответивших отрицательно, на статистически значимом уровне больше ($z=6$, $p\leq 0,01$), а спектр их ответов на вторую часть вопроса

гораздо шире: от нежелания быть объектом излишнего внимания до страха вполне конкретных последствий зависти других. Таким образом, страх испытать всю «палитру» негативных последствий от чужой зависти у большинства людей превалирует над вполне естественной потребностью в подтверждении собственной значимости.

Ситуация с рекламой, апеллирующей к так называемой концепции семи грехов, вряд ли кардинально изменится в ближайшее время. Многие производители рекламы не готовы отказаться от неэтичной рекламы, прежде всего, из-за соображений прибыли, а призывы психологов могут так и остаться призывами, если не будут подкреплены результатами эмпирических исследований.

Литература

1. Бескова Т.В. Методика исследования завистливости личности // Вопросы психологии. № 2, 2012. С. 128.
2. Бескова Т.В. Отношение человека к предполагаемой зависти других // Актуальные вопросы современной психологии и педагогики: Сборник докладов международной научной заочной конференции (Липецк, 20 марта 2010 г.). Т. II. Психологические науки / Отв. ред. А.В. Горбенко. Липецк: Издательский центр «Де-факто», 2010. С. 76.
3. Большая книга афоризмов / Сост. Душенко К.В. Изд. 5-е, исправленное. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.
4. Будкин А. Peugeot 406. Пусть ПЕЖОнам завидуют // За рулем. 2002. № 5.
5. Картина маслом: BMW, предмет зависти [электронный ресурс] // URL: <http://www.adme.ru/tribune/kartina-maslom-bmw-predmet-zavisti-jung-von-matt-14545/> (дата обращения 9.04.12).
6. Лабунская В.А. О соотношении зависти, безнадёжности и надежды как способа преобразования пространства общения субъекта // Материалы конференции «Психология общения – 2006: на пути к энциклопедическому знанию». Психологический институт РАО. М., 2006. С. 97-111.
7. Орлов Ю.М. Стыд. Зависть / Составитель А.В. Ребенок. Серия: Исцеление размышлением, кн. 2. М.: Слайдинг, 2005. С. 72.
8. Ревность и зависть в автомобильной рекламе [электронный ресурс] // URL: <http://www.adders.ru/blog/digital/115.html> (дата обращения 12.01.12).
9. Соснин В.А. Содержание, основные функции и особенности воспитания патриотизма в современных российских условиях // Психология нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Издательство «Институт психологи РАН», 2010. С. 328.
10. Степанова Н. Эпатажная реклама – за! Неэтичная реклама – против! [электронный ресурс] // URL: <http://64.mediahand.ru/publications/psychology?view.577> (дата обращения 10.04.2012).
11. Убрать рекламу о зависти [электронный ресурс] // URL: <http://armand.ru/vb/showthread.php?t=4647> (дата обращения 9.04.12).
12. Цветкова Д. Маркетинговый подход к человеческим слабостям [электронный ресурс] // URL: <http://www.chelreklama.ru/razdelin.php?id=2405> (дата обращения 10.04.2012).
13. Шевченко Е. 7 смертных грехов в баннерной рекламе (06.07.2011) [электронный ресурс] // URL: <http://www.proactive.com.ua/articles/120-7> (дата обращения 10.04.2012).
14. Шек Г. Зависть: теория социального поведения / Гельмут Шек; пер.с.англ. В. Кошкина по ред. Ю. Кузнецова. М.: ИРИСЭН, 2010. С. 44.
15. Штейнзальц А. Простые слова. Быть евреем. М.: Институт изучения иудаизма в СНГ. 2001. 240 с.
16. New York Times, December 7, 1961, p. 29.
17. Philips уличили в незаконной рекламе (22.12.2006) [электронный ресурс] // URL: <http://www.cybersecurity.ru/hard/18279.html> (дата обращения 11.04.2012).

СОЦИАЛЬНЫЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЫХ МЕДИЦИНСКИХ СОТРУДНИКОВ

Исследование социальных, психологических и экономических детерминант самосохранительного поведения медперсонала является критически важным для повышения качества услуг, оказываемых отраслью российского здравоохранения, и улучшения качества жизни самих медицинских сотрудников. Наше исследование посвящено молодым медицинским сотрудникам, здоровье которых, согласно статистике медицинского информационно-аналитического центра при комитете здравоохранения Санкт-Петербурга, заслуживает пристального внимания (большая часть случаев травматизации приходится на молодых врачей в первые 5 лет практики). Так же к профессиональным рискам медперсонала относят повышенную тревожность, связанную с периодом профессиональной адаптации (Bolanowski, 2005), и риск развития психологических проблем, например, таких как, синдром эмоционального выгорания, подразумевающий целый спектр неблагоприятных симптомов, таких как: высокая утомляемость, неспособность качественно выполнять свою работу, цинизм, грубость в общении с пациентами, раздражительность, которые могут привести к потере трудоспособности.

Факт заболеваемости молодых медицинских сотрудников приобретает особенно печальные оттенки, если учесть, то, что на обучение врача уходит в среднем 7-9 лет, и предполагаемая продолжительность его трудовой деятельности составляет 35 лет, а большинство врачей, продолжают работать и после достижения пенсионного возраста. Таким образом, если врач-хирург, имеющий постоянный контакт с биологическими жидкостями, заражается в начале своей карьеры, то это становится не только его профессиональной трагедией, это так же лишает общество квалифицированного специалиста, который мог бы работать и приносить облегчение пациентам, и пользу обществу, в целом, еще ближайшие 30 лет.

Можно ли каким либо образом защитить врачей от профессиональных травм, и, тем самым, предотвратить заражение? Какие факторы влияют на заражаемость медицинского персонала? Зависит ли факт инфицирования только лишь от удачи или не удачи или же имеет место личностные особенности врача? Какова роль социального окружения в проблеме профессионального инфицирования молодых врачей? Почему некоторые врачи небрежно относятся к своему здоровью и не придерживаются правил производственной безопасности? Как психологические особенности личности влияют на здоровье медицинского персонала? В данной работе, посвященной изучению социальных и психологических детерминант самосохранительного поведения медицинского персонала на начальных этапах профессиональной деятельности, мы пытаемся ответить на эти вопросы.

Результаты, полученные благодаря данному исследованию, в целом совпадают с общепринятыми тенденциями в области изучения профессионального здоровья. Нами, так же как и в работах Гурвича И.Н., Кайбышева В.Т., Бовиной И.Б. и других авторитетных отечественных ученых, был выявлен низкий уровень мотивации на самосохранительное поведение. Изучение структуры травм и особенностей соблюдения техники безопасности в лечебных учреждениях позволило сравнить наши результаты с исследованием Открытого института здоровья «ОНИ», и нами были замечены явные сходства, что дает возможность заявить о низкой информированности о технике безопасного использования инструментов и неадекватности программ обучения самосохранительным техникам поведения на работе. Новизна данного исследования так же заключалась и в том, что в выборку вошли молодые медицинские сотрудники. И, несмотря на то, что респонденты находятся на стадии адаптантов, т.е. только входят в профессию, у них уже присутствуют признаки синдрома эмоционального выгорания.

Есть старый анекдот: «Вопрос: Почему врачи работают на полторы ставки? Ответ: На одну ставку есть нечего, а на две некогда». В современной России многие ругают врачей за невнимательность, равнодушие, грубость, цинизм, непрофессионализм и хамство. Практически у каждого, есть история про «плохого» врача, который не должным образом повел себя по отношению к своему пациенту,

почему же так происходит? Почему некоторые представители «благороднейшей из профессий» так себя ведут? Большую роль в данном поведении, как показывают научные работы, играет профессиональная среда и социальное окружение, в котором находятся российские медицинские сотрудники.

Многие исследователи посвятили свои труды данной проблеме (Цветкова, 1994; Гурвич, 1999; Заманаева, Фрумкин, 2005; Мамонтов, Тихомиров, 2011 и др.). На основе данных контент анализа и нашего собственного исследования, нам удалось вылестить ряд причин, влияющих на «плохое поведение» медицинского персонала:

В первую очередь, это недостаток времени. По нормативам, утвержденным Министерством здравоохранения, на прием одного пациента у терапевта в поликлинике отводится 12 минут, т.е. в час положено побеседовать с 5 пациентами. Согласно логике российского здравоохранения, на три первичных пациента приходится два «повторных». Очевидно, на «повторных» времени тратится меньше. В действительности же получается, что и за 14-15 минут врач часто не успевает продуктивно побеседовать с «первичным» больным и провести такие необходимые процедуры, как осмотр, оформление карточки, назначение лечения, информирование больного о методах и необходимости лечения и т.д. Более того, процедура осложняется личностными особенностями пациента, в частности его возрастом. Пожилой пациент часто обладает большим количеством различных заболеваний, плюс ко всему из-за возрастных изменений его реакции медленнее, могут наблюдаться проблемы со слухом и зрением. Все это заметно удлиняет время приема. А согласно, официальной статистике, лица пенсионного возраста составляют более половины пациентов государственных амбулаторных и стационарных учреждений.

При этом для того, чтобы поддерживать необходимый уровень квалификации, врач должен постоянно обучаться, читать профессиональную литературу, следить за инновациями и прочее. Российской системой здравоохранения предусмотрено обязательная аттестация медицинских работников, их дополнительное обучение, а так же образовательные программы на рабочем месте. Однако, стоит заметить, что очень часто, данные процедуры носят чисто формальный характер из-за отсутствия времени. Обычно, обучение проводится не в рабочее время, а после смены, и довольно часто, по пятницам. Как можно предположить, ни обучающиеся, ни под частую сам лектор не горят желанием тратить свое свободное время, которое, например, можно провести с семьей, на процедуру обучения. О том, что они пропускали занятия дополнительного обучения на рабочем месте, договорившись подписать документ о прохождении этих занятий, заявило более половины участников исследования. Более того, в российском обществе подобное игнорирование обязательных процедур не является социально нежелательным, т.к. и обучающиеся и лекторы согласны с неадекватностью запроса.

Во-вторых, из-за несовершенства системы регистрации врачу и медсестре приходится делать много бюрократической работы. В последние годы количество бумаг только растет. Часто большую долю «осмотра» является заполнение всех необходимых документов, а не непосредственная процедура аускультации. Данная проблема касается как терапевтических, так и хирургических специальностей. За неправильное заполнение необходимых форм документов предусмотрены санкции, что создает дополнительный стресс и недовольство, а так же порой вынуждает оставаться после работы для «дозаполнения» и «работы над ошибками».

Третьей причиной некачественного выполнения своих профессиональных обязательств является, по нашему мнению, работа сверх нормы. Согласно результатам данного исследования, 84% опрошенных пришлось устраиваться на дополнительную работу для по материальным причинам. Этот факт оказывает неблагоприятное воздействие не только на физическое состояние медицинского сотрудника, т.к. он работает в ущерб своему свободному времени и отдыху, но и угнетает его эмоционально из-за ощущения социального неравенства, что отмечают 47% респондентов.

Четвертая причина - синдром эмоционального выгорания. Несмотря на небольшой профессиональный стаж и недлительное пребывание в роли врача, более чем у половины респондентов наблюдаются высокие показатели по шкале эмоциональное выгорание по результатам опросника Маслач в обработке Водопьяновой.

Так же не стоит забывать про недостаточный уровень информированности о технике безопасности и отсутствии социальных установок на самосохранительное поведение.

Но, пожалуй, базовой причиной некомпетентности медицинского персонала является социальное окружение с негативными установками на самосохранительное поведение. На Западе проблема плохих врачей выражена в меньшей степени. Там врач — уважаемый в обществе человек с очень приличной зарплатой. А в России работа рядовым врачом может вызвать жалость и сочувствие у тех, кто не тратил 9 лет на непрерывное обучение, получая после этого зарплату в 17 тысяч рублей.

Согласно национальному приоритетному проекту «Здоровье» основной целью должно стать усиление профилактической направленности здравоохранения, предотвращение заболеваемости. Отталкиваясь от результатов данного исследования, представляется возможным составить программу профилактики сохранения здоровья у медицинского персонала на начальных этапах карьеры, что позволит российской системе здравоохранения не потерять инвестиции, направленные на образование сотрудников и повысить качество предоставляемых ими услуг, что будет способствовать улучшению состояния здоровья населения и качества жизни в целом.

Литература

1. Бовина И.Б. Социальное значение здоровья и болезни: от представлений к поведению / И.Б.Бовина // Социальная психология в современном мире/ Под ред. Г.М.Андреевой, А.И.Донцова. - М.: Аспект пресс, 2002. - С.287-301.
2. Гурвич И.Н. Социальная психология здоровья. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. -1023с.
3. Заманаева Ю.В. Психологическая помощь медицинскому персоналу: постановка проблем и возможные пути решения / Ю.В. Заманаева, А.А. Фрумкин // Информационный бюллетень. СПб., 2005. - 18 с.
4. Кайбышев В.Т. Социально-гигиенические факторы формирования здоровья врачей // Медицина труда и промышленная экология, № 7, 2005. - С. 30-34.
5. Мамонтов С.А., Тихомиров А.В. Проблемы российского медицинского сообщества // Главный врач: хозяйство и право. - 2011. - № 1. - С.36-45.
6. Цветкова, Л.А. Коммуникативная компетентность врачей-педиатров: Дис. ... канд. психол. наук / Л.А. Цветкова. Ярославль, 1994. - 168 с.
7. Bolanowski W. Anxiety about professional future among young doctors. International Journal of occupational medicine and environmental health, 18, 2005.

Воскресенская Н.Г.,
ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Н.Новгород

РОЛЬ КИНОИНДУСТРИИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЛИКА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Современная киноиндустрия играет важную роль в построении «картины» объективной реальности людей, в формировании социальных представлений, как специфической формы познания социальной действительности, помогающей человеку понять смысл окружающего его мира (Богомолова, 2008). Отношение к проблеме нравственной ценности развлекательных медиа-произведений является неоднозначным. Вместе с тем, никто не отрицает силу этого воздействия на зрителей. Мифологическая природа кинопродукции, с присутствующей в ней определенной недосказанностью и загадочностью, стимулирует зрителя к осмыслению и пониманию увиденного (Зинченко, 1997).

Техническое развитие киноиндустрии, связанное с совершенствованием образа и все большей приближенности его к реальности, ведет к усилению силы воздействия данного вида медиа-продукции. Являясь элементом гигантской мозаики медиа-пространства, кинофильмы способны вызвать резонанс, способствуя складыванию разрозненной информации, которую отбирает зритель исходя из своих индивидуально-личностных предпочтений, в определенную «картину мира». Особую значимость медиа-воздействие приобретает в юношеском возрасте, который является периодом наиболее активного развития нравственных и эстетических чувств, становления и

стабилизации характера, овладения полным комплексом социальных ролей взрослого человека: гражданских, профессионально-трудовых и т.д. Таким образом, *объектом* нашего исследования является социализирующее воздействие кинопродукции на современную молодежь.

Предметом исследования является социально-психологическая характеристика разных видов кинопродукции, вызывающих специфические когнитивные, эмоциональные и поведенческие реакции у молодежи с разной мотивацией. Действительно, выбор кинопродукции, осмысление и интерпретация увиденного будут во многом определяться мотивацией зрителей. При этом, чем больше вероятность зависимости потребителя от определенного вида медиапродукции, тем больше вероятность его воздействия (Rubin, 1986). При осуществлении выбора кинопродукции, зритель часто ориентируется на жанр, объединяющий группу произведений по определенным сюжетным или стилистическим линиям. Вместе с тем современные фильмы зачастую – это сплав нескольких жанров, плавно переходящих из одного в другой. Первоначальными классическими жанрами кино являлись трагедия (или драма), комедия и трагикомедия. В настоящее время, используя различные классификационные критерии, выделяют подвиды в самих жанрах (исторический фильм, фантастика, триллер, гангстерское кино, приключенческий фильм и т.д.). На наш взгляд, представляет особый интерес, классифицировать художественные фильмы по специфическим мотивационным образованиям зрителей, лежащим в основе их выбора кинопродукции, так как именно они обеспечивают активацию и направленность поведения.

Цель. Мотивационный анализ предпочтений студентов относительно разных видов кинопродукции.

Задачи:

- классифицировать кинопродукцию исходя из мотивов выбора, обусловленных индивидуально-личностными особенностями студентов;
- выделить типологические особенности студенческой аудитории на основе мотивационного анализа групп, имеющих различные медиа-предпочтения.

Гипотеза исследования - специфика мотивационных образований студентов оказывает влияние на выбор кинопродукции.

Выборка. 60 студентов 4 курса ФМО ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Методика исследования. Студентам предлагалось назвать пять фильмов из увиденных ими в последнее время, которые произвели на них наибольшее впечатление. Каждый из пяти понравившихся фильмов студенты анализировали с помощью семантического дифференциала, используя семибальную шкалу для оценки восемнадцать пар прилагательных, характеризующих эти фильмы. Для выделения типологических особенностей студентов с разными медиа-предпочтениями использовался опросник мотивационных объектов Ж. Ньютона (ВМО).

В результате студенты назвали 183 фильма, 63% из них - фильмы, производства США.

В результате факторного анализа было выделено 4 фактора, полученные нагрузки по которым были в дальнейшем подвергнуты корреляционному анализу с оценками студентов понравившихся им фильмов.

Фактор «Динамики и социальной направленности», вес 25,67% дисперсии. На одном полюсе здесь фильмы жанров «боевик», «приключение», «фантастика». Им противостоит криминальный жанр. Сложные ситуации, в которых оказываются герои этих фильмов, требуют от них отваги, смекалки, умение оригинальным способом выпутываться из сложившихся ситуаций. События развиваются стремительно, имея большую вероятность «Хэппи энда». Как правило, от действий героев зависит благополучие многих людей. Нагрузки по этому фактору коррелируют с такими оценками понравившихся студентам фильмов, как «динамичный» ($r=0,317$, $p<0.05$), «веселый» ($r=0,325$, $p<0.05$).

Фактор «Остроты сюжета и серьезности», вес 20,11% дисперсии. Сюда вошли фильмы «триллер», «детектив», на одном полюсе, и «комедия» - на другом. Действия здесь связаны с процессом раскрытия какого-то уникального преступления. Загадочность, тайна держат в напряжении зрителей в течение всего времени просмотра. Нагрузки по этому фактору коррелируют с такими оценками понравившихся фильмов, как «тяжелый» ($r=0,381$, $p<0.01$), «грустный» ($r=0,484$, $p<0.01$), при этом «оптимистичный» ($r=0,285$, $p<0.05$).

Фактор «Познавательности и реальности», вес 12,53% дисперсии. Это такие жанры, как «исторический», «военный», «драма». Объединяет эти жанры то, что здесь реконструируются реально происходившие события либо в человеческих взаимоотношениях, либо в истории. В

оценках понравившихся фильмов преобладают характеристики «тяжелый» ($r=0,261$, $p<0.05$), «поучительный» ($r=0,333$, $p<0.05$), «правдивый» ($r=0,322$, $p<0.05$).

Фактор «Мечтательности», вес 9,61% дисперсии. Жанры мелодрама и фэнтези объединяет сказочность с высокой вероятностью счастливого конца. В мелодраме, как и в фэнтези, герои сражаются за свою любовь, будь то реальный мир или мир наполненный магией. Такие фильмы девушки смотрят чаще, чем юноши ($r=0,364$, $p<0.01$). В их оценках фильмов преобладает «романтичность» ($r=0,296$, $p<0.05$) и «оптимистичность» ($r=0,296$, $p<0.05$).

Корреляция факторных нагрузок по жанровым предпочтениям с индексами интенсивности мотивационных объектов выявил следующие значимые связи, позволяющие выделить типы зрителей-студентов с определенной мотивационной направленностью.

У студентов, предпочитающих в фильмах наличие динамики и социальной направленности, выявлены корреляционные связи со следующими мотивационными объектами: «стать человеком, который заботится о нуждах других людей» ($r=0,351$, $p<0.05$), «стать честным человеком» ($r=0,296$, $p<0.05$). Таким образом, тема борьбы за социальную справедливость, отраженная в большинстве фильмов этого жанра, связана с интенсивностью мотивов, направленных на социум.

Студенты с жанровыми предпочтениями, характеризующимися остротой сюжета и серьезностью, отличаются меньшей мотивированностью по ряду объектов, в том числе таких, которые обладают высокой значимостью для других студентов: «быть счастливым» ($r=-0,327$, $p<0.05$), «прожить собственную жизнь» ($r=-0,320$, $p<0.05$). Наблюдения за эмоциональными переживаниями героев, прилагающими все силы к удовлетворению своих потребностей (прежде всего в безопасности), по-видимому, служит оправданием для собственной «мотивационной ленивости».

Для студентов, имеющих высокую нагрузку по фактору «Познавательность и реальность», характерна большая экзистенциальная направленность. Их отличают такие мотивы, как «сделать кого-нибудь счастливым» ($r=0,393$, $p<0.05$) и «больше времени уделять молитве» ($r=0,327$, $p<0.05$). Для них важно, чтобы их будущая работа была, прежде всего, интересна для них ($r=0,285$, $p<0.05$). Их опасения связаны, прежде всего, с тем, что они не оправдают ожиданий других: «стать плохим родителем» ($r=0,290$, $p<0.05$), «не владеть собой» ($r=0,390$, $p<0.01$), «разрушить отношения с определенным человеком» ($r=0,257$, $p<0.05$). Здесь художественные фильмы служат своеобразным помощником в получении знаний о мире и самом себе, чтобы правильно выстраивать свои отношения с окружающими людьми.

Жанры, объединенные в фактор «Мечтательность» выбирают, в первую очередь, студентки. Значимость таких мотивов, как «сильно продвинуться в моей работе» ($r=0,322$, $p<0.01$), «упорно учиться» ($r=0,319$, $p<0.05$), «честно заполнить этот тест» ($r=0,417$, $p<0.01$) говорит о том, что для этих студенток характерна старательность и наличие познавательного интереса. Можно говорить о наличии амбивалентности в их мотивах. С одной стороны, они стремятся к окружающим их людям. Для них важно «познакомиться со многими людьми» ($r=0,340$, $p<0.01$), «найти подходящего мне человека» ($r=0,314$, $p<0.05$). С другой стороны, они мечтают «время от времени побыть одному» ($r=0,366$, $p<0.05$), опасаются «быть зависимыми от других людей» ($r=0,276$, $p<0.05$) и «встретится с определенными людьми» ($r=0,261$, $p<0.05$). Низкая вероятность знакомства с людьми при наличии устойчивого желания их избегать рождает надежду на чудо, что находит отражение в выборе кинофильмов.

Таким образом, анализ полученных результатов позволил выделить четыре жанровых блока среди фильмов, особо запомнившихся студентам: динамичные фильмы с выраженной социальной направленностью; остросюжетные фильмы; познавательные фильмы, отражающие реально происходившие события и сказочные фильмы со счастливым концом. Выбор медиа-сообщений студентами определялся желанием подтвердить правильность своих собственных жизненных позиций и стратегий, получить знания об окружающем мире, необходимые им для удовлетворения собственных потребностей. Вместе с тем, в основе медиа-предпочтений могут лежать стремления оправдать собственные модели поведения и сбросить напряжение, возникающее при борьбе мотивов.

Литература

1. Богомолова Н.Н., Богомолова Н.Н. Социальная психология массовой коммуникации: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2008.

2. Зинченко В.П. Посох Осипа Манделъштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. – М.: Новая школа, 1997.

3. Rubin A.M., Uses, gratifications and media effects research, Perspectives on media effects, 1986.

Григорьев А.В.,

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов

РОЛЬ ВОЛЕВЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ЕЁ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнопсихологические детерминанты взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия личности» (грант №11-06-00026 а)

В процессе проявления социальной активности определяющим фактором достижения целей, поставленных субъектом перед собой, а так же фактором успешности преодоления препятствий на пути к цели являются волевые качества личности.

Воля формирует определенные качества личности, входящие в структуру характера, которые получили название «волевые качества». Волевые качества личности — это сложившиеся в процессе получения жизненного опыта свойства личности, связанные с реализацией воли и преодолением препятствий на жизненном пути (Шарова, 2007).

Для каждого вида социальной активности являются востребованными определённые волевые особенности личности. Конкретный набор таких особенностей будет актуальным для некоторых видов деятельности и не требоваться другим видам.

Рассмотрим показатели волевых особенностей личности студентов в зависимости от видов социальной активности. В исследовании принимали участие студенты ВУЗов города Саратова (200 человек). Для определения показателей социальной активности использовалось анкетирование, для выявления волевых особенностей личности – тестирование по методике М.В. Чумакова. Цель исследования – выявление различий в структуре волевых характеристик личности молодых людей в зависимости от вида социальной активности. Были выделены следующие группы испытуемых в зависимости от видов социальной активности: политически активные, культурно активные, проявляющие активность на развлекательных мероприятиях, в спорте, религиозно активные и активные в сфере туризма. Различия определялись методом подсчета t-критерия Стьюдента.

По первой шкале «Уровень ответственности» наибольшее количество различий с другими группами в проявлении ответственности у респондентов с социальной активностью в политической сфере. Показатель проявления ответственности у них ниже в сравнении с показателями всех остальных групп активности. По всей видимости, это связано с тем, что политики привыкли делегировать ответственность, распределять её по подчинённым субъектам. В особенности, это суждение применимо к людям, у которых политическая деятельность является профессиональной. Респонденты, занятые в других сферах активности, демонстрируют практически одинаковые показатели шкалы ответственности.

Особенно значимые различия по шкале инициативности наблюдаются у групп социально активных в культурной сфере, с одной стороны, и групп социально активных в сфере туризма, спорта и политики, с другой стороны. Больше остальных групп проявляют инициативность студенты, занятые туристической деятельностью. Это связано с частой организацией различных таких мероприятий, как походы, тренировки, туристические слёты, соревнования и т.д.

Чтобы понять причину низкого, по сравнению с остальными, показателя инициативности у социально активных в культурной сфере, можно взять в качестве примера деятельность молодёжного театрального кружка. В данной группе инициатива в большей степени должна исходить от художественного руководителя творческого коллектива, а не от актёрского состава.

Следующая шкала характеризует решительность. Наибольшее число значимых статистических различий наблюдается в группе респондентов, проявляющих социальную активность в сфере религии по сравнению с другими группами испытуемых. Качество решительности у опрошенных

в данной группе выражено в меньшей степени, чем у остальных, занимающихся другими видами социальной активности.

По шкале «самостоятельность» выделяются значимые различия по группе политически активных, активных в развлекательных мероприятиях и занимающихся туризмом, а так же по группе респондентов социально активных в культурной деятельности, с одной стороны, и группе проявляющих активность в сфере спорта. Очевидно, что занятые в сфере политики вести обособленную деятельность не могут. Их работа напрямую зависит от множества окружающих их внешних факторов.

Группа респондентов, активных в сфере развлекательных мероприятий, демонстрируют большие, в сравнении с группой политически активных, показатели качества самостоятельности. Чтобы принять участие в каком-либо развлекательном мероприятии человеку требуется, в первую очередь, его собственное желание, а не приказ «сверху», профессиональный долг или воля других людей. То же касается субъектов, проявляющих социальную активность в спорте. Занятие спортом – это самостоятельное решение каждого. Спортивные достижения, победы в соревнованиях, совершенствование физического состояния тела, все эти успехи зависят только от того человека, который данные действия совершает.

При дальнейшем анализе статистических данных, выясняется, что в сравнении с группами социально активных в сфере развлекательных мероприятий и в спорте, респонденты, активные в культурной среде, проявляет несколько большую самостоятельность. Видимо, такие показатели связаны с творческой направленностью личности субъектов, занимающихся культурной деятельностью. Творческое мышление способствует развитию навыка самостоятельно находить нестандартные, принципиально новые решения. Анализируя сущность творчества, А.Г. Ковалев, Н.С. Лейтес, Я.А. Пономарев и др. определяют его как высшую форму активности человека в его самостоятельной деятельности (Круглова, 2007).

Наибольшее количество значимых статистических различий наблюдается по шкале, характеризующей качество выдержки личности респондентов. В результате сравнения показателей выдержки у группы активных в религиозной сфере с показателями других групп, выявлены значимые различия по каждому пункту сравнения. Религиозно активные демонстрируют большую выдержку, чем опрошенные из других групп активности. Религиозные учения побуждают верующих к проявлению терпения. Большинство мировых конфессий одобряют стремление к духовному умиротворению. Совокупность этих факторов объясняет наличие высокого показателя качества выдержки у религиозно активных.

Следующая шкала, подлежащая анализу, демонстрирует качество настойчивости различных групп социальной активности. В ней оказалось меньше всего статистически значимых различий. Показатели настойчивости во всех группах практически идентичны. Что говорит об одинаково большой значимости данного качества в любой из сфер социальной активности. Однако различия всё же присутствуют, они наблюдаются при сравнении групп активных в сфере развлекательных мероприятий, в религиозной сфере и в туризме, с одной стороны, и группы активных в спорте, с другой стороны, что свидетельствует о большей роли настойчивости в спортивной деятельности.

По шкале, представляющей качество энергичности, наибольшее число значимых различий выявлено у группы активных в сфере религии. По сравнению с другими группами активности религиозно активные в большей степени энергичны. По всей видимости, данные показатели связаны с состоянием духовного воодушевления, присущим большинству верующих. Перекладывая ответственность за свою жизнь на высшие силы, они не тратят энергию на принятие решения, сомнения, переживания, связанные с будущим, тревожность, сохраняя ее для других социальных действий.

При анализе шкалы, отражающей качество внимательности опрошенных, были выявлены значимые различия при сравнении групп активных в политической сфере и в религии с остальными группами социальной активности. Эти две группы имеют самые низкие показатели внимательности.

Последняя шкала анализа волевых качеств, согласно выбранной методике, характеризует целеустремленность. Наибольшее количество статистически значимых различий наблюдается в двух группах социальной активности: активные в религиозной сфере и активные в сфере туризма. Респонденты, проявляющие активность в этих областях, демонстрируют высокие, в сравнении с остальными группами, показатели целеустремленности. Социально активные верующие считают

своей первоочередной целью служение высшим силам и самоотверженно следуют этой цели. Это и объясняет наивысший среди других групп активности показатель целеустремленности.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Наибольшее число различий с остальными группами активности наблюдается у группы религиозно активных. В целом опрошенные этого вида активности демонстрируют очень высокие показатели волевых качеств личности.

2. Настойчивость как качество личности практически в равной степени проявляется у респондентов всех групп.

3. Политически активные субъекты в меньшей степени, чем члены других групп, используют волевые усилия в своей деятельности.

Литература

1. Круглова Л.Ю. К определению понятия «творческая самостоятельность» // Вестник ОГУ. 2007. №6. С. 40-46.

2. Шарова Н.В. Общая психология: Психология личности: учеб.пособ. Ярославль, 2007.

Григорьева М.В.,

Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского, Саратов

УРОВНЕВЫЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнопсихологические детерминанты взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия личности» (грант №11-06-00026 а).

Социально-экономические трансформации в современном обществе требуют от человека проявления определенных субъектных качеств, позволяющих понимать суть происходящих событий, в соответствие с этим пониманием и личностными смыслами регулировать и координировать свою активность, осуществлять интеграцию личности в различные сферы общественных отношений. Проявление активности личности, обусловленное ее включением в социальные взаимодействия, понимается нами как социальная активность личности.

Социальная, в том числе и социально-экономическая, активность личности может анализироваться с позиций микроуровня, на котором рассматриваются ее особенности, характерные для человека как отдельного субъекта и личности; мезоуровня, на котором анализируются процессы взаимодействий на уровне микрогруппы; макроуровня, на котором изучается влияние более общих и широких социально-психологических явлений на индивидуальные системы взаимодействий личности и среды. Очевидно, этнопсихологическая детерминация социальной активности личности связана с макроуровнем социально-психологического анализа, поскольку в данном случае речь идет о больших социальных группах, к которым относятся и этнические. Вместе с тем анализ социальной активности личности с учетом ее принадлежности к определенному этносу возможно, а в некоторых случаях и более продуктивно, проводить на микро- и мезоуровнях. Действительно, социальная активность личности проявляется в конкретных ситуациях социальных взаимодействий, осуществляемых чаще всего в микрогруппах. Именно здесь предоставляются ситуативные и контекстуальные возможности проявления или требования «сглаживания» этнопсихологической специфичности личности, а от субъектных и личностных качеств во многом зависит реализация данных возможностей. При этом, конечно, следует учитывать, что структурно более сложный и содержательно широкий социально-психологический макроуровень социальной активности, включающий взаимодействия внутри этногрупп и межэтнические взаимодействия, значимо влияет на социальную активность личности в микрогруппах.

Детерминация социальной и социально-экономической активности молодежи на каждом из названных уровней имеет свою специфику. Чем сложнее и более высокоорганизован уровень, тем сложнее детерминация социальной и социально-экономической активности личности. Факторы, влияющие на данные виды активности молодежи, с переходом на более высокий уровень организации становятся более объемными, одновременно более целостными и синтетическими,

плохо поддающимися детальному структурному анализу. Так, например, в наших исследованиях показано, что в процессе выявления этнопсихологической специфики взаимосвязи социальной активности личности и ее субъективного благополучия достаточно только назвать фактор принадлежности к определенной этнической группе и провести сравнительный анализ взаимосвязей для того, чтобы получить практико-ориентированный результат, указывающий на особенности как социальной активности и субъективного благополучия личности, так и на особенности их взаимосвязи (Григорьева, 2012). На мезоуровне факторной детерминации социальной и социально-экономической активности возможен более детальный анализ факторов и специфики их влияния, в результате которого можно получить развернутую психологическую и социально-психологическую картину изучаемого явления.

В исследовании, целью которого было выявление факторов социальной активности молодежи на мезо- и микро- уровнях, был выявлен комплекс значимых факторов, способствующих повышению, оптимизации или угнетению социальной активности старшеклассников. В исследовании приняло участие 240 учащихся 9-10 классов школ г. Саратова и области.

Среди социально-психологических факторов, положительно влияющих на социальную активность молодежи, следует назвать высокоразвитую потребность в общении ($r=0,34$, при $p < 0,001$), что вполне естественно указывает на роль социальной активности как социально-психологического средства в реализации потребности в общении. Выявлена также положительная взаимосвязь социальной активности и стремления к комфорту и субъективному благополучию ($r=0,32$, при $p < 0,001$). Очевидно, достижение субъективного благополучия связано в сознании молодых людей с социальными взаимодействиями и взаимоотношениями и невозможно без них. Кроме того субъективное благополучие связано с тем, что считается в данном обществе благом (Шамионов, 2004), а социальная активность может быть направлена в данном случае на социальное познание и освоение ценностей и норм социальной группы или общества в целом. В свою очередь, по результатам корреляционного анализа видно, что стремление к субъективному благополучию взаимосвязано с такими социально-психологическими явлениями, как толерантность личности ($r=0,28$, при $p < 0,01$) и широта ее взглядов ($r=0,21$, при $p < 0,05$). Возможно, это связано с тем, что в процессе социальной активности, имеющей целью достижение субъективного благополучия, толерантность обеспечивает нейтрализацию негативных эмоций и чувств по отношению к другим людям, а широта взглядов вариативность отношений и взаимодействий, когда можно выбрать наиболее оптимальный способ социальных взаимодействий и сформировать наиболее эффективный сценарий развития событий.

Выявленные на микроуровне психологические факторы социальной активности личности связаны с высокими материальными и духовными запросами ($r=0,25$, при $p < 0,01$), самоконтролем ($r=0,29$, при $p < 0,01$) и творческой активностью ($r=0,29$, при $p < 0,01$). Первая взаимосвязь в этом ряду еще раз подтверждает роль социальной активности как средства реализации определенной потребности, а также социальный характер данной реализации. Однако видно, что высокие запросы значимо снижают терпимость личности к другим ($r = -0,39$, при $p < 0,001$) Самоконтроль, очевидно, является одним из значимых субъектных качеств личности, позволяющих инициировать, запускать, осуществлять и регулировать весь процесс социальной активности личности. Взаимосвязь социальной активности личности с ее творческой активностью свидетельствует о взаимодополнении и взаимоусилении данных видов активности. Данный факт можно использовать в процессе организации социально активной молодежи и развитии ее творческой и социальной активности.

Довольно значимы и отрицательные факторы социальной активности молодежи. К ним можно отнести независимость и самостоятельность ($r = -0,26$, при $p < 0,01$) и страх перед учителями ($r = -0,47$, при $p < 0,001$). Самодостаточная, независимая и самостоятельная личность, скорее всего, не будет стремиться достигать свои цели через социальные взаимодействия. Уверенность в себе, опыт достижения успеха позволяют таким молодым людям использовать свой личностный потенциал и не обращаться за помощью к окружению. Надо отметить, что проявление независимости и самостоятельности в достижении целей до определенного момента может оптимизировать деятельность, но соотнесение своих целей с социальными нормами и ценностями, а также практическая проверка значимости своих достижений требуют от личности и социальных взаимодействий и активности в сфере социальных отношений. Неоднозначность отрицательной взаимосвязи социальной активности личности и ее независимости и самостоятельности требует

также гибкости в выборе психолого-педагогических и воспитательных целей по формированию личной самостоятельности и социальной активности у старшеклассников.

Самым значимым фактором социальной активности молодежи явился страх перед учителями. Он блокирует социальную активность старшеклассников ($r = -0,47$, при $p < 0,001$), провоцирует ожидание неудач ($r=0,28$, при $p < 0,01$), социальный стресс ($r=0,37$, при $p < 0,001$). Все это обостряется и усиливается ожиданиями окружающих ($r=0,29$, при $p < 0,01$) и происходит чаще всего в ситуациях проверки знаний ($r=0,24$, при $p < 0,05$).

Таким образом, к значимым факторам социальной активности молодежи относятся:

- на макроуровне – принадлежность к этнической группе или группе своего социального статуса;
- на мезоуровне – высоко развитая потребность в общении, стремление у субъективному благополучию, толерантность и широта взглядов;
- на микроуровне – положительные факторы – высокие материальные и духовные запросы, самоконтроль, творческая активность, отрицательные факторы – независимость и самостоятельность личности и страх перед учителями.

Литература

1. Григорьева М.В. Этнопсихологическая специфика адаптационной активности и субъективного благополучия личности // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. Вып. 1. С. 49-53.
2. Шамионов Р.М. Психология субъективного благополучия личности. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004.

*Губайдуллина Г.Г.
Центр психолого-экономических исследований СГСЭУ при СНЦ РАН,
Саратов*

ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ И ВЫБОРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

В настоящее время определение факторов, влияющих на экономическую активность и выбор экономической стратегии, является важной проблемой, рассматриваемой в работах большого числа ученых. Множество выделяемых в научных трудах факторов можно разделить на две группы: объективные (например, институциональная среда, социальный контекст и др.) и субъективные (например, личностные характеристики, особенности менталитета и др.).

Важным фактором, оказывающим влияние на экономическую активность и выбор экономической стратегии, выступает состояние, в котором находится субъект на момент принятия решения. Выделение данной детерминанты обусловлено следующими теоретическими предпосылками. Одной из форм экономической активности является экономическое поведение, которое определяется выбранной человеком стратегией. В самом общем смысле слова стратегия представляет собой способ достижения цели. Экономическая стратегия в таком случае представляет собой способ достижения экономической цели, которой, согласно экономической науке, выступает получение прибыли, дохода. М. Алле в свое время после проведения знаменитого эксперимента выделил основные экономические стратегии, определяющие экономическое поведение: максимизации выигрыша, минимизацию проигрыша и неопределенную (Allais, 1953). Проблема выбора в экономике дополнена и расширена Д. Канеманом и А. Тверски в теории перспективы. Авторы показали, что экономические решения принимаются относительно текущего материального положения, в котором находится субъект, обозначив это положение как «точку отсчета» (Канеман, Тверски, 2003). Согласно теории перспективы решение о выборе экономической стратегии должно приниматься человеком относительно этой точки. То есть точка отсчета (или материальное положение субъекта), исходя из воззрений данных авторов, является объективным фактором, влияющим на выбор экономической стратегии, а, следовательно, и на экономическую активность.

Одним из субъективных факторов, влияющих на экономическую активность, является отношение личности к ее проявлениям. Так, согласно теории В.Н. Мясищева именно отношение определяет действия личности (Мясищев, 1960). Подобных взглядов придерживаются и такие ученые как

А.Ф. Лазурский, Б.Ф. Ломов и др. Исходя из этого любая форма активности (в том числе экономическая) детерминирована структурой отношений личности к объектам, на которые она направлена, а также отношением к самому процессу активности. Большинство авторов разделяют позицию о том, что основными проявлениями экономической активности выступают труд и работа. Так, Л.В. Пурыжова отмечает, что экономическая активность представляет собой, «систему предметно-преобразующих видов трудовой деятельности, при реализации которой происходит удовлетворение материальных потребностей человека, самоутверждение и самореализация в его профессиональной деятельности» (Пурыжова, 2004).

В экономической науке, на сегодняшний день нет единого мнения о том, являются ли труд и работа одним и тем же проявлением экономической активности или нет. Некоторые ученые, такие как К. Маркс, не отождествляют их между собой (Маркс, 1951), другие, такие как Ф. Бастиа и А. Маршалл, используют данные слова как синонимы (Бастиа, 2007; Маршалл, 1993). В связи с этим возникает вопрос: совпадает ли отношение людей к данным проявлениям активности или нет.

Вышеозначенное позволяет нам выдвинуть ряд гипотез, нуждающихся в эмпирической проверке:

1. отношение к экономической активности выступает субъективным фактором выбора экономической стратегии;

2. точка отсчета, введенная Д. Канеманом и А. Тверски, является объективным фактором, влияющим на формирование экономической стратегии человека и, следовательно, на экономическую активность;

3. отношение к труду и работе различается по отдельным характеристикам.

Для проверки данных гипотез, нами было проведено комплексное исследование экономического поведения, включающее исследование отношения к труду и работе. Его методическую основу составили адаптированный вариант метода семантического дифференциала для выявления связи отношения к труду и работе, тест М. Алле для определения типа выбираемой экономической стратегии, информация о материальном положении респондентов по уровню дохода на семью и оценка своего материального положения самими испытуемыми для определения «точки отсчета», в которой находится человек на момент принятия решения. Для исследования структуры отношения к труду и работе была использована методика «Определение структуры отношения», разработанная в Центре психолого-экономических исследований СГСЭУ при СНЦ РАН. В основе данной методики лежит модель структуры субъективных отношений, включающая в себя такие параметры как опасность, контактность, полезность, значимость, важность (Емелин, 2009).

Общий объем выборки, которая включала в себя респондентов разного возраста, социального статуса, и материального положения, составил 121 человек.

На первом этапе анализа была проведена группировка респондентов по типу выбранной ими экономической стратегии, в результате которой были выделены три группы: респонденты, выбравшие стратегию максимизации выигрыша; респонденты, выбравшие стратегию минимизации проигрыша; респонденты, выбравшие смешанную стратегию экономического поведения. Затем в каждой из данных групп была проанализирована структура отношения к работе. В итоге получены следующие результаты:

1. респонденты, использующие стратегию максимизации выигрыша, оценивают вероятность контакта с работой в среднем выше, чем респонденты использующие стратегию минимизации проигрыша или неопределенную;

2. респондентами, использующими стратегию максимизации выигрыша, работа оценивается как безопасная. Как наиболее опасная работа оценивается респондентами, использующими стратегию минимизации проигрыша;

3. для респондентов, использующих стратегию максимизации выигрыша, работа представляет наибольшую полезность. Наименьшую полезность работа представляет для респондентов, использующих неопределенную стратегию;

4. наибольшую значимость работа имеет для респондентов, использующих стратегию максимизации выигрыша. Респонденты, использующие неопределенную стратегию, оценивают работу как наименее значимую;

5. респонденты, использующие стратегию максимизации выигрыша, оценивают работу как нужную. Наиболее низко нужность работы оценивают респонденты, использующие неопределенную стратегию.

6. респонденты, использующие стратегию максимизации выигрыша, оценивают работу как позитивную. Наименьшие оценки позитивности отметили респонденты с неопределенной стратегией;

7. респонденты, использующие стратегию максимизации выигрыша, наиболее высоко оценивают свое стремление к работе. Наименьшие оценки стремления отметили респонденты с неопределенной стратегией.

Исходя из проведенного анализа, можно выдвинуть гипотезу о том, что субъекты, характеризующиеся более позитивным отношением к работе (в нашем случае имеется в виду, что они оценивают вероятность контакта, безопасность, полезность, значимость, нужность, позитивность работы и свое стремление к ней как высокие) стремятся максимизировать выигрыш, а люди с низкой оценкой перечисленных выше параметров – минимизировать проигрыш.

Для того чтобы определить совпадают ли субъективные детерминанты экономической активности относительно работы и труда, была рассчитана корреляционная связь между параметрами отношения посредством коэффициента корреляции К. Пирсона. Результаты показали, что между компонентами отношения к данным видам экономической активности существует прямая, но незначительная связь (коэффициент корреляции между трудом и работой по уровню вероятности контакта равен 0,33, по уровню безопасности 0,43, по уровню полезности 0,17, по уровню значимости 0,35, по уровню нужности 0,24, по уровню позитивности 0,22 и по уровню стремления 0,34). Полученные данные показывают, что отношение к труду и работе людей различно, то есть данные факторы, влияющие на эти проявления экономической активности, не совпадают.

Для определения того, что можно понимать под точкой отсчета для принятия экономического решения – реальный уровень материального положения или субъективную оценку, мы провели анализ связи между ними. Нами был рассчитан коэффициент корреляции К. Пирсона, который составил $r=0.52$, что позволяет говорить о том, что субъективная оценка благосостояния связана с реальным положением, но не полностью определяется объективными экономическими показателями.

Данные, полученные в результате сравнения отношения к труду и работе и точки отсчета, в которой находился человек, показывают, что существует прямая, но незначительная связь между оценкой вероятности контакта, значимости и нужности работы и объективным уровнем дохода ($r=0,256$; $r=0,230$ и $r=0,286$ соответственно) оценкой благополучия связанной еще и с оценкой безопасности работы ($r=0,267$; $r=0,231$ и $r=0,344$ соответственно), то есть точка отсчета и отношение к труду и работе практически не связаны.

Коэффициент корреляции К. Пирсона между уровнем дохода и выбором экономической стратегии почти равен нулю ($r=0,02$), что может говорить о существовании нелинейной связи между данными объектами. Связь точки отсчета и выбора экономической стратегии возможна, но неочевидна.

Рассмотрев данные эмпирического исследования можно сделать следующие предварительные выводы:

1. Люди, использующие стратегию максимизации выигрыша, оценивают вероятность контакта с работой, ее безопасность, полезность, значимость, нужность, позитивность и уровень своего стремления к ней в среднем выше, чем респонденты использующие стратегию минимизации проигрыша или неопределенную стратегию. Таким образом, мы можем выдвинуть гипотезу о том, что отношение является субъективным фактором, влияющим на выбор экономической стратегии, при этом отношение людей к труду и работе различно;

2. Возможно существование нелинейной связи между уровнем дохода человека и выбором им экономической стратегии, при этом уровень дохода людей и его субъективной оценкой, практически не связан с отношением к труду и работе.

Полученные данные позволяют говорить необходимости проведения дальнейшего исследования связи отношения к труду и работе, вида используемой экономической стратегии и материального положения, в том числе необходим дальнейший анализ собранных в ходе исследования данных для уточнения и проверки выявленных корреляционных связей.

Литература

1. Бастиа Ф. Экономические гармонии. Избранное. М.: Эксмо, 2007.

2. Емелин А.Н. Структура отношения субъекта к деньгам // Психология и экономика. 2009. Т 2. №2. С. 63-76.
3. Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 4. С. 31-42.
4. Маркс К. Капитал. М.: Политиздат. 1951.
5. Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Прогресс, 1993.
6. Мясищев В.Н. Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека. М., 1960. Т.2.
7. Пурьжова Л.В. Влияние государственной поддержки на развитие экономической активности в сфере малого предпринимательства: на примере Калининградской области: автореферат на соискание ученой степени кандидата экономических наук. 2004.
8. Allais M. Le Comportement de l'Homme Rationnel devant le Risque: Critique des Postulats et Axiomes de l'Ecole Americaine // Econometrica, 1953. V. 21. №4. P. 503-546.

*Доценко О.Н., Бондаренко И.Н.,
ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва*

КРИТЕРИИ УСПЕШНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ РАЗНЫХ ТИПОВ ПРОФЕССИЙ*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №11-06-01088а

Проблема успешности профессиональной деятельности является междисциплинарной, и большей степени она нашла отражение в экономических, социологических и психологических исследованиях. В процессе изучения психологической успешности рассматривались многочисленные факторы и личностные качества, способствующие достижению успеха (А.Л. Журавлев, Ю.М. Забродин, В.В. Новиков, Т.В. Корнилова, и др.). Несмотря на это, однозначное определение успешности профессиональной деятельности и ее критериев до сих пор не выработано. Традиционно критерии успешности рассматриваются в рамках конкретного типа профессий и зависят от характера профессиональной деятельности. В одних случаях они задаются в служебных инструкциях и без каких-либо изменений фактически совпадают с содержанием целей. В других - вырабатываются специалистами самостоятельно и имеют отношение к различным психологическим феноменам: уверенности в себе и самоэффективности (Водопьянова, Старченкова, 2008), уровню притязаний (Dweck, 2011), самооценке (Корнеева, 1989, Славнов, 2003), Я-концепции (Афанасенко, 2005), соответствию задач и способностям к данной деятельности (Теплов, 1961) и т.д.

Стремление достичь целей своей профессиональной деятельности (т.е. быть *объективно* успешными) требует постоянных физических и/или умственных усилий, определенных физиологических и психологических затрат и может приводить к эмоциональному истощению и утомлению. Подобное не происходит, если эмоциональная направленность специалиста соответствует требованиям профессии. Это соответствие дает ему возможность реализовать в деятельности свои ценностные ориентации и связанные с ними субъективно значимые эмоциональные переживания, достигать удовлетворенности трудовым процессом, формировать высокую *субъективную* оценку своей успешности. Мы предполагаем, что именно позитивные эмоциональные переживания могут служить индикаторами успешности сотрудников.

«Так, один тот же предмет может переживаться как приятный, скучный, желательный, т.е. в сопровождении некоторой эмоции, но вместе с тем и как реально существующий знакомый, находящийся «там», что-то напоминающий. Сближает эмоции и рассматриваемые переживания также и то, что оба явления определяются не столько самими по себе объективными свойствами предметов, сколько отношением этих свойств к внутренним образованиям индивида: в случае эмоций – к потребностям, ходу их удовлетворения, в случае переживаний, как правило, к накопленному опыту, к активности по его использованию» (Вилюнас, 2011, с. 161).

Весь спектр эмоциональных переживаний был обобщен в концепции *эмоциональной направленности*, разработанной отечественным психологом Б.И. Додоновым (Додонов 1978, 1979).

В ней представлены только те эмоции, которые в сознании людей предстают в качестве «ценных» переживаний. Эмоциональные переживания человека рассматриваются не только в своей основной, оценочно-отражательной функции, но и в функции относительно самостоятельных ценностей для личности. Эмоциональная направленность - это «...первоначально чисто функциональная потребность человека в эмоциональном насыщении, преобразуясь в стремление субъекта к определенным переживаниям своих отношений к действительности, становится одним из важных факторов, определяющих направленность его личности» (Додонов, 1978, с.103). Она возникает в процессе определенной деятельности и сигнализирует о значимых для индивида событиях (т.е., достигаемых результатах, действиях, поступках и т.п.). Эмоциональные переживания могут оказаться настолько позитивными, что приведут к формированию особого, психологически обусловленного тяготения к их повторным проявлениям. Такое тяготение прочно объединяется с осуществлением данного вида деятельности, к которой человек стремится как ради достижения значимых результатов, так и ради самого процесса деятельности, доставляющего ему эмоциональное удовлетворение.

По мнению О.А. Конопкина, «сложившаяся эмоциональная направленность обуславливает постоянный интерес человека к той деятельности, в процессе осуществления которой он насыщается «ценными» для него переживаниями» (Конопкин, 2010, с.270).

Опираясь на концепцию эмоциональной направленности, разработана анкета самооценки успешности в профессиональной деятельности «Критерии субъективной успешности» (Доценко, Бондаренко, 2011).

В исследовании принимали участие специалисты двух типов профессий: «человек-человек» (N=36) и «человек-техника» (N=30).

Для сбора эмпирических данных были использованы следующие методики: опросник Б.И. Додонова на выявление типов эмоциональной направленности личности (Додонов, 1978); адаптированный опросник «Диагностика процессуальной мотивации трудовой деятельности» («Job Diagnostic Survey» (JDS) Hackman, Oldham, 1980; адаптация Бондаренко, 2010); шкала процессуальной мотивации трудовой деятельности (Deci, Ryan, 2002); русскоязычная версия опросника «Профессиональное выгорание» (Водопьянова, Старченкова, 2008); авторская анкета самооценки успешности в профессиональной деятельности (Доценко, Бондаренко, 2011); тест «Утрехтская шкала увлеченности работой» («UWES» Schaufeli, Bakker; адаптация Кутузовой, 2008).

На основании проведенного исследования были сделаны следующие *выводы*:

1. Результаты кластерного анализа показали, что субъективные оценки успешности представителей двух рассмотренных типов профессий существенно различаются. Представители профессий типа «человек-человек» чувствуют себя успешными, если у них есть возможность оказывать помощь и поддержку другим людям, общаться и сопереживать. Критерии успешности представителей профессии «человек-техника» иные. Они чувствуют себя успешными, если на работе есть возможность общаться и удовлетворять потребность в самоутверждении, славе и почете. Эти критерии отмечаются специалистами как приоритетные.

2. Специалисты обеих групп на второе место ставят такие критерии успешности, как возможность решать сложные задачи, требующие наличия разнообразных способностей, умений и навыков, а также присутствие элементов новизны, чего-то выходящего за рамки привычного каждодневного опыта.

3. В третьих, представители социомических профессий чувствуют себя успешными, когда в их деятельности удовлетворяется стремление к эстетической гармонии с миром, телесному и душевному комфорту, переживанию чувства прекрасного. Для социотехнических профессий важно материальное вознаграждение, позволяющее обеспечить сотрудникам телесный и душевный комфорт.

4. Факторный анализ, проведенный на каждой выборке, отдельно показал, что для представителей рассмотренных типов профессий критерии успешности положительно связаны с внутренней мотивацией (Ryan&Deci), процессуальной мотивацией, вовлеченностью и отрицательно - с выгоранием.

5. Для представителей социомических профессий рассмотренные показатели образуют шестифакторную структуру, объясняющую 70% изменчивости. Те же показатели для социотехнических профессий образуют 5-и факторную структуру, за счет того, что показатели

внутренней и процессуальной мотивации, вовлеченности и редукции профессиональных достижений (со знаком минус) образуют единый фактор.

Анализ результатов показал, что такой критерий успешности как наличие сложных комплексных трудовых заданий, способствует поддержанию высокой процессуальной мотивации, вовлеченности (engagement), стремлению к профессиональному росту и развитию, снижению риска выгорания у представителей обеих профессиональных групп.

Литература

1. Афанасенко И.В. Стратегии построения карьеры как компонент профессиональной Я-концепции // Сборник материалов III всероссийского съезда психологов. – СПб.: Изд-во Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2005.
2. Бондаренко И.Н. Личностные детерминанты процессуальной мотивации трудовой деятельности. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2010.
3. Вилюнас В.К. Проблема субъективного переживания // Педагогический журнал Башкортостана. 2011. №5(36) С.161
4. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. - СПб.: Питер, 2008.
5. Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. - М.: Академия: Смысл, 2006.
6. Додонов Б.И. Эмоции как ценность. – М.: Политиздат, 1978.
7. Доценко О.Н. Эмоциональная направленность как фактор «выгорания» у представителей социномических профессий // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 5. С. 92-101.
8. Корнеева Л.Н. Самооценка как механизм саморегуляции профессиональной деятельности // Вестник ЛГУ. 1989. Вып. 4 , с.91-96
9. Теплов Б.М.. Способности и одарённость // Проблемы индивидуальных различий. М., 1961. С.9-20.
10. Deci E.L., Ryan R.M. Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. N.Y.: Plenum, 1985.

Дулина Г.С.,

ЧГУ им. И.Н. Ульянова, Чебоксары

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УСПЕШНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Сфера предпринимательства привлекает многих людей, но не каждый обладает теми социально-психологическими качествами, которые необходимы субъекту этой деятельности. Преуспевающий предприниматель – это человек, стремящийся к самореализации, обладающий способностью принимать решения, нести ответственность, организовывать дело, идти на инновации и рисковать в условиях неопределенной рыночной среды. Предприниматель – это человек с особым складом ума, действий и личностных устремлений. Все это делает чрезвычайно актуальным психологические исследования современных предпринимателей и предпринимательской деятельности.

На вопрос, какой совокупностью личных качеств должен обладать индивидуум, чтобы стать преуспевающим предпринимателем, нельзя ответить однозначно, однако исторический опыт развития цивилизованного предпринимательства позволяет сделать некоторые обобщения. Так, цивилизованные и преуспевающие предприниматели должны обладать следующими чертами: быть компетентными, целеустремленными, инициативными, проявлять лидерство, уважать мнение других, позитивно относиться к людям, постоянно учиться, быть готовым к принятию риска, уметь преодолевать сопротивление окружающей среды, проявлять настойчивость в достижении поставленной цели, обладать чувством ответственности, упорства, большой силы воли, иметь творческое начало, быть трудолюбивым и иметь высокую работоспособность, уметь привлекать необходимы партнеров, иметь коммерческий финансовый склад ума (Захарова, 2002).

Большинство исследователей личностных качеств предпринимателей приходят к выводу, что эти люди, обладающие склонностью к поиску и внедрению новых идей, изобретений, технологий,

люди постоянной инициативы и творчества, неуемной энергии. Они готовы на разумный, строго рассчитанный риск, так как без риска нет предпринимательства (Дулина, 2006).

Предприниматели – это люди, способные постоянно и много трудиться, учиться на чужих ошибках, из своих ошибок извлекать уроки. Эти люди, уверенные в своих силах, поэтому они постоянно учатся, изучают проблемы, связанные с их бизнесом. Удачливые предприниматели понимают, что постоянно пополняемые знания являются базой предпринимательства. Инструментом, основным рычагом развития предпринимательства являются инновации, нововведения. Это смелые люди, но смелость их ограничена уровнем разумных притязаний (Захарова, 2002).

В данном исследовании приняли участие 22 мужчин и 21 женщина. Возраст испытуемых 25 – 50 лет (средний возраст – 36 лет). Согласно анкетным данным стаж предпринимательской деятельности опрошенных составил 2 – 11 лет (в среднем – 6 лет).

Для оценки достижения успеха и избегания неудач респондентам была предложена Опросник для оценки достижения успеха (в обработке Магомед-Эминова). Анализ результатов свидетельствует о том, что у 71,25% опрошенных преобладает мотивация достижения успеха, а у 28,75% испытуемых наблюдается мотивация избегания неудач. Наблюдаются различия между мужчинами и женщинами в мотивации поведения. Среди мужчин у 67,5% преобладает стремление к успеху и только у 32,5% доминирует стремление избегать неудач. Среди женщин – 72,5% стремятся к успеху и 27,5% к избеганию неудач. Также можно отметить, что мотив достижения у мужчин связан с достижением социального успеха, соревновательностью, конкуренцией, в то время как у женщин он актуализируется в ситуации индивидуальной деятельности. Актуализация мотива достижения у мужчин может проходить посредством двух механизмов – оценки привлекательности и оценки вероятности успеха, которые относительно независимы друг от друга. У женщин они, напротив, тесно связаны.

Для определения уровня субъективного контроля испытуемым была предложена Методика определения уровня субъективного контроля Дж. Роттера. Были получены следующие результаты: у 58,75% опрошенных предпринимателей установлен интернальный локус контроля, т.е. такие люди считают, что большинство важных событий в их жизни является результатом их собственных действий, что ни могут управлять ими, и, таким образом, они чувствуют свою собственную ответственность за эти события и за то, как складывается их жизнь в целом. А у 41,25% респондентов выявлен экстернальный локус контроля, т.е. эти люди не видят связи между своими действиями и значимыми для них событиями жизни, не считают себя способными контролировать эту связь и полагают, что большинство событий и поступков являются результатом случая или действий других людей. Что касается гендерных различий, то результаты показывают, что среди мужчин у 65% опрошенных выявляется интернальный локус контроля, а у 35% - экстернальный. Среди женщин у 52,5% доминирует интернальный локус контроля, у 47,5% преобладает экстернальный уровень контроля.

Чтобы оценить способность респондентов действовать в условиях высокой неопределенности и непредсказуемости, необходимости принимать рискованные решения и нести личную ответственность за них в случае неудач использовалась Методика диагностики степени готовности к риску Р. Шуберта. В результате было получено, что у 27,5% опрошенных диагностируется низкая степень готовности к риску, 46,25% респондентов обладают средней степенью готовности к риску, а 26,25% имеют высокие показатели. Важно подчеркнуть, что высокая готовность к риску сопровождается низкой мотивацией к избеганию неудач. Также необходимо отметить, что у 25% опрошенных высокая степень готовности к риску сопровождается наиболее низкими показателями по шкале общей интернальности, то есть, чем выше готовность к риску, тем ниже уровень субъективного контроля. Что касается гендерных отличий, то среди мужчин низкая степень готовности к риску преобладает у 30% опрошенных, 42,5% характеризуются средней готовностью к риску, а 27,5% респондентов – высокой. Среди исследуемых женщин у 30% диагностируется низкая степень готовности к риску, у 47,5% - средняя и 22,5% испытуемых имеют высокие значения готовности к риску.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1. Для эффективной предпринимательской деятельности необходимо обладать рядом определенных социально-психологических характеристик.

2. У большинства опрошенных предпринимателей выражено стремление к успеху, нежели к избеганию неудач.

3. Большинство респондентов имеют интернальный локус контроля, т.е. они считают, что добились сами всего хорошего, что было и есть в их жизни и что способны с успехом достигать своих целей и в будущем.

4. У большинства исследуемых предпринимателей установлена средняя степень готовности к риску, более того, с приобретением опыта степень готовности к риску снижается.

5. Можно рекомендовать предпринимателям адекватно оценивать свои способности и стремиться к успеху, который обеспечивает успешную деятельность и умение противостоять трудностям.

Литература

1. Дулина Г.С. Исследование личностного потенциала. – Чебоксары, 2006. – 36 с.
2. Захарова А.Н. Психология экономического поведения предпринимателей. – Чебоксары, 2002. – 46 с.

Елизаров А.Н.,

Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, Москва

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧНОСТЬ ОБЩЕНИЯ КАК ФАКТОР СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Со времен Аристотеля известно, что человек – существо социальное: как физически, так и психологически он зависим от общества других людей. Большинство людей проводит примерно одинаковое время в трех социальных контекстах: 1) посторонние, коллеги, одноклассники, однокурсники; 2) семья: для детей – это родители, братья и сестры, для взрослых – их родители, супруги, дети; 3) отсутствие других людей: одиночество (Чиксентмихайи, 2011, с. 21–22). В современной семье ее члены часто исполняют роль «семейного психотерапевта». Это позволяет говорить применительно к семье о качестве (свойстве) внутрисубъектных отношений «высокая психотерапевтичность общения – низкая психотерапевтичность общения». Результаты исследования, выполненного лабораторией социальной психологии Института психологии РАН, показывают, что в семьях с неблагоприятными социально-экономическими условиями жизни материальные трудности часто не приводят к дестабилизации семьи, нивелируясь благоприятными социально-психологическими факторами, свидетельствуют, что семьи с неблагоприятными социально-экономическими условиями жизни могут успешно преодолевать жизненные трудности благодаря позитивным психологическим взаимоотношениям супругов: взаимопониманию, доверию, психологической помощи и поддержке, высокому уровню культуры общения и т.п. (Журавлев, 2005, с. 125–130). Данные результаты позволяют рассматривать качество (свойство) внутрисубъектных отношений в группе «высокая психотерапевтичность общения – низкая психотерапевтичность общения» как фактор совместной деятельности.

Исследование, осуществленное нами совместно с И.В. Брычкиной в 2009 – 2010 годах, подтверждает это. Проверялись следующие гипотезы:

1. В семьях, супруги из которых никогда не обращались в психологическую консультацию по вопросам, связанным с супружеской изменой, и не подозревают друг друга в супружеской измене, наблюдается большая удовлетворенность сексуальной жизнью, чем в семьях, супруги из которых обратились в психологическую консультацию по вопросам, связанным с супружеской изменой.

2. В семьях, супруги из которых никогда не обращались в психологическую консультацию по вопросам, связанным с супружеской изменой, и не подозревают друг друга в супружеской измене, наблюдается большая психотерапевтичность общения, чем в семьях, супруги из которых обратились в психологическую консультацию по вопросам, связанным с супружеской изменой.

3. В семьях, супруги из которых никогда не обращались в психологическую консультацию по вопросам, связанным с супружеской изменой, и не подозревают друг друга в супружеской измене, наблюдается большая степень выраженности установки на личностную идентификацию с брачным партнером, чем в семьях, супруги из которых обратились в психологическую консультацию по вопросам, связанным с супружеской изменой.

Экспериментальную группу составили 14 семейных пар с различным опытом семейной жизни, обратившиеся в психологическую консультацию по вопросам, связанным с супружеской изменой. Контрольная группа состояла из 14 семейных пар, никогда не обращавшихся в психологическую консультацию по вопросам супружеской неверности. Для отбора испытуемых в контрольную группу использовалась анкета, специально разработанная для данного исследования. В анкете испытуемым предлагалось выбрать один из нескольких вариантов ответов по следующим вопросам:

1. Подозреваете ли вы своего супруга в измене?

2. Испытываете ли вы на данный момент желание обратиться в психологическую консультацию по одному или нескольким вопросам, связанным с супружеской изменой?

3. Обращались ли вы раньше в психологическую консультацию по вопросам, связанным с супружеской изменой?

Только в случае отрицательных ответов на эти три вопроса опрашиваемые попадали в контрольную группу.

Удовлетворенность сексуальной жизнью определялась с помощью шкалы «Удовлетворенность» опросника стилей сексуального поведения Айзенка (Лидерс, 2008, с. 302–313). Психотерапевтичность общения определялась с помощью шкалы психотерапевтичности семейного общения опросника «Особенности общения между супругами» Ю.Е. Алешинной, Л.Я. Гозмана, Е.М. Дубовской (Лидерс, 2008, с. 269–279). Степень выраженности установки на личностную идентификацию с брачным партнером определялась с помощью шкалы семейных ценностей «Личностная идентификация с супругом» методики «Ролевые ожидания партнеров» (РОП) Н. Волковой (Лидерс, 2008, с. 256–269). Оценка значимости различий между экспериментальной и контрольной группами осуществлялась с помощью критерия Вилкоксона.

Установлено, что супруги, обратившиеся в психологическую консультацию по вопросам, связанным с супружеской изменой, менее удовлетворены сексуальной жизнью по сравнению с супругами, никогда не обращавшимися в психологическую консультацию по вопросам, связанным с супружеской изменой. Но различие это не является статистически значимым. Установлено также, что в супружеских парах, обратившихся в психологическую консультацию по вопросам, связанным с супружеской изменой, отмечается меньшая психотерапевтичность общения по сравнению с супружескими парами, никогда не обращавшимися в психологическую консультацию по вопросам, связанным с супружеской изменой. Это различие является статистически значимым при уровне значимости 0,01. Установлено, что в супружеских парах, обратившихся в психологическую консультацию по вопросам, связанным с супружеской изменой, отмечается меньшая степень выраженности установки на личностную идентификацию с партнером по сравнению с супружескими парами, никогда не обращавшимися в психологическую консультацию по вопросам, связанным с супружеской изменой. Данное различие является статистически значимым при уровне значимости 0,05.

Исходя из общенаучной концепции В.И. Вернадского (Вернадский, 2007), социально-психологической концепции Г.М. Андреевой (Андреева, 1988), должна существовать взаимосвязь между содержательными характеристиками (показателями) взаимных связей и зависимостей индивидов в группе и: а) динамическими характеристиками (показателями) взаимосвязанности и взаимозависимости индивидов; б) качествами (свойствами) внутрисубъектных отношений. В исследовании, осуществленном нами совместно с М.В. Полотай в 2011 году, предпринята попытка установить соотношение содержательных характеристик (показателей) взаимосвязанности и взаимозависимости с качеством (свойством) внутрисубъектных отношений в группе «высокая психотерапевтичность общения – низкая психотерапевтичность общения». В качестве содержательных характеристик (показателей) взаимосвязанности и взаимозависимости рассматривалось, с доминированием каких ценностных ориентаций в иерархически организованной структуре ценностных ориентаций личности у мужчины (мужа) и женщины (жены) сочетается любовь – духовными, аффилиативными или витальными ценностными ориентациями. Для выявления этого использовалась методика, разработанная А.Н. Елизаровым, которая предполагает сортировку испытуемыми 6 карточек с историями любви (для мужчин и для женщин отдельно), соответствующими сочетанию любви с духовными, аффилиативными или витальными ценностными ориентациями.

Выборку составили 30 супружеских пар, имеющих одного или двух детей.

Установить статистически значимую взаимосвязь между степенью выраженности духовного компонента любви и уровнем психотерапевтичности общения в супружеской паре не удалось.

В результате подсчета рангового коэффициента корреляции Спирмена обнаружена значимая положительная зависимость ($r_s = 0,4; \rho < 0,05$), указывающая на обратную взаимосвязь между степенью выраженности духовного компонента в любви и установкой на личностную идентификацию с партнером в супружеской паре – по мере увеличения духовного компонента в любви в супружеских парах уменьшается установка на идентификацию с партнером.

Психотерапевтичность общения в супружеской паре, степень выраженности установки на личностную идентификацию с брачным партнером измерялись аналогично тому, как это делалось в исследовании, осуществленном нами совместно с И.В. Брычкиной.

Полученные результаты наводят на мысль, что взаимосвязь между степенью выраженности духовного компонента любви и уровнем психотерапевтичности общения в супружеской паре в данном исследовании не обнаружена потому, что по мере увеличения духовного компонента в любви в супружеских парах уменьшается установка на идентификацию с партнером. Они указывают на проблему интеграции духовности с психотерапевтичностью общения.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник. М.: Изд-во МГУ, 1988.
2. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2007.
3. Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
4. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи: Учеб. пособие-практикум для студ. фак. психологии высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
5. Чиксентмихайи М. В поисках потока: Психология включенности в повседневность / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2011.

Ермакова Е.А.,

*ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный социально-экономический университет»,
Саратов*

УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ: ПСИХОЛОГИЯ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА

В налоговой практике существуют различные пути минимизации налоговых платежей, связанные как с нарушением налогоплательщиками налогового законодательства, так и с законными методами уменьшения налоговых обязательств (снижения налогового бремени). Незаконное уменьшение налогоплательщиком своих обязательств по налоговым платежам в нарушение налогового законодательства называется уклонением от их уплаты. Любое действие налогоплательщика совершенное с целью уклонения от уплаты налогов, является противозаконным, поскольку основано на сознательном использовании методов сокрытия доходов и имущества от налоговых органов, уводе бизнеса в «теневую экономику», искажении бухгалтерской и налоговой отчетности, использовании фиктивных документов, и других методов уклонения, что влечет за собой налоговую, административную и уголовную ответственность налогоплательщика и его руководителей. Уклонение от уплаты налогов представляет собой налоговое преступление, как возникающее в определенных условиях в финансовой среде противоправное общественно опасное деяние, носящее характер преступления, объектом которого являются охраняемые уголовным законом отношения по поводу взимания налоговых платежей, а также осуществления контроля за своевременностью и полнотой их уплаты.

Уклонение от уплаты налогов влечет негативные последствия как для экономики государства, так и для государства в целом. Кроме того, уклонение от уплаты налогов может иметь серьезные экономические последствия в виде нарушения конкуренции. Уклонение от уплаты налогов приводит к существованию «теневых», т.е. не подпадающих под контроль и учет государства, секторов и субъектов экономики. Среди некоторых последствий уклонения от уплаты налогов можно назвать

следующие: снижение объема налоговых поступлений в бюджет; как следствие этого, невыполнение различных социально-экономических программ из-за недостаточного бюджетного финансирования; подрываются основы рыночной конкуренции; неуплата или недоплата налогов одним лицом предполагает переложение общего налогового бремени на других налогоплательщиков, приводит к снижению возможностей государства для снижения налогового бремени, заставляет его искать дополнительные способы увеличения налоговых поступлений; усиливается общая криминальная обстановка в стране с соответствующим ростом расходов на аппарат власти и управления.

Мировая и российская налоговая теория и практика достаточно четко выработала причины, которые побуждают налогоплательщиков к снижению своих налоговых обязательств: нравственно-психологические, экономические, технико-юридические (Ермакова, 2012).

Особое значение в рамках рассматриваемой проблемы имеют нравственно-психологические причины, которые связаны с характером налоговых законов. Поскольку налоговое законодательство предусматривает зачастую налоговые льготы отдельным категориям налогоплательщиков, постольку фактические и потенциальные льготники оказываются в более выгодном положении по сравнению с другими налогоплательщиками, и у последних порождается стремление уравнивать себя со льготниками. Хотя следует отметить, что в последние годы в России последовательно проводится политика, направленная на сокращение налоговых льгот.

Нравственно-психологический причинный комплекс налоговой преступности представлен тремя аспектами:

а) негативным отношением к существующей налоговой системе (жесткая налоговая система во многом не стимулирует труд производителя, а наоборот - подталкивает его к сокрытию прибыли и неуплате налогов);

б) низким уровнем правовой культуры;

в) корыстной мотивацией.

Корыстная мотивация имеет определяющее значение. Среди крупных налогоплательщиков немало бывших деятелей теневой экономики, должностных и общеуголовных преступников. Уклонение от уплаты налогов служит им в качестве одного из способов достижения указанных целей.

Часть налоговых преступлений совершается на основе корпоративной, групповой заинтересованности. Имели место факты, когда сокрытые от налогообложения средства использовались руководителями предприятий для развития производства, погашения кредитов, выплаты зарплаты. Здесь усматривается стремление улучшить финансовое состояние своего предприятия и тем самым увеличить его прибыльность в будущем. Оно возникает и реализуется в условиях просчетов политики поддержания предприятий, его сотрудников, особенно когда последним грозит явная или скрытая безработица, невыплата заработной платы.

Важно констатировать, что уклонение от уплаты налогов – поведенческая психологическая проблема, серьезно угрожающая способности правительства повышать государственные доходы. Уклонение от налогов ведет одновременно и к подрыву намерений честного налогоплательщика. Поскольку это случается в одних слоях чаще, чем в других, то в конечном счете затрудняется реализация целей налогообложения, состоящих в перераспределении богатств и обеспечении справедливости.

Поскольку действия по уклонению от налога на прибыль со стороны организации совершают их руководители то, качества управляющего в отношении к риску и внутренне присущей честности определяют поведение организации в плане уплаты налогов. Для организаций, где руководители склонны к уклонению от налогов, величина сокрытых доходов составляет в среднем 35% дохода, в то время как в организациях, с руководителями, не склонными к уклонению, сокрытые налоги составляют 16% дохода (Joulfaian, 2000).

Экспериментальные исследования, выполненные в Нидерландах и Швеции, проверили влияние интернальности – экстернальности личности на налоговое поведение. Интерналами психологи называют тех, кто связывает свои успехи и неудачи со своими способностями, умениями и усилиями, а экстерналами тех, кто объясняет свои поступки внешними обстоятельствами, удачей, влиянием других людей. Подтвердилось предположение, что среди интерналов больше тех, кто имеет благоприятные установки по отношению к налоговой системе. В голландской выборке добавилось влияние фактора образования: выше образованные интерналы чаще, а интерналы с низким образованием реже уклонялись от налогов.

В последнее время даже в экономически развитых странах наблюдается разрушение налоговой морали. Динамика налогового поведения показала, например, что американцы все больше обманывают налоговые службы и все меньше чувствуют вину по этому поводу. Среди причин и осознание того, что именно средний класс платит налогов больше, чем получает выгод от правительства. Правительственный бюджет перераспределяет доходы от них двум группам – бедным и богатым. Бедным потому, что они платят очень мало, а богатым потому, что у них есть средства использовать легальные пути избегания налогов («дорогие» эксперты, возможность перемещения капиталов, используя, например, различия в налоговых режимах разных стран и т.д.).

Различные проводимые эксперименты показали, что политика, направленная на распределение ресурсов внутри группы, крайне важна: равное распределение дохода повышает тенденцию к соблюдению налоговых правил и при этом требует меньше усилий со стороны налогового надзора, чтобы проверить соблюдение правил; неравное же распределение требует сильного надзора. Кроме того, соблюдение правил тесно связано с чувством справедливости. Даже штрафы теряют свою силу, если нарушено чувство справедливости. Поэтому, при осуществлении налоговой политики, как и в других случаях властных воздействий, необходимо способствовать тому, чтобы знания населения сочетались с доверием к власти.

Нравственная составляющая оценки российской системы налогообложения сопровождается представлением о ней как о несправедливой.

На поведение налогоплательщика серьезным образом влияет механизм сравнения в разных его проявлениях (сравниваются свои доходы и расходы с доходами и расходами других людей, а также сравнивается настоящее с прошлым и возможным, но не случившимся из-за реформирования или очередного кризиса, сравниваются доходы с доходами людей той же профессии в других странах и т.п.), а также механизм идентификации собственной экономической ситуации с экономической ситуацией в стране.

Важно подчеркнуть, что у людей срабатывает механизм подравнивания вкладов и отдач, часто являющийся причиной уклонения от налогов, люди «добирают» то, что им недодает государство.

Согласно исследованию Фонда «Общественное мнение» 24% россиян считают возможным не платить налоги. При этом 3% считают уклонение неизбежным ввиду претензий к государству из-за несоблюдения социального контракта. Однако только 1% россиян оправдывают уклонения от уплаты налогов, причем при любой возможности. Таким образом, можно сделать вывод, что население вообще не оправдывает уклонения от налогов как таковое. Когда они говорят о ситуациях возможного ухода от уплаты, то чаще всего имеют в виду какие-либо проблемы. Абсолютное большинство считает, что налоги платить все-таки нужно, хотя своим долгом могут это назвать далеко не все. Вместе с тем настораживает результат опроса причин, вынуждающих все же становиться добросовестным налогоплательщиком: 52% ответили, что страх мотивирует к исполнению своих налоговых обязательств, и только 33% - гражданская самосознательность или совесть.

Налоговая система как социальный институт играет важную роль в смягчении социальной напряженности, совершенствовании налогового обложения, его прозрачности и справедливости, обеспечении стабильности, повышении эффективности налогового администрирования, снижении налогового бремени, повышении экономической заинтересованности и социальной ответственности.

Литература

1. Ермакова Е.А., Барулин С.В., Степаненко В.В. Налоговый менеджмент: Учебник. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2012.
2. Joulfaian, D. Corporate Income Tax Evasion and Managerial Preferences // Review of Economics and Statistics. 82. № 4 (November, 2000). P. 698-701.

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СИТУАЦИИ НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ

В последнее время экономисты вновь забили тревогу поскольку постепенно финансовый кризис набирает сил на новую волну, а значит - экономические возможности граждан снижаются. При этом речь вовсе не в повышении или понижении зарплат, а в психологическом аспекте боязни новых проблем и финансовых сложностей, которые невозможно будет остановить. Подобная интенсивно меняющаяся социальная реальность форсирует социально-психологические процессы, на которые раньше уходили годы, десятилетия, и, в то же время, конструктивные изменения в общественной психологии происходят относительно медленно. Социальная реальность последних лет стимулирует появление новых ориентиров в системе культурных ценностей и норм поведения, развитие новых потребностей, формирование новых жизненных целей (Журавлёв, 1998). В современных условиях становится очевидной актуальность изучения экономического поведения человека, различных его форм (сберегательное, инвестиционное, кредитное и т.д.).

Обращаясь к определению и пониманию неблагоприятных экономических условий в целом и экономического кризиса в частности, мы имеем дело в основном с экономическими и социологическими работами. Мы предлагаем следующее определение неблагоприятных экономических условий (НЭУ) – это тяжёлое неустойчивое состояние экономики страны, при котором существующие средства достижения целей становятся нерелевантными поставленным задачам, не позволяют удовлетворить имеющиеся потребности, в результате чего возникают проблемные ситуации, носящие не только экономический, но и психологический характер. Мы также выделяем следующие критерии НЭУ: *экономические* (сбой в одной или более сферах экономики; нарушение равновесия в рыночной системе хозяйствования; материальные потери), *психологические* (утрата стабильности; утрата уверенности в завтрашнем дне; утрата доверия; внутриличностный конфликт, как следствие изменения во внешней среде).

Теме современно экономического кризиса, его психологическими причинами посвящены работы А.В. Юревича, в частности, статья «Психологические корни экономического кризиса» (Юревич, 2011). По мнению А.В. Юревича «причины кризиса в основном коренятся в уникальной психологии отечественных предпринимателей. Для подавляющего большинства работ, затрагивающих проблематику стратегий поведения, характерна неопределённость, многозначность понимания и различия в подходах к исследованию данных поведенческих характеристик.

На наш взгляд, можно дать следующее определение: *стратегии поведения личности* – программа или план действий, направленных на реализацию поставленной цели; решение задачи удовлетворения тех или иных потребностей, своего интереса в различных ситуациях. Стратегия поведения определяются индивидуально-психологическими детерминантами (индивидуальный опыт, ценностные ориентации, отношение и т.д.). Тактика поведения – это средства, обеспечивающие данную стратегию, которые, в конечном счёте, определяют стиль поведения человека в целом.

При разработке проблемы исследования использовались следующие подходы и теоретические положения:

1) положения теории отношений А. Ф. Лазурского и В. Н. Мясищева о множественности и сложности отношений личности с миром, самой собой и другими людьми, представленные в работах В.С. Агеева, А.Л. Журавлева, А.Б. Купрейченко, И. Р. Сушкова, В.П. Познякова и др. (Журавлёв, 1996; Купрейченко, 2001; Петровский, Ярошевский, 1998; Позняков, 2001);

2) результаты теоретических исследований А.Б. Купрейченко и А.Л. Журавлева о формах и факторах экономического самоопределения (Журавлёв, Купрейченко, 2007).

В своём исследовании мы основываемся на предположении о том, что отношение к неблагоприятным экономическим условиям (НЭУ) обуславливается двумя факторами: социально-экономическими параметрами (экономический статус, наличие или отсутствие работы, развитие экономики в стране) и личностными особенностями субъекта, а именно уровнем субъективного контроля (УСК) и стилем саморегуляции поведения. В свою очередь, УСК и стиль саморегуляции

поведения, помимо типа отношения к НЭУ, также влияют на использование той или иной стратегии поведения. Данные переменные оказывают взаимное влияние друг на друга.

Согласно нашей модели, отношение к НЭУ складывается из: общего отношения к НЭУ, отношения к экономическим условиям в кризисное время, отношения к экономической активности.

Общее отношение к НЭУ складывается из следующих составляющих: значимости признаков неблагоприятных экономических условий, эмоциональной оценки НЭУ, готовности в различных видах самообеспечения, способы решения проблем в НЭУ.

В свою очередь, отношение к экономическим изменениям складываются из общей эмоциональной оценки кризисных явлений, оценки их как именно кризисных, от выраженности, длительности, степени кризисности неблагоприятных экономических условий (НЭУ; от отношения к конкуренции, риску, труду, сферам экономической активности (потребление, сбережение, кредитование, потребление, вложение и зарабатывание денежных средств) в условиях экономического кризиса, от удовлетворённости своим материальным положением, от уровня экономической активности; самооценки новизны, уровня экономического риска и конкуренции в экономической сфере, собственного материального положения.

Отношение к экономической активности складывается из отношения к труду, к деньгам, к расходам, к риску и конкуренции в экономической сфере, а также к новизне в экономической активности

Мы также предполагаем, что такие переменные как отношение к труду, к экономической активности, уровень субъективного контроля и стиль саморегуляции поведения будут более стабильными. В то время как отношение к риску, к конкуренции, уровень доверия, степень уверенности будут более изменчивыми. На наш взгляд, характеристиками, подверженными наибольшему влиянию так же являются стратегии экономического поведения, так как велик спектр оказывающих на них влияние переменных. Это так же мы видим и в результатах пилотажного исследования.

Целью исследования было изучить стратегии экономического поведения личности с различным типом отношения к экономическому кризису.

Объект исследования: представители различных социальных групп. Выборка разделена на две возрастные группы (20-30 лет, 31-40 лет). Учитываются также характер занятости (только учащиеся; только работающие; работающие и учащиеся одновременно), половая принадлежность, социально-экономический статус.

Предмет исследования: стратегии экономического поведения личности с различным типом отношения к неблагоприятным экономическим условиям (экономическому кризису).

Было проведено исследование с использованием авторского опросника, направленного на изучение отношения к экономическому кризису и стратегий экономического поведения в период 2010-2012гг. Всего в исследовании приняло участие 201 человек. Из них: 96 человек – это жители г. Москва, 105 человек – жители г. Твери. Среди них 18% - мужчины, 82% – женщины. Условно опрошенных можно разделить по возрасту на две группы: 20-30 лет – 90% опрошенных, 31-40 лет - 10% опрошенных. Характеризуя далее собранную выборку, можно отметить, что 30% составили учащиеся, 20% составили работающие (из них: 36% – госслужащие, 64% – работники частных предприятий), 50% – и работающие, и учащиеся одновременно. Респонденты имели в большинстве своём незаконченное высшее – это 80% от числа опрошенных.

Исследуя стратегии экономического поведения в НЭУ мы в первую очередь акцентировали внимание на целях экономической активности до и во время экономического кризиса 2008-2009гг.; уровне экономической активности, способах решения проблем в ситуации НЭУ.

Нами было установлено, что до начала экономического кризиса 2008-2009гг. наиболее значимой целью экономической активности была возможность реализовать свои способности (23%). Во время того же кризиса наиболее значимой целью оставалась также возможность реализовать свои способности (24%). Интересно заметить, что во время кризиса увеличилась потребность в сохранении существующего социального статуса. Парадоксальным кажется результат, что как до кризиса, так и во время кризиса значимость безопасности и выживание остались неизменно низкими.

Что касается уровня экономической активности населения, то он изменился. До кризиса наиболее активными направлениями деятельности были: кредитование, потребление, инвестирование и благотворительность. Во время кризиса инвестирование, потребление осталось на прежнем уровне, сбережение и кредитование, а также благотворительность и зарабатывание значительно снизились. Интересно, что потребление товаров и услуг осталось на прежнем уровне. Однако важно отметить,

что значительно увеличился процент людей занимающихся добровольческим трудом на общественных началах (было 10%, стало 27%).

Таким образом, мы можем констатировать, что исследование показывает наличие стратегий экономического поведения, которые наиболее активно проявляются в ситуации НЭУ. Более того, продемонстрированные изменения экономического поведения позволяют выделить типы стратегий поведения: интенсификация труда, самопожертвование/гедонизм, уход в общественную деятельность, духовное развитие, саморазрушение, оптимизация экономической активности.

Литература

1. Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М., 1996.
2. Журавлев А.Л. Социально-психологическая динамика в изменяющихся экономических условиях / Психол. журн. 1998. Т.19. N 3. С. 3-16.
3. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. М., 2007.
4. Купрейченко А.Б. Отношение личности к соблюдению нравственных норм в зависимости от психологической дистанции (у менеджеров и предпринимателей). Дис. ... канд. психол. наук. М., 2001.
5. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М., 1998.
6. Позняков В.П. Психологические отношения субъектов экономической деятельности. М., 2000.
7. Юревич А.В. Психологические корни экономического кризиса // <http://www.ipras.ru> (15.04.11).

*Игнатенко Т.И.,
«Международный университет природы, общества и человека «Дубна»
Филиал «Котельники», Московская область*

«СОЦИАЛЬНАЯ РАДИАЦИЯ» КАК ФОРМА АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

На современном этапе развития общества проблема агрессии приобретает особую остроту. Научно-технический прогресс предоставляет все больше и больше возможности людям и государствам наносить друг другу непоправимый вред. Это свидетельствует о необходимости обобщающих исследований всего комплекса факторов, приводящих к агрессивному поведению личности или социальных групп. Использование естественнонаучных терминов, рациональной аргументации может облегчить понимание происходящих процессов и помочь человеку осознать насколько безнравственна агрессия, насколько она опасна в нашей жизни.

В контексте этого, хотелось бы предложить термин «*социальная радиация*» для обозначения патологического агрессивного поведения. Идея этого термина, родилась в процессе изучения работ австрийского этолога, лауреата Нобелевской премии К. Лоренца. В отличие от З. Фрейда он считал, что внутривидовая агрессия – агрессия в узком и собственном смысле этого слова – тоже служит сохранению вида, то есть она выполняет в своей изначальной (нормальной) форме видосохраняющую функцию. При этом Лоренц отмечал, что внутривидовая агрессия может переродиться и в патологическую форму, о которой писал З. Фрейд. Введение термина «социальная радиация» отделяет эту патологическую форму от общей категории «внутривидовая агрессия». Такое видение ситуации примиряет психоаналитический и этологический подходы, с оговоркой, что «социальная радиация» не является только следствием «танатоса», хотя влияние его на агрессивное поведение людей, безусловно, велико.

На основании этого можно дать следующее определение социальной радиации: *социальная радиация это определенная форма агрессивного поведения, акт социального взаимодействия, носящий патологически деструктивный характер, направленный от субъекта к объекту, с возможной последующей заменой сущности последнего, в том числе через насилие и принуждение, вплоть до уничтожения* (Игнатенко, 2010).

Следует также сказать, что термин «социальная радиация» не является аналогом понятия «девиация», так как последняя предполагает и положительные свои проявления. При этом термин

«социальная радиация» имеет определенную эмоциональную окраску, связанную с чувством опасности, так как мы привыкли понимать под радиацией в физике явление, сопровождающееся испусканием частиц и различных излучений, в результате чего возникают вредные и опасные факторы, воздействующие на людей.

Современный человек, должен понять, что «социальная радиация» это плохо, она приводит к печальным последствиям, как для отдельного человека, так и для общества, поэтому одним из важнейших моментов, связанных с феноменом социальной радиации, является исследование ее последствий как на макроуровне (уровне общественных явлений), так и на микроуровне (уровне отдельной человеческой психики).

В контексте макроуровневого исследования нужно сказать следующее: являясь социально-психологическим феноменом, свойственным отдельным людям, «социальная радиация» может приобретать коллективный аспект, она обладает качеством трансгрессивности, т. е. при соответствующих условиях проявляет себя, таким образом, словно в равной доле принадлежит и обществу и индивиду.

Какие последствия могут быть у «социальной радиации» в ее трансгрессивной форме? Ответ на этот вопрос может дать социальная синергетика. Ее аргументации более чем рациональна. Так в социальной синергетике речь идет о множестве аспектов, состояний и случаев одного и того же процесса, который можно назвать «жизнью диссипативных систем, которая может и закончиться». Диссипативная система (от лат. *dissipatio* – «рассеиваю, разрушаю») – это открытая система, которая оперирует вдали от термодинамического равновесия. Диссипативная система иногда называется ещё стационарной открытой системой или неравновесной открытой системой.

Интересно утверждение Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова о том, что необходимо понять роль диссипации (зла) как фактора «выедания» лишнего и поэтому как необходимого элемента для саморазвития мира. Можно оценить метафоричность этого высказывания, однако «зло» имеет и другую трактовку, связанную с иудейским «ничто», и означает однозначную гибель системы и ее элементов. При этом диссипация как проявление хаоса может рассматриваться и как создающее начало. Вышеназванные авторы это и подтверждают, отмечая, что в процессе самоорганизации открытых нелинейных систем обнаруживается двойственная, амбивалентная природа хаоса, он выступает как двуликий Янус. Хаос разрушителен (сложные системы в развитых состояниях могут быть чувствительными к малым хаотическим флуктуациям на микроуровне). И в то же время, хаос конструктивен, созидателен (сам хаос может быть защитой от хаоса: механизмом вывода на структуры-аттракторы эволюции. Хаос конструктивен через свою разрушительность и, благодаря ей, разрушителен на базе конструктивности и через нее. Разрушая, он строит, а строя приводит к разрушению. При этом Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов также фиксируют, что естественный хаотический, «радиоактивный» распад нестационарных эволюционирующих сложных структур вблизи момента обострения является, стало быть, следствием неустойчивости организации таких структур к малым хаотическим флуктуациям на микроуровне. Неизбежный распад сложных быстроразвивающихся структур – одна из объективных закономерностей мироустройства (Князева, Курдюмов, 1992). Таким образом, когда диссипативная система попадает в режим с обострением, возможность распада, а не перехода на новую структуру в результате самоорганизации, у нее резко возрастает. Можно предположить, что при распаде системы доминирует социальный хаос, отличный от того, который «работает» при самоорганизации, что существует и неконструктивный (злокачественный) хаос, из которого не рождается порядок. Такой злокачественный хаос – мы назвали mortal-хаосом: от англ. *mortal* – смертельный (Игнатенко, Леонтьева, 2010).

Если провести некую аналогию между агрессией и диссипацией, то можно предположить, что в изначальном своем сущностном исполнении это феномены креативные, системообразующие, без них невозможна адаптация, как системы в целом, так и отдельного человека. Они даны с целью самосохранения и конструктивного развития. Без них невозможна эволюция. Но в условиях цивилизации агрессивный инстинкт очень часто «сходит с рельсов» и приводит к социальной радиации, как к определенной форме агрессии и диссипации, то есть он способен переродиться, в патологическую форму и приводить к mortal-хаосу. То есть mortal-хаос это следствие социальной радиации, ставшей коллективным феноменом.

Анализ «социальной радиации» как социально-психологического явления с позиции синергетики также позволяет поставить вопрос и о роли личности или группы в социокультурной системе. В

переломный момент (точке бифуркации) поведение отдельной личности или группы лиц, особенно наделенных властью, может стать ключевым звеном в цепи событий, которые приводят либо к разрушению, либо к возникновению новой общественной структуры. Поэтому и необходим анализ проявлений «социальной радиации» на микроуровне, уровне отдельного человеческого поступка.

В контексте микроуровневого исследования можно сделать вывод, что само поведение личности обусловлено как конкретными внешними воздействиями, так и глубинными социокультурными механизмами, сформировавшими у нее стереотипы и ценности, которые обеспечивают мотивацию ее поступков, а также биологические детерминанты. Все это влияет на степень «радиоактивности» личности. Как известно в физике радиоактивность предшествует радиации. При этом психическую «радиоактивность» – можно считать критерием состояния души. Чем выше эта «радиоактивность», тем выше вероятность перехода ее в социальную радиацию: по принципу, что от плохих помыслов («радиоактивность») рождаются плохие поступки («радиация»), и для предупреждения греховных дел нужно подавлять греховные желания и помышления (Христианский катехизис, 1909). Если же нет внутренней работы над собой, то велика вероятность возникновения социальной радиации как акта деструктивного социального взаимодействия во всем ее многообразии: «убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления» (Матф. 15, 19) и т.д. «Психическая радиоактивность» как феномен, порождающий «социальную радиацию», в свою очередь также зависит от воздействия той же «социальной радиации».

«Психическая радиоактивность» как патологический показатель состояние психики является одновременно и причиной и следствием «социальной радиации». Так внешние негативные воздействия (социальная радиация) ввергают человека в стрессовое состояние, а психика, находящаяся в состоянии стресса, часто пролонгированного, сама является источником социальной радиации. Трактуя «психическую радиоактивность» с позиции психоанализа можно сказать, что она характеризует и отражает меру разобщенности слоев психики (сознательных и бессознательных), неустойчивость психики, отсутствие ее цельности. Душа как бы находится в состоянии «распада», следствием которого и является «социальная радиация» как «излучение» поступков.

Таким образом причины и последствия «социальной радиации» многообразны и сложны, но все их можно уложить в следующую схему: психическая радиоактивность порождает «социальную радиацию», которая в свою очередь порождает «психическую радиоактивность» как на сознательном уровне (гнев, обида, жажда мести и т.п.), так и на подсознательном (фобии, сны – кошмары, «видения»...), что опять приводит к «социальной радиации». То есть возникает замкнутый круг. И пока в нашем обществе доминирует этот феномен, люди не могут гарантировать себе достойную жизнь и психическое здоровье. Более того, «социальная радиация», приобретая коллективный аспект (эффект синергии), приводит к возникновению mortal-хаоса. Mortal-хаос появляется тогда, когда в обществе доминирует насилие, когда социальная радиация направляется на собратьев по виду с целью подчинения их своей власти и нанесения им вреда. В итоге, рушатся социальные связи, обеспечивающие целостность общества, гибнут люди и целые цивилизации. Эти выводы очень серьезное предупреждение всему человечеству.

Что же делать? «Социальная радиация» во всех своих формах может быть предотвращена или редуцирована внутри общества с помощью соответствующих идеологии и политики, которые должны сделать ключевыми такие понятия как порядочность, внутренняя гармония, толерантность, деликатность, корректность, стрессоустойчивость... При этом каждый человек, опираясь на эти категории должен, работать над собой, проявлять дружелюбие как качество характера, способное противостоять социальной радиации, ее причинам и следствиям.

Литература

1. Игнатенко Т.И. Постсекулярность и социальная радиация / Т.И. Игнатенко, О.В. Естрина // Социальная эволюция, идентичность и коммуникация в XXI веке: матер. междунар. науч. – практ. конф. / ГОУ ВПО «Сев.-кавказ. Гос. тех. ун-т». – Ставрополь, 2009. – С. 40– 41.

2. Игнатенко, Т.И. Агрессия и социальная радиация: проблемы духовно-нравственного воспитания современного человека / Т.И. Игнатенко // Социокультурные проблемы современного человека: материалы IV Международной научно-практической конференции (19-24 апреля 2010 г., Новосибирск). – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2011. – ч. II. – С. 113 –117.

3. Игнатенко, Т.И. Модусы двуликого хаоса: социально-психологический анализ / Т.И. Игнатенко, Е.Ю. Леонтьева // Вест. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7, Филос. 2010. № 1 (11). – С. 34–39.
4. Князева, Е.Н. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов // Вопросы философии. –1992. – №12. – С. 3–20.
5. Лоренц, К. Агрессия (так называемое «зло») / К. Лоренц. – М.: Прогресс. Универс, 1994. – 272 с.
6. Фрейд, З. Психопсихология. Религия. Культура / З. Фрейд.–М.: Ренессанс, 1991. – 296 с.
7. Христианский катихизис. – М.: Синодальная типография, 1909.
8. Юнг, К.Г. Аналитическая психология: Прошлое и настоящее / К. Г. Юнг, О. Самюэлс, В. Одайник, Дж. Хаббэк. – М.: Мартис, 1995. – 320с.
9. Юнг, К.Г. Сознание и бессознательное / К. Г. Юнг. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 544 с.

*Казанцева Н.В., Михайлова А.А., Выскочков В.С.,
Сибирский государственный медицинский университет, Томск*

ТИПЫ ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И КОПИНГ-СТРАТЕГИИ У СТУДЕНТОВ ВУЗОВ ПРИ ОРГАНИЗАЦИОННОМ СТРЕССЕ

Организационный стресс – психическое напряжение, связанное с преодолением несовершенства организационных условий труда: недостатка контроля над требованиями работы, недостатка социальной поддержки со стороны коллег и семьи, конфликта ролей на работе и в семье, неопределенности перспектив профессионального роста, неопределенности роли при выполнении профессиональных обязанностей на рабочем месте. В студенческой среде организационный стресс связан с недостатком контроля со стороны студентов над учебным процессом и стрессовыми ситуациями организационного порядка, которые в нем возникают. Недостаток контроля над ситуациями является стрессовым организационным фактором, который может приводить к стрессовой реакции, состояниям беспомощности у индивидов (тревоги, депрессии). Мы предполагаем, что развитие стресса как реакции зависит от особенностей поведения личности (типы А или В) и индивидуальных копинг-стратегий. Исследование копинг-стратегий и личностных особенностей как факторов, опосредующих развитие реакций стресса, важно для прогнозирования развития стресса в учебном процессе, что имеет значение для планирования превентивных и интервенционных вмешательств при организационном стрессе у учащихся.

В основу оценки влияния типа поведения личности и копинг-стратегий на выраженность организационного стресса у студентов положен ряд теорий стресса: транзактная теория стресса Р. Лазаруса и С. Фолкмана (1984; 1991), которые делают акцент на копинг-стратегиях как опосредующих факторах развития стресса; интегративная / мета-модель организационного стресса (Т.А. Beehr, 1995); модель процесса-стресса (L. Pearlin, 1984; 2010).

Тип личности А или В, а также копинг-стратегии, согласно транзактной модели стресса и модели процесса-стресса, являются опосредующими факторами, модулирующими воздействие стрессора, его восприятие и оценку; в случае преобладания поведения типа А и неадаптивных копинг-стратегий возможно развитие стрессового процесса и психопатологии.

В теории копинг-поведения, основанной на работах когнитивных психологов Лазаруса и Фолкмана (Lazarus R., Folkman S., 1984, 1991), выделяются базисные копинг-стратегии: «разрешение проблем», «поиск социальной поддержки», «избегание».

Копинг-стратегия «разрешение проблем» отражает способность человека определять проблему и находить альтернативные решения, эффективно справляться со стрессовыми ситуациями, тем самым способствуя сохранению как психического, так и физического здоровья.

Копинг-стратегия «поиск социальной поддержки» позволяет при помощи актуальных когнитивных, эмоциональных и поведенческих ответов успешно совладать со стрессовой ситуацией. Отмечаются некоторые половые и возрастные различия в особенностях социальной поддержки. В частности, мужчины чаще обращаются за инструментальной поддержкой, а женщины — как за инструментальной, так и за эмоциональной. Молодые пациенты наиболее важным в социальной

поддержке считают возможность обсуждения своих переживаний, а пожилые — доверительные отношения.

Копинг-стратегия «избегание» позволяет личности уменьшить эмоциональное напряжение, эмоциональный компонент дистресса до изменения самой ситуации. Активное использование индивидом копинг-стратегии избегания можно рассматривать как преобладание в поведении мотивации избегания неудачи над мотивацией достижения успеха, а также как сигнал о возможных внутриличностных конфликтах (Сирота Н.А., Ялтонский В. М., 1994).

Согласно транзактной когнитивной модели стресса, предложенной Р. Лазарусом, в основе возникновения стресса лежат процессы первичной и вторичной когнитивной оценки: 1) оценки стрессовой ситуации как опасной или неопасной и 2) ресурсов совладания с угрожающей ситуацией. Личностные особенности и ресурсы совладания (копинг-стратегии, тип поведения личности, социальная поддержка) необходимо рассматривать как опосредующие переменные, влияющие на возможность развития реакций стресса и степень их тяжести.

Из общего числа изучаемых копингов по методике «Опросник о способах копинга» (Р. Лазарус и С. Фолкман, 1984) адаптивными являются «Самоконтроль», «Поиск социальной поддержки», «Принятие ответственности», «Планирование и разрешение проблем», «Положительная переоценка»; дезадаптивными – «Конфронтативный копинг», «Дистанцирование», «Бегство-избегание».

Связь типа поведения личности с вероятностью развития стресса и заболеваниями сердечно-сосудистой системы была продемонстрирована в исследованиях М. Фридмана и Р. Розенмана (1974). Для личности с поведением типа А характерно стремление к достижению целей, склонность к конкуренции, постановка завышенных целей, ответственности, агрессия, возникающая в связи с фрустрацией (чувством лишения), следствием чего является низкая адаптируемость к стрессу, склонность к возникновению заболеваний сердечно-сосудистой системы. Личности с поведением типа В, в противоположность, характеризуется спокойствием, отсутствием агрессии, большей терпимостью к фрустрациям. Согласно опроснику «Тип личности А и В» (М. Friedman и R.H. Rosenman, 1974) выделяют «чистый тип А», «тип А», «тип А и В», «тип В», «чистый тип В» в зависимости от выраженности признаков дихотомий типов.

Нами была выдвинута гипотеза о том, что тип поведения личности и основные стратегии совладания со стрессом (копинга) определяют различия в подверженности организационному стрессу.

Целью нашей работы явилось выявление связи поведения типа А, типа А и В, типа В, а также превалирующих копинг-стратегий с уровнем переживаемого стресса учащейся молодежью в рамках модели процесса стресса.

Задачи: 1) исследовать взаимную сопряженность копинг-стратегий и типов поведения личности как двух опосредующих факторов организационного стресса; 2) выявить зависимость выраженности организационного стресса от типа личности и соответствующих копинг-стратегий.

Исследовалась выборка студентов разных вузов г. Томска (возраст 18-23 года; всего 73 человека, из них 45 женщин, 28 мужчин).

Методы исследования: копинг-тест «Опросник о способах копинга» (Р. Лазарус и С. Фолкман, 1988, адаптация Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтык, 2005), тест «Тип личности А и В» (М. Friedman и R.H. Rosenman, 1974), Шкала стрессовых факторов у студентов (College Undergraduate Stress Scale, CUSS) (M. J. Renner, R. S. Mackin, 1998).

Статистический анализ проводился в программе Statistica 6.0, достоверность различий между группами оценивалась с помощью критерия Колмогорова-Смирнова.

Результаты и обсуждение

У большинства студентов (60%) наблюдалось поведение личности типа А и В. Поведение личности типа А наблюдалось у 36%, типа В – у 4% студентов вузов.

При анализе соотношения типов поведения личности и копинг-стратегий у студентов 1-5 курсов были установлены следующие закономерности. Все типы поведения личности имели адаптивные и неадаптивные стратегии преодоления, но их относительный состав отличался.

Равное соотношение адаптивных и неадаптивных стратегий (по 33,3%, соотношение 1:1) имели студенты с типом личности В.

Таблица 1. Соотношение типов поведения личности и вариантов копинг-стратегий у студентов

Копинг-стратегии		Типы поведения личности		
		Тип А, n=26	Тип А и В, n=44	Тип В, n=3
Адаптивные	Самоконтроль	2 (7,69%)	1 (2,27%)	-
	Поиск социальной поддержки	3 (11,54%)	10 (22,72%)	1 (33,3%)
	Принятие ответственности	1 (3,84%)	6 (13,63%)	-
	Планирование решения проблемы	2 (7,69%)	2 (4,54%)	-
	Положительная переоценка	-	2 (4,54%)	-
Неадаптивные	Конфронтация	1 (3,85%)	3 (6,81%)	-
	Дистанцирование	-	5 (11,36%)	-
	Избегание	5 (19,23%)	5 (11,36%)	1 (33,3%)

Студенты с чертами обоих типов личности (А и В) демонстрировали в большинстве случаев адаптивные стратегии (47,7% адаптивных против 29,5% неадаптивных, соотношение 1,6 : 1). Из адаптивного копинга в этой группе студентов наиболее часто представлены стратегии: «поиск социальной поддержки», «принятие ответственности»; реже – «планирование решения проблемы», «положительная переоценка» и «самоконтроль» (см. табл.1).

Студенты с поведением личности типа А также в большинстве случаев имели адаптивные копинг-стратегии (30,76% против 23,08% неадаптивных, соотношение 1,3 : 1), но в меньшем соотношении, чем студенты со смешанным типом поведения (А и В): «поиск социальной поддержки», «самоконтроль», «планирование решения проблемы» и «принятие ответственности».

Поскольку тип личности А ассоциируется с предрасположенностью к сердечно-сосудистым заболеваниям (М. Friedman и R.H. Rosenman, 1974), можно предположить, что это связано с такими вариантами неадаптивных стратегий, как «конфронтация» и «бегство-избегание», а также с отсутствием, по сравнению с другими типами личности, такой адаптивной стратегии, как «положительная переоценка»; лицами с типом поведения А копинг-стратегия «дистанцирование» также практически не использовалась.

Копинг-стратегия «положительная переоценка события», означающая обдумывание стрессовой ситуации и извлечение опыта для дальнейшей жизни, использовалась только студентами с типом личности А и В. Поэтому, в сочетании с присущими этому типу поведения личности неадаптивными стратегиями «конфронтация», «дистанцирование» и «бегство-избегание», наличие стратегии «положительная переоценка» дает более низкий, по сравнению с типом личности А, уровень воспринимаемого организационного стресса (см. табл. 2).

Таблица 2. Частота реакций стресса в зависимости от типа поведения личности

Категории организационного стресса	Тип поведения личности (частота встречаемости у индивидов, %)		
	Тип А	Тип А и В	Тип В
1. Наличие стресса	88,46	63,64	66,67
2. Отсутствие стресса	3,84	11,36	0
3. Эустресс	7,70	25	33,33
Сумма стрессовых факторов у учащейся молодежи (M±m в баллах)			
	1236,12±62,56	916,02±47,90	760,67±131,52

Примечание. Достоверность различий по сумме стрессовых факторов между группами студентов с различными типами поведения личности оценивалась с помощью критерия Колмогорова-Смирнова, $p < 0,005$.

Так как в изучаемой выборке группа студентов с типом личности В составляла 3 человека, эта группа была исключена из статистического анализа (данные в этой группе не являются

репрезентативными). Между группами, представляющими тип личности А и тип личности А и В по критерию Колмогорова-Смирнова были найдены достоверные различия по шкале «сумма стрессовых факторов» при уровне значимости $p < 0,005$, что говорит о достоверной связи уровня стресса и типом личности.

Уровень организационного стресса у студентов с типом личности В и с чертами обоих типов А и В был ниже среднего, уровень стресса у студентов с типом личности А – средней силы. Согласно опроснику стрессовых факторов у учащейся молодежи предполагается 7 степеней градации уровня стресса: очень низкий (0-150 баллов), низкий (150-600), ниже среднего (600-1030), средний (1030-1470), выше среднего (1470-1910), высокий (1910-2350), очень высокий (выше 2350 баллов). Средняя сила стресса у студентов с типом поведения личности А означает вероятность развития заболевания 30%.

Реакции при организационном стрессе были классифицированы путем экспертной оценки взаимного влияния всех факторов процесса-стресса, и описаны в виде 3 категорий: «наличие стресса», «отсутствие стресса», «эустресс». В большинстве случаев категория «наличие стресса» обнаруживается у испытуемых с типом личности А (88,5%), реже у людей с чертами обоих типов А и В и чистым типом В – 63,6% и 66,7% соответственно. Таким образом, подтверждается известное положение о том, что лица с типами личности А больше подвержены стрессу. Эустресс (повышенное нервно-психическое напряжение без нарушения адаптации) чаще испытывали студенты с поведением личности типа В (33,3%) и с чертами поведения обоих типов А и В (25%). Студенты с типом личности А реже отмечали у себя отсутствие стресса (3,8%) по сравнению с испытуемыми с чертами личности обоих типов (11,3%). Таким образом, студенты с типом личности А, обладающие выше перечисленными копинг-стратегиями, подвержены организационному стрессу в большей степени.

При анализе копинг-стратегий у всей выборки студентов независимо от типа личности обнаружены следующие закономерности: чем больше сумма баллов по шкале стрессовых факторов у учащейся молодежи, тем чаще используются копинг-стратегия бегство-избегание. В отношении других копинг-стратегий ярко выраженная зависимость от уровня стресса не выявилась.

Таблица 3. Сопряженность организационного стресса (ОС) с копинг-стратегиями

Копинг-стратегии		Категории организационного стресса (частота встречаемости у индивидов, %)		
		Есть стресс	Нет стресса	Эустресс
Адаптивные	Самоконтроль	3,64	0	7,14
	Поиск социальной поддержки	16,36	0	42,86
	Принятие ответственности	9,09	0	21,43
	Планирование решения проблемы	5,45	0	7,14
	Положительная переоценка	7,27	0	0
Неадаптивные	Конфронтация	7,27	0	7,14
	Дистанцирование	9,09	0	7,14
	Бегство / Избегание	67,3	33,3	50,0
Сумма стрессовых факторов у учащейся молодежи (M±m в баллах)				
		1157,89±73,81	657,83±103,14	736,14±92,28

Примечание. Достоверность различий в копинг-стратегиях в зависимости от категории стресса оценивалась с помощью критерия Колмогорова-Смирнова $p < 0,005$.

Полученные данные свидетельствуют о том, что категория «наличие стресса» у студентов чаще всего зависит от использования такой копинг-стратегии, как «бегство-избегание» (67,3%). Следует заметить, что данная стратегия преодоления характерна для конструкта тревожности; тревожность

при стрессе рассматривается как основная характеристика биологической модели стресса по Г. Селье, имеющая физиологические (вегетативные, гормональные, иммунологические) и психологические особенности (напряжение, раздражительность, бессонница, рассеянность внимания, забывчивость).

Таким образом, с помощью критерия Колмогорова-Смирнова ($p < 0,005$) показано наличие достоверных связей между копинг-стратегиями и типами личности, с одной стороны, и с уровнем стресса, с другой.

Выводы:

1) Студенты с типом поведения личности А имеют более высокий уровень стресса по сравнению со студентами с чертами поведения В или обоих типов А и В.

2) С типом поведения личности А связана стратегия совладания «Бегство-избегание».

3) Существуют достоверные различия по уровню стресса между группами, представляющими различные типы поведения личности.

Литература

1. Lazarus R.S., Folkman, S. Stress, appraisal and coping. - N.Y.: Springer, 1984. -124p.
2. Folkman S. Improving coping assessment: Reply to Stone and Kennedy-Moore // Hostility, coping and health / Ed. H.S. Friedman. – Washington, DS: APA/ - 1991. – P. 215-223.
3. Beehr T.A. Psychological Stress in the Workplace. - New York: Routledge, 1995. – 432p.
4. Pearlin L. Advances in the conceptualization of the stress process. 1st Edition / L. Pearlin, W.R. Avison, C.S. Aneshensel, S. Schieman, B. Wheaton. – 2010. – 262 p.
5. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Копинг-поведение и профилактика психосоциальных расстройств у подростков // Обзорные медицинские психологии и психиатрии им. В.М. Бехтерева. – 1994. – Вып. 1. – С. 63-74.

Капцов А.В.,

Самарская гуманитарная академия,

Колесникова Е.И.,

Самарский государственный архитектурно-строительный университет, Самара

СООТНОШЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ И ГРУППЫ КАК ФАКТОР РЕГУЛЯЦИИ СУБЪЕКТНОЙ АКТИВНОСТИ*

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ №12-16-63003а

Современное бытие человека очень разнообразно и динамично. Его преобразующий характер приводит к тому, что человек обустроивает окружающую действительность в соответствии с требованиями собственных потребностей, логикой собственной жизнедеятельности. Путем наложения на явления окружающей действительности личностного смысла, отражающего отношение к потребностям в жизнедеятельности индивидуального субъекта, и общественных смыслов, отражающих особенности жизнедеятельности коллективного субъекта - социальной группы, общества, человечества в целом, формируется жизненное пространство человека.

Как подчеркивают А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко, представления о социально-психологическом пространстве определяются индивидуальными особенностями субъекта, в первую очередь потребностно-мотивационными и ценностно-смысловыми (Журавлев, Купрейченко, 2011). От ожиданий и намерений субъекта зависит (но далеко не полностью), какой «гранью» к нам повернется тот или иной человек или социальная группа, по какому пути пойдет развитие взаимоотношений с ними. Добавим к этому, что возникающее разнообразие возможных вариантов относится как к индивидуальному субъекту, так и к коллективному. Ведь не случайно к одной из динамических (процессуальных) характеристик коллективного субъекта А.Л. Журавлев относит мотивированность как эмоциональное переживание участников совместной деятельности потребности, желания действовать вместе (Журавлев, 2002). Д. Макклелланд отмечает актуальность изучения «коллективных мотивов», при этом отдавая отчет в том, что «коллективные потребности» имеют не прямое отношение к распределению индивидуальных потребностей (Макклелланд, 2007). В то же время проблемой является построение дизайна эмпирического исследования соотношения

потребностей личности и группы. Для решения этой проблемы была разработана методика диагностики потребностей коллективного субъекта (Безумова, Капцов, 2010), с помощью которой можно оценить представление членов группы о потребностях на групповом уровне. Использование этой методики в совокупности с методикой диагностики актуальных потребностей личности (Капцов, 2008) позволило провести пилотажное исследование с участием двух учебных групп первого и четвертого курсов инженерных специальностей технического вуза г. Самара (49 человек).

В обеих методиках испытуемым предъявляются 15 утверждений, которые они должны оценить, попарно сравнивая между собой (ипсативная форма). Далее подсчитывается количество выборов (степени неудовлетворенности потребностей). По количеству предпочтений потребность относится к зоне удовлетворенности для группы или личности (диапазон 1-5 баллов), частичной (6-8 баллов) и высокой неудовлетворенности (9-14 баллов). Среди индивидуальных сравнивались между собой потребности в безопасности, в эмоциональном общении, в свободе, в активности и готовности к будущему, потребности в саморегуляции, в достижениях, в эмоциональном насыщении, в познании, в подготовленности, в статусе, быть личностью, нравственно-эстетические потребности, потребности в смысле жизни, в самовыражении, во власти. Представления о потребностях группы включают в себя оценку потребностей в стабильной и надежной работе группы, в привлечении к совместной деятельности всех членов группы, в поддержании дружеских отношений, взаимопонимания и взаимопомощи в процессе совместной работы, действовать совместно, осуществлять внутригрупповое самопознание, выражать групповые мнения, поддержание престижа, традиций группы.

В исследуемой группе первокурсников среди потребностей личности наименее актуальны потребность в свободе и саморегуляции (79%) и нравственно-эстетические (74%), а наиболее актуальными являются потребности в достижении и статусе (68%). У старшекурсников наименее актуальны потребности в саморегуляции (77%) и нравственно-эстетические (73%), наиболее актуальны потребности в достижении (77%) и в статусе (73%). Мы видим, что в наименьшей степени испытывая нужду в предчувствии надвигающихся событий, управлении кем-нибудь и тактичном общении как первокурсники, так и старшекурсники предпочитают достигать поставленных целей и заметного положения в обществе. Скорее всего, это связано с особенностями юношеского возраста, проявляющихся в поиске направлений самореализации.

По мнению первокурсников при организации совместных мероприятий группа испытывает в меньшей степени потребность в создании высокого нравственного климата (84%) и в уменьшении споров и дискуссий (74%), больше нуждаясь в единстве мнений (74%) и активном участии членов группы (63%). Старшекурсники считают, что для их группы менее актуальны потребности в общем для группы лидере (77%) и ликвидации группировок (73%) при большей актуальности взаимопонимания и взаимопомощи (70%) и переходе «от слов к делу» (63%). Отметим отличающуюся иерархию совокупных представлений о потребностях группы при похожей структуре личностных представлений. Это может быть связано с особенностями внутригруппового взаимодействия, временем существования группы, а также различным половозрастным составом групп. Заметим также, что единственным совпадением студентов в представлениях о потребностях группы является актуальная потребность в поддержании дружеских отношений (68% у первокурсников, 63% для старшекурсников), что подчеркивает важность оптимальных взаимоотношений в учебной группе вуза вне зависимости от времени её существования.

Сравнение абсолютной разницы между среднегрупповым профилем предпочтения потребностей и профилем каждого члена группы показало, что сумма различий как общая, так и по потребностям личности и представлениям о потребностях группы для первокурсников не отличается от старшекурсников. Одинакова и относительная частота отклонений предпочтений. Но среди старшекурсников более значителен процент членов группы с преобладанием различий больше по групповым потребностям, чем по личным (43%) по сравнению с первокурсниками (21%). Возможно, это связано с психологическими особенностями членов групп, а также групповых и микрогрупповых процессов, интеграции-деинтеграции, существующими нормами и ценностями, поэтому исследование будет продолжено в этих направлениях.

Заметим, вслед за А.Л. Журавлевым и А.Б. Купрейченко, что специфичным для субъекта будет не только образ его взаимоотношений с социальным окружением (ментальное социально-психологическое пространство), но и существующая в действительности система взаимоотношений

и регуляции субъектной активности (реальное социально-психологическое пространство). Так, например, в студенческой учебной группе при предпочтении личностных потребностей групповым, скорее можно ожидать негативные представления о ближайшем окружении, формирование интересов, отличающихся от одноклассников, усиление процессов дезинтеграции с группой, эгоцентризма, изоляции и повышение эмоциональной напряженности. Хотя, как мы предполагаем, при преобладании индивидуальных форм обучения и формально-деловых взаимоотношениях в учебной группе возможно длительное продуктивное сосуществование. При более высоком месте в иерархии потребностей группы над личностными, наверное, будут наблюдаться проявления чрезмерной уступчивости, неуверенности, действия в ущерб собственным интересам. При совпадающих низких позициях иерархии потребностей личности и группы более вероятно отсутствие стремления к установлению устойчивых и глубоких межличностных отношений с одноклассниками, тенденции к поиску интересов за пределами группы и вуза. Очевидно, предпосылкой для проявлений коллективного субъекта будет совпадение иерархии потребностей личности и группы.

Литература

1. Безумова Л.Г. Методика диагностики потребностей коллективного субъекта / Л.Г. Безумова, А.В. Капцов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». - 2010. - № 1(7). - С. 98-115.
2. Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта / А.Л. Журавлев // Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. - М.: ПЕР СЭ, 2002. - С. 51- 81.
3. Журавлев А.Л. Социально-психологическое пространство как предмет исследования / А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко // Малая группа как объект и субъект психологического влияния: материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием) / под общ. ред. А.С. Чернышева. - Курск, 2011. - С. 304-305.
4. Капцов А.В. Методика для диагностики актуальных потребностей личности / А.В. Капцов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». - 2008. -№ 2(4). - С. 59-70.
5. Макклелланд Д. Мотивация человека. - СПб.: Питер, 2007. - 672 с.

Кленова М.А.,

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов

СПЕЦИФИКА ЦЕННОСТНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ РИСКОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ В РАЗНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУППАХ*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнопсихологические детерминанты взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия личности» (грант №11-06-00026 а)

Проблема рискованности, неопределенности в современном обществе требует не столько решения в сторону отказа от риска вообще, сколько необходимости выработки механизмов и технологий, адаптирующих человека к жизни в условиях неопределенности, а также к действиям в ситуации риска. Изначально, научные исследования риска были сосредоточены в области естественных и экономических дисциплин, однако, в настоящее время, риск – это проблемное поле целого ряда направлений в науке, объединенных в «рискологии», одной из ориентаций которой является изучение социальных и психологических особенностей восприятия риска. В решении данной проблемы, а именно, изучении восприятия риска, применяются средства и инструментарий многих гуманитарных дисциплин. Прежде всего, это социальная психология, социальная философия и социология.

Не менее важной проблемой для современной социальной психологии выступают вопросы, связанные с этнопсихологическими особенностями. В частности для нашего многонационального государства подобного рода исследования являются не только интересными с точки зрения научной работы, но и практически значимыми. Таким образом, целью нашего исследования является изучение ценностной детерминации рискованного поведения немцев Поволжья и русских. Выборка исследования составила 80 человек, из них 40 – русские, жители г. Саратова и 40 человек

– немцы Поволжья, жители Волгоградской области. В качестве главного инструментария сбора эмпирического материала исследования были выбраны: «Методика изучения уровня готовности к риску» Г. Шуберта в редакции Д.Я. Райгородского, а также методика Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах».

В методике Г. Шуберта готовность к риску авторами позиционируется, прежде всего, как готовность к экстремальному виду риска, однако опросник содержит в себе ряд вопросов, которые могли бы быть отнесены к другим видам риска. Поэтому, в ранее проведенных исследованиях (Кленова, 2011) нами все вопросы методики были распределены при помощи факторного анализа на три группы, отражающие разные типы готовности к риску. Первый тип готовности – «риск, как инструмент для извлечения материальной выгоды» предполагает принятие риска в том случае, когда в результате рискованных действий предполагается материальное вознаграждение. Второй тип готовности – «риск, как преодоление своих физических и психологических возможностей» и третий, выделенный нами тип готовности – «риск, основанный на доверии к окружающим и самому себе, а также как стремление к лидерству». Опираясь на данные результаты, в своем исследовании мы изучали как общий показатель готовности к риску в двух этнических группах (русские и немцы), так и показатели готовности к риску по трем типам. В результате проведенного исследования установлено, что в группе немцев общий показатель готовности к риску несколько ниже, чем в группе русских ($t=1,683^*$). В.Г. Крысько по этому поводу говорит: «Склонность к абстрактному мышлению у немца проявляется в неспешности принятия решений, во всестороннем обдумывании последнего. Как правило, немец не идет на риск, если у него нет уверенности в благополучном исходе дела» (Крысько, 2002). Действительно, многочисленные исследования психологических особенностей позволило сформировать определенные стереотипы, касающиеся личности немца. Аккуратность, практичность, добросовестность, предусмотрительность, пунктуальность, точность, трудолюбие – те качества, которые присущи среднестатистическому немцу. Данные, полученные в некоторых исследованиях, подтверждают, что немцы, прежде чем согласиться на какой-либо рискованный поступок, тщательно и скрупулезно оценивают возможные варианты (Крысько, 2002). Для них, в большей степени свойственна позиция «расчетливого риска». Рассмотрим готовность к риску в группах немцев и русских по выделенной нами типологии.

Несмотря на то, что общий показатель в группе немцев оказался несколько ниже, по типу готовности к риску, основанному на доверии, немцы показывают более высокую готовность. Необходимо отметить, что готовность к риску, основанная на доверии по методике Г. Шуберта объединяет в себе вопросы, касающиеся ситуаций, когда человеку приходится принимать решения, полагаясь на авторитетное мнение других людей. Эти данные подтверждают результаты ранее проведенных исследований, в которых говорится о том, что немцы по большей части склонны к влиянию и легко внушаемы (Луганский, 1968). Или, например, В.Г. Крысько так характеризует немцев: «Из всех цивилизованных наций немцы легче всех и дольше всех способны подчиняться правительствам, под властью которых они живут» (Крысько, 2002).

Проанализируем данные, полученные при помощи методики выбора свободных ценностей Е.Б. Фанталовой. Данная методика представляет собой список из 73 общечеловеческих ценностей. Кроме того, в список представленных ценностей нами были добавлены «рискованность» и «расчетливость» Испытуемым предлагалось оценить по 10-ти бальной шкале ценность и доступность каждой из представленных ценностей. Сравним полученные данные у немцев и русских.

Установлено, что немцы наибольшее предпочтение отдают следующим ценностям: целеустремленность, практический склад ума, бережливость, деньги, самокритичность, расчетливость. В то время как для русских в их собственном понимании наиболее значимыми являются такие ценности как: жизнерадостность, дружелюбие, оптимизм, прощение, любовь к природе, общение, отдых, эмоциональная отзывчивость, рискованность. Полученные нами данные отражают сформировавшиеся в обществе стереотипы относительно среднестатистического немца, которые представляется трудолюбивым, расчетливым и бережливым, а также русского, как дружелюбного, оптимистичного и предпочитающего работе отдых. Кроме того, интересен тот факт, рискованность как ценность, оказывается более значима для русских, в то время как для немца более значима ценность расчетливости.

Рассмотрим показатели по шкале «Доступность» предложенных ценностей. Следует отметить, что доступность представленных ценностей в группе русских представляется несколько выше, чем

в группе немцев. Другими словами, наличие или присутствие перечисленных ценностей, а также возможность их использования в повседневной жизни более актуальна для русских в отличие от немцев. Как видно из представленной таблицы, ценности образующие группу, которую условно можно было бы назвать «духовные ценности», кажутся русским более доступными. Отдельно хотелось бы отметить средние оценки такой ценности как общение и сочувствие, разница в оценках которых наиболее значима в двух этнических группах. Так для русских эти ценности представляются гораздо доступнее, нежели для немцев.

Для определения ценностной детерминации рискованного поведения нами был проведен корреляционный анализ представленных ценностей с выделенными ранее типами готовности к риску.

Первый тип готовности к риску – риск, как инструмент для извлечения материальной выгоды в обеих этнических выборках связан со следующими ценностями: практический склад ума ($r=0,321^*$), деньги ($r=0,483^{**}$), рискованность ($r=0,433^{**}$), расчетливость ($r=0,369^*$). Интересен тот факт, что представленный нами тип готовности к риску отрицательно связан с ценностью искренности ($r=-0,291^*$) и сочувствия ($r=-0,289^*$), следовательно, испытуемые показывающие высокую готовность к риску ради получения материальной выгоды довольно низко оценивают представленные ценности. В группах русских и немцев Поволжья наблюдаются следующие различия: в группе немцев отмечается более высокий показатель взаимосвязи первого типа готовности к риску с ценностью практического склада ума ($r=0,488^*$) и расчетливости ($r=0,456^*$), в то время как у русских наблюдаются более высокие показатели корреляции с такими ценностями как деньги ($r=0,495^*$) и рискованность ($r=0,481^*$).

Второй тип готовности – риск, как преодоление своих физических и психологических возможностей связан с такими ценностями как: красота поступка ($r=0,317^*$), интерес к чтению ($r=0,277^*$), самокритичность ($r=0,299^*$), отсутствие снобизма ($r=0,397^{**}$), снисходительность к слабостям ($r=0,415^{**}$), рискованность ($r=0,378^{**}$), расчетливость ($r=0,307^*$), кроме того, с данным типом готовности к риску отрицательно связана такая ценность как спокойствие ($r=-0,279^*$). Рассмотрим показатели корреляции в двух этнических группах. У русских тип готовности к риску как преодолению своих возможностей помимо перечисленных ранее связан с ценностями жизнерадостности ($r=0,423^*$), жертвенности ($r=0,438^*$) и альтруизма ($r=0,480$). В группе немцев готовность к риску по данному типу объединена с такими ценностями как: целеустремленность ($r=0,315^*$), практический склад ума ($r=0,528^{**}$), широта взглядов ($r=0,416^{**}$).

Третий тип готовности к риску, основанному на доверии, а также как стремление к лидерству в обеих выборках связан с ценностями: благородство ($r=0,304^*$), эмоциональная отзывчивость ($r=0,338^*$), уважение к людям ($r=0,385^*$). У немцев данный тип готовности связан с правдивостью ($r=0,447^{**}$), терпимостью ($r=0,350^*$), смелость. ($r=0,341^*$), работоспособностью ($r=0,364$), интеллигентностью ($r=0,425^{**}$). В группе русских установлены следующие связи третьего типа готовности к риску и ценностей: любовь к человеку ($r=0,437^*$), сочувствие ($r=0,548^{**}$), благородство ($r=0,516^{**}$), понимание других ($r=0,334^*$).

Полученные данные позволяют говорить о том, что готовность к рискованному поведению, а также тип готовности определяется доминирующими ценностями. Существуют некоторые различия в ценностной детерминации рискованного поведения в двух этнических выборках. Так для немцев Поволжья приоритетным является третий тип готовности к риску, основанному на доверии к окружающим и авторитетным лицам, в свою очередь, также у немцев данный тип готовности определяется высокими оценками таких ценностей как работоспособность, терпимость, интеллигентность. В результате нашего исследования можно сделать вывод о том, что немец готов совершить рискованный поступок, доверяясь другому, человеку, при этом, на первый план выходят деловые качества, в частности работоспособность.

Литература

1. Кленова М.А. Самоактуализация личности и склонность к риску [Текст] / М.А. Кленова // Вестник университета (Государственный университет управления) – М.: ГУУ, №6 – 2011 – С. 50-51.
2. Крысько В.Г. Этническая психология [Текст] / В.Г. Крысько – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – С. 59.

3. Луганский Н.И. Влияние национально-психологических особенностей населения ФРГ на морально-боевые качества личного состава бундесвера: Дис. ... канд. психол. наук. – М., 1968.

Ковалева Ю.В.

Смоленский государственный университет, Смоленск

АНАЛИЗ МОТИВОВ ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ*

*Исследование ведется при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Просоциальное поведение мигрантов и принимающего населения в условиях межкультурного взаимодействия»; проект № 12-16-04000 а(м)

Просоциальное поведение (от лат. pro – приставка, обозначающая действующего в интересах кого-то, и socialis – общественный) – это поведение индивида, которое ориентировано на благо отдельного человека или социальных групп. Такое определение дает психологический словарь И.М. Кондакова (Кондаков, 2000). Немецкий ученый Х. Хекхаузен также считает, что под просоциальным поведением могут пониматься любые действия, направленные на благополучие другого человека. Диапазон этих действий может быть весьма многообразен, соответственно различными могут быть затраты (внимания, времени, труда, денежные расходы, отодвигание на задний план своих желаний и планов, самопожертвование) оказывающего помощь на ее осуществление (Хекхаузен, 1986).

Некоторые ученые предлагают различать просоциальное поведение, которое понимается как любые действия, совершенные с целью принести пользу другому существу. При этом человек может действовать просоциально ради собственной выгоды (надеясь получить что-либо взамен), либо его действия могут быть продиктованы исключительно желанием принести пользу другому, без всякой пользы для самого себя – в данном случае уже речь идет об альтруизме (Аронсон и др., 2002.).

В современной науке существует множество подходов в объяснении как самого феномена просоциального поведения, так и причин или мотивов, лежащих в его основе. Д. Майерс выделяет три теории толкования просоциального поведения и его мотивов: теорию социальных норм, теорию социального обмена и эволюционную теорию.

Теория социальных норм объясняет все межличностные взаимоотношения и в том числе просоциальное поведение желанием соответствовать двум нормам: норме взаимности, т.е. оказание помощи тем, кто помогает нам и норме социальной ответственности, т.е. оказание помощи без надежды на компенсацию в будущем.

Согласно теории социального обмена, в процессе взаимодействия люди обмениваются не только материальными ценностями, но и социальными (любовь, услуги, информация, статус) (Д.Майерс, 2007). Мотивами большинства наших действий, согласно данной теории, выступает желание максимизировать полученное вознаграждение, в виде получения помощи в подобной ситуации в будущем, ослабления негативных эмоций от увиденного и получения одобрения со стороны других людей (либо самоодобрения) или минимизировать издержки.

Представители эволюционных теорий руководствуются тем, что поведением человека управляют генетические факторы, передающиеся потомству, согласно принципу естественного отбора Ч. Дарвина. Предлагают выделять следующие подходы в рамках эволюционной теории (Аронсон и др., 2002):

- 1) родственный отбор, согласно которому основной мотив оказания помощи – сохранение жизни генетически родственным особям;
- 2) взаимный обмен, где мотивом оказания помощи выступает желание получить пользу или помощь в ситуации необходимости (феномен «взаимного (или реципрокного) альтруизма» (Р. Триверс, 1972);
- 3) научение социальным нормам и следование им для увеличения вероятности получения помощи при необходимости, т.к. помощь другим – одна из норм, присущая практически всем обществам (Г. Саймон).

Перечисленные подходы свидетельствуют о том, что можно выделить множество мотивов, которые служат принятию решения об оказании помощи. Все разнообразие мотивов оказания помощи было объединено нами в 4 группы: эмоциональные мотивы, основанные на переживании

затруднительного положения нуждающегося в помощи человека; альтруистические и эгоистические мотивы, в основе которых лежит направленность на себя или на другого (Д.Бэтсон), и когнитивные, направленные на понимание проблемы человека на уровне сознания (Тибо и Келли, Латане и Дарли). Выделение данных групп не претендует на роль наиболее удачной и исчерпывающей классификации, но делает анализ достаточно удобным. В ходе проведения своего исследования, мы попытались выяснить, какие из мотивов наиболее часто выступают решающими для оказания помощи и насколько бескорыстными они являются.

Для изучения мотивов оказания помощи нами был разработан опросник, в одном из вопросов которого респондентам был предложен перечень мотивов, каждый из которых необходимо было оценить по частоте его значимости (никогда, редко, часто). В пилотажном исследовании приняло участие 34 человека, от 19 до 21 года (средний возраст равен 20,6), студенты Смоленского государственного университета.

Анализ распределения полученных данных позволил проанализировать частоту влияния тех или иных мотивов на принятие решения об оказании помощи. Опираясь на предложенную нами классификацию мотивов можно говорить о том, что наибольшее влияние на принятие решения об оказании помощи оказывают эмоциональные мотивы, следующими по степени значимости оказались альтруистические мотивы, а затем эгоистические и когнитивные мотивы. Проанализируем полученные ответы более подробно.

Так, по словам респондентов, наиболее часто, среди группы так называемых эмоциональных мотивов, в своем поведении они ориентируются на оказание помощи в результате *Сопереживания*, так ответил 21 человек (или 61,8%), остальные 13 человек (или 38,2%) ответили, что руководствуются данным мотивом редко. Также, по словам 16 респондентов (или 47,1%) при принятии решения об оказании помощи они руководствуются переживанием *Чувства долга* оказать помощь нуждающемуся в ней, остальные 18 (или 53% от общего числа испытуемых) ответили, что руководствуются им редко.

Альтруистические мотивы также занимают весомое место в структуре мотивации наших респондентов. Сюда нами были отнесены такие мотивы, как *Бескорыстное оказание помощи*, *Желание сделать хорошее дело* и *Желание сделать приятное принимающему помощь*. Более половины респондентов ответили, что каждый из названных мотивов редко, но все же оказывает влияние на принятие ими решения об оказании помощи.

Также, достаточно часто в структуре мотивации испытуемых присутствуют, когнитивные мотивы, т.е. основанные на осознании затруднительного состояния нуждающегося в помощи или своей обязанности вмешаться в происходящее. Наиболее часто из названной группы мотивов, испытуемые руководствуются *Представлением себя на месте нуждающегося в помощи* и принятием на этой основе решения о ее оказании, так ответили более половины респондентов – 20 человек (или 58,8%), остальные отметили, что руководствуются данным мотивом редко. Следующими по частоте влияния на поведение помощи оказались мотивы *Следования моральным принципам отношения к людям* и оказание помощи, опосредованное осознанием того, что *Принимающий помощь поступил бы также*. 10 человек (или 29,4%) ответили, что руководствуются этими мотивами часто, остальные респонденты отметили, что ориентируются на них реже. Менее влияющими на принятие решения об оказании помощи из данной группы мотивов оказались – *Желание следовать общественным нормам* и религиозным убеждениям. Так, 21 испытуемый (или 61,8%) отметил, что редко, но все-таки присутствует желание следовать *Общественным нормам поведения*, 2 человека (или 5,9%) отметили, что часто руководствуются желанием следовать общественным нормам и еще 11 (или 32,4%), что никогда ими не руководствуются в своем поведении. Данное распределение можно объяснить спецификой выборки, так как молодое поколение не желает выражать покорность старшему поколению, в т.ч. и в виде следования принятым им нормам поведения, выработанным традициям. На вопрос о желании следовать *Религиозным убеждениям* в своем поведении, большинство испытуемых, а именно 22 человека (или 64,7%), ответили, что не руководствуются данным мотивом никогда, 10 человек (или 29,4%), отметили, что редко руководствуются данным мотивом и только 2 (или 5,9%), что часто. Возможно, это объясняется малой обращенностью в религиозную веру молодых людей, попавших в выборку нашего исследования.

Наше исследование показало, несмотря на то, что зачастую испытуемые ориентируются в своем поведении на благо нуждающегося, а не на собственное благополучие, распределение ответов по

группе эгоистических (прагматических) мотивов, отражает их весомое присутствие в структуре мотивации.

Так, 20 человек (или 58,8%), отметили, что часто оказывают помощь, чтобы *Получить ее в подобной ситуации*, остальные 14 (или 41,2% от общего числа испытуемых), что следуют этому мотиву редко. Также представленными оказались мотивы *Получения душевного покоя*, *Повышения своей самооценки* и *Повышения оценки себя в глазах окружающих*, а также *Получения помощи от того, кому помогаю сейчас* и *Желание получить благодарность*.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что мотивы оказания помощи довольно разнообразны и могут колебаться от чисто альтруистических (оказание помощи исключительно для блага нуждающегося) через когнитивные (осознание затруднительного положения человека и, как следствие, оказание ему помощи) до прагматических (т.е. оказание помощи с ориентацией на собственную выгоду). Актуальный в каждом конкретном случае мотив может быть обусловлен влиянием таких факторов, как объект помощи, его статус, ситуация оказания помощи и другие факторы, анализ которых не приведен в данной статье, но станет предметом наших дальнейших исследований.

Литература

1. Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. – СПб.: Прайм – Еврознак, 2002. – 560 с.
2. Кондаков И.М. Психология. Иллюстрированный словарь, М., 2000.
3. Майерс Д. Социальная психология, 7-е издание, М.: Питер, 2007. - 800с.
4. Почебут Л.Г., Мейжис И.А. Социальная психология. – СПб.: Питер, 2010. – 672с.
5. Социальная психология / Ш. Тейлор, Л. Пипло, Д. Сирс. – СПб.: Питер, 2004. – 767с.
6. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность / под ред. Б.М. Величковского. – М.: Педагогика, 1986. – 408с.

*Ледовская Т.В., Прудников О.Е.,
ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.
Ушинского», Ярославль*

РОЛЬ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РАЗРЕШЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Изучение роли исполнительной власти в разрешении региональных конфликтов на данный момент времени особенно актуально в связи с тем, что региональные конфликты касаются непосредственно нас, и из-за недостаточного участия исполнительной власти в их разрешении мы можем пострадать в полной мере, так как региональная политическая стабильность имеет большое значение для развития российской государственности в целом, а возникновение новых очагов региональных конфликтов в критической ситуации способно привести к резкой дестабилизации всей политической системы.

В ходе теоретического анализа соответствующей литературы мы можем сказать, что процесс развития исполнительной власти в России уходит вглубь веков. В отличие от европейских государств, где власть развивалась в направлении парламентаризма и демократии, Российская империя на протяжении XV-XIX вв. оставалась оплотом абсолютизма, и власть царя не ограничивалась никакими выборными органами. По мере развития общества власть всё более нуждалась в исполнительных органах, деятельных и наиболее приспособленных к проведению в жизнь её предначертаний. На рубеже XVIII и XIX вв. в России появляется министерская система как форма организации высших органов государственного управления. В первой половине XIX в. Россия оставалась абсолютной монархией, для которой было характерно: разделение власти на уровни, которые обеспечивали решение одних и тех же задач управления, дублирование ответственности правительственных чиновников, крайне высокая степень централизации, бюрократизации и милитаризации аппарата управления. Министерства проводили самодержавную политику, контролируя все стороны жизни российского общества: политическую, социальную, экономическую. Вся политическая система была сориентирована в одном направлении - сверху вниз.

Правда, в октябре 1905 г. под влиянием революции царизм декларировал ответственность министерств перед государственной Думой. Но фактически министерства оставались в полном подчинении императору. Несмотря на происшедшие изменения правительство ещё не приобрело характера «буржуазного кабинета». Министры были ответственны только перед царём и им же назначались. Конституция 1906 г. предоставила весьма ограниченные представительные права вместе с декларируемым избирательным законом. В 1917 г. Временное правительство подготовило систему почти всеобщего представительства через выборы в Учредительное собрание, но как оказалось, то был конец, нежели начало, представительного правления в России. Первым актом процесса образования однопартийности советской политической системы явилось образование Всероссийским съездом Советов однопартийного большевистского правительства. В отличие от предыдущих это временное правительство рабочих, солдат и крестьян получило название «Совета народных Комиссаров». Министерства должны были замениться «комиссарствами». С разгоном Учредительного собрания был перечёркнут вариант демократической республики с широкой социальной опорой, многопартийностью. Монополия РКП/б/ на власть, сращивание партийных и государственных органов привели к отождествлению диктатуры пролетариата и партийной диктатуры. В новом государстве в трансформированном виде возрождались некоторые традиции дореволюционной российской государственности с её централизацией, персонификацией высшей власти, обширными и слабо регламентированными функциями госаппарата, почти неподконтрольного трудящимся. Народные массы, как и прежде, оставались бесправными, отрешёнными от реального участия в управлении.

В 1992-1993 российская государственность в своем высшем эшелоне была представлена тремя ветвями власти: законодательной (Съезд народных депутатов России и избираемый им Верховный Совет), исполнительной (Президент и назначаемое им правительство, председатель правительства утверждался Съездом народных депутатов по представлению Президента) и судебной во главе с Конституционным судом.

Впервые в 1993 году на конституционном уровне был закреплён принцип разделения властей, который означает не только выделение различных групп государственных органов, но и наделение их различными функциями. Статья 10 Конституции РФ гласит: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную». Таким образом, в нашей стране исполнительная власть впервые была законодательно закреплена наряду с двумя другими ветвями власти.

Проанализировав вышесказанное можно сделать вывод о том, что исполнительная власть на пути своего развития претерпела большие изменения, так как изначально, при царе не было исполнительной власти как отдельного института, и в ходе своей эволюции данный вид власти принял самостоятельный статус.

В наше время ученые, исследующие исполнительную власть, не могут сойтись в одном её конкретном определении. Мы остановимся на следующем определении исполнительной власти. Итак, исполнительная власть - это деятельность по управлению государством и обществом, подчиненная контролю со стороны других ветвей власти и состоящая в осуществлении специально созданными органами государственной власти особых функций и установленной законом компетенции.

Одной из задач нашего исследования, являлось изучение региональных конфликтов. Изучая литературу по данной тематике, мы сделали вывод о том, что ученые по-разному понимают региональный конфликт. Одни считают, что это конфликты, возникающие на основе различных противоречий между отдельными государствами или регионами и затрагивающие большие географические и социальные пространства. Другие понимают под региональным конфликтом результат конкурентного взаимодействия двух и более сторон, оспаривающих друг у друга распределение властных полномочий, территории или ресурсов. Но мы остановимся на определении, которое определяет региональный конфликт как конфликт, происходящий в обществе, связанный с борьбой за власть, ценности, статус, ресурсы, в ходе которой оппоненты нейтрализуют, наносят ущерб или устраняют соперника. На наш взгляд, это наиболее полное и точное определение.

Для изучения роли исполнительной власти а разрешении региональных конфликтов, мы проанализировали два конфликта с участием представителей исполнительной власти: один на федеральном уровне (конфликт между М.Ш. Шаймиевым и Д.А. Медведевым), другой - на

муниципальном (конфликт между бывшим губернатором Ярославской области А.И. Лисициным и главой Рыбинского муниципального округа Е. Н. Сдвижковым).

Итак, конфликт между М.Ш. Шаймиевым и Д.А. Медведевым, который зародился во время президента В.В. Путина. Он разрешился в марте 2010 года, когда Д.А. Медведев отправил в отставку главу Татарстана. Конфликт разворачивался следующим образом: при Путине татарский президент открыто высказывал недовольство отменой губернаторских выборов, которую он называл «отходом от демократических принципов». А сразу после инаугурации Д.А. Медведева, в надежде, что новый глава государства будет проводить иную политику в отношении регионов, Шаймиев выступил против «громоздкого», по его словам, института полпредов и вновь призвал вернуться к практике всенародных выборов губернаторов, а также поставил под сомнение право президента распускать местные законодательные собрания. Также тенденция перераспределения полномочий от регионов к центру вызывала его неприятие. «Под штыки всех не построить в шеренгу», - говорил он еще в 2002 году на Всемирном конгрессе татар. А годом позже обвинил Совет Федерации в «выталкивании Татарстана из состава РФ». Столь же непримиримым оппонентом политике Москвы Шаймиев выступил и по поводу последних инициатив Кремля. За предложениями об унификации названий субъектов Федерации и об укрупнении регионов татарский президент увидел открытое покушение на принципы федерализма. Стоит отметить, что Татарстан до сих пор считает себя полунезависимым государством (в свое время в республике прошел референдум о независимости). Такое поведение главы Татарстана явно не понравилось главе РФ, ведь это прямая угроза вертикали власти, которую так усердно в последнее время выстраивает правящая партия. Поэтому Д.А. Медведев принял решение об отставке М. Ш. Шаймиева, дабы не потерять один из ведущих регионов нашей страны.

Анализ конфликтной ситуации, возникшей между М. Ш. Шаймиевым и Д.А. Медведевым:

Ситуация: президент республики Татарстан открыто высказывал недовольство отменой губернаторских выборов. Шаймиев выступил против «громоздкого», по его словам, института полномочных представителей президента и вновь призвал вернуться к практике всенародных выборов губернаторов, а также поставил под сомнение право президента распускать местные законодательные собрания. Также тенденция перераспределения полномочий от регионов к центру вызывала сильное возмущение. Также президент республики Татарстан открыто критиковал президента РФ по поводу проводимой внутренней политики. Глава РФ посчитал это недопустимым и снял главу Татарстана с его должности.

Стороны: Глава РФ Д.А. Медведев и глава республики Татарстан М. Шаймиев. Данный конфликт носит вертикальный характер.

Объект: стремление главы Татарстана перераспределить полномочия между центром и регионом, его выступление против предложения об унификации названий субъектов Федерации и об укрупнении регионов.

Предмет: прямая критика в адрес президента и высказывание недовольства по поводу внутренней политики, проводимой Д.А. Медведевым.

Мотивы участников конфликта: М.Ш. Шаймиев хотел добиться для своего региона особого статуса по сравнению с остальными регионами. Увеличить свои полномочия в Татарстане и стать менее зависимым от федерального центра; ведущим мотивом для Д.А. Медведева было сохранение своего авторитета, сохранение зависимого статуса Татарстана, устранение попыток нанести удар по вертикали власти.

Представление о конфликтной ситуации сложилось следующее: Д.А. Медведев посчитал недопустимым подобное поведение главы республики Татарстан и снял М.Ш. Шаймиева со своего поста.

Поведение участников конфликта: Можно сказать, что в начале Д.А. Медведев выбрал стратегию «избегание», но потом выбрал «соперничество», М.Ш. Шаймиев сразу выбрал стратегию «соперничество».

Возможность завершения конфликта:

1. Д.А. Медведев мог бы договориться с М.Ш. Шаймиевым, пойти на некоторые уступки, и, тем самым, показать свою слабость. Это негативно бы сказалось на его авторитете, что в дальнейшем могло бы послужить поводом для других республик или крупных регионов настаивать на перерасмотрении распределения полномочий между центром и регионом.

2. Если бы конфликт принял затяжной характер, дело могло дойти до того, что республика Татарстан при определенных условиях могла выйти из состава РФ.

Исходя из анализа данного конфликта, мы можем сделать вывод о том, что в разрешении региональных конфликтов на федеральном уровне исполнительная власть принимает непосредственное участие, так как представители данного вида власти напрямую участвовали в разрешении конфликта, ведь именно Д.А. Медведев принял решение об отставке главы республики Татарстан.

Для рассмотрения роли исполнительной власти в разрешении региональных конфликтов на муниципальном уровне мы проанализируем конфликт, который возник между бывшим губернатором Ярославской области А.И. Лисицыным и главой Рыбинского муниципального округа Е.Н. Сдвижковым.

Ситуация: В Ярославской области ввели бесплатный проезд для людей, имеющих льготы, но в Рыбинске проезд остался платным, так как плата за него приносила в городскую казну неплохой доход и на эти деньги содержались рыбинские транспортные предприятия. Губернатор ЯО велел главе Рыбинского муниципального округа немедленно ввести бесплатный проезд, но тот, в свою очередь, отказался (2007г.).

Стороны – бывший губернатор ЯО и глава Рыбинского муниципального округа. Данный конфликт является вертикальным.

Объект – ввод платного проезда для людей, имеющих льготы, в Рыбинском муниципальном округе.

Предмет – нарушение главой Рыбинского муниципального округа постановления Правительства ЯО о бесплатном проезде для людей, имеющих льготы.

Мотивы участников конфликта: главным мотивом для губернатора являлось желание того, чтобы его постановление о бесплатном проезде для льготников выполнялось беспрекословно во всей области; ведущим мотивом для главы Рыбинского муниципального округа являлось нежелание терять дополнительный источник дохода в виде платы за проезд.

Представление о конфликтной ситуации сложилось следующее: глава Рыбинского муниципального округа нарушил постановление губернатора, именно это и послужило поводом для возникновения конфликта.

Поведение в конфликтной ситуации было разным, так как стороны выбрали разные стратегии поведения: стратегией губернатора являлось «сотрудничество», так как он с самого начала хотел устранить этот конфликт путём переговоров, глава Рыбинского муниципального округа, в свою очередь, выбрал стратегию «соперничество», так как он боролся за свои интересы, правда, впоследствии он поменял стратегию на «сотрудничество» и конфликт был разрешён.

Возможность завершения конфликта:

1. Губернатор ЯО мог бы снять главу Рыбинского муниципального округа с поста и поставить на его место человека, который выполнял бы все постановления губернатора и Правительства ЯО, и тем самым завершить конфликт.

2. Мирное разрешение. Губернатор ЯО и глава Рыбинского муниципального округа могли бы договориться о дополнительной финансовой поддержке Рыбинского муниципального округа и его транспортных служб.

Из анализа конфликтной ситуации можно сделать вывод о том, что исполнительная власть уделяет должное внимание разрешению конфликтов муниципального характера, так как в разрешении данного конфликта губернатор принимал непосредственное участие.

В заключении можно сказать, что в наше время изучению конфликта и его анализу следует уделять особое внимание, потому что современные конфликты могут нести более тяжелые последствия, нежели раньше. Особенно стоит сконцентрировать свое внимание на конфликтах в обществе, а именно на региональных и политических конфликтах, так как эти конфликты могут приводить к тяжелым общественным потрясениям, кризисам власти и общества, что в свою очередь может деструктивно сказаться не только на населении страны, но и на государстве в целом, а именно, привести к его распаду.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ

Анатолий Власов в статье «Искусство в эпоху его дискурсивной воспроизводимости» опубликованной в электронном литературно-философском журнале «Топос» в начале 2011 года пишет о том, что «практика искусства теряет свою идентичность и встраивается в практики политики и экономики, выполняя для них вспомогательную утилитарную функцию по их, так сказать, «эстетизации», то есть привнесению в технологический арсенал практик политики и экономики дополнительных аудио-визуально-телесно-бессознательных технологий манипулирования индивидуальным и коллективным инстинктивно-бессознательным» (Власов, 2011). Анализируя эволюцию статуса и функции искусства от начала человеческой цивилизации до настоящего времени (постмодерна), он приходит к выводу, что «процесс производства произведений искусства регулируется соотношением между спросом и потреблением на рынке искусства, являющегося составной частью политического и экономического рынков, удовлетворяя уже существующие виртуальные потребности и способствуя появлению новых, а производители произведений искусства, участвуя в конкурентной борьбе на политических и экономических «ярмарках тщеславия», используют те же маркетинговые технологии, свойственные политике и экономике - проводят свой промоушен и пиар, борются за сетевые рейтинги, чтобы попасть в верхние топ-позиции и получить максимальную власть и прибыль... Искусство, исполняет, но, не отдавая себе в этом отчета, роль служанки для политики и экономики» (Власов, 2011). А в заключении автор делает вывод: «Можно заключить, в итоге, что в эпоху своей дискурсивной воспроизводимости нет никакого искусства самого по себе, а только бизнес и политика» (Власов, 2011).

А что как не искусство всецело отражает настроения и состояния современного общества? И если уж и оно превратилось в политику и экономику то, что тогда происходит с нами, его представителями? Нельзя ли сказать то же самое о нас: в настоящее время нет никакой личности самой по себе, а только бизнес и политика? Все то место, которое раньше занимало «Я» в структуре личности теперь вытеснено и подавляется «новыми» социально-экономическими ценностями. Мы создатели и заложники собственноручно созданной системы. А творчество остается единственным выходом, единственной лазейкой из замкнутого круга или это просто побег от решения проблем?

Возможно, ответ на вопрос о факторах и детерминантах поведения современного человека стоит искать в творчестве современников, но это будет лишь необходимая констатация фактов. Творчество остается формой способной вместить содержание «современной» личности.

С того времени, как Ницше провозгласил, что «Бога нет», мы живем в его постоянном поиске и оттого оказываемся не в состоянии его найти. Вот и остается поддаться более сильным, чем мы сами, поскольку неопределенность и подвешенное состояние могут выдерживать только единицы. Постмодерн разрушил все, его смысл – разрушение. Но ничего нового не создал. Художники (в широком смысле этого слова), да наверно, и каждый из нас пытается искать нечто, что смогло бы заполнить созданный вакуум. А так как невозможность пребывания в состоянии пустоты слишком тяжело и требует много сил, то место «Бога» занимает навязанная кем-то система ценностей и способ существования.

Современная ситуация отчаянного поиска особенно остра, человек особенно остро чувствует потребность принадлежности к чему или кому – либо. И не важно чему: профессии, другому, организации и т.д. он даже не может отказаться от принадлежности к самому себе, ревностно охраняя свои «границы». Индивид, в таком положении, оказывается «легкой добычей» чуждых ему идей и настроений.

Таким образом, личность современного человека зачастую наполняет нечто чуждое ей самой, следовательно, мы уже не можем говорить о подлинной личности. Возникает «лжечеловечность», которая в свою очередь обладает «лжесвободой» и «лжеответственностью». Возникает вопрос, как преодолеть подобное состояние? Данная статья не первая и не последняя, в которой поднимаются вопросы подобного рода. В будущем нам еще предстоит ответить на них, или, пересмотрев старые системы, приспособить их к современному обществу в целом и человеку в частности.

Литература

1. Власов, А. Искусство в эпоху его дискурсивной воспроизводимости /А. Власов // литературно-философский журнал «Топос», 2011.

Неверов А.Н.,

Центр психолого-экономических исследований СГСЭУ при Саратовском научном центре РАН,
Саратов

ЭКОНОМИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ*

* Работа выполнена по проекту «Экономико-психологические механизмы инновационного развития России» в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009 – 2013 гг.».

Институционализация экономической психологии как подлинно самостоятельной отрасли современного научного знания не может быть завершена в условиях становления подлинной теории экономической психологии – системы принципов, законов, закономерностей, объединенных едиными предметом, методом и категориальным аппаратом. Как уже неоднократно отмечалось в выступлениях, статьях и монографиях, достижение этого состояния исходит из трех базовых моментов. Во-первых, существует объективная ситуация, связанная с кризисом экономической теории как основного потребителя экономико-психологического знания и кризисом мировой психологической науки как основного производителя этого знания, требующая построения экономической психологии (поведенческой экономической теории) как синтетической научной дисциплины, т.е. движения не по пути специализации, а по пути интеграции. Во-вторых, практика хозяйственной жизни и эволюции мировой социально-экономической системы все больше становится пронизанной психологией, обуславливая психологический поворот в экономической науке и одновременно экономический поворот в гуманитарном знании вообще. В условиях становления ноосферной экономики уже нельзя строить обоснованные и релевантные прогнозы, разрабатывать государственную политику в области экономики, образования и науки без учета экономико-психологического знания (Неверов, 2009). В-третьих, общий поворот науки от стадии специализации к стадии интеграции вынуждает формировать стыковые отрасли знания, которые могли бы на подлинно междисциплинарной основе обеспечивать системное познание реального мира.

В связи с вышеизложенным, как мы уже отмечали, представляется необходимым отказаться от постулата невозможности получения достоверных данных о мотивах, целях, средствах и т.п. элементах экономической деятельности от самого экономического субъекта и развития специальных экономико-психологических методов познания, способных обеспечить создание релевантного знания как для экономической теории, так и для психологии. В связи с этим нами были выдвинуты и реализуются в практике исследований основные принципы интегративного подхода в экономической психологии:

1. Междисциплинарная релевантность проявляющаяся в приращении знаний как в экономической, так и психологической науке. Этот принцип конкретизируется следующими моментами: а) любое экономико-психологическое исследование должно быть обосновано как с позиций методологии психологической, так и методологии экономической наук; б) понятийный аппарат должен быть адаптирован к тезаурусу экономической и психологической наук (а не к одной из них); в) обоснованность выводов должна проверяться как инструментарием экономической, так и психологической наук.

2. Специфичность методов и методологии. Ориентиром здесь выступает возможность преодоления аксиоматики материнских наук, превращение аксиом в гипотезы.

3. Акцент на изучении взаимодействия экономики и человека, а не на односторонних связях. В этом смысле основой для изучения могут быть только диалектический, культурно-исторический и системный подходы, а не изучение классических причинно-следственных связей.

В этой связи вышеозначенная проблема восприятия предмета экономической психологии требует трех встречных движений: со стороны экономической теории по восприятию психологических

переменных в свои модели; со стороны экономической психологии по разработке собственного метода, релевантного как экономической науке, так и классическим отраслям психологии; со стороны психологии по снижению онтологического разрыва между ее моделями и моделями, как экономической психологии, так и экономической науки.

Представляется обоснованным предположение о том, что в этом случае *в качестве единой фундаментальной категории экономической психологии должна выступать экономическая активность субъекта во всем многообразии ее форм, видов и проявлений*. Эта категория способна к единому рассмотрению таких ключевых для современной психологии и экономической теории категорий как экономические отношения, экономическое поведение, экономическая деятельность, экономические установки, экономический субъект и т.д.

Исходя из вышеозначенных принципиальных моментов в Центре психолого-экономических исследований с 2009 г. разработана и последовательно реализуется программа исследования экономической деятельности и ее особого вида – инновационной деятельности. За этот период был проведен целый ряд эмпирических и экспериментальных исследований различного уровня и сложности, в определенной мере способствовавший уточнению системы исходных гипотез и выявлению ряда проблем и парадоксов современного знания в сфере экономического и психологического знания. Одним из основных итогов на сегодняшний день, по-видимому, можно признать разработанный нами метод экономико-психологического моделирования (Неверов, Марков, 2010), на основе которого была создана модель «Рыночная экономика», выступающая инструментом для проведения экспериментальных исследований в сфере экономической психологии.

Некоторые результаты, полученные с ее помощью, мы и хотим представить в данном материале. На сегодняшний день обработаны результаты по шести экспериментам, направленным на выявление особенностей экономической активности в условиях функционирования экономики как совершенного рынка. Общий объем выборки по данным экспериментам $n=64$. В качестве участников выступали студенты 2, 3, 4 курсов СГСЭУ гуманитарных специальностей и магистранты Балтийского федерального университета в возрасте от 17 до 54 лет. Одним из аспектов полученных данных выступает выделение типов экономического поведения, осуществленное на основе метода кластерного анализа (К-средних). По результатам шести экспериментов вся совокупность индивидуальных стратегий экономического поведения образует 4 ярко выраженных кластера, которые можно обозначить как типы экономического поведения. К первому типу относятся 12,5% респондентов, ко второму 45,3%, к третьему 4,7 %, к четвертому типу экономического поведения – 37,5%.

Было обнаружено, что для *первого типа экономического поведения* характерна различная активность для дешевых и дорогих товаров. В случае с более дешевыми товарами (спички, зерно, автомобили) респонденты, демонстрирующие данный тип поведения, проявляют большую активность. Для них характерен сброс данных товаров в начале эксперимента (1-3 действие), их накопление к его середине (повышение покупательной активности) и плавная продажа товаров в конце. По отношению к более дорогому товару «нефть» для респондентов, относящихся к первому типу поведения, характерно снижение количества товаров на протяжении всех действий (за исключением небольшого увеличения на втором действии). Количество самого дорогого товара «золото» практически не изменяется, т.е. экономическая активность в группе товаров с высокой стоимостью крайне мала. Можно предположить, что данный тип экономического поведения связан со стратегией минимизации риска, выделенной в экспериментах М. Алле: активность респондентов, выбирающих данный тип экономического поведения, проявляется в большей степени с дешевыми товарами, а от дорогих они стремятся либо избавиться, либо практически не совершают с ними никаких действий.

Второй тип экономического поведения характеризуется повышением количества товаров по всем стоимостным группам к концу эксперимента. 1-4 действия характеризуются плавным снижением количества товаров, после чего наблюдается незначительный рост и к концу действий снова снижение. В случае с более дешевыми товарами («спички», «зерно») активность респондентов выше, чем в случае с более дорогими, хоть и незначительно.

Третий тип экономического поведения характеризуется неравномерным повышением количества товаров в наличии. К концу действий наблюдается пик количества товаров, т.е. данный тип поведения характеризуется стремлением к накоплению максимально возможного количества товаров по всем

стоимостным группам. Их поведение характеризуется высокой активностью, на всем протяжении выполнения различных действий, количество товаров у них динамично изменяется, причем в случае с более дорогими товарами («автомобили», «нефть») активность выше, чем в случае с более дешевыми. Исключение составляет самый дорогой товар – золото, по которому увеличение количества товаров происходит достаточно плавно и незначительно. Можно предположить, что этот тип соотносится со стратегией «максимизации выигрыша», выделенную в экспериментах М. Алле. Если сравнивать второй тип экономического поведения с тем, что можно сказать, что в третьем типе характерно накопление, тогда как во втором наоборот, стремление к избавлению от товаров, возможно превращение их в денежные средства.

Для четвертого типа характерно снижение количества товаров в наличии, вне зависимости от их стоимости. Причем, по группе дешевых товаров («спички» и «зерно») происходит стремительное избавление от них в начале действий (1-4 действие), затем тенденция становится более плавной, на некоторых действиях даже отмечается незначительный рост. В случае с более дорогими товарами («автомобили», «нефть», «золото») в начале отмечаются как снижение, так и рост количества товаров, после чего происходит его плавное снижение.

Одной из важнейших проблем экономической психологии, напрямую связанной с проблемой детерминации экономической активности, выступает вопрос о влиянии на выбор стратегии экономической активности тех или иных свойств и качеств личности. В экономической науке известны три базовых стратегии, которые были выявлены Нобелевским лауреатом М. Алле при изучении рациональности поведения экономических агентов. Для определения личностных качеств нами были использованы следующие методики: 16-факторный опросник Р. Кетелла, методика определения уровня субъективного контроля Дж. Роттера (в модификации НИИ им. В.М. Бехтерева), методика определения уровня рефлексивности личности А.В. Карпова и методика на стили осознанной саморегуляции ССПМ-98, разработанная В.И. Моросановой. Общий объем выборки $n=580$. Для сопоставления выбора стратегий экономического поведения и личностных качеств по вышеуказанным методикам был осуществлен анализ корреляционных связей на основе подсчета коэффициента корреляции К. Пирсона.

В результате с высокой степенью достоверности можно говорить о том, что чем выше уровень конформности личности ($r = -0,706$; $p \leq 0,01$), тем в большей степени она ориентирована на стратегию максимизации выигрыша, а также о том, что люди со слабо развитой рефлексивностью выбирают максимизацию выигрыша в своей экономической деятельности ($r = -0,601$; $p \leq 0,01$). Кроме того, вызывает удивление обнаруженный факт наличия обратной связи между смелостью в социальном взаимодействии и стремлением к максимизации выигрыша ($r = -0,632$; $p \leq 0,01$). Полученные данные позволяют также выдвинуть предположение о наличии прямой связи между стремлением к максимизации выигрыша и такими личностными качествами как экспрессивность ($r = 0,458$; $p \leq 0,01$) и дипломатичность ($r = 0,359$; $p \leq 0,01$).

Таким образом, можно говорить о том, что на выбор стратегии экономического поведения оказывают влияние такие свойства личности как уровень конформности, рефлексивность, смелость, дипломатичность и экспрессивность. Остальные параметры либо не связаны с выбором стратегии, либо их связь носит нелинейный характер. Кроме того, несмотря на высокую степень статистической достоверности полученных значений, для их проверки необходимо проводить дальнейшее исследование.

Вышеизложенное позволяет высказать предположение, что традиционный экономический агент (т.е. тот агент, который в наибольшей степени соответствует модели homo economicus) должен быть конформным и нерефлектировать результаты своего поведения. Причем эти качества в социальном плане сопровождаются слабой инициативностью (робость как свойство личности). В таком случае возникает парадокс самой модели «экономического человека», поскольку он должен обладать одновременно суверенитетом в принятии решений, стремлением к максимизации полезности и высоким уровнем интеллектуального развития, тогда как полученные нами данные говорят о том, что при высоком внутреннем суверенитете человек скорее стремится минимизировать потери, чем максимизировать полезность, кроме того учитывая, что высокий интеллект в том числе проявляется в уровне рефлексивности, то напрашивается интересный вывод – рыночная экономика построена на базе «глупых», безынициативных людей, что в частности подтверждается результатами, полученными на экспериментальной модели «Рыночная экономика». Это ставит перед экономической психологией

сложную задачу – проведение экспериментального исследования направленного на проверку существования специфического вида деятельности – экономической деятельности и выявление наряду с традиционными ПВК, особой группы личностных свойств, которую можно обозначить как экономически важные качества (ЭВК).

Литература

1. Неверов А.Н. Концепция ноосферной экономики. – Саратов, 2009.
2. Экономико-психологическое моделирование /под ред. А.Н. Неверова, А.В. Маркова. – Саратов, 2010.
3. Allais M. Le Comportement de l'Homme Rationnel devant le Risque. Critique des Postulats et Axiomes de l'Ecole Americaine // Econometrica. 1953. V. 21. P. 503—546.

*Неруш Т.Г.,
Саратовский государственный социально-экономический университет, ЦПЭИ СГСЭУ при СНЦ
РАН, Саратов*

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ КАК ФАКТОР ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ*

* Работа выполнена в рамках проекта ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы (мероприятие 1.2.1-III очередь) № 2011-1.2.1-301-012/027 на тему «Стратегии модернизации России и поведенческие факторы стимулирования инновационной активности».

В условиях модернизации и перехода России на инновационный путь развития приобретает особую значимость проблема профессионального выгорания специалиста как фактора, детерминирующего поведение и деятельность человека в современном обществе. Профессиональная деятельность сотрудников современных организаций осуществляется в условиях жесткой конкуренции и характеризуется хронической нервно-психической напряженностью, эмоциональной насыщенностью и когнитивной сложностью, необходимостью быстрого реагирования на происходящие изменения. Одним из негативных последствий взаимодействия личности профессионала со столь сложными условиями трудовой деятельности является профессиональное выгорание. Данный феномен влияет не только на качество профессиональной деятельности, профессиональное становление и самоутверждение человека, его последствия существенно воздействуют на психосоматическое состояние работников, их поведение в общественной и личной жизни, а также на экономическое состояние организации.

По данным многочисленных исследований (Н.И. Фреуденбергер, С. Чернисс, Д. Гоулд, М. Вурисх, Р.Е. Смит, Р.Т. Голембiewski, С. Маслач, Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова, М.В. Борисова, Н.В. Гришина, В.Е. Орел, Т.И. Ронгинская, А.А. Рукавишников, М.М. Скугаревская, Т.В. Форманюк, Л.Н. Юрьева и др.), профессиональное выгорание порождает у персонала организаций депрессивные настроения, чувства беспомощности и бессмысленности своего существования, заниженную самооценку собственной профессиональной компетентности, является катализатором нарушений трудовой дисциплины (опоздания, прогулы), а также повышения степени заболеваемости сотрудников. В итоге все это отражается на работоспособности специалистов, приводит к снижению продуктивности их профессиональной деятельности. Это приводит к снижению экономических показателей деятельности организации в целом и профессиональной деятельности отдельных работников (потери в заработной плате и будущем пенсионном обеспечении работника). Отмечается, что профессиональное выгорание влияет на экономическую социализацию субъекта, его вхождение в экономическую систему общества, препятствует обретению адекватной экономической идентичности, влияет на экономическую компетентность личности, формирование экономических ценностей. Подчеркивается, что профессиональное выгорание в современных условиях проявляет себя все чаще и оказывает разрушающее действие, как на эффективность профессиональной деятельности, так и на личность работника в целом, являясь проблемой его самореализации.

Следует отметить, что в настоящее время профессиональное выгорание изучается в контексте профессионального становления и рассматривается как динамический процесс, который развивается во времени и характеризуется нарастающей степенью выраженности его проявлений. Это может выражаться в форме разочарования в профессии, деморализации, все чаще появляющихся раздумьях о том, чтобы сменить профессию, ухудшении физического и психического здоровья сотрудников, развитии склонности к употреблению психоактивных веществ и алкоголя. Отмечается, что процесс профессионального выгорания обычно начинается с напряжения, являющегося следствием противоречия между ожиданиями, намерениями, идеалами сотрудника и повседневной реальностью. При рассмотрении процессуального аспекта профессионального выгорания подчеркивается, что выгорание появляется при наличии у сотрудника сильной изначальной мотивации и детерминируется фрустрирующей трудовой средой. Главной причиной выгорания является не профессиональный стресс, а неудачный поиск смысла жизни в профессиональной деятельности (Гришина, 1997; Орел, 2005).

Выгорание понимается как профессиональный кризис, связанный с работой в целом. Отмечается, что развитие профессионального выгорания поддерживается в результате применения неадекватных копинг-стратегий и психологических защит. Имеются данные о том, что профессиональное выгорание проявляется на всех этапах профессионализации (Водопьянова, Старченкова, 2008). Систематические исследования профессионального выгорания, проводимые в европейских странах, США, России в последние десятилетия, позволяют судить о распространенности профессионального выгорания среди различных профессиональных групп. В последние годы внимание исследователей привлекают проблемы довольно широкого распространения профессионального выгорания среди студентов. Например, по данным зарубежных исследователей (Jacobs, Dodd, 2003) у 40% студентов выявлено профессиональное выгорание различной степени выраженности, причем частота обнаружения данного феномена увеличивается от младших к старшим курсам.

Профессиональное выгорание рассматривается как устойчивое, прогрессирующее, негативно окрашенное психическое явление, проявляющееся в профессиональной деятельности у лиц, не страдающих психопатологией (Большакова, 2004). У выгоревшего профессионала наблюдаются следующие поведенческие и психологические симптомы: чувства неосознанного беспокойства, скуки, обиды, разочарования, вины; гнев, неуверенность, ощущение не востребованности, раздражительность, подозрительность, ригидность, неспособность принимать решения; дистанцирование от клиентов и коллег, снижение уровня энтузиазма, ощущение, что работа становится все тяжелее, а способность ее выполнять – меньше, сотрудник берет работу домой: общая негативная установка на жизненные перспективы; злоупотребление алкоголем и/или наркотиками (Leiter, Maslach, 2005).

Надо сказать, в настоящее время обозначается все еще слабо разработанная область исследований профессионального выгорания. Еще недостаточно исследованы возможные долговременные последствия выгорания (Водопьянова, 2008), а также его последствия в различных областях «непрофессиональной» жизни, таких как семейный климат, социально-общественная активность, досуг и т.д. (Орел, 2005).

Таким образом, можно отметить в настоящее время профессиональное выгорание изучается в контексте профессионализации личности, как деструктивный феномен, возникающий и проявляющийся в процессе профессионального становления и реализации личности.

На основе проведенного нами теоретического анализа современных отечественных исследований, посвященных проблеме профессионального выгорания можно сделать несколько выводов.

1. Исследования профессионального выгорания направлены в основном на выявление его детерминант, специфики его проявления в различных профессиональных группах, его влияния на профессиональную деятельность (Р.М. Айсина, Н.В. Адаменко, Т.В. Большакова, М.В. Борисова, С.В. Волканевский, М.Ю. Горохова, В.Н. Димова, Д.А. Кутузова, Е.С. Старченкова, А.А. Рукавишников, Т.А. Ушакова и др.), на разработку средств и программ его профилактики и преодоления (А.Ю. Василенко, О.Н. Гнездилова, С.Т. Губина, А.Н. Коновальчук, В.Н. Поникарова, О.А. Семиздралова и др.). Остается еще не достаточно разработанной проблема психологической структуры профессионального выгорания и ее динамики в процессе профессионализации. По проблеме структуры выгорания реализованы единичные исследования (В.Е. Орел, Е.С. Картавая,

О.В. Ильиных и др.), в ходе которых получены результаты, значимые для ее дальнейшего изучения в контексте деструктивной линии профессионализации личности.

Отмечено, что к данному моменту времени назрела необходимость и сложились условия, требующие и позволяющие исследовать структуру профессионального выгорания на различных этапах профессионального становления личности, раскрыть специфику и динамику этой структуры в рамках профессий различного типа. Это обеспечит возможность определения общих для всех профессий и/или специфических (в зависимости от типа профессии) закономерностей ее развития на различных этапах профессионализации, а также поиска адекватных способов предотвращения и профилактики выгорания профессионала.

2. В современной отечественной психологии наблюдается терминологическая непроработанность феномена выгорания. На основе анализа определений понятий «эмоциональное выгорание», «психическое выгорание», «профессиональное выгорание», употребляемых в отечественных работах, обнаружено их определенное сходство. Чаще всего «выгорание» понимается как профессиональный феномен, который представляет собой комплекс негативных, симптомов, включающий три компонента (эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений) и проявляется в профессиональной деятельности. Таким образом, в рассматриваемых определениях делается акцент на профессиональном характере синдрома выгорания, на том, что он проявляется и развивается в процессе профессионализации и в условиях профессиональной деятельности. В связи с этим мы считаем, что феномен «выгорания» целесообразно обозначать как «профессиональное выгорание», так как данный термин, с нашей точки зрения, в наибольшей степени отражает сущность изучаемого феномена и является наиболее адекватным для психологии труда.

3. Соотнесение понятия «профессиональное выгорание» с другими психологическими категориями позволило сделать следующие выводы. Отмечено, что профессиональное выгорание специалиста, разрушительно влияющее не только на его личность и деятельность, но и на его здоровье в целом рассматривается в контексте профессиональных деструкций (Зеер, 2003; Орел, 2005; Поваренков, 2010). Однако профессиональные деструкции не сводятся только к профессиональному выгоранию. Выделяются и другие разновидности профессиональных деструкций (профессиональные деформации, профессиональные акцентуации характера, стагнация и др.). Не являясь самостоятельным феноменом, профессиональное выгорание возникает и развивается как их специфическая форма. Понятие «профессиональное выгорание» не следует отождествлять с понятиями «профессиональный стресс» и «профессиональная деформация». При этом его следует рассматривать как относительно самостоятельный, отличный от профессионального стресса и профессиональной деформации феномен, представляющий деструктивную тенденцию профессионального развития личности. Резюмируя результаты теоретического анализа проблемы профессионального выгорания, отметим основные свойства данного феномена как специфической разновидности профессиональных деструкций. Выгорание отличается тем, что оно:

- 1) оказывает негативное влияние на подструктуры личности (мотивационную, эмоциональную, когнитивную) и ее поведение, а также приводит к дезадаптации субъекта;
- 2) является сугубо профессиональным феноменом, т.е. фиксируется и проявляется в специфических условиях профессиональной деятельности и профессионального развития;
- 3) представляет собой полный регресс профессионального развития, так как оно затрагивает личность в целом, разрушает ее и оказывает отрицательное влияние на эффективность трудовой деятельности;
- 4) является общепрофессиональным феноменом, не ограничено лишь одной профессиональной сферой, проявляется и во «внепрофессиональной» жизни (в семье, спорте и т.д.);
- 5) осознается субъектом, это проявляется в воссоздании им основных его симптомов и стремлении сменить работу, а также реализации этих стремлений;
- 6) оказывает существенное влияние на основные параметры профессиональной деятельности и профессиональной идентичности;
- 7) может появиться и в начале профессионального становления, как результат несоответствия между требованиями профессии и притязаниями личности (Орел, 2009).

На основе проведенного теоретического анализа мы предлагаем следующее определение рассматриваемого феномена. Профессиональное выгорание – это имеющие стадийный характер

деструктивные изменения личности, которые возникают, развиваются и проявляются в процессе ее профессионализации как комплекс негативных симптомов (эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция профессиональных достижений) и приводят к снижению эффективности профессиональной деятельности и нарушению взаимодействия с другими участниками данного процесса. Данное определение, безусловно, требует дальнейшего уточнения.

4. В современных отечественных исследованиях психологической структуры профессионального выгорания получены следующие результаты:

- подтверждена валидность трехфакторной структуры выгорания (Maslach, Jackson, 1996);
- выявлены его свойства как системного явления (целостность, иерархичность и динамичность);
- получены выводы о стабильности компонентного состава структуры выгорания;
- сформулирован тезис об общепрофессиональном характере выгорания; выявлена специфика его структуры в профессиях «субъект-объектного» типа и различия в структуре профессионального выгорания у представителей профессий «субъект-объектного» и «субъект-субъектного типов»;
- предпринята попытка изучения динамики структуры выгорания у студентов;
- разработана типология структур профессионального выгорания у сотрудников милиции.

Учитывая то, что профессиональное выгорание является динамичным образованием, которое возникает в профессиональной деятельности и развивается на протяжении всего профессионального пути личности, отметим, что перспективной представляется разработка ее динамического аспекта. Мы считаем, что для углубления представлений о сущности профессионального выгорания необходимо рассмотреть следующие аспекты обсуждаемой проблемы:

- выявление специфики его структуры в процессе профессионального становления личности;
- установление, на каком этапе профессионального становления и реализации личности формируются те или иные его подструктуры;
- определение специфики формирования этих подструктур в различных типах профессий («человек-человек», «человек-знак», «человек-техника», «человек-природа», «человек-художественный образ»);
- рассмотрение динамики их проявления на различных этапах профессионализации и у представителей различных типов профессий;
- выявление трансформаций структуры выгорания в процессе профессионализации;
- обнаружение типологии структур выгорания сотрудников на различных этапах профессионального становления и развития.

Таким образом, в результате нашего теоретического анализа зафиксировано, что проблема определения психологической структуры выгорания, ее динамики и специфики проявления на различных этапах профессионализации у представителей различных профессиональных групп открыта для дальнейшего исследования.

Исследования по данной проблематике позволят не только выявить закономерности динамики структуры профессионального выгорания в различных профессиональных средах, но и разработать на этой основе систему психологического сопровождения, направленную на профилактику и преодоление данного феномена, негативно влияющего на поведение и деятельность человека.

Литература

1. Большакова Т.В. Личностные детерминанты и организационные факторы возникновения психического выгорания у медицинских работников: дис...канд. психол. наук. Ярославль, 2004. С.58.
2. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. М.; СПб.; Н. Новгород, 2008.
3. Гришина Н.В. Помогающие отношения: профессиональные и экзистенциальные проблемы // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. А.А. Крылова, Л.А. Коростылевой. СПб., 1997. С.143-156.
4. Зеер Э.Ф. Психология профессий. М., Екатеринбург, 2003.
5. Поваренков Ю.П. Психология профессионализации личности: основные этапы становления и современное состояние // Современные тенденции в сфере экономической психологии. Саратов, 2010. С. 188-214.

6. Орел В.Е. Деструктивная фаза профессионального становления личности: сравнительный аспект // Психолого-педагогические проблемы профессиональной деятельности и общения. Гродно, 2009. С 300-303.

7. Орел В.Е. Синдром психического «выгорания» личности. М.: Изд-во Института психологии РАН 2005. 330 с.

8. Орел В.Е., Димова В.Н. Исследование факторов, влияющих на феномен психического выгорания в профессиях «субъект-объектного» типа // Психологические аспекты профессионального становления. М., 2009. С.95-98.

9. Jacobs S.R., Dodd D. K. Student Burnout as a Function of Personality, Social Support, and Workload // Journal of College Student Development, 2003. № 2. P. 23-28.

10. Leiter M.P., Maslach C. Banishing burnout: six strategies for improving your relationship with work – Jossey-Bass, A Wiley Imprint, 2005.

11. Maslach C., Jackson S.E., Leiter M.P. Maslach Burnout Inventory Manual (Third Edition). Palo Alto, California: Consulting Psychological Press, Inc., 1996.

Нестик Т.А.,

ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ОБРАЗА ЭКОНОМИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО*

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (Грант № 11-06-00831а)

Несмотря на то, что экономические ожидания давно вошли в поле зрения экономических психологов, проблема социально-психологических факторов формирования групповых представлений об экономическом будущем остается мало изученной. Это относится и к представлениям о будущем в малых группах (управленческих командах организаций, группах экспертов в ходе экономического прогнозирования), и к представлениям о будущем в группах макросоциальных. В данной статье предлагается теоретический анализ коллективного образа экономического будущего как социально-психологического феномена и выделяются психологические факторы его формирования.

Под коллективным образом экономического будущего нами понимается совокупность представлений о будущих экономических процессах и явлениях, разделяемых представителями социальной группы и конструируемых ими в межличностном дискурсе.

В теории социального прогнозирования и футурологии коллективные представления о будущем как правило рассматриваются сквозь призму противопоставления, с одной стороны, обыденного предвидения, опирающегося на жизненный опыт и подверженного манипуляциям, и технологического прогнозирования, объективного, верифицируемого, опирающегося на специальные научные методы (И.В. Бесстужев-Лада, А.М. Гендин и др.).

Однако сама экономическая футурология оказывает влияние на массовое сознание и запускает самореализующиеся пророчества. Образ будущего основан на работе, проделанной коллективным воображением в прошлом. Иными словами существует коллективная память о будущем. Содержащая сделанные когда-то авторитетные экономические прогнозы, такая память служит опорой при социальном конструировании будущего: ожидания неизбежного экономического кризиса, ожидания нового передела собственности и т.п.

В рамках социологии и социальной психологии риска коллективные представления об экономическом будущем рассматриваются с точки зрения способности современного общества к рефлексии и предотвращению порождаемых им экономических и социальных рисков (Н. Луманн, Э. Гидденс, О.Н. Яницкий и др.). Получает признание тот факт, что прогнозирование рисков и оценка их вероятности опирается не только на личные и групповые интересы, но и на социокультурные механизмы, конструирующие массовые страхи (У. Бек). Образ будущего, - коллективные надежды и страхи, - определяется групповыми ценностями. Культура влияет не только на то, что мы считаем желательным, но и на то, что мы определяем как угрозу социальному и экономическому порядку. При этом социально-экономический риск может интерпретироваться как нарушение культурных норм, как отклоняющееся поведение конкретных людей и социальных групп (М. Дуглас, Д. Вилдавски).

Примером здесь может служить негативное отношение к биржевым брокерам и крупным компаниям, сформировавшееся в массовом сознании США и ряда европейских стран после финансового кризиса 2008 г.

Несмотря на то, что в массовом сознании прогнозы экспертов игнорируются или ошибочно интерпретируются, солидарность на почве страхов перед экономическим будущим оказывается мощной политической силой. Таким образом, представления о будущем вызывают к жизни новые политические силы, подвергают перестройке социальные институты. Примером могут служить антиглобализм, движение против вступления в ВТО, предвыборные экономические программы оппозиционных партий, направленные на снижение зависимости экономики России от энергоресурсов и т.д.

В экономической психологии коллективный образ экономического будущего изучается как потребительские ожидания, играющие важную роль в потребительском и сберегательном поведении, инфляционных процессах, финансовых кризисах и т.п. (Katona, 1975), и являющиеся индикатором социального самочувствия (Красильникова, 2011). Ожидания в отношении будущего определяют ориентацию на потребительскую и сберегательную активность, отношение к кредитам и предпринимательство. Оптимистический образ будущего подталкивает к потреблению и займам, а также способствует инвестиционной активности, формирует готовность откладывать вознаграждение (Katona, 1975).

В содержании коллективного образа экономического будущего можно выделить пять основных феноменов: во-первых, это коллективные экономические цели и планы, объединяющие и координирующие усилия группы в ходе совместной деятельности; во-вторых, групповые экономические ожидания, то есть представления о значимых экономических событиях ближайшего будущего, которые члены группы не могут контролировать, но стремятся учесть в своих планах, в-третьих, групповые экономические мечты, то есть представления о желательных для группы изменениях в экономике и обществе, которые не предполагают немедленной и полной реализации в действительности; в-четвертых, коллективные экономические страхи, то есть разделяемые членами группы представления об угрозах для индивидуального и коллективного экономического благополучия или даже для самого существования группы и организации; и в-пятых, коллективные экономические идеалы, то есть представления о принципиально недостижимой, но желательной для группы экономической ситуации.

К содержательным характеристикам коллективного образа экономического будущего можно отнести субъектность, то есть веру в способность группы повлиять на свое экономическое благосостояние; степень оптимизма в отношении коллективного экономического будущего; относительную сформированность представления о будущем по сферам экономической жизни группы или общества (например, уровень инфляции и цены на товары и услуги, будущая пенсионная политика государства, ожидаемый уровень налогов, будущее российского производства после вступления в ВТО и т.д.).

К его динамическим характеристикам относятся протяженность в будущее; устойчивость к изменениям, происходящим с социальной группой в настоящем; относительная многовариантность, то есть наличие в коллективных представлениях нескольких сценариев развития экономической ситуации.

Как и у коллективной памяти, у коллективного образа экономического будущего есть ряд важнейших социальных функций: идентификационная, консолидирующая, целеобразующая, ценностно-мотивационная, функция поддержания позитивной социальной идентичности, функция адаптации к социальным изменениям, функция унификации автобиографических траекторий и др.

Можно выделить четыре основных социально-психологических механизма формирования коллективного образа экономического будущего. Данные наших исследований и теоретический анализ уже существующей научной литературы позволяют выделить пять основных психологических механизма формирования коллективного образа будущего. К ним относятся: 1) групповая идентификация; 2) групповая рефлексия совместного прошлого, настоящего и будущего; 3) механизмы формирования коллективных эмоциональных состояний (эмоциональное заражение, распространение слухов); 4) лидерское видение, то есть целенаправленное воздействие лидера на образ будущего и прошлого группы; 5) совместное планирование, в ходе которого представления о будущем уточняются, соотносятся с целями и структурой группы.

Если первые три фактора имеют важное значение для всех групп, в том числе макросоциальных, то четвертый и пятый (социальное влияние лидера и планирование) связаны прежде всего с экономической деятельностью малых групп и организаций.

Среди психологических факторов формирования коллективного образа экономического будущего можно выделить личностные, групповые, межгрупповые, организационные и социетальные.

К *личностным факторам* относятся, на наш взгляд, выраженность индивидуальной временной ориентации на будущее, протяженность временной перспективы, уровень личностной тревожности, ценностные ориентации, а также ряд когнитивных механизмов прогностической деятельности – сверхоптимизм, самопророчество, стереотипизация отдаленных во времени событий и др.

В частности, удаленность будущих экономических событий, о которых мы склонны думать, является устойчивой характеристикой временной перспективы личности (Cottle, 1974; Nuttin, Lens, 1985; Lennings, 2002). Протяженность временной перспективы личности различается в разных культурах, но в среднем не превышает 20-25 лет. Иными словами, мы не склонны заглядывать в будущее более чем на одно поколение вперед (Tonna et al., 2006).

Как показало исследование, проведенное нами в 2011-2012 гг. совместно с Т.П. Емельяновой и Т.В. Дробышевой, для подавляющего большинства респондентов максимальный горизонт планирования своей жизни не превышает 3-5 лет (87%), а тех, кто заглядывает за горизонт 10 лет всего 6%. Большинство заглядывают в будущее России на 1-5 лет (34%), другая часть опрошенных – на 10-15 лет (38%). Лишь 10% опрошенных задумываются о будущем России, которое наступит более чем через 20 лет. Респонденты убеждены в прогнозируемости будущего, но более половины считают его мало управляемым (Нестик, 2012).

Как показали исследования З. Залесского, тревога в отношении будущего, то есть страхи, связанные с ожиданием негативных событий в собственном отдаленном будущем, связана с пессимистическими прогнозами относительно способности своей социальной группы влиять на складывающуюся ситуацию. Обнаружена также сильная связь тревоги по поводу будущего с тревожностью как личностной чертой (Zaleski, 1996).

Хорошо известный эффект сверхоптимизма проявляется в склонности большинства людей исключать из своего образа будущего негативные события, а также недооценивать вероятность того, что неприятности приключатся именно с ними, а не с другими. Одно из объяснений этого эффекта состоит в том, что отсутствие соответствующего опыта мешает нам адекватно оценить риски, кроме того, мы стараемся сравнивать себя с теми людьми и группами, которые заведомо наиболее подвержены данному риску.

Как показало наше исследование, респонденты склонны оценивать свое отдаленное будущее более позитивно, чем ближайшее (Нестик, 2012; Дробышева, Кукишева, 2012). Возможно, данный эффект объясняется тесной связью представлений о себе в долгосрочном будущем с Я-концепцией личности. Известно, что по сравнению с нашими представлениями о себе в ближайшем будущем, образ Я в отдаленном будущем более схематичен, надситуативен и включает в себя более широкие социальные идентичности (Wakslak et al., 2008). По-видимому, позитивная оценка своего благосостояния в будущем выполняет функцию защиты нашей позитивной идентичности.

Как известно, успешное речемыслительное прогнозирование связано со способностью использовать абстрактные, теоретические знания (Регуш, 2003). Согласно теории уровней темпорального конструирования, временная или пространственная удаленность событий влияет на то, как мы их осмысливаем (Lieberman, Trope, 1998). Психологически близкие события представляются нами на низком уровне абстрагирования - в деталях, через уникальные, конкретные особенности. Напротив, психологически удаленные события осмысливаются с высоким уровнем абстракции, через общие категории и наиболее существенные характеристики. В отношении отдаленных во времени людей и событий стереотипы используются чаще, чем в отношении близких. Иными словами, чем дальше личность заглядывает в экономическое будущее своей группы (семьи, организации, профессионального сообщества и т.д.), тем больше она опирается на опыт прошлого и сформировавшиеся ранее стереотипы.

Среди *межличностных факторов* следует выделить прежде всего содержательные и структурные характеристики социальных сетей, в которых осуществляется межличностная коммуникация по поводу будущего.

объясняли эволюционное развитие России и национальные особенности россиян. На протяжении столетий отмечаются противоречия русского человека, которые приводят к нравственным взлетам и падениям: с одной стороны - широта души, щедрость, свободолюбие; с другой - расточительство, слабая дисциплина, анархизм. Сознание и воля народа раскачивается в этом маятнике. Удадь и разгул, патриотизм и национальный нигилизм, трудолюбие и лень - эти полярные стороны русского характера при определенных обстоятельствах могут переходить друг в друга. Учитывая эти особенности, стоит ожидать, что «полноценное развитие общества может быть установлено только при узаконенных и осознанных народом приоритетах Культуры. Без этого все попытки решения кризисных проблем силовыми, экономическими и другими методами становятся бессмысленными» (Чирятьев, 2012).

Другая группа ученых считает, что в основе нравственных проблем лежит либеральная система ценностей, главный критерий которой – свобода, т.е. отсутствие препятствий для удовлетворения человеческих желаний. Кризис современного общества – это последствие разрушения устаревших духовных ценностей, выработанных еще в эпоху Возрождения. Возникла необходимость выработки новой системы духовных ценностей, которая бы могла стать общей для многих народов мира. Для того чтобы общество обрело новые морально-этические принципы, с помощью которых можно было найти свое место в этом мире, не разрушив себя, требуется изменение прежних традиций (Афанасьева, 2004).

Представители духовенства с этим не согласны, так как общенациональные ценности уже существуют на протяжении многих веков. «Золотое правило нравственности» - общее этическое правило, которое можно сформулировать как «Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе» - известно в религиозных и философских учениях Востока и Запада, лежит в основе многих мировых религий и является основополагающим мировым этическим принципом. Определенные добродетели, нравственные нормы не случайно совпадают в разных религиях. «Возлюби ближнего своего как самого себя» – одна из основных заповедей христианской культуры; «человек может выразить свое отношение к родственникам и друзьям пятью способами: великодушием, учтивостью, доброжелательностью, отношением к ним, как к себе, и верностью своему слову» - буддизм. Всеобщая мораль призвана способствовать стабилизации человеческого сообщества и утверждению самооценности человека. Однако любые этические предписания всегда остаются только гипотетическими рекомендациями, которые невозможно навязать кому бы то ни было. Этическое знание не может быть дано, оно может быть взято, востребовано личностью, «созревшей» до уровня восприятия какого-то фрагмента этого знания. «Конкретная этическая система способна повлиять на отдельных людей или на некоторую их совокупность, но не на весь мир: «правильные рецепты» адресуются всем без исключения, но не все о них знают; из знающих – не все понимают, а среди знающих и понимающих – не все принимают» (Зеленкова, 2001).

Причину безнравственности нынешнего поколения исследователи видят в том, что происходит демонстративное игнорирование формальных и неформальных правил, на их место приходит вседозволенность, не имеющая ничего общего со свободой, основанной на ответственности. «В этой ситуации мы вольны разрушить остатки семьи и скатываться до примитивной логики «заработать денег». Но ровно таким же образом мы вольны и утвердить ценность семьи, долга, права и т.д. Ситуация вседозволенности обоюдная: она позволяет как разрушать, так и созидать. И такую созидательную деятельность мы видим: пусть пока локально и робко, но люди сами утверждают новые ценности честности, мужества, достоинства, милосердия и взаимопомощи. Старая история метафизической борьбы добра со злом и ложью теперь переведена на обычный человеческий язык. Но это не значит, что она закончилась, или, что ее исход предопределен. Просто здесь человек остался в этой борьбе наедине с самим собой – ему больше не на кого уповать или опираться, все опоры он должен создать теперь сам. Если мы вступили в подобный период полного кризиса ценностей, то это просто означает, что произошел окончательный демонтаж остатков традиционного общества. Ничего специфически российского здесь нет, нормальный путь модернизации» (Куренной, 2011).

Высказывается мнение, что первопричиной всех экономических кризисов является кризис человеческой личности, кризис нравственности и духовности, потеря общечеловеческих ценностей. Отмечается, что за годы рыночных реформ в нашей жизни стало меньше таких качеств, как доброта, искренность, отзывчивость, щедрость. И определенно больше появилось алчности, эгоизма, агрессивности, мошенничества, подлости. «Нравственные законы не могут войти в нашу

жизнь, если мы будем ждать подобных действий от других, постоянно напоминая им об этом. Все начинается только с себя, с личного примера жить по совести. Но в действительности человек ждет, чтобы по совести жили другие, а он - как велят обстоятельства жизни. Спасти всех нас может только желание стать носителями качеств доброжелательной направленности. Следует приложить огромные усилия к незамедлительному восстановлению духовных ценностей и, в первую очередь, принципа социальной справедливости» (Лагутин, 2009).

Это тем более важно для многонациональной России, где на протяжении многих веков проживают народы разных конфессий. Множество людей еще придерживаются нравственного консенсуса, но делается все для того, чтобы эта взаимопонимание было разрушено. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, принявший участие в работе круглого стола «Духовность. Нравственность. Закон» (март, 2012г.) в Московском университете МВД России, выступил с обращением к студентам: «Сегодня мы переживаем страшное время, которое называют постмодерном, — с религиозной точки зрения это нечто такое, что приближает нас к трагическому концу, когда впервые за всю историю потерян нравственный консенсус. Сегодня навязывается понятие абсолютной автономии человеческой личности, которая и определяет сама для себя систему нравственных ценностей, и никто не вправе сказать, что одна система нравственных ценностей хуже, чем другая. Нравственность - это единственный фундамент, который сегодня способен объединить наше общество, более того, род человеческий. Если есть нравственный консенсус, то из него вырастает общая законодательная система, включая защиту прав человека. Поэтому в первую очередь мы должны сегодня думать о том, чтобы законы основывались на нравственном консенсусе. Второе, о чем мы должны думать, - это о том, чтобы нашей молодежи, в том числе готовой принять присягу, не только прививалось правовое сознание, но чтобы была обеспечена нравственная, духовная подготовка, которая выработает особый иммунитет».

Согласно ст. 55 п. 3 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц. Основная проблема неисполнения действующего законодательства о защите нравственности, по мнению исследователей, состоит в отсутствии критериев, определяющих нравственность. «Необходимо вырабатывать законодательные инициативы, вносить четкие критерии и определения нравственности и нравственных ценностей в законодательные документы, особенно те документы, которые регулируют образование, культуру, просветительство, коммуникационные отношения. Важным этапом такой работы может стать процесс формирования общественных экспертных сообществ по вопросам нравственности при губернаторе каждого региона РФ, сообществ, включающих не только специалистов из области образования, психологии и коммуникации, но и представителей конфессий» (Дворко, 2011).

Большинство исследователей единодушны в одном: за добродетели подрастающего поколения отвечают старшие поколения. Формирование нравственных качеств личности поддается воспитанию. Духовная, нравственная и правовая культура воспринимается личностью через средства массовой информации, через семейные традиции, воспитывается на примере старших поколений, в школе, вузе. Для устранения кризиса нравственности как глобальной проблемы каждый человек должен начать с себя, научиться воспитывать в себе и в своих детях моральные ценности, помогать развивать их у окружающих. «Даже если этика никогда не предложит «сильных» инноваций, а будет просто воспроизводить традиционные нравоучения, уже одним этим она оправдывает свое существование. Этика – не панацея, но она действительно средство против известного рода ненормальностей, мешающих людям достигать возможного развития, благодаря которому человечество пока еще не впало в состояние дикости» (Зеленкова, 2001).

Литература

1. www.spressclub.ru
2. Афанасьева М.Н., Зимина Н.С., Панин Д.А. Кризис духовных ценностей и пути его решения // Вызовы современности и философия: Материалы «Круглого стола», посвященного Дню философии ЮНЕСКО. Кыргызско-Российский Славянский университет / Под общ.ред. И.И. Ивановой. Бишкек, 2004.

3. Этическая мозаика. Опыт нетрадиционной интерпретации этики /под ред. Зеленковой И.Л. – Минск: «Меджик Бук», 2001.
4. www.gaidarfund.ru
5. Лагутин В.В. Кризис духовных ценностей //Pro-Сочи. – 2009. - № 6.
6. www.rusline.ru

*Попов Л.М., Устин П.Н., Попов М.Л.,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОТЧУЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ*

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-06-00609а).

Проблема нахождения ресурсов в современной системе социально-экономических отношений упирается в необходимость обращения к психологическим факторам, прежде всего, к вопросу степени включенности каждого участника в совместную деятельность. Здесь понимается включенность работника не только как профессионала, с его опытом и интеллектом, но и как, своего рода «дольщика» конечного совокупного продукта, чья личностная направленность подчинена общей цели. В данном случае он выступает субъектом, то есть инициатором производственной деятельности, что вступает в противоречие с итогами периода социально-экономических трансформаций и преобразований последних десятилетий. Смена идеологических ориентиров и переход от государственной собственности, когда каждый гражданин считал все богатство страны своим, к частной собственности, когда большая часть общества осознала свою отчужденность от этого богатства, - все это привело к тому, что значительно усилился феномен психологического отчуждения.

Категория отчуждения носит междисциплинарный характер. В философских трактовках термин «отчуждение» используется, чаще всего, для характеристики отстраненности работника от собственности и права на свою долю от реализации производственного продукта (Огурцов, 1983). В психологических исследованиях феномен отчуждения не является общеупотребительной дефиницией и чаще рассматривается как механизм обратный процессам идентификации. В целом в психологии данная категория рассматривается как частный вариант потери смысла, то есть отчуждение смыслов в рамках конкретных видов деятельности (прежде всего трудовой и учебной), общения, поведения без утраты общего смысла жизни. Отчуждение также стоит рассматривать и как один из барьеров, препятствующих экономическому самоопределению индивидуального и группового субъекта (Журавлев, Купрейченко, 2007).

Отчуждение как производственно-экономический феномен проявляется в различных сферах жизнедеятельности: властно-политическая, художественная, семейная, военная, учебно-образовательная, научно-исследовательская и т.д. Психологическое прочтение этого феномена целесообразно вести с позиций системно-структурного подхода, где психологическая организация личности выступает как сочетание когнитивно-регулятивного и коммуникативного параметров (Ломов, 1999). Для последующего изложения проблемы нахождения экономико-психологических ресурсов поведения человека в современном обществе мы вводим понятие «психологического отчуждения», которое рассмотрим в соотношении с когнитивной (интеллектуально-деятельностной в соответствии с нашей терминологией (Попов, 2008) и регулятивной (мотивационно-потребностной и нравственно-этической) характеристиками поведения субъекта.

Психологическое отчуждение человека – это такой феномен его поведения, который проявляется в том, что участник групповой деятельности (например, в условиях экономического поведения) удовлетворяется функцией исполнителя, индифферентного по отношению к конечной цели деятельности группы, предпочитая ей достижение своей частной цели, которая в условиях производственно-экономической деятельности должна быть материально вознаграждена, независимо от степени достижения конечной цели групповым субъектом.

В случае использования сочетания «психологическое отчуждение», мы акцентируем внимание на интеллектуально-деятельностной и регулятивной характеристиках деятельности человека, которые выражаются в характере мотивационной направленности действий работников и усилении манипулятивного начала в действиях руководителей-учредителей.

Наше представление об интеллектуально-деятельностном механизме субъекта базируется на работах отечественных и зарубежных психологов, занимающихся проблемой развития, мышления и творчества субъекта (Попов, 2008). Данный механизм – это интеллектуально-деятельностная характеристика уровней включенности его отдельных звеньев в процесс познавательно-преобразующего взаимодействия субъекта с миром объектов. В процессе указанного взаимодействия субъектом осуществляются внутрисистемные и внешнеплановые действия. Действия внутреннего плана разворачиваются как мыслительные или творческие в зависимости от степени включенности сознания или бессознательного начал и соответствуют тем фазам, которые описаны в психологии С.Л. Рубинштейном, А.В. Брушлинским, Я.А. Пономаревым и др. Конечная цель этих действий – сформировать образ (представление, понятие) объекта взаимодействия с целью либо его запечатления в своем сознании, либо последующего преобразования.

Ранее, для работы психолога с людьми мы сформулировали также идею об основных стратегиях в деятельности субъекта по отношению к объектам любого плана (люди, техника, природа, знаки, художественные образы). Это абстрактно-аналитическая стратегия, стратегия целостного подхода в ее системно-структурном и типологическом вариантах (по отношению к живым объектам), манипулятивная стратегия и стратегия саморазвития.

Стратегии избираются действующим человеком самостоятельно. Если субъект избирает абстрактно-аналитическую деятельность, то объектом взаимодействия становится так называемый теоретический объект, то есть тот, который абстрактно выделен из целостного объекта и является его составной частью, способной быть не всегда материализованной.

При избрании стратегии системно-структурного подхода объект имеет структуру, которая предполагает, что действия субъекта могут иметь познавательно-преобразующий характер со всеми или отдельными подструктурами.

Манипулятивная стратегия может быть избрана субъектом как стратегия скрытого воздействия с целью побудить других, независимо от их желания, выполнить задуманное субъектом.

В определенной степени данные стратегии могут быть распространены и на производственно-экономическую деятельность человека. Мы предполагаем, что в рамках проблемы психологического отчуждения личности человек может в своей производственно-экономической деятельности иметь все звенья внутренне и внешнеплановой деятельности и пользоваться, осознанно или неосознанно, любой из четырех вышеобозначенных стратегий. Но отличие будет состоять в степени включенности инициативного начала субъекта. Оно, в случаях преодоления психологической отчужденности, может проявляться в самостоятельном (инициативном) выборе нового объекта, не предусмотренного имеющимися инструкциями или указаниями руководства и в разработке новой технологии.

Литература

1. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования / А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко; М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 480 с.
2. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. - М.: Наука, 1999. – 349 с.
3. Огурцов, А.В. Отчуждение / А.В. Огурцов // Философский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1983. - С. 472-473.
4. Попов Л.М. Добро и зло в этической психологии личности / Л.М. Попов, О.Ю. Голубева, П.Н. Устин. – М.: ИП РАН, 2008. – 240с.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Представляя экономическую психологию в контексте социально-психологического развития личности, рассматривая экономическую социализацию как индивидуальный и субъектный трехсторонний процесс интериоризации, воспроизводства и трансформации экономической культуры социума, плотно встроенной в общий социальный контекст, в социальные системы, обобщим основные итоги проведенных исследований на кафедре социальной психологии Нижегородского института менеджмента и бизнеса за последние пять лет.

1. Главное направление исследований было посвящено обоснованию связи социального и экономического, что нашло отражение в следующих научных проектах.

1.1. Обоснование монетарной компетентности как производной от общей социальной компетентности (Радина, Рахубина, 2008).

В психологических исследованиях современных российских психологов, изучение денег предстает в терминах изучения ментальных образов (О.С.Дейнека, А.Б.Фенько и др.). Нами был изменен способ «прочтения» данного феномена на основе исследований экономических социологов (Ж.Бодрийяр, В.Зелизер и др.). Учитывая «социальную природу» денег и интерпретируя социально-экономический феномен «деньги» посредством коммуникативной функции (обмена), мы предположили о существовании монетарной компетентности как производной функции от социальной компетентности.

Выборка на предварительном этапе состояла из специалистов в финансовой сфере (для создания заданий на монетарную компетентность), на основном этапе - включала студентов экономических и неэкономических специальностей. Проведенное исследование показало следующее.

- Студенты, наиболее компетентные в обращении с деньгами, обладают более высокими показателями по социальному и эмоциональному интеллектам (различия достоверны).
- Студенты экономических специальностей обладают более выраженной монетарной компетентностью по сравнению со студентами неэкономических специальностей, что объясняется профильным образованием. Однако студенты экономических специальностей со средними и выше показателями социального интеллекта обладают более высокими показателями и по монетарной компетентности (различия достоверны).
- Монетарная компетентность студентов неэкономических специальностей непосредственно связана с уровнем развития их социального и эмоционального интеллектов.

Таким образом, монетарная компетентность является производной от социальной компетентности не только на уровне философских обобщений, но также на уровне статистически доказуемой эмпирической практики.

1.2. Социальная компетентность как основа успешного решения экономических задач (Радина, Захаров, Савин, 2010).

Представляемое исследование носит характер пилотного и заключается в проведении эксперимента с использованием материалов художественных фильмов о мошенниках.

До включения в эксперимент все участники проходили контрольное тестирование для определения у них показателей эмоционального и социального интеллекта, далее им были предъявлена серия «экономических задач», которые в реальной жизни являются основой мошеннических схем (т.е. предъявляются обывателям в обыденных ситуациях мошенниками). В эксперименте были задействованы студенты экономических и неэкономических специальностей (то есть более или менее образованные в экономической сфере).

В процессе исследования выяснилось, что социальный интеллект, как и эмоциональный интеллект более развит у студентов-экономистов (по шкале социального интеллекта «вербальная экспрессия» различия статистически достоверны). Далее двум группам студентов были предъявлены проблемные ситуации («экономические задачи»). Успешность решения задач данного типа участниками исследования определялась группой экспертов-исследователей.

Согласно выявленной связи ($Q=0,6$) следует, что те студенты, кто имеет высокие показатели по социальному и эмоциональному интеллекту, лучше прогнозирует поведение как экономических мошенников, так и их жертв, то есть социальная «наивность» жертвы может выступать как важный фактор уязвимости в области экономических отношений.

1.3. Социальная компетентность как основа формирования демонстративного потребления личности.

Социально-психологический феномен «демонстративное потребление» в настоящее время изучается преимущественно экономистами и социологами (Ж.Бодрийяр, П.Бурдьё, В.И. Ильин, В.В.Радаев и др.). Демонстративное потребление как использование в социальной коммуникации особых знаков-маркеров для предъявления более высокого социально-экономического статуса, чем действительный, также называют «престижным потреблением».

Необходимо отметить, что Т.Веблен, впервые описавший демонстративное потребление имел ввиду именно престижное потребление, поэтому в настоящее время термины «показное потребление», «престижное потребление» и «демонстративное потребление» часто используют как синонимы.

Представляемое исследование было проведено в «престижных» и обычных учебных заведениях (школах и вузах). В настоящее время в рамках данного научного проекта подведены первые итоги (проведен сравнительный анализ старшеклассников из «престижных» и обычных – «не престижных» - школ), на основании которых возможно заключить следующее.

Демонстративное потребление более характерно для подростков из «престижных школ». Кроме того, для подростков из «престижных» учебных заведений, имеющих высокий уровень развития установки на демонстративное потребление характерны позитивное самоотношение и высокая жизнестойкость.

Подростки из обычных общеобразовательных школ, обладающие высокими показателями коммуникативных и организаторских способностей, высоким уровнем самоуважения, самопринятия, жизнестойкости и суверенности психологического пространства не ориентированы на практику демонстративного потребления, не имеют выраженной установки на демонстративное потребление (обладают средними показателями).

Следовательно, установка на демонстративное потребление обусловлена социально-экономическими характеристиками среды развития школьников.

Самой психологически неблагополучной группой независимо от типа учебного заведения являются подростки с низким уровнем развития установки на демонстративное потребление. То есть можно сказать, что отказ от использования знаков-маркеров экономической и социальной состоятельности в большей степени связан с психологическими проблемами и низкой социальной компетентностью.

2. Второе направление исследований было связано с изучением последствий экономической депривации личности и группы на примере воспитанников детских домов (условия жесткой экономической депривации (Радина, Сурнина, 2009)) и жителей районов Нижегородской области с низкими социально-экономическими показателями (условия мягкой экономической депривации) (Радина, 2011).

Экономическая депривация – осознаваемая и негативно оцениваемая нехватка экономических ресурсов, наиболее определенно сосредоточенных в понятии собственность (индивидуальная (личная) / групповая; частная или «общественная»).

В итоге проведенных исследований были обоснованы следующие выводы.

- Депривация личности в закрытом сиротском учреждении, предполагающая жесткую депривированность отношений собственности, приводит к становлению девиантных форм владения собственностью и предпочтению девиантных экономических практик (например, воровство).
- Экономическая депривация группы (в изучаемом случае – большой группы, территории) обуславливает формирование особых смысловых матриц у членов группы для восприятия и анализа образа мира (для человека, выросшего в экономически депривированной территории, более актуальными становятся витальные потребности, мир понимается утилитарно, в контексте средств пропитания, формируется готовность негативно оценивать окружающих).

Проведенные исследования показывают связь экономического, социального и психологического и свидетельствуют о необходимости развития сложных, комплексных, междисциплинарных исследований. В целом экономическая психология может быть представлена как социальная психология экономического поведения личности и /или группы.

Литература

1. Радина Н.К. «Социальное значение денег», или новые социально-психологические стратегии изучения «монетарной компетентности» / Н.К. Радина, Е.С.Рахубина // Материалы 2-ой Всероссийской конференции «Психология индивидуальности». М.: Издательство НИУ ВНЭ, 2008. С. 115-116.
2. Радина Н.К. Особенности экономической социализации воспитанников детских домов: отношения собственности / Н.К.Радина Н.К., Е.С.Сурнина // Нижегородское образование. 2009. №2. С. 145 – 152.
3. Радина. Н.К. Социальная компетентность как основа успешного решения экономических задач / Н.К.Радина, Д.В.Захаров, Н.А.Савин // Коммуникативистика: перспективы развития социально-гуманитарного знания: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Н. Новгород: НФ ГУВШЭ, 2010. С.111-115.
4. Радина Н.К. Экономическая депривация как условие развития // Управление человеческими ресурсами в посткризисный период: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Н. Новгород: НИМБ, 2011. С. 68 – 76.

Семяшкин А.А.,

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет, Москва

ОБЩИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И МЕЖЛИЧНОСТНАЯ АТТРАКЦИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗНЫХ КУЛЬТУР: ФОРМУЛИРОВКА И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность настоящего исследования определяется рядом причин. Для начала надо сказать, что наибольший научный интерес к феномену межличностной аттракции пришёлся на 60-80-е годы прошлого века. После этого произошёл заметный спад соответствующих исследований. Более того, в России, за исключением нескольких работ, практически отсутствуют научные исследования и публикации на тему аттракции и изучения её психологических механизмов. Сегодня, несмотря на очевидную важность аттракции в повседневной жизни людей, она редко становится предметом психологических исследований мировой науке.

Во-вторых, довольно часто можно встретить работы по изучению аттракции в контексте романтических или дружеских отношений. В плане предпочтений партнёров по общению молодыми людьми в школьных и студенческих группах психологические механизмы формирования аттракции почти никогда не рассматривались.

В-третьих, анализ психологических механизмов межличностной аттракции проводится, как правило, в отрыве от условий процесса реального выбора партнёров. Чаще всего, испытуемым даётся задание выбрать идеального партнёра или изображённого на фотографии человека и описать его аттитюды, интересы, личностные качества и т.д. При этом ответы получаются односторонними, крайне субъективными. Такие исследования не принимают в расчёт реальной социальное взаимодействие людей, что ведёт к потере объективности и искажению картины реальных взаимоотношений людей, между которыми возникла симпатия. Для устранения перечисленных недостатков при изучении механизмов межличностной аттракции необходимо, на наш взгляд, использовать процедуру социометрии.

В-четвёртых, по нашим данным, механизмы формирования аттракции никогда не изучались в связи с такими индивидуально психологическими особенностями личности, как когнитивные стили, мотивация достижения и темперамент. В фокусе большинства исследований находилось сопоставление аттитюдов партнёров, тогда как личностные характеристики людей соотносились сравнительно редко.

Наконец, необходимость в проведении этого исследования объясняется отсутствием единой главенствующей теоретической концепции и разнящимися данными о процессе аттракции, в основе которого лежит принцип сходства психологических качеств людей. Речь, в частности, идёт о несовпадении результатов, полученными исследователями в группах людей, имеющих различную продолжительность, интенсивность и близость отношений с партнёрами. Вследствие этого, было предложено несколько теорий и гипотез, объясняющих социально-психологические механизмы формирования межличностной аттракции в различных условиях взаимодействия людей.

Исследование будет носить кросс-культурный характер, так как мы хотим проверить гипотезу об универсальных закономерностях формирования межличностной привлекательности.

Исследования социальных психологов показали, что человек во время взаимодействия с окружающими людьми оценивает их на основании соотношения сходных установок (Smeaton et al., 1989), а такой вид отношений, как дружба, основан на обнаружении сходства взглядов (Baron et al., 1998). В исследованиях, участники которых принадлежали к различным гендерным, возрастным, социально-экономическим и культурным группам, была зафиксирована линейная связь между сходными установками людей и их взаимной аттракцией (Byrne et al., 1968; Lydon et al., 1988; Pilkington & Lydon, 1997; Singh & Ho, 2000; Smeaton et al., 1989), а также доказано влияние совпадения видов деятельности людей на формирование симпатии между ними (Lydon et al., 1988). Миллер показал, что общность установок активизирует воспринятую аттракцию и способность к пристрастному восприятию информации (Miller, 1972). Проведённые исследования свидетельствуют также о том, что воспринимаемое сходство по различным индивидуально-психологическим характеристикам связано с аттракцией (Hogg et al., 1993; Whitbeck & Hoyt, 1994). К числу индивидуально-психологических факторов, положительно влияющих на аттракцию, можно отнести обладание схожими «Я»-концепциями (LaPrelle et al., 1990), сходство в выражении эмоций (Alliger & Williams, 1991), близкое чувство юмора (Cann et al., 1997), совпадение стиля общения (Brennan & Shaver, 1995).

Исследования говорят о том, что чем больше у людей обнаруживается сходства в жизненных целях, этнической принадлежности и во внешнем виде, тем счастливее их отношения (Folkes, 1982; Wilson G.D., Cousins J.M., 2003; Wilson et al., 2006). Также была установлена положительная связь между степенью подобия некоторых личностных качеств и силой межличностной привлекательности. Так, результаты одного исследования утверждают, что весёлым людям нравится быть в окружении весёлых людей, а недоброжелательные люди предпочитают компанию недоброжелательных (Locke & Hogowitz, 1990). Согласно полученным данным, межличностная привлекательность является многомерным конструктом: люди находят привлекательными тех, кто схож с ними по демографическому положению (включая экономический статус (Byrne et al., 1966), религиозные истоки, политическую ориентацию и социально-экономический статус (Buss, Barnes, 1986)), внешности, аттитюдам, социальному происхождению и культурному уровню, личностным качествам, интересам и роду деятельности, навыкам общения (Lydon et al., 1988). Теодор Ньюкомб, основываясь на результатах собственного исследования, утверждает, что соседи по комнате в студенческих общежитиях с общим социальным происхождением, схожими академическими успехами, аттитюдами, ценностями и политическими взглядами обычно становятся друзьями (Newcomb, 1961). Исследователи пришли к выводу, что уровень межличностной привлекательности положительно коррелирует со схожестью состояния Эго-идентичности. В романтических отношениях люди хотят иметь тех партнёров, кто похож на них по уровню выраженности экстраверсии, эмоциональной стабильности, согласию, сознательности, открытости опыту (Botwin et al., 1997) и стилю привязанности (Klohn & Luo, 2003).

Представленный обзор показывает, что исследования психологических механизмов аттракции касались, главным образом, выявления общих ценностей, социальных установок, взглядов между близкими людьми. Научных работ по определению общих индивидуально-психологических особенностей людей, испытывающих симпатию друг к другу, было проведено сравнительно мало. Различия же в таких сферах, как формально-динамическая, мотивационная, познавательная, изучались крайне редко в связи с межличностной привлекательностью.

Рассмотрение аттракции через призму индивидуально-психологических особенностей позволит раскрыть и описать психологические механизмы, лежащие в основе формирования и развития множества важных межличностных отношений людей.

Целью настоящего исследования станет установление общих индивидуально-психологические особенности людей, обуславливающих их межличностную аттракцию в условиях разных культур.

Гипотезы исследования:

(1) У пар, испытывающих взаимную симпатию, индивидуально-психологические характеристики совпадают;

(2) Совпадение обнаруживается для одних и тех же индивидуально-психологических особенностей пар, испытывающих взаимную симпатию, в различных культурах;

(3) Однополые пары, испытывающие взаимную симпатию, имеют более близкие индивидуально-психологические особенности, чем разнополые пары.

Для сбора необходимого материала планируется использовать психологическое тестирование и провести социометрию. Исследование предполагает получение как количественных данных, так и качественных различий.

Методы и методики исследования:

- методика «Свободная сортировка объектов» Р. Гарднера в модификации В.А. Колги;
- групповой тест замаскированных фигур Г. Уиткина;
- тест-опросник мотивации достижения А. Мехрабиана;
- тест-опросник Г.Ю. Айзенка (ЕРІ) (форма А) в адаптации В.М. Русалова;
- опросник формально-динамических свойств индивидуальности для взрослых (сокращённый вариант) В.М. Русалова;
- опросник формально-динамических свойств индивидуальности для подростков (сокращённый вариант) В.М. Русалова;
- социометрический тест Дж. Морено;
- методы математико-статистической обработки данных.

Литература

1. Baron R.A., Byrne D. & Johnson B. (1998). Exploring social psychology, 4th ed. Boston: Allyn & Bacon.
2. Botwin M.D., Buss D.M. & Shackelford T.K. (1997). Personality and mate preferences: Five factors in mate selection and marital satisfaction. Journal of Personality, 65 (1), 107–136.
3. Brennan K.A. & Shaver P.R. (1995). Dimensions of adult attachment, affect regulation and romantic relationship functioning. Personality and Social Psychology Bulletin, 21, 267-283.
4. Buss D.M., Barnes M. (1986). Preferences in human mate selection. Journal of Personality and Social Psychology, 50 (3), 559–570.
5. Byrne D., Clore G.L.J. & Worchel P. (1966). Effect of economic similarity-dissimilarity on interpersonal attraction. Journal of Personality and Social Psychology, 4 (2), 220–224.
6. Byrne D., London O. & Reeves K. (1968). The effects of physical attractiveness, sex, and attitude similarity on interpersonal attraction. Journal of Personality, 36, 259–271.
7. Cann A., Calhoun L.G. & Banks J. S. (1997). On the role of humor appreciation in interpersonal attraction: It's no joking matter. Humor: International Journal of Humor Research, 10, 77–89.
8. Folkes V.S. (1982). Forming Relationships and the Matching Hypothesis, Personality and Social Psychology Bulletin, 8, 631-636.
9. Hogg, M.A., Cooper-Shaw L., & Holzworth D.W. (1993). Studies of group prototypicality and depersonalized attraction in small interactive groups. Personality and Social Psychology Bulletin, 19, 452–465.
10. Klohnen E.C., Luo S. (2003). Interpersonal attraction and personality: What is attractive – self similarity, ideal similarity, complementarity, or attachment security? Journal of Personality and Social Psychology, 85 (4), 709–722.
11. LaPrelle J., Hoyle R.H., Insko C.A. & Bernthal P. (1990). Interpersonal attraction and descriptions of the traits of others: Ideal similarity, self similarity, and liking. Journal of Research in Personality, 24, 216-240.
12. Locke K.D. & Horowitz L.M. (1990). Satisfaction in interpersonal interactions as a function of similarity in level of dysphoria. Journal of Personality and Social Psychology, 58, 823–831.
13. Lydon J., Jamieson D. & Zanna M. (1988). Interpersonal similarity and the social and intellectual dimensions of first impressions. Social Cognition, 6, 269-286.

14. Newcomb T.M. (1961). The acquaintance process. New York: Holt, Rinehart & Winston.

15. Pilkington N. & Lydon J. (1997). The relative effect of attitude similarity and attitude dissimilarity on interpersonal attraction: Investigating the moderating roles of prejudice and group membership. Personality and Social Psychology Bulletin, 23, 107-122.

16. Smeaton G., Byrne D. & Murnen S.K. (1989). The repulsion hypothesis revisited: Similarity irrelevance or dissimilarity bias? Journal of Personality and Social Psychology, 56, 54-59.

17. Whitbeck L.B. & Hoyt D.R. (1994). Social prestige and assertive mating: A comparison of students from 1956 and 1988. Journal of Social and Personal Relationships, 2, 137-145.

18. Wilson G.D. & Cousins J.M. (2003). Partner similarity and relationship satisfaction: Development of a compatibility quotient. Sexual and Relationship Therapy, 18, 161-170

19. Wilson G.D., Cousins J.M. & Fink B. (2006). The CQ as a predictor of speed-date outcomes, Sexual and Relationship Therapy, 21, 163-169.

*Соколова И.С.,
Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова,
Москва*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВЫБОРА ПОКУПАТЕЛЕМ КНИЖНОГО НАУЧНО- ПОПУЛЯРНОГО ИЗДАНИЯ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ

Сегодня практически во всех гуманитарных исследовательских областях наблюдается так называемый «антропологический поворот». Объект гуманитарных наук в рамках антропологического поворота – это человек в его социально ориентированной знаковой деятельности (Поселягин, 2012). В сфере книговедческого знания центр внимания также перемещается в сторону человека, имеющего дело с книгой (автора, издателя, редактора, покупателя, читателя), когда рассматривается человек в процессах книжного дела. Покупатель и читатель – категории, в современных условиях имеющие не только теоретическое и аксиологическое значение, но и праксиологическую окраску, в частности, связанную с маркетинговыми аспектами книжного дела в рыночной ситуации.

Книжные научно-популярные издания по естественным наукам отличает относительно суженный читательский адрес. Хотя речь идет о «популярности», сама предметная область существенно ограничивает численные и качественные показатели круга потенциальных читателей. На выбор конкретного издания влияет множество факторов. Среди них ведущую роль играют факторы *социологические*. На первый план тут выходит такой показатель, как направленность образования возможного покупателя. Естественнонаучное, техническое, медицинское, сельскохозяйственное образование облегчают восприятие изданий естественнонаучной тематики. Кроме того, у этих покупателей, как правило, уже сформирован базовый интерес к естественнонаучной проблематике либо к отдельным отраслям естествознания. Подобных читателей можно назвать подготовленными в когнитивном и мотивационном отношении. Именно они способны выбирать издания по естественным наукам вполне осознанно.

Культурологические факторы, воздействующие на механизмы выбора покупателем того или иного издания естественнонаучной тематики, предполагают учет того, что мы живем в эпоху массовой культуры, охватывающей и такую специфическую область, как распространение естественнонаучных знаний. Так, феномен бестселлера оказывается значимым и для данной сферы, хотя традиционно принято считать, что бестселлеры строятся на основе литературно-художественных произведений массовых жанров. «Для того чтобы “запустить” индустрию бестселлера, надо было сначала вырастить потенциального потребителя текстов массовой адресации – жанровой “бестселлероносной” продукции, к которой относятся детектив, мелодрама, авантюрно-приключенческий роман и фантастика», – отмечает в связи с этим Т.Д.Рубанова (Рубанова, 2012). Однако опыт показывает, что естественнонаучные произведения вполне могут порождать бестселлеры, пусть и обеспечивающие менее высокий уровень продаж. Прежде всего, это издания, авторы которых обрели известность в самых широких читательских кругах, привлекая внимание нетрадиционностью подходов, рассмотрением бурно обсуждаемых в обществе вопросов, связанных с естественнонаучными

знаниями, очень высоким мастерством популяризации науки или нетипичной историей собственной жизни. Скажем, такова судьба произведений и изданий Стивена Хокинга. Принцип серийности – еще одна доминанта массовой культуры. Примерами могут служить серии «Без тайн» издательства «Эксмо», «Наука и мир» издательства «АСТ-ПРЕСС». Обращение к книге из уже известной серии с единым названием, оформлением изданий, их общими типологическими признаками представляет собой распространенную практику поведения покупателя. Популяризация естественных наук возможна и средствами прессы, телевидения, радио, Интернета, публичных лекций и т. д. Все эти способы коммуникации создают информационную среду, в которой живет потенциальный покупатель книжного издания по естествознанию. Характер информационной среды не может не влиять на его выбор. К примеру, Л.М.Гохберг, Г.А.Китова, Т.Е.Кузнецова и О.Р.Шувалова пишут, анализируя текущее состояние этой среды в нашей стране: «Попытки улучшить представления о науке и ученых (популяризация науки в прессе, на телевидении и др.) предпринимаются уже в течение нескольких лет. Однако им недостает масштаба, последовательности и системности, присущих практике советских лет» (Российские ученые: штрихи к социологическому портрету, 2010).

Осуществляемый покупателем выбор научно-популярного издания по естествознанию бывает продиктован также *психологическими* факторами. Основная проблема видится нам в том, что в рамках естественных наук исследуются объекты и явления природы. Эти объекты и явления находятся вне пределов культуры, фактически устранены из повседневной жизни обычного человека, не занимающегося данными науками профессионально. Даже поверхностный интерес к естественнонаучным темам поэтому вызвать трудно. Глубокое проникновение в предмет оказывается еще более сложным. Вместе с тем существует категория научно-популярных книг по естественным наукам, которые могут использоваться для развлечения читателя. Стремление к гедонизму так или иначе присутствует в сознании современного читателя. Например, А.Г.Ваганов утверждает: «Времена меняются, меняются технологии (телевидение, например, сегодня с успехом конкурирует с тем, что Лейбниц называл “небольшие книги, рассчитанные на кратковременный успех, которые будут служить только для того, чтобы ненадолго развеять скуку читателя, но вовсе не делу развития знания”), но не меняются нравы читателей-зрителей...» (Ваганов, 2012). Наслаждение во время чтения может быть разного уровня, но для абсолютно неподготовленного читателя первоначально необходим примитивный уровень; в дальнейшем он может переходить на более высокие уровни. В этом переходе читателю, как нам думается, должны помогать не только средства образования, но и средства книжного дела. По поводу первых Е.Ф.Сабуров говорит следующее: «...наиболее интересным следствием наслажденческого подхода к рассмотрению образования является утверждение, что образование расширяет возможности наслаждения, а значит, объем тех благ, к которым стремится человек. Создание потребительского капитала, способного превратить в изысканные удовольствия чтение книги..., – важнейшая задача образования» (Сабуров, 2012). Без участия специалистов книжного дела, однако, выполнение этой задачи нереально.

Несомненное значение имеют *экономические* факторы. Для научно-популярных изданий характерен умеренно эластичный спрос (Кабашина, 1995). То есть существенное повышение цены ведет к падению спроса на издания такого рода. Увеличение цены часто обусловлено высококачественным оформлением издания, улучшенным полиграфическим исполнением (дорогие сорта бумаги, типы переплета и т. п.). Привлекательность хорошо оформленного издания, разумеется, возрастает, как возрастают и возможности выражения особенностей естественнонаучного знания, для восприятия которого (в особенности неспециалистом) критична наглядность. У покупателя появляется желание приобрести издание, однако высокая цена может становиться ограничивающим фактором, принципиальным для человека, делающего выбор.

Современный покупатель, в том числе и научно-популярных книг по естествознанию, в силу богатства и разнообразия предложений всегда стоит перед выбором. При этом он оказывается под влиянием социологических, культурологических, психологических, экономических и иных факторов. В итоге человек проявляет себя, индивидуальные черты своей личности через типические условия, воздействующие сразу на большие группы людей.

Литература

1. Ваганов А.Г. Жанр, который мы потеряли: Очерк истории отечественной научно-популярной литературы. – М.: Журнал «Экология и жизнь», 2012. – С. 180. – (Библиотека журнала «Экология и жизнь»).
2. Кабашина И.В. Сегментирование рынка книжной продукции (на примере выпуска научно-популярных изданий): автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 1995. – С. 22.
3. Поселягин Н.В. Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. – 2012. – №113. – С. 27–36.
4. Российские ученые: штрихи к социологическому портрету / Л.М.Гохберг [и др.]. – М.: ГУ-ВШЭ, 2010. – С. 76. – (Эмпирические исследования).
5. Рубанова Т.Д. Формирование института бестселлера в контексте развития массовой культуры // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2012. – №2. – С. 18–19.
6. Сабуров Е.Ф. Инвестиционный климат в образовании // Сабуров Е.Ф. Гуманитарная экономика: статьи. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 101. – (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).

*Соловьева М.А.,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

ЧЕЛОВЕК В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ АСПЕКТ

Человек, будучи в экономических и социальных отношениях, хочет он того или нет, всегда находится в пространстве политики. По произволу политики человек может быть лишен и экономических, и социальных отношений. Во избежание произвола политики, государство, заинтересованное в благополучии своих граждан, должно реализовывать одну из своих главных стратегических функций, а именно – наполнять политику ценностно-смысловым содержанием. Сегодняшние модели развития общества, к сожалению, направлены, прежде всего, на удовлетворение примитивных потребностей человека. Это означает, что политика ориентирована на низшие психические функции и формирует поведение на основе неполного или искаженного сознания человека.

Политика, с точки зрения политической психологии, построена на регулировании сознания человека, а человек, в свою очередь, рассматривается в системе отношений «человек – политика – власть» (Юрьев А.И., 1996). Человек, с одной стороны, может интуитивно обнаруживать проблемы власти через снижение своей безопасности, комфорта жизни, исчезновение смысла жизни, а потому произвольно начинает интересоваться политикой как системой его жизнеобеспечения. С другой стороны, человек способен самостоятельно и ответственно осуществлять выбор на основе сформированной у него системы ценностей и смыслов. Политика должна опираться на высшие психические функции человека и поведение на основе ясного сознания. Следует подчеркнуть, что и само общественное устройство должно ориентироваться на человека как на существо сознательное, а потому и усилия общества должны быть направлены на обеспечение эффективной работы сознания (Аллахвердов, 2004; Юрьев, 1992, 2002). Эту стратегическую задачу невозможно решить без знания и применения таких психологических категорий как «ценности» и «смыслы».

Категория «ценности» многогранна, но в данном контексте обратим внимание, что выражая смысл, вкладываемый людьми с подачи политики в духовные и материальные предметы, ценности отражают существенные цели, идеи, идеалы своей эпохи, определяющие отношения человека с природой, социумом, этносом, самим собой. Например, Ананьев Б.Г. писал, что ценностные ориентации наряду со статусом, то есть политическим, экономическим, правовым положением человека, а также социальными функциями-ролями образуют «первичный класс личностных свойств, интегрируемых определенной структурой личности» (Ананьев, 2001, с.146). Основное содержание ценностных ориентаций личности составляют политические, философские, нравственные убеждения человека, глубокие и постоянные привязанности, нравственные принципы поведения. Ядов В.А. (1979) отмечал, что система ценностных ориентаций человека определяет ее отношение к обществу, социальной группе, самой себе. Вершину системы ценностей составляет «жизненный идеал» – социально-

политический и нравственный образ желаемого будущего. Юрьев А.И. (2002) подчеркивает, что ценности – это самые высококачественные продукты, которые создает политическое общество, состав и структура которых непрерывно адаптируются к изменениям реальной жизни. Кроме того, и в общественном и в индивидуальном сознании ценности выполняют функцию жизненного ориентира, духовного основания для выбора направления деятельности и субординации целей.

О значении политических смыслов в отечественной психологической науке писал, например, Леонтьев А.Н. (1981). По его словам, различие социальных, экономических и политических интересов порождает разницу в политическом видении мира. Каждый политический субъект специфическим образом осмысляет реальность и стремится задать ей определенные смыслы, связанные с его положением в обществе. Одним и тем же явлениям придается различный политический смысл. Как отмечает Юрьев А.И. (2002), на протяжении веков человечество с переменным успехом бьется над формулировками смысла жизни – единственным и универсальным средством от страха перед ней. На каждом историческом этапе задача смысла жизни более или менее успешно решается, стимулируя развитие науки, техники, искусств. Смысл жизни играет роль вершины, с которой можно обозреть огромные жизненные пространства. Однако выстроить вершину смысла жизни невероятно тяжело – это самая трудная задача, которую приходится решать человечеству. Чтобы придать смысл жизни, утверждал Селье Г. (1979), необходима возвышенная отдаленная цель. В поисках такой отдаленной цели, как замечает автор, с давних пор человеку эффективно служили религиозные, философские и политические идеалы.

Потеря смысла жизни характерна для времени глубоких социально-политических и культурных перемен, когда традиционные убеждения и ценности больше не являются адекватными путеводными вехами для жизни человека (Маслоу, 1999; Франк, 1992; Франкл, 1990; Фромм, 1998 и др.). Главный вопрос, который встает перед обществом во время колоссальных общественных потрясений в целом и, который должен решить каждый человек для себя, – это вопрос о смысле жизни. Только преодоление ощущения бессмысленности и обретение истинного смысла жизни позволяет выжить обществу и государству. Кроме того, преемственность ценностей и смыслов для каждого нового поколения повышает его жизнеспособность, а утрата их, напротив, снижает волю к жизни и ведет к потере ее смысла.

Индикатором проявления ценностно-смысловых образований в поведении является жизненная сила, противоположная состоянию апатии. Апатия, в свою очередь, является следствием ценностно-смысловой изоляции человека от целей общества. В этом случае вытесняются те компоненты политической и социальной жизни, которые связывают человека с обществом. В результате происходит расщепление эмоциональной сферы, обесценивание социальных и политических чувств, а также разочарование в политической жизни (Гозман, Эткинд, 1991 и др.). Социальные группы перестают чувствовать свою сопричастность к обществу, новые социальные и политические ценности отвергаются ими, в том числе декларируемые образцы поведения. Кроме того, в обществе происходит снижение общего эмоционального тонуса и общественной активности людей, а также наблюдается высокий уровень недоверия к руководителям государства и лидерам партий. Отметим, что особая чувствительность к ценностно-смысловому содержанию политики характерна для молодежной среды (Соловьева, 2006).

Таким образом, человек, будучи в социальных и экономических отношениях должен быть в политическом пространстве, имеющим ценностно-смысловое содержание. В противном случае человек ориентируется только на собственные цели и планы и свое будущее не соотносит с будущим страны. В связи с чем подчеркнем, что от ценностно-смыслового содержания политики напрямую зависит инновационное, творческое и трудовое участие граждан в жизни страны, а значит и жизнеспособность современного российского государства.

Литература

1. Аллахвердов В.М. Осознание власти и власть сознания / Тез. докл. Психология власти: Материалы международной научной конференции / Под научной ред. А.И. Юрьева. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
2. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. – СПб., 2001.
3. Гозман Л.Я., Эткинд А.М. Метафоры или реальность? Психологический анализ советской истории // Вопросы философии. – 1991. №3.

4. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – 4-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – С.318-345.
5. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. – М.: Смысл, 1999.
6. Соловьева М.А. Психологическая составляющая политической культуры молодежи (на примере студенческой молодежи Санкт-Петербурга): Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006.
7. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. Ядова В.А. – Л.: Наука, 1979.
8. Селье Г. Стресс без дистресса. – М., 1979.
9. Франк С.Л. Русское мировоззрение / Духовные основы общества. – М., 1992.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла / Ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990.
11. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – Мн.: Попурри, 1998.
12. Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992.
13. Юрьев А.И. Виртуальное Будущее как изменение Картины мира человека, его Жизненной позиции, Мировоззрения и Образа жизни / Тез. докл. Реальный и виртуальный мир нового тысячелетия. – СПб., 2002.
14. Юрьев А.И. Системное описание политической психологии: Дис. ... д-ра психол. наук. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.

Стрижов Е.Ю., Сажин А.В.,

НОУ ВПО «Московский институт психоанализа», Москва

НРАВСТВЕННЫЕ ДЕФОРМАЦИИ В ОТНОШЕНИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА К ДЕНЬГАМ И ТРУДУ

Хотя понятия «труд» и «деньги» относятся экономическим категориям, отношение к ним как условиям, средствам и результатам человеческого благосостояния имеет выраженное нравственное содержание. Исследования субъективных представлений людей о деньгах как личностных ценностях содержится в работах Е.И. Горбачёвой и А.Б. Купрейченко (2006), О.С. Дейнека (2004), И.А. Джидарьян (2000), А.Л. Журавлёва и А.Б. Купрейченко (2003, 2007), А.Б. Купрейченко (2010), А.Б. Фенько (2000), А. Фернама и М. Аргайла (2006) и других. В них утверждается, что каждой модели экономического поведения соответствует определенный уровень этического развития личности. Этот вывод вполне согласуется с положением нашей теории об уровне строения нравственно-правовой надёжности личности (Е.Ю. Стрижов, 2009, 2011).

Отношение к деньгам и отношению к труду регламентируется во всех этических системах и носит характер нравственных императивов. Анализируя особенности морального сознания возрастных и профессиональных групп современного российского общества, можно заметить противоречия в этих отношениях.

Во-первых, в моральном сознании всех без исключения возрастных групп представлены традиционные нравственные ценности нашего общества. Состав, репрезентация и степень осмысленности, понимание значений этих ценностей зависит от уровня нравственно-правовой надёжности людей и выбранного ими способа получения материальных благ. Ведущее место в моральном сознании занимают представления о справедливости и законности в присущих каждому уровню нравственно-правовой надёжности формах их обоснования. Категория справедливости применяется в тесной связи с категориями «труд» и «деньги» при оценке людьми результатов своей деятельности. Интересно, что представления о справедливости в моральном сознании людей, особенно если речь идёт об оценке личных результатов, вполне соответствуют традиционным российским представлениям и не деформированы этическими принципами индивидуализма, прагматизма, псевдолиберализма. Справедливость понимается всеми возрастными и профессиональными группами как нравственный закон и означает, что заслуги человека и его вклад в общее дело должны оцениваться в полной мере и соответствовать мере затраченных им усилий. Оценка значения и допустимой меры трудовых затрат различны на разных уровнях нравственно-правовой надёжности. Если на высоком уровне НПН сверхнормативная активность считается вполне обычным отношением

достижения успеха является высокий социальный статус, для респондентов с мотивом избегания неудач – деньги. Можно предположить, что у бедной части населения формируется, воспроизводится именно этот мотив через сценарии жизни родителей, родительские предписания. Ведь именно бедные отмечают наличие страха остаться без средств к существованию. И в этом случае речь не идет об интересной работе, речь идет о том, чтобы выжить.

Высокий уровень стресса коррелирует с осознанием нереалистичности своих притязаний, невозможности реализовать свои устремления, которые сопровождаются усилением ощущений психологического неблагополучия и уменьшением веры в собственные возможности. В целом ситуация и собственное психологическое состояние оцениваются как неподдающиеся контролю, осознаются, выделяются собственные ограничения, а не возможности, акцентируются причины неудач и увеличивается ощущение зависимости от внешних обстоятельств (Кожевникова, 2005).

Удовлетворенностью жизнью и эмоциональное состояние. Две трети бедных постоянно испытывают *ощущение несправедливости* всего происходящего, более половины полагают, что так жить нельзя, и одновременно чувствуют свою беспомощность из-за невозможности изменить что-либо. Хроническая нехватка денег, отсутствие стратегически значимого имущества, социальных связей которые можно использовать в процессе выживания, *препятствуют выстраиванию* бедными каких-либо *долгосрочных самостоятельных путей* преодоления трудной материальной ситуации, в которой они повседневно находятся. Настоящая бедность связана с определенной поведенческой моделью. Деньги тратятся настолько нерационально, что даже при появлении «лишних» денег, семья практически ничего от них не получает. Избавление от бедности связано с увеличением возможности учиться, с равным доступом к образованию всех слоев общества (Горшков, Тихонова, 2004; Зараковский, 2010).

Важно отметить, что *самоидентификация* со средним классом очевидным образом коррелирует с изрядной долей *социального оптимизма*, порождающего позитивное эмоциональное самоощущение. Представители среднего класса в 2 раза реже остальных россиян жалуются на то, что испытывают чувство страха, подавленности, озлобления. И, наоборот, в 2-3 раза чаще характеризуют свое психологическое состояние как спокойное и уравновешенное или испытывают душевный подъем. Однако феномен жизнестойкости отличается от оптимизма, прежде всего, реалистичностью восприятия действительности и построения таких отношений с этой действительностью, которые бы способствовали проявлению всех возможностей в данной реальности.

Таким образом, значение социальной среды, той социальной ситуации, в которую человек включен, связан для каждого человека с некоторым веером *возможностей*, которые человек вправе реализовать или нет. Отсутствие возможности использовать *материальный и социальный ресурсы* в жизни человека может приводить к состоянию фрустрации, пессимизма, выученной беспомощности.

Необходимо отметить, что в условиях кризиса можно выделить два вектора развития личности. Негативная дезинтеграция сопровождается деструктивными изменениями личности, тенденцией к *социальной аутизации, снижением общей устойчивости, психопатическим сдвигам, депрессиям.* При позитивной дезинтеграции кризис является неким условием перехода личности человека в новое качество, на новый уровень целостности. Данный тип дезинтеграции отличается повышением *витальности, преобладанием конструктивности, увеличением творческого потенциала* (Козлов, Лукин-Григорьев, 2000). Именно жизнестойкость способствует такому типу преодоления трудных жизненных ситуаций, возрастных кризисов. Но такое направление развития личности проявляется не у всех людей в ситуации кризиса, экстремальных ситуаций

Обсуждая роль активности самого человека в построении своей жизни, в выработке жизнестойкой позиции, доктор философских наук, человек трудной судьбы А.В. Суворов отмечает: «...от самого человека зависит организация своей жизни и своего здоровья. Это правильно лишь в том случае, если *социальная организация позволяет индивиду быть субъектом собственной жизни.* Позиция «все зависит от тебя, и ни от кого больше» - это принципиальный отказ от какой бы то ни было поддержки. Далеко не всегда человек может – да и должен справляться в одиночку» (Суворов, 2009). Возможность использовать *социальный ресурс* (образовательные, медицинские, туристические услуги) приводит к потере в *личностных ресурсах* у бедных слоев населения.

Особенности развития и проявления жизнестойкости личности во многом определяются взаимовлиянием процессов, идущих на уровне социума и на уровне индивидуальности человека. Если на уровне общества это связано с разработкой оптимальной системы государственного

управления, то на уровне человека важно его осознанное творческое отношение к этим результатам коллективного разума.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. - М.: Мысль, 1991.- 235с.
2. Бызов Л.Г.О парадигмах посткризисного развития // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 3 (103). С. 5-17.
3. Зараковский Г.М. Качество жизни населения: Психологические составляющие. – М.: Смысл, 2009. -319 с.
4. Зобов Р.А., Келасьев В.Н. Социальная мифология России и проблемы адаптации: Учебное пособие/ Под общей ред.В.Н. Келасьева.- СПб: Изд-во С.- Петерб. Ун-та, 1997. – 140с.
5. Кожевникова Е.Ю. Психологические предпосылки потери занятости и эффекты ее обретения/ Е.Ю. Кожевникова// Профессиональное самосознание и экономическое поведение личности: Матер. Всерос. Интернет - конф./ Отв. ред. М.Ю. Семенов. – Омск: изд-во ОмГМА, 2005. - С. 42-50. (0,4 п.л.).
6. Козлов В.В., Лукин-Григорьев В.В. Кризис как фундаментальная категория жизни. // Соц. психология: Практика. Теория. Эксперимент. Практика. Т.2 / Под ред. Козлова В.В. - Ярославль: МАПН, 2000, С. 94.
7. Патаки Ф. Социально-психологические вопросы смены поколений// Социально-психологические и нравственные аспекты изучения личности. М. 1988. С.11.
8. Россия - новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. -М., 2004. – 259 с.
9. Субетто А.И., Селезнева Н.А. Общественный интеллект и образование на рубеже XXI века// Идеи Н.В. Кондратьева и динамика общества на рубеже третьего тысячелетия. М., 1995.- С. 375.
10. Суворов А.В. Человечность. Достоинство. Педагогика оптимизма / А. Суворов.- М.: Чистые пруды, 2009. – 32 с.
11. Тихонова Н.Е. Состояние здоровья среднего класса в России // Мир России. 2008. -№ 4.- С.15- 23.

РАЗДЕЛ 2. САМОРЕАЛИЗАЦИЯ И САМООПРЕДЕЛЕНИЕ КАК ОСНОВА СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*Барышева Т.Д.,
Мурманский государственный гуманитарный университет, Мурманск*

РЕФЛЕКСИЯ КАК РЕСУРС ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СПЕЦИАЛИСТА

В условиях цивилизационных изменений, связанных с ускорением научно-технического прогресса, трансформацией профессионально-трудовых функций в системе распределенного производства, компьютеризацией и интернетизацией технологических и образовательных процессов, усилением синкретичности культуры как социального феномена, упрочением позиций идеи непрерывного образования в социуме, предъявляются повышенные требования к субъектности человека. К существенным признакам субъектности можно отнести такие качества, как ответственность, способность к целеполаганию, рефлексивность, способность к саморегуляции и самоизменению в течение всей жизни и т.д.

Высокий уровень профессионализма в современной парадигме его понимания (А.А. Деркач, В.Д. Шадриков, Ю.П. Поваренков, А.В. Карпов, А.К. Маркова, Л.М. Митина, Е.А. Климов, Е.А. Могилевкин и др.) закономерно оказывается результатом активности и самостоятельности человека как субъекта саморазвития. Рефлексия в обобщенном смысле является мысле-деятельностным или чувственно-переживаемым процессом осознания субъектом своей жизни и деятельности. Наличие метакогнитивных и рефлексивных качеств в структуре профессиональной компетентности выступает необходимым условием становления профессионализма. Поэтому рефлексия в ряду личностных и профессиональных качеств личности человека может представлять собой ресурс профессионального развития специалиста как высококвалифицированного мастера своего дела.

Разработка идей субъектного подхода к развитию личности способствовала оформлению концепции самопознания, самопонимания, рефлексии в российской психологической науке (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова, В.П. Зинченко, И.Н. Семенов, В.И. Моросанова, В.В. Столин, В.В. Знаков, Д.А. Леонтьев, А.В. Карпов и др.). Анализ полной психологической структуры деятельности человека с позиций субъектно-деятельностного подхода (А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, В.Д. Шадриков, О.А. Конопкин, В.И. Моросанова, Ю.П. Поваренков, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, Л.М. Митина, М.М. Кашапов и др.) дает возможность оценить вклад рефлексии в эффективность различных видов профессиональной активности. А.В. Карпов (2008, 2010) анализирует характер рефлексии в психологической регуляции деятельности и поведения с точки зрения теоретических основ метасистемного подхода.

Среди зарубежных исследователей проблемой изучения рефлексивных и метакогнитивных процессов, вопросов «рефлексивного преподавания» и рефлексивной практики занимались, например, Д. Дьюи, Ж. Пиаже, Дж. Флейвелл, Д. Колб, Д. Шон, Р. Росс, Р. МакТаггарт, С. Кеммис, В. Луден. Среди современных зарубежных авторов, признающих рефлексии в качестве ключевой обучающей позиции и условия достижения высокого уровня эффективности в профессиональной деятельности, можно назвать Дж. Муна, Д. Даннинга, С. Кутино, Дж. Буда, Дж.Р. Бэрда, К. Калдерхеда, Х.-Дж. Хуанга, Т. Бурнера, К. Банниган, А. Моорес, К. Мэйр и др.

Д. Шон (1987) рассматривал практическую рефлексии как способность профессионала интегрировать собственный опыт, имеющиеся теоретические знания и исследовательский подход с целью поиска оптимального решения неоднозначных практических проблем. Рефлексия специально выделяется исследователями как одна из самых универсальных внутренних регуляторных схем, позволяющих субъекту более активно организовывать собственные мыслительные действия, особенно в проблемных профессиональных ситуациях. Набор необходимых для профессиональной активности рефлексивных стратегий включает в себя умения осознанно выстраивать свою профессиональную деятельность, осмысливать ее процессы и результаты, прогнозировать разворачивание событий, проводить текущий анализ выполнения профессиональных действий, устанавливать соответствие способов своей деятельности поставленным задачам и т.д. Другими словами, сформированная профессиональная рефлексия позволяет человеку занимать осознанную

рефлексивную позицию по отношению к собственной деятельности.

Поэтому эффективной формой рефлексивного обучения является анализ опыта погружения студентов в профессиональные ситуации. Например, такой привычный вид учебно-профессиональной деятельности, как практика в период вузовского обучения, предоставляет широкое поле для развития профессиональной рефлексии у студентов разных специальностей. Однако современная практико-ориентированная подготовка студентов должна включать современные образовательные технологии и выступать средством рефлексивного преобразования их профессионального и личного опыта. Новый подход к организации психолого-педагогического сопровождения профессионального развития начинающих специалистов предполагает, как нам представляется, изменение характера взаимодействия его участников, изменение задач преподавателя - организатора практики, изменение фокуса внимания обучаемых и их переход к метапознавательной деятельности. Становится необходимым создание метакогнитивного контекста обучения для развития у студентов навыков регуляции профессионального мышления и рефлексии. Роль преподавателя в создании такой среды заключается в формировании метакогнитивных стратегий через их описание, оценку и целенаправленное моделирование.

Поскольку рефлексия часто предполагает индивидуализированный личностный процесс самоанализа, рефлексивная практика как автономная «закрытая рефлексия» не может быть единственным условием развития профессиональной компетентности будущего специалиста. Лишь незначительное число студентов к началу прохождения учебных практик в реальных профессиональных ситуациях обладает высоким уровнем преднамеренного структурирования своего опыта и компетентны в проведении содержательного рефлексивного самоанализа. Не случайно взаимодействие начинающих специалистов с другими людьми может выступить в качестве катализатора развития рефлексивности и метакогнитивности. И.Н. Семенов, В.Е. Лепский, А.Л. Журавлев и другие авторы предлагают рассматривать рефлексии в обобщенном представлении как некую форму активности коллективного субъекта и механизм регуляции его деятельности на основе осознания деятельностных и коммуникационных позиций. Объектами рефлексии могут становиться и другие субъекты, которые через рефлексии включаются во внутренний план осуществляющего рефлексивные акты человека или группы. Поэтому поиск опытного руководства и поддержки, осуществление профессионального диалога определяются как существенные компоненты успешной рефлексивной практики и становления профессионализма.

Характерной особенностью подхода, которого мы придерживаемся вслед за В.Я. Ляудис, является направленность рефлексивного процесса и возможность управления им. Апробация нашего варианта практико-ориентированной подготовки будущих психологов свидетельствует о том, что такая стратегия достаточно плодотворна (Т.Д. Барышева, 2011). Направленность рефлексивного анализа поддерживается комплексом условий, среди которых мы используем заранее сформулированные критерии для ориентировки в деятельности, «погружение» в реальные профессиональные ситуации, управляемые социальные контакты среди ключевого ядра их участников, создание насыщенной рефлексивно-обучающей среды за счет особой организации полисубъектного взаимообщения и использования микросоциальных технологий, рефлексивный диалог в контексте учебной супервизии для преодоления замкнутости «рефлектирующей практика» (термин Д. Шона), постоянное ведение аналитического дневника и составление рефлексивных отчетов по адаптированным методическим схемам.

Ведение рефлексивных записей или составление рефлексивных самоотчетов обучаемыми можно соотнести со своеобразными стоп-кадрами в текущем потоке профессиональной активности, помогающими концентрации («схватыванию» и «кристаллизации») профессионального опыта и фиксации продуктов профессиональной рефлексии. Одним из способов операционализации профессионально значимых психологических понятий и стимулирования профессиональной рефлексии может служить особым образом спроектированный детальный, пошаговый, структурированный анализ с опорой на соответствующие алгоритмы, с использованием таксономий Д. Толлингеровой - В.Я. Ляудис (2000), Б. Блума - П. Паппаса (2010).

Именно в ходе таких процедур у студентов закономерно происходит рефлексивное изменение имплицитных теорий, относящихся к их профессиональной деятельности.

Таким образом, насущной методической необходимостью системы профессионального образования является создание платформы для достаточно раннего становления и развития

профессиональной рефлексии у студентов. Однако в ходе традиционных академических занятий и стихийной «неотрефлексированной» профессиональной практики подобные изменения являются незначительными. Способность к рефлексии, даже если к началу профессионального образования она находится у студента на приемлемом уровне, сама по себе не приводит автоматически к профессиональному росту и мастерству. Для них необходимы особые психолого-акмеологические условия для инициирования и поддержания у студентов потребности в рефлексировании собственного опыта. В настоящий момент исключительно важной научной и практической задачей становится разработка психолого-акмеологических технологий развития профессиональной рефлексии, формирования рефлексивных умений будущих специалистов.

Литература

1. Барышева Т.Д. Подготовка психолога к работе в системе среднего профессионального образования: рефлексивная модель обучения. Монография. Мурманск: МГГУ, 2011.
2. Карпов А.В. Метасистемный подход и психология сознания. Монография. Ярославль-М., 2008.
3. Ляудис В.Я. Методика преподавания психологии. М., 2000.
4. Рефлексивный подход: от методологии к практике / Под ред. В.Е. Лепского. М., 2009.
5. Dewey, J. How We Think: A restatement of the relation of reflective thinking to the educative process. New York: D. C. Heath. 1933/1993.
6. Pappas, P. Taxonomy of Lower to Higher Order Reflection. 2010. URL: <http://www.peterpappas.com>
7. Schön, D. Educating the Reflective Practitioner: Toward a New Design for Teaching and Learning in the Professions, Jossey-Bass, London, 1987.

Бирюкевич Е.А.,

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, Брест

ЛИЧНОСТНЫЙ РОСТ И ОБЫДЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ХАРАКТЕРЕ

Попробуем на минуту представить, что на стенде школьного психолога появилось два объявления: одно – о наборе в группу тренинга личностного роста, а другое – о записи в кружок по самовоспитанию характера. Стоит ли гадать, куда побегут записываться старшеклассники? Понятие «личностный рост», возникшее несколько десятков лет назад в персонологии, сегодня все чаще используется и в языке обычных людей. Полки книжных магазинов пестрят обложками разнообразной литературы, посвященной теме саморазвития человека. Стало модным заниматься в группе личностного роста. А менеджеры по персоналу, прогнозируя эффективность кандидата на определенную вакансию, зачастую напрямую связывают его с наличием стремления к личностному росту. Предполагается, что продвижение человека по карьерной лестнице существенно зависит от его желания развиваться и двигаться вперед.

Популярность этого понятия в профессиональной лексике специалистов-психологов также увеличивается. Личностный рост рассматривается в разных контекстах и смыслах: и как условие самореализации человека, и как показатель мотивации самоактуализации, и как проявление свободного самоопределения зрелой личности.

Понятие «характер», напротив, сегодня оказалось на задворках научной психологии. Свою роль здесь сыграло распространение понятия «индивидуальный стиль» (Мерлин, 1986), претендующего на место центральной категории дифференциальной психологии. Также широкую известность получила позиция Ю.Б. Гиппенрейтер, в соответствии с которой процесс развития личности приводит к «снятию» характера личностными образованиями (Гиппенрейтер, 1983). Фактически сегодня проблема характера редуцировалась к вопросам о его акцентуации (типология, происхождение, диагностика) и в некотором смысле оказала противопоставленной понятию «личностный рост» и проблеме саморазвития человека.

Однако в обыденном сознании понятие «характер» по-прежнему занимает одно из ведущих мест. С его помощью объясняют свое и чужое поведение, характером оправдывают поступки и им же упрекают при конфликтах. То, как отец или мать понимают и оценивают особенности характера

своего ребенка, оказывает непосредственное влияние на реализуемую родителями стратегию воспитания. Это означает, что для обыденного сознания в психических особенностях человека нет ничего более осязаемого и очевидного, чем характер.

Ранее в наших работах (Бирюкевич, 2006, 2008) уже освещались различия тех функциональных ролей, которые выполняют в детерминации поведения человека его личность и его характер. В этих работах также была поставлена проблема противоречивых, а порой и конфликтных отношений между личностью и характером. Оказалось, что у многих людей отсутствует личностное отношение к своему характеру: они не умеют объективно и реалистично, т.е. без психологических защит, осознавать недостатки своего характера, избегают волевых усилий, направленных на контроль и воспитание своего характера. Иными словами, для значительной части людей из области задач личностного роста по какой-то причине оказались исключенными цели совершенствования их собственного характера. В связи с этим возникла необходимость изучения житейских представлений о характере, которые, предположительно, могли быть причиной такого положения дел.

В нашем эмпирическом исследовании была предпринята попытка изучить обыденные представления взрослых людей о своем характере. В беседах респондентам задавались вопросы о том, как они понимают сущность характера, сильные и слабые черты своего характера, как они относятся к этим чертам и как объясняют причины их возникновения, а также вопросы о желании и усилиях по изменению своего характера. Анализ протоколов (62 респондента, мужчины и женщины в возрасте от 17 до 60 лет) позволил систематизировать обыденные представления о характере. Наиболее интересными оказались суждения респондентов об изменениях своего характера в течение жизни, о возможности и необходимости таких изменений. Здесь были выделены три основных смысловых сферы, внутри которых диапазон мнений мог существенно различаться.

Во-первых, оказалось, что в представлениях практически любого человека есть определенное мнение о происхождении характера, о роли в характере биологических (наследственных) особенностей и, соответственно, вера (или неверие) в возможность изменения своего характера. Здесь на одном полюсе находится полное отрицание роли самого человека в появлении и развитии каких-либо черт своего характера. Обычно эта позиция аргументируется ссылкой на абсолютную роль наследственности или, реже, влиянием жизненных обстоятельств (родителей, семьи, некоторых событий). На другом полюсе находятся респонденты, которые считают, что «...свой характер можно и нужно воспитывать!». Таким образом, одни респонденты полагали, что они ничего не могут сделать со своим характером, другие, напротив, считали, что характер развивается прижизненно и может быть изменен, т.е. демонстрировали веру в саму возможность таких изменений.

Во-вторых, респонденты существенно различались тем, насколько они хотели менять что-либо в своем характере. Оказалось, что многие респонденты рассматривают качества своего характера как неотъемлемую часть своего Я, как основу своей самотождественности. Соответственно, всякие попытки окружающих людей указать на недостатки и на необходимость меняться понимаются ими как покушение на их суверенное право оставаться самими собой: «Некоторые друзья говорят, что у меня сложный характер, но необычный, поэтому мне меняться не надо»; «Я не хочу пытаться сделать из себя чужой идеал... я пытаюсь быть индивидуальностью». Это означает, что в обыденных представлениях о характере может существовать четко артикулированная позиция нежелания менять что-либо в своем характере. В основании такой позиции может лежать идея об особой ценности характера, который респонденты воспринимают как сущность своей неповторимой индивидуальности. И это мнение становится удобной рационализацией, оправдывающей нежелание совершенствовать свой характер. Некоторые респонденты, маскируя свое нежелание менять черты характера, апеллировали к привычке: «Я привыкла к своему характеру, научилась справляться с теми или иными чертами...». Известно, что изменение любой привычки (даже если это самый элементарный двигательный навык) требует сознательного контроля и сопряжено с волевыми усилиями. И, напротив, действовать по привычке всегда удобно, поскольку затраты ресурсов на регуляцию такого поведения минимальны.

Вместе с тем, были обнаружены и респонденты с отчетливым стремлением изменить свой характер. Такие респонденты были способны признавать наличие в их характере каких-либо отрицательных черт, они прямо говорили о своем желании меняться, а также могли подробно описать свои конкретные действия и усилия по преодолению названных ими недостатков. Причем оказалось, что большинство этих респондентов в своих рассуждениях спонтанно переходили к

объяснению, ради чего они должны меняться. Этот аспект суждений респондентов позволил выделить в обыденных представлениях о характере еще одну – третью – смысловую сферу, описываемую категорией долженствования. Здесь на одном полюсе оказались респонденты, которые считали, что им, по крайней мере, пока, ничего не нужно менять в своем характере. Эта позиция, как правило, тесно переплеталась с отсутствием желания что-либо менять: «Мне мой характер пока нравится. Думаю, что мне не надо меняться. Может, когда-нибудь, я буду думать по-другому, но сейчас – нет». На другом полюсе сосредоточились представления, в которых отчетливо выступала аргументация, почему изменения необходимы: «Чтобы чего-то добиться в жизни, надо учиться сдерживаться, контролировать себя и свой характер», «Если мои недостатки будут мешать близким мне людям, которых я люблю, то я должна буду постараться измениться».

Таким образом, в нашем исследовании обыденных представлений о характере были выявлены три смысловых области, описываемые следующими шкалами: (1) «могу что-то изменить – не могу ничего изменить», (2) «хочу меняться – не хочу меняться», (3) «мне надо меняться ради... - мне незачем меняться». Эти шкалы позволяют ориентироваться в разнородных по содержанию обыденных представлениях о характере, обнаруживая субъективные препятствия для личностного роста и саморазвития человека.

Литература

1. Бирюкевич Е.А. К вопросу об интегральных характеристиках индивидуальности / Психология в вузе. — 2006. — № 2. — С. 44-64.
2. Бирюкевич Е. А. Осознание собственных индивидуальных особенностей у лиц с различиями в мировоззрении // Вестник Брестского университета. Серия гуманитарных и общественных наук. — 2008. — № 1 . — С.74-83.
3. Гиппенрейтер Ю.Б. Понятие личности в трудах А.Н. Леонтьева и проблема исследования характера // Вестник МГУ. Серия XIX Психология — 1983. — №4. — С. 7-22
4. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности — М.: Педагогика, 1986. — 256 с.

Бочарова Е.Е., Тарасова Л.Е.,

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов

СУБЪЕКТНЫЕ ГРАНИЦЫ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ*

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнопсихологические детерминанты взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия личности» (грант №11-06-00026 а)

В современных психологических исследованиях особую значимость приобретают исследования социальной активности личности в выборе и реализации своих субъективных перспектив. Пристальное внимание ученых и практиков к данной проблематике объясняется с одной стороны, сложностью этого феномена, многогранностью его форм и сфер проявления в условиях социальных перемен, с другой - как отмечает большинство исследователей, практика индивидуального совершенствования и самореализации субъекта тесно сливается с практикой социального преобразования общества. Весьма существенным является и то, что проявление социальной активности, осознанное использование тех или иных стратегий социального самоопределения, в конечном итоге, определяет уровень удовлетворенности личности, ее субъективное благополучие.

На наш взгляд, ключевым для понимания социальной активности и границ ее локализации является система субъективных отношений личности. Интерпретируя социальную активность, как интегральную форму отношения личности к своему жизненному миру, состоящую из субъективных репрезентаций жизненных отношений, отметим, что весьма существенным в анализе этого отношения является объективация субъективного, которая происходит, прежде всего, «через реализацию отношений личности к социальным системам разного уровня, в которые она включена» (Шамянов, 2011).

Однако меру включенности и меру собственного творчества в сферах своей социальной

жизнедеятельности определяет именно субъект. По-сути, речь идет о самоопределении границ активности субъекта, основанием которого могут выступать, к примеру, система субъективных отношений (ценностные ориентации, установочные комплексы, социальные представления, уровневые характеристики субъективного благополучия и т.д.), ценностная иерархия деятельностей и сфер жизни, в которых личность видит главную сферу самореализации.

Вполне очевидным является то, что социальная активность субъекта имеет как внешние границы, так и внутренние, связанные с изменением ее качественного проявления.

Отметим тот факт, что феномен «границы», привлекавший внимание многих исследователей достаточно длительное время рассматривался через ее регламентирующую роль, «обстоятельства». В этом отношении, граница рассматривается как такое взаимодействие субъекта и объекта, в процессе которого субъект определяет иное и себя (когнитивно, аффективно и конативно), а также рефлексивно организует свою психическую активность. Однако в процессе такого взаимодействия происходит дифференциация и интеграция границ активности посредством дифференцирующих и интегрирующих регулятивных актов (Шаров, 2006). Это приводит, на наш взгляд, не только к возникновению новых границ активности («простраиванию» границ), но к порождению различных интегративных новообразований (например, ценностно-смысловых, эмоционально-оценочных, социально-когнитивных), выступающих вместе с тем, регуляторами социальной активности субъекта.

Раскрывая характеристики границ социальной активности, исследователи отмечают, что граница взаимодействия человека и мира связывают личность и мир, субъекта и объект, и устанавливают взаимоотношение быть вместе (Eckartsberg, 1981). Результатом постоянного взаимодействия субъекта и внешней среды, а также подвижности границ является феномен «субъективное пространство» (Левин, 2000).

Важно отметить, что именно на границе взаимодействия проявляется субъектность личности, выражающаяся с одной стороны в стремлении к самореализации, как в пространстве собственного внутреннего мира, так и в пространстве окружающего мира. При этом смысл бытия и самореализации личности как субъекта состоит не только в присвоении и персонификации нечто из среды, но также и в трансляции чего-то в социальный мир (Калиненко, 2009).

Особое внимание заслуживают представления В.А. Петровского об активизирующей функции границы. Граница интерпретируется как центрация активности на разграничительном стимуле, как побудительный мотив, «мотив границы», определяя его как стремление субъекта пережить бытие на границе (Петровский, 2012). Соотношение числа случаев центрации на разграничительном стимуле, его соблюдения и игнорирования определяет направленность активности субъекта. Особое значение придается смысловой наполненности границы («предел», «переход» и «связь»), которая раскрывает ее регулятивный характер и порождает новые отношения субъекта к своему бытийному пространству.

Мотив границы обнаруживает себя в таких феноменах как «границное переживание» (Мамардашвили, 2002), «надситуативная активность», «бескорыстный риск» (Петровский, 1996), «недетерминированная возможность» (Леонтьев, 2011).

В целом, на наш взгляд, граница социальной активности предстает как сложное динамическое социально-психологическое образование, определяемое субъектом, связанное с переживанием противоречия между детерминацией и самодетерминацией развития и существования; необходимостью и возможностью, социализацией и индивидуализацией субъекта социального бытия. Необходимо подчеркнуть диалектический характер границ: являясь результатом активности, границы, вместе с тем, обеспечивают выбор и реализацию различных форм активности преобразования (разрешения) трудных жизненных ситуаций, благодаря чему сужаются или расширяются, интегрируются или дифференцируются по отношению к своему бытийному пространству, и, в целом, реорганизуют его. Это свидетельствует о проявлении полифункциональности границы, прежде всего, ее активационной, преобразовательной, регулятивной функций.

Не менее существенным является и то, что локализация границ социальной активности в значительной мере определяется системой субъективных отношений человека к его элементам. В соответствии с идеями Б.Ф. Ломова, система «субъективно-личностных» отношений представляет многомерное субъективное пространство личности, каждое из измерений которого соответствует определенному субъективно-личностному отношению к разным сферам бытия (например,

профессиональное, семейное, экономическое, этническое и т.д.) (Ломов, 1981). В этой связи, на наш взгляд, критериальным основанием определения субъектных границ социальной активности личности выступает система ее субъективных отношений к бытийным пространствам, в которых она с различающейся степенью успешности реализует себя, претворяя свою субъективность и актуализируя ключевую модальность, которой наделяет субъект - способность к преобразовательной активности. Однако, как показывает ряд исследований, проявление субъектности в разных сферах бытия весьма вариативно, что свидетельствует о сложности и многомерности ее критериальных параметров (к примеру, уровневых, функциональных и т.д.) (Демин, 2009; Ишкова, 1998; Марцинковская, 2009 и др.).

Резюмируя, отметим, что разработка проблемы субъектных границ социальной активности личности является достаточно сложной и многоаспектной, требующая комплексного подхода.

Литература

1. Демин А.Н. О границе преобразовательной активности субъекта // Субъектный подход в психологии /Под ред. А.Л.Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.- 619 с. С.107 - 120.
2. Ишкова М.А. Феномен границы в детерминации активности ребенка: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.11: Москва, 1998, 140 с. РГБ ОД, 61:98-19/51-3
3. Калинин В.К. Границы в культуре и культура на границах // Журнал практического психолога: научно-практический журнал, 2009. №2. С.42-69.
4. Левин К. Теория поля в социальных науках. - СПб.: «Сенсор», 2000.- 368 с.
5. Леонтьев Д.А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии, 2011, № 1, С. 3-28.
6. Ломов Б.Ф. Личность в системе общественных отношений // Психологический журнал. - 1981. - Т. 2.- № 1.- С. 3-13.
7. Мамардашвили М.К. Философские чтения. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – 832с.
8. Марцинковская Т. Д. Переживание как механизм социализации и формирования идентичности в современном меняющемся мире // [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 3(5). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 22.04.2012г).
9. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. - 512 с.
10. Петровский В.А. Человек над ситуацией.- М.: Смысл, 2012. – 559 с.
11. Шамионов Р.М. Личность как субъект отношений и взаимоотношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2011. Т.11. Серия Философия. Психология. Педагогика. Вып.1. С.94 - 99. 120 с.
12. Шаров А.С. Онтология психологических механизмов рефлексии // Электронный научный журнал «Вестник Омского государственного педагогического университета», Выпуск 2006, www.omsk.edu (дата обращения: 20.05.2012)
13. Eckartsberg R. Maps of the Mind: The Cartography of Consciousness // The Metaphors of Consciousness. – New York-London: Plenum Press, 1981. – P.46.

Бюндюгова Т.В.,

Российский государственный социальный университет, филиал в г. Таганроге

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ЛИЧНОСТНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

Для того чтобы молодые специалисты были конкурентоспособными на современном кадровом рынке, возникает необходимость развивать личностные качества, позволяющие повысить их способность к самопрезентации, эффективной коммуникации, уверенности в своих силах и т.д.

Сначала рассмотрим понятие «конкурентоспособность». В представлениях различных авторов – это взаимная ответственность друг перед другом, честность перед собой и другими, порядочность,

ориентация на сотрудничество, взаимопомощь, признание другого, любовь к ближнему – это те качества, которые являются основой высокой профессиональной и гуманитарной культуры, без которых невозможна конкурентоспособность личности. Конкурентоспособность – это способность к самосовершенствованию и саморазвитию (Андреев, 1992).

Конкурентоспособность личности, как полагает В.И. Андреев, включает синтез таких качеств, как четкость целей и ценностных ориентации, трудолюбие, творческое отношение к делу, способность к риску, независимость, способность быть лидером, стремление к непрерывному саморазвитию, стрессоустойчивость, стремление к непрерывному профессиональному росту, к высокому качеству конечного продукта своего труда. «Конкурентоспособная личность – это личность, для которой характерно стремление и способность к высокому качеству и эффективности своей деятельности, а также к лидерству в условиях состязательности, соперничества и напряженной борьбы со своими конкурентами» (Андреев, 1992).

Понятие «конкурентоспособный специалист» включает личностные качества, среди которых одними из основных являются коммуникативная компетентность, способность к сотрудничеству. Профессиональная компетентность и личностные качества конкурентоспособного специалиста должны способствовать выпуску конкурентоспособной продукции, процветанию организации, высокому качеству жизнедеятельности самого работника. Конкурентоспособность специалиста – это способность к саморазвитию, самосовершенствованию, она может проявляться в индивидуальном стиле деятельности, ее индивидуальном почерке. Конкурентоспособность специалиста может предполагать совокупность дефицитных качеств, широко нераспространенных, отсюда можно сделать вывод, что конкурентоспособность есть феномен единичный (Емельянова, 2008).

Известно, что овладеть принципами саморазвития, самосовершенствования человек может лишь в общении с другими людьми. Самореализация в профессиональной деятельности, стремление к максимальной самоотдаче в ней, творческий, нестандартный подход к выполнению профессиональных задач, приводит к наиболее успешному развитию, личностному росту (Емельянова, 2008).

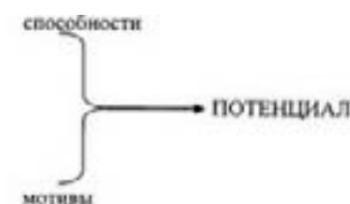
Ю.К. Чернова и В.В. Щипанов полагают, что личностный потенциал является основным фактором, определяющим конкурентоспособность специалиста. Личностный потенциал представляет собой – совокупность квалификационной подготовки, физиологических, психологических и социальных свойств человека как субъекта деятельности (Митина, 2002).

Д. Леонтьев, рассматривая личностный потенциал, связывает его с рядом психологических особенностей личности (Леонтьев, 2001):

- личностная автономия (Э. Деси, Р. Райан),
- осмысленность жизни (В. Франкл, Дж. Крамбо),
- жизнестойкость (С. Мадди),
- готовность к изменениям (Д. Леонтьев, Д. Сапронов),
- толерантность к неопределённости (Д. Мак-Лейн),
- ориентация на действие (Ю. Куль),
- особенности планирования деятельности (Е. Мандрикова),
- временная перспектива личности (Ж. Нюттен, Ф. Зимбардо).

По мнению ряда исследователей, личностный потенциал специалиста – это система свойств личности, составляющих основу его профессионально –личностного развития и обеспечивающих соответствующий уровень достижений в профессиональной подготовке и последующей деятельности.

По мнению исследователя К. Маркова, понятие «потенциал» как психологический феномен интегрирует мотивы и способности личности (Генисаретский, Носов, Юдин, 1999) (рис. 1).

Рис. 1. Потенциал как интегральное описание способностей и мотивов личности.

Личностно-профессиональный потенциал рассматривается как совокупность внутренних ресурсов человека, определяющих его профессиональные возможности. Основные направления для реализации потенциала:

- внешнее, направленное на биосферу, социум, техносферу и инфосферу;
- внутреннее, связанное с направленностью личности и имеющее иерархическую структуру, которая объединяет различные уровни потенциала и опирается на переход от саморегуляции к ценностно-смысловому самоуправлению личности.

Решающую роль в раскрытии потенциала играет сознательный выбор субъекта. Этот выбор и лежит в основе творения себя, самореализации. Лишь на высшем уровне человек становится субъектом развития себя.

Психологическая готовность к реализации потенциала – это системное явление, проявляющиеся в виде ситуативной или долговременной, устойчивой готовности, являющихся диалектическим единством психических состояний и свойств личности (Генисаретский, Носов, Юдин, 1999).

По мнению Л.М. Митиной, развитие конкурентоспособной личности – это развитие рефлексивной личности, способной организовывать, планировать свою деятельность и поведение в динамических ситуациях, обладающей новым стилем мышления, нетрадиционными подходами к решению проблем, адекватным реагированием в нестандартных ситуациях.

Таким образом, подводя итоги можно сказать, что конкурентоспособность личности есть превосходство одного субъекта над другим, предпочтение одного другому. Превосходство одного зачастую означает неуспешность для другого. Психологическим результатом такой ситуации может являться враждебная напряженность между людьми. Конкурентоспособность специалиста предполагает культуру качества профессиональной деятельности, основанную на высоком профессионализме, культуру взаимодействия (сотрудничество), что включает и культуру общения, культуру поведения. Также хотелось бы подчеркнуть, что она включает себя поведенческие особенности: самореализация в профессиональной деятельности; стремление к максимальной самоотдаче в ней, творческий, нестандартный подход к выполнению профессиональных задач и личностные качества: четкость целей, способность к риску, независимость, способность быть лидером, стремление к непрерывному саморазвитию, стрессоустойчивость. Теперь мы рассмотрим особенности поведения конкурентоспособной личности.

Мы подобрали методики, которые позволили определить эмпирическим путем параметры личностной конкурентоспособности, которые позволяют реализоваться в профессиональной деятельности: диагностика мотивационной структуры личности (В.Э. Мильман); экспресс-диагностика социальных ценностей личности; методика личностного дифференциала; экспресс-диагностика личностной конкурентоспособности; методика определения социальной креативности личности; методика диагностики интерактивной направленности личности (модификация Н.П. Фетискина); методика диагностики эмоционального потенциала личности; методика диагностики личностной креативности (Туник Е.Е.).

При обработке методики «Экспресс-диагностика личностной конкурентоспособности», все численные показатели разделились на две группы, со средними и низкими баллами.

Уровень личностной конкурентоспособности в обеих группах достаточно невысокий: практически все показатели на среднем уровне. В группе со средними баллами замечается незначительное повышение численных показателей. В группе со средними показателями общий балл составил 18,97, а в группе с низкими показателями 18,88.

В группе со средними показателями больше выражены ценности, которые, на наш взгляд, ориентируют студентов на планирование собственной карьеры: профессиональные, интеллектуальные и социальные ценности. В группе с низкими имеют значение ценности, связанные с достижением материального благополучия и занятием общественной деятельностью.

В группе со средними показателями самооценка и сила воли значительно выше, чем в низкой. Уровень активности в обеих группах примерно одинаковый, это может быть связано с психологическими особенностями студенческого возраста в целом. Студенты в группе со средними показателями лучше принимают и оценивают собственные действия и себя в целом. Они в меру критичны по отношению к себе, удовлетворены собственным поведением, достаточно уверены в себе и рассчитывают на собственные силы. В группе с низкими показателями уровень принятия и оценки себя ниже.

Испытуемые в группе со средними показателями лучше понимают свои собственные настроения, эмоции, чувства, легче с ними справляются. Им также проще распознать эмоциональные состояния других людей.

Личностная креативность, которая связана с проявлением воображения, стремлением решать сложные задачи, умением отстаивать свои идеи и точку зрения, а также с желанием постоянно узнавать новую информацию в обеих группах находятся на высоком уровне, но в группе со средними показателями, исходя из полученных результатов, выше.

Рассматривая специфику мотивационной сферы испытуемых, мы пришли к следующим выводам:

- мотивы, лежащие в основе поведения испытуемых разные: в группе со средними показателями идет ориентация на творческую активность, общение и социальную полезность собственной деятельности, а в низкой – на комфорт и жизнеобеспечение;

- уровень общей активности невысокий в обеих группах, но в группе с низкими показателями он меньше. В этой группе испытуемые также меньше ориентируются социальную полезность и общение.

В группе со средними показателями преобладает ориентация на личные цели, а в группе с низкими – на взаимодействие и сотрудничество. Таким образом, в группе с низкими показателями испытуемые, в первую очередь, учитывают собственные интересы, предпочитают индивидуальный стиль работы.

Обобщая выводы, полученные в ходе диагностики в группе с низкими и средними показателями, можно говорить о следующих закономерностях:

– результаты диагностики показывают, что противоречивых данных нет, у студентов сложилось некоторое непротиворечивое представление о себе, своих ценностных ориентациях, самооценке, эмоциональных и личностных особенностях;

– низкий уровень личностной конкурентоспособности говорит о необходимости развития уверенности в себе и профессиональных возможностях, а также о необходимости выработки единого общего плана построения карьеры и постановки целей;

– в обеих выборках испытуемых наблюдается достаточно высокий уровень общительности, активности и осознания своих эмоциональных особенностей.

Литература

1. Аверин В.А. Психология личности: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999.
2. Андреев В.И. Саморазвитие творческой конкурентоспособной личности менеджера: Казань: СКАМ, 1992.
3. Генисаретский О.И., Носов Н.А., Юдин Б.Г. Концепция человеческого потенциала: основные положения. Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода/под ред. И.Т.Фролова. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
4. Гулдинг М., Гулдинг Р. Психотерапия нового решения. Теория и практика. М.: Независимая фирма «Класс», 1997.
5. Емельянова А.А. Психология конкуренции и конкурентоспособности. М.: Изд.-во МГОУ, 2008.
6. Леонтьев Д.А. Личностная зрелость как опосредствование личностного роста // Культурно-историческая психология развития / под ред. И.А.Петуховой. М.: Смысл, 2001.
7. Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности: Тексты. М., 1982.
8. Митина Л.М. Психология развития конкурентоспособной личности. Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002.
9. Психология личности в трудах отечественных психологов / Сост. Куликов Л.В. СПб.: Изд. - во «Питер», 2000.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ БУДУЩЕМ И ИХ РОЛЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Развитие адаптационных способностей выпускников школы в процессе взаимодействия с образовательной средой» (грант №11-06-00716 а)

В условиях перехода к инновационному обществу становится актуальной проблема конкурентоспособности кадрового потенциала страны. Выявление особенностей профессионального самоопределения в процессе подготовки специалиста можно рассматривать как один из ключевых элементов успешной адаптации к будущей профессиональной деятельности.

Обращаясь к изучению проблемы самоопределения, анализируя данный процесс, исследователи подчеркивают его сложность и многоэтапность (Б.С. Братусь, П. Герстманн, М.Р. Гинзбург, Ю.П. Поваренков, М.М. Шибаева). Методологические основы психологического подхода к проблеме самоопределения были заложены С.Л. Рубинштейном, он рассматривал его в контексте проблемы детерминации, в свете выдвинутого им принципа — внешние причины действуют, преломляясь через внутренние условия. М.Р. Гинзбург отмечает, что в данном контексте самоопределение выступает как самодетерминация, в отличие от внешней детерминации; в понятии самоопределения, таким образом, выражается активная природа «внутренних условий», через которые преломляются внешние воздействия (Гинзбург, 1994).

Исследователи отмечают, что процесс профессионального самоопределения сложен и многогранен. Он включает в себя несколько этапов: формирование профессиональных предпочтений и выбор профессии, освоение профессии и профессиональная подготовка, профессиональная адаптация, профессиональная самореализация. Психологическое содержание процесса профессионального самоопределения включает несколько компонентов: самопознание, развитие профессионального самосознания (осознание наличия или отсутствия профессионально важных качеств, перспективы профессионального роста и т.д.), моделирование своего профессионального будущего и образа профессионального «Я», формирование системы ценностных ориентаций, поиск разнообразных возможностей и условий, в которых возможна успешная профессиональная самореализация (Микляева, 2003).

Представления о профессиональном будущем, на наш взгляд, также являются одним из ключевых компонентов профессионального самоопределения, в последствии оно оказывает существенное влияние на процесс профессиональной адаптации. От качества представлений о профессиональном будущем зависит то, насколько мы удовлетворены профессиональными перспективами, психологическое состояние в целом, уверенность в собственных силах, насколько интересна учеба, насколько готовы вкладывать свои силы в профессиональное становление.

Специфика адаптации к профессии психолога связана с тем, что она относится к профессиям типа «человек-человек». Психолог является субъектом помогающей деятельности, что предполагает активную личностную включенность в работу. Это накладывает отпечаток на процесс профессиональной адаптации, обуславливая наличие специфических факторов риска, которые могут затруднять конструктивную профессиональную деятельность. Исследования О.В. Богдановой показывают, что успешной профессиональной адаптации практического психолога препятствуют следующие факторы: недостаточная профессиональная подготовка; слабая мотивация к профессиональному росту; отсутствие или недостаточное развитие профессионально важных качеств. Учитывая, что ядром профессиональной адаптации является непрерывный процесс профессионального самоопределения, можно предположить, что в качестве психологических факторов, затрудняющих адаптацию психологов к собственной профессии, следует рассматривать конфликты профессионального самоопределения (Микляева, 2003). В рамках нашего исследования были выявлены особенности представления о профессиональном будущем и их роль в дальнейшем профессиональном самоопределении студентов-психологов.

Для решения исследовательской задачи в работе использовался модифицированный опросник

«Личностная профессиональная перспектива» (Н.С. Пряжников). Эмпирическую базу составили 51 студент четвертого и пятого курсов, обучающихся по специальности «Педагогика и психология» факультета «Педагогика начального и специального образования» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».

Студенты-психологи по-разному планируют своё профессиональное будущее, по результатам опроса были выявлены две группы:

- 1) предполагают в дальнейшем работать по своей профессии;
- 2) не собираются работать в сфере образования и хотят связать свою жизнь с другими сферами труда.

Адекватные представления о профессиональном будущем являются необходимым условием сознательного выбора трудовой деятельности с учетом интересов, желаний, возможностей и способностей. Чтобы выявить отличия в представлениях у студентов двух групп были использованы следующие элементы: цели деятельности, критерии успешности, программа действий, сферы деятельности.

Так, у студентов первой группы цель деятельности - помощь людям, критериями успешности является профессионализм, программа действий включает в себя ряд шагов: в настоящее время получить необходимые знания, в ближайшем будущем накопить опыт, в отдаленной перспективе заниматься частной практикой, возможны следующие сферы предполагаемой будущей профессиональной деятельности: аспирантура, работа по специальности, частное консультирование. Представления у студентов первой группы соответствуют реальности, также необходимо отметить совпадение предпочтений и представления, что говорит о зрелой субъектной позиции. Вероятно, что они лучше справятся с трудностями профессиональной адаптации, работая по выбранной специальности.

Студенты второй группы ставят перед собой цель открытие своего дела, для них также критериями успешности является профессионализм, программа действий иная: в настоящее время - закончить вуз, в ближайшем будущем - получить второе высшее образование, устроится на работу со стабильным достатком, карьерный рост; в отдаленной перспективе - открытие своего дела; сферы предполагаемой будущей профессиональной деятельности включают в себя работу в сфере экономики, а также частную практику. Таким образом, испытуемые второй группы ориентированы на сферы труда связанные с экономикой. Наиболее значимым для них является возможность обеспечения высокого материального уровня жизни. Неудовлетворенность выбранной профессией, отсутствие, по их мнению, перспектив в сфере образования и желание развивать свой бизнес, свое дело, могут свидетельствовать о том, что, возможно, студенты разочарованы в профессии педагог-психолог. Еще одной из вероятных причин является низкая субъектная позиция или отсутствие субъектной позиции, которая включает ряд свойств и способностей, выступая главным звеном социальной активности. Вероятно, при выборе будущей профессии студенты переложили ответственность на других людей, или же были подвержены влиянию каких-то внешних факторов, например, неполная информированность, СМИ и др. Ответы респондентов о том, что профессия педагог-психолог не перспективная, и нежелание работать в сфере образования, позволяют нам предположить, что существует ярко выраженное несоответствие в прошлом студента представлений/прошлых представлений студента о профессии, и существующей реалии. Это говорит о нежелании студента искать пути достижения приемлемого уровня престижа в рамках выбранной специальности, и ему выгоднее получить новую, дополнительную специальность, например студенты, могут поступить в какой-нибудь вуз для получения второй специальности, пройти различные курсы, связанные с коммерцией, устроиться на работу в частные фирмы и т.д.

Ученые, изучающие профессиональное самоопределение, отмечают, что это длительный, многоплановый и динамичный процесс. На каждом этапе возникают определенные трудности. Так, выпускники школ зачастую не готовы к построению собственной профессиональной траектории, лишённой слепого копирования, подражания готовым стереотипам, которые не всегда эффективны в меняющихся условиях российской действительности. Профессиональное самоопределение не завершается выбором профессии, а только начинается в этот момент. Студенты могут разочароваться в своем выборе, осознав свою профессиональную непригодность или же поменять свое решение под влиянием жизненных обстоятельств. Профессиональное самоопределение

выпускников, работающих по специальности педагог-психолог, также протекает неоднозначно (как отмечают исследователи, это связано с несформированной профессиональной идентичностью, неконструктивной профессиональной мотивацией и неудовлетворенностью теми или иными компонентами профессиональной среды) и существенно осложняет профессиональную адаптацию. Таким образом, проблема профессионального самоопределения, является одной из актуальных и важность её разрешения необходима для успешной профессиональной самореализации и самоактуализации выпускников образовательных учреждений.

Литература

1. Гинзбург М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопр. психологии. - 1994. - №3. - С. 43-52.
2. Микляева А.В., Румянцева П.В., Тужикова Е.С., Тупицына И.А. Психологическое сопровождение профессиональной деятельности начинающих психологов. Методическое пособие. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. - 67 с.

Василенко А.Ю.,

Дальневосточный федеральный университет, Уссурийск

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ «ЭГОИСТОВ» И «АЛЬТРУИСТОВ»

Ориентируясь на идеи экзистенциально-гуманистического подхода (Р. Ассаджиоли, А. Маслоу, Р. Мэй, К. Роджерс) самоопределение и самореализацию субъекта необходимо рассматривать в контексте более емкого феномена самоактуализации личности. Феноменологический подход позволяет увидеть всю сложность, уникальность и многогранность этих феноменов, несомненно, относящихся к тенденциям личностного роста.

Самоопределение и самореализацию можно отнести к универсальным критериям самоактуализации равно как трансцендентность, позитивную экзистенциальную позицию, просоциальную направленность, интенциональность, социальную интегрированность, индивидуализацию личности. Существуют также вариативные критерии, характерные для самоактуализации различных типов личности. Например, для самоактуализации «альтруистов» более характерны интерперсональные критерии, а для «эгоистов» - интраперсональные самоактуализации. Однако и те и другие имеют равные возможности самоактуализации, так как статистических отличий в уровне самоактуализации «альтруистов» и «эгоистов» в результате эмпирического исследования не обнаружено (Василенко, 2008).

Самоопределение входит в систему таких фундаментальных критериев самоактуализации личности, как позитивная экзистенциальная позиция и увлечённость профессией, наполненность жизни смыслом. О.У. Гогицаева указывает на значимость жизненных ценностей и ценностных ориентаций личности как «неотъемлемых элементов, формирующих образ жизни, бытие человека» (Горицаева, 2012). Теоретический анализ и эмпирическое исследование (Василенко, 2011) указывают на значимость для самоактуализации социальной интегрированности личности в сочетании с её индивидуализацией. Данные факторы шире и многограннее, чем альтруизм и самоопределение. Более того, для самоактуализации характерно бесконечное усложнение структуры интегральных характеристик личности.

Так, просоциальная направленность личности включает в себя альтруизм и стремление к нравственному, а также к личностному и профессиональному самоопределению и самосовершенствованию (Ильин, 2001). Социальная интегрированность личности предполагает сочетание процесса творческой самореализации субъекта и развитие, а также углубление его социального интереса. Одной из вершин самоопределения в контексте самоактуализации можно считать индивидуализацию личности, так как она предполагает сочетание социальной интегрированности, самооценности и конгруэнтности, а также самопознание, автономность, аутоэмпатию, растождествление личности с её социальными масками и отдельно взятыми качествами, осознание духовного центра (Ассаджиоли, 2002).

Самореализация в контексте самоактуализации предполагает не только самоосуществление, но и трансцендентность с расширением системы смыслов личности и личностным ростом, который включает в себя системы интра- и интерперсональных критериев. Рассматривая самоактуализацию личности как сложный феномен, необходимо исследовать вариативность её тенденций, их нелинейность, обратимость процессов, системность и непрерывность изменений, многогранность факторов и условий.

Вариативность тенденций просматривается на примере самоактуализации «альтруистов» и «эгоистов». Для «альтруистов» актуальны интерперсональные тенденции, а для «эгоистов» - интраперсональные, при этом, те и другие имеют статистически равные возможности самоактуализации, но очевидные качественные её отличия. «Альтруисты» имеют более широкую систему позитивных представлений о людях, социально более интегрированы, достоверно чаще имеют ценностное отношение к людям, а «эгоисты» автономны и центрированы. Самоактуализация «альтруистов» нуждается в развитии аутоэмпатии и заботы о себе, для «эгоистов» принципиально важна контактность и творческая направленность (Василенко, 2011).

Нелинейность тенденций личностно-профессионального самоопределения молодых учителей прослеживалась на примере формирующего эксперимента. Доказана неизбежность индивидуализации работы с тенденциями самоопределения и самоактуализации каждого респондента «штучно» с учётом его экзистенциальной позиции, системы ценностей и смыслов. Реальная практика подтверждает необходимость учитывать как актуальные возможности, так и потенциальные ресурсы отдельного субъекта с учётом направленности его личности, актуальных и потенциальных ресурсов интра- и интерперсональных направлений личностного роста, гибкости, уровня активности и инициативности, интернальности и личностно-профессиональной рефлексии (Василенко, 2008).

Самоопределение и самореализация как сложные феномены отличаются обратимостью тенденций и непрерывностью, характерными также для самоосуществления, самопознания, интеграции, смыслотворчества и жизнотворчества «здоровой» личности в процессе самоактуализации. Многогранность и системность личностного роста в процессе самоактуализации объясняется разнообразием интра- и интерперсональных критериев и их сочетания у множества типов личностей и отдельных субъектов внутри каждого из типов. Эмпирическое исследование уникальных исключений доказало наличие парадоксальных, на первый взгляд, сочетаний, которые становятся понятными при феноменологическом анализе отдельных случаев в контексте всей системы актуальных и потенциальных факторов самоактуализации, а также социальной и жизненной ситуации субъекта (Василенко, 2008).

Самоопределение личности находится на пересечении множества мотивационных комплексов, ценностей, смыслов, метапотребностей личности, из которых складывается целостная концепция жизни, нравственная позиция субъекта и его интенциональность как вектор развития и самореализации. Дж. Бьюдженталь прямо указывает на необходимость самоопределения и мобилизации заботы субъекта об осуществлении интенций собственной личности на пути к личностному здоровью и благополучию. Самоосуществление предполагает реализацию системы собственных смыслов без «предметизации» личности «узкими» смыслами, жертвенности или отчуждённости. Конгруэнтность личности считается одним из наиболее сложных для достижения состояний, которые необходимы для гармоничной и позитивной экзистенциальной позиции, требуется совмещение интра- и интерперсональных тенденций личностного роста, баланс между социальной интегрированностью и индивидуализацией личности, заботой о себе и о других людях, осуществление необходимого и личностно важного. Самореализация предполагает особое состояние воодушевлённости (Дж. Бьюдженталь), «лёгкости без усилия» (Б.Ш. Раджниш), спонтанности (А. Маслоу). Ориентированность изнутри и «свобода для» в отличие от «свободы от» проявляется в самодостаточности субъекта, осмысленности его деятельности, чётком видении цели и смысла собственных действий, интернальности, рефлексивности, самооткровенности, аутентичности, аутоэмпатии и самопонимания. Самоопределяясь, субъект не только реализует собственные смыслы, он переходит к смыслотворчеству и трансцендирует за пределы актуальных смыслов деятельности, своих возможностей и социальных ожиданий. Постепенно развивается индивидуализация личности и деятельности, которая выходит за пределы самоопределения и самореализации и является интегрирующим фактором личностно-профессиональной самоактуализации. В социально

В настоящее время в системе высших военных учебных заведений МО РФ всё больше внимания уделяется проблеме обеспечения процесса подготовки квалифицированных кадров, которая направлена преимущественно на профессионально-личностное развитие будущих офицеров.

Следует отметить, что проблема личности будущего офицера занимает одно из ведущих мест как в фундаментальной, так и в практической психологии. Это объясняется, во-первых, необходимостью активизации человеческого фактора в интересах успешного решения задач по подготовке высококвалифицированных офицерских кадров. А человеческий фактор представляет собой совокупность психологических свойств и качеств личности, проявляющихся в учебной деятельности курсанта и оказывающих влияние на её эффективность. Во-вторых, чтобы осуществить решительный поворот от массового, валового подхода к обучению и воспитанию курсантов к подходу индивидуальному, к развитию творческих способностей обучаемых, командирам и преподавателям военно-учебных заведений следует систематически изучать и учитывать в своей педагогической деятельности психологические особенности каждого курсанта.

Следует отметить, что современные курсанты – это, прежде всего, молодые люди в возрасте 17-25 лет. В классификациях периодов жизни человека этот возраст определяется как поздняя юность или ранняя зрелость. Отсутствие единого термина уже говорит о сложности, неоднозначности психологических характеристик этого периода жизни. Очень важно иметь в виду, что человек непрерывно эволюционирует как единое целое, так что ни одну сторону его жизни нельзя понять в отрыве от других сторон. Возраст 17-25 лет характеризуется наивысшим уровнем таких показателей, как мышечная сила, быстрота реакций, моторная ловкость, скоростная выносливость и др. Как принято говорить, это возраст физического совершенства человека. Большинство спортивных рекордов установлено именно в этом возрасте (Зимняя, 1999). Но, несмотря на наличие ресурсов физического и психологического развития, молодые люди часто сталкиваются с проблемами личностного самоопределения. В самом широком смысле, личностное самоопределение – понимание самого себя, своих возможностей и стремлений, понимание своего места в человеческом обществе и своего назначения в жизни. Курсанты на начальных этапах обучения сталкиваются с профессиональным самоопределением, которым сопровождается выбор профессии. Таким образом, занимая определенную позицию, предвосхищая своё будущее, осознавая свои реальные достижения и недостатки, курсанты стремятся к самосовершенствованию посредством собственной деятельности, общения с другими людьми. Они выступают как субъекты собственного развития, у них возникает потребность в самосовершенствовании. Саморазвитие обусловлено осознанием несоответствия «Я-идеального» и «Я-реального», борьбой мотивов, преодолением собственных недостатков. Суть процесса самоопределения и состоит в актах выявления и утверждения индивидуальной позиции в проблемных ситуациях, когда перед юношей встаёт необходимость альтернативного выбора и принятия решения. Результат успешного самоопределения – выход личности на цели, направления и способы активности, адекватные его индивидуальным особенностям, и на формирование духовной самооценности.

Следует учитывать, что курсанты – это ещё и особая социальная категория, специфическая общность людей, организационно объединённых институтом высшего военного образования. Они являются учащимися и военнослужащими одновременно. Военная служба – вид государственной службы, состоящий в исполнении гражданами воинских обязанностей в составе частей и учреждений Вооружённых сил.

Одной из важнейших сторон процесса подготовки специалистов выступает психологическая работа с курсантами военных вузов, направленная на обеспечение их психологического сопровождения на протяжении всего периода обучения, в ходе которого решается ряд конкретных задач: оказание курсантам I курса квалифицированной психологической помощи в адаптации к условиям обучения в военном вузе; оказание психологической помощи курсантам в решении личностных проблем, а также проблем в сфере межличностных отношений; оценка социально-психологического климата в учебных коллективах, проведение социометрических исследований в подразделениях, изучение неформальной структуры учебных групп, изучение формального и неформального лидерства; проведение развивающих занятий, тренингов, разработка практических рекомендаций для офицерского состава вуза; изучение индивидуально-психологических особенностей курсантов и обеспечение учёта этих особенностей в ходе учебного процесса; индивидуальная работа с курсантами.

В соответствии с вышеперечисленными задачами, основными направлениями в работе психологов военного вуза целесообразно считать: диагностическую деятельность; профилактическую деятельность; научно-методическую деятельность; коррекционно-развивающую деятельность; консультативную деятельность.

Следует отметить, что консультирование проводится на анонимной и добровольной основе, с гарантией сохранения конфиденциальности информации. Кроме того, психолог несёт ответственность за доступ к информации.

В высших военных учебных заведениях психологическое консультирование может использоваться как средство воздействия на процесс личностно-профессионального развития курсантов, в который включается и личностное самоопределение. При этом необходимо учитывать, что в образовательном процессе на курсантов действуют факторы, нередко вызывающие негативные переживания, деструктивное поведение и т.п. Наиболее распространённая проблема, с которой юноши обращаются к психологу, – внутриличностный конфликт. В итоге у обучающихся в высших образовательных учреждениях МО России наблюдается достаточно высокий уровень внутриличностной конфликтности, проявляющийся во внутриличностных конфликтах профессионального становления, дезадаптации личности, снижении активности в обучении и профессиональном самосовершенствовании. В данном случае наиболее эффективным является такое направление профессиональной деятельности психолога как психологическое консультирование.

В последние годы понятие «психологическое консультирование» становится одним из ключевых понятий при поиске новых средств совершенствования учебной и воспитательной работы в военных вузах России.

Таким образом, обстоятельства требуют от будущих офицеров не только проявления профессиональных знаний, умений, навыков, но и хорошо сформированных морально-психологических качеств. Поэтому целенаправленная и систематическая консультативная деятельность психологов военных образовательных учреждений приобретает повышенную значимость, т.к. позволяет наиболее полно учитывать личностные и индивидуально-психологические особенности каждого курсанта.

Таким образом, общество предъявляет всё более высокие требования к профессиональной подготовке офицеров. Очевидно, что данную проблему необходимо решать комплексно, причём начинать необходимо с курсантов, т.е. предпринимать меры по обеспечению их эффективной подготовки.

Большинство военных вузов имеет специально оборудованный кабинет (психологическую лабораторию), который служит целям не только первичного отбора, но и дальнейшего психологического сопровождения курсантов. В психологическую лабораторию курсанты приходят как по собственной инициативе, так и по направлению командиров или приглашению специалиста-психолога. Вся деятельность психологической службы отражается в ведомостях и других официальных документах.

Следует отметить, что недостаточное внимание руководителей к индивидуально-психологическим особенностям курсантов приводит к тому, что они вынуждены самостоятельно преодолевать возникающие проблемы. В связи с этим возникает необходимость оказания курсантам квалифицированной психологической помощи, поэтому на современном этапе модернизации образовательных систем возникает необходимость изучать проблемы психологического сопровождения курсантов и совершенствовать данный процесс в соответствии с социальными требованиями.

Литература

1. Зимняя И.А. Педагогическая психология. Учебник для вузов. М.: Издательская корпорация «Логос», 1999. 384 с.
2. Коровин В.М. Организация учебной и методической работы в высшем военно-учебном заведении. М.: МО РФ, 2002. 160 с.
3. Курчменый П.А., Харитонов А.Н., Акулич А.Л. и др. Психологическая психотерапия в условиях воинской деятельности: Учебник для слушателей и курсантов высш. воен.-учеб. Заведений. М.: ВУ, 2001. 324 с.

система ценностей и смыслов, которая задает вектор внутренней активности личности, определяя тем самым и направление самореализации. Жизненная стратегия характеризует собственно способ жизни личности, будучи непосредственно связанной с основными жизненными ценностями, смыслами, целями. Стратегия самореализации встраивается в контекст общей стратегии жизни личности и детерминирована ею.

Согласно традициям отечественной психологии, стратегия самореализации личности определяется как основанный на смысло-жизненных и ценностных ориентациях личности, её планах и прогнозах самоосуществления способ сознательного управления процессом самореализации. Каждую личность характеризует индивидуальная система стратегий самореализации, которая представляет собой совокупность избираемых ею иерархически организованных и взаимосвязанных друг с другом стратегий самореализации. Стратегия самореализации может рассматриваться как интегральное образование, функционирующее на мотивационном уровне, определяющем характер целей, ценностно-смысловую специфику стратегии самореализации, и операциональном уровне, характеризующем конкретные способы самореализации личности.

Раскрывается роль ценностных ориентаций и личностных смыслов как важнейших компонентов, определяющих направленность деятельности, регулирующих поведение и способы самореализации личности. Ценностно-смысловые ориентации придают смысл и направление деятельности человека, оказывают влияние на направленность и содержание социальной активности личности и определяют её центральную позицию по отношению к себе и к окружающему миру. Особое внимание уделяется рассмотрению ценностно-смысловых ориентаций в контексте самореализации в исследованиях, выполненных в русле гуманистической психологии; в них отмечается дихотомия базовых фундаментальных ценностей, определяющих вектор самоотношения, саморазвития, самореализации личности. характеризуют осмысленность своего Я, жизненной позиции, целей, ценностей, креативность самореализации, широкий диапазон возможностей реализации собственного потенциала в жизни.

Самореализации – это стратегия достижения целей самоосуществления личности в социуме, детерминированная внутренними доминантами развития. Она предполагает приложение внутренних усилий для достижения внутренней гармонии. Данная стратегия самореализации личности обусловлена общей жизненной ориентацией бытия с преобладанием экзистенциальных ценностей (личностного роста, духовного развития, здоровья, любви и привязанности, служения обществу) и требует ориентированности на свою внутреннюю позицию, представления о себе как об активном субъекте своей жизни.

Удовлетворённость личности осуществлением своего потенциала предполагает рефлексию, принятие собственной индивидуальности, принятие других. Совокупность данных факторов определяет истинность самореализации, соответствие желаемого и реализуемого. Истинно самореализующаяся личность характеризуется целостностью восприятия мира, преодолением полярности и фрагментарности.

Продуктивность в рамках прогрессивной стратегии проявляется как экзистенциальный интерес и как порождение индивидуальных смыслов. Развитие индивидуальности является конечной целью стратегии самореализации личности.

Самореализация является одной из важнейших характеристик и результатом развития зрелой личности и предполагает осознание своей ценности, наличие целей деятельности и планов её осуществления, учитывающих собственную уникальность личности и необходимость полного раскрытия её потенциала.

Каждую личность характеризует индивидуальная система стратегий самореализации, которая представляет собой совокупность избираемых ею стратегий самореализации, иерархически организованных и взаимосвязанных друг с другом. Стратегия самореализации личности определяется как основанный на смысло-жизненных и ценностных ориентациях личности, её планах и прогнозах самоосуществления способ сознательного управления процессом самореализации. Индивидуальная система стратегий самореализации личности характеризуется индивидуальным сочетанием стратегий самореализации двух уровней: базовых, определяющих ценностно-смысловые основы самореализации (мотивационный компонент), и частных стратегий, характеризующих способы их воплощения (операциональный компонент).

Самореализации – это внутренне детерминированная стратегия достижения и самоосуществления

личности в социуме. Характерными особенностями стратегии самореализации являются целостное, гармоничное восприятие мира и себя в нём; процессуальность, непрерывность самореализации, широта диапазона сфер самореализации, высокая степень рефлексии, спонтанное, адекватное собственному потенциалу самовыражение. Стратегия самореализации ориентирована на саморазвитие. Саморазвитие личности детерминировано ценностями развития себя, сохранения собственной индивидуальности, духовного удовлетворения; способы самореализации характеризуются динамичностью, результативностью, доминантностью, независимостью, риском в достижении поставленных целей. Принципиальную важность приобретает формирование и сохранение собственного стиля жизни, собственных убеждений. Приоритетными в самореализации являются сфера обучения, образования и сфера увлечений с выраженными доминантами ценностей саморазвития, осуществления собственной индивидуальности. Принципиальную значимость имеет ориентированность в самореализации на групповое, общественное одобрение. Частные способы самореализации, предполагают позиционирование собственной точки зрения, соответствующую постановку целей и активное их достижение через преодоление социальных или личностных трудностей, сопротивления ради востребованного и поощряемого созидания, обновления, развития.

Способы самореализации характеризуются демонстративностью, соответствием социально одобряемым образцам, структурированием деятельности в соответствии с несущим выгоду результатом. Самореализация по социально заданным образцам (социально одобряемая работа, позиционно-ролевая структура в семье) предоставляет максимальные возможности реализовать доминантность, собственную значимость, авторитетность. Особенностью является социальное соответствие стандартам независимой мужественности.

Стратегия самореализации приобретает характер жизнестроительства. Это предполагает независимость в выборе, гармоничность развития собственной индивидуальности, открытость новому опыту. Способы самореализации предусматривают творческую преобразовательную активность, прогностичность в достижении целей. Спецификой самореализации выступает стремление к полному осуществлению личностью себя в мире и для мира и трансляция социуму собственной системы ценностей и смыслов. Широкий диапазон жизненных сфер с активной стратегией самореализации говорит о значимости факта многообразия в реализации своих способностей, возможностей, желаний. В самореализации фигурирует постановка дальних целей. Стратегия созидания, творческого преобразования жизни, для которой внешние ограничения не существенны. Это предполагает внешнюю детерминированность самореализации личности и характеризуется демонстративностью, направленностью на субъективно выгодный результат.

Выбор способов самореализации определяют социальные стандарты успешности личности. Общественная сфера жизни позволяет обозначить собственную позицию, продемонстрировать её значимость. Сфера семейной жизни даёт возможность вносить в организацию семьи изменения, новое, выстраивать свою семейную жизнь таким образом, чтобы обеспечить ей признание со стороны окружающих. Отличительной чертой выступает высокая личная заинтересованность во мнении окружающих о себе, своей семье, а также демонстративность, экстремальность в самопрезентации, не выходящей за рамки нормативности. Движущей силой в самореализации выступает реализация собственного потенциала как стремление к признанию своей уникальности социумом и направленность самореализации на субъективно выгодный результат с помощью целенаправленного, осознаваемого приспособления к внешним факторам современного мира.

Литература

1. Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. – СПб. : Алетей, 2008. – 304с.
2. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания. – СПб. : Питер, 2002. – 272 с. – (Серия «Мастера психологии»).
3. Бодалёв А.А., Рудкевич Л. А Как становятся великими или выдающимися? – М. : Изд-во Института Психотерапии, 2005. – 287 с.
4. Коростылева Л. А. Психология самореализации личности : затруднения в профессиональной сфере. - СПб. : Речь, 2009. – 222 с.
5. Хухлаева О. В. Психология развития: молодость, зрелость, старость. – М.: Академия, 2002. – 208 с.

смысле. Свобода – это неперенное условие творчества как созидания принципиальной новизны (Аксиологическая функция..., 2004).

Ведь базовым свойством человеческой природы является ее способность познавать саму себя и объекты, отличные от нее. Если организм наделен подобным знанием, он неизбежно отделяется от природы и других организмов. Положительной стороной такого отделения является свобода, а отрицательной – отчуждение. Именно свобода и независимость, проистекающие из человеческой природы личности, могут привести человека к величайшим вершинам творческих достижений. Именно страх одиночества и изоляции, с которыми связано действие в соответствии с человеческой природой, часто приводят человека к отказу от получаемого при рождении права на свободу.

Человек в принципе не может существовать так, как если бы его природа целиком была животной, но он может к этому приблизиться, избегая свободы, которую можно было приобрести, энергично действуя в соответствии со своей человеческой природой. Но такое избегание – это не прямое действие в соответствии с животной природой, и поэтому оно не может приносить такое же удовлетворение, как простая жизнь животных, и, конечно, гораздо хуже яркого проявления человечности. Бегство от свободы – это то, что на социальном уровне составляет конформность, а на индивидуальном уровне образует то, что Олпорт называл реактивным поведением. Это защитный образ жизни (Мадди, 2002).

Внутренняя свобода – это «необходимость личности быть свободной, это качество самоактуализированной личности, без которого она не может ощущать себя состоявшейся как личность» (Аксиологическая функция..., 2004). А. Маслоу в разработанной им иерархии потребностей отвел потребности самоактуализации высшее место над всеми другими потребностями человека, выше физиологических потребностей и потребностей социальных. Самоактуализация – это стремление человека стать тем, кем он хочет и может.

Свобода – сущность динамическая, поскольку она постоянно подвергается воздействию определенного социально-экономического строя, этнического и культурного компонентов, исторического и временного континуумов, причем воздействие это распространяется как на внешнюю, так и на внутреннюю свободу, на которую, кроме того, имеют влияние личностные характеристики субъекта. Свобода является как объективно, так и субъективно ограниченной необходимостью и ответственностью.

Подлинная свобода личности заключается не просто в принятии ею факта сосуществования свободы с необходимостью, но способностью подняться над последней, осознать, что свобода и необходимость локализованы в разных измерениях человеческого бытия.

Взаимосвязь свободы и необходимости блестяще отражена в трудах В.Ф. Сержантова. Он полагает, что свобода, имея в виду свободу воли, – есть постоянное разрешение противоречия в жизни индивида, которая с одной стороны – реализация внутренних потенций, выражающих природу человека, а с другой стороны, – этот процесс осуществляется всегда во внешнем объективном мире, прежде всего в той или иной социальной системе, системная организация которой предъявляет определенные требования к индивиду, при несоблюдении которых будет иметь место как нарушение хода функционирования социальной системы, так и деформация жизнедеятельности и развития индивида. Это противоречие свободы воли дано как противоречивое единство свободы и ответственности.

Свобода, по утверждению В.Ф. Сержантова, есть реализация природы человека, заключенной в его потребностях, и направлена она на какие-то цели, которые человек сам ставит себе. Эти цели могут относиться к каждодневной жизни, к текущим делам и проявлениям жизнедеятельности, или быть далекими, перспективными целями. Поэтому можно говорить о свободе жизни и свободе развития. Это два уровня свободы, и они имеют социальную обусловленность.

Из этого следует, что свобода воли осуществляется как свобода выбора в процессе принятия человеком решений о своих собственных поступках, при этом свобода – явление противоречивое, существующая в рамках единства свободы и ответственности. Если свобода, как полагает В.Ф. Сержантов, есть выражение природы человека как существа, наделенного определенными функциями, осуществляющимися у каждого индивида как его жизненные потребности, то ответственность есть нечто противоположное, противоположенное, но что не может существовать в силу объективных условий бытия человека. Что такое ответственность? Это учет того факта, что человек живет в обществе и что он в своих решениях, предваряющих акты выбора, должен иметь в

виду требования общества, условия и законы его развития (Сержантов, 1990, с. 301).

Об этом же говорит Г.В. Субач в отношении необходимости, утверждая, что «необходимость – это детерминированность поведения внешней средой, биологическими и психофизиологическими характеристиками человека, а свобода принадлежит высшему духовному измерению» (Аксиологическая функция..., 2004).

Следует заметить, что человек также является ответственным и перед самим собой. То есть, принимая те или иные акты решения, совершая выбор, человек ответственен перед собственным «Я». Его мера ответственности в таком случае есть его способность не отклониться от своей личностной линии поведения, способность не предать себя, но сохранить свое «Я».

Ответственность, по справедливому замечанию К.А. Абульхановой-Славской, выступает как способность личности к организации жизни в соответствии с принципами духовности, человечности, которая предполагает и усилия, мужество самой личности, и способ реализации этичности в реалиях жизни (Абульханова, Березина, 2001). Одни люди берут на себя ответственность за задачи одного масштаба – за задачи, связанные с близкими людьми, другие способны бороться за улучшение жизни многих людей, третьи – только за свою собственную жизнь. Ответственность носит субъектный характер, который проявляется в том, что она, по сути, глубоко личностна, добровольна. Как это ни покажется парадоксальным, но именно ответственность по самому большому счету дает личности чувство свободы от давления этого общества и его контроля. С «ответственностью как особой позицией субъекта» С. Л. Рубинштейн связывал серьезное отношение к жизни (Рубинштейн, 1973).

То есть, смысл жизни личности может заключаться не только и не столько в самоактуализации личности, сколько в принятии ею ответственности за реализацию общепринятых и признанных норм и ценностей в своей собственной ежедневной действительности. Этот тезис подразумевает, что человек при принятии решения о совершении какого-либо поступка либо при совершении его прежде всего соотносит собственные цели и методы их достижения с общепринятыми ценностями, принимая на себя ответственность за них.

По мнению В. Франкла человек в принципе свободен подняться над собой, выйти за свои пределы благодаря тому, что он волен формировать собственные ценности и смыслы, определяющие его жизнь, поведение (Франкл, 1990). Человек свободен потому, что обладает способностью самодетерминации своих поступков. Причем человек свободен найти и реализовать смысл своей жизни, даже в случае значительной ограниченности его свободы внешними факторами.

Свобода, следовательно, является важнейшей движущей силой самореализации человека в рамках его жизненного пути.

Литература

1. Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. – СПб.: Алетейя, 2001.
2. Аксиологическая функция философии. Учебное пособие / Под ред. А.М. Арзамасцева – Магнитогорск: МГТУ, 2004.
3. Проблема человека в современной философии. М.: Наука, 1969
4. Мадди С. Теории личности, 2002.
5. Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1973.
6. Сержантов В.Ф. Человек, его природа и смысл бытия. – Л.: Издательство Ленинградского университета. 1990.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

при осуществлении любой другой жизнедеятельности, использование рациональных психотехник становления смысложизненных индивидуальных ценностей личности требует соблюдения системного подхода к обучению в университете таким образом, чтобы все элементы обучения были органически связаны между собой. Это существенно повышает эффективность становления ценностей студента в процессе развития его личности в университетском пространстве.

Литература

1. Гальперин П.Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 1985. – 45 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Сочинения – М.-Л., 1935. – Т. 8. – С. 8-132.
3. Гуссерль Э. Философия, как строгая наука. – М.: Логос, 1911, кн. 1.
4. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). – М., 1992. – 16 с.
5. Романюк Л. Ціннісні орієнтації студентів: сутність, структура і психологічні механізми розвитку. – Кам'янець-Подільський: Абетка-НОВА, 2004. – 188 с.
6. Романюк Л. Методологічні установки і ціннісні орієнтації в технології навчання і виховання студентів // Сучасні інформаційні технології та інноваційні методики навчання в підготовці фахівців: методологія, теорія, досвід, проблеми // Зб. наук. пр. / Редкол.: І.А.Зязюн (голова) та ін. – Київ-Вінниця: ДОВ Вінниця, 2004. – Випуск 5. – С. 610-619.
7. Crambaugh J.S. The Seeking of Noetic Goal Test (SONG): a complementary scale to the Purpose in Life Test (PIL) // J. of Clinical Psychology. - 1977. - vol. 33. - №3. – P. 900-907.
8. Rokeach M. Beliefs, Attitudes and Values. – San Francisco: Josey-Bass Co, 1972. – 214 p.
9. Rokeach M. The nature of human values. - New York : Free Press, 1973.

Рыбчак С.В.,

ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси», Минск, Беларусь

СОЦИАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ

В условиях системной трансформации современного белорусского общества, оказывающей мощное влияние не только на макросоциальные процессы во всех сферах общественной жизни, но и на индивидуальные судьбы людей, на их ценностные ориентации и нормы поведения, большую актуальность приобретает исследование жизненного самоопределения молодежи. Такое самоопределение является одной из основных форм включения юношества в социальную структуру общества. Оно детерминируется, во-первых, воздействием внешних экономических, социальных, политических, социокультурных факторов, а, во-вторых, индивидуальным опытом и мотивацией жизнедеятельности молодого человека. Вследствие этого оно является, с одной стороны, результатом взаимоперекрещивающегося влияния жизненной среды, в которой формируется и действует молодое поколение, а с другой, – динамично изменяющейся траектории социального, общественно-политического, социокультурного, мировоззренческого и межличностного самоопределения юношей и девушек в условиях становления социально ориентированной рыночной экономики.

В жизненном самоопределении молодежи очень важную роль выполняет понимание юношами и девушками сущности и содержания жизненного успеха. В определении такого успеха каждым молодым человеком приоритетную значимость имеет иерархическая структура его ценностных ориентаций и степень реализации каждой из них в его реальной повседневной жизнедеятельности.

Своеобразие структуры ценностных ориентаций того или иного человека отражается, во-первых, на его жизненных планах, во-вторых, в тесно связанном с этим индивидуальным пониманием жизненного успеха.

Проведенное социологическое исследование позволяет утверждать, что социальное самоопределение студенчества можно выявить на основе выбора респондентами одного из нескольких возможных представлений о жизненном успехе. При этом значимость того или иного способа самоопределения может быть ранжирована по степени привлекательности того или иного идеала, исходя из целого ряда привходящих обстоятельств – влияния семьи, ближайшего социального окружения, социально-экономической и политической ситуации в стране, влияния учебно-воспитательного процесса в вузе, средств массовой информации и т.п. Под воздействием всех этих социальных переменных у студента формируется конкретная шкала социальных

предпочтений, характеризующая притягательность определенной жизненной стратегии для того или иного индивида или социальной группы.

Анализ и обобщение эмпирических данных, полученных в результате проведенного социологического исследования, дают возможность для вывода, согласно которому в самом ядре ценностных ориентаций студенчества, а следовательно, и в центре его самоопределения находятся любовь, семья, дети. Именно эта триада является самой привлекательной в жизненном самоопределении трех четвертей (74,9%) общего массива опрошенных минских студентов.

Важным показателем реального понимания студенчеством жизненного успеха является представление о самореализации, т.е. о реализации своих способностей. Эта ценностная ориентация свойственна почти двум третям (62,8%) опрошенных студентов. Наиболее отчетливо она выражена у девушек, среди которых руководствуются ею 66% респондентов, несколько менее (на 10 пунктов) у юношей, среди которых соблюдают приверженность ей 55,9% респондентов. Для дифференциации этих позиций учеба на младших и старших курсах большого значения не имеет: среди первокурсников она выражена отчетливо у 63,4%, а среди пятикурсников – у 69,6% опрошенных.

Столь высокий уровень выраженности ценностной ориентации на самореализацию в студенческой среде опровергает досужие рассуждения некоторых публицистов, а также философов и социологов старшего поколения о преимущественно материальной направленности жизненных стратегий современной молодежи. Он свидетельствует о целенаправленном стремлении значительной части студенчества занять достойное место в жизни современного общества не «за плечами» удачливых родителей и преуспевающих дельцов, а посредством собственных творческих усилий, глубокого усвоения знаний, эффективного овладения избранной профессией и качественной трудовой деятельностью. И в этом своем стремлении, как свидетельствуют результаты сравнительного социологического исследования, осуществленного в 2011 году, минские студенты практически не отличаются от студентов германских университетов. Так, в частности, среди мотивов получения высшего образования возможность реализации своих способностей назвали 14,6% немецких студентов и почти столько же – 14,1% – белорусских студентов. Практически совпадает в суждениях немецких и белорусских студентов оценка значимости высшего образования для развития и саморазвития личности. В Германии такие суждения высказывают 81,9% опрошенных студентов, в Беларуси – 84,6%.

Одним из важнейших факторов жизненного успеха многие минские студенты считают свободу и независимость личности. Такое мнение высказывают 41% опрошенных студентов (593 человека из 1445). Чаще всего это мнение разделяют будущие филологи (44,6%), специалисты в области культуры и искусства (43,2%), а также в сфере естественнонаучных знаний (43,1%). Несколько меньшее значение среди факторов жизненного успеха студенты придают уважению и признанию со стороны других людей. Считают, это важным показателем социальной самореализации 37,3% опрошенных студентов. Наиболее чувствительны к нему студенты естественнонаучных специальностей (считают его важным 47,5% от их общего количества), а также будущие педагоги (55,8%). Значимость этого фактора выражена более интенсивно у девушек по сравнению с юношами (соотношение – 38,0% и 35,6%) и у первокурсников в сопоставлении с пятикурсниками (соотношение 39,9% и 34,8%).

Чуть большее значение в социальной самореализации студенты придают мастерству и высокому профессионализму. Считают это важным фактором жизненного успеха 37,6% респондентов. Приоритетную роль ему придают 46,2% опрошенных студентов-медиков, 46,0% – правоведов, 45,5% – педагогов. Меньше всего ориентированы на этот фактор жизненного успеха студенты инженерно-технических специальностей (33,2%).

Следует обратить внимание на тот примечательный факт, что среди индикаторов жизненного успеха минские студенты ставят деньги, материальное благополучие только на пятое место. Этот фактор считают решающим для определения жизненного успеха 31,0% из опрошенных юношей и девушек. Правда, жесткие порой непредвиденные, реалии складывающихся рыночных отношений диктуют достаточно ощутимый сдвиг ценностных ориентаций по сравнению со студентами и школьниками у работающей молодежи. Молодые минчане, включенные в реальную трудовую деятельность и, как правило, несколько более взрослые, чем школьники и студенты, а потому и приобретшие собственный жизненный опыт в иерархии показателей жизненного успеха материальное благополучие ставят на более высокую ступеньку, отводя этому фактору второе место в социальном самоопределении. Если в студенческой среде считают важнейшим фактором жизненного успеха

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕЛЕЙ В САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

материальную обеспеченность 31,0% опрошенных, то число работающих респондентов, придающих этому фактору решающее значение, в полтора раза больше и составляет 44,2%.

Социологический опрос, проведенный в первой половине 2012 года, показал, что более трети молодых минчан (34,8%) выбрали место работы, руководствуясь интересом к специальности. Это – очень важное социальное качество, позволяющее утверждать, что самая большая группа молодежи очень серьезно относится к своему трудовому самоопределению. Однако рядом с ней по своей численности находится другая группа юношей и девушек (их количество составляет 31,1% от общего массива опрошенных), которые мотивируют свой выбор места работы совершенно случайными обстоятельствами. Третье место в структуре мотивации молодыми минчанами выбора места работы занимает заинтересованность в хороших заработках. Такую позицию занимают 21,3% от общей численности респондентов, т.е. всего лишь один из пяти опрошенных. Этот факт заставляет усомниться в правдивости расхожих суждений о том, будто нынешняя молодежь, особенно столичная, излишне меркантильна. Только 18% опрошенных мотивируют свой выбор места работы тем, что они направлены туда по распределению. На пятом месте в иерархии мотивов выбора молодыми минчанами места работы находятся престиж предприятия, организации или фирмы, на которых трудятся юноши и девушки.

В жизненных планах молодежи и в их реализации важное место занимает работа по специальности. Чем выше профессиональный статус молодого человека, тем чаще он работает по специальности. Среди тех, кто окончил вузы или техникумы, работают по специальности почти две трети опрошенных (64,4%), среди тех, кто получил специальность в профтехучилище – половина опрошенных (50,4%), а среди тех, кто приобрел специальность в школе – всего 16,4% респондентов. В группе молодежи, получившей специальность в профтехучилище, работают по ней 57,1% опрошенных, получающих доходы менее 50 тыс. руб., а в группе наиболее обеспеченных (доход свыше 500 тыс. руб.) – почти вдвое меньше. Такая ситуация объясняется тем, что более обеспеченные молодые люди имеют гораздо больше возможностей изменить приобретенную специальность на более престижную и приносящую высокие доходы.

Среди факторов, определяющих степень удовлетворенности либо неудовлетворенности молодых людей сделанным выбором специальности и работы по ней, важное значение имеет оценка ими того, насколько удачно складывается профессиональная карьера. В качестве очень положительного момента следует отметить, что 60% молодых минчан считают вполне нормальной ситуацию, которая складывается в их карьерном продвижении, а из них 11,3% полагают, что их карьера складывается весьма удачно. Такие оценки порождают оптимистические настроения у большинства минской молодежи, формируют достаточно высокие оценки удовлетворенности жизнью и содействуют заинтересованности в труде и в его результатах.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Наиболее значимыми факторами социального самоопределения минской молодежи являются любовь, семья, здоровый образ жизни и самореализация личности;
2. Большинство молодых людей, прежде всего студентов, считает важнейшими факторами социального самоопределения самореализацию творческих способностей личности, неразрывно связанную с высоким профессионализмом и мастерством в избранной сфере деятельности;
3. Современные студенты лучше других групп молодежи и представителей старших возрастных когорт вырабатывают и реализуют активную жизненную стратегию, адаптируются к рыночным отношениям, но достаточно редко замыкаются в узкий круг меркантильных интересов и потребительского благополучия.

В исследованиях феномена самореализации личности, богатых фактологией ее личностных коррелятов, до сих пор остаются мало раскрытыми конкретно-психологические механизмы самореализации как процесса. Представляется, что существенную роль в нем играет трансформация жизненных целей, определяемая появляющимися на пути их достижения отклонениями и неизбежно возникающими в деятельности побочными продуктами. В современном быстро изменяющемся мире, где не только сам человек меняется в ходе достижения поставленных им целей, но на протяжении одной человеческой жизни неузнаваемо меняется и мир, в который эти цели проецируются, ставить цели как определенные раз и навсегда просто невозможно. При этом, с одной стороны, жизненные цели нужны, чтобы инициировать, направлять и оформлять активность человека, а с другой – могут быть только крайне общими, задавать скорее вектор движения, нежели представлять собой образ конкретного результата, поскольку они постоянно доопределяются в ходе жизнеосуществления человека.

Основываясь на представлении о человеке как открытой сложной самоорганизующейся психологической системе (Клочко, 2005), характеризующейся процессами как адаптивной (регуляция и саморегуляция), так и наадаптивной природы (организация и самоорганизация), и, исходя из методологических принципов развития и самодвижения деятельности, регуляцию жизнедеятельности можно представить в виде модели функционирования открытого контура регуляции. Основная его специфика задается особенностями ценностно-смысловых образований, составляющих целевой блок. Открытость системы жизни определяется, в первую очередь, открытостью жизненных целей, являющихся формами конкретизации предельно обобщенного смысла жизни.

В отличие от целей действия жизненные цели представлены в сознании не столько в чувственно-образной форме, сколько через свое обобщенное ценностное содержание. Но и в тех случаях, когда жизненные цели сформулированы очень конкретно, на глубинных уровнях личности они всегда означают нечто гораздо более того, что в них прямо обозначено, представляя лишь какую-то часть желаемого целостного образа будущего (Братусь, 1997). Наиболее точно передающим форму репрезентации ценностно-смысловых образований, составляющих целевой блок регуляции жизни, представляется понятие экзистенциальных ожиданий (Сапогова, 2007). Они кумулируют в себе наиболее общие жизненные ориентиры: запечатленные идеалы, интериоризованные жизненные сценарии, побуждающие к реализации способности и т.п., а также их различные сочетания и синтезы, системообразующим ядром которых выступают личностные ценности субъекта.

Следствием данной формы репрезентации человеку его жизненных ориентиров становится специфика осуществления обратной связи, которая позволяет субъекту определять соответствие хода жизни и достигаемых в ней промежуточных результатов общему жизненному замыслу, с тем, чтобы корректировать направление, средства и способы его осуществления. Очевидно, что тот целостный образ жизни, который человек представляет при постановке цели, столь же редко может быть полностью воплощен в реальности, сколь и «схвачен» в каком-либо вербальном обозначении. Поэтому даже при точном соответствии достигнутого результата сформулированной цели весь целостный образ жизни, полученный в итоге, содержит в себе и то, что не планировалось, и вовсе не обязательно содержит все то, что предполагалось как следствие ее достижения.

В открытом контуре регуляции жизни роль цели оказывается противоречивой. Она абсолютно необходима и должна ставиться человеком для инициации активности и выбора ее направления. Но, в итоге, человек обречен на обнаружение отклонения полученного результата от ожидавшегося изначально, поскольку при реализации замысла с необходимостью возникают его различные трансформации. Они происходят в соответствии с появляющимися в конкретных условиях жизни не всегда предсказуемыми, динамично изменяющимися переплетениями отношений, деятельностей, обстоятельств. Это позволяет учитывать и изменения, происходящие при этом в человеке, и условия постоянно и быстро изменяющегося мира, но приводит к гарантированному сдвигу достигнутого результата от первоначально ожидаемого.

Соответственно специфике осуществления обратной связи в работе открытого контура регуляции жизни можно выделить два режима его функционирования. Первый режим – регуляция

ОСОБЕННОСТИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сущностная потребность человека в самореализации является источником его целенаправленной личностно и социально продуктивной активности, позволяет максимально воплотить в жизнь свои внутренние возможности и способности и вместе с потребностью в саморазвитии обеспечивает эффективность его акмеологического развития. В процессе самореализации человек стремится не просто к предельной эффективности деятельности. Подлинная самореализация предполагает непрерывный поиск личностных ценностей, смысла своей жизни, своей особой дороги, утверждение этих ценностей и смыслов в своем деле и осуществление себя на жизненном пути.

Самореализация представляет собой многомерное личностное образование, которое определяет содержательные и динамические характеристики движения человека к раскрытию его потенциала в ходе жизненного пути, проявляется в постоянных творческих поисках и обеспечивает человеку выход за пределы своих возможностей, максимальное осуществление самости через изменения в себе самом и в других людях, а также в социально значимых результатах деятельности, и достижение акме. О самореализации конкретного человека можно говорить, если его планы и результаты деятельности имеют общественно полезную направленность, а сам человек ощущает удовлетворенность процессом деятельности и достигнутыми в ней результатами и признает соответствие этих результатов своим устремлениям.

Критериями оценки самореализации являются:

- ценностная ориентация на самоосуществление, которая раскрывается через: ведущие ценности и смысловые ориентации и удовлетворенность достигнутым уровнем реализации жизненных планов;
- оптимальность самореализации и целостность многогранного существования человека, которую можно выразить через адекватную самооценку личностного потенциала и уровень притязаний, высокие личностные стандарты деятельности, гармоничность самореализации в различных сферах жизнедеятельности;
- рефлексивная саморегуляция, показателями которой являются: независимость, высокий уровень терпимости к неопределенности, гибкость в постановке целей.

Уровень самореализации определяется степенью проявления перечисленных критериев и показателей в процессе жизнедеятельности человека.

Значимым для эффективной самореализации периодом жизни человека является период его профессионального обучения. Как показывают исследования, особенности самореализации начинают формироваться с момента выбора учебного заведения и специальности, складываются на протяжении всего цикла профессионального становления и на завершающем этапе обучения студентов в вузе превращаются в устойчивый смысловой конструкт. При этом поиск путей самореализации неразрывно связан с интенсивным становлением смысловой сферы личности.

Практика позволила выявить противоречия между:

- социальной потребностью в молодых специалистах, способных к эффективной самореализации в профессиональной деятельности, и недостаточным уровнем сформированности у студенческой молодежи акмеологических ценностных и смысловых ориентаций;
- потребностью студенческой молодежи в самореализации и отсутствием возможности в рамках традиционной системы образования обеспечить ее эффективность.

Чтобы выявить особенности самореализации современной российской студенческой молодежи, мы совместно с А.А. Скрипкиным провели эмпирическое исследование.

В эмпирическом исследовании приняли участие 340 студентов московских вузов (59,4%) и колледжей (40,6%) в возрасте от 17 до 25 лет, из них 24,1% юношей, 75,9% - девушек.

На основе квартильных оценок, полученных по разработанному нами опроснику «Эффективность самореализации», были выделены три уровня эффективности самореализации студенческой молодежи: высокий, средний и низкий. Анализ показал, что в крайних группах существуют значимые различия в уровне эффективности самореализации. В группе с низким уровнем эффективности

и саморегуляция в закрытом контуре, действующие на основе отрицательной обратной связи и замкнутые на определенное целевое состояние. Второй – организация жизнедеятельности в режиме открытого регуляторного контура, основанная на положительной обратной связи и определяемая открытостью как целей, доопределяемых в ходе активности, так и средств и способов их достижения. Режим функционирования в закрытом контуре регуляции представляет собой частный случай функционирования в более полном разомкнутом кольце организации и самоорганизации человеком своей жизни. Режимы открытости и закрытости, их смена определяются особым механизмом, оценивающим степень соответствия всех частных промежуточных итогов, получаемых в регуляторном контуре любого уровня (от отдельного действия до жизни в целом), ценностно-смысловому ядру личности, ее глубинным основаниям (самости, эго-идентичности).

Для каждого из этих режимов характерен свой вид коррекции, являющейся необходимым звеном процесса субъектной регуляции жизни. В одном случае обнаруженное отклонение может быть отвергнуто как не соответствующее глубинным ценностно-смысловым образованиям личности и тенденциям ее развития. Тогда вступает в действие коррекция исполнения, что соответствует гомеостатическому варианту регуляции и саморегуляции в закрытом регуляторном контуре. Во втором – обнаруженное отклонение может быть принято субъектом, и тогда действует коррекция цели, требующая обращения к более масштабным смысловым контекстам жизни, в соотношении с которыми происходит доопределение или трансформация содержания жизненных целей. Принятие и признание отклонения происходит в случае, если оно не только соответствует глубинным структурам личности (самости, эго-идентичности), но и находится в зоне ее ближайшего развития, отвечает потенциальным возможностям саморазвития и самореализации.

Следовательно, в процесс осуществления обратной связи включен механизм по выявлению и принятию решения о принятии/непринятии обнаруженного отклонения от жизненных целей. Осуществляя верификацию возникающих отклонений на соответствие глубинным ядерным структурам личности, данный механизм создает экзистенциальную установку на стабилизацию пространства жизни или на его изменение. Установка на стабилизацию действует в случае соответствия актуального состояния жизненных отношений и протекающих в разноуровневых регуляторных контурах процессов глубинным ценностно-смысловым структурам личности. В данном случае человек ощущает соответствие своей активности и ее результатов, появляющихся отклонений и тех возможностей, которые с ними связаны, потенциальным тенденциям своего развития, «чувству пути», в соответствии с которым он и направляет свою жизнь. При установке на изменение и начавшиеся отклонения оцениваются субъектом как не соответствующие зоне ближайшего развития. Это происходит вследствие исчерпанности потенциала развития личности в той или иной смысловой реальности, когда отсутствуют приращение, новизна, и ни коррекция исполнения, ни отклоненный от цели результат не несут в себе новых возможностей самореализации и саморазвития. В этом случае человек переживает жизненную ситуацию как не соответствующую его глубинному ценностно-смысловому ядру, что приводит к запуску смыслового поиска, созданию и «примериванию» к себе различных ценностно-смысловых содержаний как новых возможностей дальнейшей самореализации.

Обе данные экзистенциальные установки обеспечивают условия для самореализации человека, но в разных модусах. Первая связана с развитием человека как совершенствованием способностей, операционально-технической оснащенности в рамках сложившейся ценностно-смысловой реальности его жизни. Вторая задает процесс изменения и/или расширение ценностно-смысловых горизонтов жизни, что актуализирует процессы самоопределения и соответствует собственно личностному уровню саморазвития и самореализации.

Литература

1. Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 3-19.
2. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. 174 с.
3. Сапогова Е.Е. Экзистенциальные ожидания как фактор развития во взрослости и старости // Психология социального развития: Человек в современном мире / Под науч. ред. Ю.Н. Карандашева, В.Н. Шашок. Минск: БГУ, 2007. С. 99-111.

самореализации среднее значение составляет 57,8 балла, а в группе с высоким уровнем эффективности самореализации – 77,6 балла ($p=0,0001$).

Сравнение уровня эффективности по отдельным шкалам опросника показало, что существуют значимые различия по всем показателям между группами с высоким и низким общим уровнем эффективности самореализации. В группе с высоким уровнем эффективности самореализации наиболее высокие результаты (уровень каждого показателя рассчитывался как отношение суммы реально полученных баллов к максимально возможной сумме баллов по данному показателю, умноженное на 10) получены по показателям «Терпимость к неопределенности» (8,44), «Личностные стандарты деятельности» (8,29) и «Самооценка и уровень притязаний» (8,19), а в группе с низким уровнем эффективности самореализации самые низкие баллы получены по показателям «Гармоничность самореализации в различных сферах жизнедеятельности» (2,83), «Удовлетворенность достигнутым уровнем реализации жизненных планов» (4,66) и «Ведущие ценности и смысложизненные ориентации» (5,12). Следует отметить, однако, что показатель «Гармоничность самореализации в различных сферах жизнедеятельности» оценивается низко во всех группах. Это связано с тем, что на том жизненном этапе, на котором находятся участники нашего исследования, они заведомо не могут полноценно самореализоваться во многих сферах жизнедеятельности.

Для выявления взаимосвязей между теоретически выделенными показателями уровня эффективности самореализации был проведен факторный анализ с варимакс-вращением.

Факторное решение оказалось устойчивым к вариантам вращения варимакс, что подтверждает достоверность выделенных факторов. В результате факторного анализа было подтверждено исходное теоретическое предположение о внутренней взаимосвязи выделенных показателей уровня эффективности самореализации по отношению к критерию, который раскрывается через них.

В структуре самореализации было выделено три фактора, которые совместно отражают 52,1% выявленной дисперсии.

Первый фактор (16,1%) составляют показатели «независимость», «гибкость в постановке целей» и «терпимость к неопределенности», которые вместе раскрывают такой критерий эффективности самореализации как «рефлексивная саморегуляция». При этом следует обратить внимание на то, что показатели «независимость» и «гибкость в постановке целей» имеют противоположные знаки. Это можно рассматривать как наличие двух прямо противоположных стратегий в самореализации. Первая стратегия предполагает полную самостоятельность в принятии решений в области самореализации и неуклонное следование принятым решениям. В соответствии со второй стратегией высокая способность к «удержанию цели» сочетается с умением при необходимости изменять траекторию движения к ней.

Второй фактор (16,1%) составляют показатели «ведущие ценности и смысложизненные ориентации» и «удовлетворенность достигнутым уровнем реализации жизненных планов», раскрывающие критерий «ценностная ориентация на самоосуществление», а также показатель «терпимость к неопределенности».

В третий фактор (19,9%) вошли показатели «гармоничность самореализации в различных сферах жизнедеятельности», «личностные стандарты деятельности», «самооценка и уровень притязаний», которые раскрывают критерий «оптимальность самореализации и целостность многогранного существования человека», а также показатель «терпимость к неопределенности».

Таким образом, факторный анализ показал, что теоретическая модель показателей эффективности самореализации, предложенная нами, соответствует латентной структуре самореализации студенческой молодежи. При этом можно предположить, что показатель «терпимость к неопределенности», вошедший во все факторы, в субъективном представлении участников исследования является стержневым в структуре их самореализации.

Анализ уровня эффективности самореализации студентов колледжа показал, в группах с высоким и низким уровнем эффективности самореализации существуют значимые различия как по общему уровню самореализации (соответственно 58,1 и 77 баллов, $p=0,0001$), а также по отдельным показателям самореализации. Различий не обнаружено только по показателям «ведущие ценности и смысложизненные ориентации», «независимость» и «гибкость в постановке целей».

Анализ уровня эффективности самореализации студентов вуза, показал, что группы с высоким и низким уровнем эффективности самореализации значимо различаются по всем показателям

самореализации, кроме показателя «независимость».

Таким образом, у студентов колледжа значимые различия между группами с низким и высоким уровнем эффективности самореализации связаны, прежде всего, с критерием «оптимальность самореализации и целостность многогранного существования человека», в то время как у студентов института значимые различия проходят практически по всем критериям.

Сравнение уровня эффективности самореализации по отдельным показателям у студентов колледжа и института показывает, что значимые различия существуют только между такими показателями, как «удовлетворенность достигнутым уровнем реализации жизненных планов» (соответственно 6,61 и 5,94 условных единицы, $p=0,029$), «гибкость в постановке целей» (соответственно 6,23 и 6,75 условных единицы, $p=0,025$) и «самооценка и уровень притязаний» (соответственно 6,9 и 7,82 условных единицы, $p=0,001$). Однако ранговый анализ показал, что в ранговой структуре самореализации студентов колледжа и института существуют как определенное сходство, так и определенные различия.

Так, первое ранговое место у студентов колледжа занимает показатель «Личностные стандарты деятельности», а у студентов института – «Самооценка и уровень притязаний». На втором ранговом месте у студентов колледжа показатель «Независимость», а у студентов института – «Личностные стандарты деятельности». Показатель «Удовлетворенность достигнутым уровнем реализации жизненных планов» у студентов колледжа занимает пятое ранговое место, а у студентов института – седьмое. Показатель «Гибкость в постановке целей» – соответственно седьмое и шестое. Можно предположить, что различия в ранговой структуре самореализации связаны с различиями, заложенными в форме обучения, когда колледж ориентирует студентов на быстрый выход в профессиональную деятельность и необходимость формирования, прежде всего, профессионального мастерства, а институт – на необходимость, прежде всего, личностного развития, которое, в свою очередь, обеспечит и достижение профессионализма.

В то же время два показателя: «Терпимость к неопределенности» и «Гармоничность самореализации в различных сферах жизнедеятельности» – у студентов колледжа, и у студентов института занимают одинаковые места: соответственно третье и восьмое. Эту общность по отношению к показателю «Гармоничность самореализации в различных сферах жизнедеятельности» мы уже обсуждали выше, в связи с анализом уровня эффективности самореализации в целом. Что касается показателя «Терпимость к неопределенности», то можно предположить, что у участников исследования на достаточном уровне сформирована способность эффективно разрешать затруднения в ситуациях с отсутствием обратной связи и (или) непредсказуемым результатом (что соответствует многим образовательным ситуациям).

Мы обнаружили также зависимость особенностей самореализации участников исследования от их возраста и места учебы. Общий уровень эффективности самореализации у студентов колледжа 19 лет и старше значимо ниже, чем у студентов колледжа 18 лет и младше. При этом значимо ниже у студентов колледжа 19 лет и старше результаты по показателям «ведущие ценности и смысложизненные ориентации» и «самооценка и уровень притязаний». Аналогичные различия выявлены между студентами колледжа и института 19 лет и старше. Таким образом, у студентов колледжа 19 лет и старше не сформированы ценностный и эмоционально-волевой компоненты самореализации, они не могут самостоятельно разрешить возникшие противоречия, а следовательно, не могут максимально для данного отрезка жизненного пути осуществить свою самость. Значимые различия по показателю «Гибкость в постановке целей», выявленные между студентами института 18 лет и младше и 19 лет и старше, говорят о том, что с возрастом у студентов развивается способность изменять свои цели в соответствии с изменяющимися внешними и внутренними обстоятельствами и повышается целеустремленность, а значит, они могут более последовательно реализовать свои жизненные планы.

РАЗВИТИЕ РЕСУРСОВ СУБЪЕКТНОЙ, УПРАВЛЯЮЩЕЙ ПОЗИЦИИ ПОДРОСТКА В ОБЩЕНИИ ЧЕРЕЗ ПРОБЫ РЕЖИССИРОВАНИЯ

Развитие субъектной, авторской позиции – одно из генеральных направлений личностного развития в подростковом возрасте. Субъектность рассматривается в качестве условия и предпосылки личностной формы общения как специфически человеческое качество рефлексивного осознания себя самого, как источник субъектной активности в общении (Степанский, 1991). Именно в подростковом возрасте на основе созревания когнитивных и личностных предпосылок, общение выходит на качественно новый уровень и «может служить тем интерпсихическим пространством, в котором начинают разворачиваться новые - собственно подростковые процессы развития» (Цукерман, 1998).

Особенно остро вопрос о занятии субъектной управляющей позиции стоит относительно таких «критических» ситуаций общения как конфликты, которыми, как известно, изобилует подростковый возраст. Жёсткостью, не смягчёнными языком психологической близости, отличаются конфликты в подростковой группе.

Продуктивному разрешению конфликта соответствует ориентация на управление конфликтом (Петровская, 1996; Хасан, 1996), что подразумевает занятие участником конфликта субъектной позиции: активной, инициативной, осознанной, а также наличия комплекса внутренних ресурсов организации взаимодействия по разрешению противоречия.

Нами предпринята попытка актуализации и развития ресурсов подростков к занятию управляющей позиции в общении в совместной театрализованной деятельности на материале социально-психологического курса «Интересы. Ценности. Нормы».

Подчеркнём, что речь идёт не об уроках театра, а об использовании символического языка театрального искусства в образовательном пространстве как средства художественного моделирования социально-психологических ситуаций, актуальных и проблемных для подростка, и средства проявления субъективного отношения к ситуации на поиск её смысла, выражения открытого, найденного.

Обращение к символическому языку театрального искусства обусловлено тем, что подростковый возраст, согласно Д.Б. Эльконину, - период мотивационно-потребностного развития, углублённой ориентации в нормах, смыслах, мотивах отношений людей, формирования личных смыслов жизни.

А для решения «задач на смысл» преимущественное значение имеют символические средства, представленные языками искусств (Веракса, Дьяченко, 1996). «Искусство и есть та единственная деятельность, которая отвечает задаче открытия, выражения и коммуникации личностного смысла действительности, реальности» (Леонтьев, 1983).

К тому же, театральная деятельность, включающая как создание пьес, постановку спектаклей, так и просмотр, обсуждение - представляется той идеальной культурной формой, «живой» моделью системы командной коммуникаций своеобразных и необходимых позиций Драматурга, Режиссёра, Актёра, Зрителя, требующей для своего осуществления отношений сотрудничества, а также позиционного видения и действия.

Исследование разворачивалось на материале курса «Интересы. Ценности. Нормы» (ИЦН) для 5-7 кл. (Хасан, Дорохова, 2003), действующего в Красноярской Гимназии «Универс», предназначенного для обеспечения продуктивного разрешения подростками половозрастных и идентификационных конфликтов, развития их коммуникативной и конфликтной компетентностей.

На первом этапе исследования в центре нашего внимания оказалась позиция Режиссёра, аккумулирующая функции авторства и управления процессом совместной творческой деятельности - в качестве рабочего названия проекта мы выбрали «режиссирование». В переводе на русский язык «режиссер» означает «управляющий». «Человек, который явно видит свой замысел и затем, работая со съёмочной группой, умеет довести его до окончательного и точного воплощения, может быть назван режиссером» (Тарковский, 1992). От режиссера требуется творческая индивидуальность, неповторимое своеобразие личности, придающее уникальный характер результатам его творчества (Карп, 2003).

«Занять управляющую позицию в общении» в нашем исследовании означало, согласно П.М.

Ершову (1997) - «овладеть инициативой», т.е. получить в свое распоряжение поле деятельности во взаимодействиях людей для достижения своих целей, связанных с партнерами. Проявляя инициативу, человек требует внимания партнера к своим целям, делам, нуждам. Инициатива может быть определена как начальный момент управления процессом взаимодействия со стороны одного из партнеров (соперников). Данное понятие служит для обозначения ведущей или направляющей роли последнего в процессе общения. Выступая инициатором некоторого события, партнер реализует свое право на инициативу. Этим он одновременно берет на себя и ответственность за это событие (Доценко, 1997).

Предполагалось, что по мере совершения подростком проб режиссирования в рамках образовательного модуля, актуализируются его индивидуальные ресурсы к занятию управляющей позиции в общении: инициативность, умения влиять на людей, устанавливать межличностные контакты, доводить задуманное до конца.

Мы разработали и провели в течение третьей четверти 2011-12 уч.г. образовательный модуль из шести сдвоенных уроков по темам «Я и мои сверстники», «Я и мой дом», «Что мне можно, а что – нельзя». В результате дискуссии выделялись актуальные для подростков противоречия, волнующие вопросы. Например, «Роль в компании – это выбор или приговор?», «Может ли быть подростковая компания без лидера?», «Что не должно быть можно никому». В качестве домашнего задания подросткам предлагалось написать свой ответ, оформить свою позицию в форме пьесы. Затем пьесы ставились. На первом этапе модуля в качестве режиссера выступал сам автор, на втором позиции Драматурга и Режиссёра были разделены.

В исследовании приняли участие 39 подростков, учащихся 6-х классов, 2 группы девочек и одна - мальчиков, занимающихся в рамках курса «ИЦН» отдельно. Написание сценок и мини-пьес, постановка по ним спектаклей вызвали живой отклик подростков, активно включавшихся и забывавших порой о переменах. Анализ взаимодействия производился по видеозаписи. Особое внимание мы уделяли подросткам, обнаружившим себя с новых сторон, проявившим инициативу, ранее не проявляемую на уроках.

До и после занятий в форме совместной театрализованной деятельности участникам предлагались методика КОС 2 и разработанные нами шкалы самооценивания и взаимоеценивания качеств, связанных с управлением. С последней методикой также работал учитель. Обнаруженный сдвиг в сторону более высокого самооценивания по шкалам «легко устанавливает отношения со сверстниками»; «предлагает свои идеи, замыслы»; «проявляет активность в общении»; и по сумме всех 9 шкал ($p \leq 0,01$ во всех случаях) является неслучайным по критерию знаков. По методике КОС-2 не случайным оказался положительный сдвиг для шкалы «организаторских умений». Более выраженные изменения по большему числу параметров произошли у подростков, активно пробовавших себя, в качестве Режиссёра, как по данным самооценки, так и по оценке учителя.

Совершая Пробы в ролях Драматурга, Режиссёра реализуя свою активность, свой замысел в совместной творческой деятельности со сверстниками, подросток, наш взгляд, совершает также шаг в направлении управления собой, а в перспективе - своей жизнью и деятельностью, в направлении самореализации, по удачному выражению А.К. Осницкого (1996), как «пристрастного сценариста своих действий (на высших уровнях развития даже режиссёра)».

Литература

1. Веракса Н.Е., Дьяченко О.М. Способы регуляции поведения у детей дошкольного возраста // Вопросы психологии. 1996. № 3. С.14-27.
2. Доценко Е.Л. Психология манипуляций. - М: изд-во Владос, 1997. - 344 с.
3. Ершов П.М. Искусство толкования: В 2 ч. Ч.1: Режиссура как практическая психология: - Дубна: изд-во Феникс, 1997.
4. Карп В.И. Основы режиссуры. - М.: изд-во ГИТИС, 2003.
5. Леонтьев А.Н. Некоторые проблемы психологии искусства//Избр. психол. произв. в 2-х т., т. II – М.: Педагогика, 1983.
6. Осницкий А.К. Проблемы исследования субъектной активности// Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 5-19.
7. Петровская Л. А. К вопросу о природе конфликтной компетентности// Вестник МГУ. Серия: Психология. 1997. № 4. С. 41- 45.

8. Степанский В. И. Субъектность - предпосылка личностной формы общения// Вопросы психологии. 1991. № 5. С. 98 - 99.
9. Тарковский А. Уроки режиссуры. - СПб.: Питер, 1992.
10. Хасан Б. И. Психотехника конфликта и конфликтная компетентность. – Красноярск: Фонд ментального здоровья, 1996. - 157 с.
11. Хасан Б.И., Дорохова А.В. Интересы. Ценности. Нормы.: учеб. пособие - Красноярск: изд-во Красноярская университетская гимназия «Универс» №1, 2003.
12. Цукерман Г.А. Десяти - двенадцатилетние школьники – «ничья земля в возрастной психологии» // Вопросы психологии. 1998. № 3. С.17-31.

*Соина И.А.,
Российский Новый университет, Воскресенск*

ЛИЧНОСТНОЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ОДНА ИЗ ФОРМ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ИНДИВИДА

Выбор поступков в соответствии с собственной ценностной системой, опробование различных социальных ролей и видов деятельности, выбор значимых для себя объектов и условий – всё это и весь целостный процесс овладения субъектом личностно и социально-значимыми сферами жизни, соответственно сознательно поставленной цели М.Р. Гинзбург (1994), В.Ф. Сафин (2007) и др. понимают как самоопределение. Не останавливаясь на определении более общих или относительно частных его форм, можно утверждать, что самоопределение выступает в разных формах и может пониматься «как процесс, как состояние и как свойство субъекта» (Журавлев, Купрейченко, 2006, с. 11). Изучению особенностей самоопределяющейся личности в юношеском возрасте посвящены многочисленные исследования. Это работы, посвященные профессиональному (Е.М. Борисова, С.А. Иванушкина, Т.В. Кудрявцев, И.Ю. Кузнецов, Ю.П. Поварёнков, Л.В. Радина, Е.Г. Раймова, С.Б. Тайсаева, Фан Ван Ньян, Н.М. Фомичева, Р.М. Шамионов, В.Ю. Шегурова), нравственному (А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко, А.Е. Воробьева), личностному (М.Р. Гинзбург, Е.К. Фоминых), профессиональному в связи с анализом личностного (С.В. Калинина, Л.Ю. Ковалева, И.Ю. Оксина), жизненного (Н.В. Ковалева, А.В. Мордовская), социально-психологическому (И.А. Соина), социальному (И.С. Кон, Т.В. Черникова) самоопределению. Анализ приведенных и некоторых других работ позволяет утверждать: несмотря на то, что самоопределение человека продолжается в течение всей жизни, особенно важный и сложный его этап проходит в юношеском возрасте, когда разные виды самоопределения имеют место одновременно, что сопряжено с серьезными перестройками личности в целом. Самоопределение предполагает действительно творческое построение своей жизни, ориентацию на высшие человеческие идеалы и ценности, при этом проблема самоопределения встает и как узловое взаимодействие индивида и социального окружения. Так в процессе опробования новых социальных ролей и видов деятельности, различных форм и стратегий поведения, завязываются все новые связи, нарастают одни и ослабевают другие отношения, происходит включение то в одни, то в другие группы, возникает переживание собственной состоятельности/несостоятельности в построении отношений с другими.

При этом меняется спектр избираемых на разных уровнях взаимодействия с окружающим миром субъективно значимых и психологически близких других, включаемых в личностное социально-психологическое пространство, под которым мы понимаем выделяемое сознанием пространство субъективно значимых (т.е. наделяемых особым значением, личностным смыслом и ценностью) Других, связанных психологическими отношениями с личностью, располагаемых ею в пространственной системе координат в соответствии с ее оценками и представлениями, ожиданиями и предпочтениями. Личностной значимостью наделяются не только Другие, влияющие на индивида, но и те, в ком изменения произвел сам индивид. Субъективно (лично) значимыми становятся отдельные Другие, как реальные, так и несуществующие реально; как находящиеся в актуальном взаимодействии с тем, для кого они значимы, так и не входящие в состав непосредственного социального окружения личности, но, являясь Значимыми другими, они воспринимаются более ярко, с явственным эмоциональным оттенком, а представления об их взглядах, суждениях, ценностных

ориентирах видятся отчетливее. Их характеристики существуют в сознании личности, а функции реализуются путем обращения к их представляемым убеждениям и оценкам (или предубеждениям, псевдоценностям), например, в связи со значимым личностным выбором или проблемной ситуацией.

В общем виде личностное социально-психологическое пространство включает не только субъективно значимых других, но также всю систему значимых связей и отношений, представления об отношении значимых других к окружающим, условиям и ситуациям, социальным объектам (и явлениям), значимость их оценок, взглядов, жизненных достижений и стремлений, а также значимость собственного выбора, целей, возможностей, перспектив и др.

Специфика построения личностного социально-психологического пространства заключается именно в той «мере соотношения самоопределения и определения другим (условиями, обстоятельствами)», о которой упоминает С.Л. Рубинштейн (2003, с. 286). Выбирая Значимых других, личность руководствуется своими ожиданиями, потребностями и желаниями, но ее сложившаяся система личностных ценностей и ценностных ориентаций становится ведущим внутренним фактором личностного выбора. Внешним фактором в этом случае является та социальная действительность, та часть социального пространства (и все процессы, в нем происходящие) в которую личность оказывается объективно включена, например, в результате собственных действий, самоопределения. И все же, при всей важности объективных социально-экономических условий жизни, именно влияние значимых для человека других людей является решающим в формировании того духовно-нравственного «стержня», на котором будет основано социальное поведение развивающейся личности и.

Процесс развития личности в новой среде закономерно приводит к большим перестройкам в ее социально-психологическом пространстве, в которое в качестве его элементов личность вводит образы новых значимых других, изменяя места-позиции и степень значимости уже имеющихся элементов. Так, с расширением общения происходит включение подрастающего субъекта в многообразие связей, отношений, взаимодействий, самоопределение в которых осложнено столкновением с многообразием форм поведения, взглядов, идеалов. Потому в этот период часты внутренние конфликты и противоречивые переживания. Молодой человек стремится приложить свою энергию к чему-либо важному при не всегда отчетливо осознаваемых конкретных жизненных целях, что приводит к внутреннему недовольству, метанию от одних целей к другим: многое хочется понять, пережить, проявить себя и определиться в сложном ценностном пространстве. При этом в юношеском возрасте невелик еще жизненный опыт, недостаточно устойчивы системы убеждений и представлений, ценностей и идеалов, нечетки жизненные цели и задачи. Для того чтобы объяснить сложность мира, молодой человек нуждается в соответствующей этой сложности системе взглядов, убеждений, и чтобы его понять - обращается к своему близкому и дальнему значимому окружению, являющемуся для него транслятором взглядов на мир, а их взгляды и убеждения становятся точкой отсчета для построения собственной системы жизненных ценностей, идеалов и т.д.

Развивающейся личности всегда необходима система координат, опор, ценностных и жизненных ориентиров. Потребность в системе ценностных координат так велика, что «...только ею одной объясняются некоторые факты, повергавшие в изумление уже многих исследователей проблем человека» (Мухина, 1999). Этой системой координат становится не сама система ценностей, убеждений, идеалов и т.д. значимых других личностного социально-психологического пространства, а представления личности об их ценностных ориентациях, взглядах, идеалах. И в личностное социально-психологическое пространство включены не сами значимые другие, а их образ, представление о них и их особенностях, личностных качествах, предпочтениях, отношении к окружающему миру, другим людям и самим себе и т.д.

В процессе контактов с новым окружением личность познает и формирует свое отношение к его представителям, а значимые другие транслируют новые модели и стратегии поведения, способы познания окружающего мира и собственного «Я» личности. В этом случае личность самоопределяется в системе отношений с другими людьми, с представителями других групп. Такое самоопределение, межличностное и межгрупповое, а также самоопределение личности по отношению к группе и самоопределение группы по отношению к личности мы определили как социально-психологическое самоопределение (Соина, 2005, с. 356).

Итак, в юношеском возрасте, выходя на новые этапы самоопределения (например, выбрав профессию и приступив к ее освоению), молодой человек перестраивает собственное социально-

психологическое пространство, включая в него представляемых значимых других и отношения с ними, опосредствованные направленностью на профессию: стремясь занять внутреннюю позицию взрослого человека он ищет условия, примеры для подражания, необходимые ему, в частности, для психосоциальной идентификации со взрослым – профессионалом. Одновременно с тем, самоопределяясь в сложном ценностном пространстве, молодой человек выстраивает собственные жизненные планы под влиянием значимого профессионала, в соответствии с представлениями о ценностных приоритетах исполнителя новой социальной роли, индивид перестраивает собственную ценностную систему. То есть, тесно взаимосвязанные и в юношеском возрасте проходящие одновременно: профессиональное, социально-психологическое, ценностное, личностное и другие виды самоопределения ведут к большим личностным изменениям и в личностном социально-психологическом пространстве.

Таким образом, конструируя на основе своих ценностных ориентаций личностное социально-психологическое пространство, которое впоследствии окажет воздействие на некоторые личностные подструктуры, а фактически может привести и к перестройке самой личности, субъект его построения рассматривается как самоопределяющийся и, одновременно с этим, как самоорганизующийся, что предполагает приоритет внутренней детерминации или самодетерминации, по сравнению с внешней социальной детерминацией. То есть активность самоопределяющегося субъекта, разрешающего те или иные противоречия, проявляется в формируемом им личностном социально-психологическом пространстве.

Литература

1. Гинзбург М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии. – 1994. № 3. С.43-52.
2. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Самоопределение личности и группы в изменяющихся экономических условиях // Вестник РУДН. Сер. «Психология и педагогика». – 2006. №1(3). С.6-19.
3. Мухина В.С. Феноменология развития и бытия личности. Москва - Воронеж, 1999, 640с.
4. Сафин В.Ф. Личность: факторы и условия самоопределения и самореализации: монография. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2007.– 140 с.
5. Соина И.А. Социально-психологическое пространство самоопределяющейся личности в юношеском возрасте // Психология образования: региональный опыт. М., 2005. С.356-357.

Терлецкая Л.Г.,

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина

САМОАНАЛИЗ КАК МЕТОД САМОРЕАЛИЗАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Говоря о картине мира и образе современного человека, следует отметить, что в центре различных концепций лежит представление про высшее духовное призвание человека. В зависимости от того, как оно понимается, строятся разные модели здоровой личности, которые могут считаться своеобразными вариациями или модификациями антропоцентричного подхода. Как мировоззренческая парадигма, антропоцентризм возникает в произведениях западных мыслителей последних столетий – от гуманистических трактатов Ренессанса до глобальных философских концепций XX в.

Тотальная ответственность, которая выпала на судьбу человека, неминуемо сопровождается тревогой и неуверенностью в собственных силах; человек теряет чувство жизненной защищенности и безопасности в мире, поскольку ему не всегда удается найти точку опоры и гарантии надежности в себе самом. В результате он встает перед дилеммой: или отказаться от свободы и передоверить свою судьбу обществу, или решиться на поиск своего настоящего «Я» и выбор индивидуального способа бытия-в-мире.

Само стремление к действительности, к идеалу или высшей цели, которая лежит вне Субъекта, побуждает личность постоянно развиваться, быть динамической, стремиться к гармонизации своего психического здоровья.

Построенная нами модель гармонизации психически здоровой личности опирается на основные

принципы гуманистической психологии: 1) человек – целостная структура, которая может изучаться только в целостности; 2) каждый человек уникален, поэтому анализ частных случаев не менее оправданный, чем статистические обобщения; 3) человек открыт миру, переживание человеком мира и себя в нем есть главная психологическая реальность; 4) человеческая жизнь может рассматриваться как единый процесс становления и бытия человека; 5) человек имеет потенциал для непрерывного развития и самореализации, который отвечает его природе; 6) человек имеет определенную меру свободы от внешней детерминации благодаря сущностным ценностям, которыми он руководствуется в своем выборе; 7) человек есть активная, творческая сущность.

По нашему мнению, главным для современного человека есть осознание в процессе самоанализа своей личности через: ощущение собственного тела как телесной основы самосознания; самоидентичность; самоуважение, основанное на осознании успешности в достижении разных целей; расширение самости за счет осознания внешних объектов как «моих» или «связанных со мной»; образ себя, способность думать о себе и понимать себя; рациональное управление собой; стремления, которые выражаются в постановке и достижении перспективных целей и в процессе самосовершенствования.

Всестороннее, естественное формирование этих аспектов самости обеспечивает личности здоровье и зрелость. Можно выделить такие стойкие характеристики психически здоровой личности: 1) самоактуализация, направленность личности на раскрытие своего творческого и духовного потенциала; 2) полноценное развитие, динамизм и личностный рост; 3) открытость опыту и извечное доверие к процессу жизни; 4) способность к настоящему диалогу; 5) свобода в переживании, самовыражении и самоопределении; 6) осознание существования и поиск жизненного смысла; 7) целостность и тенденция к интеграции.

Работая над освобождением своего истинного «Я» и принимая решения с помощью самоанализа, человек встает на путь достижения полноты жизни.

Эта полнота состоит прежде всего из ощущения бытия, своего бытия, - ощущения того, «Кто я есть» на разных уровнях сознания: физическом, эмоциональном, умственном, творческом, социальном, личностном, духовном.

Основные результаты теоретико-методологической разработки проблемы гармонизации психически здоровой личности путем самоанализа разрешили рассмотреть вопрос о строении, функции и механизмах процесса самоанализа; возможности использования самоанализа как метода самопознания и самосовершенствования личности; применении в психологической практике методик обучения умению самоанализа; интегрированной коррекции механизмов самоанализа на разных этапах этого процесса в активном обучении будущих специалистов по психологической помощи личности.

Построение целостной модели гармонизации психически здоровой личности требует интеграции двух исследовательских подходов: структурного, который укоренился в теоретической психологии личности, и процессуального – более характерного для психологической практики. Только постижение личности как целостной, сложно организованной структуры и понимания скрытой логики ее индивидуального развития разрешают получить более объемное и полное представления о здоровье. Оптимальное соотношение структурных компонентов личности и поддержание иерархического соподчинения уровней обеспечивает сохранность основных внутренне-психических связей, стойкость и стабильность психики на данном этапе развития. В то же время динамика взаимодействия этих уровней и степень согласованности основных психических процессов определяет своеобразный характер становления индивида как целостной и уникальной индивидуальности. Здоровая личность характеризуется упорядоченностью и соподчиненностью ее элементов, с одной стороны, и согласованностью процессов, которые обеспечивают ее целостность и гармоническое развитие – с другой. При этом здоровье выступает как показатель, который характеризует личность в её целостности – как необходимом условии интеграции всех составных личности в единую Самость.

Самопознание, отношение к себе и саморегуляция формируют самосознание человека, которое включает в себя осознание самого себя как личности и своей деятельности как члена общества, своих отношений с другими людьми. Если рассмотреть факторы психического здоровья человека и связать их с компонентами самопознания, то выстраивается система психологической помощи личности на ее пути к гармонии психической жизни.

Процесс самоанализа разрешает постепенно сознавать собственные преимущества и недостатки в развитии в разных сферах психики человека (физической – через анализ ощущений, эмоциональной – через анализ переживаний; умственной – путем осознания образа себя, влияния других, в проявлениях свободы, воли, интеллекта; творческой – через инсайт, чувство нового; социальной – путем идентификации с другими людьми; личностной – в принятии и смирении; духовной – через очищение, прощение, любовь).

Каждая личность на своем пути гармонизации психического здоровья имеет возможность сделать выбор: 1) жить, сознавать, раскрываться, переживать, действовать, создавать, объединяться или 2) умирать, не сознавать, не раскрываться, не переживать, бездействовать, разрушать, отмежевываться. Если личность идет первым путем – она выбирает гармонию психической жизни, проявляет свою истинность и посвящает себя сущностному направлению деятельности, находит свое место в обществе и делает вклад в развитие человечества.

В онтогенетическом процессе интеграционные механизмы психики появляются в определенной последовательности соответственно ходу психического и социального развития.

Каждому этапу психического развития отвечает доминирующий механизм интеграции, которая выполняет на данном этапе ведущую роль. Эти интеграционные механизмы заложены изначально, и их последовательное развертывание – самостоятельный процесс развития, в котором можно выделить несколько стадий: телесной интеграции (дыхание, сон, физическая активность, взаимосвязь с природой), которая начинает формироваться в возрасте грудного ребенка; эмоциональной интеграции (эмоции и эмоциональная память, переживание), которая активно формируется в раннем возрасте; творческой интеграции (творчество), ярко выраженной в дошкольном возрасте; умственной интеграции (мышление, интеллектуальная активность), интенсивное формирование которой происходит в школьном возрасте; социальной интеграции (социальные механизмы, общение), которая начинается в подростковом возрасте, продолжается в юношеском и охватывает раннюю зрелость; личностной интеграции (экстериоризация личностного опыта, осознание), которая начинается в старшем юношеском возрасте, проходит через весь возраст зрелости к старости; духовной интеграции (любовь, духовность), что охватывает, в основном, возраст зрелости и старости, но, как исключение, может формироваться и ранее. Каждый новый уровень развития интеграционных механизмов не отменяет предшествующих, образуя целостную систему интеграции со своим функциональным делением, доминированием и компенсаторными механизмами. И развивается он также на основе предшествующих, будто надстраиваясь над ними. При отрицательном или недостаточном развитии предшествующих уровней невозможно развитие следующих.

Диагностируя и корректируя явный уровень социальной интеграции личности студентов, в дальнейшем мы переходим на стадии прошлой интеграции, то есть в порядке (от настоящего, вчерашнего и к далекому прошлому). То есть после социальной интеграции личности, мы осуществляем ее интеллектуальную (умственную) интеграцию, потом – творческую, эмоциональную и физическую (телесную). После этого мы поднимаемся на стадии будущей интеграции (личностную и духовную).

Основная цель такого интегрированного подхода к коррекции личности – достичь целостности самопознания и самоосознания студентами – будущими специалистами по психологическому влиянию на личность. Комплекс тренингов содержит в себе такие семь направлений в такой последовательности проведения: тренинг партнерского общения, тренинг «Кто Я», тренинг сказкотерапии, тренинг личностного психосинтеза, тренинг телесной терапии, тренинг трансактного анализа, тренинг трансперсонального (духовного) психосинтеза.

Литература

1. Терлецкая Л.Г. Психологические механизмы процесса самоанализа. – К: Издательско-полиграфический центр «Киевский университет», 2005, – 240 с.
2. Терлецкая Л.Г. Психическое здоровье личности. Технологии самоанализа. – К., 2003. – 150 с.
3. Терлецкая Л.Г. Технология самоанализа. - К.: Главник, 2005. – 96 с. – (серия «Психологический инструментарий»).

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ПЕДАГОГОВ ДОУ

В последние десятилетия происходят серьезные изменения в Российском образовании. Появляются новые учебно-воспитательные заведения, разноуровневые образовательные и воспитательные программы. Целью образовательного процесса в соответствии с Концепцией модернизации Российского образования становится формирование личности, готовой к гибкому изменению своей социальной, профессиональной деятельности, что изменения содержания, форм и методов организации педагогического процесса.

Существующие тенденции в развитии образования во многом связываются с готовностью педагогов к разработке и внедрению педагогических новшеств в образовательный процесс, его стремлением к профессиональному совершенствованию, росту и развитию. Раскрытие и самораскрытие личностного потенциала является необходимым условием становления психологической компетентности, системообразующим фактором которой выступает способность и стремление к самореализации (М.В. Кларин, А.К. Маркова, Л.М. Митина, А.М. Федосеева).

Профессиональная деятельность является важнейшей стороной жизнедеятельности человека, которая обеспечивает полную самореализацию личности, актуализацию всех ее возможностей. Профессиональное совершенствование педагога предполагает интеграцию и реализацию в педагогическом труде профессионально значимых и личностных качеств и способностей, профессиональных знаний и умений. При этом педагог открыт новому опыту, знанию, получает удовлетворение от своего труда.

В основе профессионального совершенствования и роста лежит принцип самореализации, определяющий способность личности превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования. Изучение профессиональной и личностной самореализации требует анализа её источников, что выводит нас на внешние и внутренние факторы реализации, систему мотивации. Мотивы образуют движущую силу человеческой активности, определяют характер деятельности, направляют поведение человека к реализации поставленных целей и задач (В.К. Вилюнас, В.И. Ковалев, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе, П.М. Якобсон). Мотивы профессиональной самореализации – это внутренние побуждения, определяющие активность человека, направленную на самоизменение в профессиональном поведении в целом и в разных сторонах самой профессиональной деятельности.

В научной литературе исследуются различные аспекты профессиональной деятельности и, в том числе, проблемы самореализации и профессионального роста педагога (Т.Ю. Коровина, А.К. Маркова, Л.М. Митина, Р.Х. Шакуров). Но основное внимание в них уделено таким аспектам профессионального совершенствования и развития как содержательный и организационно-педагогический. Внутренние или психологические условия протекания этого процесса изучены недостаточно. Среди таких условий особое место принадлежит мотивации. Общие жизненные ценности и профессиональные установки изменяются с приобретением опыта педагогической деятельности. В связи с этим, встает вопрос об изучении логики тех мотивационных изменений, которые характеризуют становление субъекта профессиональной деятельности, а если рассматривать шире, то и личностных преобразований в целом (Маркова, 1996; Митина, 1998).

Проблеме профессиональной самореализации посвящено достаточно большое количество исследований. В отечественной психологии одним из наиболее распространенных является комплексный подход, в основе которого лежит категория профессиональной пригодности (К.М. Гуревич, К.К. Платонов). В концепции системогенеза профессиональной деятельности В.Д. Шадрикова в качестве ключевого используется понятие психологической системы профессиональной деятельности. С позиции системогенетической концепции суть профессионализации заключается в становлении и последующей реализации психологической системы профессиональной деятельности, имеющей определенную структуру. В исследованиях Е.А. Климова сформулировано представление о личности профессионала, выявлены основные противоречия профессионального развития и этапы становления субъекта труда, дано понятие индивидуального стиля деятельности, осуществлена классификация видов профессиональной деятельности с учетом содержания ее ведущих структурных

компонентов. Наряду с отмеченными, психологические концепции профессионализации представлены в трудах А.К. Марковой, Т.В. Кудрявцева, В.А. Бодрова, Ю.П. Поваренкова и других авторов.

В зарубежной психологии разработка концепций профессионализации и профессионального развития в основном осуществляется в рамках направления, которое можно назвать «психология карьеры». Это направление представлено в работах Ф. Паркинсона и Э. Шпрангера и опирается на исследования Ш. Бюллер и Э. Эриксона, посвященных развитию личности на различных этапах жизненного пути. Достаточно распространенной в западной психологии является концепция профессиональной зрелости или профессионального развития Д. Сьюпера, в которой одним из основных является положение о том, что профессиональное развитие, состоит в развитии и реализации Я-концепции.

В процессе профессионального становления личность воспроизводит в себе новые свойства и качества. Вопрос о профессионально важных качествах и их значении профессионализации личности достаточно подробно освещен в современных исследованиях (Ф.Н. Гоноболин, Е.А. Климов, А.К. Маркова, Т.В. Кудрявцев, Ю.П. Поваренков, В.Д. Шадриков). Профессионально важные качества могут выступать своего рода целевыми установками, регулирующими процесс профессионального развития и самопроектирования (Гоноболин, 1973; Кобялковская, 2003).

Профессиональную реализацию мы понимаем как формирование личности профессионала, которое происходит в процессе овладения профессиональной деятельностью и ее самостоятельного выполнения.

Профессиональная самореализация воспитателя дошкольного образовательного учреждения (ДОУ) – это непрерывный, внутренне противоречивый процесс качественного совершенствования себя как субъекта профессионального педагогического взаимодействия. Он обеспечивает расширение смысловых границ профессиональной деятельности и своих возможностей в ней, повышение уровня целостности, субъектности воспитателя.

Закономерности становления профессиональной самореализации воспитателя дошкольного образовательного учреждения обнаруживаются в качественных изменениях профессиональной деятельности, поведения и отношений воспитателя к другим субъектам взаимодействия, своему профессиональному совершенствованию. Различают внешние и внутренние источники активности самореализации. Внешние источники (требования и ожидания общества) выступают в качестве основных и определяют направление и глубину необходимой самореализации.

Источником профессиональной самореализации становится постоянно развивающаяся общность: воспитатель – дети – родители – старший воспитатель – коллеги – администрация, а главной движущей силой – противоречие между реальным уровнем профессиональной самореализации воспитателя и потребностью в совершенствовании себя как субъекта взаимодействия.

Существующие исследования в этом направлении показывают, что правомерно выделить основные сущностные социально-педагогические характеристики воспитателя как самореализующегося субъекта профессиональной деятельности и поведения:

- направленность на непрерывную самореализацию, перспективность в мышлении, профессиональном поведении, постоянный поиск, утверждение смыслов профессиональной педагогической деятельности;
- высокая адаптивность к изменениям педагогической действительности, мобильность и успешность в использовании новых программ, технологий;
- адекватное решение профессиональных и личностных проблем (своих и воспитанников), возможность осознанной коррекции профессиональной деятельности и поведения;
- открытость новому опыту, профессиональная активность, творческая индивидуальность, готовность к решению задач креативной педагогической деятельности, самостоятельность мышления и деятельности, отказ от стереотипов, штампов, свобода и оригинальность в использовании педагогических средств, форм, позиций во взаимодействии с детьми, родителями, коллегами;
- самокритичность, ответственность, целесообразность;
- перспективность в отношениях, постоянное повышение уровня взаимодействия, коммуникации с другими субъектами образовательного процесса (детьми, родителями, коллегами) (Елканов, 2006).

Наиболее полное понимание профессиональной самореализации воспитателя ДОУ раскрывают её функции, выделенные на основе сущностных характеристик:

- адаптации (адекватное приспособление к условиям профессиональной педагогической среды);
- компенсации (коррекция профессионального поведения и деятельности);
- оценочная (осмысление результатов педагогической деятельности, самокритичность);
- активности (открытость новому опыту, широта жизненных и профессиональных интересов);
- коммуникативная (общение, обмен информацией с субъектами образовательного процесса придает уверенность в себе, профессиональную современность);
- смыслообразующая (активный поиск новых смыслов профессиональной деятельности, своего отношения к истине, возможностей для самореализации) (Кобялковская, 2003).

Реализацию данных функций в становлении профессиональной самореализации воспитателя ДОУ обеспечивают компоненты: ценностно-смысловой (представлен наличием потребности в профессиональной самореализации, ценностных ориентаций, смыслов и мотивов, осознанием своей роли и предназначения, самоопределением в разных педагогических ситуациях, осмысленностью профессиональной деятельности), содержательно-поисковый (характеризуется проявлением самостоятельности в достижении цели, открытостью новому, продуктивностью поиска благодаря способности к самовыражению, самообразованию, самовоспитанию), результативно-оценочный (проявляется в способности к самооценке профессионального поведения и деятельности, обеспечивает уверенность, самостоятельность, автономность).

Для разветвления процессов самореализации большое значение имеет уровень сформированности самооценки. Психологи отмечают два приема формирования верной самооценки. Первый состоит в том, чтобы соотнести уровень своих притязаний с достигнутым результатом, а второй – сопоставить их с мнениями окружающих. Если притязания невысоки, то это может привести к формированию завышенной самооценки.

Изучение характера затруднений в деятельности педагогов показало, что только те, кто ставят перед собой высокие задачи, имеют затруднения. Это, как правило, творчески работающие педагоги. Те же, кто не имеют высоких притязаний, обычно удовлетворены результатами своей работы, высоко их оценивают, в то время как отзывы об их работе далеки от желаемых. Вот почему так важно каждому человеку, избравшему педагогическую профессию, сформировать в своем сознании образ педагога.

Если к самореализации относиться как к целенаправленной деятельности, то обязательным компонентом ее должен быть самоанализ. Педагогическая деятельность предъявляет особые требования к развитию познавательных психических процессов: мышления, воображения, памяти. Не случайно многие психологи и педагоги в ряду профессионально значимых свойств личности учителя называют способность к распределению внимания, профессиональную память на лица, имена, психические состояния, педагогическое воображение, наблюдательность.

Составной частью профессиональной самореализации является самообразовательная работа педагога.

Овладение умениями и навыками самостоятельной работы начинается с установления гигиенически и педагогически обоснованного режима дня. Надо так спланировать свою учебную и не учебную деятельность, чтобы оставалось время и для самообразовательной работы и для культурного отдыха.

В деятельности педагога, для которого характерна культура умственного труда, проявляются следующие компоненты:

- культура мышления как совокупность умений анализа и синтеза, классификация и сравнения, абстрагирования и обобщения, «переноса» полученных знаний и приемов умственной деятельности и иные условия;
- устойчивый познавательный процесс, умения и навыки творческого решения познавательных задач, умения сосредоточиться на главных, наиболее важных в данный момент проблемах;
- рациональные приемы и методы самостоятельной работы по добыванию знаний, совершенное владение устной и письменной речью;
- гигиена умственного труда и его педагогически целесообразная организация, умение разумно использовать свое время, расходовать физические и духовные силы (Пятаева, 2005).

Наиболее эффективный путь профессионального самообразования педагога – его участие в творческих поисках педагогического коллектива, в разработке инновационных проектов развития образовательного учреждения, авторских курсов и педагогических технологий.

В этом плане значимой проблемой является оценка эффективности и стадии самореализации. Самореализация имеет как бы двойной педагогический результат. С одной стороны – это те изменения, которые происходят в личностном развитии и профессиональном росте, а с другой – овладение самой способностью заниматься самореализацией. Судить о том, овладел ли педагог этой способностью, можно по тому, научился ли осуществлять следующие действия:

- целеполагание (ставить перед собой профессионально значимые цели и задачи самореализации);
- планирование (выбирать средства и способы, действия и приемы самореализации);
- самоконтроль (осуществлять сопоставление хода и результатов саморазвития с тем, что намечалось);
- коррекция (вносить необходимые поправки в результаты работы над собой).

Овладение такими действиями требует времени и определенных умений. Поэтому исследователи выделяют стадии профессиональной самореализации.

На первой стадии овладения профессиональным самовоспитанием цели и задачи, которые ставит начинающий профессионал, неконкретны, их содержание недостаточно определено. Они существуют в виде неопределенного желания стать лучше вообще, которое появляется при воздействии внешних стимулов. Средства и способы самовоспитания еще не вполне освоены.

На второй стадии овладения самореализацией целеполагание становится более определенным и конкретным. При этом цели и задачи, которые ставит перед собой специалист, касаются конкретных качеств его личности. Многие в процедурах самореализации зависят от внешних обстоятельств. Однако по мере накопления опыта, процедура самореализации сокращается. Рассудительность, самоинструкция, самокритичность – существенные проявления самореализации на этой стадии.

На третьей стадии самореализации педагог самостоятельно и обоснованно формулирует его цели и задачи. При этом содержание самореализации поднимается от частных качеств до глобальных или общих профессионально значимых свойств личности. Планирование работы над собой, отбор средств самовоздействия осуществляются легко. Все основные действия самореализации: целеполагание, планирование, самоконтроль, самокоррекция – осуществляются автоматически, непринужденно (Кашкарева, 2012).

Достижение этого возможно только в том случае, если воспитатель готов заниматься самообразованием и самореализацией, готов устанавливать конструктивное взаимодействие с другими субъектами образовательного пространства, ориентирован на достижение вершин в развитии профессионализма личности и деятельности.

Литература

1. Гоноболин Ф.Н. Психология. - М. : Просвещение - 1973г.
2. Елканов С.Б. Основы профессионального самовоспитания будущего учителя. – М. -:2006.
3. Кобялковская Е.А. Стиль педагогического общения как способ профессиональной реализации воспитателя ДОУ // ежегодник Российского психологического общества: материалы третьего Всероссийского съезда психологов. 25-28 июня 2003 г.: в 8 Т. – СПб.: Изд-во СПб. Ун-та, 2003. – Т. 4. С.265-267.
4. Маркова А.К. Психология профессионализма. – М.: 1996.
5. Митина Л.М. Психология профессионального развития. – М.: 1998.
6. Пятаева С.А. Методическая поддержка профессионального саморазвития воспитателя дошкольного образовательного учреждения. Дис. канд. пед. наук: 13.00.08. – Волгоград: 2005. 148 с.
7. Кашкарева В.Б. Профессиональное саморазвитие и самообразование как условие формирования профессиональной компетентности воспитателей дошкольного образовательного учреждения // Прикладная психология и психоанализ: электрон. науч. журн. 2012. N 1. [Электронный ресурс] URL: <http://ppip.idnk.ru>

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЖЕНЩИН В ПРОФЕССИИ

В настоящее время для многих людей профессиональная деятельность является важной стороной их жизни. Эта важность связана не только с аспектами, касающимися материального достатка и социального статуса, но и с ощущениями удовлетворенности собой, своими достижениями, своей жизнью в целом и наполненности ее смыслом, реализации своего потенциала и способностей. На протяжении своего профессионального развития личность сталкивается с многочисленными трудностями и противоречиями, неконструктивное разрешение которых может приводить к потере смысла трудовой деятельности, снижению мотивации, к стагнации и отсутствию профессионального роста, неудовлетворенности собой и своими достижениями, деформации личности. Необходимость и актуальность исследований в области профессионального развития личности обусловлена важностью понимания факторов, условий, способствующих благополучному пути профессиогенеза личности.

Многие современные женщины активно включены в профессиональную деятельность и, как показывают проведенные исследования, не меньше мужчин хотят в ней успешно самореализоваться. Исследователи выделяют достаточно много социально-психологических факторов, препятствующих профессиональной самореализации женщин, сдерживающих их карьеру, в том числе: гендерное разделение в сферах профессиональной деятельности, повышенная эмоциональность, ранимость, обостренное переживание промахов и неудач, неуверенность в себе и др. (Почебут, Чикер, 2002). Широко распространенной среди исследователей является идея о том, что успешной карьерной реализации женщины мешает ее естественная биологическая роль, связанная с необходимостью совмещения служебных, супружеских и родительских функций. Специфика женского профессионального пути заключается в том, что женщине необходимо сочетать карьеру с выполнением ролей матери, жены, домохозяйки, что служит источником «ролевого напряжения», стресса. Конфликт между ролями чаще возникает у молодых женщин, а также тогда, когда женщина в равной мере ориентирована и на профессиональный рост, и на семью. Так, Ожигова Л.Н. считает, что постоянное подчинение или совмещение профессиональной деятельности создает напряжение и истощает эмоциональные и физические ресурсы женщины (Ожигова, 2005). Однако согласно результатам исследований Волфсон К., наиболее удовлетворены своей жизнью те женщины, которые сочетают работу с семейной реализацией (Wolfson, 1976).

В контексте профессионального развития вопросы, связанные с удовлетворенностью и самореализацией в профессии, имеют первостепенное значение. Однако мы можем говорить о том, что психология профессионального развития женщин и особенно в части профессиональной самореализации является молодой, недостаточно изученной областью, содержащей противоречивые результаты исследований. В связи с отсутствием специальных концепций женского профессионального развития, дефицитом эмпирического материала и высокой актуальностью данной проблематики нами была поставлена цель в рамках настоящего исследования изучить факторы, способствующие благоприятной профессиональной самореализации женщин, которые также можно рассматривать в качестве ресурсного потенциала личности. Под факторами мы рассматривали следующее: а) профессиональные факторы, связанные с актуальной ситуацией профессиогенеза, а именно параметры эмоционального выгорания; б) индивидуально-психологические особенности личности (эмоциональные и социально-коммуникативные личностные свойства, социально-коммуникативная компетентность). Для достижения поставленной цели нами были выполнены следующие задачи: 1. исследована текущая ситуация профессиогенеза, связанная с профессиональной самореализацией и удовлетворенностью профессиональной деятельностью; 2. выявлена степень выраженности синдрома эмоционального выгорания в группах с разной ситуацией профессиогенеза; 3. изучены взаимосвязи индивидуально-психологических особенностей (эмоциональные, социально-коммуникативные личностные свойства, социально-коммуникативная компетентность) и самореализации в профессии, удовлетворенности профессиональной деятельностью; 4. рассмотрена специфика психологических ресурсов профессиональной самореализации женщин. В исследовании приняли участие 64

женщины в возрасте 23-55 лет, со стажем работы 0,5-35 лет. Все они являются госслужащими, работающими в одном коллективе. Были использованы следующие методики: опросник «Факторы профессионального развития» М.Д. Петраш, методика диагностики эмоционального выгорания К. Маслач, методика диагностики социально-коммуникативной компетентности Э.Ф. Зеера, А.М. Павловой, Э.Э. Сыманюк, многофакторная личностная методика Р. Кеттелла.

Самореализация в профессии и удовлетворенность профессиональной деятельностью оценивалась с помощью опросника «Факторы профессионального развития» М.Д. Петраш. Однако необходимо отметить, что в психологии профессионального развития и в частности профессиональной самореализации отсутствует единый теоретический подход к вопросам этой области исследования. Феномен профессиональной самореализации характеризуется многозначностью и многоплановостью. Так, Коростылева Л.А. самореализацию определяет как неотъемлемый атрибут развития личности взрослого человека, раскрытия и осуществления его потенций (Коростылева, 1996). Губанова В.И. связывает понятие самореализации с возможностью развития «Я» посредством собственных усилий, содеятельности, сотворчества с другими людьми, социумом и миром в целом (Губанова, 2009). Согласно подходу Абульхановой-Славской К.А., профессиональную самореализацию можно рассматривать как высшую стадию развития зрелой человеческой личности, результат ее профессионального роста и развития. По Федосенко Е.В., профессиональная самореализация – это непрерывный гетерохронный процесс развития потенциалов человека в деятельности на протяжении всего его жизненного пути (Федосенко, 2009). Мы можем видеть многоаспектность подхода к профессиональной самореализации: это и результат развития личности, и процесс развития потенциала человека, своего «Я» и неотъемлемый атрибут развития взрослого человека.

В рамках нашего исследования самореализация в профессии рассматривается как процесс, связанный с самосовершенствованием, постоянным повышением уровня своих знаний и активной реализацией себя в жизни, с наличием и поиском новых смыслов профессиональной деятельности. Высокие показатели по параметру самореализация в профессии у респондентов указывают на наличие устоявшихся жизненных взглядов и жизненных целей, на наличие смысла в профессиональной деятельности. При низких показателях отмечается низкая оценка респондентами самореализации в профессии, появляется недовольство собой, своим профессиональным развитием. Кроме того, нами был рассмотрен параметр удовлетворенности профессиональной деятельностью, непосредственно связанный с самореализацией в профессии. На эмпирическом уровне удовлетворенность трудом выявляется посредством субъективных оценок, которые респонденты давали различным сторонам рабочей ситуации, степени удовлетворенности своей работой и специальностью. В нашем случае, высокие значения по параметру отражают степень удовлетворенности своим профессиональным развитием, то насколько человек нашел себя в профессии и доволен работой, которую приходится выполнять в рамках профессиональной деятельности. В то время как низкие показатели свидетельствуют о несовпадении профессиональных ожиданий и реальной действительности, с которой человек сталкивается в процессе деятельности.

В нашей выборке были выделены две группы в зависимости от степени выраженности параметров самореализации в профессии и удовлетворенности профессиональной деятельностью. В первую группу вошли респонденты, у которых отмечаются более высокие значения по данным показателям. Во вторую – с более низкими показателями. В выделенных группах отмечается высокий уровень статистической значимости различий по рассматриваемым показателям ($p \leq 0,001$). Респонденты первой группы положительно оценивают собственное профессиональное развитие, самореализацию в профессии, испытывают удовлетворенность своим социально-профессиональным статусом. Участницы второй группы находятся в нестабильной профессиональной ситуации, что находит свое отражение в неудовлетворенности своим профессиональным развитием, низкой оценкой профессиональной самореализации, разочаровании в профессии. Далее рассмотрим выделенные факторы.

А) Профессиональные факторы. Фактор «самореализация в профессии» имеет прямую корреляционную связь с параметром эмоционального выгорания «редукция личных достижений» ($p \leq 0,01$) и обратные связи с параметрами «эмоциональное истощение» ($p \leq 0,01$) и «деперсонализация» ($p \leq 0,01$). Фактор «удовлетворенность профессиональной деятельностью» имеет обратные корреляционные связи с параметрами «эмоциональное истощение» ($p \leq 0,01$) и «деперсонализация» ($p \leq 0,05$). Самореализация в профессии и профессиональное выгорание – это глубоко взаимосвязанные

стороны профессионального развития. Только личность, благополучно реализующаяся в профессии, удовлетворенная своей деятельностью, может сохранять функциональные отношения с руководством, коллегами, посетителями/клиентами, быть эмоционально вовлеченной в коллектив, положительно оценивать собственные достижения и себя. Женщины с низкой оценкой самореализации в профессии негативно оценивают результаты профессиональной деятельности, занимают более дистанцированную и отчужденную позицию в отношениях с другими людьми. В крайних случаях такая позиция может приводить к профессиональным кризисам. В условиях, когда личность не может конструктивно разрешать возникающие сложности и проблемы, связанные с работой, становится затруднительным процесс сохранения, поиска или создания новых смыслов профессиональной деятельности, снижается личная активность, нацеленная на выработку и реализацию дальнейших планов профессионального роста. Деформация отношений личности с социальным окружением на работе, возникающая в результате эмоционального выгорания, не позволяет человеку реализовывать себя, так как последнее возможно при эффективном взаимодействии с другими людьми. Чем сложнее личности справляться с профессиональными стрессами, тем более выраженным будет эмоциональное истощение и меньше удовлетворенность от работы. Женщины, все больше переживающие сниженный эмоциональный фон, равнодушие и эмоциональное перенасыщение, все меньше чувствуют удовлетворенность от своего социально-профессионального статуса.

Б) Эмоциональные факторы (эмоциональные личностные свойства). Фактор «самореализация в профессии» имеет прямые корреляционные связи с личностными свойствами «С» (эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность) ($p \leq 0,01$), «Q3» (низкий самоконтроль – высокий самоконтроль) ($p \leq 0,001$) и обратные с «О» (спокойствие – тревожность) ($p \leq 0,05$). Фактор «удовлетворенность в профессиональной деятельности» имеет обратную корреляционную связь с «О» ($p \leq 0,05$). Высокому уровню самореализации и удовлетворенности в профессии соответствует эмоциональная устойчивость, выдержанность, спокойствие, устойчивость в интересах, ориентация на реальность, жизнерадостность, уверенность в себе и в своих силах, целенаправленность, умение контролировать свои эмоции и поведение. Такие особенности эмоционально-волевой сферы позволяют личности преодолевать стрессовые ситуации, справляться со своими неудачами, быстро принимать решения, вступать в эффективные межличностные отношения, активно принимать решения в групповых проблемах, что в целом положительно сказывается на профессиональной самореализации.

В) Социально-коммуникативные факторы (социально-коммуникативные личностные свойства и компетентность). Фактор «самореализация в профессии» имеет обратные корреляционные связи с личностным свойством «L» (доверчивость – подозрительность) ($p \leq 0,05$) и параметрами социально-коммуникативной компетентности «фрустрационная толерантность» ($p \leq 0,05$), «оптимизм» ($p \leq 0,01$), «толерантность» ($p \leq 0,05$). Фактор «удовлетворенность в профессиональной деятельности» имеет прямую связь с личностным свойством «А» (замкнутость-общительность) ($p \leq 0,01$) и обратную связь с личностным свойством «Q2» (конформизм-нонконформизм) ($p \leq 0,001$). В целом по выборке удовлетворенность своим социально-профессиональным статусом отмечается у лиц общительных, открытых, готовых к сотрудничеству, легко устанавливающих непосредственные, межличностные контакты, уверенных в себе и в своих силах, спокойных и жизнерадостных. В то же время скрытность, отчужденность, недоверчивость, необщительность, беспокойство, неуверенность в себе, склонность к самобичеванию, депрессии отмечается у женщин недовольных собой и своей профессиональной деятельностью. Люди, имеющие высокие оценки по «Q2», самостоятельны, независимы, ориентированы на собственные решения; это индивидуалисты часто разобщенные с группой. Респондентам с такими личностными особенностями затруднительно реализовать собственные решения, быть самостоятельными в работе, где требуется дисциплинированность, исполнительность, высокая включенность в коллектив, что обуславливает разочарование и недовольство профессиональной деятельностью. Низкие оценки по фактору «Q2» имеют лица со склонностью к зависимости от мнения и требований группы, общительные, стремящиеся работать и принимать решения вместе с другими людьми, ориентированные на социальное одобрение. Открытые, терпимые, уступчивые, спокойные, уверенные в себе люди чувствуют себя более устойчиво в профессиональной среде, чаще добиваются поставленных целей и соответственно позитивно оценивают свою самореализацию в профессии. Переживание собственной нереализованности в профессии более характерно для лиц настороженных, эгоцентричных, раздражительных, склонных

к автономности и независимости в социальном поведении, ранимых, тревожных.

Высокая выраженность фактора «самореализация в профессии» связана с развитой социально-коммуникативной компетентностью (фрустрационная толерантность, оптимизм, толерантность). Респонденты, способные, несмотря на профессиональные стрессоры, к самообладанию и саморегуляции эмоциональных состояний, адекватной оценке ситуации, поиску приемлемых и достижимых целей (развитая фрустрационная толерантность), положительно оценивают самореализацию в профессии. При низком уровне фрустрационной толерантности личности сложно конструктивно преодолевать трудности, отказываться от первоначальных профессиональных целей и выдвигать новые с учетом реальной ситуации. Препятствия на профессиональном пути вызывают раздражение, неудовольствие, потерю самообладания, что непосредственно связано с чувством низкой самореализации в профессиональной деятельности. Значимым условием благополучной профессиональной самореализации является оптимизм. Увлеченность, вера в себя, в свои возможности, умение предвидеть позитивное решение проблемных ситуаций непосредственно связано с положительной оценкой самореализации в профессии. Умение без раздражения относиться к чужому мнению, взглядам, характеру, видеть ситуацию с разных точек зрения; умение ждать и найти нужный момент для осуществления задуманного позволяет личности выстраивать более устойчивую и осмысленную профессиональную карьеру и, тем самым, чувствовать себя в большей степени реализовавшейся в своей профессии.

Дополнительно хотелось бы обратить внимание на следующую особенность, связанную с профессиональным путем респондентов. Женщины из первой группы, более высоко оценивающие свою самореализацию в профессии, относительно чаще работают не по той специальности, по которой получили высшее образование. Возможно, на фоне прошлого негативного профессионального опыта или обстоятельств, препятствующих дальнейшей карьере по выбранной специальности, некоторые респонденты стали более высоко ценить свою текущую работу, рассматривать ее как возможность, которой они сумели удачно воспользоваться. Можно также предположить, что это может быть обусловлено более высокой социальной активностью женщин первой группы, так как они искали или ищут «альтернативные» пути профессионального развития (работа не «по специальности»).

Таким образом, ресурсным потенциалом благополучной профессиональной самореализации могут выступать следующие индивидуально-психологические особенности личности: общительность, открытость, легкость в установлении межличностных контактов, высокий уровень социально-коммуникативной компетентности, высокая нормативность поведения, организованность, эмоциональная устойчивость, осторожность, внимательность к людям, социальная активность. Профессиональная самореализация возможна в условиях, когда личность готова и умеет сотрудничать, стремится работать и принимать решения совместно с другими людьми, выполняет групповые нормы и требования, существующие в организации, тесно интегрирована в систему межличностных отношений в коллективе.

Литература

1. Богатырева О.О. Проблемы профессиональной самореализации: социально-психологический и культурно-исторический аспекты // Мир психологии. – 2009, №1. С. 251-259.
2. Губанова В.И. Барьеры самореализации женщины в профессиональной среде // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. – 2009, Вып. 1. Ч.1, с. 236-241.
3. Зеер Э.Ф. Психология профессий. - М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2008. – 336 с.
4. Ермолаева М.В., Охотенко Р.В. Удовлетворенность трудом как обобщенное переживание качества самореализации субъекта в пространстве его саморазвития // Мир психологии. – 2009, №2. С. 249-256.
5. Капустина А.Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. - СПб.: Речь, 2001 – 112 с.
6. Коростылева Л.А. Самореализация как развитие личности в период взрослости // Теоретические и прикладные вопросы психологии (параметры личности) / Под ред. Крылова А.А. – СПб: ЦОП С.-Петербургского университета, 1996. С. 30-39.
7. Почебут Л.Г., Чикер В.А. Организационная социальная психология. – СПб.: Издательство «Речь», 2002. – 298 с.
8. Профессиональная самореализация личности в современном обществе. / Под науч. ред. Федосенко Е.В. - СПб.: Речь, 2009. - 122 с.

9. Ожигова Л.Н. Проблема субъектности: гендерная идентичность и профессиональные стратегии женщины // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. Знакова В.В., Рябикиной З.И. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 384 с.

10. Сыманюк Э.Э. Психологические барьеры профессионального развития личности. Под ред. Э.Ф. Зеера. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2005. – 252 с.

11. Fitzgerald L.F., Crites J.O. Toward a Career Psychology of Women: What Do We Know? What Do We Need to know? // Journal of Counseling Psychology. - 1980, Vol. 27, № 1, P. 44-62.

12. O'Brien K.M., Friedman S.M., Tipton L.C., Linn G. Attachment, Separation, and Women's Vocational Development: A Longitudinal Analysis // Journal of Counseling Psychology. - 2000, Vol. 47, № 3, P. 301-315.

13. Wolfson K.P. Career Development Patterns of College Women // Journal of Counseling Psychology. - 1976, Vol. 23, № 2, P. 119-125.

Юрчинская А.К.,

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина

ВЗАИМОСВЯЗИ КРЕАТИВНОСТИ И ТЕМПЕРАМЕНТА В ПРОЦЕССЕ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ЖИВОПИСИ

Актуальность избранной темы определяется необходимостью создания эффективных программ профессиональной подготовки живописцев, активизации творческого потенциала личности и т.д. Участие психологов в решении указанных проблем, как известно, является не только целесообразным, но и необходимым.

Проблема творческой одаренности, развития творческих способностей тесно связана с изучением основных факторов, которые определяют это развитие. Трудности в исследовании указанной проблемы определяются наличием большого количества теорий и подходов к понятию «творческие способности», «интеллект», «креативность» не только на уровне и условий детерминации их развития, но и на уровне их содержательного определения (Дружинин, 1999).

В теоретических и практических исследованиях по проблеме способностей к творчеству наибольшее внимание уделяется созданию специальных благоприятных условий развития, в то время как их природные механизмы признаваемые многими учеными практически не изучаются. Особенно малоисследованными остаются психодинамические корреляты, в частности, креативности. Креативность выступает значимой самореализационной характеристикой (Коростылева, 2005). Методологическую основу исследования, в первую очередь, составляет концепция «системного обобщения» (Русалов, 1990, 2000), которая объясняет механизмы формирования формальных и генезиса содержательных свойств личности. Формальные и содержательные качества индивидуальности человека рассматриваются как системные, что имеют соответствующие основы происхождения.

Психодинамические свойства (темперамент) как формальные характеристики включаются у высшие структуры индивидуальности (интеллект и характер) в качестве необходимых компонентов динамических характеристик указанных структур.

Эмпирическое исследование динамического аспекта и организации креативности как творческих способностей индивида является полезным не только для раскрытия сущности творческих способностей и интеллекта, но и для последующего понимания характера связей в структуре индивидуальности. Индивидуальность как интегральное биопсихосоциальное образование характеризуется совокупностью межуровневых и одноуровневых связей (Мерлин, 1986; Русалов, 1985). Таким образом, определение совокупности связей между темпераментом и креативностью в процессе профессионализации позволит выявить постоянные и вариативные структуры и говорить об особенностях развития динамического аспекта креативности. Такой аспект изучения опирается на положение, что темперамент в совокупности своих свойств выступает задатком интеллекта, характера и других личностных свойств.

Таким образом, конкретное исследование закономерных соотношений между разноуровневыми характеристиками индивидуальности, в частности, между психодинамикой и творческими способ-

ностями, есть важной научно – исследовательской задачей.

Мы предположили, что на каждом этапе жизненного пути процесс самореализации протекает по-разному и имеет свою специфику относительно динамических характеристик живописи.

Объектом исследования выступают динамические свойства личности.

Предмет – особенности обусловленности креативности темпераментальными характеристиками субъекта художественной деятельности.

Цель – определить трансформации взаимосвязей темперамента и творческих способностей на этапах оптации, профессиональной подготовки и выполнения профессиональной деятельности в живописи.

В проведенном под нашим научным руководством исследовании приняли участие ученики образцового факультета Киевской детской академии искусств в возрасте 14 -15 лет, в количестве 26 человек; студенты факультетов живописи и графического дизайна Киевской академии искусств и архитектуры в возрасте 23- 25 лет, в количестве 33 человек; профессиональные живописцы (все имеют диплом о высшем образовании в сфере живописи, окончили художественный институт, продуктивно работают, участвуют в художественных выставках) в возрасте 30-55 лет, в количестве 10 человек. Общая численность исследуемых – 69 человек. Выборка характеризуется как такая, что была в наличии и каждая группа испытуемых представляла один из этапов жизненного пути: оптации, профессиональной подготовки, трудовой профессиональной деятельности.

В исследовании использовали опросник структуры темперамента (ОСТ) (Русалов,1992).

Креативные характеристики оценивались при помощи невербальных тестов творческого мышления Е.П. Торренса – «завершение фигур» и «круги и квадраты» (1995).

В целом в исследовании оценивались 8 темпераментальных и 7 креативных характеристик. Данные подвергались количественной обработке (программа SPSS – меры центральной тенденции, коэффициенты корреляции Пирсона и различий Стьюдента).

Анализ корреляционных плеяд и значимых различий динамических характеристик творческих способностей (креативности) между группами оптантов, студентов и художников показал, что профессиональные художники отличаются степенью напряженности в работе с предметом изобразительной деятельности, а также способностью быстро переходить от одной идеи к другой. У студентов способность к порождению и скорости генерирования большого количества идей определяются легкостью переключения с одной программы поведения в предметном мире и чувствительностью к возможным несоответствиям результата действия и цели в предметной сфере. У оптантов скорость выполнения и переключения программы поведения с предметом деятельности определяют скорость, продуктивность или другими словами – способность к порождению большого количества идей, но отсутствует способность быстрого перехода от одной идеи к другой. Низкие показатели гибкости свидетельствуют: о ригидности мыслительного процесса, которая в этот период может играть позитивную роль в формировании способностей; о низкой информированности житейской, профессиональной и художественной; сниженный уровень мотивации к достижениям. Важным фактором в данном случае может быть процесс формирования профессионального интереса на «уровне деятеля», испытания способностей, которые наряду с динамическими характеристиками входят в синдром «профессионального интереса» (Крягжде, 1981).

Рассмотрим наиболее показательные взаимосвязи динамических характеристик темперамента и креативности для исследуемых групп.

У учеников детской академии искусств на уровне статистической значимости выявлены связи свойств темперамента «предметный темп» и «предметная пластичность» с характеристикой креативности «скорость» (продуктивность) ($r = 0.391$, $p = 0.005$ и $r = 0.463$, $p = 0.05$). Другие связи определены на уровне тенденций. Таким образом, показатель скорости, продуктивности или способности к порождению большого количества идей у учеников оказался детерминированным субъект – объективными особенностями, а именно предметной пластичностью и предметным темпом.

У студентов национальной академии художеств на уровне статистической значимости выявлены связи свойств темперамента «предметная эмоциональная чувствительность» и «предметная пластичность» с характеристикой креативности «скорость» (продуктивность) ($r = 0.397$, $p = 0.005$ и $r = 0.384$, $p = 0.05$). Таким образом, показатель скорости у студентов детерминирован порогом чувствительности к соответствию полученного результата определенной цели в предметной сфере и пластичностью поведения в предметном мире. На уровне статистической значимости выявлена еще

одна связь свойства темперамента «предметный темп» с характеристикой креативности «гибкость» ($r = 0.396$, $p = 0.005$). Таким образом, показатель скорости перехода от одной идеи к другой оказался детерминированным степенью скорости исполнения той или иной программы в предметной сфере.

У профессиональных художников на уровне статистической значимости выявлены связи свойства темперамента «предметная эргичность» с характеристикой креативности «скорость» ($r = 0.676$, $p = 0.005$). Таким образом, количество и скорость генерирования творческих идей художниками – живописцами оказались детерминированными степенью напряженности действия с предметным миром: чем больше проявляется способность к скорости порождения идей, чем больше генерируется идей, тем напряженнее переживается взаимодействие профессионала с предметным миром. На уровне статистической значимости выявлены связи свойства темперамента «предметный темп» с характеристикой креативности «гибкость» ($r = 0.7399$, $p = 0.005$). Следовательно, показатель скорости перехода от одной идеи к другой оказался детерминированным степенью скорости исполнения той или иной программы в предметной сфере. Указанная связь, как показано выше, характерна и для группы студентов.

В качестве вывода отмечаем, что особенности самореализации личности в живописи на разных этапах жизненного пути протекают по-разному. Эти особенности касаются и динамических характеристик. Так, значимыми зависимостями выступают: скорость, продуктивность порождения идей детерминирована степенью напряженности взаимодействия с предметным миром художников и степенью скорости выполнения деятельности, легкостью изменения программы поведения, порогом чувствительности к соответствию «результат – цель» учеников и студентов; способность быстро переходить от одной идеи к другой детерминирована скоростью исполнения программы действий в живописи студентами и художниками.

Заключение. Перспектива данного исследования состоит в изучении психологической детерминации креативных продуктов в изобразительном творчестве.

Литература

1. Коростылева Л.А. Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. - СПб.: Речь, 2005. -222с.
2. Крягжде С.П. Психология формирования профессиональных интересов.- Вильнюс: Мокслас, 1981. – 196 с.
3. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. - М.: Педагогика, 1986.
4. Русалов В.М. Природные предпосылки и индивидуально-психофизиологические особенности личности// Психология личности в трудах отечественных психологов. Составитель Куликов Л.В. – СПб: Питер, 2000. – с.66-75.
5. Русалов В.М. О природе темперамента и его месте в структуре индивидуальных свойств человека// Вопросы психологии.- 1985, №1- с.19.
6. Русалов В.М. Опросник структуры темперамента. М.: Смысл,1992.

РАЗДЕЛ 3. ДОВЕРИЕ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

*Антоненко И.В.,
МГУДТ, Москва*

ДОВЕРИЕ И ЭФФЕКТИВНОЕ ОБЩЕСТВО

Жизнь общества определяется множеством различных параметров: экономических, политических, культурных, демографических, этнических, социологических, психологических и др. В то же время основополагающей социально-психологической характеристикой его функционирования является уровень взаимного доверия. На это указывали как мудрецы древнего мира, так и мыслители более поздних эпох, подчеркивать этот факт не устают и современные исследователи (Антоненко, 2006). Собственно, за этим представлением стоит простое понимание того, что на взаимные подозрения в обществе с низким уровнем доверия растрачиваются колоссальные социальные ресурсы, которые в обществе с высоким уровнем доверия направляются на его прогрессивное развитие.

В XX столетии доверие стало предметом специальных исследований. Обусловлено это, прежде всего, тем, что доверие все определеннее утрачивалось обществом и его дефицит самым пагубным образом стал разделять социум, что приводит к множеству самых разных социальных, экономических, политических и т.п. проблем. Одно из направлений исследования доверия – социальная психология, и это та область, где доверие представлено наиболее определенно и выпукло – особенно в сфере межличностных отношений (Белянин, Зинченко, 2010; Скрипкина, 2000; Axelrod, 1986; Rotter, 1971 и др.).

Из многих научных дисциплин, изучающих общество и человека, социальная психология ближе всего к реальной жизни людей, поскольку проблемы человека и межличностных отношений становятся предметом ее исследования, ее интересуют непосредственные психологические эффекты человеческого взаимодействия. Социальная психология сквозь призму научности смотрит на то, с чем обычный человек имеет дело в своей обыденной жизни. Она дает свои ответы на те же вопросы, на которые их ищет любой человек, и надеется, что их основательность и обоснованность, сыграют свою позитивную роль в улучшении социальной организации и жизни.

Среди наиболее существенных психологических и социально-психологических исследований доверия необходимо указать работы следующих авторов: Р.Аксельрод, И.В.Антоненко, Э.Аронсон, И.Атватер, Д.Бирн, Р.Бэррон, Д.С.Витакер, П.Глассер, К.Даффи, Б.Джонсон, В.П.Зинченко, Н.Керр, Дж.Коттлер, В.Н.Куницына, А.Б.Купрейченко, Л.Лим, Д.Майерс, А.Г.Маслоу, Н.Миллер, Б.Миссал, Н.Ошероу, М.Палуди, Б.Ф.Поршневу, Т.Постмис, Э.Пратканис, Д.Пруйт, Р.Роббинс, К.Роджерс, Дж.Б.Роттер, Дж.Рубин, К.Рудестам, Дж.Рэмпел, В.С.Сафонов, Т.П.Скрипкина, Сунг Хе Ким, М.Тэйнис, С.Файн, М.Фодди, Э.Фромм, С.Хассен, Р.Б.Хейз, Дж.Холмс, Р.Чалдини, Э.Эрикссон, Т.Ямагиши и др. (см.: Антоненко, 2006; Купрейченко, 2008; Скрипкина, 2000; Эрикссон, 2000; Foddy, Platow, Yamagishi, 2009; Tanis, Postmes, 2005 и др.). Хотя надо отметить, что сегодня психологических исследований доверия можно насчитать несколько тысяч, и в них представлено весьма значительное многообразие его различных аспектов.

Человек живет в мире, и первый момент, который обнаруживает исследователь доверия, – это бытие человека в мире со всеми его перипетиями, сложностями, многозначностями и многомерностями. Эта многозначность и многомерность – характеристики и человека и мира. Чтобы в этой многосложности мира и человека что-то понять, исследователь набрасывает на реальность сеть категорий, что позволяет ему структурировать реальность, выделить свойства, функции, особенности исследуемого объекта, определить его сущность и основное содержание. Важно только не забывать, что теория и реальность это не одно и то же. Теоретическое представление о доверии – это всегда весьма ограниченное, абстрагированное представление о реальном феномене доверия.

К основным структурным элементам доверия как социально-психологического явления мы относим: субъект и объект доверия, отношение доверия, деятельностное содержание доверия, функциональный орган доверия, субъектные, объектные, средовые и ситуационные факторы доверия, ситуацию доверия, социально-психологический механизм доверия, характеристики доверия как отношения, характеристики доверия как функционального органа, перцептивное, интерактивное и коммуникативное содержание доверия и социально-психологические функции доверия. Доверие

нами рассматривается в узком (собственно доверие) и широком (весь спектр отношений доверие – недоверие, разные степени доверия и недоверия) значении, а также соотносится с кругом смежных понятий, таких как вера, доверчивость, недоверчивость и др.

Доверие формируется в процессе ранней социализации индивида как обобщенная реакция на некоторую совокупность внешних условий, которые составляют ситуацию доверия (ситуацию, релевантную доверию), т.е. такую ситуацию, которая требует формирования или проявления доверия к некоторому условию среды, являющемуся тем самым объектом доверия. Эта ситуация активизирует такое психическое образование как функциональный орган доверия через субъективную данность ситуации, и в результате субъект проявляет актуальное доверие по отношению к указанному условию среды как актуализатору доверия. Уровень проявляемого доверия является интеграционной характеристикой некоторого ряда отношений субъекта к объекту, в которой суммируются и нивелируются их положительные и отрицательные моменты в одном обобщенном отношении. Так понимаемое доверие является метаотношением, т.е. отношением, обобщающим другие отношения и сводящим их к одному интегральному, которое упрощает восприятие и взаимодействие с социальной средой.

В структуре доверия как отношения выделяются две стороны: собственно доверие субъекта объекту и объектное отношение. Доверие является вторичным, встречным и эквивалентным отношением, формируемым на основе объектного отношения. Оно имеет имплицитно предсказывающий характер в отношении поведения объекта и тем самым детерминирует межличностные взаимодействия. Объектное отношение в целом может быть охарактеризовано как позитивное, нейтральное или негативное; рассеянно-направленное (адресованное всем) или лично-направленное к субъекту доверия. Если субъект проявляет в соответствии с объектным отношением в целом эквивалентное отношение, то такое отношение является доверием, тогда как существенное отклонение в сторону непропорционального доверия указывает на отношение доверчивости, в сторону недоверия – недоверчивости. Наличие или отсутствие эквивалентного характера субъектного отношения, а также существенность или несущественность объектного отношения позволяют развести понятие доверие с понятиями веры и уверенности. Для веры и уверенности, в отличие от доверия, несущественен характер объектного отношения.

Как и всякое отношение, доверие имеет стадии своего формирования. В обобщенном виде стадии генезиса психологического отношения следующие. Субъект имеет определенные потребности, желания, ценности, представления, цели. Они соотносятся с объектами социальной действительности (то есть с отдельными людьми или социальными группами, в предельном случае – с социальными институтами и обществом в целом) путем взаимодействия с ними или их конкретными представителями (в случае больших социальных групп, социальных институтов и т.п.), восприятия результата взаимодействия и сопоставления первых со свойствами вторых. В результате формируется отношение к этим объектам как соответствующим или нет имеющимся потребностям, желаниям, ценностям, представлениям, целям.

По критерию видов субъекта и объекта доверия были выделены виды доверия: частное и генерализированное, межличностное и предметное, абстрактное и социальное, социальному доверию по другому основанию также противопоставлено личностное доверие. Каждый вид доверия имеет свою специфику в особенностях субъекта и объекта доверия, закономерностях, которые их связывают.

Психическим носителем доверия на стороне субъекта (личности) является функциональный орган доверия, в совокупности своих когнитивных, эмоциональных и волевых процессов реализующий функцию доверия. Доверие в межличностных отношениях является вторичным результатом совместной деятельности. Степень успешности актуальной деятельности по достижению определенной цели является прямо пропорциональным критерием доверия. В межличностном взаимодействии доверие непосредственно направлено на предмет доверия как ту сторону объекта доверия, которая определяет успешность деятельности.

Доверие имеет ряд социально-психологических функций: обеспечения совместной деятельности (основная), интегрирующая, коммуникативная, интерактивная, перцептивная, редуцирующая, управленческая, предсказательная, ориентирующая, эффективизирующая, стабилизирующая, психологическая, личная, обобщающая и фоновости. Доверие также является основой для принятия решений, основой жизненных и деловых тактик и стратегий и т.п.

Существует прямая связь между уровнем доверия в социальной группе, малой или большой, в том числе в обществе в целом, и эффективностью этой группы. Эффективные группы и общества имеют высокий уровень межличностного и социального доверия, неэффективные – низкий. Высокий уровень доверия обеспечивается, прежде всего, выполнением обязательств теми или иными социальными субъектами, как отдельными индивидами, так и социальными группами, организациями, органами управления.

Литература

1. Антоненко И.В. Социально-психологическая концепция доверия. М., 2006.
2. Белянин А.В., Зинченко В.П. Доверие в экономике и общественной жизни. М, 2010.
3. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М., 2008.
4. Скрипкина Т.П. Психология доверия. М., 2000.
5. Эриксон Э.Г. Детство и общество. СПб., 2000.
6. Axelrod R. Trust and anti-trust // Ethics. 1986. V. 96.
7. Foddy M., Platow M.J., Yamagishi T. Group-based trust in strangers: The role of stereotypes and expectations // Psychological Science. 2009. V. 20.
8. Rotter J.B. Generalized expectancies for interpersonal trust // American psychologist. 1971. V. 26.
9. Tanis M., Postmes T. A social identity approach to trust: Interpersonal perception, group membership and trusting behavior // European Journal of Social Psychology. 2005. V. 35.

*Василевская Е.Ю.,
НИУ «Высшая школа экономики», Москва*

ДОВЕРИЕ И НЕДОВЕРИЕ ОКРУЖАЮЩИМ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

В различных областях научного знания интерес к феномену доверия возник сравнительно недавно. Данный факт может вызвать некоторое недоумение, ведь в обычной жизни нам приходится регулярно сталкиваться с этим явлением, по сути, любой процесс коммуникации неизбежно содержит доверительное/недоверительное отношение к субъекту или его словам. Проблема доверия остро стала подниматься в литературе именно в то время, когда количество недоверия к окружающим возросло в огромной степени.

На Западе интерес к проблеме доверия возникает с появлением новой экономики, экономики информационного типа. Доверие стало пониматься как некий «социальный капитал», обеспечивающий жизнь индивида.

В нашей стране проблема доверия связана, в первую очередь, с распадом Советского Союза и попыткой государством выстраивания демократического общества, возникновением в это время огромного количества несбыточных экономических прогнозов властей, финансовых пирамид, в которых оказались вовлечены широкие массы населения, последующий развал и крах этих систем вызвал тотальное недоверие ко многим элементам государственной власти. С.Е.Вершинин показал, что в стране, в которой отсутствует идеология (как во время нашего переходного периода), возникает своего рода мировоззренческий вакуум, результатом которого становится тотальное недоверие граждан к прошлому и будущему (Вершинин, 2007).

Культурный уровень доверия изначально рассматривался социологами-классиками Э.Дюркгеймом и М.Вебером (Мышляева, 2006). В настоящее время проблемами доверия в обществе занимается Ф.Фукуяма, который считает, что доверие основывается на этических ценностях, разделяемых представителями определенной группы или общества. Особенностью этих обществ является то, что в них нет необходимости устанавливать механизм широкого договорного и правового регулирования отношений (Мышляева, 2006). В этих обществах существует морально-нравственный консенсус, который является основой взаимного доверия.

П. Штомпка в своих работах выделяет культуру доверия и культуру недоверия, которые, по его мнению, формируются из определенных ценностей и традиций общества (Sztompka, 2006). Для него культурный уровень доверия включает в себя коллективный, исторический опыт общества. Если в обществе какой-либо опыт становится преобладающим и несет в себе позитивный смысл, то для

различных сфер социальной жизни доверие становится основным правилом, в противном случае формируется культура недоверия.

Также, еще Э.Эриксон отмечал, доверие/недоверие к окружающему миру является первой кризисной ситуацией в жизни ребенка, требующей разрешения. В разных культурах существуют разные схемы формирования доверия, воспитания в ребенка (Обухова, 1999). В одних культурах принято быстро и эмоционально отзываться на все потребности ребенка, моментально удовлетворять все его нужды. Можно предположить, что в таких культурах ребенок будет в целом, по крайней мере, в детстве, доверять окружающим. В других культурах, наоборот, ребенку дают поплакать, «чтобы его легкие были сильнее», не удовлетворяя сразу его потребности. Очевидно, что уровень доверия здесь уже будет другой.

К.Роджерс, развивая основанный на доверии человекцентрированный подход, говорил о том, что наша жизнь в обществе основана на глобальном недоверии человеку – постоянными аттестациями, дознаниями, экзаменами, мы вынуждены подтверждать, что мы еще не сбились с нашего пути (Белянин, 2010). В действительности же человек сможет почувствовать себя свободным только в случае, если он будет доверять окружающим, и также будет ощущать, что окружающие доверяют ему.

Доверие является необходимым условием возникновения социокультурных коммуникаций. Прежде чем получить какое-либо знание, приобрести опыт, необходимо доверять этому источнику информации. Когда начинают возникать восприятие, понимание, появляется некая форма «культурного дистанцирования людей» (Гельфанова, Лавров, 2008). Причиной этому является тот факт, что мы, люди, обладающие разным воспитанием, разным уровнем образования будем по-разному интерпретировать одни и те же явления. Доверие и существует для того, чтобы преодолеть эту отчужденность, разобщенность людей. Наиболее интересным феноменом здесь является то, что доверие способно объединять людей, принадлежащих к разным культурам, имеющих разный менталитет, разные особенности сознания потому, что оно обращается к абсолютным духовным, общекультурным ценностям, а не к разуму.

Напротив, если люди обладают совершенно разными представлениями о духовных ценностях, или вообще отрицают их существование, возникает феномен недоверия. При возникновении межкультурных коммуникаций, когда ценности одной группы остро противостоят ценностям другой, происходит осознание важности ценностей своей культуры, желание их защищать, и в то же время, острое недоверие к ценностям другого, желание их принизить.

На протяжении практически всего времени существования этнических и культурных общностей человек стремился познать другие культуры, узнать, чем они отличаются от своей. В настоящее время, несмотря на торжествующие процессы глобализации, мы до сих пор можем наблюдать неугасаемый интерес европейцев к восточным культурам – японской, китайской и др. Символы этих культур по-прежнему окутаны массой мифов и загадок, например, японские гейши (Овчинников, 1972). Сами японцы, однако, также стремятся в европейские страны, чтобы увидеть собственными глазами другие культуры. В то же время, в истории всегда существовала тенденция избегания чужих культур, отчуждения, признания их варварскими, а людей – не достойными жизни и т.д. Ярким примером здесь может служить политика нацистской Германии в отношении евреев. Собственно, из этих двух противоположных тенденций – стремления и избегания – возникают сами по себе межкультурные коммуникации.

У людей, долго проживающих на одной территории, формируются общие традиции, обычаи, язык, иным словом, формируется общая культурная система, так называемая этническая культура народа. В ходе социализации ребенок усваивает эти правила и нормы. Воспитание и образование в сфере определенной культуры служат созданию некоторых стандартов доверия, которые вскоре становятся очевидными (Вершинин, 2007). Феномен этноцентризма является результатом доверия к своей культуре. В то же время групповое сознание неизбежно провоцирует людей иметь некий уровень недоверия к представителям других групп, который может выражаться в разной степени – от культурного изоляционизма до враждебности (Вершинин, 2007). Таким образом, можно сказать, что актуальное доверие всегда сопровождается потенциальным недоверием.

Важнейшей функцией доверия в контексте данной темы является упорядочивание и уравнивание социальных и культурных разнообразий (Заболотная, 2003). Стремление сохранить культурную самобытность, индивидуальность в противовес к глобалистическим тенденциям

ДОВЕРИЕ КАК РЕСУРС МОДЕРНИЗАЦИИ

унификации культуры, повышает рост групповой солидарности и взаимного доверия на основе таких критериев, как этничность, религия, пол, стиль жизни, общность разделяемых взглядов и т.д. Развитие доверия к другим культурам позволяет избежать таких явлений как ксенофобия. Доверие выступает неизбежным компонентом развития толерантности, которая включает в себя не только признание различий, но и уважение их.

Недоверие выполняет функцию связи времен: негативный опыт взаимодействия общностей в прошлом диктует их нынешние взаимоотношения. В качестве примера здесь можно привести две нации – российскую и германскую, которые более полувека назад находились в состоянии вражды, войны. В настоящее время, однако, до сих пор остается ряд россиян, которые отказываются признавать современную немецкую культуру, поскольку не могут «простить немцам войны». Доверие предполагает непрерывность социальных связей, оно в большей степени связано с надеждой на успех взаимодействия и, таким образом, обращено в будущее.

Если в традиционном обществе, в котором уровень развития индивидуального сознания оставался крайне низким, границы недоверия проходили по принципу «свой/чужой», то для общества модерна становится характерной дифференциация самой группы, здесь начинает действовать принцип доверия «ближний/дальний», то есть возникают особого рода круги доверия (Вершинин, 2007). Ф.Фукуяма считал обществами с высоким уровнем развития доверия такие, в которых уровень доверия является одинаковым как по отношению к ближним, так и в отношении дальних индивидов (Фукуяма, 2004).

Э. Гидденс показал, что в традиционных обществах контекстами порождения доверия являлись локальные сообщества, родственные отношения, традиции, религиозные космологии (Giddens, 1995). В современном обществе, по его мнению, начинает превалировать доверие к неким абстрактным системам, например, коллективу, партии, государству, которые берут верх над реальными малыми группами. В качестве примера здесь можно приводить Советский Союз, в котором преданность партии была возведена до апогея, другой вопрос, действительно ли уровень доверия граждан был к ней настолько высок, или это просто так преподносилось.

В качестве заключения, хочется сказать, что явление глобализации в современном обществе остро ставит проблему культурной самобытности. Тенденция к сохранению культурной самобытности подтверждает общую закономерность, состоящую в том, что человечество, становясь все более взаимосвязанным и единым, не утрачивает своего культурного разнообразия (Гельфанова, Лавров, 2008). Перед человечеством стоит серьезная задача – как сделать так, чтобы между культурами сохранялось доверие, а не стремление к вражде и жесткая конфронтация по принципу свой-чужой.

Литература

1. Белянин А.В. Доверие в экономике и общественной жизни / А.В.Белянин, В.П.Зинченко. – М.:Фонд «Либеральная миссия», 2010. 164 с.
2. Вершинин С.Е. Социальное недоверие: парадигмы анализа, источники, функции (к постановке проблемы) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 7. – Екатеринбург. - 2007. – С. 61–74.
3. Гельфанова С.В., Лавров В.Н. Доверие как феномен культуры [Ресурс Интернета] <http://www.delorus.com/medialibrary/detail.php?ID=1896>.
4. Заболотная Г.М. Феномен доверия и его социальные функции // Вестник РУДН. – 2003. - N.4-5. - С.79-85.
5. Мышляева Т.В. Доверие в современном обществе: подходы к анализу // Вестник Нижегородского университета имени Лобачевского. - 2006. -N1.
6. Обухова Л. Ф. Возрастная психология. Учебное пособие - М.: Педагогическое общество России. - 1999 - 442 с.
7. Овчинников В.В. Ветка сакуры. М., 1972, С.146-147.
8. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. – М., 2004.
9. Giddens A. Konsequenzen der Moderne. Fr.a.M., 1995. S. 129-133.
10. Sztompka P. New perspectives on trust: Rev. essay. – American j. of sociology. – Chicago, 2006. – Vol. 112, N 3. – P. 905–919.

Существенное значение доверия на современном этапе развития российского общества признаётся и акцентируется всеми участниками политического процесса, хотя и с разной степенью позитивных и негативных оценок. Злободневность этой теме добавили протестные выступления, связанные с недоверием к результатам парламентских и президентских выборов (Гудков, 2012; Доклад экспертов ЦСР, 2012; Ясин, 2012). Социологические центры пунктуально отслеживают колебания рейтингов президента и премьера. В.В.Путин и Д.А.Медведев неустанно агитируют за сохранение доверия общества к власти в целом (Путин, 2012). Председатель Государственной Думы С.Е.Нарышкин выдвигает конструктивную идею создания общенациональной стратегической программы модернизации культуры, в т.ч. для формирования «привычки» к цивилизованному, основанному на взаимном доверии диалогу общества и власти. В Общественной палате И.Е.Дискин и М.В.Островский готовят «Интегрированную систему общественного контроля», базовые положения которой: «Рост доверия к государству - императив. Без него растёт уклонение от норм закона, коррупция. Доверие невозможно без участия граждан». Святейший патриарх Кирилл в связи с наводнением на Кубани говорит не только о Вере, но и о доверии, что нетипично для православной традиции. Оппоненты режима, в т.ч. авторы Центра стратегических разработок, анализируют острый дефицит доверия к политическим институтам, включая правительство, официальное телевидение и церковь. Известный финансист Г.О.Греф провоцирует дискуссию о глубоко укоренённом недоверии правящей элиты к массам.

Дискуссию о доверии как ресурсе развития России и в особенности практические выводы из неё приобретают смысл,

- во-первых, если востребовано именно доверие и его разновидности, которые не подменяются родственными, но не тождественными феноменами надежды, веры или уверенности;
- во-вторых, если конкретно определены взаимодействующие лица и цели доверительных отношений: кто кому и ради чего доверяет, и проблема не сведена к абстракции «Народ vs Власть»;
- в-третьих, если указы и рекомендации опираются на а) реалистическую интерпретацию достоверных социологических индикаторов, б) замеренных на основе добротных методик, которые, в свою очередь, с) базируются на современных концепциях доверия, d) адаптированных к российским реалиям (Татарко, Лебедева, 2011; Данкин, 2012; Инглхарт, Вельцель, 011; Castelfranchi, Falcone, 2010; Moellering, 2006; Welzel, Inglehart, 2010).

Ряд традиционных концепций, прежде всего экономико–детерминистских, показали свою ограниченность. В поисках выхода учёные предпринимают поиск сущности доверия в более широкой теоретической панораме: от мировоззренческих проблем цивилизаций и анализа сдвигов в иерархии ценностей - до обновлённых политэкономических формационно–классовых теорий и концепций партнёрства и справедливости (Белянин, Зинченко, 2010; Веселов, 2011; Журавлёв, Купрейченко, 2012; Castelfranchi, Falcone, 2010; Welzel, Inglehart, 2010). Взаимосвязь категорий «человеческая эволюция», «свобода выбора», «позитивные ожидания», «снятие неопределённости» и «доверие» не только выступает в качестве главного вопроса междисциплинарной повестки дня гуманитарных наук, но и считается принципиально важным фактором решения многих практических проблем (Castelfranchi, Falcone, 2010; Moellering, 2006).

Из довольно многообразного рода социально–психологических отношений доверие выделяется видовыми параметрами: степенью свободы выбора целесообразной стратегии деятельности и принципиально неустранимой до конца неопределённостью реакции партнёра. Если контекст вариантов выбора модели поведения жёстко минимизирован экономическими, политическими, духовными ограничениями, или патологией психики, человек может верить предначертаниям свыше, надеяться на благотворительность, быть апатичным или агрессивным. Но у него практически нет возможности доверять. Если же человек заранее знает на 100% (что случается крайне редко), чем ответит на его действия партнёр или контрагент, значит, он абсолютно уверен, и тогда отпадает необходимость рисковать, действовать отчасти «на авось», становиться уязвимым, зависимым, то есть - доверять.

Вычленив собственно исследуемый феномен на практике в естественном конгломерате родственных явлений не просто, даже если учёным удастся когда-нибудь достигнуть консенсуса по таким видовым критериям личности, как наличие ситуации выбора, риска, уязвимости доверителя, неопределённости ожиданий, диктующей т. н. «скачок веры» – «leap offaith» и соответствующие «уловки мышления» на грани рационального и бессознательного (Белянин, Зинченко, 2010; Журавлёв, Купрейченко, 2012; Moellering, 2006).

При этом важно различать два основных вида доверия. Во-первых, доверие как психологический аттитюд, внутренняя ориентация, преднастройка, установка одного актора по отношению к другому (другим) в связи с возможным и ожидаемым поведением или предполагаемыми свойствами. Во-вторых, как действие или принятие решения включённой в социум личности, действовать, полагаться, рассчитывать на партнёра, зависеть от «другого» (Castelfranchi, Falcone, 2010; Инглхарт, Вельцель, 2011).

Согласно популярной на Западе, а теперь и в России, концепции Р.Инглхарта и К.Вельцеля о человеческом развитии (humandvelopment), культура толерантности, взаимного доверия связана с необходимым уровнем свободного выбора личности (agency). Однако эта наивысшая ценность, эта воля самовыражения может принести как созидательные так и разрушительные результаты. Видимо, именно неопределённость (никогда не преодолимая и неизбежная) в ожидании реакции, встречного поведения второго актора, неоднозначность в оценке его добродетельности или злонамеренности и определяет природу доверия. С этих позиций, изучая сущностные характеристики феномена доверия, я акцентирую внимание на уточнении: – социального, гуманистического доверия, т.е. доверия людей к людям и их общностям, а не к неодушевлённым предметам, структурам и текстам. Разумеется, признавая при этом правомерность иных представлений о природе и предмете доверия (Данкин, 2011; Данкин, 2012; Welzel, Inglehart, 2010).

В современных концепциях доверия, как правило, подчёркивается обязательность наличия элементов, без которых понимание феномена становится неполным, частичным либо искажённым.

Во-первых, это действующие лица, акторы доверия. Важно не упускать из виду их (в предельном значении, в идеале) равнозначный статус, в отличие от статусов субъекта и объекта. Правда, в многочисленных частных случаях акторы могут оказываться только «доверителем» и «доверенным», полностью лишаясь субъектных полномочий либо характеристик «лица, которому доверяют». Априорный отказ от исследования равноправия обоих партнёров доверительных отношений изначально снимает вопрос о реципрокности, взаимности доверия, которая может существенно повысить его результативность. В ряде случаев без взаимности доверие вообще не возникает. Однако в отечественной социологии вопрос о доверии институтов власти к согражданам не задаётся, нет даже терминологии, соответствующей западным категориям «тот, кому доверяют» (trustee), «способность и готовность быть достойным доверия» (trustworthiness, Vertrautheit). Существенно дальше продвинуто изучение доверия как главного компонента психологической дистанции между различными акторами: индивидами, группами, организациями, социальными институтами (Журавлёв, Купрейченко, 2012; Данкин, 2011).

Во-вторых, неотъемлемой предпосылкой доверия является значимая для акторов (или хотя бы для одного из них) цель (задача), которую невозможно достигнуть (нельзя решить) вне доверительного взаимодействия. Без такой мотивирующей цели доверие остаётся в лучшем случае аттитюдом, позитивным ожиданием, склонностью актора доверять людям, но не активизируется в действие, например, в делегирование полномочий, не говоря уже о сотрудничестве, партнёрстве. Выдвигаемая ныне в качестве общенациональной цели модернизация России воспринимается как мотив доверия к руководителям страны и властным институтам не во всех социальных группах, значительно уступая в приоритетности задачам семейного благополучия, обеспечения безопасности, сохранения стабильных привилегий и т. п. Способность некоторых группировок политической элиты к основательному и приемлемому для общества целеполаганию вызывает сомнения.

В-третьих, большое, во многих случаях – решающее, значение для формирования и развития доверия имеет контекст, окружающая среда, внешние обстоятельства функционирования феномена. Участвовавшие природные и техногенные катаклизмы, политические бури в одних регионах и деморализующая стагнация в других, неукротимый финансово-экономический кризис, разгул терроризма и преступности, рост межэтнической и конфессиональной напряжённости сужают базу сохранения доверия. К тому же в России нарастает процесс разъединения общества на

социальные страты, отличающиеся не только уровнем доходов, но и, что гораздо важнее, иерархией ценностей, типом мышления, ментальностью. «Полоса отчуждения» разделяет кластеры с новыми ментальностями, в т. ч., солидарно-модернизаторской и гламурно-коррупционной.

В-четвёртых, изучение доверия осталось бы поверхностным, свелось к жонглированию индикаторами без анализа механизмов его формирования. Проникновение в «чёрный ящик» взаимосвязей бессознательных, архетипически-ментальных, (квази)сакральных, волевых, рациональных, институционализованных элементов феномена – не только междисциплинарная научная проблема. Её решение даёт возможность разработки (приемлемых в этическом и правовом плане) гуманитарных технологий воздействия на динамику таких компонент процесса доверия, как укрепление или разрушение установки на доверие к людям и институтам, идентификация, интерпретация, ожидания, контингентность.

Может быть, окажется полезным, рассматривая доверие как процесс, видеть и первоначальные его стадии, «протодоверие» - неосознанные «движения души», врождённые, инстинктивные либо приобретённые вместе с культурой наиболее близкой общности, – семьи и других референтных – в т.ч. этнических, конфессиональных, мировоззренческих групп. На этой стадии вряд ли возможна, а главное, не нужна и даже вредна институализация, заорганизованность, стандартизация. Иное дело – вторая стадия, когда доверие укоренилось в нравственных нормах, религиозных канонах, обычаях, традициях общности, с которой личность себя идентифицирует. Высшим уровнем институализации в таком случае можно считать доверие, закреплённое в законодательстве, в институтах государства, бизнеса, в международном праве.

Подход к доверию как к процессу, который последовательно эволюционирует, приобретает институциональные черты, от сферы бессознательного к нормам морали и затем закрепляется в праве, позволяет сделать несколько вполне прагматических выводов:

- доверие позиционировано практически во всех «узлах», на всех направлениях модернизации экономики и политики, социальной и духовной жизни общества. Оно или его временное отсутствие определяет (сужает или раздвигает пределы) стратегий, которые выбирают субъекты перемен;
- процессом формирования доверия можно управлять через целевой мониторинг, аудит и изменения в системе ценностей, преобразование (защиту, укрепление, воспитание) нравственных норм, совершенствование законодательства и правосознания.

В предложенной автором 3-D модели доверия (Данкин, 2009) этот и родственные ему социально-психологические феномены рассматриваются как процессы, в которых статическое (когда время как бы стоит, фиксируя состояние) отношение является лишь частным случаем. Пространство развития социально-психологических феноменов можно представить и 4-х-мерным и n-мерным, т.е. включающим помимо времени и другие факторы. Однако на данном этапе изысканий проще и правильнее учесть деятельную, волевою, поведенческую компоненту. Таким образом, сферу зарождения доверия, его «соседство» с сопредельными явлениями предлагается рассматривать именно как сферическое пространство, заданное векторами духовности (веры), рациональности (знания) и деятельности (воли). Большинство релевантных социально-психологических ориентаций формируются в том октанте, в той «осьмушке» пространства, которая задаётся векторами с положительными значениями духовности (веры, нравственного чувства, эстетического восприятия); знания (информации, рационального восприятия) и воли (деятельной, поведенческой компоненты). Это – религиозная и мирская вера, надежда, доверие со множеством разновидностей, уверенность.

Важной характеристикой условно-графической 3D-модели становится представление о том, что векторы (не оси координат!) не пересекаются. Вокруг т.н. «нулевой точки» располагается подпространство амбивалентных реакций, равнодушия, уныния, апатии. В таком случае недоверие понимается не как отсутствие доверия, а как самостоятельный феномен, который развивается в другом октанте (Купрейченко, 2008). Можно вообразить, что происходит в части пространства политико-психологических установок, образуемой векторами воли и духовности и отрицательных показателей знания либо нагнетания дезинформации. Здесь, вероятно, и накапливаются отчаяние, ксенофобия, нетерпимость, экстремизм.

В данной дискуссионной иллюстрации процесса доверия институализация доверия может быть истолкована как постепенное нарастание (в темпе социального времени) знания, рефлексивной, рациональной составляющей феномена. Однако движение по вектору «Знание – Расчёт» вовсе не однозначно даёт прирост объёма, потенциала доверия, который может даже сокращаться при

одновременном снижении координат «Вера – Духовность» и отсутствии «Воли – Действия». Очевидно, что приближение к оси «Знание» и секуляризация носят асимптотический характер. С учётом российских ментальностей абсолютная рационализация сознания и поведения недостижима. Более того, полная рационализация доверия означала бы утрату этим феноменом своих существенных характеристик и превращение его в иной феномен – «уверенность». В некоторых (но далеко не во всех) российских социальных группах уже созревают утилитарные, потребительские, достигательные установки западного образца. Однако не слишком ли опережает время отождествление нынешнего россиянина с «экономическим человеком»? Нет ли односторонности в тезисе петербургских социологов: «Итак, доверие теперь производится и воспроизводится рыночным обществом как своя предпосылка и результат, как товар и его стоимость, как особая торговая марка современности» (Веселов, 2011)?

В России действовали и действуют, по многим параметрам отличные от соседних культур, реальные социальные группы, государственные институты, ячейки гражданского общества, между которыми возникали и рушились релевантные для судьбы страны отношения доверия, недоверия, ненависти, которые не сводимы ни к классовой борьбе (будь это даже «средний», «политический» или «креативный» классы), ни к идеализированным образам «Власти» и «Народа». Прагматичные гуманитарные технологии с таким понятийным аппаратом не построишь. Очевидно, термины «Народ», «Власть» уместны в Конституции, в программах политических партий, публицистических манифестах. Однако в аналитических поисках современного субъекта модернизации России, субъекта доверия, по моему убеждению, более конструктивным станет предметный учёт актуальной дифференциации российского социума.

Один из возможных вариантов стратификационной модели современного российского общества предлагает О.И.Шкаратан. По его мнению, принципиальным отличием от европейских обществ является доминирование сословно–слоевых членений над собственно классовыми и социально–профессиональными. Под таким углом зрения удаётся решить задачу конкретизации идеально–типической категории «народ» путём выявления «реальных социальных групп, характеризующихся максимальной однородностью социально–экономического положения, а также параметрами обладания властными, человеческими, культурными и социальными ресурсами». Реальные группы (общности) составляют противоположность привычным статистическим (номинальным) группам, выделенным по какому – то отдельно взятому признаку (Шкаратан, 2012). Очевидно, что к концу 2011 года доверие реальных социальных групп к конкретным государственным институтам в России упало ниже пороговых индикаторов, предвещающих дестабилизацию (Гудков, 2012).

Может быть, менее очевидно, что социологические опросы, мониторинги, лонгитюдные методы нуждаются в обновлении методологической базы, актуализации понимания механизмов развития и деградации доверия. Достоверность опросных цифр, в частности, зависит от того, в какой фазе процесса находится доверие респондента, в момент, когда ему задаётся вопрос «Доверяете ли Вы (допустим) президенту?». Имеются в виду, как минимум, фазы аттитюда – интерпретации – ожидания. Во–первых, человек может вообще не рефлексировать о такой проблеме. Надо учесть и то, сохранилась ли у него склонность доверять людям. В другой фазе – интерпретации, респондент идентифицирует себя как подданного, гражданина, налогоплательщика или работодателя; задумывается над тем, может ли партнёр (президент) помочь ему в решении насущных задач. Между фазами интерпретации и ожидания происходит т.н. «скачок веры» из-за неустранимой неполноты информации о партнёре. В противном случае мы имеем дело не с доверием, а с одним из сопредельных феноменов (Moellering, 2006). Таким образом, для целостного и неискажённого представления об уровне и качестве доверия респондента надо бы проводить, по меньшей мере, 3 замера с открытыми или адаптированными к российской специфике закрытыми вопросами. Первый – о наличии предрасположенности, аттитюда к доверию. Если таковых нет, то дальнейшие расспросы бесполезны, и оценки будут искажены в интересах респондента или интервьюера. Второй комплекс вопросов – об идентификации акторов, интерпретации контекста доверительных отношений. Третий – об ожиданиях доверяющего от акта доверия. Каждый блок вопросов предполагает выяснение наличия принципиальных предпосылок доверия: степени свободы выбора модели поведения, общности целей акторов и возможности их взаимодействия. В соответствии с 3-Дпредставлением, полагается уточнить качественное соотношение рационалистической и духовно- нравственной компонент.

Доверие, в силу многообразия его разновидностей и динамического (процесс, а не статика)

характера, доступно для регулирования, управления, программирования Логика программы доверия соответствует естественному алгоритму: анализ > преобразование > синтез.

I стадия разработки программы – анализ исходного состояния доверительных отношений в российском политическом пространстве. Уточнение фоновых значений межличностного доверия в ближнем окружении и к отдалённым партнёрам. Выявление разновидностей институционального доверия ключевых акторов, т.е. реальных кластеров и групп в генеральной совокупности «народ». Более пристального внимания требуют исследования тех групп, которые обладают модернизационным потенциалом: патриотически ориентированные элиты, высококвалифицированные специалисты, рабочая аристократия, предприниматели в инновационных отраслях, студенчество и молодые учёные, соотечественники за рубежом. Не менее важно получить достоверные данные о доверительных процессах в социальных группах, способных надолго затормозить модернизацию: коррумпированная часть чиновничества, «офисный планктон», консерваторы в силовых структурах, криминальные сообщества .

II стадия – целесообразное, этически и политически допустимое воздействие на программные характеристики ключевых звеньев (повышение компетентности элементов гражданского общества, гуманизация институтов, стимулирование инновационных моделей поведения и другие меры). Выявление доминантных разновидностей доверия в каждом звене, их корректировка и конвертация (блокирование агрессии и апатии, мотивация творчества и патриотизма).

III стадия – синтез промежуточных результатов возрождения доверия в ключевых звеньях. Дальнейшая модернизация нравственных и правовых институтов и норм. Оценка нового состояния доверительных отношений, зрелости гражданского общества, степени приближения к согласованным целям модернизации. Продолжение итерационных циклов формирования культуры доверия.

Литература

1. Белянин А.В., Зинченко В.П. Доверие в экономике и общественной жизни. М., 2010.
2. Веселов Ю.В. Доверие и справедливость: моральные основания современного экономического общества. М., 2011.
3. Гудков Л.Д. На зеркало неча пенять, коли рожа крива // Вестник общественного мнения. 2012. №1.
4. Данкин Д.М. Высокие гуманитарные технологии: доверие в 3-D пространстве // Новые технологии газовой, нефтяной промышленности, энергетики и связи. Сборник трудов XIX международного конгресса. М., 2009. С.483–487.
5. Данкин Д.М. Доверие как фактор стабильности // Учёные записки ИМЭИ. 2012. Т.2. №1. С.7–24.
6. Данкин Д.М. Доверие к субъекту перемен // Мы – Народ: Народ – главный субъект развития, модернизации, управления Россией. Коллективная монография / Сост. В.Н. Кузнецов. М., 2011. С.50–69.
7. Дискин И.Е. Модернизация России. Сохранится ли после 2012 года? М.: 2011.
8. Журавлёв А.Л., Купрейченко А.Б. Социально–психологическое пространство личности. М., 2012.
9. Инглхарт Р., Вельцель Кр. Модернизация, культурные изменения и демократия. М., 2011.
10. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М., 2008.
11. Общество и власть в условиях политического кризиса. Доклад экспертов ЦСР Комитету гражданских инициатив. Май 2012. // www.csr.r
12. Путин В.В. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 16 января 2012.
13. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии. М., 2011.
14. Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012.
15. Ясин Е.Г. Приживётся ли демократия в России. М., 2012.
16. Castelfranchi Cr., Falcone R. Trust Theory. A Socio-Cognitive and Computational Model. University of Liverpool. 2010.
17. Moellering G. Trust: Reason, Routine, Reflexivity. Oxford. 2006.
18. Welzel Cr., Inglehart R. Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy // Perspectives on Politics. June 2010 / Vol. 8/ №2. www.worldvaluessurvey.com/ publications/

ДОВЕРИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА И ЕГО НОРМАТИВНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ

Развернувшиеся в последнее время дискуссии показали, что понятия экономического роста и развития общества необходимо рассматривать с точки зрения концепций внеэкономического капитала: социального, человеческого, культурного, символического. Соответственно, назревшая потребность в новом видении места экономики и значимости социальной и других сфер привела ученых-исследователей к концептуализации и процессу формирования понятий социального, человеческого, культурного, символического потенциала.

Понятие «социальный капитал» является центральным в ряду названных категорий. По мнению ряда исследователей, социальный капитал – это интегральная характеристика, включающая в себя материальные ресурсы и символические ресурсы (образование, членство в организациях, доступ к информации, репутацию и другие нематериальные активы и др.). Понятие «социальный капитал» показывает значимость групповых общественных образований, сообществ для функционирования всех его сфер – экономики, политики, образования и т.д. Ресурсом социального капитала, по мнению М. Вулкока, выступает партнерство, т.к. формирование социального капитала – это процесс, который вовлекает различных акторов из разных секторов общества в единое целое для достижения общей цели (Woolcock, 2000). Иными словами, социальный капитал характеризует отношения между людьми, когда каждый человек так или иначе решает каким образом выстраивать свое окружение, как обмениваться различными ресурсами с партнерами.

Тожественную позицию занимает американский ученый Дж. Коулмен, считая, что социальный капитал включает те аспекты социальной структуры, которые облегчают действие человека внутри группы. Под ресурсами ученый понимает существующие социальные связи и коллективные ценности. Формирование социального капитала обусловлено формированием системы доверия, для которой характерна готовность к риску; система доверия способствует созданию новой социальной нормы (Coleman, 1990).

Таким образом, по мнению ряда ученых, элементами социального капитала выступают:

- 1) социальные связи и пути, по которым они создаются;
- 2) доверие, обеспечивающее взаимодействие членов группы как единого целого;
- 3) нормативы и правила, укрепляющие доверие;
- 4) институты, обеспечивающие функционирование общества.

Проблема доверия лишь в последнее время стала предметом изучения как зарубежных, так и для отечественных ученых; тем не менее, уже имеется некоторый опыт исследований, получивших интересные как эмпирические, так и теоретические факты, отражающие систему построения доверия. Поскольку доверие является достаточно сложным объектом для изучения, воспринявшим множество идей и подходов, можно допустить обширное множество взглядов на эту проблему.

В концептуальном подходе П.Н. Шихирева социальный капитал рассматривается через ключевое понятие «деловая культура», которая проявляется во взаимосвязях объективных социальных и субъективных психологических условий. Автор рассматривает деловую культуру через уровень цивилизации, социокультурный уровень, уровень организации, групповой уровень и личностный уровень (Шихирев, 2000). Деловая культура, являясь ключевым элементом социального капитала, проявляется через следующие составные взаимосвязанные уровни: отношение к людям, отношение к обществу, отношение к делу, отношение к природе. П.Н. Шихирев в качестве интегрального морально-психологического критерия в выстраивании социальной системы на каждом уровне выделяет показатель доверия, который, в свою очередь, способствует созданию новой социальной нормы.

Опираясь на различные научные данные, П.Н. Шихирев описывает характерные особенности социального взаимодействия российского руководителя. Так по отношению к людям взаимодействие с партнерами зависит от степени близости по шкале «свой» - «чужой»: к малознакомым партнерам отмечается низкий уровень общего доверия. По отношению к законам выражена общая тенденция недоверия, в связи с их противоречивостью и нестабильностью. Отношение к чиновникам в целом

отрицательное, очевидна склонность к решению своих проблем неформальным путём. Выражено двойственное отношение к государству: с одной стороны стремление освободиться от его опеки, с другой - постоянная апелляция к нему. По отношению к делу отмечается следующее: организация труда еще несовершенна, руководитель отличается неспособностью делегировать отношения или самостоятельно принять конструктивное решение. Отношение к природе наименее развито, заметно скорее своим отсутствием, нежели активным участием в решении экологических проблем.

На процесс формирования доверия большую роль играют нормы и правила или системы представлений о правильном и неправильном поведении, требующие выполнения одних действий и запрещающие другие. В связи с переходом России к построению рыночных экономических отношений проблемы, связанные с нравственно-нормативной регуляцией социального взаимодействия, обрели особую остроту. Сама постановка вопроса о нравственно-нормативной составляющей социальных отношений связана с проблемой выживания в конкурентной борьбе и коммерческого успеха при соблюдении этических норм.

Исследуя вопрос деловой морали и ее влияние на систему межличностных отношений нашли отражение в работах Р. Андерсона и П.Н. Шихирева, которые выделяют два универсальных, но полярных типа предпринимателей по их моральной ориентации - «акула» и «дельфин» (Шихирев, 2000). Первый руководствуется принципами «деньги не пахнут» и «все дозволено», второй - принципами «честь выше прибыли» и «не хлебом единым». Выделенные типы от природы наделены незаурядными способностями, функциональная цель обусловлена их местом в экономической среде - получение прибыли, дохода, выгоды. Но, одновременно, эти типы кардинально противоположны по этическому параметру, основанной на системе базовых отношений: к людям, обществу, природе. «Акула» принципиально никому не верит, приписывая другим стремление переиграть и обмануть, «дельфин» же изначально настроен на доверие, ему нет смысла притворяться, блефовать.

Процесс формирования социальной сети неизменно предполагает решение постоянно возникающих в деловых отношениях моральных дилемм. П.Н. Шихирев под разрешением моральной дилеммы понимает выбор, принятие решения в деловой ситуации, когда человеку необходимо «соотнести, согласовать цели и средства их достижения; соотнести личные и общественные интересы без ущерба для тех и других; выбрать между краткосрочной выгодой и долгосрочным результатом; руководствоваться духовными, моральными или материальными ценностями.

В последние годы постоянно растет объем исследований в области изучения субъективного, личностного преломления норм в системе выстраивания социальных отношений. Исследователей отмечается сложный характер детерминации этого явления, выделяя в качестве определяющих как социальные, экономические, культурно-исторические, так и индивидуально-психологические факторы морального и не-морального регистра. Исследователями установлено, что на предпочтение той или иной нормы влияет ряд факторов: 1) особенности предмета распределения: материальный или нематериальный, вознаграждение или наказание; 2) особенности ситуации: деловой или межличностный контексте, особенности экспериментальной задачи; 3) особенности участников распределения: культурная принадлежность, пол, преследуемые цели, личная заинтересованность, групповая принадлежность (Дрынкина, 2008).

А.Б. Купрейченко предлагает свою модель нравственной регуляции межличностных отношений, формирующую систему доверия, которая включает психологическое отношение личности к соблюдению нравственных норм и психологическую дистанцию с представителями различных социальных категорий как основной критерий гибкости отношений (Купрейченко, 2008). Автор выделяет отношение к соблюдению нравственных норм по пяти нравственным качествам: терпимости, принципиальности, справедливости, правдивости и ответственности. Автор эмпирически доказывает относительность к соблюдению нравственных норм, где основным критерием гибкости отношения к нравственным нормам является психологическая дистанция. Именно принадлежность людей к близкому или удаленному кругу психологической дистанции определяет отношение к нравственным нормам в деловом взаимодействии.

Основываясь на концептуальном подходе А.Б. Купрейченко, нами было проведено исследование (2007 - 2012 гг.), которое позволило выявить степень выраженности, особенности проявления и динамику различных нравственных качеств в социальном взаимодействии у руководителей. В дальнейшем полученные эмпирические данные сопоставлялись с результатами исследований А.Б. Купрейченко.

По результатам проведенного исследования выявлено, что отношение к соблюдению нравственных норм у руководителей характеризуется вариативностью и относительностью. Сравнивая статистические данные, полученные в нашем исследовании, с результатами исследований А.Б. Купрейченко, можно отметить, что в целом они не противоречат друг другу и в значительной степени совпадают. Отличительной особенностью наших респондентов является то, что они отличаются более высокой терпимостью и более низкими показателями по уровню правдивости в социальном взаимодействии. Установлено, что в изучаемых выборках наблюдается высокий уровень отношения к соблюдению норм терпимости - этот показатель оказался самым стабильным и существенно не изменился за последние 5 лет. Кроме этого, были выявлены заниженные показатели по нормам правдивости и справедливости, которые имеют выраженную динамику к снижению. Явная тенденция к снижению также была выявлена у показателей к нормам ответственности и принципиальности. В целом, по результатам нашего исследования отмечается избирательная этика в социальном взаимодействии; за последние пять лет усиливается тенденция к необязательности вплоть до недобросовестности в деловых отношениях; характерно двойственное отношение к соблюдению нравственных норм в системе социальных отношений. Иными словами, соблюдение нравственных норм руководителями весьма противоречиво: принципиальность и ответственность не исключает пассивности и оправдания нечестного поведения ради выгоды или интересов дела. И эта противоречивость, непредсказуемость и размытость границ между нормативными представлениями является весьма разрушительной для системы доверия (Дрынкина, 2008).

Решая постоянно возникающих в социальных отношениях моральные дилеммы, человек одновременно, сознательно или по наитию, решает для себя вопрос о стратегиях выстраивания и накопления и использования социального капитала. В исследовании Е.А. Карповой изучались стратегии проявления неэтичного взаимодействия, подрывающие систему доверия в социальных отношениях (Карпова, 2007). Автор в качестве вариантов неэтичного взаимодействия выделяет силовые и манипулятивные способы воздействия на актора, отмечая, что система доверия начинает разрушаться, когда социальный партнер рассматривается как средство или помеха для достижения своих целей, а значит, его нужно использовать или нейтрализовать. Также автор, исследуя вопрос накопления социального капитала (будущая профессия, будущая работа, социальные связи и т.п.), делает вывод, в последнее время человек все чаще выбирает стратегии «Межличностный прагматизм» и «Взаимный обмен». Человек с доминированием стратегии «Межличностный обмен» старается выжать больше ресурсов из той социальной системы, членом которой является; в свою очередь, другой элемент этой социальной системы (напр. работодатель) также стремится выкачать из человека как можно больше ресурсов. При стратегии «Взаимный обмен» актор не ставит перед собой каких-либо целей расширения социальной сети, его деятельность направлена на поддержание контактов и взаимовыгодный обмен.

В заключении отметим, что в последнее время актуальность исследования доверия как важного элемента социального капитала, приобретает особую остроту. По нашему мнению представляется вполне очевидным положение, что доверием - это сложный, комплексный феномен, формирующийся под воздействием социально-экономических, социокультурных, социально-психологических, индивидуально-психологических факторов, имеющих разную степень выраженности и интенсивности. В результате дифференцированного влияния социально-экономических, социокультурных, параметров на совокупность социально-психологических и индивидуально-психологических характеристик личности формируются различные стратегии накопления и использования социального капитала, в том числе и доверия. Эти стратегии накопления и использования социального капитала вполне могут рассматриваться как интегральные показатели реакции на социальную среду,

Литература

1. Дрынкина Т.И. Социокультурные особенности организационного поведения (на примере татарских и русских руководителей). Автореферат дис. .... кандидата психол. наук. – Санкт-Петербург, 2008. – 21 с.
2. Карпова Е.А. Социально-психологические особенности профессиональной самореализации руководителей социально-культурной сферы. Автореферат дис. .... кандидата психол. наук. – Ярославль, 2007. – 21 с.

3. Купрейченко А.Б. Психология доверия. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
4. Шихирев П.Н. Введение в Российскую деловую культуру: Учеб. пособие /Гос. ун-т управления; Нац. фонд подготовки фин. и управленческих кадров. – М.: ОАО «Типография «НОВОСТИ», 2000.
5. Coleman J. Foundations of Sociol Theory. Cambridge: Harvard University Press, 1990.
6. Woolcock M. Social Capital: the State of Notion // Social Capital: Global and Local Perspective / Ed. By J. Kajanoja, O Simpura. Helsinki: Government Institute for Economic Research, 2000.

Киреева О.В., Змиев Е.Е.,

Кубанский государственный университет, Краснодар

ДОВЕРИЕ ПОЛНОМОЧИЙ СОВЕТУ ДИРЕКТОРОВ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ

Существующая и декларируемая как прогрессивная со времен А.Смита, К.Маркса и др. модель рыночной экономики показала неизбежность спадов – кризисных этапов – в экономических процессах. Считается, что и первая, и вторая волны кризиса – это кризисы доверия в экономике и в обществе. Однако то, что для экономического (рационального) человека принимается как должное, для социального человека предстает как ситуация борьбы за ресурсы и благополучное со-бытие с другими; для политического человека – как ситуация отстаивания своих прав и свобод; а для психологического человека (с его глубиной субъективных переживаний) предстает как стрессовая ситуация, требующая значительных личностных затрат на адаптацию к ней. В связи с ожиданиями таких психотравмирующих событий социальная, политическая и экономическая элита стремится найти качественно новые методы и технологии управления экономическими процессами.

Феномен доверия все чаще стал появляться в психологических (доверие к миру (Э.Эриксон и др.), доверие к другому (К.А.Абульханова-Славская, И.С.Кон, Б.Ф.Поршневу, А.У.Хараш, Дж.Хоманс, К.Роджерс, др.) и доверие к себе (А.Бандура, А.Менеггети, Ф.Перлз, К.Роджерс, Э.Шостром и др.)), социологических (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Ф. Фукуяма, А. Селигмен), политических (Т.Парсонс, Н.Луман, И.И.Кузина др.), экономических исследованиях (Д.Норт, Дж.Коулмен, Х.П.Харчилава и др.), что конечно, объясняется актуальностью изучения характера взаимоотношений личности и общества (Мышляева, 2006; Кузина, 2010; Скрипкина, 1998; Харчилава, 2009). Данное понятие приобретает междисциплинарное значение, становится объектом научного анализа в сфере маркетинга (Наумов, 2010), управления персоналом (Яхонтова, 2004), потребительского поведения (Костин, Крючков, Сидоренкова, Слепова, 2011) и др. Несмотря на различные контексты рассмотрения доверия, исследователи приходят к проблеме принятия решений личностью в ситуации неопределенности, к проблеме субъективных ожиданий, представлений о возможных рисках в межличностном и деловом взаимодействии. В.Н.Наумов применительно к взаимодействию различных субъектов в рыночной среде, определил доверие как «совокупность неких ожиданий субъекта по отношению к взаимодействующей стороне, что она поступит в соответствии с установленными договорными соглашениями, соблюдая принципы честности и порядочности» (Наумов, 2010).

В данной статье рассмотрим доверие в сфере высшего управления предприятием – в деятельности Совета директоров компании. На сегодняшний день в практике управления предприятиями сложились 2 мета-модели управления бизнесом:

1. когда главным субъектом управления является акционер или акционеры,
2. когда главным субъектом управления является генеральный директор.

Обе эти модели доказали свою состоятельность и эффективность на этапах становления бизнес-процессов в организации, в революционные периоды преобразования страны. Но для поступательного развития предприятия данные модели имеют ограничения в применении. Среди таких ограничений можно назвать следующие:

1. минимизация центра принятия решений одной личностью,
2. недостаток доверительных связей бизнеса и власти,
3. ограничение интеллектуальных ресурсов компетенциями личности главного субъекта управления,
4. необходимость борьбы за власть и капитал.

Для преодоления этих ограничений наиболее эффективна третья мета-модель, в которой главным субъектом управления становится коллегиальный орган – Совет директоров компании. В этой третьей мета-модели такие субъекты управления, как акционеры и генеральный директор, не исключаются из управленческого процесса, а самоограничиваются особым набором функций. Так, акционеры выдвигают Совету директоров запросы по стоимости компании и размеру дивидендов, а генеральный директор выполняя исполнительские функции, реализует стратегии, утвержденные Советом директоров.

В данной мета-модели стратегическое управление доверительно передается акционером(-ами) или генеральным директором в руки членов Совета директоров. При этом важно обеспечить реальное, а не номинальное функционирование данного органа, которое включало бы в себя глобальные координационные и контролирующие функции. Признаки перехода Совета директоров из номинального в реально действующий орган стратегического управления:

1. высокий уровень мотивации членов Совета директоров на полноценное функционирование в компании,
2. функционирование Совета директоров как единого командного мозгового центра,
3. совместимость членов Совета директоров на психофизиологическом, личностном и ценностно-мировоззренческом уровне,
4. необходимый признак – когда Совет директоров из утвердителя решений, фактически приносимых акционером или топ-менеджментом, превращается в субъекта, то есть в инициатора разработки и автора управленческих решений,
5. включение в Совет директоров личностей с развитой субъектной позицией (активных, инициативных, творческих, способных принимать управленческие решения), обладающих коммуникативной компетентностью и понимающих общую цель,
6. включение в Совет директоров внешних профессиональных корпоративных директоров как носителей свежего взгляда, интеллектуального и инновационного потенциала, управленческого опыта из смежных отраслей экономики, пользующихся доверием акционеров и топ-менеджмента.

В связи со сказанным выше можно выделить 3 группы задач по формированию Совета директоров как полноценного органа стратегического управления предприятия:

1. наделение Совета директоров полномочиями, фиксирование их в регламентирующих документах (Уставе организации, Положении о Совете директоров и др.),
2. профессиональный подбор членов Совета директоров по принципам совместимости, обеспечение их сработанности и сплоченности,
3. формирование такой организационной культуры на предприятии, в которой всеми участвующими в высшем управлении субъектами признаются самостоятельность и системная взаимосвязь и взаимозависимость друг от друга. Особое значение приобретает планомерная психокоррекционная работа по формированию и развитию адекватной оргкультуры предприятия, по согласованию формальной и неформальной структур в компании.

При решении этих задач возможным становится функционирование Совета директоров, самостоятельное от генерального директора и от подсказок акционера(-ов). В условиях полноценного функционирования членам Совета директоров не нужно тратить время и ресурсы на выяснение границ дозволенного и ограничений, на запрос и принятие мнения акционера, то есть на отстаивание своего места и роли в организационном процессе. Совет директоров направляет свою активность на основную цель – рост стоимости бизнеса. При этом его отличительной особенностью становится иницирующая роль в выработке стратегических решений по росту стоимости бизнеса. По сути, в данном случае Совет директоров, получив кредит доверия, выступает в качестве отдельного субъекта управленческой активности. Он самостоятельно ставит цели жизнедеятельности организации, продуцирует инновации и выбирает пути развития предприятия, самостоятельно принимает стратегические управленческие решения и несет ответственность за них. Возникает вопрос об эффективности принятых таким субъектом решений. Насколько они эффективны, можно оценить по набору и характеру полномочий, по степени подконтрольности, по степени реализованности, по возможности внесения изменений в функционирование предприятия, по возможности управления топ-менеджментом и бизнес-процессами. Интегрирующим показателем эффективности функционирования Совета директоров является его решающее влияние на результирующие показатели должностных лиц, которые могут влиять на рост стоимости компании. Следовательно,

Совет директоров, полноценно функционируя, осуществляет иницирующее влияние на рост стоимости предприятия. При этом рост стоимости происходит не только и не столько в интересах членов Совета директоров, которые могут за это получить вознаграждение, а прежде всего в интересах акционеров, работников, кредиторов, а также государства в целом.

Таким образом, третья мета-модель управления предприятием, в основе которой находится постулат о доверии полномочий Совету директоров в процессе стратегического управления, является наиболее эффективной и адекватной запросам рыночной экономики. При этом именно Совет директоров приносит в функционирование организации нововведения за счет высокого интеллектуального потенциала коллективного субъекта, осуществляет их реализацию, гибко, оперативно реагируя на макро- и микрофакторы за счет свежести взгляда на проблему и опыт в других отраслях экономики, а также доверия акционеров и топ-менеджмента.

Литература

1. Костин А., Крючков Р., Сидоренкова Т., Слепова Ю. Доверие пользователей интернет-магазинам: от концепции к экспериментальной оценке. 2011. <http://lib.custis.ru/images/d/df.pdf>
2. Кузина И.И. Доверие политическим институтам: Теоретические представления и подходы к эмпирическому измерению. С.67-75. http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Vonu_sip/2010_14/pdf/str_067-075.pdf
3. Мышляева Т.В. Доверие в современном обществе: подходы к анализу. С.301-307. [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990201_West_soc_2006_1\(5\)/34.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990201_West_soc_2006_1(5)/34.pdf)
4. Наумов В.Н. Маркетинг доверия: теоретические парадигмы повышения эффективности взаимодействия рыночных структур // «8. Стратегии развития инструментов коммерции. Раздел 5.3» СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. С.325-333. <http://www.ippnou.ru/article.php?idarticle=009334>
5. Скрипкина Т.П. Доверие как социально-психологическое явление. Автореф. дис. ... докт. психол. н., Ростов н/Д. 1998. http://www.scorcher.ru/neuro/neuro_sys/faith/faith5.php
6. Харчилава Х.П. Доверие и устойчивое развитие экономики 19.10.2009. <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/174271>
7. Яхонтова Е.С. Доверие в управлении персоналом. Зарубежные подходы и отечественный опыт оценки// Социологические исследования, № 9, 2004. <http://psyfactor.org/lib/trust.htm>
8. Яхонтова Е. С. Оценка доверия в контексте управления персоналом. <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2004-09/yakhontova.pdf>

*Корнеева И.Е.,
НИУ «Высшая школа экономики», Москва*

ДОВЕРИЕ И ГОТОВНОСТЬ ОБЪЕДИНЯТЬСЯ КАК ФАКТОРЫ САМООРГАНИЗАЦИИ

Гражданское общество является одним из базовых институтов российского общества (Заславская, 2004). Одновременно оно представляет собой поле взаимосвязи и взаимопроникновения других социальных институтов (третьего сектора, благотворительности, территориального общественного самоуправления, прав и свобод), общественно значимый итог функционирования которых проявляется в качестве соответствующих социальных практик граждан (Мерсиянова, Корнеева, 2011, Мерсиянова, 2009а, 2009б).

Одной из социальных практик гражданского общества является самоорганизация - способность населения к социальному взаимодействию на уровне согласования социально значимых целей. Практики самоорганизации рассматриваются как формы и модели объединения инициативных групп граждан с целью выражения коллективных требований-сообщений, затрагивающих проблемные условия жизнедеятельности всего местного сообщества или значительной его части. От активности и самоорганизации гражданского общества во многом зависят показатели уровня жизни населения в целом.

Среди важнейших установок россиян, характеризующих способность общества к самоорганизации - готовность людей объединяться для решения каких-либо общественных задач, уровень доверия людей друг к другу и уровень сплоченности, согласия / разобщенности, несогласия.

Готовность людей объединяться для решения общественных проблем является одним из главных индикаторов развития гражданского общества. В рамках данного исследования этот показатель измерялся при помощи вопроса «*Есть люди, готовые объединяться с другими для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают. Есть люди, не готовые объединяться с другими для каких-либо совместных действий, даже если их идеи и интересы совпадают. К кому бы Вы отнесли себя – к первым или ко вторым?*». Распределение ответа на этот вопрос показало, что две трети россиян безусловно готовы или скорее готовы к объединению для решения каких-то задач (По данным всероссийского опроса населения, проведенного Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ в 2011 году. Сбор данных осуществлялся методом личного интервью по формализованной анкете. Выборочная совокупность опроса составила 2000 респондентов, отобранных с учетом социально-демографических характеристик, репрезентирующих взрослое население России по полу, возрасту, типу населенного пункта. Статистическая погрешность полученных данных не превышает 3,4%). Скорее и безусловно не готовы объединяться лишь четверть опрошенных.

Готовность людей к объединению во многом зависит от уровня доверия людей друг к другу. «Без определенного уровня доверия людей друг к другу, к основным общественным институтам гражданское общество не может развиваться. Доверие растет по мере укрепления гражданского общества, и уровень доверия становится индикатором степени развитости гражданского общества» (Мерсиянова, Корнеева, 2011).

В настоящее время уровень доверия между людьми весьма низок. Так, более чем три четверти россиян считают, что в целом в отношении с людьми следует быть осторожными. Лишь каждый пятый гражданин России считает, что большинству людей можно доверять. Ситуация кардинально меняется, если речь идет о личном окружении. В этом случае склонны доверять людям 59% опрошенных, не склонны - 36%.

Также на готовность россиян к объединению влияют их представления о сплоченности и согласии среди людей. Распределение ответов на вопросы: «*Как Вы думаете, сегодня в нашей стране среди людей больше согласия, сплоченности или несогласия, разобщенности?*» и «*А если говорить о людях, которые окружают лично Вас, среди них сегодня больше согласия, сплоченности или несогласия, разобщенности?*» показало, что представления о согласии в рамках личного окружения и в целом среди людей сильно отличаются. Более чем три четверти опрошенных заявили, что в нашей стране среди людей скорее больше или безусловно больше несогласия, разобщенности. Представления относительно ближайшего окружения прямо противоположные – более половины (56%) опрошенных заявили, что среди людей, которые окружают их лично, безусловно больше или скорее больше согласия, сплоченности.

Для выявления готовности людей к объединению респондентам было предложено несколько проблемных вопросов-ситуаций:

- ...в вашем районе/на улице/во дворе за короткий срок было совершено несколько правонарушений. Кто-то говорит, что нужно самим организовать патрулирование, чтобы предупредить последующие правонарушения. Вы лично приняли бы участие в патрулировании или его подготовке? И если да, то в какой форме?

- ...в том районе, где Вы живете, планируется сдать в аренду часть площадей культурных и спортивных учреждений (дворцы культуры, спортивные сооружения), из-за чего сократится количество оказываемых ими услуг. Кто-то говорит о том, что нужно провести акцию протеста против этого. Вы лично приняли бы участие в подобной акции? И если да, то в какой форме?

- ...произошло чрезвычайное происшествие (пожар, наводнение, землетрясение). Кто-то предлагает провести акцию по сбору средств для пострадавших. Вы лично приняли бы участие в такой акции или ее подготовке? И если да, то в какой форме?

- ...предлагаемые властью реформы (например, образования, здравоохранения) ведутся без широкого общественного обсуждения и без учета мнения независимых экспертов. По этому поводу общественность готовит акцию протеста. Вы лично приняли бы участие в такой акции или ее подготовке? И если да, то в какой форме?

- ...ваши соседи предлагают собраться и подготовить программу для проведения праздника двора, улицы. Вы лично приняли бы участие в подобном мероприятии? И если да, то в какой форме?

- ...ваши соседи по району, селу/дачному кооперативу/садовому товариществу предлагают

собраться и очистить от мусора лесопарковую зону (рощу, лес, берег водоёма). Вы лично приняли бы участие в подобной акции? И если да, то в какой форме?

- ...там, где Вы живете, собираются закрыть детский сад и сдать его помещения в аренду под офисы. Кто-то говорит о том, что нужно провести акцию протеста против закрытия детского сада. Вы лично приняли бы участие в такой акции или ее подготовке? И если да, то в какой форме?

- ...в том районе, где Вы живете, планируется строительство высоковольтной линии электропередачи, что приведет к нарушению электромагнитного поля, снижению стоимости недвижимости и ухудшению здоровья людей. Кто-то говорит о том, что нужно провести акцию протеста против строительства линии. Вы лично приняли бы участие в такой акции или ее подготовке? И если да, то в какой форме?

- ...в том районе, где Вы живете, планируется строительство «чиновничьих» дач в лесопарковой зоне/у водоема, что ограничит доступ на эту территорию. Кто-то говорит, что нужно провести акцию протеста против строительства. Вы лично приняли бы участие в такой акции или ее подготовке? И если да, то в какой форме?

Респонденты должны были ответить, приняли бы они участие в предложенных инициативах / мероприятиях / акциях и если да, то в какой форме. Среди вариантов ответов - участие в подготовке инициативы / мероприятия / акции, участие в инициативе / мероприятии / акции, оказание материальной помощи для проведения инициативы / мероприятия / акции, готовность подписать коллективное письмо, а также отсутствие желания принимать участие в инициативе / акции / мероприятии и помогать ей материально.

На основании этих вопросов был проведен иерархический кластерный анализ, основная цель которого - формирование групп, однородных внутри и четко отличных друг от друга. В качестве меры расстояния между объектами был выбран Метод Варда (Ward's method) - дисперсионный метод, в рамках которого кластеры формируются таким образом, чтобы дисперсия внутри кластеров была минимальной, а между кластерами - максимальной. В результате было выделено 5 групп россиян, полученные группы были интерпретированы через социально-демографические и поведенческие характеристики участников.

Организаторы (4%) - самая малочисленная группа. Более половины (51%) представителей данной группы безусловно готовы и 80% безусловно готовы или скорее готовы объединяться с другими людьми для решения общественных задач. Принимать участие в инициативе / мероприятии / акции будут *в форме подготовки / организации*. Чаще встречаются среди женщин, с низким уровнем образования и дохода. Почти половина имеет образование не выше среднего общего, высшее образование есть только у 13% опрошенных. Каждый второй представитель этой группы проживает в селе и ПГТ.

Активисты (9%) - 39% представителей данной группы безусловно готовы и 84% безусловно готовы или скорее готовы объединяться с другими людьми для решения общественных задач. Принимать участие в инициативе / мероприятии / акции будут *во всех возможных формах*: в форме подготовки / организации, участия, материальной помощи, подписания коллективного письма протеста. Преимущественно женщины. Самая высокообразованная (половина имеет начальное профессиональное или среднее специальное образование, 25% - неполное высшее и высшее образование) и высокодоходная группа. Почти четверть представителей данной группы проживает в городах с населением от 100 до 500 тыс. чел. (для других групп этот показатель варьируется от 5 до 10%).

Участники (32%) - почти треть (29%) представителей данной группы безусловно готовы и 71% безусловно готовы или скорее готовы объединяться с другими людьми для решения общественных задач. Принимать участие в инициативе / мероприятии / акции будут *в форме участия*. Чаще встречаются среди людей среднего возраста (30-60 лет). Каждый второй имеет начальное профессиональное или среднее специальное образование. Треть проживает в селе; реже, чем в среднем представители данной группы встречаются в городах с населением от 50 до 250 тыс. чел. Чаще женаты /замужем.

Не активные (35%) - самая большая группа опрошенных. Почти четверть представителей данной группы безусловно готовы и почти две трети безусловно готовы или скорее готовы объединяться с другими людьми для решения общественных задач. Принимать участие в инициативе / мероприятии / акции будут в основном *в форме участия или в форме подписания коллективного письма протеста*.

Каждый четвертый представитель этой группы старше 60 лет. Чаще встречаются в городах-миллионниках и городах с населением свыше 500 тыс. чел. Женщин больше чем мужчин.

Равнодушные (20%) - только 18% представителей данной группы безусловно готовы и 46% безусловно готовы или скорее готовы объединяться с другими людьми для решения общественных задач. Вместе с тем, в основном, представители данного кластера принимать участие в инициативе / мероприятии / акции *не планируют*. В этой группе мужчин больше чем женщин. Самая большая доля людей старше 60 лет (26%). Около четверти представителей данной группы проживают в городах-миллионниках.

Литература

1. Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. - 120 с.
2. Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е. Вовлеченность населения в неформальные практики гражданского общества и деятельность НКО: региональное измерение. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». - М.: НИУ ВШЭ, 2011. - 196 с.
3. Мерсиянова И.В. Институты самоорганизации по месту жительства и качество жизни населения // Журнал исследований социальной политики. 2009а. Т. 7. №4.
4. Мерсиянова И.В. Социальная база российского гражданского общества // Общественные науки и современность. 2009б. № 4.

Купрейченко А.Б.,

НИУ «Высшая школа экономики», ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва

Шляховая Е.В.,

ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва

БАЗОВОЕ ДОВЕРИЕ/НЕДОВЕРИЕ КАК РЕГУЛЯТОР ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 12-06-12017в).

Человек строит свое поведение в мире в зависимости от степени доверия, которое он испытывает к той или иной части мира (Скрипкина, 2000). Однако недоверие, способствующее сохранению субъекта и его социально-психологического пространства, также является основой поведения человека. Доверие и недоверие как самостоятельные социально-психологические феномены выполняют сходные функции – регулируют отношения человека с окружающим миром, формируют и воспроизводят его социально-психологическое пространство (Купрейченко, 2008).

Цель настоящей публикации – рассмотреть доверие/недоверие миру, другим людям и себе в качестве регуляторов активности субъекта на примере электронной массовой коммуникации. Основанием публикации являются результаты исследования особенностей доверия пользователей к информации в процессе электронной массовой коммуникации, проведенного в феврале-апреле 2010 года с общим объемом выборки 190 респондентов: 57% - девушки, 43% - юноши; возраст респондентов преимущественно 19-21 год.

Схема исследования включала следующие элементы: медиадоверие (в частности, доверие к информации, доверие к Интернет-журналу и доверие к Интернет-журналисту); доверие/недоверие миру, другим людям и доверие себе; базовые социальные ценности/антиценности; личностные особенности (интеллектуальные, эмоциональные, коммуникативные и регулятивные). Исследовательским полем является электронная массовая коммуникация – распространение информации от отдельного Интернет-источника (электронного масс-медиа) к массовой анонимной и гетерогенной аудитории с помощью технических средств. В электронной массовой коммуникации мы выделяем информационную, интерактивную и перцептивную стороны согласно теоретическим представлениям Г.М. Андреевой (Андреева, 2007).

Для разработки определений Интернет-журнала (электронного масс-медиа) и Интернет-журналиста мы руководствовались Законом Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 № 2124-1, а также Проектом Федерального закона «О средствах

массовой информации» (новая редакция Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 № 2124-1). Опора на «государственный стандарт» в случае понимания данных феноменов объясняется теоретическим разночтением Интернета, электронных масс-медиа и людей, создающих электронный контент. Таким образом, электронные масс-медиа (Интернет-журналы) – это результат интеллектуальной деятельности, имеющий название в качестве средства индивидуализации и форму периодического распространения массовой информации (сообщений и материалов, предназначенных для неограниченного круга лиц) по сетям электросвязи (телекоммуникационным сетям) так, что пользователи сети могут иметь доступ к ней из любого места сети и в любое время по их собственному выбору. При этом мы выделяем профессиональные Интернет-журналы, зарегистрированные в соответствии с Федеральным Законом «О СМИ», и непрофессиональные Интернет-журналы: электронные дневники (блоги) и аккаунты в социальных сетях, наполнением которых занимаются рядовые пользователи. К профессиональным Интернет-журналам мы относим и так называемые сайты-поисковики (Яндекс, Mail, Yahoo и тому подобное), содержащие интеллектуальную составляющую – новостной контент.

Интернет-журналист в нашем понимании – физическое лицо, занимающееся творческим трудом по сбору информации и ее подготовкой для профессионального или непрофессионального Интернет-журнала.

Под *медиадоверием* мы понимаем доверие, возникающее в процессе массовой коммуникации с использованием материальных, в том числе электронных носителей и средств. В проведенном исследовании нами изучался частный случай медиадоверия – триада интегрированных доверия к информации, доверия к Интернет-журналу и доверия к Интернет-журналисту. При этом интегрированность указанных видов доверий в электронной массовой коммуникации постоянна и абсолютна, так как невозможно доверие к информации без доверия к ее источнику (А.Б. Купрейченко, С.В. Пацыко, М.С. Дорохова). Доверие к информации мы понимаем как психологическое отношение, включающее интерес к информации, представление о потребностях, которые могут быть удовлетворены в результате использования данной информации, эмоции от предвкушения их удовлетворения, что сопровождается ее положительными эмоциональными оценками и готовностью использовать данную информацию в своей деятельности. Доверять информации означает, в первую очередь, осознанное априорное наделение ее свойством надежности, которое сопровождается положительными эмоциональными оценками информации и готовностью использовать ее в своей деятельности. Доверие к Интернет-журналу и доверие к Интернет-журналисту – это психологическое отношение, включающее интерес и уважение к Интернет-журналу и Интернет-журналисту, представление о потребностях, которые могут быть удовлетворены в результате взаимодействия с ними, эмоции от предвкушения их удовлетворения и позитивные эмоциональные оценки Интернет-журнала и Интернет-журналиста, что сопровождается их положительными эмоциональными оценками и готовностью и в дальнейшем использовать данный Интернет-журнал и «взаимодействовать» с данным Интернет-журналистом.

Доверие к миру, другим людям и себе, находящиеся в подвижном равновесии, что было показано в работах Т.П. Скрипкиной (Скрипкина, 1998, 2000), правомерно обозначить как базовое доверие. В свою очередь, недоверие к миру и недоверие к другим людям, являющимися частью мира, можно обозначить в качестве базового недоверия. Понятие базового доверия и базового недоверия (в различных переводах употребляются синонимичные термины базисного доверия и базисного недоверия) было рассмотрено Эриком Эриксоном в его эпигенетической концепции развития личности. Согласно данной концепции начальная стадия развития – младенчество – обозначалась как «базовое доверие против базового недоверия» («basic trust versus basic mistrust») При этом базовое (общее) доверие рассматривалось как единство доверия внешнему миру и доверия себе, что обеспечивается опытом совместного согласования непрерывно возрастающих рецептивных возможностей младенца с материнскими приемами обеспечения. В случае несостоятельности матери, противоположных принципов воспитания родителей или же их неуверенности в данной роли, у ребенка может сформироваться базовое недоверие как миру в целом, так и к отдельным людям. В теоретическом плане является важным замечание Эрика Эриксона о роли базового недоверия, являющегося динамическим дополнением (до целого) базового доверия на протяжении всей жизни (Erikson, 1963).

Идея Э. Эриксона о необходимом соотношении базового доверия и базового недоверия в качестве

условия развития здоровой личности была продолжена А.Б. Купрейченко. Инстинкт самосохранения – стремление защитить собственные границы от разрушающего воздействия – рассматривается А.Б. Купрейченко как проявление базового недоверия личности, возникающего на ранних стадиях онтогенеза как закономерное следствие базового доверия, с которым ребенок приходит в мир (Купрейченко, 2008).

На наш взгляд, представляется интересным рассмотрение соотношения базового доверия и базового недоверия как относительно автономных феноменов, способных существовать одновременно в отношении к одному и тому же объекту (Купрейченко, 2008). Мы полагаем, что данная «одновременность существования» обеспечивается доверием к себе, в природе которого заложена способность человека «выходить за пределы себя», то есть развиваться, не вступая в противоречие с собой для сохранения собственной целостности, устойчивости (Скрипкина, 1998). Таким образом, доверие к себе – это рефлексивный, субъектный феномен личности, позволяющий человеку занять определенную ценностную позицию по отношению к самому себе, к миру и, исходя из этой позиции, строить собственную жизненную стратегию (Скрипкина, 2000, с. 139).

Доверие (миру и другим) как психологическое отношение включает интерес и уважение к объекту или партнеру; представление о потребностях, которые могут быть удовлетворены в результате взаимодействия с ним; эмоции от предвкушения их удовлетворения и позитивные эмоциональные оценки партнера; расслабленность и безусловную готовность проявлять по отношению к нему добрую волю, а также совершать определенные действия, способствующие успешному взаимодействию. В свою очередь, недоверие включает следующие основные элементы: осознание рисков; чувство опасности, страха в сочетании с негативными эмоциональными оценками партнера или объекта и возможных результатов взаимодействия; настороженность и напряженность, а также готовность прекратить контакт, ответить на агрессию или проявить опережающую враждебность (Купрейченко, 2008, с. 99).

Результаты исследования. Для проведения исследования нами использовался следующий методический инструментарий: авторские методики «Доверие к информации» и «Взаимосвязь доверия к информации с доверием к журналу/журналисту»; методика А.Б. Купрейченко «Взаимосвязь доверия/недоверия миру, себе и другим людям»; методика Л.М. Смирнова «Социальные ценности и антиценности»; 16-факторный личностный опросник Кеттелла (взрослый вариант А).

Для оценки регулирующей роли в жизнедеятельности человека базового доверия и недоверия был проведен кластерный анализ по методу К-средних методики А.Б. Купрейченко «Взаимосвязь доверия/недоверия миру, себе и другим людям». В результате данного анализа выделено пять типов по основанию доверия/недоверия миру, другим людям и себе.

Первый тип (25.74% от общей выборки) мы назвали «Высокое доверие себе и низкое недоверие миру и другим людям». Представители данного типа ориентируются на собственное мнение практически во всех жизненных ситуациях. Низкое недоверие миру и другим людям является признаком уверенного взаимодействия с окружающими на основе высокого доверия к себе. Представители первого типа полагают, что смогут справиться со всеми жизненными обстоятельствами, даже неприятными, в результате чего активно взаимодействуют с окружающим миром.

Респонденты, относящиеся к первому типу, практически не пользуются Интернет-журналами или же предпочитают профессиональные, специализированные по различным тематикам электронные масс-медиа, предъявляя умеренные требования к информации, Интернет-журналу и Интернет-журналисту в момент их оценивания как заслуживающих доверия. При этом представители данного типа в большей степени по сравнению с другими типами ценят базовые социальные ценности и отвергают социальные антиценности. Возможно, ориентация на собственное мнение практически во всех жизненных ситуациях порождает определенную категоричность и завышенные притязания в оценке происходящего. Для представителей первого типа характерна социальная смелость, энтузиазм во взаимодействии с другими людьми, склонность искать выгоду в ситуациях, пластичность эмоций и практичность.

Второй тип (17.34% от общей выборки) мы обозначили как «Амбивалентное доверие/недоверие себе, миру и другим людям». К данному типу относятся люди, способные проявлять социальную гибкость – понимание ситуаций, где необходимо отстраниться от других людей или же усомниться в собственной правоте, и ситуаций, где следует рискнуть, доверившись самому себе и миру.

Представители второго типа более всего по сравнению с другими типами стараются не

использовать Интернет-журналы или же получают информацию как из профессиональных, так и непрофессиональных электронных масс-медиа. Требования к информации, Интернет-журналу и Интернет-журналисту как заслуживающих доверия можно назвать средними. Респонденты, относящиеся ко второму типу, в меньшей степени по сравнению с другими типами ценят базовые социальные ценности и отвергают социальные антиценности. Возможно, причиной этого является их социальная гибкость в проявлении доверия или недоверия. Представители второго типа обладают более сложным комплексом личностных черт по сравнению с другими типами базового доверия/недоверия. Для данного типа людей характерна высокая мотивация достижения и напряженность, тревожность и подверженность настроениям, мечтательность и ориентация на свои идеи, независимость поведения, приспособляемость, благоразумие, осторожность при взаимодействии, гибкость по отношению к социальным нормам. Видимо, амбивалентность базового доверия/недоверия базируется на компенсирующих друг друга в зависимости от ситуации чертах личности.

Третий тип (18.95% от общей выборки) мы назвали «Высокое доверие себе и недоверие другим людям и умеренное недоверие миру». Для респондентов, относящихся к данному типу, характерно противопоставление себя другим. То есть, третий тип включает людей, для которых собственное мнение является единственно правильным, а окружающие являются чем-то чуждым и, видимо, неравным. Представители третьего типа в большей степени пользуются профессиональными специализированными по различным тематикам Интернет-журналами. Возможно, ориентация на себя и стремление взять от жизни то, что нужно для собственных интересов, свойственные данному типу, подталкивают его представителей к пользованию конкретными электронными масс-медиа. При этом третий тип оказывается самым требовательным к информации, Интернет-журналу и Интернет-журналисту в момент оценивания их как заслуживающих доверия. Среди базовых социальных ценностей представители третьего типа считают самыми важными смысл жизни и профессионализм; наиболее отвергаемыми среди социальных антиценностей для них является подлость и порабощение. Респонденты, относящиеся к данному типу, характеризуются развитым абстрактным и аналитическим мышлением и оперативностью обработки новой информации, самоуверенностью и независимостью поведения с ориентацией на собственное мнение. Выделенные черты личности соответствуют главной особенности представителей третьего типа – ориентации на собственное мнение, являющееся для них единственно правильным.

Четвертый тип (15.79% от общей выборки) мы обозначили как «Высокое доверие себе и амбивалентное доверие/недоверие миру и другим людям». Данный тип включает черты как первого, так второго типов. Однако представители четвертого типа проявляют доверие или недоверие окружающим с целью сохранить свой внутренний мир, собственное пространство. Решение о доверии или недоверии принимается ими через призму убежденности в собственной правоте.

Данный тип включает респондентов, пользующихся в основном непрофессиональными Интернет-журналами: читают новости, статьи в электронных дневниках (блогах), социальных сетях, информационных сайтах. Скорее всего, стремление получать информацию «без официальной пропаганды» объясняется характерной особенностью четвертого типа – доверяй, но проверяй. При этом требования к информации, Интернет-журналу и Интернет-журналисту для возникновения доверия к ним являются умеренными. Среди базовых социальных ценностей для четвертого типа наиболее значимы успех и труд; наиболее отвергаемыми социальными антиценностями являются святотатство, безработица и непрофессионализм. Представители четвертого типа характеризуются конкретностью мышления и небольшой медлительностью в обработке информации, а также чувствительностью и подверженностью настроениям. Видимо, основной принцип доверяй, но проверяй, свойственный четвертому типу, базируется на ригидности мышления и эмоциональной неустойчивости, что приводит к осторожности и медлительности в принятии решений для сохранения своего внутреннего мира.

Пятый тип (20.00% от общей выборки) был назван «Высокое доверие себе, умеренное доверие другим людям и низкое недоверие миру». Его представителям свойственна ориентация на окружающий мир, что обеспечивается убежденностью в собственных силах. Однако окружающие люди не вызывают явного доверия, хотя и являются частью мира. Видимо, представители пятого типа соотносят себя с миром, веря в его справедливость и закономерность событий. При этом окружающие люди воспринимаются ими как частный случай реальности, которым в одних ситуациях следует доверять, а в других – нет.

Представители пятого типа, в первую очередь, пользуются специализированными по различным тематикам Интернет-журналами и, во вторую очередь, пользуются Интернет-журналами вообще, без ориентации на конкретную специфику. Возможно, соотнесение себя с миром, как справедливым и устойчивым, свойственное данному типу, является причиной «целостного», системного использования Интернета, в отличие от представителей третьего типа, выбирающих в Интернете только то, что им нужно. При этом пятый тип предъявляет наименьшие требования к информации, Интернет-журналу и Интернет-журналисту в момент оценивания их как заслуживающих доверия. Наиболее значимыми базовыми социальными ценностями для представителей данного типа являются дружба и уважение к родителям; наиболее отвергаемой социальной антиценностью, по сравнению с другими типами, является подлость. Респонденты, относящиеся к пятому типу, отличаются открытостью окружающим, легкостью и безмятежностью в общении, невысокой мотивацией достижения, мечтательностью с ориентацией на внутренние потребности, консервативностью взглядов и зависимостью от групповых норм. Данные черты личности соответствуют основной особенности представителей пятого типа – открытости и соотнесению себя с миром, где все закономерно и неслучайно по их мнению.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. Учебник для вузов. 5-е изд. – М., 2007.
2. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. – М., 2008.
3. Скрипкина Т.П. Доверие как социально-психологическое явление. Автореф. дис. ... докт. психол. наук. – Ростов-на-Дону, 1998.
4. Скрипкина Т.П. Психология доверия. Учебное пособие. – М., 2000.
5. Закон РФ О средствах массовой информации от 27 декабря 1991 года N 2124-1.
6. Федеральный закон о средствах массовой информации (новая редакция Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 года № 2124-1) [электронный ресурс]: <http://ruj.ru/pravcenter/smilaw.html> - дата доступа 9.05.2012.
7. Erikson E. Childhood and Society, 2nd ed. - NY, 1963.

Купрейченко А.Б.

НИУ «Высшая школа экономики», Москва

КАЧЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ (СУЩЕСТВУЮТ ЛИ «ХОРОШЕЕ» И «ПЛОХОЕ» ДОВЕРИЕ?)*

*В данной научной работе использованы результаты работы Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора по проекту «Вызовы и перспективы развития гражданской самоорганизации и благотворительности в России в среднесрочной перспективе», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 году.

Научный анализ основ, содержания и функций доверия продолжается уже многие десятилетия. В течение этого времени разрабатываются различные методические подходы и приемы его оценки. Одними из первых признанных инструментов выступали методики Дж. Роттера, М. Розенберга и др. (Rosenberg, 1957, 1991; Rotter, 1967). Один из вопросов методики М. Розенберга, опубликованной в 1957 году, приобрел наибольшую популярность и в настоящее время широко используется научным сообществом: «Можете ли вы вообще сказать, что большинству людей можно доверять, или же, когда имеешь дело с людьми, осторожность никогда не помешает?» (Generally speaking, would you say that most people can be trusted or that you can't be too careful in dealing with people?). В частности он используется в инструментарии World Value Survey (WVS). Этот же вопрос фигурирует в исследовательских проектах в рамках мониторинга состояния гражданского общества, который ведется с 2006 г. Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Однако, в последние годы усиливается дискуссия на тему о том, что именно измеряет вопрос о доверии людям вообще (Белянин, Зинченко, 2011; Кертман, 2006; Козырева, 2009; Купрейченко, 2008; Сасаки и др., 2009; Beugelsdijk, 2006; Glaeser et al., 2000). Современные авторы высказывают

иногда диаметрально противоположные точки зрения. Одни считают, что вопрос a165 из World Value Survey¹ оценивает доверие на микроуровне (персонифицированное, межличностное доверие), другие считают, что он измеряет доверие на макроуровне (неперсонифицированное, институциональное доверие). Можно также предположить, что этот показатель оценивает базовое доверие миру или культуру доверия в обществе, которая отражает не только актуальное состояние институтов, но также коренится в менталитете различных слоев и когорт общества. Подобная постановка вопроса определяет необходимость как теоретического анализа различных видов доверия и их функций в современном обществе, так и анализ результатов эмпирических исследований. Такой комплексный анализ может позволить понять, не только какой именно вид доверия оценивает вопрос о доверии людям вообще, но также дать данные для качественного анализа доверия в обществе и в определенной степени помочь прогнозировать его изменение в ближайшем будущем.

На представления о природе возникновения, основаниях, критериях, функциях доверия и недоверия оказывает влияние также эволюция в истории человечества преобладающих их форм и видов (Веселов, 2004; Поршнева, 1972; Селигмен, 2002; Штомпка, 1996; Фукуяма, 2004; Luhmann, 1979). В специальной работе (Купрейченко, 2008) выполнен детальный анализ целого ряда видов доверия, различающихся по своим основаниям и функциям. Так, в этой работе показано, что некоторые формы *институционального доверия/недоверия* (ролевое, организационное, деловое и т.п.) выполняют те же функции, что и социальная категоризация в целом. В частности, они *упорядочивают, регламентируют и оптимизируют взаимодействие*. Кроме того, редуцируя сложнейшие межличностные и межгрупповые отношения к степени доверия/недоверия, они *снижают когнитивную сложность в состоянии неопределенности и облегчают принятие решения и т.д.* Эту же функцию в ситуации дефицита времени выполняют *интуитивное доверие и недоверие*.

Наряду с перечисленными выше хочется упомянуть некоторые его редкие разновидности. Например, так называемое «слепое» доверие близким людям, которое выполняет функцию *защиты и воспроизводства социально-психологического пространства*. Возможен и еще один специфический вид отношения - *необоснованное недоверие самому близкому человеку*. Например, если риск в случае его обмана, предательства крайне велик. Такое недоверие также выполняет эго-защитную функцию. Особые социально-психологические функции выполняет *традиционное (клановое) доверие - сочетание высокого доверия «своим» с явно выраженным недоверием «чужим»*. Интересно также и *альтруистическое доверие*, в частности, доверие сильного человека более слабому - «рука помощи». Высокое *гуманистическое доверие* также часто не имеет под собой объективной основы (единство, надежность и т.д.). Нет ее и у *авансированного доверия*.

Анализ многообразия, разноплановости и многофункциональности видов доверия/недоверия приводит нас к неожиданному результату. Какой именно вид доверия мы оцениваем посредством вопроса о доверии людям вообще? И второй вопрос - какой вид доверия или соотношение доверия и недоверия является оптимальным для определённого сообщества на определенном этапе его развития? В практическом приложении, это означает следующее: какие виды доверия преобладают у разных категорий населения современной России, какой их них наиболее прогрессивен и какая динамика будет соответствовать ожиданиям и запросам общества. Поиск ответов на эти вопросы был продолжен в ходе анализа результатов эмпирического исследования (В исследовании использована программа общероссийского опроса населения, проведенного по репрезентативной выборке в рамках мониторинга состояния гражданского общества, который ведется Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Объем выборки – 2000 респондентов. В выборку были включены 43 субъекта РФ, 105 населенных пунктов (45 сельских и 60 городских). Выборка репрезентирует население России в возрасте 18 лет и старше за исключением населения Чеченской Республики. Допустимая статистическая погрешность – 3,5%. Полевой этап исследования был проведен с 24 по 27 ноября 2011 года Общероссийским общественным фондом «Общественное мнение». Метод сбора информации – формализованное личное интервью по месту жительства по специально разработанной анкете. Опрос проходил в режиме «face-to-face» по месту жительства респондентов. При ответе на вопрос респондент должен был выбрать наиболее подходящий для него вариант ответа – один или несколько – из числа предложенных. В ряде случаев интервьюер показывал респонденту карточку с перечнем вариантов ответов).

На основании обобщения полученных эмпирических данных, можно сделать заключение, что

уровень доверия другим людям отличается у различных категорий населения, однако он подчиняется некоторым общим закономерностям, которые могут быть выявлены в ходе комплексного анализа социальных, экономических и психологических переменных. В таблице 1 обобщены выявленные выше особенности этих переменных у респондентов «Доверяющих» и «Не доверяющих» людям.

Таблица 1. Особенности социальных, экономических и психологических переменных у респондентов «Доверяющих» и «Не доверяющих» людям.

	Не доверяющие	Доверяющие
Образование		Ниже среднего/ Высшее
Доход	Ниже 6000 руб.	
Самооценка покупательских возможностей	Не хватает денег даже на питание/ Денег хватает и на автомобиль	
Вид деятельности	Руководители/ Безработные/ Рабочие	Студенты
Тип населенного пункта	Города менее 50 тыс., ПГТ/ Москва	Города 1 млн. и более
Федеральный округ	Дальневосточный и Уральский федеральные округа	Северо-Западный федеральный округ
Отношение к религии		Религиозность
Оптимизм-пессимизм		Оптимизм
Гражданская идентичность	Скорее не выраженная гражданская идентичность	
Самооценка общественной активности		Высокая самооценка общественной активности
Опыт участия в общественно полезной деятельности		Имеется опыт участия в общественно полезной деятельности
Готовность помогать окружающим	Нет готовности делать вклады, пожертвования ни на какие нужды, даже при условии наличия необходимого для этого дохода	
Готовность принимать помощь со стороны окружающих	Нет готовности принимать помощь со стороны окружающих	
Стиль потребления	Люди среднего возраста, «мигрирующие» от традиционного к современному стилю потребления	Молодое поколение с современным стилем потребления

В таблице представлены только те характеристики и их уровни выраженности, по которым «Доверяющие» и «Не доверяющие» значимо различаются, т.е. те, что однозначно влияют на оценки доверия людям вообще.

Важно, что все представленные переменные не имеют линейной связи с доверием людям. Проанализировав наиболее типичные сочетания представленных в таблице характеристик, мы сделали попытку описать несколько собирательных образов человека «Доверяющего» и человека «Не доверяющего людям». Так «Не доверяющие людям» могут быть представлены следующими типичными персонажами:

- Житель Москвы, руководитель, с высоким доходом, неверующий, не готовый принимать помощь от окружающих;
- Житель поселка городского типа, рабочий, проживающий в Дальневосточном или Уральском Федеральном округе, среднего возраста, «мигрирующий» от традиционного к современному стилю потребления;
- Безработный, пессимистично воспринимающий свое будущее;
- Человек с невыраженной гражданской идентичностью, не готовый делать вклады, пожертвования ни на какие нужды, даже при условии наличия необходимого для этого дохода;
- Человек с низким уровнем дохода, неверующий, (возможно, БОМЖ или представитель других маргинальных слоев населения).

Типичные образы человека «Доверяющего людям»:

- Человек с образованием ниже среднего, верующий, готовый помогать окружающим людям и принимать от них помощь;
- Житель города с числом жителей более 1 млн. Северо-западного федерального округа с высшим образованием, общественно активный;
- Студент, оптимистично воспринимающий свое ближайшее будущее, общественно активный имеющий опыт участия в общественно полезной деятельности с современным стилем потребления.

Разумеется, возможны и другие сочетания включенных в анализ характеристик, мы выбрали лишь наиболее узнаваемые образы, у которых особый «симптомакомплекс» социально-демографических, экономических, региональных и других факторов в сочетании с некоторыми личностными особенностями формирует высокое или низкое доверие окружающим людям. Важно, также, что анализ этих гипотетических типов позволяет убедиться в правильности сентенции о том, что один и тот же уровень доверия/недоверия людям может иметь принципиально разную природу.

Сравнивая представителей различных типов «Не доверяющих», мы можем увидеть наиболее характерные особенности доверия/недоверия и разных категорий наших сограждан. Так, у руководителей предприятий недоверие формируется в ходе их профессиональной деятельности и выполняет защитную функцию, в то время как недоверие безработного отражает его общее негативное отношение к окружающему миру и страх перед будущим. Недоверие представителей замкнутых сообществ имеет традиционную историческую природу и может быть названо «клановым». Недоверие представителей маргинальных и асоциальных групп населения выражает их враждебное отношение к обществу и его рост является тревожным признаком.

Так же по-разному воспринимают мир и различные типы «Доверяющих». Доверие студентов пока еще не имеет реальных оснований, поскольку не основано на длительном опыте социального взаимодействия. Оно, скорее, выражает их оптимистичную жизненную позицию и открытость миру. Этот тип доверия может быть назван «авансированным». Доверие глубоко верующих людей имеет религиозные основы. В то время как доверие человека с высоким уровнем образования и выраженной гражданской позицией может быть названо «гуманистическим».

Каждый из перечисленных типов людей будет особым образом реагировать на изменения общественной жизни и социально-экономических условий. То, что у одной группы населения будет вызывать рост индекса доверия, у другой – снижать его. Это касается любых изменений, даже позитивных и прогрессивных для всего общества в целом. Например, бурный экономический рост вдохновит образованную молодежь, но будет восприниматься настороженно простыми рабочими из ПГТ и другими консервативно настроенными категориями граждан.

Таким образом, доверие другим людям у разных категорий населения имеет разную природу, выполняет разные функции в их жизни и по-разному преломляет происходящие в обществе изменения. В известной степени можно говорить о «хорошем» и «плохом» доверии. Разумеется, такая оценка возможна только при четко заданной системе координат, включающих цели заинтересованных сторон, систему их ценностей и приоритетов. Несмотря на то, что оценка доверия в терминах «хорошего» и «плохого» весьма условна и относительна, представленные результаты показывают, что нельзя ограничиваться количественной оценкой доверия без учета его качественной стороны. Уровень социального доверия усредняет различные виды доверия и не позволяет оценивать реальную картину состояния общества, особенно в такой большой и полиментальной стране как Россия. Это заставляет проводить его оценку по новому, в частности, рассчитывая отдельные индексы доверия по различным наиболее типичным категориям граждан.

Литература

1. Белянин А.В., Зинченко В.П. Доверие в экономике и общественной жизни. М.: 2010.
2. Веселов Ю.В. Проблема доверия // Экономика и социология доверия / Под ред. Ю.В. Веселова. СПб.: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2004. С.5-15.
3. Кертман Г. Межличностное доверие в России // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 7-24.
4. Козырева П.М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 43-54.
5. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт Психологии РАН», 2008. 571 с.
6. Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В., Ромашкин Г.С. Доверие как элемент социального капитала современной России // Социокультурные проблемы развития регионов России в условиях кризиса: Материалы Тюменского социологического Форума 15-16 октября 2009 года. Тюмень, 2009. С. 55-65.
7. Поршнева Б.Ф. Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) // История и психология. М.: Мысль, 1972.
8. Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002. 256с.
9. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, Ермак, 2004, 730с.
10. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.
11. Beugelsdijk S. A note on the theory and measurement of trust in explaining differences in economic growth // Cambridge Journal of Economics. 2006. V. 30. P. 371–387.
12. Glaeser E.L., Laibson D.I., Scheinkman J.A., Soutter C.L. Measuring trust // Quarterly Journal of Economics. 2000. V. 115. P. 811–846.
13. Luhmann N. Trust and Power. Chichester: John Wiley, 1979.
14. Rosenberg M. Faith in People Scale // Measures of personality and Social Psychological Attitudes. Volume 1 of Measures of Social Psychological Attitudes / Ed. J.P. Robinson, P.R. Shaver, L.S. Wrightsman. San Diego, NY, Boston: Academic Press, 1991. P. 404-405.
15. Rosenberg M. Occupations and values. Glencoe, IL: Free Press, 1957.
16. Rotter J.B. A new scale for the measurement of interpersonal trust // Journal of Personality. 1967. Vol. 35. P. 651–665.

Мерсиянова И.В.,

НИУ «Высшая школа экономики», Москва

ДОВЕРИЕ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Перспективы гражданского общества в нашей стране зависят от формирования его социальной базы, к которой мы относим людей, уже участвующих в социальных практиках гражданского общества, так и людей, ориентированных на такое участие (см. подробнее: Мерсиянова, 2009). По данным специально проведенного исследования, социальная база российского гражданского общества составляет не менее 90% взрослого населения. Она неоднородна и состоит из четырех групп (исследование проведено Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ в 2007 г. В рамках исследования проведены массовые опросы населения по технологии Георейтинга на основе инструментария, разработанного И.В. Мерсияновой и Л.И. Якобсоном. Сбор информации осуществлен Фондом «Общественное мнение». Опросы были проведены в 68 субъектах РФ среди населения в возрасте от 18 лет и старше. Размер выборки в каждом субъекте РФ составил 500 респондентов, по России — 34,5 тыс. респондентов. Для суммарных результатов по всем 68 субъектам РФ статистическая погрешность не превышает 1%).

«Ядро» социальной базы гражданского общества составляют 7,7% взрослых россиян, которые декларируют свое членство и (или) участие в деятельности общественных объединений и других негосударственных некоммерческих организаций, гражданских инициатив, вовлеченность в отношения добровольчества и филантропии, готовность объединяться с другими людьми для

каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают, а также демонстрируют определенный уровень информированности об организациях третьего сектора и гражданских инициативах.

В «сателлит ядра» входит практически каждый четвертый взрослый россиянин (26,6%), не участвующий в деятельности НКО и гражданских инициатив, однако готовый объединяться с другими для совместных действий, занимающийся благотворительностью в широком смысле, информированный об общественных объединениях и других негосударственных некоммерческих организациях, гражданских инициативах.

В третью группу по мере удаленности от ядра входят 26,5% россиян. Эта группа, условно названная «буферной зоной», представляет собой промежуточное звено между активом и периферией социальной базы. Ее представители потенциально готовы объединяться для совместных действий, но реально не участвуют в них, не занимаются частной благотворительностью или добровольчеством и не информированы в достаточной мере о работе существующих организаций.

На периферии социальной базы находятся 30,4% взрослых россиян, которые на момент исследований оказались не готовы к объединению с другими людьми для решения коллективных целей, но при этом они имеют склонность к благотворительности, знают о существовании и деятельности общественных организаций.

В группу «аутсайдеров» входят 8,8% россиян, которые не обладают ни одним признаком принадлежности к социальной базе.

Российское гражданское общество имеет потенциал роста наиболее перспективной части социальной базы – «ядра и его сателлита» – за счет представителей «буферной зоны», в которую входит каждый четвертый россиянин. Эти люди уже готовы к объединению, и некоторые их качества (которые позволят уверенно относить их к социальной базе) могут быть развиты посредством формирования положительных установок на участие в конкретных практиках гражданского общества, в частности, связанных с участием в деятельности негосударственных некоммерческих организаций (далее – НКО).

На вовлеченность населения в деятельность НКО влияет уровень доверия населения к этим важнейшим институциональным структурам гражданского общества. С другой стороны, участие в НКО способствует повышению доверия к ним. Мы определяем доверие населения к НКО как совокупность социально обоснованных и социально подтвержденных ожиданий в отношении деятельности негосударственных некоммерческих организаций.

Проблема доверия к НКО локализуется на двух уровнях: доверие к сотрудникам и добровольцам НКО и доверие к организациям. В первом случае доверие обеспечивает деперсонифицированное взаимодействие в соответствии с социальными ролями, воспроизводство социальной структуры. Судя по результатам опроса, занятие общественной работой вызывает одобрение у значительной части россиян, что выражается в более доверительном отношении к занятым этим людям (в данном исследовании использована программа общероссийского опроса населения, проведенного в 2011 г. по репрезентативной выборке в рамках мониторинга состояния гражданского общества, который ведется Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Объем выборки – 2000 респондентов. В выборку были включены 43 субъекта РФ, 105 населенных пунктов (45 сельских и 60 городских). Выборка репрезентирует население России в возрасте 18 лет и старше за исключением населения Чеченской Республики. Допустимая статистическая погрешность – 3,5%. Полевой этап исследования был проведен с 24 по 27 ноября 2011 года Общероссийским общественным фондом «Общественное мнение»). Примерно половина респондентов (34%) полагает, что можно больше доверять людям, занимающимся общественной работой и которых они лично знают. Доверие на межличностном уровне активизирует коммуникацию и взаимодействие, снижает риск и мобилизует активность сторон во взаимодействии. Благодаря доверию обмен информацией становится более широким, приобретая черты постоянства (Веселов, 2004). Вопрос о доверии к НКО выяснялся в ходе наших исследований только среди тех, кто был информирован об их деятельности (исследование проведено Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ в 2011 г. В рамках исследования проведены массовые опросы населения по технологии Георейтинга на основе инструментария, разработанного И.В. Мерсияновой и Л.И. Якобсоном. Сбор информации осуществлен Фондом «Общественное

мнение» по Программе фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Опросы были проведены в 83 субъектах РФ среди населения в возрасте от 18 лет и старше. Размер выборки в каждом субъекте РФ составил 500 респондентов, по России — 41,5 тыс. респондентов. Для суммарных результатов по всем 83 субъектам РФ статистическая погрешность не превышает 1%). Информированность влияет на то, какой устанавливается тип доверия к НКО. Если человек информирован о деятельности НКО, т.е. негосударственная некоммерческая организация не является неизвестным объектом, то доверие формируется на основе надежности, единства, приязни, предсказуемости, выполняя при этом функции формирования устойчивых позитивных отношений и обеспечения эффективного взаимодействия. Если же НКО является неизвестным объектом, то доверие к нему формируется на основе интуитивных и эмоциональных оценок, стереотипов, предубеждений, а также на основе интереса к нему, его новизны, непонятности, выполняя при этом функции облегчения принятия решения в ситуации дефицита информации, познания мира и социального обмена.

Респондентам, заявившим о том, что они знают или что-то слышали о местных НКО (76%), задали вопрос «Каким общественным объединениям и другим некоммерческим организациям, общественным гражданским инициативам Вы доверяете?». Ответили «никаким» 21%, и еще 18% затруднились с ответом. Если учесть что не отвечали на этот вопрос 24% респондентов, получится, что высказались о доверии тем или иным НКО 37% россиян.

Респонденты, заявившие о доверии конкретным организациям, чаще упоминали общества защиты прав потребителей, ветеранские объединения, садовые и дачные товарищества, профсоюзы и общества инвалидов. Реже других доверие респондентов вызывают: профессиональные ассоциации или творческие союзы, органы территориального общественного самоуправления, местные инициативы по защите имущественных, жилищных, потребительских прав и интересов местных жителей, этнические общины и молодежные политические и неформальные объединения неполитического характера, движения национально-патриотического толка.

Уровень доверия граждан, участвующих в деятельности НКО (кроме ТСЖ, ЖСК, садовых и дачных товариществ, политических партий) к общественным объединениям и другим некоммерческим организациям, гражданским инициативам, заметно выше общероссийского. Респонденты, вовлеченные в деятельность НКО, чаще, чем в среднем, доверяют профсоюзам (25% против 8%), ветеранским объединениям (19% против 9%), спортивным, туристическим, охотничьим, автомобилистским клубам (15% против 6%), обществам защиты прав потребителей (20% против 12%). Люди, участвующие в деятельности НКО, доверяют в среднем большему числу видов НКО, чем те, кто не участвуют в деятельности НКО.

Результаты нашего массового опроса показывают, что при ответе на симметричный о доверии/недоверии вопрос: «А каким общественным объединениям и другим некоммерческим организациям, общественным гражданским инициативам Вы точно не доверяете?» затруднились ответить 37% опрошенных, и еще 5% сказали: «всем доверяю». Остальные 34% респондентов составили «рейтинг недоверия», который возглавили политические партии. Им не доверяют 19% опрошенных россиян. Остальные НКО упоминаются заметно реже. Больше 5% россиян упомянули лишь три типа НКО: товарищества собственников жилья, жилищно-строительные кооперативы (8%), профсоюзы (7%) и религиозные общины, организации, движения (6%). Остальные упоминают 4% и менее респондентов.

Значимых различий по гендерному признаку в вопросе о доверии НКО в ходе наших исследований не выявлено. Отличия в доверии НКО в разных возрастных группах несущественны. Можно отметить лишь, что самые пожилые респонденты реже, чем представители других возрастных групп, доверяют обществам защиты прав потребителей (8%). В отношении к другим НКО распределение в возрастных группах колеблется вокруг средних. Исследование зафиксировало тенденцию к росту доверия к НКО с ростом образования. По роду занятий значимые отличия от средних зафиксированы в лишь группах студентов и предпринимателей. Первые чаще говорят о доверии тем НКО, которые связаны со сферой их учебы или досуга, а вторые чаще доверяют обществам защиты прав потребителей.

В распределении мнений о доверии НКО по типам населенных пунктов наиболее заметно недоверие жителей Москвы большинству из них. При этом в Москве наиболее высокий уровень информированности о НКО по сравнению с другими регионами страны.

Таким образом, гражданскому обществу в нашей стране необходима развитая культура доверия, которая понимается не только как комплекс исторически сформированных установок, норм и ценностей, но и как активно воспроизводимая в социальных практиках гражданского общества

структура отношений, которая может сознательно планироваться и регулироваться (в данном определении прослеживается аналогия с подходом Ю.В. Веселова к культуре доверия. См.: (Веселов, 2004, С. 32)). Исторически в нашей стране на протяжении длительного советского периода формировалась, скорее культура недоверия. На наш взгляд, в настоящее время большое значение имеют механизмы сознательного планирования и регулирования соответствующей структуры отношений. В связи с этим большое значение имеют действия самих НКО как акторов гражданского общества на принципах открытости. Как показали результаты исследований, это направление формирования своего имиджа у российских НКО не достаточно развито. Как было показано в аналитическом докладе «Гражданское общество в модернизирующейся России», большинство организаций гражданского общества не стремится к демонстрации соответствия стандартам и открытости. Многие организации не публикуют финансовые отчеты о своей деятельности, также в большинстве организаций отсутствуют различные документы, регулирующие поведение сотрудников, отношения с окружающей средой и т.п. (Гражданское общество..., С. 43). Не меньшее значение имеют действия на уровне институтов – действия государства по созданию благоприятных условий для деятельности НКО способны стимулировать открытость НКО и открытость третьего сектора, доступность для населения информации о нем.

Литература

1. Мерсиянова И.В. Социальная база российского гражданского общества // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 35–45.
2. Веселов Ю.В. Социологическая теория доверия // Экономика и социология доверия / под ред. Ю.В. Веселова. СПб.: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2004. С. 16-32.
3. Гражданское общество в модернизирующейся России. [Электронный ресурс]: аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества — CIVICUS» / Л.И. Яковсон, И.В. Мерсиянова, О.Н. Кононыхина и др. — М.: НИУ ВШЭ, 2011.

*Мерсиянова И.В.,
НИУ «Высшая школа экономики», Москва
Якимец В.Н.,
Институт системного анализа РАН, Москва
Пахомова Е.И.,
НИУ «Высшая школа экономики», Институт социологии РАН, Москва*

ИНДЕКСЫ ДОВЕРИЯ РОССИЯН К ГОССЛУЖАЩИМ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

В условиях развития демократии государственные служащие становятся объектом особого внимания со стороны всего общества, и уровень доверия населения к ним и их деятельности в значительной степени влияет на формирование социальной стабильности общества и его способность воспринимать и реализовывать предлагаемые модернизационные реформы. Однако, государственная служба, как важнейший инструмент преобразований во власти, экономике, социальной сфере, в области национальной безопасности, по мнению большинства экспертов, сегодня не приспособлена для решения многих стратегических задач. Одними из ключевых проблем функционирования современного государственного аппарата можно назвать то, что взаимодействие общества и государства не отвечает социальным потребностям граждан, сегодня практически отсутствуют механизмы социального контроля над деятельностью органов государственной власти со стороны гражданского общества, что приводит к распространению коррупции и злоупотреблений в системе государственной службы.

Таким образом, сегодня является актуальной, во-первых, необходимость изучения феномена доверия в сфере государственной службы, определения его слагаемых, форм проявления, во-вторых,

разработка комплекса мер, направленных на повышение эффективности процесса формирования доверия населения к государственным служащим. Первым шагом на пути решения данных задач является разработка показателей, характеризующих уровень доверия граждан к профессиональной деятельности государственных служащих и последующая разработка системы их мониторинга. Это послужило целью для выполнения нами работ по оценке доверия населения к государственным служащим для разработки и реализации политики государства в области реформирования и развития государственной службы.

Проблема доверия давно находится в центре внимания известных социологов, социальных психологов, экономистов и политологов (Luhman, 1979, 2000; Giddens, 1990; Fukuyama, 1995; Stompka, 1996, 1999; Glaeser, 2000; Селигмен, 2002; Корнаи, 2003). В различных исследованиях доверие рассматривается как ожидание, установка, отношение, состояние, чувство, процесс социального обмена и передачи информации и других значимых благ, личностное и групповое свойство (Luhman, 1979, Stompka, 1999, Фукуяма, 2004, Минина, 2002, Алексеева, 2008, Купрейченко, 2008). Наибольшее распространение получили определения доверия как ожиданий (Фукуяма, 2004). Ряд авторов понимают доверие как общее отношение или ожидание от окружающих людей, общественных систем, социального порядка (Барбер, 1983, Луманн, 1979 и др.).

Отметим, и то, что сегодня как зарубежными, так и российскими исследователями разработаны и достаточно широко применяются «одномерные» индексы доверия. Однако, в силу своей одномерности, данный индекс не обеспечивает получения необходимых сведений для принятия решений по совершенствованию деятельности госслужащих.

В рамках настоящего исследования авторами используется следующая дефиниция: *доверие граждан профессиональной деятельности государственных служащих* - это совокупность социально обоснованных и социально подтвержденных ожиданий в отношении профессиональной деятельности государственных служащих. Тем самым мы разделяем подход к определению доверия как более общего отношения или ожидания от других людей и общественных систем (Барбер, 1983, Луманн, 1979).

В контексте нашего исследования ожидания формируются под влиянием личного опыта взаимодействия граждан с государственными служащими (*на микроуровне*) и в рамках институциональных структур, обладающих определенными характеристиками (*на макроуровне*). Основание доверия к государственным служащим – вера в надлежащее функционирование системы, ее социальные нормы и законы. Специфическими функциями доверия к государственным служащим являются обеспечение деперсонифицированного взаимодействия в соответствии с социальными ролями, воспроизводство социальной структуры.

При разработке индексов, отражающих показатели доверия граждан к профессиональной деятельности государственных служащих, авторы основывались на необходимости решения *двух практических задач*:

во-первых, методическое обеспечение мониторинга доверия граждан профессиональной деятельности государственных служащих в разрезе трех видов государственной службы;

во-вторых, методическое обеспечение задач по выработке рекомендаций по корректировке реформы государственной службы в разрезе отдельных ее видов.

В целях мониторинга индекса доверия населения государственным служащим разработан *интегральный индекс доверия государственным служащим*, определяемый в разрезе трех видов государственной службы – правоохранительной, военной и гражданской - на основе значений двух показателей:

- 1) показатель обобщенного доверия госслужащим данного вида;
- 2) показатель меры личного доверия госслужащим данного вида.

Однако, как было сказано выше, сегодня важно иметь не только представление о динамике индекса доверия населения государственным служащим, но и возможность корректировать ход выполнения федеральной программы по реформированию государственной службы с учетом мнения населения, безусловно понимая при этом возможности применения результатов опросов общественного мнения в сугубо экспертном вопросе. С этой целью предлагается использование *многопараметрического индекса* доверия граждан деятельности государственных служащих. В конечном итоге многопараметрический индекс доверия населения к госслужащим нацелен на то, чтобы выявить отношение к совокупности социально обоснованных норм профессиональной

деятельности государственных служащих и оценить оправданность и подтвержденность их ожиданий в процессе личного общения со служащими. Предложенный многопараметрический индекс состоит из двух субиндексов:

1) субиндекса структурных условий, являющихся детерминантами уровня доверия/недоверия к деятельности госслужащих со стороны граждан на институциональном уровне;

2) субиндекса оправданных ожиданий, определяемого на основании оценок гражданами своего опыта взаимодействия с госслужащими.

Анализ результатов мониторинговых наблюдений (2010-2011 гг) значений показателей индексов доверия граждан госслужащим, полученных в ходе серии социологических опросов населения, позволяет сделать следующие выводы:

1) *Индекс доверия граждан к государственным служащим* находится в зоне средних значений, и по результатам мониторинговых наблюдений составляет 54,9% в 2010 г. и 55,8% - 2011 г.,

2) Уровень доверия граждан деятельности военнослужащих выше уровня доверия деятельности гражданских служащих и служащих правоохранительных органов. Уровень доверия деятельности служащих правоохранительных органов находится на уровне минимальных значений. Причем, а наблюдаемый период (2010-2011 гг.) это соотношение не изменилось.

3) К общим тенденциям, характеризующим восприятие населением всех трех видов государственной службы, следует отнести то, что оценки показателей субиндекса структурных условий намного меньше оценок второго субиндекса - оправданных ожиданий, что – при довольно высоком уровне доступности для граждан информации о порядке работы госслужащих - говорит о том, что инфраструктура собственно взаимодействий в меньшей степени отвечает интересам граждан.

4) Также среди россиян распространено убеждение, что деятельность всех трех видов госслужащих практически закрыта для контроля со стороны граждан. Доверие граждан может возрасти, если предпринять реальные действия по запуску действенных, а не декларативных и имитационных механизмов общественного контроля.

5) Анализ показателей субиндексов многопараметрического индекса доверия позволяет сформулировать рекомендации по развитию и корректировке Программы реформирования госслужбы в отношении каждого не вида (гражданской, правоохранительной служб и военнослужащих). В частности, на основании полученных значений показателей субиндексов многопараметрического индекса доверия можно сделать вывод о том, что в Программе реформирования госслужбы следует повысить эффективность мероприятий, направленных на формирование стандартов деятельности, предполагающих добросовестное исполнения обязанностей вне зависимости от статуса и дохода потребителей услуг государственных служащих, а также меры, которые «запустят» новые – неимитационные или декларативные - механизмы гражданского контроля.

Литература

1. Алексеева А.Ю. Уверенность, обобщенное доверие и межличностное доверие: критерии различия // Социальная реальность. 2008. № 7.
2. Кертман Г. Межличностное доверие в России // Социальная реальность. 2006. № 4.
3. Корнаи Я. Честность и доверие в переходной экономике // Вопросы экономики. 2003. № 9.
4. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М., 2008.
5. Мерсиянова И.В. Доверие и недоверие в гражданском обществе // Ученые записки ИМЭИ, 2012. №1. С.24-33.
6. Мерсиянова И.В., Пахомова Е.И., Якимец В.Н. Роль доверия к госслужащим во взаимодействии гражданского общества и государства // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 книгах. Книга 1, 2012, С. 241-251.
7. Минина В.Н. Проблема недоверия в системе государственного управления современным российским обществом // Социология политики и управления. Сб. стат. / Под ред. Л.Т. Волчковой. - СПб, «Книжный дом», 2002. С.87-97.
8. Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002.
9. Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / Под ред. Л.И. Якобсона. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2008.
10. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ; Ермак, 2004

11. Якимец В.Н. Инструменты для оценки деятельности органов власти. Сб. Трудов Международной конференции «Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации». М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2007.
12. Якимец В.Н. Индекс для оценки и мониторинга публичной политики. В сб. Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт взаимодействия, М.: РАПН; РОССПЭН, 2008, С.107-121.
13. Barber B. The Logic and Limits of Trust. New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press, 1983. P. 164-165.
14. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
15. Luhman N. Trust and Power. Chichester: Wiley, 1979.
16. Sztompka P. Trust and emerging democracy: lessons from Poland// International Sociology. 1996. V.11. № 1, pp. 37-62.
17. Sztompka P. Trust: a Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University press, 1999.
18. Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung gGmbH (WZB), Reichpietschufer 50, D-10785 Berlin.- <http://bibliothek.wzb.eu/pdf/1997/p97-003.pdf> (15 июля 2010 года).

Орлов Л.Ф.,

ГОУ ВПО Российский государственный социальный университет, Москва

Орлова Е.А.,

ФГБОУ ВПО Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва

ДОВЕРИЕ КАК УСЛОВИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ДОМОХОЗЯЙСТВ

90-е годы XX века - это годы стремительного роста интереса к доверию как социальному и психологическому явлению. «Доверие называют «социальным капиталом», «скрепами общества», указывая на исключительную важность этой неуловимой, неосязаемой, неформализуемой составляющей человеческой жизни», - отмечает П. Шихирев.

Понимание сущности доверия возможно только при рассмотрении его в более широком, чем сфера общения, контексте. Глубинная, собственно психологическая природа доверия как бы «ускользает», теряется в других феноменах межличностного взаимодействия и персонального существования человека.

Доверие в философском аспекте рассматривается как специфическая форма веры. Отождествление между субъектом и объектом принципиально невозможно при доверительной форме веры, поэтому важнейшая функция доверия - это соотношение субъективного и объективного, позволяющее человеку целостно воспринимать свое бытие.

В классической социологии доверие изначально рассматривалось в качестве предпосылки социального порядка и его основы. Важную роль в нем играют два круга общения: публичный, связанный со средствами массовой информации и коммуникации, и приватный, в котором высока значимость личного опыта и мнения друзей и знакомых.

Доверие человека к миру как базовую установку личности в психологии впервые выделил социальный психоаналитик Э. Эриксон. Это первая фаза эпигенеза, первый кризис идентичности, в основе которого - выбор между доверием и недоверием к миру. Доверие определяется Э. Эриксоном как «краеугольный камень жизнеспособности личности» и формируется из органической связи матери и ребенка, а первый его индикатор - готовность ребенка без особой тревоги переносить исчезновение матери из поля зрения. По сути, это первое проявление автономности индивида. И доверие к миру, таким образом, формируется одновременно с другой базовой установкой - доверием к себе, неслучайно создатель эпигенетической концепции писал, что наша идентичность - единство индивидуальной и коллективной идентичностей, доверие к миру необходимо рассматривать целостно, в единстве с доверием к себе и другим людям как части этого мира.

Т.П. Скрипкина предлагает определить доверие как свойство человека наделять явления и объекты окружающего мира, а также других людей, их возможные будущие действия и свои собственные предполагаемые действия свойствами ситуативной значимости и безопасности.

На этой основе выстраивается типологию стратегий поведения в зависимости от пропорции

меры доверия к миру и к себе: равные пропорции доверия к себе и доверия к миру лежат в основе уже сложившихся форм поведения и обеспечивают относительную устойчивость как личности, так и деятельности: преобладание доверия к миру - адаптивные формы поведения, преобладание доверия к себе - основа неадаптивной активности, связанной с риском, творческой преобразующей деятельностью, креативностью. Следовательно, отсутствие или потеря доверия к миру всегда сопряжена с потерей доверия к себе.

Многие современные авторы (Антоненко, 2004; Купрейченко, Табхарова, 2009 и др.) отмечают, что оптимальный баланс доверия и недоверия между экономическими агентами является залогом успешного и взаимовыгодного бизнеса. Так, современная глобальная финансовая система построена лишь на доверии. Без него она существовать не может.

К методологическим проблемам доверия относится инвестиционное поведение населения, например поведения вкладчиков российских финансовых пирамид, связанное с влиянием различных источников информации на решение об инвестировании. Эмпирические данные свидетельствуют, что доверие населения к финансовым институтам и государству в России было в значительной степени утрачено в период финансовых пирамид 1994-1995 гг. Инвестиционная активность населения в 1994-1995 гг. отчасти может быть объяснена тем, что недоверие к государству было компенсировано верой в эффективность нового частного предпринимательства или возможностями участия в игре.

Доверие как основание для рыночного обмена, воспроизводящего неопределенность, требует понимания (интерпретации) мотивов и действий контрагента. А, между тем, известно, что в первые годы экономической либерализации заметное место на рынке индивидуальных сбережений занимали не просто учреждения с высоким риском ликвидности, но и заведомо недобросовестные банковские институты, что существенно повлияло на сберегательное поведение домохозяйств и сформировало устойчивый институт недоверия населения нашей страны к финансовой сфере в целом.

С ходом экономических реформ в России образовались новые инвестиционные стратегии домохозяйств, на выбор которых влияет уровень доверия к государству и различным финансовым институтам. В узком смысле понятие стратегия финансового поведения домохозяйства включает действия в конкретный период времени, связанные с принадлежащими домохозяйству по праву собственности или праву владения денежными средствами (Орлов, 2012).

Домохозяйства, не имеющие опыта участия в инвестиционных компаниях, придают немалое значение «имиджевым» характеристикам, например, таким как реклама, название финансовой компании, участием государства в финансовых проектах, что, по мнению населения, гарантирует их надежность.

Чтобы население могло и хотело вкладывать деньги в банки и инвестиционные компании, абстрактное доверие к государству или кому-либо еще, понимаемое как соответствие данного института ценностным установкам индивида, должно быть подкреплено его уверенностью в правильности своих действий, говоря экономическим языком, расчетом соответствующих рисков и выгод вложений. Однако рядовой вкладчик, будучи непрофессионалом, не способен собрать и проанализировать информацию, необходимую для полного и адекватного понимания ситуации на финансовом рынке, оценить имеющиеся риски и выгоды и поступить оптимально согласно портфельному подходу в теории размещения финансовых активов. Поэтому в повседневной жизни человек принимает инвестиционные решения, ориентируясь на поведение других людей, кажущееся ему обоснованным и рациональным, исходя из той картины окружающего мира, которая кажется ему наиболее достоверной. Именно в соответствии с этой картиной строятся прогнозы, факты ранжируются на важные и второстепенные, достоверные и фальсифицированные, рискованные и безопасные. Реализация целей, осуществление прогнозов подкрепляют уверенность человека в адекватности его понимания окружающего мира, неудачи же приводят к внесению поправок. Если достоверная картина не сформирована, индивид не вполне понимает происходящее, не может оценить степень случайности или неслучайности событий, испытывает дискомфорт неопределенности, действует наугад или бездействует. Формирование представлений об окружающем мире является социальным, культурным, коллективным феноменом.

Частным случаем обобщенного доверия к финансовым операциям является доверие к государству. Российское государство неэффективной системой государственного управления кредитно-финансовыми учреждениями, непомерным наращиванием заемных средств федеральным центром,

администрациями субъектов Федерации и муниципальных образований деструктивным образом влияет на уровень инвестиционной активности домохозяйств.

Рост денежных доходов населения в России в последние семь-восемь лет привел к появлению возможностей вложения свободных средств в разные финансовые инструменты. Однако, адекватного роста организованных денежных накоплений не произошло. Это характеризует наличие, прежде всего, низкого уровня доверия к финансовым институтам и нестабильность ожиданий населения относительно инфляции. Кроме того, увеличение доходов происходит за счет преимущественного роста доходов высокообеспеченных групп домохозяйств. В 2008 году вследствие финансово-экономического кризиса рост доходов домохозяйств существенно замедлился. Увеличение реальных располагаемых денежных доходов населения за 2008 г. составило 2,7%, в то время как в 2007 г. – 12,1%. Это также не способствовало росту финансовой активности домашних хозяйств.

Финансовый кризис 2008-2009 гг. в России в отличие от предыдущих кризисов проявил интересную особенность. Если раньше малейшая нестабильность в финансовой сфере тут же приводила к оттоку вкладов населения из банков и уменьшению доверия населения к финансовой системе в целом, то в 2008-2009 гг. не люди перестали доверять банкам, а банки перестали доверять людям. Так, например, кризис 1998 г. сопровождался массовым бегством вкладчиков и банкротством ведущих банков. Летом 2004 г. отзыв лицензии у двух небольших банков привел к панике населения и отзыву вкладов во всех банках (Кузина, Кузина, Ибрагимова).

В период кризиса ситуация кардинально изменилась: размер вкладов населения в банках не только не уменьшился, но, наоборот, возрос; ни один из крупных банков не прекратил свое существование; доля крупнейших банков на рынке вкладов возросла. Так, если на 1 января 2008 г. объем вкладов физических лиц по данным ЦБ РФ составлял 5,2 трлн. рублей, то на 1 декабря 2009 г. – уже 7 трлн. рублей. Банковская статистика зафиксировала отток вкладов только в сентябре, октябре и ноябре 2008 г. За эти месяцы объем денег во вкладах снизился на 7,7%, однако уже за два следующих месяца это снижение было полностью компенсировано – объем вкладов увеличился на 10,4%. К тому же, кризис не привел к существенным изменениям в структуре пользователей финансовых услуг, т.е. доля пользователей даже несколько выросла, в том числе за счет роста доли пользователей банковскими срочными вкладами.

За период кризиса увеличилась также склонность населения к сбережениям — выросла доля текущих сбережений в доходах. Так, по данным Росстата доля организованных сбережений (прирост/уменьшение вкладов, приобретение ценных бумаг, изменение задолженности по кредитам, приобретение недвижимости) в структуре доходов населения в I полугодии 2009 г. составила 13,3%, увеличившись по сравнению I полугодием 2008 г. на 5,3 процентных пункта (п.п.). По данным опросов НАФИ, по сравнению с докризисным периодом также выросла и доля сберегателей: с 26-28% (2005-2008 гг.) до 32% (в ноябре 2009 г.).

Почему в кризис выросли сбережения и увеличилось число сберегателей? В экономической теории есть два альтернативных объяснения динамики склонности населения к сбережениям. Первое объяснение основано на модели перманентного дохода М.Фридмана, в которой предполагается, что люди стараются поддерживать приемлемый для них уровень потребления на постоянном уровне вне зависимости от динамики их доходов. Если доход выше обычного, перманентного уровня, то люди откладывают излишки, делают сбережения, а в периоды низких доходов для покрытия привычных трат они тратят накопленное или берут кредиты. Данная модель основана на предположении, что люди воспринимают снижение и увеличение доходов как временное явление и ожидают возвращения на их обычный перманентный уровень. Однако в том случае, если ожидания не столь оптимистичны и люди предполагают, что снижение доходов будет длительным, то модель перманентного дохода перестает работать, люди перестают тратить сбережения или одалживаться для поддержания потребления, вместо этого они начинают экономить, сокращать потребление, откладывать больше на будущее, поэтому склонность к сбережениям начинает расти.

Если исходить из логики данных моделей, то рост текущих сбережений является следствием неопределенности будущих доходов и восприятия данного кризиса как длительного процесса. Этот вывод согласуется с данными опроса НАФИ, проведенного в конце сентября 2008 г. и марте 2009 г. В сентябре 35% россиян полагали, что кризис будет недолгим, а 36% говорили о долгосрочном понижательном тренде. К марту 2009 г. доля тех, кто рассчитывал на быстрый выход из кризиса, снизилась до 27%, а доля пессимистов увеличилась до 59%.

Однако сберегательные настроения являются необходимым, но не достаточным условием — сбережения невозможны без доверия финансовым институтам. Важной чертой данного кризиса является сохранение доверия вкладчиков российским банкам и национальной валюте. Если бы банковские вклады не воспринимались ими как надежный способ хранения сбережений, то роста организованных сбережений мы бы не увидели. Доверие рублю также не было подорвано, даже, несмотря на проведенную в конце 2008 г. девальвацию. Так, например, в декабре 2008 г. в разгар плавной девальвации рубля, по данным НАФИ, прогнозы населения относительно курса национальной валюты не были катастрофическими: 46,2 рубля за евро и 37,6 рублей за доллар в феврале 2010 г. (Кузина, Ибрагимова).

Известно, что в условиях рыночной экономики многие домохозяйства создают предприятия малого бизнеса. В связи с этим необходимо отметить ключевую роль доверия в стратегических альянсах малых предприятий, нацеленных на производство нового продукта в условиях быстро меняющейся технологической парадигмы. Именно доверие играет важную роль в формировании отношений сотрудничества между фирмами и организациями малого бизнеса, являющимися прямыми или косвенными конкурентами на рынках продукции и услуг. Кроме того, доверительные отношения в значительной мере стимулируют внутриорганизационное обучение и беспрепятственный обмен знаниями, вырабатываемым в структуре малого предприятия. Наконец, доверие значимо для распределения и защиты прав собственности в отношениях между государством и малыми предприятиями.

В то же время, на активизацию инвестиционного поведения домохозяйства в сфере малого бизнеса может повлиять обязательность в расчетах с кредиторами, своевременный возврат им долгов, иначе предприятие рискует потерять доверие своих поставщиков, банков и других кредиторов, будет иметь штрафные санкции по расчетам с контрагентами. Отсюда очевидно, что для построения эффективной системы управления предприятием и поддержания необходимого уровня доверия в этой сфере необходимо осуществлять правильные и своевременные расчеты с дебиторами и кредиторами.

Таким образом, фактор доверия/недоверия является существенным условием экономической активности домохозяйства, влияющим на стратегию его финансового поведения.

Литература

1. Антоненко И.В. Доверие: социально-психологический феномен. – М.: Социум; ГУУ, 2004.
2. Кузина О.Е. Формирование доверия в массовом инвестиционном поведении // <http://www.nir.ru/sj/sj/sj99-kuz.html>.
3. Кузина О.Е., Ибрагимова Д.Х. Финансовые стратегии россиян: доверие не утрачено // <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/176367/>.
4. Купрейченко А.Б., Табхарова С.П. Отношение к соблюдению нравственных норм делового поведения в зависимости от вектора доверия и недоверия у руководителей и рядовых сотрудников // Психология в экономике и управлении. № 2, 2009, с. 56-63.
5. Орлов Л.Ф. К вопросу о стратегиях финансового поведения домохозяйств в современной рыночной экономике России // Казанская наука. № 1, 2012, с. 121-123.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТРАКТ И ДОВЕРИЕ В ДИАДЕ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУКОВОДИТЕЛЬ – ПОДЧИНЕННЫЙ

Актуальность исследования организационного взаимодействия в диаде руководитель – подчиненный его показателей, детерминант качества, определяется рядом социально-экономических, научных и практических предпосылок. Научный интерес к изучению организационного взаимодействия в управленческой диаде обусловлен широким пониманием этого феномена, определяемым через многие действия, осуществляемые персоналом в рамках организации, приводящие к выполнению определенных работ и одновременно оказывающие воздействие на организационное окружение.

Представляется теоретически значимым рассмотрение доверия как детерминанты взаимодействия в диаде руководитель – подчиненный, рассмотрение качества этого взаимодействия через его показатели, поскольку именно они позволяют определить действенность этого взаимодействия и взаимовлияния. Эффективное взаимодействие в управленческой диаде повышает эффективность выполнения производственных задач и всего производства в целом, в обратном случае происходит противостояние сторон социального взаимодействия, выражающееся в форме латентных и явных конфликтов, высокой текучести кадров и сопровождается психологическими и экономическими потерями обеих сторон, что, по сути, и определяет практическую значимость исследования.

Доверие в организации является достаточно изученным явлением как в зарубежной (Говир, 1992, 1994, Джулард и Ласкау, 1987, 2011, и др.) так и в отечественной (Скрипкина, 2000, Купрейченко, 2008, Шо, 2000, Розенберг, 1991, и др.) психологической теории и практике, однако как детерминанта организационного взаимодействия в управленческой диаде этот феномен практически не исследован, что представляет научный интерес работы.

Специфика организационного взаимодействия в диаде руководитель - подчиненный отражается в ожиданиях и обязательствах сторон друг от друга, что, по сути, определяет психологический контракт, формирующийся в процессе труда и отражающий его качество через его вид структуры, свойства и тип.

Исследования имплицитного контракта в организации не потеряли своей актуальности со второй половины прошлого столетия, и по сей день. Изучению этого феномена посвящены работы как зарубежных авторов (Argyris, 1960, Levinson, 1962, Levinson, Price, Munden, Solley, 1962, Schein, 1980, Katz, Kahn 1966, Kotter, 1973, Rousseau and Wade-Benzoni, 1990, 1994, Herriot, Pemberton, 1997, Roehling, 1997, Porter, Pearce, Tripoli, Lewis, 1998, Coyle-Shapiro, Kessler, 2000, Raeder, 2004 и др.), так и отечественных исследователей (Виханский, 2000, Наумов, 2004, Грязнова, 2005, и др.), поскольку этот феномен динамичен и детерминирован многими личностными и средовыми показателями.

Таким образом, доверие в диаде руководитель подчиненный может рассматриваться как детерминанта эффективного организационного взаимодействия и находить отражение в психологическом контракте, как руководителя, так и подчиненного, что определяет актуальность, научную новизну и практическую значимость исследования.

Целью нашего исследования являлось выявление и изучение особенностей взаимосвязи психологического контракта и доверия в диаде руководитель - подчиненный.

Для сбора эмпирических данных нами были использованы следующие психодиагностические инструменты:

1. Методика «Структура и свойства психологического контракта» (Ребрилова, 2009).
2. Методика «Вера в людей» (Розенберг, 1991).
3. Методика оценки доверия/недоверия сотрудника коллегам и руководителям организации (Купрейченко, 2008).
4. Методика оценки уровня доверия в организации (Шо, 2000).
5. Методика доверия/недоверия личности миру, другим людям, себе (Купрейченко, 2008).

По результатам исследования можно отметить следующее:

1. Ожидания друг от друга в диаде руководитель – подчиненный согласуются в параметрах стабильность, отношения в коллективе, признание, профессиональное развитие, справедливость. Наибольшее рассогласование в оценке ожиданий карьеры, личностного развития, активной жизни в

организации, контроле. Причем руководители в меньшей степени ожидают от своих подчиненных карьерного роста и личностного развития, контролирования деятельности, а вот организационной активности ожидают более высокой, чем подчиненные от руководителей.

2. Установлена согласованность в оценке практически всех обязательств в управленческой диаде за исключением различий в обязательствах приверженности, активности и контроле, причем оценка этих обязательств ниже на выборке рядовых сотрудников, чем руководителей.

3. Выявлено, что большинство рядовых сотрудников имеют отношенческий вид психологического контракта, а у большинства респондентов занимающих руководящие должности карьерный. Большинство респондентов выборки (не зависимо от группы сравнения) имеют «Близкий к позитивному» и «Позитивный» типы психологического контракта

4. Отмечается, что респонденты в целом по выборке более всего склонны доверять себе, чем другим людям и всему миру в целом. Однако, руководители более склонны доверять другим людям в отличии от своих подчиненных.

5. Респонденты, занимающие руководящие посты оценили показатели доверия в организации несколько выше среднего уровня и выше своих подчиненных, наиболее высоко оценены в этой группе респондентов параметры последовательности и заботы. Так же в этой группе респонденты оценили приблизительно одинаково доверие своим подчиненным, коллегам и вышестоящему руководству в отличие от рядовых сотрудников, оценивших уровень доверия к коллегам выше, чем доверие к руководителям.

6. Выявлена взаимосвязь параметров доверия на выборках рядовых сотрудников и руководителей.

- На выборке подчиненных доверие к руководителю взаимосвязано с доверием людям, доверием себе, последовательностью в организации, доверием к организации в целом и заботой в организации.

- На выборке руководителей доверие к подчиненным взаимосвязано с доверием к себе, доверием людям, доверием к организации, доверием к руководителю и опосредованно с доверием к миру.

7. Выявлены взаимосвязи между параметрами доверия и структурными составляющими психологического контракта, а именно:

- На выборке рядовых сотрудников, доверие своему руководителю будет возрастать с выполнением таких ожиданий как хорошие отношения в коллективе, доверие, личностное развитие, признание, как коллегами, так и руководством, удовлетворение от работы, стабильность, вознаграждение за выполненный труд, хорошие условия труда, справедливость протекания всех производственных процессов, возможность профессионального развития, карьерный рост, стабильность. Также доверие будет возрастать с выполнением таких обязательств перед подчиненными как хорошие отношения в коллективе, выполнение всех пунктов официального трудового договора, соблюдение организационных норм, активная жизнь в организации, добросовестное отношение к профессиональным обязанностям, профессиональное развитие в рамках организации и долгосрочная занятость.

- Доверие руководителей своему вышестоящему начальству будет повышаться с выполнением их ожиданий связанных с профессиональным развитием, карьерным ростом, вознаграждениями, стабильностью, активной жизнью в организации и удовлетворением.

- Доверие руководителей к подчиненным будет возрастать через повышение доверия к организации, опосредуемое выполнением в достаточной мере таких ожиданий как справедливость и условия труда, и доверие к людям через хорошие отношения в коллективе. И выполнением таких обязательств персонала как хорошие отношения в коллективе, добросовестное отношение к своей работе, выполнение всех пунктов официального трудового договора, соблюдение организационных норм, активная жизнь в организации, профессиональное развитие, приверженность к организации и долгосрочная занятость в ней

8. Выявлены достоверные различия в параметрах доверия у респондентов с разным видом структуры, состоянием и направленностью психологического контракта.

- Отмечается, что на выборке рядовых сотрудников респонденты с отношенческим видом структуры имплицитного соглашения более высоко оценивают доверие к людям, миру, руководителям, коллегам и организации в целом, с карьерным и деловым видом структуры психологического контракта более высоко оценивают доверие к себе и результативность в организации. Респонденты

с равновесным состоянием психологического контракта более высоко оценили доверие к коллегам, с удовлетворительным состоянием и положительной направленностью высоко оценивают доверие к руководителям и людям в целом, с позитивным типом психологическим контрактом более высоко оценили доверие своим руководителям, людям и организации в целом.

➤ На выборке руководителей респонденты с деловым видом структуры имплицитного соглашения более высоко оценивают доверие к людям, коллегам, организации в целом, а так же результативность и заботу в организации. Руководители с карьерным видом структуры психологического контракта более высоко оценивают доверие к себе, руководителям и последовательность в организации. Респонденты с удовлетворительным состоянием и положительной направленностью более высоко оценивают доверие к руководителям, своим подчиненным и людям в целом, с позитивным типом психологическим контрактом более высоко оценили доверие своим руководителям, людям и организации в целом.

Таким образом, можно заключить, что феномены психологического контракта и доверия в управленческой диаде руководитель – подчиненный взаимосвязаны. Особенности этой взаимосвязи характеризуются тем, что выраженные в большей или меньшей степени те или иные параметры доверия, формируют психологический контракт разного вида структуры, разной выраженности его свойств (состояние, направленность) и типа, что, по сути, и отражает специфичность социального взаимодействия в исследуемой диаде.

Результаты исследования имеют больше практическое значение, поскольку полученные данные могут быть использованы при формировании оптимального организационного взаимодействия в диаде руководитель – подчиненный, посредством корректировки психологического контракта и повышения уровня доверия субъектов социального взаимодействия. Так же позволят предпринять попытку прогнозирования результативности организационного взаимодействия с учетом как организационной, так и личностной специфики установления доверительных социальных отношений.

Литература

1. Амстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. – СПб.: Питер, 2007.
2. Батаршев А.В., Лукьянов А.С. Психология управления персоналом: Пособие для специалистов, работающих с персоналом. - М.: Юнити, 2001.
3. Богданова Л.С. Доверие как социальный фактор развития партнерских отношений между организациями: Дис. ... канд. соц. наук. М., 2006.
4. Виханский О.С., Наумов А. И. Менеджмент: человек, стратегия, организация, процесс. – М.: Гардарики, 1996.
5. Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент: Учебник. – 3-е изд. – М.: 2000.
6. Грязнова А.М. Имплицитный контракт в управлении организацией: Автореф. дис. канд. экон. наук. М., 2005.
7. Гульчевская Н.Е. Доверие в социально-психологическом взаимодействии: Коллективная монография / Под ред. Т.П. Скрипкиной. Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2006.
8. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
9. Ребрилова Е.С. Психологический контракт как характеристика субъекта труда в контексте социальных условий производственной среды: Автореф. дис. канд. психол. наук. Тверь, 2009.
10. Ребрилова Е.С. Структура и состояние психологического контракта субъектов труда с различным типом имплицитного соглашения // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2009. № 98. С. 295–300.
11. Спивак С.И. Взаимодействие руководителя и подчиненных: динамика и асимметрия: Труды Института психологии РАН, Москва. – 2005.
12. Социальная психология труда: Теория и практика. Том 2. / Под редакцией А.Л. Журавлева, Л.Г. Дикой. М., 2011.

ДОВЕРИЕ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЛУЖАЩИМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В настоящее время в обществе происходит коренная трансформация всех сущностных, жизнеобеспечивающих структур. Идет активное реформирование экономической модели развития, меняются формы собственности, производственные отношения. После ликвидации старой системы власти, новая находится только в стадии становления. Все эти процессы зачастую проходят в крайних своих проявлениях, когда отрицание накопленного опыта играет свою негативную роль в создании новых общественных институтов.

В современной России проблема доверия населения к государственным служащим стала одной из наиболее важных в политической и социально-экономической жизни российского общества. Объясняется это, прежде всего тем, что государственные служащие в условиях развития демократии становятся объектом особого внимания со стороны всего общества, и уровень доверия населения к ним и их деятельности обуславливает в наибольшей степени социальную стабильность общества и его готовность к серьезным реформам.

В этой связи особенно актуальна необходимость системного изучения социального доверия. В качестве базового определения можно предложить взгляд на доверие в российском обществе как набор нормативных реципрокальных ожиданий, существующих в социуме и направленных на увеличение стабильности, предсказуемости и транспарентности социальной жизни в условиях общероссийских трансформационных преобразований и необходимости преодоления глобальных и актуальных социально-экономических и социально-политических вызовов.

Доверие пронизывает весь спектр горизонтальных и вертикальных связей, установившихся между людьми и в обществе в целом, делает его, с одной стороны, всеобщим явлением, а с другой стороны позволяет разрабатывать дифференцированные стратегии и технологии взаимодействия. В результате гармоничного учета общих и специфических характеристик доверия осуществляется сохранение целостности развития всех сфер жизнедеятельности общества.

Сегодня, в условиях социальной напряженности, охватившей многие сферы общественных отношений, кроме экономической ситуации, серьезное влияние на уровень доверия населения к государственным служащим оказывает нравственный фактор. Нравственность государственного служащего - это внутренние духовные качества, которыми руководствуется государственный служащий, а также нормы и правила поведения, определяемые этими качествами.

Рассматриваемая категория является основным слагаемым доверия, так как, во-первых, отношение населения к государственным служащим напрямую зависит от нравственных качеств работников государственного аппарата, их порядочности, честности, самоотверженности в служении государственным интересам. Во-вторых, серьезные аморальные проступки государственных служащих являются сильнейшим фактором, дестабилизирующим общество, становятся предметом пристального внимания населения. В-третьих, это обусловлено самой спецификой профессии - быть проводником государственной воли, всегда находиться в центре общественного внимания, работать с населением, испытывать определенное ограничение своих гражданских прав и др.

Нравственные нормы, влияющие на уровень доверия, можно классифицировать на различные группы (Административная этика, 1999).

Прежде всего, следует назвать нормы общечеловеческого характера составляющие первую группу: честность, правдивость, доброжелательность, уважение к личности, гуманизм, единство слова и дела и т.д. Общность этих норм обусловлена их универсальностью. Они характерны для любой сферы жизнедеятельности, и их соблюдение является гарантом стабильности любого общества. Также эти нормы регулируют практически весь спектр служебных отношений, но особенно их значимость проявляется в сфере взаимодействия государства и общества, государственного аппарата и гражданина. Каждый государственный служащий должен помнить, что по его поведению и поступкам формируется доверие не только к нему, но и всему ведомству, власти в целом.

Вторую группу составляют нравственные нормы внутриаппаратного поведения: коммуникабельность, умение хранить государственную и служебную тайну, дисциплинированность

и т.д. В основе этих норм лежит соответствие нравственно-духовного уровня государственного служащего его функциональным обязанностям (Наумов, Масленникова, Марченко, 2001).

К третьей группе относятся - нравственные нормы разрешения служебных конфликтов: личная уравновешенность, отсутствие экстремизма, умение находить компромиссы и др.

Главная социальная функция профессиональной морали государственных служащих заключается в согласовании интересов населения, государства и конкретной личности. Интересы государства и населения при этом выступают в качестве доминирующего требования, однако, каждый государственный служащий имеет свои интересы, убеждения, чувства, желания и пытается их реализовать в условиях нравственных отношений, сложившихся в системе государственной службы в целом. При этом профессиональная мораль не должна становиться препятствием для осуществления нравственной свободы личности, она должна быть формой выражения этой свободы в трудовой сфере.

Наличие определенных нравственных качеств у государственных служащих - лишь существенная предпосылка ответственного поведения. Важно проявлять эти качества в работе, чтобы люди поверили и начали доверять. Государственным служащим необходимо умение применять лучшие свойства своего характера в соответствии с конкретной сложившейся ситуацией.

Государственный служащий на социально-психологическом уровне позитивно воспринимается населением лишь в том случае, когда он соотносится со стереотипами, установками, уже зафиксированными в массовом сознании, сложившейся системе ценностей, с интересами и ожиданиями населения и не противоречит им.

Социально-психологический стереотип можно определить как прочно укоренившееся в социальной психологии той или иной социальной группы устойчивое отношение к однородным или сходным явлениям.

В общем плане можно сказать, что восприятие государственного служащего на социально-психологическом уровне другими означает, прежде всего, восприятие его внешних признаков, соотнесение его с личностными и социальными характеристиками воспринимаемого индивида и интерпретацию на этой основе его поступков.

В условиях, когда у населения чаще всего нет возможности напрямую контактировать с государственными служащими, общественное мнение и формирование стереотипов зачастую складывается из СМИ. Как правило, выделяют два главных источника формирования стереотипов, влияющих на уровень доверия, населения к государственным служащим (Каферер, 1990).

С одной стороны, это ограниченный индивидуальный или групповой прошлый опыт и ограниченная информация, которой люди располагают в повседневной обыденной жизни, а также некоторые специфические явления, возникающие в сфере межличностного общения и взаимодействия - субъективная избирательность, влияние установок, слухов, эффектов «ореола», первичности, новизны и т.п.

С другой стороны, важным источником формирования стереотипа является целенаправленная деятельность средств массовой информации и социально-политической пропаганды. Законы массовой коммуникации требуют усреднение-обобщенного, стереотипизированного общения, где сам процесс трансляции на массовое сознание возможен только в форме определенных стереотипов.

Рассмотрев нравственный и социально-психологический слагаемые доверия, необходимо рассмотреть рациональный аспект доверия к государственным служащим.

В процессе оценивания населением деятельности государственных служащих внимание уделяется рациональным параметрам и условиям, имеющих объективно измеряемое выражение, количество поступивших и решенных вопросов - обращений от граждан или организаций во властные структуры, разрешение каких - либо конкретных социальных проблем и т.п.

По мнению Е.М. Борисовой, Г.П. Логиновой, М.О. Мдивани, наиболее важными рациональными качествами государственных служащих являются: способность к всестороннему анализу причин и последствий событий, способность брать на себя ответственность за принятые решения, умение концентрировать внимание, гибкость мышления, умение сохранять самообладание в стрессовой ситуации, активность, умение быстро принимать решение в дефиците времени, умение сохранять высокую работоспособность в условиях помех, устойчивость к фрустрирующим воздействиям (Борисова, Логинова, Мдивани, 1997).

Авторами были выделены три основных блока рационально важных качеств государственных

служащих влияющих на формирование доверия населения: интеллектуальный (компетентность, аналитичность мышления), личностный (лидерство, устойчивость к фрустрациям, активность, деловая направленность) и динамический (сила нервных процессов). Каждый из блоков в этой структуре несет определенную нагрузку, но доля каждого не однозначна.

Мнение выше указанных авторов перекликается с позицией А.П. Ситникова (Ситников, 1996), который определяет в деятельности управленца три группы умений в качестве главных: коммуникативные умения, гностические, умение принимать решение. Ученым выделяются следующие рационально важные качества государственных служащих: уверенность в собственных силах, стремление идти на риск, избегание длительного пребывания в «зоне комфорта», стремление обладать большими правами и нести большую ответственность, терпимое отношение к критике со стороны коллег, стремление к постоянному совершенствованию своего профессионального мастерства.

Таким образом, можно констатировать, что доверие населения к государственным служащим - это сложное, многогранное образование, выражающее отношение социальной группы к действиям государственного служащего и к нему самому, формируемое на убежденности в правоте и верности его нравственных, социально-психологических и рациональных действий.

Литература

1. Административная этика. – М.: РАГС, 1999. – С. 54.
2. Борисова Е.М., Логинова Г.П., Мдивани М.О. Диагностика некоторых профессиональных способностей управленческих кадров // Мир психологии. – 1997. - №3. – С. 166.
3. Каферер Ж.-Н. Слухи // Политология вчера и сегодня. – М.: Наука, 1990. – С. 198-207.
4. Наумов С.Ю., Масленникова Е.В., Марченко О.И. Социальный статус государственного служащего. – Саратов: Изд-во ПАГС, 2001. - 160 с.
5. Ситников А.П. Акмеологический тренинг. Теория. Методика. Психотехнология.– М.: Технологическая школа бизнеса, 1996. – 428 с.

*Сидоренков А.В., Сидоренкова И.И.,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону*

ДОВЕРИЕ КАК РЕСУРС ЭФФЕКТИВНОСТИ МАЛЫХ ГРУПП В ОРГАНИЗАЦИИ

С начала 1990-х г. в индустриально развитых странах стал интенсивно возрастать интерес к доверию в организациях. Это обусловлено тем, что оно расценивается в качестве социального капитала, который оказывает влияние на эффективность деятельности организаций. А именно: доверие может облегчать обмен информацией, уменьшать затраты на контроль и управление, способствовать развитию внутри- и межорганизационных связей и др.

Актуальность доверия определяется современными тенденциями повышения конкурентоспособности организации: а) предоставление полномочий группам и отдельным сотрудникам; б) активное сотрудничество между группами; в) радикальная реорганизация организационных процессов и др. (Шо, 2000). Эти тенденции предполагают переход от бюрократических организационных структур к маневренности управления на основе доверия.

Особое внимание уделяется доверию в производственных группах, так как они имеют важное значение для их членов и играют ключевую роль в жизнедеятельности организации (Aubert, Kelsey, 2003; Dirks, 2000; Moreland, Levine, 2002). Кроме того, малая группа расценивается как микромодель организации, на которой можно отрабатывать разные вопросы организационного доверия.

Доверие в группе оказывает существенное влияние на разные стороны ее активности. В частности, межличностное доверие в группе обуславливает кооперативное поведение и сплоченность членов группы (Бэрон и др., 2003; Chansler et al., 2003). Доверие является одним из факторов и признаков развития группы (Cohen et al., 1980). Доверие руководителя к возможностям подчиненных обуславливает продуктивность индивидуальной деятельности членов группы (Шеклтон, 2003). В свою очередь, доверие подчиненных к руководителю определяет то, насколько они будут готовы

выполнять его распоряжения.

Доверие в малых группах имеет сложную природу. В рамках микрогрупповой теории (Сидоренков, 2010) разработана многомерная модель проявления доверия в малой группе (Сидоренков, Сидоренкова, 2011). В ней выделены два критерия (субъекты и сферы активности) и соответственно им два измерения доверия.

В первом измерении выделяется *пять уровней проявления доверия*:

- *межличностное*: доверие между индивидами внутри неформальных подгрупп, между членами разных подгрупп и т.д.;
- *микрогрупповое*: доверие индивидов к неформальной подгруппе как коллективному субъекту и доверие подгруппы к отдельным индивидам;
- *групповое*: доверие индивидов к группе как коллективному субъекту и группы к отдельным индивидам;
- *между подгруппами*: доверие между неформальными подгруппами, между подгруппами и не включенными в них членами;
- *между подгруппой и группой*: доверие неформальной подгруппы к группе и группы к подгруппе.

Межличностное доверие в группе определяется: а) индивидуальными характеристиками членов группы; б) микрогрупповым доверием; в) доверием между подгруппами; г) групповым доверием. В первом случае доверие является *персонифицированным*, т.е. доверие индивида к членам группы зависит от личностных характеристик последних (порядочность, компетентность, последовательность, лояльность, открытость), базовой установки на доверие-недоверие и опыта общения субъекта доверия. Здесь характерно высказывание типа «Я доверяю этому человеку, потому что на своем личном опыте знаю, что он представляет из себя». Во втором случае доверие члена подгруппы к другим членам группы является *деперсонифицированным* (обезличенным) и *опосредованным* доверием своей подгруппы к этим членам («Я доверяю этому человеку, потому что ему доверяет моя подгруппа»). В третьем случае доверие представителя одной неформальной подгруппы к представителю другой является *деперсонифицированным* и *опосредованным* доверительными отношениями между подгруппами, к которым они принадлежат («Я доверяю этому человеку, потому что существует доверие между нашими подгруппами»). В четвертом случае доверие одних членов группы к другим является *деперсонифицированным* и *опосредованным* доверием группы к ним по наиболее важным аспектам жизнедеятельности («Я доверяю этому человеку, потому что ему доверяет группа»).

Микрогрупповое и групповое доверие (доверие членов к своей подгруппе/группе) определяется тем, насколько подгруппа/группа способна: оказывать своим членам поддержку в реализации их индивидуальных потребностей, информировать своих членов о наиболее важных вопросах групповой жизнедеятельности и выражать компетентное мнение, реализовывать задачи совместной деятельности и демонстрировать результативность. Кроме того, *групповое доверие* может быть *непосредственным*, т.е. определяющимся соотношением индивидуальных целей, потребностей членов и характеристик группы («Я доверяю группе, потому что хорошо знаю, что она представляет собой»), и *опосредованным* доверием подгруппы к группе («Я доверяю группе, потому что ей доверяет моя подгруппа»).

Во втором измерении имеют место *три вида проявления доверия*. *Деятельностно-совладающее доверие (ДСД)* основывается на оценке инструментальных знаний и навыков другого (индивида, подгруппы, группы) и представляет собой убежденность в его способности эффективно выполнять деятельность или делать вклад в общую работу, а также готовность к сотрудничеству с ним. Это доверие определяется результатами деятельности другого, которые отображают две характеристики: компетентность и ответственность в деятельности. По поводу такого доверия характерно высказывание, например: «Я уверен, что он(она) сделает работу так, как надо».

Конфиденциально-охранительное доверие (КОД) основывается на оценке индивидами морально-нравственного облика другого и представляет собой убежденность в его порядочности, а также готовность открываться ему и полагаться на него на фоне ощущения личной безопасности. Для такого вида доверия характерно высказывание: «Я мог бы ему(ей) рассказать свои тайные мысли, зная, что он(она) не предаст меня».

Информационно-инфлюативное доверие (ИИД) основывается на оценке индивидами позиции другого и представляет собой убежденность в правильности его мнения, а также готовность

принимать информацию и влияние от него. Это доверие определяется компетентностью другого по вопросам, которые неопределенны и значимы для субъекта доверия. Относительно такого доверия характерно высказывание: «Я уверен, что он(она) умеет всесторонне оценивать обстановку и принимать правильное решение».

Два измерения доверия интегрированы друг с другом, так что каждый уровень проявления доверия выражается в трех его видах.

Доверие оказывает существенное влияние на групповую эффективность. ДСД сильнее влияет на предметно-деятельностную, а КОД – на социально-психологическую эффективность группы и подгрупп. Однако влияние доверия на групповую эффективность часто опосредовано рядом факторов. Например, ДСД играет более существенную роль, когда имеет место совместно-взаимодействующая форма организации совместной деятельности, а менее весомую – при совместно-индивидуальной.

В то же время чрезмерно сильная выраженность видов доверия может приводить к некоторым нежелательным для группы или ее членов последствиям. В случае с ДСД это выражается в ослаблении взаимоконтроля и оценки обстоятельств в процессе выполнения деятельности. Негативными следствием высокой меры ИИД может быть: снижение критической оценки ситуации, повышенный конформизм, «огруппленное» мышление. Высокий уровень КОД ведет к снижению осторожности членов группы и делает их уязвимыми.

В заключение надо отметить, что для обеспечения эффективности деятельности организации в целом, ее подразделений и отдельных сотрудников одного доверия не достаточно. Необходимы профессиональные знания и навыки сотрудников, грамотное построение производственного процесса и др.

Литература

1. Бэрн Р., Керр Н., Миллер Н. Социальная психология группы: процессы, решения, действия. СПб.: Питер, 2003.
2. Сидоренков А.В., Сидоренкова И.И. Доверие в малых группах // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 94-105.
3. Сидоренков А.В. Малая группа и неформальные подгруппы: микрогрупповая теория. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2010.
4. Шеклтон В. Психология лидерства в бизнесе. СПб.: Питер, 2003. Шо Р.Б. Ключи к доверию в организации. М.: Дело, 2000.
5. Aubert B.A. & Kelsey B.L. Further understanding of trust and performance in virtual teams // Small Group Research. 2003. V. 34. 5. P. 575-618.
6. Chansler P.A, Swamidass P.M. & Cammann C. Self-managing work teams: An Empirical Study of Group Cohesiveness in “Natural Work Groups” at a Harley-Davidson Motor Company Plant // Small Group Research. 2003. V. 34. 1. P. 101-120.
7. Cohen A., Fink S., Gadon H. & Willits R. Effective behavior in organizations. Revised Edition. Homewood, IL, 1980.
8. Dirks K.T. Trust in Leadership and Team Performance: Evidence From NCAA Basketball // Journal of Applied Psychology. 2000. 12. P.1004-1012.
9. Moreland R.L. & Levine J.M. Socialization and Trust in Work Groups Group // Processes & Intergroup Relations. 2002. V.5(3). P. 185–201.

РАЗДЕЛ 4. ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ ФАКТОРЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Алексеева Е.М.,

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

АКТУАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ СТУДЕНТОВ ОБ ИННОВАЦИЯХ, ЭКОНОМИЧЕСКОМ РОСТЕ И БЛАГОСОСТОЯНИИ

Актуальность предмета исследования определяется возрастающей ролью инновации как фактора экономического роста и благосостояния, а также стабильности социально-экономического развития. Современный мир находится на пути реализации теории национальных инновационных систем. Инновации понимаются не только как цель и результат экономической деятельности, обеспечивающие экономический рост и как следствие благосостояние общества, но и как элемент, который задает рамки для поведения человека и групп людей в предпринимательской сфере.

Несмотря на существенные усилия, в России инновации носят в целом несистемный характер, так как среди теоретиков и практиков нет единого понимания о роли инноваций в процессах трансформации и модернизации. Путь от плановой к рыночной экономике оказался совсем не простым.

В Германии ситуация выглядит по-другому. «Экономический рост и благосостояние: через инновации и образование» – так называется доклад рабочей группы земли Северный Рейн – Вестфалия, в котором делается прогноз о возможном состоянии развития федеральной земли в 2025 году (1). Там прописаны три наиболее важные современные категории: «экономический рост», «инновация» и «образование». Образование опосредованно обеспечивает инновации, а инновации – залог экономического роста. Экономический рост является, в свою очередь, предпосылкой для благосостояния. Таким образом, фундамент заложен в образовании. Образование и человеческий капитал являются важнейшими условиями для инноваций, экономического роста и благосостояния.

Данные теоретические основания стали причиной вовлечения в эмпирическое исследование российских и немецких студентов. Что понимают современные студенты под инновациями, экономическим ростом и благосостоянием? Как представлены данные понятия в сознании на ассоциативном уровне? Целью проведенного исследования стало описание ассоциативных представлений российских и немецких студентов об инновациях, экономическом росте и благосостоянии.

При ассоциировании, т.е. при процессе соотнесения объекта (стимула) с первым пришедшим в голову (реакцией), важно учитывать два фактора: во-первых, личный опыт испытуемого, во-вторых, его языковой и социальный опыт (Паутова, 2007). Ассоциативные исследования и применение ассоциативных методов имеют давнюю традицию в психологии и лингвистике (Абрамов, 2001; Городецкая, 2002; Горошко, 2001; Мартинович, 1990; Морозова, 2001; Паутова, 2007). Ассоциативный эксперимент – метод, позволяющий выявить ассоциативные связи у индивидуума, которые сформировались на основе жизненного опыта и зафиксировались в памяти.

При анализе ассоциаций учитывается их частотность. Наиболее частотные ответы образуют ядро ассоциативного поля, их называют культурно-специфическими, менее типичные – идиосинкразическими. Единичные ассоциации заполняют периферию поля.

В настоящей работе представляются результаты проведенного среди российских и немецких студентов исследования свободных ассоциаций к понятиям «инновация», «экономический рост» и «благосостояние», в котором приняли участие 46 студентов (39 человек женского и 7 мужского пола) Йенского университета им. Фридриха Шиллера (специальность: межкультурная экономическая коммуникация) и 120 студентов (110 человек женского и 10 мужского пола) Казанского (Приволжского) федерального университета (различные специальности) в возрасте от 18 до 28 лет. Задание для испытуемых было следующее: „Какие ассоциации вызывают у Вас следующие понятия? Напишите по 5 слов-ассоциаций к каждому понятию. Долго не задумывайтесь“.

Все собранные ассоциации были отсортированы по степени их частотности.

Рассмотрим наиболее значимые результаты, например, ассоциации немецких студентов с понятием «инновация». В общей сложности к этому понятию было написано 103 различные ассоциации, 24

из них представлены более чем один раз. 69 ассоциаций индивидуальны и образуют периферию ассоциативного поля. Почти треть испытуемых ассоциирует инновацию с «новым/новинкой», эта ассоциация является ядром ассоциативного поля. Ядерными являются также ассоциации «прогресс», «изобретение», «идея/идеи» и «развитие». Ответы испытуемых можно причислить следующим категориям: «новое» («новое», «изобретение», «новинка», «обновление», «новшество»), «изменение» («прогресс», «развитие», «облегчение», «улучшение»), «объекты» («техника», «автомобиль/автомобили»). Периферию образуют следующие ассоциации: динамика, естественная наука, конкуренция, благосостояние, способность, дух изобретательства, случай, культура, музыка, колесо, компьютер, собственная инициатива, экономика, модернизация, окружающий мир, приспособление, гений, основание предприятия, готовность к риску, риск, способность пробиваться, создание, выход на рынок, усовершенствование продукта и процессов, неограниченность, помощь, эволюция, повышение квалификации, достижение, открытие, прибыль, патент, заявка на патент, знания, ноу-хау, интернет, промышленность, деятельность, процесс, ухудшение, плагиат, двигатель, вызов. Таким образом, наибольшая часть ассоциаций имеет экономическую и социальную направленность.

Интересны ассоциации немецких студентов с понятием «благосостояние». Всего было написано 104 различные ассоциации, 29 из них представлены более чем один раз. 70 ассоциаций индивидуальны и образуют периферию ассоциативного поля. Наиболее частотное ассоциативное представление о благосостоянии связано с деньгами: именно деньги образуют ядро ассоциативного поля понятия «благосостояние». К ядерному образованию относятся также «богатство», «беззаботность», «дом». Все ассоциации можно распределить по следующим категориям: «материальное и имущество» («деньги», «богатство», «дом», «роскошь», «автомобиль», «избыток», «квартира»), «внутреннее самочувствие» («беззаботность», «здоровье», «уверенность», «счастье», «свобода», «довольство», «зависть», «независимость», «частная жизнь» («семья», «друзья») и «профессиональная жизнь» («работа», «цель/цели», «саморазвитие»). Периферия также богата на ассоциации: конфликт, чистота, свободное время, нет недостатка, несправедливость, отчужденность, престиж, экономический рост, неравенство, демократия, социализм, ножницы между бедными и богатыми, образование, преимущество, мебель, обувь, напряжение, нищета, гордость, стремление, скука, потребление, благотворительные мероприятия, любовь, многообразие, недовольство, заработок, вода, электричество, путешествия, материализм, власть, профессия, манеры, общество, запад, успех, страхование, сад, распад ценностей, смена перспективы, социальное признание, опора.

Научный интерес представляют ассоциации российских студентов с понятием «экономический рост». Всего было дано 118 ассоциаций, из них 64 индивидуальных, образующих периферию ассоциативного поля. В ядро поля входят понятия «деньги», «прибыль», «доход». Частотными являются также ассоциации «развитие», «благосостояние», «улучшение уровня жизни». Можно выделить следующие категории: «материальное и имущество» («деньги», «прибыль», «богатство», «доход», «заработная плата», «благосостояние»), «экономика» («развитие», «улучшение условий жизни», «инвестиции», «прогресс», «бизнес»), «внутренне самочувствие» («успех», «счастье», «независимость», «радость», «свобода») и «профессиональная жизнь» («работа», «карьера», «цель/цели», «возможности»). К периферии относятся: капитал, государство, процентная ставка, стремление, цена, ВВП, достаток, экономические убытки, идеи, знания, инфляция, конкурентоспособность, конкуренция, кризис, наука, опыт, повышение квалификации, производство, процветание, рынок, спрос, стабильность, страна, движение вперед, банк, время, Япония, Германия, Европа, изменения, качество, люди, рабочие места, надежность, независимость, неограниченность, денежный оборот, обслуживание, повышение курса валюты, увеличение производительности, политика, потребность, предложение, предприятие, радость, риск, свобода, международные отношения, скачок, СМИ, способность, положение, высокий статус, темп, трудности, ресурсы, уверенность, укрепление, улучшение товаров, ум, умение, снижение безработицы, услуги, финансы, цели, ценообразование, эволюция.

Выполненное исследование позволяет сделать следующие выводы. Понятия «инновация», «экономический рост» и «благосостояние» вызывают широкий спектр ассоциаций. В ассоциативных полях данных понятий есть ядро (типичные для 22,5-56,5% испытуемых ассоциации) и периферия, которая заполнена разнообразными индивидуальными значениями.

Литература

1. http://www.pbfrontend.nrw.de/.../ag1innovation_bildung_wachstum.pdf (обращение 06.07.2010)
2. Абрамов, В.П. Теория ассоциативного поля / В.П. Абрамов // Тезисы международной конференции «Лексикология, фразеология и лексикография русского языка». - М.: МГУ, 2001. - С.124-125.
3. Городецкая, Л.А. Ассоциативный эксперимент в коммуникативных исследованиях / Л.А. Городецкая // Сб. научных трудов «Теория коммуникации и прикладная коммуникация» / под общ. ред. И.Н. Розиной. Ростов н/Д: ИУБиП, 2002. – С. 28-37.
4. Горошко, Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е.И. Горошко. – М.-Харьков: Ра-Каравелла, 2001. – 320с.
5. Мартинович, Г.А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле / Г.А. Мартинович // Вопросы психологии. - 1990. - №. 2. - С. 143-146.
6. Морозова, И.А. Ассоциативный эксперимент как метод когнитивного исследования / И.А. Морозова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. - С.126-129.
7. Паутова, Л.А. Ассоциативный эксперимент: опыт социологического применения / Л.А. Паутова // Социология: методология, методы, математические модели. - 2007. - № 24. - С.149-168.

Беликова Т.В.

ССЭИ РЭУ им. Плеханова, Саратов

К ПРОБЛЕМЕ КАРЬЕРНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Являясь предметом изучения в различных научных областях карьерные предпочтения вызывают большой интерес как у отечественных, так и у зарубежных ученых, так как принятие решения профессионального самоопределения есть особый процесс человеческой деятельности, направленный на выбор наилучшего варианта действий (О.И.Ларичев). Отечественными авторами анализируются особенности карьерных предпочтений (А.Н.Леонтьев, Л.С.Выготский, С.Л.Рубинштейн, О.К.Тихомиров, Т.В.Корнилова, Д.А.Леонтьев, Н.В.Пилипко). Кроме того, в изучении проблемы карьерных предпочтений и ориентаций в зарубежной науке выделено несколько научных направлений: институциональный (М.Яхода, П.Уорр, Д.Фрайер), когнитивно-мотивационный (Н.Физер, Б.Вайнер, У.Дейрити, А.Голдсмит, А.Киники, Дж.Лэтэк, Г.Прассиа) и биографический подходы (Д.Сьюпер, Дж.Дозье, С.Осипоу, Г.Элдер, А.Каспи). Процесс профессионального становления характеризуется гетерохронностью и неравномерностью. Переход от одного этапа профессионального становления к другому сопровождается возникновением кризисов профессионализации, ядром которых являются противоречия, разрешение которых оказывает влияние на процесс становления профессионала (Э.Ф.Зеер, Т.В.Кудрявцев, А.К.Маркова, Ю.П.Поваренков). Поведение в условиях риска, факторы, его определяющие, уже давно стали предметом исследования таких авторов как А.П.Альгин, Ю.А.Жуков, Ю.А.Зубок, Ю.Козелецкий, Т.В.Корнилова, А.Г.Костинская, В.А.Петровский, Г.Н.Солнцева и др. Карьерные ориентации и предпочтения косвенно исследовались через другие смысловые образования субъекта профессиональной деятельности: потребности (И.Л.Соломин), мотивы (А.В.Герасимов, А.С.Лукьянов), ценности (Б.Идзиковски, И.Е.Акопова, Е.А.Махрина); отмечались как фактор успешности карьеры (Е.Н.Жорникова, Л.А.Зайцева, Е.А.Могилевкин, М.В.Сафонова, Н.А.Тугунцева).

Спрос работодателей на квалифицированных рабочих, менеджеров по продажам, продавцов, инженеров и представителей других профессий, входящих в рейтинг наиболее востребованных, можно назвать стабильным и устойчивым, поскольку колебания доли запросов на них от месяца к месяцу незначительны. Так, по исследованиям Исследовательский центр портала Superjob.ru на 1.12.2011 квалифицированные рабочие снова оказались на вершине рейтинга, составив 13,9% от всех запросов. Менеджеры по продажам (10,9%) и продавцы (6,8%) заняли, как и раньше, второе и третье места, инженерам досталось четвертое (5%). Данный тренд также распространился и на 2012 год: квалифицированные рабочие – лидеры рейтинга запросов работодателей, число вакансий для

них возросло с 12,5% от всех запросов в январе до 14,4% в июне. Второе место уверенно занимают менеджеры по продажам (10,9% в январе, 11% в июне). Самая популярная сфера поиска персонала – это, как и прежде, «продажи» (20,4% от всех вакансий в июне).

Лидерами рейтинга топ-персонала остаются директора магазинов и гипермаркетов (19,6% от всех запросов на поиск директоров), директора филиалов (10,2%) и коммерческие директора (8,2%). В ноябре существенно возрос спрос на технических директоров (+1,3 пункта), что подняло эту позицию с пятого места в рейтинге на четвертое. Так, в октябре число вакансий снизилось всего в 7 из 28 сфер профессиональной деятельности. Наиболее ощутимое снижение произошло в области юриспруденции (-8,5%), науки и образования (-7%), туристическом и ресторанном бизнесе (-4,5%). В ряде сфер наоборот число запросов на поиск персонала выросло, например, в сфере услуг (+10,2%), в сфере управления персоналом (+7,8%), информационных технологий (+6,4%) и других.

Так, по исследованиям ситуации на рынке труда в России в 2011 в октябре было размещено на 35% резюме больше, чем в январе, и на 13% больше, чем в июле. Больше всего на выбор профессии наших соотечественников влияют собственные увлечения и интересы (30%) и обстоятельства (29%). В качестве других факторов россияне указали отсутствие выбора (12%), а также оплату труда в конкретной профессии и ее востребованность на рынке труда (по 11%). 7% опираются, в первую очередь, на мнение родственников и друзей, 6% - следуют за своим ближайшим окружением, выбирая профессию, а 5% исходят из соображений престижа и карьерного роста. Лишь 3% следуют семейной традиции, династичности. 2% россиян привлекает высокий уровень обучения по данной профессии в выбранном ВУЗе. Выбирать профессию исходя из собственных интересов и увлечений, наиболее склонны 18-24 летние россияне (36%) и респонденты с неполным или полным высшим образованием (43%). По стечению обстоятельств – пожилые граждане (34%) и обладатели начального, неполного среднего или среднего образования (по 35%). По данным исследований ВЦИОМ (время проведения опроса: 14.06.2008 - 15.06.2008, опрошено 1600), на отсутствие выбора профессии также чаще ссылаются россияне с начальным или неполным средним образованием (24%). Самый высокий конкурс среди соискателей, как и прежде, – на должности государственных служащих, однако за полгода конкуренция среди желающих работать в данной сфере заметно снизилась (с 39,7 резюме на вакансию в январе до 24,5 в июне). Почти в 2 раза ослабела конкуренция среди юристов (с 15,6 резюме на вакансию в январе до 8 в июне) (по данным Рынок труда: итоги первого полугодия 2012 портала Superjob.ru)

Численность безработных, зарегистрированных в органах службы занятости, на 27 октября 2011 года в России составила 1,2 миллиона человек. Самый низкий уровень безработицы был отмечен в Норвегии (безработица не превышает 4%), Австрии (4.1%), Люксембурге (4.2%), Нидерландах и Казахстане. Лучше чем в России в Европе дела обстояли также в Германии, на Мальте и в Чехии.

Новые демографические исследования показали жесткую взаимосвязь бедности с состоянием здоровья и смертности прежде всего мужчин в трудоспособном возрасте (в младшем трудоспособном - 20-29 лет), большая доля которых слабее адаптирована к новым условиям. Маргиналы вымирают быстрее, а среди них - бедные, безработные, малоквалифицированные и малообразованные. Низкое качество человеческого потенциала связано в значительной мере с тем, что более половины детей рождаются в бедных семьях или имеют риск тотчас превратиться в обездоленных, а около 40% пришедших в этот мир уже являются больными или заболевают непосредственно после рождения. Исследования показывают, что отдельные риски бедности имеют следующие оценки, выявленные на основе соответствующей доли домохозяйств: экономический фактор, включающий работников с низким уровнем оплаты труда (33%) и безработных (12%), т.е. 45% (почти половина) - это трудовая бедность; социальный фактор, распространяющийся прежде всего на пенсионеров, включая инвалидов (19%) - социальная бедность; демографический фактор, представленный неполными и многодетными семьями (28%) - это демографическая бедность; сюда относится и фактор детей; образовательный фактор, касающийся в первую очередь молодежных семей (8%) - молодежная бедность. Сказанное означает, что в России превалирует «трудовая бедность», так как работник за свой труд получает такой заработок (в большинстве), который не воспроизводит его и тем более его семью. (Н.М.Римашевская, 2010)

По данным Евростата опубликованным в 2011 году в рейтинг стран ЕС с самым высоким уровнем жизни первое место занял Люксембург, сообщает «Туризм.ру». За Люксембургом следует Великобритания, Германия, Нидерланды и Австрия. Качество жизни в Люксембурге на 50% выше,

чем в среднем по странам Европейского Союза. В Великобритании этот показатель составляет 21%. При составлении рейтинга главным критерием был уровень расходов населения на индивидуальное потребление, включая все товары и услуги, которыми пользовались граждане, независимо от того, платили ли они сами или это делало государство. Великобритания заняла второе место за счет того, что такие социальные услуги, как здравоохранение и образование, в основном оплачиваются государством.

А после 2025 г., когда в соответствии с циклом Жюгляра, произойдет подъем в экономике и мир перейдет к стабильному росту на базе нового ТУ, основу которого, по мнению академиков А.А.Акаева и В.А.Садовниченко, составят: «компьютерные технологии, биотехнология и геновая инженерия, мультимедиа, включая глобальные интеллектуальные информационные сети, сверхпроводники и экологически чистая энергетика». В своей книге «Выживают только параноики» Э.Гроув пишет, что легко не заметить потенциал новых технологий, влияние новых конкурентов и изменения в расстановке сил среди клиентов и поставщиков, если не следовать и не использовать современные технологии для развития организации и персонала, а также для удержания своих позиций в конкурентной среде.

В ходе исследования автором Т.В.Беликовой были проведены фокус-группы среди студентов СГСЭУ и других вузов г. Саратова (80 чел) 2012 год на тему «Профессионального самоопределения в условиях инноваций». К социальным рискам в обществе были отнесены незащищенность некоторых слоев общества: правовая, экономическая; разного вида дискриминации (по возрасту, полу, национальному признаку, вероисповеданию), несовершенство законодательства, социальное неравенство, расслоение общества, разного вида отклоняющееся поведение, алкогольная и наркотическая зависимость, преступность, проблемы коррупции, терроризма, проблемы экологии, проблемы безработицы и миграция населения, недостаточное внимание к медицинскому обслуживанию и социальным гарантиям, возможность политических рисков для современной России, экономические риски и цикличность появления финансовые кризисов и т.д. К рискам невозможности профессиональной самореализации отнесены риски невостребованности профессии, большая конкуренция, смена профессиональных интересов, влияние внешних факторов на профессиональную самореализацию, форс-мажорные обстоятельства, влияние изменения возраста и семейные обстоятельства, невозможность карьерного роста, влияние стрессов и другие неблагоприятные условия, скромная оплата труда. К популярным профессиям были отнесены: менеджер, юрист, экономист, инженер, парикмахер, стилист, врач (стоматолог), фармацевт, специалисты туристического бизнеса, таможенник, косметолог, актер, журналист. Наиболее востребованными профессиями были названы: учитель, врач, продавец, официант, парикмахер, бухгалтер, рабочие специальности, строители, кассир, охрана. Трудностями с которыми сталкивается молодой специалист: недостаток реального опыта работы, низкая стоимость труда, неактуальность некоторых профессий или переизбыток специалистов в той или иной направленности, мошенничество при трудоустройстве, стремительный научно-технический прогресс и как следствие постоянное повышение профессиональных требований, несоблюдение трудового договора, нерациональное распределение должностей, нестабильность рынка труда. Внедрение инновации в трудовой сфере по мнению участников фокус-групп является закономерным процессом изменений в современном обществе. Значительное отличие управления трудовыми ресурсами от управления кадрами в предшествующие годы состоит в системе отбора сотрудников, предъявлении новых требований к сотрудникам. Инновационная деятельность характеризуется риском и неопределенностью, что выражается в дополнительном внимании к подвижности и гибкости мышления, потребностью в творческой реализации, способностью и склонностью к переобучению и обучению сотрудников, умением приспосабливаться к быстро изменяющимся условиям труда, присутствием внутренней мотивации и знанием содержания работ. Инновации - это новое, хоть и непривычное, но достаточно интересное. Кадровые нововведения достаточно специфичны, они направлены на развитие организации в целом, ее подразделений, и отдельных сотрудников. В организациях реализуются такие практики обучения и повышения квалификации сотрудников как видеоконференции, видеособрания, видеолекции с помощью интернет. Также практикуется онлайн-обучение потенциальных сотрудников. Кадровым службам в условиях инноваций целесообразно заниматься следующими проблемами: развитием персонала и управлением деловой карьерой, созданием инновационной атмосферы в компании, подбором специалистов, отвечающим современным требованиям, построением систем

традиционной и нетрадиционной компенсации (потенциал знаний), развитие корпоративной культуры, использование и создание компьютерных программ для кадровых служб и т.д. Управление инновациями в работе с персоналом – это эффективное и своевременное обеспечение обновлениями в кадровой работе с сотрудниками предприятия в соответствии с текущими целями, потребностями и перспективами развития организации и научно-техническим прогрессом.

На следующем этапе исследования была также дополнительно исследована структура ценностных ориентаций с помощью методики Е.Б.Фанталовой. В ходе исследования по методике Е.Б.Фанталовой были установлены следующие закономерности: уровни привлекательности и достижимости по проблемам познания (возможность расширять образование, культуру, развивать интеллект) примерно равен (8,27 и 8,23 соответственно). В мнениях респондентов свобода как независимость в поступках и действиях более привлекательна для молодых людей (8,67) чем для девушек (7,67) но менее достижима (7,28) для молодых людей. Вопрос наличие хороших друзей также более значим для мужской части опрошенных как по привлекательности, так и по достижимости. Наличие трендов устойчивого развития, соответствующих современным запросам общества, способствует созданию инновационной среды, и конкурентоспособности личности, организации, региона. Происходящее неравновесное включение стран в мировое сообщество предопределяет появление нового поиска решения задач по практикам занятости и устойчивости социально-трудовых отношений. Именно сильная, конкурентоспособная команда способна продуцировать и реализовать инновационные идеи, вывести организацию на новый этап развития, и учетом современных запросов общества.

Профессиональное самоопределение осуществляется на всех стадиях профессионального становления и реализации личности. Оно происходит поэтапно и обусловлено содержанием задач профессионального развития. На активизацию профессионального самоопределения оказывает влияние комплекс объективных и субъективных факторов. Ведущее место среди субъективных факторов занимают процессы поиска, обретения и разрушения профессиональной идентичности субъекта труда. Специфика профессионального самоопределения на каждом этапе профессионализации проявляется: в структурной организации ценностно-мотивационных компонентов; в содержании задач профессионального развития (выбор или смена профессии, совмещение учебы и работы, уход в бизнес, повышение по службе); в актуализации различных функций (контрольной, адаптационной, компенсаторной, идентификационной); в репертуаре поведенческих реакций субъекта труда. Активизация профессионального самоопределения в ходе профессионализации имеет неравномерный характер, выделяются периоды ее повышения, стабилизации и понижения. Неравномерность активизации профессионального самоопределения тесно связана с периодами и фазами профессионального становления и реализации личности. В основе активизации профессионального самоопределения на разных этапах профессионализации лежит комплекс объективных и субъективных факторов. К числу объективных факторов можно отнести закрытие или репрофилирование предприятия, сокращение рабочих мест, отсутствие вакансий, изменение статуса. К числу субъективных факторов относятся формирование, утрата или отсутствие у субъекта труда профессиональной идентичности; динамика профессиональной мотивации; становление, стабилизация или распад ее структуры. Участие в тренинговых программах по эмоциональному интеллекту, управлению стрессом, развитию конкретных навыков, которые бы позволили человеку пройти выбранный путь. Руководители «конструируют» своих лучших сотрудников и создают для них карьерный путь. Как это отразится на обучении персонала? Возможно, придется «переучивать» специалистов из смежных профессий, организовывать обучения для тех, кто работает «удаленно». Проводить внутрикорпоративные программы по построению карьеры в данной организации, рисовать «карты карьеры», для удержания лучших сотрудников.

Литература

1.Бадулина Ж.В. Мотивационный компонент профессионального самосознания: особенности проявления в контексте карьерного развития // Молодежь на современном рынке труда: Сборник докладов конференции по образования, подготовки и подбора специалистов, проходившей в рамках Первой региональной межвузовской ярмарки вакансий 29 марта 2007 г. – Н.Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2007. – С. 115-118

2.Беликова Т.В. Инновации и НИ-НУМЕ технологии в управлении персоналом организации // Инновационное общество: общественно-политические, естественно-научные, социально-

экономические, технико-технологические, промышленно-производственные проблемы: Сборник научных статей / Под ред. В.Н.Крючкова.- Саратов: Издательство «КУБиК», 2011.- С.26-29

3. Кащавцева Н.А. Мотивация выбора профессий молодежью и условия оптимального выбора профессий // Региональный рынок труда: проблемы регулирования: материал II Международной научно-практической конференции / под редакцией Деевой Н.Н. – Биробиджанский филиал Амурского государственного университета, Биробиджан, 2011.- С.112-118

4. Марчук В.И. Рынок труда и особенности его функционирования в современных условиях (в сфере образовательных услуг ВУЗов) // Региональный рынок труда: проблемы регулирования: материал II Международной научно-практической конференции / под редакцией Деевой Н.Н. – Биробиджанский филиал Амурского государственного университета, Биробиджан, 2011.- С. 185-187

5. Панченко Е.А. Управление предпринимательской мотивацией [Текст] / Е.А.Панченко // Самореализация личности в современных социокультурных условиях: Сб. мат-лов всерос. науч.-практ. конф.: в 3 т. – Тольятти: ТГУ, 2007. - Т. 2. С. 183 – 188 (0,3 п.л.).

6. Римащевская Н.М. Риски бедности в современной России [Электронный ресурс] <http://www.promreview.net/moskva/riski-bednosti-v-sovremennoi-gossii>. Опубликовано в 30.06.2010 Москва.

7. Янченко Е.В. Риски работника в современных трудовых отношениях и способы их сокращения // Достойный труд – основа стабильного общества: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 19 ноября 2010 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2011. – Ч.3. – С. 127-131.

*Бондарев С.А.
РГТЭУ, Москва*

О РЕКУЛЬТИВАЦИИ ЗЕМЕЛЬ БЫВШИХ УРАНОДОБЫВАЮЩИХ ПРОИЗВОДСТВ СТРАН ЕВРАЗЭС

Интенсивная разработка урановых месторождений на территории четырех республик бывшего СССР (Казахстан, Кыргызстан, Российская Федерация, Таджикистан) была начата в конце 40-х - начале 50-х годов XX века. За время деятельности предприятий урановой промышленности на территории этих государств накопилось значительное количество отходов, содержащих повышенные концентрации естественных радионуклидов уран-ториевого ряда, обращение с которыми, включая вопросы безопасного длительного хранения или захоронения, а также рекультивации мест размещения отходов, является сложной и ресурсоемкой задачей. Мировой опыт показывает, что одним из основных условий, способствующих положительному восприятию планируемой деятельности по развитию атомной энергетики, является выполнение мероприятий по ликвидации негативных последствий, возникших в период формирования урано-добывающей и перерабатывающей отраслей. Площадь радиационно-загрязненных земель под объектами урановых производств в четырех странах ЕвразЭС составляет около 80 км², ориентировочная площадь воздействия за счет выброса радионуклидов в окружающую среду более 200 км² (табл. 1).

Таблица 1. Площадь нарушенных земель по странам ЕвразЭС (км²)

Страна	Площадь радиационно-загрязненных земель в результате деятельности урановых производств
Казахстан	51,7
Россия	16,0
Кыргызстан	6,5
Таджикистан	3,0

Наибольшую опасность для окружающей среды представляют комплексы специальных сооружений и оборудования, предназначенные для хранения или захоронения радиоактивных,

токсичных и других отвальных отходов обогащения полезных ископаемых, которые называются хвостохранилища, а также горные отвалы Кыргызской Республики, которые грозят загрязнением бассейнов и русел рек Нарын, Сырдарья, ирригационно-оросительных сетей, а также представляют опасность для сопредельных с ними государств.

Серьезного внимания заслуживает также ситуация в Республике Таджикистан, где по сравнению с другими государствами ЕвразЭС работы по рекультивации нарушенных территорий выполнены в наименьшем объеме, а объекты урановых производств представляют трансграничную угрозу.

С целью снижения потенциальной опасности для населения и окружающей среды и решения серьезных социально-экономических и экологических задач с хвостохранилищами и местами приповерхностного захоронения отходов уранодобывающей отрасли в Кыргызстане и Таджикистане была утверждена Межгосударственная целевая программа «Рекультивации территорий государств-членов ЕвразЭС, подвергшихся воздействию уранодобывающих производств». Целевая программа разрабатывалась пять лет и будет осуществляться с 2013 по 2018 год и на ее выполнение выделяется 1156 млн. российских рублей, в том числе 75% этих средств – из Бюджета Российской Федерации, 15% вложит Казахстан, и по 5% - Кыргызстан и Таджикистан.

Программа разработана Государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом» и предусматривает осуществление рекультивации двух объектов в Кыргызской Республике и одного - в Республике Таджикистан. Эти объекты (участки территорий) не только представляют опасность для здоровья местного населения, но и являются источниками потенциальной трансграничной экологической угрозы для Центрально-Азиатского региона, так как в случае природных катастроф радиоактивному загрязнению могут подвергнуться значительные территории региона.

В Кыргызской Республике выбраны объекты Каджи-Сай и Мин-Куш (хвостохранилище Туяк-Су), в Республике Таджикистан выбран объект Табошар. По мнению экспертов государств - членов ЕвразЭС, эти объекты грозят трансграничными катастрофами и требуют рекультивации в первоочередном порядке.

Особую тревогу вызывает обстановка в районе хвостохранилища «Туяк-Су», где возникла угроза схода оползня с образованием подпрудного озера, которое по мере заполнения будет угрожать устойчивости хвостохранилища и приведет к его размыву и выносу радиационного материала в реку Кекемерен.

Ситуация, сложившаяся в районе хвостохранилища «Туяк-Су», по сравнению с другими объектами, является наиболее опасной. На правом борту долины реки Туяк-Су, приблизительно в 300 м ниже хвостохранилища, находится оползень. По данным наблюдений за оползнем специалистов МЧС Кыргызской Республики, его ориентировочный объем 1,2-1,3 млн. куб. м. Оползень образовался в 2004 году, и за этот период (до настоящего времени) его смещение составило 4,7 м по горизонтали. На момент обследования оползень находится в стадии активизации.

Хвостохранилище Каджи-Сай на месторождении «Джилское» эксплуатировалось в период с 1952 по 1966 г. Площадь хвостохранилища составляет 1,1 га. Здесь же захоранивались загрязненные грунты, снятые в ходе дезактивации территории закрывающегося предприятия, а также демонтированное радиоактивное оборудование рудника. В дальнейшем на поверхности хвостохранилища был размещен золоотвал (отходы сжигания энергетических углей).

Полномасштабные работы по захоронению хвостохранилища и рекультивации загрязненных территорий ранее не проводились. В 60-х гг. поверхность объекта была закрыта слоем инертного грунта. В последующие годы силами МЧС Кыргызской Республики предпринимались усилия по защите объекта от водной и ветровой эрозии и поддержанию хвостохранилища в безопасном состоянии.

На территории промплощадки близ г. Табошар сосредоточены отвалы горных пород, содержащие сверхнормативные количества радионуклидов, а на хвостохранилищах находятся радиоактивные отходы первичного гидрометаллургического передела урановых руд.

Поверхность и склоны хвостохранилища не защищены от ветровой и водной эрозии, вследствие чего происходит механическая миграция загрязненного мелкодисперсного хвостового материала. Кроме того, через территорию хвостохранилищ несанкционированно проложены грунтовые дороги, пасется скот, а к северо-западной части хвостохранилища непосредственно примыкает частная жилая застройка.

На промплощадке Табошар имеются полуразрушенные здания и сооружения основного и

вспомогательного производства. В непосредственной близости от хвостохранилища располагался цех кучного выщелачивания, от которого в настоящее время остались полуразрушенные ж/б конструкции.

В настоящее время все сооружения хвостохранилищ стран ЕврАзЭС требуют в той или иной степени ремонта и создания новых барьеров. Особую озабоченность вызывают нарушения барьеров, вызванные природными воздействиями (селевые потоки, оползни, эрозия), а также несанкционированное воздействие и вмешательство человека.

Проведенный анализ эксплуатации хвостовых сооружений показывает, что срок службы инженерных барьеров, с учетом возможных катастрофических природных воздействий мал по сравнению со временем жизни долгоживущих радионуклидов. В связи с этим необходимо проведение специальных научно-исследовательских, проектно-изыскательских и других работ, в том числе по мониторингу социально-экологического состояния этих объектов, а также демографическим показателям и показателям состояния здоровья населения, проживающего в этих регионах.

В государствах - членах ЕврАзЭС решение этой проблемы находится на разных уровнях. Анализ действующих в государствах - членах ЕврАзЭС национальных систем обеспечения радиационной безопасности показывает следующее:

В Республике Беларусь накоплен большой опыт по обеспечению радиационной безопасности населения, включая организационные и медико-санитарные мероприятия в рамках рекультивации территорий, загрязненных вследствие аварии на ЧАЭС. Благодаря Межгосударственной целевой программе Республика Беларусь сможет оптимизировать разработку методологии проведения рекультивационных работ на радиационно-загрязненных территориях других государств, а на основании проведенных исследований при реализации Программы позволит ей повысить эффективность мероприятий по обеспечению радиационной безопасности населения, усовершенствовать систему мониторинга состояния здоровья населения, проживающего вблизи радиационно-опасных территорий.

В Республике Казахстан реализуется отраслевая государственная программа и накоплен практический опыт по рекультивации территорий, подвергшихся воздействию уранодобывающих и перерабатывающих предприятий, включающая использование современных рекультивационных технологий. Участие Казахстана в Программе позволит ему отработать технологические элементы системы обеспечения радиационной безопасности в горных и сейсмических зонах на базе объектов Кыргызстана и Таджикистана, с учетом опыта других стран ЕврАзЭС внедрить в национальную систему экологический мониторинг рекультивированных объектов, а также повысить эффективность выполнения организационных и медико-санитарных мероприятий по обеспечению радиационной безопасности населения.

В Кыргызской Республике практически отсутствует национальная система рекультивации территорий, подвергшихся воздействию уранодобывающих и перерабатывающих предприятий. Международное сообщество по линии ООН, МАГАТЭ и других международных организаций проводит в этой республике работы в основном по мониторингу окружающей среды и состояния здоровья населения отдельных объектов без обязательств по проведению рекультивационных работ.

В целях обеспечения экологической безопасности в Центрально-Азиатском регионе от радиоактивного загрязнения по поручению Правительства Кыргызской Республики Министерством чрезвычайных ситуаций разработана Комплексная программа первоочередных действий с указанием приоритетности выполнения рекультивационных работ на хвостохранилищах производств по добыче и переработке урановых руд и руд редкоземельных элементов. Ориентировочная стоимость первоочередных рекультивационных работ только на хвостохранилищах, предусмотренных Программой, составляет более 38,1 млн. долларов США (895,5 млн. российских рублей).

Участие Кыргызской Республики в Программе позволит ей создать национальную систему обеспечения радиационной безопасности, включая организационные и медико-санитарные мероприятия по обеспечению радиационной безопасности населения, отработать ее элементы на практике и осуществить рекультивацию двух объектов.

В Российской Федерации накоплен большой опыт по обеспечению радиационной безопасности, существует национальная система рекультивации территорий, подвергшихся воздействию уранодобывающих и перерабатывающих предприятий. Участие России в данной межгосударственной программе ЕврАзЭС даст ей уникальную возможность отработки технологических элементов

системы обеспечения радиационной безопасности в горных и сейсмических зонах на базе объектов Кыргызстана и Таджикистана, а также с учетом опыта других стран ЕврАзЭС повысить эффективность экологического и социально-гигиенического мониторинга рекультивированных объектов, организационных и медико-санитарных мероприятий по обеспечению радиационной безопасности населения.

В Республике Таджикистан практически отсутствуют национальные системы рекультивации территорий, подвергшихся воздействию уранодобывающих и перерабатывающих предприятий. Нет специализированных национальных проектов в связи с отсутствием источников их финансирования. Международное сообщество по линии ООН, МАГАТЭ и других международных организаций проводит в этой республике работы по мониторингу окружающей среды и состоянию здоровья населения отдельных объектов без обязательств по проведению рекультивационных работ.

Участие Республики Таджикистан в Программе позволит ей создать национальную систему обеспечения радиационной безопасности, включая организационные и медико-санитарные мероприятия по обеспечению радиационной безопасности населения, отработать ее элементы на практике и осуществить рекультивацию наиболее радиационно-опасного объекта.

Учитывая неоднократные заявления президентов Кыргызской Республики и Республики Таджикистан о потребности этих стран в проведении рекультивационных работ, а также предложение Президента России на Саммите ЕврАзЭС 25 января 2006 г. по углублению взаимодействия в области использования атомной энергии в мирных целях, назрела насущная необходимость в разработке специализированной проблемно ориентированной программы по обеспечению экологической безопасности территорий государств - членов ЕврАзЭС от воздействий урано-добывающих и перерабатывающих производств, с приоритетным выполнением работ на нескольких объектах Кыргызской Республики и Республики Таджикистан.

Имеющийся опыт в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации по отработке рекультивационных технологий, а также организационных мероприятий по обеспечению радиационной безопасности, включая медико-санитарное обслуживание населения, необходимо использовать для обеспечения радиационной безопасности территорий государств - членов ЕврАзЭС, подвергшихся воздействию уранодобывающих и перерабатывающих предприятий. Отработку основных элементов общей транснациональной системы предлагается произвести на базе наиболее опасных объектов, находящихся на территориях Кыргызской Республики и Республики Таджикистан, для дальнейшего использования полученного опыта на других радиационно-опасных объектах, в том числе и расположенных в других государствах - членах ЕврАзЭС.

Литература

1. Проект Межгосударственной целевой программы «Рекультивация территорий государств-членов ЕврАзЭС, подвергшихся воздействию уранодобывающих производств», 2012.
2. <http://www.rosatom.ru>
3. <http://www.evrases.com>
4. <http://rusenergetics.ru/>

*Карицкий И.Н. ,
ЯГПУ, Москва*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ И ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

В 1978 г. М.Гросс ввел понятие психологического общества в значении такой организации социума, в которой психологическая составляющая общества является ведущим его компонентом (Gross, 1978). С тех пор в западной психологической и окологипсихологической литературе были опубликованы сотни работ на данную тему. В некоторых из них буквально говорится: «Мы живем в психологическом обществе...» (см.: Bobgan, 1987; Ellsworth, 2008; Kugelmann, 2009; Seybold, 2009). То есть западное общество воспринимает себя как социум, функционирующий по психологическим закономерностям. Подробно на этом вопросе останавливается в своей книге «История современной психологии»

Т.Лихи (Лихи, 2003). Изучение общества как психологического относит эту область исследований к макропсихологии, «представляющей собой психологическое изучение социальных процессов, соразмерных обществу в целом» (Журавлев, Юревич, 2009).

Если западный мир уже свыкся с мыслью, что он является психологическим обществом, то впервые к России понятие психологического общества примерили в своих публикациях И.Сироткина и Р.Смит (2008). В качестве критериев психологического общества данные авторы указывают: 1) рост психологии как профессии, 2) степень социальной включенности психологического знания, 3) отношение между индивидуализмом, модернизмом и психологией, имея в виду, что в психологическом обществе «человеческая идентичность и смысл жизни задаются преимущественно с помощью психологических категорий», 4) превращение социального управления в психологическое управление. И.Сироткина и Р.Смит не дают ясного ответа: является ли российское общество психологическим, хотя отмечают увеличение психологической составляющей в России по всем указанным аспектам.

В любом случае, еще одной стороной превращения российского социума в психологическое общество является рост психологических практик, что является несомненным в России с конца 1980-х гг., и особенно в 1990-е гг., этот рост продолжился и в 2000-е гг. (Карицкий, 2009). Этот рост можно назвать колоссальным, и это является хорошо известным фактом: на два–три порядка выросло количество психологов и, прежде всего, практических. Эмпирическое пространство психологической практики образовано следующими основными видами социально санкционируемых практик: психологические саморегуляция, профилактика, тренинг, консультирование, терапия, развитие (личностный рост). Эти практики имеют общее всем им содержание, в котором в первую очередь надо выделить следующие три «измерения»: вертикальное, горизонтальное и временное (Карицкий, 2006).

Вертикальную структуру психопрактик образуют их основания. Основания психологических практик – это те методологические, теоретические, практические представления и схемы действия, социальные или личностные потребности, а также наблюдаемые явления, которые в явном или неявном виде существенно в них используются или существенным образом влияют на них. Вертикальную структуру психопрактики образуют следующие ее основания: мотивационные, концептуальные, реляционные, методологические, практические, орудийные, действенные и феноменальные.

Мотивационные (потребностно-целевые) основания психологической практики составляют совокупность тех общественных, групповых и личностных (индивидуальных) потребностей, мотивов и целей, которые актуально инициируют данную практику, формируют ее и задают ее прочее содержание, в том числе содержание других оснований, аспектное и динамическое содержание. Концептуальные основания представлены совокупностью всех дескрипций, концептов и их систем, которые обосновывают данную практику, используются в ней или существенно с ней связаны. Реляционные основания представляют собой множество ценностей, норм и оценок, которые формируют отношение к феноменальному пространству данной психологической практики, а также сами эти отношения. Методологические основания психологических практик – это знания о том, как действовать для достижения целей этих практик и чем руководствоваться в этих действиях. Практические представляют собой реальные навыки и умения специалистов, осуществляющих практику, необходимые для выполнения этой практики. Орудийные (или инструментальные) основания – это психологические и иные средства, которые используются в психопрактике для достижения ее целей (результатов). Действенные основания – это совокупность реальных действий, совершаемых в ходе психопрактического процесса, это сама практика в ее непосредственном развертывании. Феноменальные основания психологической практики – это совокупность психических, психологических, психосоматических и социально-психологических явлений, которые выделяются в данной психологической практике, с которыми она непосредственно работает, на которые воздействует, трансформирует, формирует, развивает, которые интерпретирует, концептуализирует и т.п.

Горизонтальная структура психопрактики представлена ее психопрактическими аспектами. Психопрактический аспект – это существенное, относительно самостоятельное содержание психологической практики, в которой оно выступает как ее отдельные действия, подчиненные определенным задачам. Каждый, кто ведет психопрактику, знает, и это отмечено во многих исследованиях конкретных видов психопрактик, что не существует психотерапии, консультирования или тренинга в чистом виде. Психотерапия включает в себя эпизоды консультирования, саморегуляции, тренинга, развития и т.п. Аналогично всякая другая психопрактика включает в себя элементы других видов практик. То есть, скажем, во время осуществления такой психологической практики как тренинг с необходимостью решаются задачи консультирования, тренировки, саморегуляции, профилактики,

личностного роста, психотерапии, диагностики и ряд других. Вот эти отдельные действия, входящие в состав психологической практики, и являются ее психопрактическими аспектами.

Среди психопрактических аспектов мы различаем деятельностнообразующие, дополнительные и аспекты высшего уровня. Деятельностнообразующие, это – регуляционный, профилактический, тренинговый, консультационный, терапевтический, развивающий и диагностический. Дополнительные, это – контекстуальный, компенсационный, телесный, игровой, интеграционный, концептуализирующий, просоциальный, гуманистический, трансцендирующий, глубинный, жизнеобучающий и др. Психопрактические аспекты высшего уровня, т.е. такие, которые присутствуют во всякой деятельности как ее необходимый компонент, это действия, связанные с воздействием, познанием, отношением и управлением. Деятельностнообразующие психопрактические аспекты при их генерализации, превращении в ведущую деятельность способны образовывать самостоятельные виды психологических практик, такие как: саморегуляция, профилактика, тренинг, консультирование, терапия, личностный рост. Генерализация психопрактического аспекта является основным механизмом образования вида психологической практики. Дополнительные аспекты составляют необходимое содержание психопрактики, на их основе образуются подвиды психологических практик. Например: игровая психотерапия, сказкотерапия, танатотерапия, интеграционная психотерапия, психосоматическая терапия, психоаналитическая терапия, поведенческая терапия, гуманистическая психотерапия и т.д.

Временное измерение психологической практики образовано психопрактической динамикой. Это, прежде всего, системная, групповая и личностная динамика психологической практики. Системная динамика образована взаимным соотношением аспектов в психопрактическом процессе. Групповая – групповыми процессами, в том числе в разного рода подгруппах. Личностная – индивидуальными процессами, обусловленными психологической практикой.

Психологические практики имеют и другое содержание, которое частично проанализировано, в большей степени оно еще подлежит научному исследованию. Например, помимо указанных «измерений» в них также могут быть выделены функциональное, глубинное, эссенциальное, индивидуальное измерения и др., а содержание каждого «измерения» должно быть полностью развернуто и изучено в его системном генезе и во всех существенных взаимосвязях с другими сторонами практики. В то же время необходимо понять, к каким социальным изменениям ведет рост психологической составляющей в обществе, прежде всего психопрактик.

Все большая представленность в обществе психопрактик является одним из моментов превращения его в психологическое общество, наряду с его превращением в общество потребительское, постиндустриальное, информационное, электронное, технологическое, управляемое, манипулятивное, фэнтезийное, виртуальное и т.п. Это одна из явных тенденций трансформации современной социальной жизни. Если пользоваться критериями, выработанными И.Сироткиной и Р.Смитом, то несомненно мы наблюдаем рост психологии как образования и профессии, все большую включенность психологического знания в жизнь людей и организаций, нарастающую самоидентификацию индивидуумов в психологических категориях, все большее проникновение в социальное управление психологической составляющей. Это и общемировая, и внутрироссийская тенденция. Очевидно также, что эти тенденции взаимосвязаны, хотя и являются самостоятельными: например, в немалой степени рост психологической составляющей обеспечивается развитием информационных технологий, а рост психологической рефлексии является одним из оснований для развития психологического управления.

Психологическое общество меняет типы идентификаций. Если и в традиционном обществе, и в индустриальном основным типом идентификации была социальная: по роду, семье, этносу, религии, поселению, стране, профессии, другим социальным группам, то в психологическом она становится личностной, индивидуальной: человек постигает себя и смысл своей жизни, прежде всего, в психологических и этических понятиях. Более того, он активно ищет себя и смыслы своей жизни, и здесь на первый план выходят психологические практики. Все это, с одной стороны, указывает, что рост психологических практик в обществе – одна из основных тенденций изменения современного общества, с другой стороны, сам рост психопрактик создает множество новых векторов социального развития, которые требуют своего осмысления. Индивид, группы, общество становятся психологическими субъектами, психологическое направление их развития становится ведущим и определяющим.

1. Журавлев А.Л., Юревич А.В. (ред.) Макропсихология современного российского общества. М., 2009.
2. Карицкий И.Н. Психологическая практика: базовая структура. М., 2006.
3. Карицкий И.Н. Россия как психологическое общество в отражениях Интернета // Вестник университета (ГУУ). 2009. №28.
4. Лихи Т. История современной психологии. М.; СПб., 2003.
5. Сироткина И.Е., Смит Р. «Психологическое общество» и социально-политические перемены в России // Методология и история психологии. 2008. Вып.3.
6. Bobgan M. and D. Psychoheresy: The Psychological Seduction of Christianity. Santa Barbara, CAL, 1987.
7. Ellsworth L.F. Introduction to Psychopaths and Psychopathy // Psychoforensics. 2008. Dec.
8. Gross M. The Psychological Society. NY., 1978.
9. Kugelman R. History of Psychology // Syllabi of University Courses in the History of Behavioral and Social Sciences. YU, 2009.
10. Seybold C., et al. The program for B.A. Degree in Psychology. GCC, 2009.

Клиновой Д.В.

Государственное учреждение «Институт экономики природопользования и устойчивого развития Национальной академии наук Украины», Киев, Украина

ОСНОВНЫЕ ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ПРИРОДНЫМИ РЕСУРСАМИ В СОВРЕМЕННОМ КОНЦЕПТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Усовершенствование существующих и формирование инновационных экономических и организационных механизмов развития природно-ресурсных отношений - одна из наиболее актуальных задач экономической науки, поскольку практика экономического регулирования и развития природно-хозяйственных отношений последнего времени доказала практическую неспособность существующих механизмов природопользования обеспечить во-первых высокую экономическую эффективность сферы использования природных ресурсов (за исключением отдельных экспортно-ориентированных сырьевых отраслей), во-вторых - надлежащую охрану окружающей среды, экономное использование и расширенное воспроизводство естественно-ресурсного потенциала. Сейчас можно отметить отсутствие как действенных механизмов обеспечения постоянного экологического и экономического развития, так и соответствующих организационных форм хозяйствования в виде соответствующих хозяйственных институтов с действенной системой эффективного использования ресурса, финансирования хозяйственной деятельности, экологического мониторинга, прогнозирования и предупреждения возникновения эколого-экономических кризисов.

Основным хозяйственным инструментарием, экономической составляющей устойчивого развития, учитывая экологические и социальные приоритеты роста, должны стать методологические принципы новой философии хозяйствования, которая частично раскрывается в концептах «зеленой» и «синей» экономики. Так, с одной стороны это развитие формируемой и управляемой «сверху до низу» т.н. «зеленой» экономики с таким инструментарием, как экологические ограничения и налоги, рыночная интернализация и капитализация природно-производственных отношений, государственное вмешательство и расходы на охрану окружающей среды, целевые программы бюджетного развития эколого-социальной сферы, глобальные инициативы и их поддержка на национальном уровне. С другой стороны - это принципы «Синей» экономики, основным направлением внедрения которых является движение «снизу вверх» - экологические социальные и бизнес-инициативы, развитие эколого-безопасного безотходного производства, альтернативной, малой энергетики, органической промышленности и сельского хозяйства, муниципализация и регионализация эколого-экономических отношений, развитие корпоративной социальной и экологической ответственности. Исходя из сказанного, можно сформулировать базовые подходы к созданию организационных и экономических механизмов управления природопользованием,

соответствующих идеологии и задачам устойчивого развития национального хозяйства.

Во-первых – в институциональном аспекте это создание в сфере природопользования действенной системы хозяйственных институтов, функционирование которых обеспечивало бы комплексное, эффективное с экономической, социальной и экологической точек зрения хозяйствование. За нашим видением это может быть реализовано через имплементацию корпоративного подхода к природопользованию по кластерной схеме на разных пространственных уровнях – государственном, региональном и местном. При этом, целевая хозяйственная функция кластер-корпорации – рациональное и экономически-активное использование и воспроизводство природных ресурсов согласно общественно-экономическим нуждам обеспечивает и экономическую цель ее создания – получение прибылей от хозяйственной деятельности, привлечение дополнительных средств в природно-экономическую сферу, а также финансовую цель – привлечение и приумножение финансового капитала в сферу природопользования.

Во-вторых – в экономическом аспекте это создание действенного экономического рыночного механизма полноценного привлечения природных ресурсов в хозяйственный процесс через капитализацию ресурсов. Этот процесс включает в себя такие параллельно-последовательные этапы, как комплексная оценка ресурсов, определение прав собственности и полномочий относительно ресурсопользования; секьюритизацию ресурсов, т.е. формирование и эмиссию финансовых активов, в основе которых лежит природный капитал и деятельность по его использованию; обеспечение эффективного управления такими активами через корпоративные формы управления природопользованием; формирование потоков финансовых ресурсов, направленных на эффективное использование и воспроизводство природного капитала, получение и распределение в пользу всех участников природно-ресурсных отношений ренты от природопользования.

В-третьих – в организационном аспекте - внедрение системы, которая обеспечивает эффективное паритетное участие государственной, региональной и местной власти, субъектов природопользования и бизнеса в управлении ресурсами, финансировании необходимых природоохранных и других программ развития природно-ресурсного потенциала. Это может быть обеспечено через создание сети специализированных инвестиционных центров (по типу фондов суверенного благосостояния, или фондов устойчивого развития территорий) с участием и под контролем властных структур, основной задачей которых должны стать аккумуляция средств, полученных в результате природопользования и сопутствующей финансовой деятельности, перераспределение доходов между владельцами и пользователями природных ресурсов с учетом региональных, местных и общегосударственных интересов. Такие фонды, могут использовать и бюджетные средства для выполнения актуальных задач экологического, экономического и социального развития территорий, ориентированных на потребности социума.

Исходя из принципиального видения такого механизма развития природно-ресурсных отношений, необходимо подчеркнуть, что он должен охватывать все этапы экономического цикла производства, обмена, распределения, потребления и накопления с соответствующей инвестиционной составляющей хозяйственной деятельности и носить управленческий *проектный подход*, за счёт которого происходит объективизация экономических интересов, субъективных намерений участников хозяйственной деятельности относительно использования природных ресурсов. Задача хозяйственного механизма в том, чтобы из огромного числа возможных инвестиционных предложений по использованию ресурса выбрать с использованием эффективных механизмов рынка и инструментов привлечения капитала такое, которое давало бы, будучи реализованным, в комплексе наибольшую сумму экологических, социальных и сугубо экономических, производственных эффектов от использования ресурса. Относительно этого можно очертить несколько предположений по поводу соответствующей организации природопользования.

Первое: существует бесконечное множество вариантов использования природных ресурсов как инвестиционных идей, которые могут быть сформированы в соответствующие хозяйственные проекты, реализация которых предполагается на базе определенной природно-ресурсной системы.

Второе: в условиях ресурсных ограничений среди инвестиционных идей существует конечное количество таких, что, будучи воплощенными в инвестиционном проекте, могут принести чистый инвестиционный доход, увеличить богатство участников инвестиционной деятельности;

Третье: среди заданного набора инвестиционных проектов для данной ресурсной системы может быть выделен методом сравнительного отбора такой, который предоставляет максимальную сумму

положительных производственных, социальных и экологических эффектов, его можно назвать эффектом устойчивого развития природно-хозяйственной системы.

Четвертое: в пространственных условиях реализации инвестиционных проектов на разных иерархических уровнях за счет системных взаимосвязей существует определенная комбинация комплиментарных (взаимодополняющих) инвестиционных проектов, которые в пространственном измерении обеспечивают оптимальный эффект устойчивого развития на разных иерархических уровнях - общегосударственном, региональном, муниципальном и т.п.

Итак, задача состоит в том, чтобы за счет организационно-экономического механизма хозяйственной деятельности сформировать соответствующие институциональные структуры, через деятельность которых обеспечить реализацию подобных проектов ресурсопользования, за фактом - проектов устойчивого развития территорий. Такими институтами могли бы стать именно корпоративно-кластерные объединения.

Проектный подход к использованию природных ресурсов создает возможности для эффективного управления природными ресурсами, и соответственно - системно-качественного хозяйствования в пределах кластер-корпоративных образований на всех трех уровнях - государственном, муниципальном и региональном как в корпоративных, так, за счет соответствующей (социальной и экологической) ответственности - и в общественных интересах. Основу этого подхода составляет ценностный, а не стоимостный подход к оценке ресурса, который опирается на то, что в пределах каждого конкретного инвестиционного проекта природные ресурсы имеют свою экономическую, экологическую и социальную ценность, которая выражается конечным эффектом от реализации такого проекта в виде увеличения богатства всех участников инвестиционной деятельности, в том числе - прироста природного капитала, естественных природных богатств территорий.

Как итог, необходимо указать, что в свете инновационных тенденций становления хозяйствования на началах устойчивого развития основными результатами от внедрения предложенного организационно-экономического механизма ожидаются структурно-динамическое сбалансирование системного взаимодействия природы и хозяйства в пространственных системах, дальнейшая капитализация природных ресурсов, на всех системных уровнях - национальном, региональном и местном с преобразованием их в полноценный капитал, финансизация сферы природно-ресурсных отношений, создание справедливой с социально и экологической точек зрения системы распределения, инновационно-технологическое обновление производств и переход к эколого-безопасным малоотходным укладам экономики («синяя», «зеленая экономика»), сбалансирование хозяйственных пропорций, экономический рост и выравнивание уровней развития регионов.

*Король Л.Г., Малимонов И.В.,
Сибирский федеральный университет, Красноярск*

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ В СИСТЕМЕ «СТУДЕНТ-АДМИНИСТРАЦИЯ» КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ

Для эффективного управления учебным процессом руководству современного вуза необходимо выявлять сложившиеся тенденции, строить прогнозы и вырабатывать корректирующие действия. При этом принимаемые управленческие и педагогические решения должны опираться на конкретный анализ всех аспектов образовательного процесса, что возможно только при наличии полной и достоверной информации. Наличие указанной информации обеспечивает необходимую для эффективной деятельности вуза обратную связь «Администрация университета – потребители образовательных услуг».

Потребителей образовательных услуг Сибирского федерального университета можно разделить на две группы:

- *внутренние потребители* (студенты, аспиранты и докторанты, сотрудники);
- *внешние потребители* (работодатели, органы управления сферой образования, работодатели, выпускники, члены семей студентов, выпускников и абитуриентов).

В выделенных группах, с целью принятия эффективных управленческих решений, проводится

силами самого вуза мониторинг учебно-воспитательного процесса, а именно: в соответствии со структурой программы развития вуза осуществляется сбор, обработка и анализ информации о расходовании средств, реализованных мероприятиях, изменениях и достигнутых результатах, методах их закрепления в образовательной, научно-исследовательской и инновационной политике, в кадровой политике, во внутренней ресурсной политике. Формируются первичные предложения по дальнейшей реализации и совершенствованию программы развития вуза.

Основными требованиями для успешного функционирования системы мониторинга деятельности вуза являются следующие (Пузанков, 2003):

- система должна разрабатываться с привлечением участвующих в процессах сотрудников;
- система должна содержать измеримые показатели и характеристики процессов, которые действительно требуются сотрудникам для их работы и оценки результатов управления процессом;
- система должна получать сильную поддержку высшего руководства вуза;
- руководство вуза должно демонстрировать важность системы измерений и мониторинга, применяя систему стимулирования в зависимости от полученных результатов.

Среди получаемых результатов мониторинга наиболее важным является мнение студентов по различным аспектам деятельности вуза, позволяющее выявлять слабые стороны деятельности вуза и целенаправленно осуществлять меры по их усовершенствованию.

Для реализации системы обратной связи в СФУ существует структурное подразделение, занимающееся разработками инструментария для сбора и обработки социологической информации, проведением исследований и анализом данных – Отдел социологического сопровождения учебно-воспитательной деятельности (далее Отдел).

Основной целью Отдела является повышение качества подготовки специалистов, через социологический анализ различных направлений деятельности СФУ, установление обратной связи между студентами и администрацией университета.

Указанная цель реализуется путем решения следующих задач:

1. Предоставление оперативной, регулярной социологической информации и рекомендаций для повышения эффективности принимаемых управленческих решений, выявления несоответствий в образовательной деятельности.

2. Минимизация имеющихся недостатков в учебно-воспитательной работе и актуализация сильных сторон.

3. Создание системы социологического сопровождения проводимой в СФУ деятельности в области менеджмента образовательных услуг (мониторинг мнения потребителей об образовательной деятельности СФУ).

Решение этих задач предполагает тесное взаимодействие со студентами для выяснения их мнений об эффективности образовательного процесса, их намерений и желаний. Это взаимодействие охватывает весь период подготовки специалистов, начиная с подготовки абитуриентов и заканчивая содействием в трудоустройстве выпускников.

Деятельность Отдела осуществляется на основании плана-графика проведения мониторинга с указанием основных этапов, сроков их проведения и ответственных лиц. Для каждого показателя или группы показателей определяются:

- период верификации данных (проверки, уточнения);
- метод получения;
- источник информации (структура);
- форма представления информации (данных).

Информация, содержащая мнения студентов, их потребности, ожидания выявляется путем анкетирования через определенные промежутки времени, по окончании определенных дисциплин, или по завершению всего периода обучения. Планы-графики проведения исследований, методы сбора и обработки информации, в том числе разработанные опросные формы, своевременно доводятся до членов рабочих групп и привлекаемых к работе экспертов.

Сводные аналитические отчеты по результатам исследований содержат качественные и количественные показатели по основным направлениям мониторинга в соответствии с принятой структурой программы развития вуза, а также основные выводы относительно изменений и достигнутых результатов, методов их закрепления в образовательной, научно-исследовательской и инновационной политике, в кадровой политике, во внутренней ресурсной политике и рекомендации по дальнейшей

**К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЫ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР РФ
С ПОЗИЦИИ МЕНТАЛЬНО-ПРАВОВОГО ПОЛЯ**

реализации и совершенствованию программы развития вуза.

Вся деятельность по осуществлению мониторинга оформляется документально, представляются графики и перечни выполнения работ, отчетные и аналитические формы, методы сбора и обработки информации.

В СФУ выявление мнения студентов проводится по следующим направлениям:

- «Учебный процесс в системе зачетных единиц глазами студентов СФУ». Анкетирование по данному направлению позволяет выявлять характер отношений студентов к учебному процессу в системе зачетных единиц, а также его позитивные и негативные стороны;
- «Воспитательная деятельность образовательного учреждения» – направлено на выявление позитивных и негативных моментов в организации учебного и воспитательного процесса;
- «Студент и самостоятельная работа». Данное направление позволяет получать оценки студентов об уровне организации самостоятельной работы, выявлять факторы и условия, позволяющие студентам наиболее эффективно заниматься самостоятельной работой;
- «Теневые экономические отношения в вузе» – направлено на получение информации о факторах и масштабах распространения коррупции в СФУ;
- «Отношение студентов вуза к употреблению психоактивных веществ» – позволяет получать информацию о наличии и масштабах распространения психоактивных веществ в СФУ, а также оценки и отношение студентов к их употреблению;
- «Самосохранительное поведение студентов вуза». Является одним из актуальных направлений, поскольку к задачам системы высшего образования относится подготовка не только профессионалов своего дела, но и физически здоровых специалистов, способных длительно сохранять работоспособность и творческую активность. Хорошее здоровье в совокупности с социальной зрелостью являются необходимыми условиями получения высшего профессионального образования, так как овладение знаниями требует от студентов вузов больших умственных, физических и психоэмоциональных затрат.
- «Удовлетворенность студентов условиями обучения в вузе. Данное направление является наиболее востребованным со стороны администрации вуза. В Сибирском федеральном университете при проведении внутреннего мониторинга используется показатель удовлетворенности потребителя, предложенный С.А. Степановым (Степанов, 2001), а именно индекс удовлетворенности потребителя, полученный по результатам опроса. Комплексная оценка удовлетворенности студентов условиями обучения в вузе предполагает выявление мнения студентов по следующим аспектам деятельности:
  - содержание образовательных программ;
  - методы обучения;
  - организация учебного процесса;
  - отношение преподавателей и сотрудников;
  - библиотечное обслуживание;
  - информационное обеспечение учебной и внеучебной деятельности;
  - уровень медицинского обслуживания;
  - система общественного питания;
  - деятельность профсоюзной организации.

Таким образом, проведение систематических социологических исследований создает объективную информационную основу, обеспечивающую совершенствование и корректировку учебной и воспитательной работы в вузе, более полный учет потребностей и интересов студентов, а также отражающую динамику их ценностных установок и ориентаций.

Литература

1. Степанов, С.А. Всеобщий менеджмент качества: учебное пособие /С.А. Степанов. – СПб.: ЛЭТИ, 2001. – 164с.
2. Пузанков, Д.В. Методические рекомендации по применению стандартов серии ГОСТ Р.ИСО 9000-2001 в высших учебных заведениях / Д.В. Пузанков, А.В. Олейник, В.С. Соболев и др. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2003. – 220с.

Современная политическая система в глобальном срезе все больше походит на симбиотическую структуру, в которой в равной степени смешены экономические интересы, социальные настроения, психологические факторы, а также факторы правового давления. События последних лет – мировой кризис 2008 г., арабская весна, усиление военного напряжения на Ближнем Востоке, военная экспансия НАТО – заставляют переосмысливать сложившуюся систему политического, правового и силового характера в России. Совершенно очевидным для всех становится тот факт, что отсутствие решительных перемен в данных областях могут привести к дестабилизации настоящего режима, возникновению мутированных форм проявления гражданских прав и свобод.

Реорганизация и трансформация политической и правоохранительной системы России в сторону большей открытости, динамичности и гуманности сегодня только начинают вступать в фазу реализации. Основная задача, которая преследуется при этом – сокращение дистанции между государственным аппаратом управления (в частности чиновниками) и рядовыми гражданами. Это необходимая мера, но, на наш взгляд, не вполне достаточная. Реализация внешних процедур должна подкрепляться внутренней работой по обеспечению корреляции ценностных ориентаций служителей народа и рядовых граждан. Поэтому вопрос о построении гуманистической организационной культуры правоохранительных структур, подкрепленной ментально-правовым аспектом, звучит крайне актуально.

Учитывая тот факт, что общество стало более «ответственным» за собственное будущее и стремится посредством доступных им инструментов актуализировать свою гражданскую позицию, вопрос о характере соответствия ценностно-культурного поля правоохранительной деятельности правосознанию и поступкам современного гражданина российского государства имеет стратегическую направленность. Рассматривая корреляты социально-культурного пространства правоохранительных структур и менталитета, установок и настроения общества можно приблизиться к вопросу формирования гуманистической организационной культуры.

В первую очередь, необходимо определить, в чем же специфика русской ментальности, определяющей суть российской культуры в целом. Спектр особенностей русской ментальности, влияющих и определяющих специфику любой организационной культуры в коммерческих и государственных структурах, можно представить по следующим основным категориям (Грошев, 2004):

Аттрактивность. Представители русской культуры полны «искания социальной справедливости». При этом другой гранью является зависть, которая за советский период превратилась в устойчивую черту, трудно поддающуюся изменению и вызывающую, быть может, самое сильное недовольство в условиях резкой поляризации доходов.

Установка на коллективизм. Устойчива социально закрепленная привычка коллективизма, как нормы поведения. Во многом сильная коллективная «интоксикация», преобладание коллективистской тенденции служит тормозом нормальному, т.е. основанному на свободной индивидуальной деятельности, экономическому и общественному развитию.

Стремление к самоанализу и рефлексии. Самоанализ и рефлексия зачастую оттесняют реальную жизнь, а теории, программы выступают абстракциями, далекими от решения конкретных проблем. Слова принимаются на веру, им оказывается безграничный кредит доверия. Слова составляют отдельную ценность, они могут произноситься без реальной привязки к поступкам и решению конкретных проблем.

Эмоциональная открытость. Присущая в некотором роде всем национальностям эмоциональная открытость у русских выражена ярче, выпуклее, сильнее. Русские подвержены сильным колебаниям смены настроения, периоды активности чередуются с периодами стабильности. В спокойной фазе русские люди находятся в более глубокой «депрессии» и у них выше «стремление к уединению».

Потребность быть ведомыми. Русским людям свойственно бегство от личного выбора в

критических ситуациях и полагание на «ведущего», ориентация на этагическую (державную) идентичность, повышенная зависимость от лидеров, потребность в опоре на власть и руководство (этагизм и патернализм).

Легковерие. Для русских людей верить - значит жить, руководствоваться не расчетом, не соображением выгоды, в отличии, например, от американцев, японцев, немцев, а принципами, убеждениями, эмоциями и душой. Русских относят к «моральным фундаменталистам», которые стремятся построить свою жизнь так, чтобы строго придерживаться всех предписаний и запретов.

Долготерпение. Существуют два принципа «защитных» механизмов психики, выработанные культурой: изменение окружающей среды и приспособление ее к себе либо сохранение среды и приспособление себя к ней. Первый принцип реализуется в настоящее время в западноевропейской культуре. Там человек - борец, преобразователь мира. Эти качества превращены в эталон. Русские воспринимают эти эталоны на рефлексивном уровне. А на уровне социальных архетипов реализуют второй принцип. Терпение – это способ существования в мире, ответ на внешние обстоятельства, механизм самоактуализации личности.

Ценность морали, идеологии. В некотором роде является историческим наследием русского этноса. Государство воспитывало в психике советского человека идеологическое восприятие действительности, склонность к оценке поступков с позиции морали, а после распада СССР потребность в идеологии не угасла, скорее наоборот, возникла с еще большей силой.

Страх изменений. Русским свойственен страх перед неопределенностью, в том числе и той, которая порождается организационными преобразованиями. Стабильность воспринимается как лучшее из реальных состояний. Будущее оценивается с позиции «лучше не будет». География и история делают русских осторожными.

Бегство в крайности. Характерная особенность русских - их максимализм, нигилизм, апокалипсис и эсхатология. Китайцы, японцы, например, отличаются неприятием крайностей, чреватых непредсказуемыми последствиями. Именно поэтому советуют ставить перед собой скромные цели, и шаг за шагом добиваться их, помимо эффективности это ведет к единству между словом и делом, обещаниями и результатами. У русских обострено желание снять бремя психологической нагрузки и поставить точку раз и навсегда.

Таким образом, русский человек:

- выступает за систему справедливой оценки поступков, но при этом придерживается стратегии невмешательства;
- ратует за коллективные установки, имея эгоцентрично направленную зону интересов;
- нуждается в посреднике при волеизъявлении собственных нужд, потребностей и мыслей;
- склонен к терпению, замалчиванию и легковерию при постоянном культивировании внутри себя негативных прецедентов нарушения личных и коллективных прав;
- боится изменений и потенциально подвержен бегству в крайности, полярной смене настроения;

Становится понятным, почему в России такой низкий уровень правосознания граждан и активность по отстаиванию личных прав и свобод. Стратегия «придет барин и нас рассудит» в крови россиянина. Этим чрезмерно пользуются заинтересованные группы и личности, которые обладая формальным положением, наживаются на молчании и бездействии рядовых граждан. Безусловно, это задача правоохранительной системы, однако ее решения порой бюрократизованы, полны политического содержания. Выходом в этой ситуации может быть построение гуманистической организационной культуры внутри правоохранительной системы. К ее основным характеристикам можно отнести:

- Обоюдная инициативность общества, выраженная в реализации гражданского долга, и органов охраны закона и свобод личности. Общество может и должно брать на себя ответственность за справедливость и порядок внутри государства, а компетентные органы с должной ответственностью приводить недовольство и возмущение граждан к правовому равновесию.
- Воспитание правосознания, морально-нравственного духа, и интеллектуального базиса сотрудников охраны закона. Поведение «проводников» закона должно быть эталонным, достаточным и социально-ориентированным. Случаи девиантного поведения и преступление закона среди этих сотрудников должны быть в высшей степени наказуемы с публичным характером распространения информации.

- Гражданская ориентация. Поддержание государственных интересов – должно стать

незначительной частью работы таких структур. Общество, социальные интересы и настроения следует выдвигать в качестве приоритетов деятельности правоохранительных органов. А критериями эффективности их деятельности должны стать категории удовлетворенности правовым порядком в стране, ощущение защищенности и безопасности жизни в стране.

На основе знания и учета специфических особенностей русской ментальности, динамики российской массовой психологии, использования знаний экономической, социальной и других отраслей психологии, возможно, удастся сильнее и основательнее запустить механизмы гуманизации правоохранительной системы России. Сегодня потенциал ценностных модусов российского человека практически не задействован. Скорее наоборот, является противодействующим элементом в системе создания высокой правовой культуры общества. Потенциал любого законного акта кроется в приведении в движение гражданской позиции самих людей, активизации их установок на социальную справедливость и порядок, это будет способствовать построению нового уровня жизни в стране.

*Манолова О.Н., Микушко А.Е., Симоненко А.В.,
ФГБНУ ВНИИТЭ, Москва*

ПРОЕКТИРОВАНИЕ АКМЕОЛОГИЧЕСКОГО АЛГОРИТМА ОПТИМИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Компетентное управленческое решение - существенный элемент управленческой деятельности, в котором интегрированы личностные способности руководителя, его профессиональная компетентность, задачи организации, ее ресурсы, эффективность общей стратегии.

На основании проведенного теоретического анализа, результатов эмпирических исследований нами предложена обобщенная модель оценки уровня развития компетентности руководителя в разработке и реализации управленческих решений, обеспечивающая анализ эффективности управленческого решения по 6 критериям:

1. Когнитивный – совокупность знаний о сущности, функциях, ресурсах принятия управленческого решения
2. Регулятивный – адекватность применения психологических знаний в конкретных ситуациях разработки и реализации управленческих решений.
3. Нормативный – выбор руководителем поведенческих тактик, соответствующих нормам закона, нормативам профессиональной деятельности, основанных на знаниях о сущности, функциях, ресурсах принятия управленческого решения
4. Управленческий – процесс принятия и реализации решений ориентирован на исследование и учет социально-психологической составляющей кадрового ресурса
5. Прагматический – исследование доли конкретного управленческого решения, как составляющей в достижении максимального экономического эффекта
6. Акмеологический – управленческое решение построено на принципах гуманизма, способствует развитию организации и его членов, саморазвитию субъекта управленческой деятельности, социального и профессионального пространства.

Критерии принятия эффективного управленческого решения	Показатели принятия эффективного управленческого решения	Оценка 1-5 баллов
Когнитивный	Знания руководителя о целях и задачах принятия конкретного управленческого решения	
	Знания руководителя о ресурсах организации и среды	
	Знания руководителя о приемах и способах принятия и реализации управленческого решения	

Регулятивный	Адекватная личная самооценка	
	Эмоциональная саморегуляция, навыки безконфликтного взаимодействия	
	Стрессоустойчивость, эффективные копинг-стратегии (стратегии совладания с трудными ситуациями)	
Нормативный	Деятельность коллектива осуществляется в соответствии с нормами закона	
	Принятие и реализация конкретного управленческого решения осуществляется в соответствии с нормами закона	
	Развитие организации в результате принятия и реализации управленческого решения осуществляется в соответствии с нормами закона	
Управленческий	Удовлетворенность членов организации принятым и реализуемым управленческим решением	
	Реализация управленческих решений осуществляется с учетом социально-психологических условий	
	Менеджмент (планирование, проектирование, реализация, контроль) ориентированы на развитие положительного социально-психологического климата в организации	
Прагматический	Положительная динамика ключевых показателей эффективности организации в результате принятия и реализации управленческого решения	
	Сбалансированность основных характеристик организации, положительная динамика организационных изменений в результате принятого и реализуемого управленческого решения	
	Расширение и дифференциация взаимодействия (больше ценных внешних контактов)	
Акмеологический	Мотивация и актуализация личностного саморазвития руководителя	
	Мотивация и актуализация профессионального самосовершенствования руководителя	
	Качественное развитие организации	

Критериальный подход позволяет определить уровень эффективности управленческого решения руководителя.

Баллы	Уровень эффективности управленческого решения
72-90 баллов	Высокий, управленческое решение высокоэффективно
37-71 баллов	Средний, необходимо развитие психологических знаний, умений, конкретных навыков.
18-36 баллов	Низкий, руководитель обладает минимальными знаниями, умениями, практическими навыками, управленческое решение низкоэффективно

Разработан алгоритм оптимизации управленческого решения, позволяющий, на основании оценок экспертов, фиксировать содержательные и количественные характеристики процесса повышения

квалификации руководителя в сфере разработки и принятия управленческого решения; в рамках алгоритма предложен модульный акмеологический тренинг целевой направленности, в рамках которого создаются условия для эффективного формирования личностных и профессиональных качеств, необходимых для разработки управленческого решения в соответствии с критериями эффективности.

В рамках акмеологического тренинга реализуется комплекс целей: информационные, диагностические, практические, рефлексивные, коррекционные.

Эмпирически доказано, что акмеологический тренинг позволяет обеспечить эффективность процесса формирования компетентного управленческого решения.

*Морозова Т.И.,
Институт Мировой экономики и информатизации (ИМЭИ), Москва*

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ ИПОТЕЧНЫХ КРЕДИТОВ

Последние десятилетия стали периодом внедрения в банковскую практику различных финансовых инноваций и инструментариев. К числу наиболее востребованных техник относится секьюритизация банковских активов. На данный момент вошло в моду рассматривать проблему принятия законодательства об ипотечных ценных бумагах в рамках общемировой тенденции секьюритизации, характеризующей текущее состояние финансового рынка.

Ипотечные кредиты были первым типом активов в сделках секьюритизации. Действительно, ипотечные кредиты, благодаря длительному периоду кредитования, низким рискам и предсказуемым денежным потокам, а также благодаря некоторым историческим причинам (например, заинтересованность государства в развитии ипотечного кредитования) являются идеальным активом для секьюритизации.

В последние годы секьюритизация становится одним из основных источников финансирования для компаний и банков во всем мире. Тем не менее, секьюритизация в России, несмотря на ряд преимуществ, используется недостаточно. Поэтому крайне важно и своевременно обозначить возможности секьюритизации финансовых активов, а также выявить основные препятствия и проблемы на пути развития данной инновационной техники финансирования (Абрамова, 2006).

За рубежом существует несколько сотен определений понятия «секьюритизация активов». Приведем лишь некоторые из них. В соответствии с финансово-экономическим словарем Д. Доунса и Э. Гудмана «секьюритизация определяется как повышение роли ценных бумаг как формы заимствований. Процесс распределения риска путем агрегирования долговых инструментов в пул, а затем эмиссии новых ценных бумаг, обеспеченных данным пулом». П. Роуз полагает, что «секьюритизация активов – это выделение группы доходных активов и выпуск под них ценных бумаг для привлечения дополнительных средств».

Дж. Синки дает следующее определение: «секьюритизация активов означает продажу ссуд, которые оформлены как ценные бумаги и именно в таком качестве проданы инвесторам» (Карабанова, 2004).

По мнению Х.П. Пэр «секьюритизация активов – это инновационная техника (способ) финансирования, при которой диверсифицированный пул финансовых активов выделяется с баланса банка или иного предприятия, приобретает юридическую самостоятельность путем передачи специально созданному юридическому лицу, которое осуществляет его рефинансирование на международном рынке капиталов или денежном рынке посредством выпуска ценных бумаг» (Пэр, 2006).

А. Селивановский указывает, что «секьюритизация представляет собой финансирование или рефинансирование каких-либо активов компании, приносящих доход, посредством «преобразования» таких активов в торгуемую, ликвидную форму через выпуск облигаций или иных ценных бумаг» (Селивановский, 2005).

Процесс превращения неликвидных финансовых инструментов в новые ликвидные инструменты (ценные бумаги) называется секьюритизацией. В рассматриваемом нами случае секьюритизация –

это трансформация банковских неликвидных ипотечных кредитов в ценные жилищные бумаги. При этом с созданием новых инструментов под залоговые кредиты (ипотечные долги) происходит, так называемая, «переупаковка» долгов (кредитных портфелей) в жилищные ценные бумаги в целях придания им большей привлекательности для последующей продажи конечным инвесторам (www.ipoteka.cosa.ru).

Секьюритизации подвергаются средне- и долгосрочные долговые обязательства, возникшие как результат предшествующих кредитных операций и находящиеся в портфелях банков и других кредитно-финансовых институтов. Не все типы активов могут быть переведены в ценные бумаги. Под секьюритизацию подпадают ссуды, обладающие стандартными характеристиками сроков погашения, размеров, стоимостями, гарантиями и использованием получаемых прибылей (Александрова, 2007).

Следует отметить, что новизна секьюритизации активов как инновационного способа финансирования заключается в специфике применения и комбинации структурных элементов, характерных для традиционных техник финансирования; в повышении ликвидности; в концепции распределения и ограничения рисков. Секьюритизация активов является естественным следствием ряда причин и условий. Среди основных можно выделить следующие:

- изменение характера национальных и международных сберегательных операций перемещения финансовых потоков;
- изменение требований к ведению банковского бизнеса;
- ужесточение требований надзорных органов;
- повышение волатильности процентных ставок и обменных курсов валют;
- технический прогресс.

Рассматриваемые причины весьма многоплановы и самыми различными путями способствовали внедрению новых финансовых инструментов и возникновению секьюритизации активов (Карабанова, 2004).

Секьюритизационная сделка представляет собой весьма сложную многоходовую комбинацию, где участвуют разные финансовые учреждения и используются различные инструменты денежного рынка. Обеспечить согласованность и координацию действий всех участников операции непросто (Александрова, 2007).

В данной инвестиционной технологии владельцы секьюритизированных ценных бумаг – конечные инвесторы являются непосредственными обладателями доли пула, на основе которого созданы эти инструменты. Таким образом, секьюритизация кредитных долгов через ипотеку превращает недвижимость как реальный актив в надежный, оптимально работающий дополнительный финансовый капитал, в фондовые инвестиции, постоянно пополняющие кредитные ресурсы, более того, что особенно ценно, – в «длинные деньги», за счет чего эффективно решается проблема банковской ликвидности кредитных институтов и жилищного инвестирования (www.ipotekasystem.ru).

Проблема поиска оптимального определения секьюритизации активов непосредственно связана с вопросами классификации, так как именно классификация позволяет более полно раскрыть возможности секьюритизации активов на рынке ипотечного кредитования и создать представление о том, как в зависимости от вида секьюритизации происходит распределение рисков между участниками, изменяется их состав и количество, а также изменяется роль эмитента ипотечных ценных бумаг.

Пожалуй, наиболее популярной в настоящее время является классификация, приведенная в публикации Е.Демускиной, согласно которой выделяют: синтетическую, балансовую и внебалансовую секьюритизацию активов (Ярошук, Лазорина, 2005).

Синтетическую секьюритизацию активов определяют как финансовую технику, обеспечивающую возможность переноса различных рисков от кредитора к инвесторам с использованием производных финансовых инструментов, к которым относятся производные ценные бумаги. Экономический эффект достигается путем передачи конечным инвесторам экономического риска, связанного с первичным активом. Риски передаются инвесторам посредством так называемых «кредитных дефолтных свопов» или облигаций, абсорбирующих кредитные риски. При синтетической секьюритизации риск передается не по единичному кредиту, а по целому портфелю стандартизированных кредитов, поэтому чаще всего применяется так называемый портфельный кредитный своп. Его определяют как

двустороннюю сделку, при которой принимающая сторона (продавец кредитной защиты) обязуется возместить передающей стороне (покупателю кредитной защиты) риск потери при наступлении определенного события в отношении базисного актива – кредита.

Под балансовой секьюритизацией активов понимают выпуск ипотечных ценных бумаг, обеспеченных залогом прав требования. При этом выпускаемые ценные бумаги остаются на балансе эмитента. Обобщенно схема при использовании балансовой секьюритизации выглядит следующим образом:

1. Ипотечный банк выдает кредиты заемщикам. При этом кредиты выдаются по определенным стандартам, для того чтобы впоследствии банк смог объединить их в пул.

2. На основе пула ипотечных кредитов банком выпускаются облигации (Pfandbrief), ипотечным обеспечением по которым служат обеспеченные ипотекой права требования о возврате основной суммы долга и об уплате процентов по кредитным договорам. Затем облигации продаются инвесторам, при этом банк-эмитент обязуется выплачивать инвесторам платежи за счет погашения заемщиками суммы основного долга и процентов по кредиту.

3. Ипотечные кредиты остаются на балансе ипотечного банка, но выделяются на отдельном реестре учета ипотечного обеспечения. Ипотечный банк или орган, контролирующий его деятельность, назначает независимого поверенного, осуществляющего постоянный контроль за соблюдением установленных законодательством требований. Поверенный осуществляет периодический аудит пула кредитов, включенных в обеспечение (www.ipoteka.cosa.ru).

Под внебалансовой секьюритизацией активов понимают инновационный способ финансирования, позволяющий осуществить рефинансирование ипотечных кредитов за счет передачи прав требований независимой компании, которая финансирует приобретение активов при помощи выпуска долговых инструментов. В общем виде схема внебалансовой секьюритизации представляет собой следующий процесс:

1. Банк – первичный кредитор предоставляет ипотечные кредиты заемщикам и получает право на получение платежей по кредиту и право залогодержателя (право на обращение взыскания на предмет залога в случае невыполнения должником своих обязательств и на получение удовлетворения своих требований из стоимости заложенного имущества).

2. Приобретая право требования по кредиту у банка – первичного кредитора, специально созданный орган (special purpose vehicle – SPV) – ипотечное агентство – приобретает права кредитора и права залогодержателя, в том числе право обратиться взыскание на предмет ипотеки в случае невыполнения заемщиком своих обязательств. Этот же банк осуществляет процедуру обращения взыскания на залоговое обеспечение, в случае если должник по ипотечному кредиту из пула не выполняет своих обязательств.

3. SPV, собрав пул однотипных кредитов, выпускает на его основе ценные бумаги и продает их инвесторам (www.ipotekasystem.ru).

В различных странах мира механизм секьюритизации финансовых активов имеет широкое распространение.

Г.Суворов выделяет следующие предпосылки актуальности схемы секьюритизации активов в России:

- развитие программ кредитования населения;
- динамичное развитие рынка ипотечных кредитов;
- вследствие низкой капитализации и требований по фондам обязательного резервирования российским коммерческим банкам невыгодно держать большие портфели потребительских кредитов у себя на балансе;
- отсутствие возможности у некоторых банков, не удовлетворяющих требованиям ЦБ к ипотечным банкам, выпускать ипотечные облигации и др. (Суворов).

Подводя итог, следует отметить, что секьюритизация активов представляет собой инновационный способ, при котором происходят выбор, выделение и передача определенных активов, которые списываются с баланса инициатора и передаются новой специально создаваемой организации, которая в дальнейшем выпускает ценные бумаги, обеспеченные данными активами, и размещает их среди широкого круга инвесторов. Сравнительный анализ видов секьюритизации активов показывает, что использование такого вида секьюритизации активов как синтетическая секьюритизация, требует наличия и определенного уровня развития финансового и рынка деривативов, а балансовая

секьюритизация активов подразумевает наличие ипотечных банков и специального законодательства, регулирующего их деятельность. Развитие внебалансовой секьюритизации, конечно, требует развитой инфраструктуры и соответствующего законодательства, но ее использование возможно и в условиях формирующегося финансового рынка. Кроме того, внебалансовая секьюритизация позволяет:

- во-первых, создать высокоорганизованный рынок ипотечного кредитования, участники которого получают возможность привлекать заимствования на условиях определяемых качеством пула активов, а не показателями собственного баланса;

- во-вторых, обеспечивается улучшение качества стандартов, документации и раскрытия информации о деятельности и операциях с финансовыми активами; расширяется круг потенциальных инвесторов, и снижается стоимость заимствований;

- в-третьих, эффективно распределяются риски, связанные с ипотечным кредитованием. Эффективность системы при внебалансовой секьюритизации активов заключается в чрезвычайной экономичности операций, всей цепочки сделок, по которой денежные средства от частных инвесторов через операторов вторичного рынка попадают к кредитным институтам первичного рынка и далее непосредственно к заемщикам – покупателям жилья (Карабанова, 2004).

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод: секьюритизация активов представляет собой инновационную технику финансирования, основанную на списании финансовых активов с баланса предприятия и их рефинансировании посредством выпуска ценных бумаг на рынке капиталов.

Литература

1. Абрамова П.И. К вопросу об актуальности механизмов секьюритизации активов в России. – 2006.
2. Александрова Н.В. Понятие и виды секьюритизации активов // «Рынок ценных бумаг». – 2007. - № 5.
3. Карабанова К.И. Ипотечные ценные бумаги: понятия и виды // «Законодательство и экономика». – 2004. - № 9.
4. Меньшикова А. Задачи и перспективы развития секьюритизации в России.
5. Пэр Х.П. Секьюритизация активов. – М.: Вольтерс Клувер, 2006.
6. Селивановский А. Правовые риски ипотечного агентства // Хозяйство и право. – 2005. - № 8-9.
7. Суворов Г. Секьюритизация активов с использованием кондуита // Открытая экономика (www.opes.ru)
8. Яроцук О., Лазорина Е. Секьюритизация в России // Рынок ценных бумаг. – 2005. - № 23-24.
9. www.ipoteka.cosa.ru
10. www.ipotekasystem.ru

Неверова А.В.,

Центр психолого-экономических исследований Саратовского государственного социально-экономического университета при Саратовском научном центре РАН, Саратов

СООТНОШЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ И СОПРОТИВЛЕНИЯ ИННОВАЦИЯМ

Важность прогресса науки и технического развития в повышении уровня благосостояния жителей Земли отмечалась учеными всех эпох. Бурное развитие концепции технологического детерминизма, как взгляда на происходящие изменения в социально-экономической системе человеческой цивилизации были вызваны *относительной объективностью и достаточно стабильной ролью технологии в мировой истории*. В настоящее время можно констатировать, что развитие высокотехнологичной экономики выступает задачей любой страны мира и России в том числе. Модернизация России и ее переход на инновационный путь развития, выступающие стратегическими целями общественного развития обуславливают развитие нового направления в современной психологии – *психологию инновационной деятельности*.

Несмотря на свою короткую историю (первые исследования приходятся на 1970-е гг.) этот раздел относится к одному из наиболее важных и перспективных направлений междисциплинарных исследований. Начало данному процессу положили работы французской психологической школы С. Московичи, изучавшему процесс обратный *конформизму*. Согласно точке зрения французского ученого: «процесс инновации – процесс социального влияния, источником которого обычно становится меньшинство или индивид, старающийся либо ввести или создать новые представления, понятия, способы мышления или поведения, либо изменить принятые представления, мнения, традиционные позиции и прежние способы мышления или поведения» (Московичи, 2007).

Надо сказать, что современная наука силами экономистов достаточно глубоко разработала проблему инновационного развития, представленную в работах таких ученых как И. Ансофф, В.Р. Атоян, И.Т. Балабанов, Ф.Ф. Бездудный, А.С. Булатов, С.В. Валдайцев, Я. Ван Дейн, О. Водачек, В.Н. Гунин, М.А. Гусаков, С.В. Ермаков, П. Дойль, С.В. Ильдеменов, С.Д. Ильенкова, А.К.Казанцев, В.В. Кобзев, А.К. Ковалев, Д.И. Кокурин, Н.Д. Кондратьев, Д. Кларк, А. Кляйнкехт, Г.А. Краюхин, Г. Менш, Л.Э. Миндели, Ю.П. Морозов, Э. Мэнсфилд, Ф. Найт, А.И. Пригожин, К.Ф. Пузыня, Е.М. Рогова, А.А. Румянцев, Б. Санто, В.А. Устинов, А.Н. Цветков, А.Б. Титов, Е.А. Ткаченко, Т.Б. Фостер, Х. Фримен, М. Хучек, У.Ф. Шарп, Й. Шумпетер, Ю.В. Яковец и др.

В основе подавляющего большинства этих работ, лежит *теория экономического развития Й. Шумпетера*, согласно которой *инновация означает умение «создавать новые комбинации вещей и сил»* (Шумпетер, 2007). Считается, что производством инноваций на практике занимаются предприниматели. Причем, предпринимательство – это инновации и их практическое воплощение, тогда как изобретение, несение риска и текущее управление – это, согласно современной экономической науке, функции других участников экономического процесса (Неверов, 2005). Этим фактом объясняется то, что современная психология до недавнего времени пыталась решить проблему психологии инноваций через изучение психологических особенностей предпринимателей, в том числе через выделение особых – предпринимательских – способностей.

Начиная со второй половины 1990-х гг. в России начинает формироваться специфическая научная отрасль – *психология инноваций*. Уже есть специализированные работы, среди которых следует отметить труды С.Р. Яголкинского, О.С. Советовой, А.Д. Карнышева, А.Н. Неверова и ряда других авторов. Большинство из них приходятся на 2010-2011 гг., что наглядно свидетельствует о процессе становления этого научного направления (Неверов, 2010).

Несмотря на важность и значимость процессуальной и технологической проблем создания и реализации инноваций, тем не менее, определяющим элементом всей инновационной деятельности остается именно человеческий фактор. Так, в итоге социальное поведение людей определяет, что можно изменить и обновить и какую это может принести пользу. Как указывал Сью Цзинь-ли: «Сотрудники должны понимать, желать и иметь возможность осуществить инновации, которые кажутся чисто техническими или организационными, но в дальнейшем могут существенно изменить социальное положение, психологическое состояние, взгляды и убеждения персонала» (Сью, 2010).

Таким образом, одним из актуальных вопросов в психологии инноваций выступает человеческий фактор, а именно феномен «сопротивления инновациям» под которым понимается «комплексное и многомерное явление, проявляющееся в неприятии новых практик, процессов и структур, в иррациональном поведении (отказе признавать новые черты реальности, размышлять логически и реализовывать на практике выводы логического мышления)» (Щербакова, 2006). Данному явлению посвящены, в большинстве своем, работы с точки зрения организационных сопротивлений, их видов и причин Н. Ансоффа, А. Каммеля, А.И. Пригожина, И.Ф. Прохоровой, Й. Хентце, П. Штомпки, В.А. Штроо, Д.В. Щербаковой и др. Основной причиной «сопротивления инновациям», которую выделяют большинство авторов выступает ситуация неожиданности, неготовности. Способы преодоления сопротивления более полно представлены в концепции Н. Ансоффа, выделившего такие причины данного явления как необходимость рисковать, страх потери власти или изменения роли, а также нежелание учиться новому ремеслу (Ансофф, 1989).

А.И. Пригожин выделяет социальные, экономические и психологические причины сопротивления изменениям. К психологическим причинам относятся неразвитость достижительной мотивации, эффекты «изобретено не здесь» и «проще купить за границей». К экономическим — дешевизна рабочей силы и отсутствие связи доходов с качеством труда. К социальным — заинтересованность сохранить существующее и инерционность организации (Пригожин, 2003).

В статье Й. Хентце и А. Каммеля «Как преодолеть противодействие запланированным организационным изменениям» сопротивление проявляется как в форме пассивного, в различной степени скрытого неприятия перемен, выражающегося в виде абсентеизма, снижения производительности или желания перейти на другую работу, так и в форме активного, открытого выступления против перестройки (Хентце, Камель 1997). Причина сопротивления может крыться в личных и структурных барьерах. К личным барьерам относятся: страх перед неизвестным, потребность в гарантиях, отрицание необходимости перемен, угроза сложившимся социальным отношениям, невовлеченность в преобразования заинтересованных лиц и недостаток ресурсов. В качестве барьеров на уровне организации выступают: инертность сложных организационных структур; взаимозависимость подсистем; сопротивление возможным изменениям в «балансе власти»; прошлый отрицательный опыт; сопротивление трансформационным процессам, навязанным консультантами извне. Меры по преодолению сопротивления организационным изменениям авторами выделены следующие: обучение и предоставление информации; привлечение к участию в проекте; стимулирование и поддержка; переговоры и соглашения; кадровые перестановки и назначения; скрытые и явные меры принуждения.

Так, согласно П. Штомпки субъект труда получает травму, но ее может вызвать не всякое изменение, а только внезапное, радикальное и имеющее значительный радиус охвата. П. Штомпка к симптомам такой травмы относит: синдром отсутствия / недостатка доверия к социальным институтам или отдельным гражданам; апатию, ощущение своего бессилия, что выражается в отсутствии интереса к общественным делам, синдром ориентации на сегодняшний день и ностальгию о прошлом, недоверие к нынешним лидерам; состояние беспокойства и наличие страхов; горячие массовые дискуссии и мобилизация социальных движений (Штомпка, 2005). Люди по-разному реагируют на травму и вырабатывают различные стратегии, стратегии сопротивления, помогающие им справиться с этой ситуацией.

В связи со столь неоднозначным вхождением субъекта в инновационные процессы, последствия вынужденных изменений образа жизни проявляются в росте негативных психологических проявлений, повышении уровня психоэмоционального напряжения, развитии и широком распространении таких неблагоприятных для здоровья психических состояний, как тревога, неудовлетворенность жизнью, неуверенность в завтрашнем дне, страх перед будущим, агрессивность, депрессия, суицидальные тенденции (Н.П. Абаскалова, Ж.Г. Агеева, М. Вайтхед, А.В. Гнездилов, Е.В. Заикина, Г.В. Залевский, В.Н. Ирхин, Г.А. Калачев, О.К. Копина, Т.Д. Марцинковская, Е.А. Сулова и др.). Учитывая разнообразие людей по параметру трудности (легкости) их вхождения в новый образ жизни, психологическая проблема готовности человека к изменению образа жизни становится все более значимой по мере того, как все большее число людей начинают испытывать состояние, которое В. Франкл определил словами «потеря уклада всего существования» (Клочко, 2002).

Таким образом, мы наблюдаем тесное переплетение таких двух феноменов как «сопротивление инновациям» и «психологическая готовность», так как те причины и проявления сопротивления инновациям которые описаны различными авторами, совпадают со структурой психологической готовности (Неверова, 2011). Исходя из этого, мы предполагаем, что сила сопротивления инновациям зависит от уровня психологической готовности субъекта к инновационной деятельности. Так, чем выше уровень психологической готовности к инновационной деятельности, тем слабее сила сопротивления инновациям.

Литература

1. Ансофф Н. Стратегическое управление. М.: Экономика, 1989.
2. Домс М., Московичи С. Инновация и влияние меньшинства // Социальная психология / под ред. С. Московичи. – СПб., 2007. С. 65.
3. Клочко Ю.В. Ригидность в структуре готовности человека к изменению образа жизни: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2002.
4. Неверов А.Н. Экономическая психология инноваций и концепция ноосферной экономики // Психология и экономика. Т.3. №1. 2010. С. 32-41.
5. Неверов А.Н. Предприниматель как экономический субъект // Психология и экономика. 2005. Вып. 2. С. 136 – 149.
6. Неверова А.В. Психологическая структура инновационной деятельности // Психология и

экономика. Т. 4. №2. С. 35 – 42.

7. Пригожин А.И. Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2003.
8. Сюй Цзинь-ли Управление инновационными конфликтами в Российских организациях. Автореф. дис. канд. соц. наук. Москва, 2010.
9. Хентце Й., Камель А. Как преодолеть противодействие запланированным организационным изменениям // Проблемы теории и практики управления. 1997. № 3. С. 71–75.
10. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005.
11. Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М., 2007. С. 132.
12. Щербакова Д.В. Сопротивление организационным инновациям: методология социологического исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9. №4. С. 89 – 99.

*Николаева И.А., Зайнулина Ю.И.,
Курганский государственный университет, Курган*

ЛИЧНОСТЬ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СЕЛЬСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Инновационное развитие общества, как правило, связывается с определенными социальными слоями и структурами. Сельское население в России имеет высокую долю в структуре населения, и занимает значительные территории, выполняет важнейшие функции, но его роль в инновационном развитии неоднозначна.

Настоящая работа посвящена анализу значимых социально-ролевых отношений сельских учителей. Личность сельского учителя может быть рассмотрена как фактор инновационной социализации сельских школьников. Учитель на селе имеет особый статус и возможности в социализации молодого поколения: он прямо или косвенно значительно влияет не только на ученика, но и на его семью своим авторитетом, образом мысли, жизненными принципами. Будущее села связано с воспитанием молодежи, с новыми идеями и проектами, которое молодое поколение может инициировать и воплощать уже в стенах школы. Инновационная воспитательная роль сельского учителя – в формировании любви к своей родине, творческого взгляда на место своего проживания, в формировании социальной смелости, лидерства, позитивного самоотношения учеников, что необходимо для самореализации сельской молодежи и творческого освоения ими действительности.

В данной работе мы рассмотрим значимые социально-ролевые отношения сельского учителя как психологический фактор инноваций или «инновационной социализации» подрастающего сельского населения. Наша задача – описать реальные варианты индивидуального сознания сельских учителей в аспекте социально-ролевых отношений. Определить возможности «инновационной социализации», которые соответствуют этим вариантам.

В проведенном анализе использована модель субъективного образа социального мира И.А. Николаевой (Николаева, 2004), который является частью «жизненного мира». Модель включает три уровня. 1) Уровень социально-ролевых отношений (*Кто* персонально и по социально-ролевым характеристикам (пол, возраст, родство, соц.-проф. статус) принадлежит субъективному «миру людей»?); 2) Уровень ценностных предпочтений, которые отражаются в социальном восприятии «других» (*Какие аспекты отношений* и качества личности эмоционально оцениваются, осознаются, приписываются «другим»?); 3) Уровень смысложизненных отношений (*Каковы смысловые роли* «других» в моей жизни?).

В данной работе поставлена задача: описать субъективный «жизненный мир» личности сельских учителей на уровне значимых социально-ролевых отношений личности. В исследовании участвовало 75 учителей из сел Республики Башкортостан. Возраст выборки 42 ± 7,5 лет.

Сбор данных о значимых социально-ролевых отношениях, в которые включен учитель, проводился методом свободного извлечения из памяти «всех, кто приходит в голову» по методике «Я и другие» И.А. Николаевой (Николаева, 2003). Как доказано исследованиями социальной перцепции, частота появления в сознании, «доступность» сознанию отражает значимость данного социального отношения для человека. Каждый респондент записал по 50 «других людей, пришедших на память»

и приписал им признаки. Эти списки и были проанализированы нами как субъективные «срезы» индивидуального сознания учителей, характеризующие социально-ролевой состав их «жизненного мира».

Для анализа содержания социально-ролевых отношений нами были выделены категории социальных ролей, которые встречались в списках испытуемых. Всего выделено 11 категорий: родственники, друзья, соседи, знакомые, коллеги, ученики, свои учителя, одноклассники, сказочные персонажи, литературные герои, «звезды» (в их числе известные политики, спортсмены, исторические личности, шоу - «звезды»).

В анализе значимости социально-ролевых отношений учитывалось два показателя. 1) Частота появления людей, имеющих определенную социальную роль, в сознании (доступность соответствующих социальных отношений сознанию). 2) Преобладающая эмоциональная оценка отношений, связанных с каждой социальной ролью.

Статистический анализ данных проводился кластеризацией – методом k-средних Мак-Куина. Использованный тип связи - евклидово расстояние. В результате анализа вся выборка была разбита на три кластера – три различных группы. В первый кластер вошли 11 чел, во второй – 2 чел., и в третий – 62 чел.

В результате анализа содержания кластеров мы выявили, что первый кластер соответствует типу «критичного и строгого учителя». Второй кластер предположительно связан с высокой значимостью семейных отношений и был назван «девушки на выданье». Третий кластер обнаруживает отношения «счастливой и благодушной жены и матери».

Первый кластер характеризуется следующими социально-ролевыми отношениями:

Наиболее часто вспоминаются, т.е. отражают наиболее актуальные ролевые отношения «знакомые», оцениваемые негативно ($k=8,4$). Второй ранг по частоте воспроизведения имеют «знакомые» с позитивными характеристиками ($k=5,8$), «хорошие» «родственники» ($k=5,4$), и «друзья» с негативными характеристиками ($k=5,5$). Каждый учитель из этого кластера напоминает 4 – 5 учеников, также негативно оцениваемых ($k=4,6$), и в среднем 2 ученика, оцениваемых позитивно ($k=1,9$). С меньшей частотой напоминаются коллеги, баланс их оценок склоняется в положительную сторону ($k_{«+»} = 2,9$; $k_{«-»} = 1,7$). С аналогичной частотой напоминаются соседи, но их оценки имеют обратный баланс ($k_{«+»} = 1,4$; $k_{«-»} = 2,4$). Персонажи, не связанные непосредственным общением занимают последнее место по частоте припоминания и имеют только позитивные оценки – это киногерои ($k_{«+»} = 2,3$) и известные личности – «звезды» ($k_{«+»} = 1,9$).

Т.е. жизненный мир педагога из этого кластера включает в среднем более 16 знакомых, более 7 друзей, около 9 родственников, около 7 учащихся, около 5 коллег. Суммарный баланс оценок скорее негативный, но для коллег и родственников – позитивный баланс оценок, а «звезды» и киногерои отражают только позитивные жизненные ориентиры. Можно сделать вывод, что это целеустремленные, принципиальные, профессионально-ориентированные педагоги.

Учителя 3-го кластера резко отличаются от 1-го составом припоминаемых персонажей. В первых, основу отношений составляют родственники. Каждый напоминает в среднем более 16 родственников, их оценки однозначно положительные ($k_{«+»} = 14$; $k_{«-»} = 2,2$). Частота остальных ролей слабо отличается между собой, и является значимо меньшей по сравнению с 1-м кластером. На втором месте по частоте воспроизведения - «звезды», они имеют частоту припоминания 3,7 и однозначно позитивные оценки. «Звезды» - это атрибут телевидения и семейного отдыха. Все остальные категории имеют сравнительно невысокую частоту припоминаний – каждый учитель называют около трех представителей друзей, знакомых и соседей. При этом в среднем один из соседей нарушает идиллию ($k_{«-»} = 1,3$). Баланс позитивно-негативных оценок коллег более «сглажен»: позитивных оценок несколько меньше, негативных несколько больше, но различия не значимы. Три ролевые категории имеют центры тяжести менее единицы. Среди этих категорий ученики и сказочные персонажи. Это может быть свойственно бабушкам, воспитывающим внуков, а также учителям начальных классов.

Учителя этого кластера вспоминают также, в среднем, всего одного «отрицательного» ученика. Если каждый второй учитель 1-го кластера, все-таки напоминает одного «положительного» ребенка, то из учителей 3-го кластера это делает только каждый десятый.

Еще одна важная характеристика отношений данной группы – их позитивная поляризация. Позитивные оценки «других» абсолютно преобладают у учителей данной группы.

Как видим, первый кластер рисует систему отношений «критичного, но и признающего успехи учителя», профессиональная деятельность которого занимает не подавляющую, но важную часть внутреннего мира личности, которая приносит и эмоциональное удовлетворение (позитивные оценки коллег и учеников). Третий кластер отражает отношения «счастливой и благодушной жены и матери (бабушки)», для которой профессиональные проблемы – довольно незначительная часть жизненного мира и иногда обременительная (отсутствие учащихся в жизненном мире и некоторые негативные оценки коллег).

Второй кластер включает двух человек. Жизненный мир учителей из этого кластера резко сужен. У них имеется наибольшее количество припоминаемых родственников – как положительных, так и отрицательных. Признаки свободного отдыха (кино- и лит- герои, звезды) совершенно отсутствуют. Довольно критично воспринимается профессиональная атмосфера, поскольку в среднем 3,5 коллег расценивается «ниже себя». Хотя трем из этих коллег и приписываются позитивные характеристики. У представителей кластера есть также позитивно оцениваемые «другие» - это друзья, бывшие одноклассники, хорошие знакомые. Характерно, что этот кластер составили две 23-х летние учительницы - самые молодые в выборке. Они первый год работают в школе, не имеют своей семьи. Вероятно, семейная ситуация, а точнее, ее отсутствие полностью поглощает этих респондентов, а также воспоминания о вузе и критичное восприятие нового места работы.

Итак, на примере данной выборки нами выделены типичные группы сельских учителей с разными системами социально-ролевых отношений. Очевидна разная значимость для этих групп семьи и профессии, разный эмоциональный фон.

Какова роль этих групп в инновационной социализации детей и школьников? Очевидно, минимальное требование для этого – серьезная профессиональная направленность, которая может быть только у учителей 1-го кластера. Она возможна также и у молодых учителей, если они решат свои личные проблемы. Учителя 1-го кластера составляют 14,7% обследованной выборки.

Конечно, значимые социально-ролевые отношения – только косвенная характеристика личности учителя, однако она дает определенную информацию и может быть дополнена социально-перцептивным и ценностно-смысловым содержанием этих отношений.

Литература

1. Николаева И.А. Субъективный образ социального мира как репрезентация социальной ситуации развития личности (на примере подросткового возраста). – 19.00.05. – Дис. канд. пс. н. – Курган, 2004.

2. Николаева И.А. «Я и другие». Процедура исследования субъективных характеристик социализации личности: Учебно-методическое пособие. – Курган: Изд-во КурГУ, 2003.

*Овруцкий А.В.
ЮРГИ, ЮФУ, Ростов-на-Дону*

ПРАВА ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ СВОБОДЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Проблематика потребительских прав и свобод является одной из самых дискуссионных тем в анализе общества потребления, а также применима для раскрытия содержания психотипа и социотипа современного человека. Отметим амбивалентность оценок данных феноменов. Апологеты общества потребления атрибутируют современному потребителю абсолютную свободу в потреблении и приписывают потребителю право позитивный характер гармонизации социально-экономической системы в целом. В то же время антиконсюмеристские авторы полностью отказывают современному потребителю даже в самой минимальной возможности индивидуального выбора, а потребительское право трактуют как механизм легитимизации идеологии консюмеризма как идеологии бесконечного потребления, обеспечивающей рыночную экономику необходимым социальным ресурсом управляемого экстенсивного потребления.

Динамика потребительских свобод является одним из детерминационных факторов становления личности, в частности выступает содержательным аспектом потребительской социализации. В

свою очередь система потребительского права выступает существенным регулятивным механизмом социоэкономической системы.

Становление современной социоэкономической системы востребует развитие потребительских свобод и становление потребительского права как системы социальных регуляторов социоэкономических процессов. Так, условием становления общества потребления является распространение личных свобод, частного предпринимательства и свободной конкуренции.

Кроме потребительских свобод, у массового потребителя должен также появиться временной ресурс. Уменьшение рабочей недели приводит в том числе и к повышению социальной мобильности. Свободное время не только заполняется, главным образом, потребительскими практиками, но этому процессу придается осмысленность. Потребление становится независимым от производственной деятельности человека.

Отметим, что досуг как социальное явление возникает только в индустриальную эпоху – до этого абсолютное большинство населения просто не имело свободного времени. Практически все бытийное время было заполнено работой, а «работа» и непосредственно «жизнь» не были отделены пространственно. Например, первые развлечения первоначально воспринимались исключительно как вознаграждение за хорошо выполненную работу.

Рабочее время в Европе и Америке неуклонно снижается с конца XIX столетия: в 1871 году рабочая неделя составила 72 часа, в 1900 году – 61 час, а в 1913 году уже 55,5 часов (Jäckel., Kochhan, 2000). Сегодня рабочая неделя в странах ЕС составляет всего 35 часов при максимальном 13 часовом объеме сверхурочного времени дополнительно.

Потребление постепенно «очищается» от репрессивных воздействий различных социальных институтов, главным образом, церкви. В XX веке происходят интенсивные процессы секуляризации потребления, выведение потребительского процесса из сферы религиозной нормировки, основное воздействие которой можно обозначить как репрессивное или, по крайней мере, сдерживающее.

В целом постиндустриальный период происходит раскрепощение творчества, которое становится правом и свободой любого человека. Х. Штокхаммер фиксирует следующую дихотомию: система ценностей, в которой постулируется примат свободы (самореализация, автономия) легитимизирует и облегчает проявление креативности, а противоположная ценностная система приспособления (послушание, воспитание, долг, правила и обычаи) скорее подвергает креативность репрессии (Stockhammer, 1983). Индустриальная экономика с ее протестантской этикой в экономическом поле формировала репродуктивное поведение в рамках строгих норм и правил. Постиндустриальная фаза востребует личность самореализующуюся и креативную. Просюмер – это не только человек с высоким уровнем потребительской компетентности, но и человек активный, инновационный, транспарентный.

По мнению В.Е. Бугера, потребление высококачественных продуктов массовой культуры может побуждать потребителей к творчеству (Бугера, 2005). В частности, это может приводить к созданию креативных потребительских практик и актуализировать креативные паттерны личности в целом.

Конституцирование потребительских свобод происходит в маркетинге: в этой идеологической системе нелиберального толка права и свободы потребителей начинают трактоваться как самые важные ценности, а также постулируется возможность свободной рыночной конвертации и обмена этих прав и свобод.

Созданные в рамках маркетинга социальные технологии эффективно работают в области социального проектирования. Так, с помощью маркетинговых технологий сформирован новый класс потребителей – дети и подростки. Вначале детям и подросткам была предоставлена потребительская свобода – социальные нормы, сформированные системой маркетинговой коммуникации, позволили подросткам осуществлять свободный потребительский выбор без оглядки на взрослых. Производители создали большой рынок товаров и услуг для этой целевой аудитории, а уже в 90-е годы прошлого века американские подростки массово освоили индустрию роскоши: в 2000 году на их руках было сосредоточено 155 млрд. долларов «карманных» денег, которые они могли тратить по своему разумению, что вызвало взрыв конкурентного потребления (Хиз, Поттер, 2007). Сегодня индустрия красоты атакует детей предложениями сра-процедур, восковой эпиляции со скидками в период школьных каникул и т.д.

Легитимизация и конституцирование потребительских свобод (главным образом в рамках маркетинга) инициировало создание потребительского права. Первоначально практики защиты

прав потребителей были объединены общим знаменателем – привести в регулируемое состояние взаимоотношения между производителем и продавцом, с одной стороны, и потребителем, - с другой, при этом права и интересы потребителя трактуются как доминирующие и приоритетные.

Первые попытки защиты таких интересов были предприняты еще в XVII в. в Англии, а в США возникают в XX в. В 60-е годы прошлого года происходит институционализация этого движения, формулируется самостоятельная социально-экономическая категория «права потребителей», принимаются специальные законы, активную и эффективную работу ведут общественные организации. Так, в 1962 г. президент США Джон Кеннеди провозглашает четыре основных права потребителей, число которых с тех пор возросло до шести (Энджел и др., 1999). Это: 1. Право на безопасность – защита от товаров и услуг, угрожающих здоровью или жизни; 2. Право на информацию - предоставление фактов, необходимых для обоснованного выбора; защиты от обманных, ложных и вводящих в заблуждение заявлений; 3. Право на выбор - гарантированный доступ к широкому разнообразию товаров и услуг по конкурентным ценам; 4. Право быть услышанным (право на возмещение) – гарантия того, что при формулировании политики предприятия интересы потребителя получают полное и сочувственное рассмотрение; быстрое и полное возмещение ущерба; 5. Право жить в чистой и здоровой окружающей среде и 6. Право малоимущих и других меньшинств на защиту их интересов.

На сегодняшний день потребительское движение в США хорошо организовано и представлено многочисленными организациями, например, Федерация потребителей Америки (CFA), Союз потребителей, Движение за детское телевидение (ACT). На сегодняшний день сформулированы принципы и механизмы защиты прав потребителей. Например, система возврата товаров, гарантий, функционирование обществ потребителей и принятий специального законодательства, появление стандартов упаковки и т.д. Под давлением этого общественного движения в большинстве государств приняты специальные законы о защите прав потребителей.

Обобщив давно установившуюся в мире практику, Генеральная Ассамблея ООН в 1985 г. разработала «Руководящие принципы для защиты интересов потребителей», поставив во главу угла следующие цели: содействие странам в борьбе с вредной деловой практикой предприятий на национальном и международном уровнях, отрицательно сказывающейся на потребителях; поощрение создания рыночных условий, предоставляющих потребителям большой выбор при более низких ценах; поощрение высокого уровня этических норм поведения тех, кто связан с производством и распределением товаров и услуг. А в итоговый вариант «Принципов защиты потребителей» ООН внесла также дополнительное право – Право на обучение – возможность получать знания и развивать навыки, необходимые, чтобы принимать взвешенные, обдуманые решения в ситуации выбора товаров и услуг, а также право получать потребительское просвещение, приобретение всесторонних знаний и навыков, облегчающих потребителю принятие решения (Шмигин, 2009).

Защита основных прав потребителей в нашей стране обеспечивается Законом «О защите прав потребителей» (принят в 1992 г.), деятельностью Госстандарта РФ, Госкомитета РФ по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур, организациями потребителей, Международной конфедерацией обществ потребителей. Отметим, что многие маркетологи считают, что конституцирование деятельности по защите прав потребителей существенно усложняет деятельность товаропроизводителей и торговцев, которые вынуждены теперь учитывать не только индивидуальные потребительские требования, а сталкиваются с их совокупным проявлением.

Резюмируя сказанное, отметим, что имеют место разнонаправленные тенденции и в зависимости от сферы деятельности, а также ее целей и других факторов можно говорить как о возможности реализации свободы, так и о ситуации ее ограничения. Например, сфера принятия личного решения в постмодерне сужается и практически остается в пространстве личного потребления.

Полагаем, что в потребительском обществе категория свободы трансформируется в направлении количественной характеристики выбора. Вместе с тем происходит девальвация ее качественной характеристики. И даже индивидуализирующие стили жизни вряд ли можно считать проявлением свободы, т.к. каждый из них является маркетинговым продуктом, либо станет им, в случае наличия какой-либо маркетинговой ценности и перспективы.

Вместе с тем, появление нового потребителя, человека с фрагментированным сознанием, но вместе с тем креативного и раскрепощенного, ориентированного на личностную самореализацию

невозможно описать и объяснить без раскрытия феноменов становления потребительских свобод и прав. Последние, в свою очередь, стали одним из детерминирующих факторов социоэкономической системы общества потребления, характеризуемой новой формой организации социума, новой аксиоматикой, новыми моделями управления и концепциями производства и труда.

Литература

1. Бугера В.Е. Сущность человека. М.: Наука, 2005. 300 с.
2. Хиз Дж., Поттер Э. Бунт на продажу / пер с англ. М.: Добрая книга, 2007. 456 с.
3. Шмигин И. Философия потребления/ пер. с англ. Харьков.: Гуманитарный Центр, 2009. 304 с.
4. Энджел Д., Блэкуэлл Р.Д., Миниард П.У. Поведение потребителей. СПб.: Питер Ком, 1999. 768 с.
5. Jäckel M., Kochhan C. Notwendigkeit und Luxus. Ein Beitrag zur Geschichte des Konsums // Rosenkranz, D. / Schneider, N. (Hg.): Konsum. Soziologische, ökonomische und psychologische Perspektiven. Opladen: Leske und Budrich, 2000. S. 73-94.
6. Stockhammer H.R. Sozialisation und Kreativität. Theorien, Techniken, Materialien. Verlag des Verbandes der wissenschaftlichen Gesellschaften Österreichs. Wien, 1983. 224 s.

Покрышкина Е.В.,

Алтайский государственный технический университет, Барнаул

МОДЕЛИРОВАНИЕ УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ НА БАЗЕ КГУЗ «ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР АЛТАЙСКОГО КРАЯ» И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИКУ

Правительством РФ 26.07.2006 принят Федеральный закон № 152 «О персональных данных», согласно которому все организации, обрабатывающие сведения, относящиеся к персональным данным, не позднее 1 июля 2011 года должны привести свои информационные системы по обработке и защите персональных данных в соответствие с его требованиями. В связи с этим в диагностическом центре Алтайского края был проведен анализ объекта информационной безопасности. Целью работы является анализ рисков системы защиты персональных данных в сфере здравоохранения на примере Диагностического центра Алтайского края.

Актуальность защиты персональных данных обусловлена не только законодательными нововведениями. Сегодня все большее число компаний использует базы данных своих заказчиков, сотрудники компаний имеют полный доступ к персональным данным клиентов. Неудивительно, что с развитием информационных технологий и распространением Интернета специалисты по защите персональных данных сталкиваются с возрастающим объемом утечек персональных данных со стороны злоумышленников и инсайдеров. Поэтому защита персональных данных в организациях становится не только законодательной обязанностью, но и насущной потребностью.

В связи с вышесказанным были поставлены следующие задачи научно-исследовательской работы:

1. Первичная оценка защищенности персональных данных в диагностическом центре с помощью описания объекта информационной безопасности.
2. Моделирование возможных вариантов угроз для носителей персональных данных с помощью программы «Сорит».
3. Наблюдение за системой и возможными атаками, сбор данных об устойчивости системы и влияния на экономику.
4. Разработка нового алгоритма анализа угроз безопасности персональных данных и рекомендаций по повышению уровня защиты.

Для первичной оценки защищенности персональных данных в диагностическом центре было произведено описание объекта информационной безопасности и сопоставление с требованиями Федеральной службы технического и экспортного контроля (ФСТЭК).

Основные пункты проверки защищенности информационной системы включают в себя оценку вероятности возникновения, реализуемости, опасности и актуальности угроз (Методические

рекомендации по составлению частной модели угроз безопасности персональных данных при их обработке в информационной системе учреждений здравоохранения, социальные сферы, труда и занятости, 2009).

Проведенный анализ объекта персональных данных позволил построить перечень угроз и подвести итоги описания объекта по требованиям ФСТЭК.

Для определения угроз информационной системы персональных данных МИС (Медицинская информационная система) также использовали вспомогательное программное обеспечение «СОРИТ».

СОРИТ, сорита, *муж.* (*греч.* sorites, *букв.* нагроможденный в кучу) - Сокращенный вид цепи силлогизмов, с пропуском посредствующих заключений и с выводом одного заключения из ряда посылок (Словарь терминов).

Силлогизм – дедуктивное умозаключение. Существует несколько видов силлогизмов, которые различаются суждениями, входящими в них в качестве посылок. Силлогизм простой (категорический) – в котором обе посылки и вывод являются простыми суждениями (*A, I, E, O*) (Словарь терминов).

Впоследствии с помощью силлогизмов, которые будут учтены при анализе результатов работы программы, будут закрыты логический и физический доступ к персональным данным.

Представленная система успешно внедрена соритом, данные результаты вывода схожи с требованиями ФСТЭК. Но с помощью программы мы выявили те угрозы, на которые не обращали внимание при описании объекта. Для сравнения результаты были сведены в таблицу.

Что касается экономических проблем в этой сфере, в первую очередь нужно обратить внимание, что нужен квалифицированный персонал по защите персональных данных. Каждая компания не всегда может привлечь в свой штат отдельного специалиста, должностные обязанности которого заключались бы исключительно в разработке документов, проведении организационных мероприятий и подготовке информационной системы, в которой обрабатываются персональные данные, к проверкам, осуществляемым регуляторами. Здесь решением проблемы может быть проведение обучающих семинаров операторов персональных данных и аутсорсинг.

С технической стороны экономическая проблема защиты персональных данных решается различными способами. Чем выше категория персональных данных, тем более сложные механизмы требуются для их защиты. Фактически подзаконные акты ФСТЭК и ФСБ требуют от операторов построения современной системы защиты с использованием антивирусных решений, межсетевых экранов, систем предотвращения вторжений, управления идентификацией пользователей и контроля доступа, шифрования, защиты от утечек, системы управления событиями безопасности и других защитных механизмов, перечисленных в руководящем документе ФСТЭК «Основные мероприятия по организации и техническому обеспечению безопасности персональных данных, обрабатываемых в информационных системах персональных данных». Можно использовать набор перечисленных программных продуктов, а можно написать и использовать программное обеспечение, которое будет включать функции мониторинга активности сети, предотвращение вторжений, защиту от утечек и шифрование персональных данных.

После внедрения соответствующей регламенту Ф3152 информационной системы в диагностический центр, необходимо длительное время производить мониторинг системы для выявления её уязвимостей, как на предмет образования угроз информационной системе персональных данных, так и на несоответствие федерального закона №152. На основе всех полученных данных наблюдений придумать алгоритм анализа рисков системы защиты персональных данных. После нахождения подозрительной программы, процесса или запроса, которая может привести к нежелательным последствиям, система сама принимает решение об устранении зарождающейся угрозы. Исследуя информационную систему персональных данных на предмет обнаружения уязвимостей, а также их устранения, она полностью подавляет угрозу еще до её появления, оценивая риски и вероятность возникновения угрозы.

Литература

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных».

2. Методические рекомендации по составлению частной модели угроз безопасности персональных данных при их обработки в информационной системе учреждений здравоохранения, социальные сферы, труда и занятости. – Москва, 2009г.- с.215.

3. Словарь терминов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e-reading.org.ua/chapter.php/92029/74/Gusev_Kratkiii_kurs_logiki_Iskusstvo_pravil'nogo_myshleniya.html

Серебрякова Т.А.,

Нижегородской государственной педагогической университет им. К.Минина, Нижний Новгород

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ИННОВАЦИОННАЯ ПРОГРАММА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА И ПЕРВИЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЕЕ ВНЕДРЕНИЯ

Инновационные процессы, характерные для современного общества, касаются всех сторон и сфер его жизнедеятельности. Не является исключением и сфера образования, основными целевыми установками которой в настоящее время является создание оптимальных условий для формирования социально активной, творческой личности, нацеленной не только на самореализацию, но и гармонизацию системы отношений к другим людям, обществу, труду и т.д. Реализация данных целевых ориентиров тесно связана с обеспечением для каждого человека (вне зависимости от его пола и возраста) оптимальных условий социокультурного развития.

Максимально чувствительными периодами для социокультурного развития личности, по мнению ученых (работы Л.И.Божович, Л.С.Выготского, А.В.Запорожца, А.Н.Леонтьева, А.А.Люблинской, Д.Б.Эльконина и др.), являются базовые уровни онтогенеза. Так, по свидетельству А.А.Люблинской (Люблинская, 1965), детям дошкольного возраста присуще «впитывающее сознание», когда ребенок особенно доверчив к той информации, которую он присваивает. На этом возрастном этапе осуществляется осознание ребенком своего «Я». Он проявляет стремление к самоутверждению («Я сам!»), стремится воздействовать на ситуацию, активно вступает во взаимоотношения с окружающей действительностью.

Осуществленный нами анализ исследований по интересующей проблеме позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на то, что проблема социокультурного развития уже на базовых этапах онтогенеза исследуется психологами уже достаточно давно, до настоящего времени не разработано программно-методического инструментария, позволяющего эффективно организовывать работу с детьми дошкольного возраста в данном направлении. Не случайно, целевыми установками организуемой нами инновационно-экспериментальной деятельности явилась разработка программы социокультурного развития детей дошкольного возраста «Мир на моей ладошке».

Исследование проводилось на базе дошкольных образовательных учреждений г. Нижнего Новгорода в период с сентября 2006 по май 2012 г. Общее количество респондентов – 490 человек (дети младшего, среднего и старшего дошкольного возраста, включая старшую и подготовительную к школе группу).

Теоретико-методологической основой разработанной нами программы явились идеи Л.И.Божович, Л.С.Выготского, А.В.Запорожца, А.А.Люблинской, С.Л.Рубинштейна и других представителей возрастной психологии. ученых. Так, Л.С.Выготский (Выготский, 1977), говорит о необходимости создания условий, способствующих «присвоению» ребенком общечеловеческой культуры, заложенной в окружающем мире: предметах, природе, человеческих отношениях, а также в способах познания и порождения нового. В процессе присвоения общечеловеческих ценностей, по мнению ученого, происходит достижение таких фундаментальных целей, как разностороннее развитие ребенка, формирование у него базового доверия к миру, а также развитие способностей, соответствующих его возрастным возможностям и требованиям современного общества.

По свидетельству А.А.Люблинской (Люблинская, 1965), детям дошкольного возраста присуще «впитывающее сознание», когда ребенок особенно доверчив к той информации, которую он присваивает.

Следует отметить, что присвоение ребенком исторически сложившегося опыта осуществляется

внутри последовательно сменяющихся видов детской деятельности. Посредством включения в различные виды деятельности ребенок реализует весь спектр потребностей, обеспечивающих его оптимальное социокультурное развитие.

Также нами учитывались идеи Л.И.Галигузовой, М.И.Лисиной, Е.О.Смирновой и других ученых об определяющем значении системы взаимоотношений детей с окружающим миром в процессе их социокультурного развития. Так, М.И.Лисина (Лисина, 1997) отмечает, что живой процесс общения является тем контекстом, в котором возникает, скрадывается и развивается социальное поведение ребенка, основанное на общечеловеческих нормах и ценностях. Более того, грамотно организованное общение взрослого с ребенком является стимулом к осознанию малышом своего «Я», проявлению стремления к самоутверждению, организации активного взаимодействия с окружающей действительностью во всех ее проявлениях.

Осуществленный нами анализ исследований по проблеме социокультурного развития детей дошкольного возраста позволил сделать следующие выводы:

- разработка социокультурных аспектов современного образования является основным аспектом его методологии (исследования Б.Г.Ананьева, Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева, Б.Ф.Ломова, В.Н.Мясищева, А.В.Петровского, С.Л.Рубинштейна и др.);
- социокультурное развитие детей дошкольного возраста может рассматриваться как творческое их самовыражение в процессе индивидуальной деятельности и взаимодействия со своим внутренним миром, миром людей, миром природы, предметным миром;
- социокультурное развитие дошкольников тесно связано с процессом их «вхождения» в культуру и, как следствие, - присвоение доступного содержания культурно-исторического опыта в различных видах деятельности.

Исходя из выше сказанного, социокультурное развитие детей дошкольного возраста, на наш взгляд, осуществляется по трем направлениям:

- развитие когнитивной сферы;
- развитие аффективной сферы;
- становление культуры общения, взаимодействия с окружающим миром.

Основные задачи программы:

1. Формирование базисных основ социальной культуры у детей:
  - развитие у ребенка интереса к себе, осознание ценностей собственной личности, умение принимать себя таким, какой есть;
  - развитие интереса к взрослым и сверстникам, формирование способов положительно-действенного общения, навыков сотрудничества;
  - формирование элементарных ценностных ориентаций при взаимодействии с миром природы, развитие эмоциональной отзывчивости;
  - воспитание бережного и созидательного отношения к предметному миру.
2. Приобщение детей к культуре взаимоотношений:
  - воспитание привычки проявлять доброжелательность к окружающим;
  - формирование стремления находить пути самостоятельного справедливого и гуманного разрешения возникающих проблем;
  - формирование основ, необходимых для созидания и развития детского сообщества.

Таким образом, содержание программы отражает основные направления приобщения детей дошкольного возраста к различным аспектам социальной культуры, присвоение каждым ребенком доступного содержания культурно-исторического опыта в субъектной позиции в разных видах детской деятельности.

Как базовые *принципы организации образовательного процесса*, направленного на реализацию программы мы определяем:

- принцип учета возрастных особенностей и возможностей детей;
- принцип индивидуализации;
- принцип максимального обеспечения в образовательном процессе половой идентификации каждого ребенка. Как показали исследования ученых, одной из наиболее заметных характеристик, определяющих процесс социализации на ранних уровнях онтогенеза, является биологический пол ребенка.

В структуре программы нами выделяются следующие *разделы*:

- «Сам себе собеседник», в рамках которого ребенок знакомится с собой, учится видеть и ценить в себе индивидуальность, принимать и любить себя, осознает значимость собственной личности.

- «Я и мои друзья: взрослые и сверстники», при реализации задач и содержательной компоненты которого у ребенка формируется чувство принадлежности к группе, принятие сверстника, уважительное отношение к взрослому, развивается умение договариваться, приходиться к общему решению, учитывать мнение партнера в разных видах деятельности, распределять обязанности с учетом интересов каждого, конструктивно решать возникающие противоречия.

- «Мир природы», ориентированный на становление у ребенка умений и навыков взаимодействия с природными объектами, он учится анализировать наблюдаемое в природе, овладевает элементами природоохранной деятельности, формируется элемент экологического миропонимания.

- «Предметный мир», направленный на формирование у детей представлений о предметах материальной культуры, правильном их использовании, ценностного отношения к ним.

При этом выше обозначенные базовые задачи программы конкретизируются в соответствии с содержательным «наполнением» каждого раздела.

Следует также отметить, что разработанная в инновационно-экспериментальном режиме функционирования программа социокультурного развития дошкольников «Мир на моей ладошке» соответствует современным нормативным документам, регламентирующим деятельность в сфере дошкольного образования, а именно Приказу Министерства образования и науки Российской Федерации от 23.10.09 г. №655 «Об утверждении в действие федеральных государственных требований к структуре основной общеобразовательной программы дошкольного образования», а также Федеральным государственным требованиям к условиям реализации основной общеобразовательной программы дошкольного образования, утвержденным Приказом Министерства образования и науки РФ от 20.07.2011 г. №2151. В частности, те образовательные области, которые определены в данном документе, полностью соотносятся с целевыми установками, задачами и содержательной составляющей данной программы. Так, например, содержание образовательной области «Социализация» находит отражение в решении следующих задач:

- приобщение к элементарным общепринятым нормам и правилам взаимоотношения со сверстниками и взрослыми (в том числе моральным),

- формирование гендерной, семейной принадлежности,
- формирование ценностного отношения к предметному миру.

Содержание образовательной области «Коммуникация» предусматривает:

- развитие культуры взаимоотношений со взрослыми и сверстниками,
- развитие умения свободно общаться с окружающими.

Содержание образовательной области «Здоровье» ориентирована на:

- формирование ценностного отношения к своему здоровью и здоровью взрослых и сверстников,
- формирование ценностного отношения к окружающей природе как источнику здоровья человека и т.д.

По итогам экспериментального внедрения разработанной инновационной программы социокультурного развития детей дошкольного возраста «Мир на моей ладошке» нами было осуществлено диагностическое исследование, которое показало следующие результаты:

- у детей фиксируется устойчивое познавательное отношение к предметному окружению;
- дети стремятся устанавливать разнообразные связи между назначением предмета, его использованием и способами бережного обращения с предметами;
- поведение детей всех возрастов характеризуется бережным отношением к окружающим их игрушкам и предметам;
- дети способны противостоять негативным действиям по отношению к предметам со стороны их сверстников;
- значительно снизился уровень тревожности детей;
- большинство детей характеризуется доминированием эмоциональных состояний положительной модальности, устойчивой потребностью в эмоционально-положительном взаимодействии с окружающим миром,
- у детей наблюдается «разумность чувств». Это относится не только к людям, предметному миру, объектам природы и событиям, но и к чувствам, связанным с собственным поведением ребенка,
- кардинально изменилось отношение к сверстникам: наблюдается усиление эмоциональной

вовлеченности в действия и переживания сверстников. Многие дети способны сопереживать как успеху, так и неудачам сверстника, готовы помочь и поддержать его,

- наблюдается проявление стремления не только к вербальному сочувствию сверстникам, но и желание понять поступки сверстника, объяснить их,
- устойчивый эмоционально-положительный фон является доминирующим в течение всего дня,
- наблюдается снижение детской застенчивости, робости,
- значительно повысился уровень самооценки,
- фиксируется осознание значимости своих действий и поступков как по отношению к себе, так и по отношению к взрослым, сверстникам, предметному миру, объектам природы,
- доминирующей выступает потребность в близких контактах со сверстниками,
- наблюдается образование устойчивых микрогрупп в детском коллективе в соответствии с симпатиями и интересами,
- сверстники воспринимаются как значимая личность вне зависимости от их эмоциональных проявлений,
- наблюдается преобладание внеситуативно-познавательного и внеситуативно-личностного общения.

Таким образом, мы можем сделать вывод о результативности разработанной нами программы социокультурного развития детей дошкольного возраста, возможности и необходимости ее более широкой апробации и внедрения.

Литература

1. Выготский Л.С. Проблемы психического развития ребенка / Хрестоматия по психологии. М., 1977.
2. Люблинская А.А. Очерки психического развития ребенка. М., 1965.
3. Лисина М.И. Общение, личность и психика ребенка. Москва, 1997.

Троцкий А.Р.,

Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ

«Мы фиксируем очень глубокие проблемы, и в нашем образовании, и в нашей науке, - сказал Ливанов (министр образования и науки Российской Федерации с 21 мая 2012 года). - За последние 20 лет мы полностью утратили международную конкурентоспособность в этих сферах. Мы ее просто потеряли. То, что мы имеем сегодня, это не соответствует даже минимальным требованиям»

(http://www.edu.ru/index.php?page_id=5&topic_id=3&sid=23851).

Высокое качество подготовки специалистов – залог будущего России как самостоятельной, сильной и процветающей страны с устойчивым развитием. Только качественно подготовленные специалисты могут создавать качественную, а значит, высококонкурентную продукцию, которая хорошо продаётся и приносит устойчивую прибыль. Благодаря этому и богатеют предприятия, люди, государство.

Однако неконкурентоспособность отечественной продукции изначально заложена в образовательные стандарты высшего профессионального образования нового поколения для создателей продукции – конструкторов и технологов, которые при специализации назывались и называются инженерами, а теперь, согласно новым стандартам, называются бакалаврами и магистрами. Из инженеров вырастали и будут ещё какое-то время вырастать кандидаты и доктора наук, учёные и научные сотрудники профильных НИИ, которые тоже создают новую продукцию.

Например, возьмём направление подготовки 151000 - Технологические машины и оборудование. В базовой (обязательной) части основных образовательных программ бакалавриата (ООП) и магистратуры этого направления *нет дисциплин, которые в первую очередь необходимы для создания конкурентоспособной продукции*. К ним мы относим следующие основные дисциплины: 1) Теория

решения изобретательских задач (ТРИЗ), 2) Эргономика, 3) Техническая эстетика.

Отсутствие обучения *изобретательству* (его теории, алгоритмам, стандартам, практике) не позволит будущим специалистам создавать конструктивно конкурентоспособные изделия.

Отсутствие обучения *эргономике* как науке об удобстве изделия для потребителя не позволит будущим специалистам создавать эргономически конкурентоспособные изделия.

Отсутствие обучения *эстетике* не позволит будущим специалистам создавать эстетически конкурентоспособные изделия.

А изделия технически несовершенные, морально устаревшие, неудобные в использовании и некрасивые, – никому не нужны... Потребитель хочет иметь изделия, прогрессивные во всех отношениях. Любая вещь, чтобы её купили, должна быть красивой, удобной и конструктивно передовой. Поэтому и покупают потребители, в основном, продукцию импортного производства, обогащая зарубежных производителей, а не отечественных.

Эти соображения в поведении потребителя (красоты, удобства, технического совершенства) действуют не только при выборе одежды, обуви, автомобилей и т. д., но даже при выборе мусорных баков (см. рисунок).

А если у предприятия нет продаж, то нет, конечно же, и прибыли (а значит, достойных зарплат). Также нет и налоговых отчислений бюджеты различных уровней (следовательно, нет денег на образование, здравоохранение, армию, социальные программы и т. д.), да и работы, в итоге, тоже нет. И всё это – потому, что наших инженеров, инженеров-технологов и инженеров-конструкторов не научили создавать конкурентоспособную продукцию.

В советское время этому тоже не учили (автор доклада по первому образованию – инженер-механик, специальность – «Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты»). Но тогда и в помине не было конкуренции. Другое дело – сейчас, когда на наши рынки хлынула и заполонила их импортная продукция. И наши предприятия стали банкротиться и закрываться, потому что их продукция не выдержала конкуренции с импортной.

То есть в настоящее время (имеется в виду 2011/2012 уч. г.; именно с этого года мы перешли на двухуровневую систему подготовки выпускников вузов) неконкурентоспособность продукции отечественной промышленности заложена Министерством образования и науки Российской Федерации во главе с А. Фурсенко в новые образовательные стандарты (в это время «Бывший министр образования, а ныне помощник президента Андрей Фурсенко получит в свое распоряжение специально созданное под него новое управление президента по научно-образовательной политике», сообщает сайт <http://www.kommersant.ru/doc/1967938>).

Полагаем, что обучение по таким стандартам – *троянское обучение*. И стандарты должны быть пересмотрены в сторону включения в число обязательных дисциплин тех, без изучения и освоения которых наши предприятия существовать не смогут. Сборочные предприятия, может быть, и смогут, но их создание – это не выход. Это мера вынужденная и, хочется надеяться, временная. Нам свои производства нужно иметь, причём с полным циклом, и по своим патентам, а не по лицензиям. Потому что продукция с полным циклом лицензионного производства – это тоже не решение проблемы. Хотя журналисты и говорят иногда, что та или иная продукция – российского производства, однако зачастую это не так. Российская лишь сборка, а комплектующие-то производят на Западе... А вдруг испортятся отношения между странами... Или произойдёт дефолт, как было в 1998 г. и падение курса рубля... Или аннулирование лицензии... И тогда сборочные заводы иностранной техники в России встанут, как и лицензионные производства, а то и закроются. Миллионы наших людей могут остаться без работы.

Без собственного производства страна не может долго оставаться независимой. Когда закончатся природные ресурсы, и иссякнет основной источник доходов России, – только собственная промышленность даст необходимые средства.

Когда спрашиваешь студентов, какой главный фактор на производстве, они часто отвечают: люди. Но какие люди? Возьмём для примера Московский завод малолитражных автомобилей – ЗМА или МЗМА (с 1945 по 1968 год); Автомобильный завод имени Ленинского Комсомола – АЗЛК (с 1968 до 1992 год); ОАО «Москвич» (с 1992 до 2010 года). Он выпускал автомобили марок «КИМ» и «Москвич». Завод был признан банкротом в 2006 году и ликвидирован в 2010 году. Фактически прекратил выпуск автомобилей в 2001 году. Людей в наиболее удачные годы на АЗЛК работало до 25 тысяч человек (<http://www.eifgaz.ru/sup28-11.htm>), но создать конкурентоспособный автомобиль

они так и не смогли.

В январе 2008 года один из самых известных брендов республиканской промышленности – мотоциклы «Иж», выпускаемые с 1929 года, прекратил свое существование (<http://www.eifgaz.ru/sup28-11.htm>). В сентябре 2006 года воронежский экскаваторный завод был признан банкротом решением арбитражного суда Воронежской области (<http://www.eifgaz.ru/sup28-11.htm>). Причина всё та же – неконкурентоспособность продукции.

Поэтому главный фактор на предприятии, полагаем, – *люди, способные создать продукцию, пользующуюся спросом*. *Создать* означает не только *изобрести* (придумать), но и *произвести* (изготовить). Но главное – *изобрести*. И вот этому главному моменту в деятельности инженера как не учили в наших вузах, так и не учат, и учить, как видим, не планируют. Потом, конечно, нужно запатентовать изобретение, иначе богатеть будут другие люди, а не те, кто изобрёл – увы, плагиат, присвоение и несанкционированное использование чужих идей существуют... Такова психология человека....

Учить нужно и рабочих изготавливать продукцию качественно, а не как получится. Хотя и внедряются стандарты системы менеджмента качества серии ИСО, однако прогресс в качестве нашей продукции что-то не виден. Поэтому мы по-прежнему предпочитаем технику не только придуманную, но и изготовленную и собранную в Европе или Америке, а не в России или Китае. То же можно сказать об одежде, обуви, программах, технологиях и т. д.

Исходя из вышеизложенного, *первый путь повышения качества подготовки специалистов – это корректировка образовательных стандартов путём введения в число обязательных дисциплин тех, изучение которых позволит создавать конкурентоспособную продукцию*.

О преподавании. При современном уровне зарплаты доцентов и профессоров не столичных, периферийных российских вузов, ожидать высокого уровня подготовки выпускников – по меньшей мере, наивно. Зарплата просто мизерная, у доцента – как у продавца магазина: с надбавками начисляют на одну ставку 13 554 руб. Поэтому преподаватели работают в нескольких местах, – на сколько хватает сил. А силы ограничены. Хроническое переутомление, эмоциональное выгорание, нервно-психическое истощение, синдром хронической усталости и т. п. ... И идёт негативная селекция – в вузах остаются лишь те, кому в доходном бизнесе мест не хватает, или кому поздно менять место работы. Преподаватели просто демотивированы – на фоне зарплат в сотни тысяч у работников силовых ведомств и др. понимаешь, что преподавательский труд государство не ценит.

Поэтому второй путь повышения качества подготовки специалистов – это повышение зарплаты преподавателям. Указ № 1 первого президента России остаётся до сих пор не выполненным.

О качестве литературы для вузов. Литература для, например, современных экономических специальностей, бывает такого низкого качества, что о высоком качестве подготовки специалистов говорить не приходится. Возьмём для примера пирамиду А. Маслоу. В 1943 году Маслоу издал работу «Теория человеческой мотивации», где описал пять видов потребностей: физиологические, в безопасности, в принадлежности и любви, в уважении, самоактуализации. Затем в 1967 г. добавил эстетические, а в 1968 г. – познавательные (когнитивные) потребности. И его книга «Мотивация и личность» в России давно издана, и в ней на с. 69–72 описаны базовые когнитивные потребности, а на с. 72 – эстетические. Но, тем не менее, большинство авторов-психологов по-прежнему приводят пятиуровневую пирамиду, и также поступают все авторы-экономисты. Например, авторы учебника «Основы менеджмента», рекомендованного Министерством образования Российской Федерации для студентов вузов, обучающихся по специальности «Менеджмент организации» А.К.Семенов, В.И.Набоков, на с. 144 дают пятиуровневую пирамиду вместо семиуровневой. То есть будущие менеджеры даже не будут знать, что у и человека-работника, и у потребителя, есть эстетические и информационные потребности. Как же они будут работать без этих знаний?

Кроме того, данные авторы придерживаются позиции учёных, которые выделяют следующие пять функций управления: *планирование, организация, мотивация, контроль, координация* – см. с. 104 (А.К.Семенов, В.И.Набоков, 2008). А где, собственно, управление, т.е. *воздействие* – распорядительством, как это было предложено А.Файолем в 1916 г.? Ведь, по словам Анри Файоля, «управлять означает планировать, организовывать, распоряжаться, координировать и контролировать». Распорядительства у А.К.Семенова, В.И.Набокова – нет! Как нет его у Мескона с соавторами, и у многих других авторов. И это имеет весьма далеко идущие негативные последствия для нашего экономического образования и судеб студентов.

Возьмём такую популярную специальность как «Управление персоналом». Туда стремятся поступить и поступают абитуриенты с высокими баллами, выдерживая серьёзный конкурс. А потом оказывается, что никакого управления персоналом нет и не будет, а будет следующее: *расчёт численности персонала (планирование), подбор кандидатов на вакантные должности, набор, отбор, найм, определение зарплаты и льгот, адаптация, аттестация, обучение, перевод, увольнение*. То есть будет работа в отделе кадров, который, как известно, вообще-то сам ничего не решает, а только оформляет документацию – решения руководства, в том числе и по зарплате (если нет тарифных сеток); приказы, трудовые книжки. И узнают об этом студенты лишь тогда, когда приходят на практику. Для некоторых студентов это открытие становится настоящей драмой. И всё потому, что создатели специальности исходили из определения управления как совокупности четырёх функций: планирования, организации, мотивации, контроля (М.Мескон и др., 1998). *Планируется* в рассматриваемом случае всего лишь численность персонала, а не деятельность, *организация* труда лишь формальная, как своевременное оформление соответствующей документации; *мотивация* – по указанию руководителя или по существующим расценкам труда, а *контроль* как проверка хода деятельности с целью его коррекции вообще отсутствует. Или работник отдела кадров какой-то контроль выполнит – например, трудового распорядка, трудовой дисциплины, но контролировать ход производственного процесса и показателей деятельности, конечно же, не сможет. А именно это является основным видом контроля.

Аналогичная ситуация сложилась и с другими понятиями: *управление качеством и управление денежными потоками*. Студентов специальности «Управление качеством» готовят для работы в отделе технического контроля (ОТК). Да, всего лишь для контроля соответствия полученных в процессе изготовления параметров изделия тем, которые установлены конструкторами или технологами. И никакого воздействия на качество они осуществлять не будут! Воздействие на качество, его обеспечение – это дело механиков, конструкторов, технологов, наладчиков оборудования, рабочих и менеджеров, а не работников ОТК. Опять получился обман абитуриентов, и всё по той же причине: неверного понимания управления.

Управление денежными потоками звучит многообещающе... Вот многие дипломники и выбирают эту тему. А на самом деле никакому *управлению денежными потоками* выполнение дипломной работы их научить не сможет, если исходить из материалов соответствующих учебников, книг, статей и диссертаций... Нам нигде не удалось обнаружить полномасштабного, многогранного, исчерпывающего описания процесса управления денежными потоками. Покажем это на примерах.

В электронном журнале «Аудит и финансовый анализ» Н.Н.Хахонова перечисляет те действия, которые включает в себя процесс управления денежными потоками (Н.Н.Хахонова, 2003):

- 1) составление бюджетов денежных потоков;
- 2) полный, своевременный и достоверный учет операций с денежными средствами;
- 3) контроль (аудит) законности совершения расчетных операций и правильности их отражения в учете;
- 4) анализ денежного потока;
- 5) определение оптимального уровня денежных средств;
- 6) прогнозирование денежных потоков.

Мы видим, что никакого воздействия на денежные потоки, т. е. управления ими, не. Есть планирование и прогнозирование, учёт, контроль, анализ, определение оптимального уровня денежных средств.

Автор далее указывает, что приток денежных средств осуществляется за счет выручки от реализации продукции (услуг, работ) и т.д., но методов воздействия на объёмы реализации, а значит, и выручки не рассматривает.

Н.И.Морозко пишет по этому же вопросу (вопросу управления денежными потоками) следующее (Морозко, 2009, с. 12): «Общим содержанием всех приёмов финансового менеджмента является воздействие финансовых отношений на величину финансовых ресурсов. К приёмам управления движением финансовых ресурсов и капитала относятся: системы расчетов и их формы; кредитование и его формы; депозиты и вклады (в том числе в драгоценные металлы и за рубежом); операции с валютой; страхование (включая хеджирование); залоговые операции; трансферт; трастовые операции; текущая аренда; лизинг; инжиниринг; трастинг; франчайзинг».

Вот и всё, других приёмов воздействия на движение финансовых ресурсов и капитала автор не

приводит... Но ведь основной, операционной деятельности, которая и даёт увеличение денежного потока, здесь вообще нет. Хотя на с.81 видим: «Реализация товаров и услуг – заключительный и жизненно важный этап оборота средств. Успешность данного этапа зависит от множества внутренних и внешних факторов, в том числе от эволюции и качества производимой продукции, от хода и процесса производства, от спроса, интенсивности конкуренции, рекламы и т.д.». Но опять же – сами факторы не рассматриваются, как и воздействие на них. Следовательно, *третьим путём повышения качества подготовки специалиста является повышение качества учебной литературы*.

Этому поможет создание терминологических стандартов для дисциплин учебных планов и осознание того факта, что не критическое восприятие подходов зарубежных, и особенно американских авторов, может привести к дезинформации и дезориентации – и абитуриентов, и выпускников вузов.

Литература

1. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / А.Маслоу. – СПб.: Питер, 2003. – 352 с.
2. Мескон М.Х. Основы менеджмента : [пер. с англ.] / М.Х.Мескон, М.Альберт, Ф.Хедоури. – М.: Дело, 1998. – 800 с.
3. Морозко Н.И. Финансовый менеджмент: учеб. пособие / Н.И. Морозко – М.: Всероссийская государственная налоговая академия, 2009. – 198 с.
4. Семенов А.К. Основы менеджмента: учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. / А.К.Семенов, В.И. Набоков. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К⁰», 2008. – 556 с.
5. Файоль А. Общее и промышленное управление / А.Файоль. 1916.
6. Хахонова Н.Н. Управление денежными потоками предприятия // Аудит и финансовый анализ / Н.Н.Хахонова. – 2003 г. – №4. <http://www.rae.ru/use/pdf/2004/01/Hahonova.pdf>

Федорова Н.В.,
МосГУ, Москва

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ОРГАНИЗАЦИЮ, В ПРОЦЕССЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Инновационное развитие России происходит в определенных условиях и под влиянием ряда значимых факторов. Выходя за пределы государственного уровня управления инновационным развитием, позволим себе остановиться, в первую очередь, на внешней среде деятельности организации, которая подвержена влиянию следующих факторов: создание общества товарного изобилия; изменение различных институтов; усиление глобализации; формирование экономики знаний и глобальных рынков труда; информатизацией общества и пр.

Выделим наиболее важные и требующие объяснения факторы. Снижение роли института национального государства происходит по мере интернационализации бизнеса. С экономической точки зрения, национальное государство теряет власть. Это объясняется, в первую очередь, глобализацией экономики. Сегодня рынки виртуальны и интернациональны, причем это касается рынков товаров, услуг, труда, финансов, информации. Во вторую очередь, растет значение международных альянсов в процессе решения масштабных задач, например, загрязнение окружающей среды, бедность, безработица и т.д. Кроме того, транснациональные компании не «мыслят» на уровне национального государства и работают со всеми интересующими ее партнерами независимо от национальной принадлежности.

Глобализация базируется на открытии, дерегуляции и приватизации национальных экономик с целью укрепления их конкурентоспособности и привлекательности для иностранных субъектов деятельности. Таким образом, под глобализацией следует понимать объективную тенденцию интернационализации разнообразных областей человеческой жизни, оказывающую преимущественное влияние на деятельность субъектов международно-экономических отношений, ведущую к образованию единой международной, социально-экономической, политической, правовой и информационной системы, в которой каждый ее элемент выступает как часть глобального международного организма.

Последняя треть XX в. и начало XXI в. внесли принципиально новые черты в развитие и

становление глобальной среды бизнеса, которые стали проявляться в различных сферах и различных формах:

1. *Глобализация техносферы.* Образовалось мировое технологическое и информационное пространство, связанное сетью транспортных и коммуникационных сетей. Однако оно не однородно: технологический разрыв между странами многократно увеличился, что привело к монополизации технологически развитыми странами своеобразной «технологической «квасиренты»».

2. *Экономическая глобализация* – это рост взаимозависимости экономик всех стран мира, в основе которого – углубление интернационализации производства и капитала. Интеграционные процессы в мировой экономике достигли такого уровня и прочности, что позволяет говорить о создании глобальной экономики со своими собственными закономерностями, тенденциями развития, механизмами функционирования.

3. *Геополитическая глобализация.* В современном мире ни одна страна, ни один центр силы не может определять и осуществлять свои стратегические цели во внешней политике без учета сложного и неустойчивого геополитического равновесия, многозвенных политических связей и зависимостей.

4. *Социокультурная глобализация.* Наиболее сложен и противоречив рисунок тенденций глобализации в социокультурной сфере, который включают в себя изменения в области науки, культуры, образования, этики, идеологии, демографической ситуации, образовательного уровня, системы здравоохранения и социального обеспечения, трудовой мобильности, привычек и увлечений людей, их образа жизни, приоритетов поколений (ценностей людей), традиций и т.п. Эти явления носят все более глобальный характер, осуществляется обмен идеями и учеными; формируются общие контуры системы непрерывного образования ориентированного на креативную педагогику, опирающегося на информационные технологии; развивается международный обмен культурными ценностями. Однако с одной стороны, с помощью информационных сетей распространяется обезличенная, лишенная национального содержания массовая антикультура; размываются прежние нравственные устои и семейные ценности. С другой стороны, наблюдаются противоположные тенденции, связанные с влиянием мировых религий, с возрождением и обособлением национальных культур, педагогических школ, индивидуализацией процесса образования, появлением новых религиозных сект и течений, усилением самобытности личности и семьи.

5. *Экологическая глобализация.* Современные технологии, которые представляют технологическую основу глобализации, должны создать предпосылки для сохранения единой экологической системы на Земле и, прежде всего, сохранения невозобновимых природных ресурсов, без которых невозможно продолжение жизни. Экологическая глобализация должна способствовать созданию ситуации, при которой экономическое развитие не находится в противоречии с законами природы. Знание законов природы должно способствовать их пониманию, чтобы стремление обуздать природу не входило в противоречие с потребностью ее сохранения как среды обитания человека.

6. *Правовая глобализация,* которая представляет процесс формирования новой, общемировой системы правовых норм, организующих и обеспечивающих глобальное межгосударственное взаимодействие в различных сферах жизни современного общества, в процессе которого международное и национальное право, а также право международных хозяйственных объединений оказываются в состоянии тесной взаимозависимости. Можно говорить, что в ходе глобализации создается новый мировой порядок, который постепенно закрепляется в системе соответствующих международных соглашений, в реформе существующих и (или) создании новых международных институтов или в неформальных, но де-факто признаваемых новых «правилах игры».

7. *Глобализация рынков труда.* Формирование глобального рынка труда приводит к изменениям в содержании труда в сторону значительного снижения таких операций, которые требуют от работника умения заниматься, в основном, монотонным однообразным трудом. В противовес этому резко возрастает значение творческого труда, требующего умения и способности человека к ориентированию в потоках информации, широко и концептуально мыслить, быстро принимать верные решения, порой имея неполную и противоречивую информацию. Интеллектуализация труда, являясь глобальной тенденцией развития общественного труда, становится стимулом модификации отношений занятости, в результате чего возникает ее инновационный тип, т.е. в современном обществе, благодаря интеллектуализации труда, появляется совершенно новый тип занятости.

Подводя итоги вышесказанному, стоит отметить, что изменение среды бизнеса требует изменений во внутренней среде организации, ее действий во внешней среде, что обеспечивается наличием

квалифицированной рабочей силы для осуществления деятельности в сложных, меняющихся условиях деятельности. Опыт развитых стран показывает, что вероятность оказаться без работы уменьшается с ростом квалификации (Белая книга по образованию и подготовке кадров. Европейская комиссия, 1995; Образование взрослых и прогресс, Бонн, 1994). Следует также учесть, что рыночная система меняет не только экономическую политику управления народным хозяйством, но и требования к рабочей силе, формирует новые критерии хозяйственной мотивации. Поэтому не вызывает сомнений актуальность новых подходов к разработке теоретических положений и практических рекомендаций по формированию государственной кадровой политики в области использованию трудовых ресурсов и регулированию занятости населения в целях ее рационализации, определения конкретных практических методик управления процессами формирования и использования трудовых ресурсов с учетом региональных особенностей.

Однако процесс формирования трудовых ресурсов с новыми качествами должен происходить и на государственном уровне, и на уровне конкретного хозяйствующего субъекта.

Конец XX и начало XXI веков являются историческим поворотом в развитии цивилизации, когда воспроизводственные процессы базируются на высокопрофессиональных работниках, их знаниях и навыках, что взывает к жизни много видов работ, требующих творческого начала.

Развитие общества стало базироваться на знаниях. Это привело к новой философии менеджмента, заключающейся в том, чтобы «делать знания» производительными, основные положения которой характеризуются следующими моментами:

- ставка делается на человека профессионального и корпоративного;
- организация рассматривается как живой организм, состоящий из работников, объединяемых совместными ценностями;
- организации должно быть присуще постоянное обновление, питающееся внутренним стремлением и нацеленное на приспособление к внешним факторам, главным из которых является потребитель.

Учет основных тенденций и факторов в современном менеджменте позволит сыграть «свою роль» организации в процессе инновационного развития России.

*Финогенов В.В.,
ФГБНУ ВНИИТЭ, Москва*

ВЛИЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ НАЦИИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

В развитых странах принято определять социальное благополучие общества по критериям рождаемость-смертность, детская смертность (в течение первого года жизни) и количество самоубийств в структуре смертности населения. Косвенными показателями здоровья нации служат показатели инвалидизации населения и аутодеструктивного поведения (алкоголизм, наркомания и другие аддикции).

Стратегически главной целью государства является повышение уровня и качества жизни населения (по Конституции – создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека). Основа для решения социальных проблем – высокие темпы устойчивого экономического роста. Для этого надо, прежде всего, поддерживать макроэкономическую стабильность (низкую инфляцию и стабильность нац. валюты), совершенствовать налоговую систему, обеспечить защиту прав собственности. Благодаря этому будут созданы благоприятные условия для инвестиций и предпринимательства, создания новых рабочих мест, роста з/п. Базовыми стратегическими отраслями являются: транспортная, коммуникационная и энергетическая инфраструктуры, передовые технологии и инновации. Создание условий для будущего развития – важная миссия социально-ответственного государства. Но чтобы обеспечить макроэкономическую стабильность с внедрением передовых технологий, необходимо иметь стабильный человеческий ресурс с восполняемым потенциалом здоровья (Ананьев, 1996).

Здравоохранение должно решать задачи повышения доступности и качества медпомощи, повышения роли первичной медпомощи и профилактики заболеваний за счет обеспечения

амбулаторно-поликлинической помощью и дневными стационарами. Необходимо повысить долю финансирования здравоохранения через систему ОМС.

Отдельная задача – популяризация здорового образа жизни - удельный вес детей и молодежи (5-30 лет), регулярно занимающихся в спортивных секциях и клубах, должен расти в геометрической прогрессии. Просвещение населения в контексте здорового образа жизни на всех уровнях и на протяжении всей жизни человека играет главную роль в сохранении здоровья и работоспособности, что детерминирует экономический рост как объективная инварианта. Для сохранения и приумножения здоровья населения необходимо решить жилищную проблему - расширение масштабов ипотечного кредитования и жилищного строительства. Необходимость повышения уровня социальной защищенности в контексте сохранения здоровья населения очевидна - выплата пенсий (трудовых, социальных и военных) должна индексироваться в соответствии с коэффициентом инфляции (Васильева, Филатов, 2001). Все перечисленные меры способствуют улучшению качества жизни человека – повышают благосостояние, увеличивают длительность жизни и снижение смертности, - способствуя здоровьесбережению.

Постоянное пребывание в ситуации низкого уровня качества жизни, как среде стрессогенной, приводит к дезадаптации, поскольку это и процесс и результат отношений государство - гражданское общество, блокады потребностей, аккумуляции мотивационных конфликтов и в целом эксплуатации человека человеком. Данный дезадаптационный процесс выливается в физическое неблагополучие в связи с нарастающим истощением психики человека – в результате наблюдается рост психосоматической патологии, как-то онкозаболеваний, сердечно-сосудистой патологии, заболеваний желудочно-кишечного тракта и т.д.

Преморбидные состояния выражаются в повышенном уровне тревожности, в фрустрированности, а также в «синдроме выгорания». Причем «синдром выгорания» является следствием крайне полярных стилей поведения при столкновении интересов, а в контексте больших социальных групп – в столкновении интересов государства и гражданского общества.

Современные подходы в исследовании стресса предполагают рассмотрение не только индивидуально-психологических факторов, провоцирующих развитие дистресса, а также позволяют построить интегральную схему анализа стресса в парадигме «человек-общество-государство» (Хашченко, 2005).

Для исследования стрессогенных воздействий и оценки различных уровней проявлений стресс-реализующих реакций используются в основном методики: Водопьянова, Старченкова (2001), Леонова (1984), Леонова, Величковская (2000, 2002), Леонова, Капица (2003).

- Опросник трудового стресса
- Дифференциальная оценка трудоспособности
- Шкала дифференциальных эмоций
- Степень хронического утомления
- Стилль работы и общения

При исследованиях выявлены субъективные особенности восприятия жизни:

- Осложненность временным дефицитом,
- Интенсивность психологических нагрузок,
- Множество кризисных ситуаций,
- Неадекватная оплата труда,
- Осознание значимости своей жизни,

Также проведенный анализ стресс-факторов показал, что наиболее объективными стресс-факторами современного человека являются:

- недостатки в организации работы
- интенсивные временные психологические перегрузки
- моральная неудовлетворенность результатами труда
- материальная неудовлетворенность
- неуверенность в стабильности места работы

Стрессогенные факторы приводят к психическому истощению, субъективно трактуются человеком как однообразие, скука, отсутствие смысла и интереса к жизни. То есть это отражение монотонии интенсивности психических нагрузок, связанных с низким уровнем качества жизни (Сайко, 2000).

Накапливающаяся усталость в нервной системе проявляется в состоянии хронического

переутомления, астенизации организма и развитии психосоматической патологии – в итоге состояние здоровья населения в стране в целом ухудшается, смертность растет, количество аддикций увеличивается, что сказывается на экономическом развитии страны.

*Чиркунова Е.К.,
Самарский государственный архитектурно-строительный университет, Самара*

ИННОВАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ*

*Исследование выполнено в рамках государственного задания по теме научно-исследовательской работы: «Социально-экономические аспекты управления народным хозяйством и общественным благосостоянием».

Современная глобальная информационная революция несет кардинальные перемены для каждого индивида, хозяйствующего субъекта, общества в целом. Некоторые ученые позитивно оценивают происходящие трансформации и считают информационную революцию – главным содержанием новой эры в развитии человечества. Другие призывают взвешенно относиться к происходящим изменениям, критически относиться к ним, поскольку последствия информационной революции нередко негативны. Но, тем не менее, официальные документы правительства, научная литература говорят нам о вступлении в «Инновационное развитие экономики России», инициирующие инновационную модернизацию российской экономики.

Встает вопрос о ресурсном обеспечении предстоящего инновационного развития экономики России. На наш взгляд, он предполагает возможность различных макроэкономических вариантов, в качестве главных целевых установок которых могут, вероятнее всего, служить показатели, интегрируемые таким общемировым индикатором, как индекс человеческого развития (ИЧР) страны: производство ВВП на душу населения, средняя продолжительность жизни и уровень образования граждан. В решающей мере достижения в этих областях определяются эффективностью экономики, которая (эффективность) в конечном счете, зависит от высоты производительности труда в общественном материальном производстве. Можно считать, что главный ресурс (или ресурсы) инновационного развития экономики страны заключен в источниках и факторах роста производительности труда.

В нынешних условиях общественного воспроизводства в России изменилась структура социально-экономических ценностей общества, оценка общественного благосостояния, значение и роль человека в социальной сфере и динамике общественного развития. В этих условиях человеческая личность представляет собой важнейший компонент общественного богатства, конечный результат экономического функционирования одновременно и капитальное средство последующего развития. Поэтому человеческий капитал проявляет себя как ценностная оценка способностей и возможностей общества к осуществлению трудовой деятельности.

Инновационная политика государства представлена научно-техническим и социально-экономическим состоянием страны, которое выражается рациональным использованием инвестиций в основной и человеческий капитал. Исходным моментом в планировании инвестиционной деятельности в обществе является разработка и обоснование целенаправленной экономической стратегии государства. В хозяйственной практике она трансформируется в планы и инвестиционные программы на среднесрочные и текущие периоды. Для реализации инновационных преобразований, безусловно доминирующей составляющей инвестиционной политики государства должно стать развитие и расширение вложений в человеческий капитал (образование, науку, подготовку рабочей силы, здравоохранение, культуру и искусство).

По оценкам ученых, национальное богатство наиболее развитых стран мира составляют не столько физический или экономический капитал и природные богатства, сколько человеческий капитал. При определении приоритетов расходования государственных и частных фондов основная часть социальных затрат в человека должна находиться наравне с инвестициями в материальную сферу и даже превосходить их.

Если рассмотреть расходы на образование в % от ВВП в мировом сообществе, то можно отметить, что самая низкая доля принадлежит России 3,9% ВВП при рекомендуемом ВОЗ уровне в 5% ВВП.

Страны ОЭСР в среднем выделяют на образование 13,3 % ВВП суммарных государственных расходов. В Чехии, Италии и Японии он варьирует от 10 до 12%, а в Мексике составляет 22% (Education at a Glance, 2011, с. 39-40).

Сопоставим бюджетные расходы на 1 студента на обучение в вузах ОЭСР и России. Так, в США они составляют 24 тыс. 370 долл., в Канаде –20 тыс. долл., в Великобритании – 12 тыс. долл., в России – 3 тыс. 421 долл. Таким образом, расходы ниже в 4-7 раз, чем в странах мира. Эта ситуация может усугубиться в последующие годы, поскольку в государственных планах сокращение расходов на образование в 2013 г на 7,4 % , в 2014 г на 10,6% (Вечканов, 2012, с.19).

Капиталовложения такого рода получили в США, а затем и в других странах название инвестиций в «человеческий капитал» (Human capital (HC). Человеческий капитал - особый вид капиталовложений, совокупность затрат на развитие воспроизводственного потенциала человека, повышение качества и улучшения функционирования рабочей силы (Экономическая энциклопедия, 1999, с.275).

Стоимость национального человеческого капитала в разных странах представлена в таблице 1.

Таблица 1. Стоимость национального человеческого капитала в 2010 г. (см: Корчагин)

Страна	Индекс эффективности ЧК	Доля инновационной экономики	На душу населения тыс.долл., ППС
США	1, 225	0,9	1255,6
Япония	0,93	0,8	612,4
Германия	0,93	0,7	565,9
Великобритания	0,855	0,44	315,2
Китай	0,49	0,15	19,1
Индия	0,37	0,1	3,8
Россия	0,3	0,1	14,5

Как видно из таблицы 1 в России стоимость человеческого капитала ниже по отношению к развитым странам и даже уступает Китаю.

Затраты на здравоохранения – стратегические инвестиции в человека. Они жизненно необходимы при нынешней демографической ситуации, поскольку по оценкам экспертов Института демографии Высшей школы экономики, к 2015 г. трудовые ресурсы страны сократятся на 8 млн. чел., а к 2025 г. - на 19 млн. чел. (Численность и возрастная структура населения России). В соответствии со средним вариантом перспективных расчетов, выполненных Росстатом, опережающими темпами будет сокращаться численность населения трудоспособного возраста. В то время как численность всего населения к 2026 г. уменьшится на 4,3%, численность трудоспособного - на 16,4%. Это приведет к снижению в возрастной структуре доли данной группы с 63,2% в 2008 г. до 55,1% к 2026 г. В результате общая демографическая нагрузка на 1000 лиц трудоспособного возраста возрастет с 582 до 812 чел., в том числе нагрузка детьми составит 334 чел., а лицами старше трудоспособного возраста - 478 чел.

Современные подсчеты характеризуют экономические потери от заболеваемости, инвалидности и смертности и они весьма значительны. Экономический ущерб, обусловленный заболеваемостью населения, связан с затратами на лечение и выплатами по социальному страхованию и кроме того, в результате временной утраты трудоспособности занятыми в экономике теряется часть выгоды в производстве ВВП. Так, за 2010 г. он составил 289,1 млрд. руб. (64,8 млрд. долл.)

Здоровье людей ухудшилось: первичная заболеваемость в 1998-2010 гг. возросла на 15%. По данным ВОЗ в России наблюдается эпидемия туберкулеза. Каждая шестая семейная пара не может иметь детей – а это напрямую связано с уровнем абортов. 1,2 млн. абортов было сделано в 2010 году. Средняя продолжительность здоровой жизни для российских мужчин составляет всего 55 лет (продолжительность - 64 года). В стране насчитывается 700 тыс. инвалидов трудоспособного возраста, а общее их количество – 16 млн. человек. За последние годы в стране произошло увеличение смертности населения в трудоспособном возрасте. Свыше 2 млн. человек зарегистрированы с диагнозом «алкоголизм». 331 тыс. человек официально состоят на учете в наркологических диспансерах. Расходы и потери в связи с заболеваемостью и инвалидностью населения составляют

от 6 до 13% ВВП. При такой тенденции к 2030 году можно потерять 17 млн. человек трудоспособного населения.

В современных условиях происходит понимание того, что, здравоохранение – это сфера с сильно ограниченной применимостью рыночных законов. Коммерциализация здравоохранения разрушительна, поскольку она подрывает доверие населения. К тому же уровень оплаты труда в России составляет только 30% от стоимости производимого продукта (в Англии, США, Японии и других странах – 60-70%) . По интегральным показателям здоровья население России занимает 130 место в мире. В этих условиях, на наш взгляд, требуется не сокращать государственные гарантии медицинской помощи и форсировать развитие платных услуг, а наращивать государственные инвестиции в здравоохранение.

Затраты на образование, здравоохранение и социальное обеспечение влияют не только человеческий капитал, но и человеческий потенциал. Человеческий потенциал воздействует на производственные процессы через посредство человеческого капитала. Человеческий капитал, выступающий, к примеру, в форме профессиональной квалифицированной рабочей силы принимает участие в формировании (создании) материальных ценностей при взаимодействии со средствами производства.

Формирующаяся в настоящее время концепция качества жизни содержит комплексную характеристику социально-экономических, политических, культурно-идеологических, экологических факторов и условий существования личности, положения человека в обществе. Качество жизни характеризуется такими условиями социальной сферы: состоянием здравоохранения, образования, культуры, доступности для людей предоставляемых им услуг, уровня социальной защиты населения (пенсии, пособия), а также возможности оздоровления и реабилитации, занятия спортом и приобщения к культурным ценностям в публичных библиотеках, музеях, театрах и т.д.

Для оценки качества жизни населения используются следующие индикаторы: индекс интеллектуального потенциала, человеческий капитал на душу населения, коэффициент жизнеобеспеченности населения.

Индекс интеллектуального потенциала отражает уровни образования населения и состояния науки в стране. При его расчете учитываются: уровень образования взрослого населения, удельный вес студентов в общей численности населения, доля расходов на образование в ВВП, доля занятых в науке и научном обслуживании в общей численности населения, доля затрат на науку. На его ухудшение в России, начиная с 2003 г., сказываются последствия реструктуризации сети научных организаций, которые усиливают тенденцию к снижению численности научных работников. Это приведет к тому, что в 2013 г. общая численность научного персонала прогнозируется на уровне 12,0% (это меньше, чем в предыдущие годы).

Поскольку одним из основных показателей качества жизни является ИРЧП, то подробное рассмотрение человеческого потенциала имеет большую значимость для оценки перспектив дальнейшего развития экономики России. Динамика человеческого потенциала разных стран мира представляет интерес, прежде всего в контексте международных сравнений по достигнутому качеству жизни населения.

Человеческий потенциал – это совокупность физических и духовных сил граждан, которые могут быть использованы для достижения индивидуальных и общественных целей – как инструментальных, так и экзистенциальных, включая расширение самих потенциалов человека и возможность его самореализации.

Человеческий потенциал неразрывно и двусторонне связан с деятельностью, которая, с одной стороны, лежит в основе его формирования, а с другой – служит формой его проявления. В процессе формирования человеческого потенциала создаются условия, предпосылки, основания, на которых «произрастает» человек с его способностями к действию. Здесь движение идет как от общества к человеку. При реализации человеческого потенциала движение идет от человека к обществу.

Наиболее известным индексом ООН, характеризующим качество жизни в определенной стране, является ИРЧП, рассчитываемый на базе трех показателей: ожидаемая продолжительность жизни, уровень образования и ВВП на душу населения. По данному индексу Россия находится на 71-м месте (2009 г.) в рейтинге 180 стран мира. Россия делит 114-115-е места по индексу продолжительности жизни, 30-33-е места по индексу образования, находится на 76-м месте по ВВП на душу населения (Информационный экспертно-аналитический ресурсный центр).

*Dauenhauer A., International Institute of Differential Psychology, Berlin
Ильясов И.И., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва
Нагибина Н. Л., Московский институт психоанализа, Москва*

ПОЗНАНИЕ КАК ЦЕННОСТЬ: ТИПЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Оценочность в познании, особенно это касается экспертных систем, связанных со стилевыми предпочтениями, становится не только тормозом в развитии, но приводит к нежелательным конфликтам, вызванным «вкусовщиной». «Правильно и неправильно», «хорошо и плохо», «мое – не мое» - подобными характеристиками пестрят результаты анализа творческих работ, учебных материалов и т.п.

Изучая состав психики, Штерн, Рибо, Кюльпе, Пфеффер, Баервальд, Юнг и другие ученые и практики еще на рубеже XIX-XX веков пришли к выводу о существовании устойчивых «диспозиций душевных сил». Штерн назвал их типами представлений. Познание зависит от некоторой установки (типа представлений), которая позволяет видеть в воспринимаемом стимуле определенное качество и оценивать в зависимости от этого степень воздействия стимула.

«Тип – это не существующая изолированно в каждом человеке душевная сила, а относительное преобладание одной диспозиции внутри структуры диспозиций, поэтому именно данное отношение должно быть исследовано у каждого в отдельности. Итак, если кратко сформулировать, установление типов происходит при помощи межиндивидуального сравнения внутрииндивидуальных соотношений диспозиций (предрасположений)» (Штерн, 1998, с. 130).

Все ученые солидарны в своих выводах: существуют люди, руководствующиеся либо субъектной, либо объектной логикой. «Объективный тип, как показал Баервальд, может быть как выражением неспособности включения в исследуемый процесс своего «Я» со всем его своеобразием, то есть результатом пассивного допущения его выталкивания объектом, так и признаком строгой дисциплины и благоговения перед объективной реальностью. Субъективный тип может, с одной стороны, быть основан на отсутствии торможения, на неспособности регулировать индивидуальное настроение и любые сцепления представлений при помощи объективных требований, с другой стороны, - на сильной внутренней активности, превращающей все пережитое в собственное действие, и на творческом даре придавать материалу, приходящему извне, собственную форму и настроение» (Штерн, 1998, с.141).

Некоторые ученые выделяют переходные или смешанные формы. Так, Байервальд выделяет «гармоничный» тип, в котором стратегия решения соответствует требованиям задачи и может легко варьировать. Этот тип лишен односторонности «субъективного» и «объективного» типов.

Нами было проведено эмпирическое исследование, целью которого было – определить шкалы («системы координат»), в которых люди предпочитают оценивать символы, связанные с познанием. Проверить существование субъектной, объектной и смешанной логики при выборе и трактовке символов познания.

Метод исследования. Из стандартного набора карточек Теста апперцепции символов (Нагибина, Афанасьева, 2000) необходимо было выделить те, которые относились к познанию и проинтерпретировать свой выбор по каждой карточке.

Испытуемые. Всего в эксперименте участвовало 75 испытуемых, среди них 26 студентов факультета госадминистрирования Института экономики и права в Берлине, 17 студентов факультета госадминистрирования Пермского государственного университета, 21 студент факультета психологии Московского института психоанализа и 12 студентов факультета психологии МГУ дизайна и технологии.

Результаты исследования. На основании анализа протоколов были выделены шкалы, которые лежат в основе классификаций:

Приятно – неприятно

Защита – угроза

Интересно – неинтересно

Анализ ряда макроэкономических показателей (национальное богатство, валовой внутренний продукт на душу населения, индекс потребительских цен, денежные доходы населения) показывает, что Россия обладает достаточными ресурсами, но занимает низкое место в рейтинге стран мира, поскольку использует их не эффективно. На наш взгляд, прогнозирование данных показателей должно стать рабочим инструментом формирования модели российского модернизированного хозяйства, направленной на преодоление экономического и технологического отставания России, качественного обновления промышленности, машиностроения, сельского хозяйства и др. отраслей экономики.

Эффективность использования человеческого капитала в первую очередь зависит от мобильности трудовых ресурсов - носителей человеческого капитала. Человеческий капитал должен достаточно быстро реагировать на изменения в глобальной экономике и перестраиваться на сферы деятельности, в которых его производительность выше. Причем важна как профессиональная, так и географическая мобильность. А для ее обеспечения опять-таки требуются институты: финансовые рынки и рынки жилья (ипотека и образовательные кредиты) и специфические институты рынка труда (мониторинг рынка труда, развитая система повышения квалификации и т.д.).

Доступность образования обеспечивает гражданам доступ к важному ресурсу человеческого развития. Вместе с тем, чтобы увеличить экономический эффект от получения образования, необходимо повысить его качество и привести его структуру и содержание в соответствие с текущими и будущими потребностями рынка труда. Минимальный уровень образования (девять и менее классов) практически лишает человека возможности продолжить образование в будущем и рассчитывать на повышение доходов и изменение социального статуса.

В современных российских условиях общественного воспроизводства изменилась структура социально-экономических ценностей общества, оценка общественного благосостояния, значение и роль человека и социальной сферы в динамике общественного развития. В этих условиях развитая человеческая личность представляет собой важнейший компонент общественного богатства, конечный результат экономического функционирования, одновременно его человеческий ресурс и капитальное средство последующего развития. Поэтому человеческий капитал проявляет себя как ценностная оценка способностей и возможностей общества к осуществлению трудовой деятельности.

Таким образом, инновационной составляющей развития экономики является человеческий капитал и инвестиционные затраты на качественное совершенствование человеческого потенциала страны, формирование способностей и потребностей ее населения плюс характеристика вклада этих невещных инвестиций в экономический рост, эффективность и конкурентоспособность.

Несомненно, что в качестве основы достижения стратегических целей инновационного развития экономики страны - инвестиции в человека должны быть включены отдельным блоком в соответствующие целевые программы развития. Это необходимо для достижения социальной справедливости, которая выступает в позитивной динамике современного общества. Призыв мирового сообщества способствовать выравниванию правил игры для всех стран, как в политической, так и экономической сфере, способствует интеграции двух основных направлений деятельности Всемирного банка – создания благоприятного для инвестиций институционального климата и расширения прав и возможностей бедных слоев населения (человеческого потенциала).

Литература

1. Вечканов, Г. Инвестиции: объемы, динамика, структура // *Экономист*. - №3. – 2012. – С.16-28.
2. Корчагин, Ю. Измерение национального НС [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=3&page=32>
3. Информационный экспертно-аналитический ресурсный центр о рынке гуманитарных технологий в России и за рубежом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2009/10/06/2192>
4. Численность и возрастная структура населения России // *Экономический портал* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://institutiones.com/general/1540-mediko-demograficheskaya-karakteristika.html>
5. *Экономическая энциклопедия* / под ред. Абалкина Л.И. – М.: Экономика, 1999. - С. 275.
6. Education at a Glance. OECD, 2011 indicators [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oecd.org/dataoecd/61/2/48631582.pdf> - Page 39-43z

Люблю – не люблю
Зло – добро
Жизнь- смерть
Тьма – свет
Мое – не мое
Порядок – хаос
Рациональное – иррациональное
Должно быть – не должно быть
Надо – не надо
Вред – польза
Свобода - плен
Закрытость – открытость
Отстраненность - вовлеченность
Внешнее – внутреннее
Субъективное – объективное

Часто шкалы органично сосуществовали в восприятии и трактовках символов.

Пример протокола 1: Познание мира - сущность, как мне сейчас кажется, жизнедеятельности. Ключ – это мой знак, символизирующий новый виток, который что-то новое открывает. Змея ассоциируется с какой-то мудростью, созерцательностью. Символ мудрости, отстраненной ото всех, наблюдает за всем, пытающийся своими знаниями что-то объяснить. Ну, книги, я без них жить не могу, мой основной источник открытий. Книжки не обязательно научные. Художественная литература, сказки, я в них могу найти что-то. Молоток – символ практической деятельности, которая вытекает из ключа, змеи, книг. Набираешь знаний, созерцаешь, открываешь дверки. А молоток – это достижения в жизни. Ну, а яблоко, символ молодости, не знаний, а молодости вечной. Стремление познавать. Да, конечно, чем больше знаешь, тем больше возможностей продлевать жизнь. Всегда быть интересной для людей, которые меня окружают. Мне нравится общаться. Хочется им рассказать что-то. Заинтересовать. Знания позволяют иметь много друзей, потому что у каждого тоже свой интерес. Жизнь как яблоко прекрасна.

Пример протокола 2. Колодец, книги вместе - глубина познания, стремление приобщиться к философским знаниям. Зеркало, яблоко, карты. Гадание, мистическое знание. Пещера. Стремление познавать в одиночку, размышляя над философскими проблемами. Шахматы – стремление к логической, красиво выстроенной линии доказательств. Солнце - символ гармонии мироздания. Некое содержание сути бытия.

Наше исследование подтвердило наличие устойчивых типов представлений, которые можно описать в рамках субъект-объектной сетки отношений человека с миром и собой. Отношение к познанию для каждого испытуемого, как правило, представляло собой органичную часть этих отношений. В познании некоторых испытуемых были сильны ассоциативные связи, часто подчеркивались этические моменты, высказывались оценочные суждения, «Я» являлось центром и мерилем каждого символа. У других испытуемых наблюдалось отношение к символам безотносительно к «Я». Сами символы (безотносительно к испытуемому) были знаком либо логики, либо мистики и интуиции и т.д. В некоторых случаях присутствие «Я» ненавязчиво и гармонично дополняло объектцентрированные интерпретации символов.

Исследование обозначило новые проблемы – возможность более точной диагностики и детализированного описания типа представлений, с целью использования полученных результатов в практике.

Штерн дает методологические ориентировки для дальнейшего исследования субъективного, объективного и смешанного типов.

Исследователям необходимо решать следующие задачи (Штерн, 1998, с.145-146):

1. Необходимо проверить возможно более различные области, в которых можно количественно измерить отношение субъекта к объекту:

- а) ясно ли проявляются различия в степени субъективности или объективности оценки;
- в) в каких различных симптомах в одной области результатов они проявляются;
- с) имеет ли их изменчивость лишь постепенный или истинно типичный характер.

2. При помощи проверки данных, полученных в различных областях на одних и тех же лицах,

дополнив их результатами подсчетов корреляций, необходимо исследовать, распределяется ли субъективности или объективности по различным психическим сферам.

3. Надо исследовать, имеют ли подтипы субъективного и объективного типов к области представлений и для других функций.

4. Хорошо было бы посмотреть как объективный и субъективный типы относятся к типам темперамента.

Литература

1. Артемцева Н. Г., Губанкова Н. Г., Ильясов И. И., Миронычева А. В., Нагибина Н. Л. Психологические типы. Когнитивные стили. Ч.4. Московский гуманитарный университет, 2003
2. Артемцева Н. Г., Ильясов И. И., Миронычева А. В., Нагибина Н. Л., Фивейский В. Ю. Познание и личность: типологический подход. М., Книга и бизнес, 2004
3. Нагибина Н.Л. Тест апперцепции личности. Методическое пособие. М., ПДР, 2011
4. Нагибина Н.Л., Дауэнхауэр А., Дауэнхауэр И., Елькина М.Е. Исследование ценности «власть» на сознательном и бессознательном уровнях у русских и немцев /Психологические и психоаналитические исследования. 2010-2011. М., Московский институт психоанализа, 2011
5. Штерн В. Дифференциальная психология и ее методологические основы. М., Наука, 1998.

Арендачук И.В.,

Саратовский государственный университет им Н.Г. Чернышевского, Саратов

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Проблема профессионализма личности является актуальной для современного общества и является активно разрабатываемой в различных междисциплинарных исследованиях. Это не случайно, поскольку эффективно общество может развиваться только в том случае, если во всех его сферах трудятся специалисты с высоким уровнем компетентности и профессионального мастерства, являющихся важнейшими составляющими профессионализма.

В психологическом аспекте проблема становления человека-профессионала оказывается тесно связанной с изучением его индивидуально-типологических и личностных особенностей, которые можно рассматривать как важнейший ресурс его успешного профессионального развития и достижения вершин профессионализма.

Рассмотрим данное положение применительно к специалистам социально-экономических профессий на примере преподавателей высшей школы. Социальная значимость их профессиональной деятельности обусловлена тем, что она не только детерминирована состоянием общества, но и оказывает влияние на состояние и развитие общественного сознания. Реализуя научную деятельность, преподаватели высшей школы способствуют развитию системы знаний о мире, а их педагогическая деятельность направлена на профессиональную подготовку специалистов для различных сфер функционирования общества, на их личностное и профессиональное развитие. При этом преподаватель не только транслирует знания и умения, необходимые для овладения профессией, но и является носителем культуры, норм поведения, особенностей сознания и самосознания определенной профессиональной группы, наряду с передачей социальных и культурных образцов создает условия самоопределения и способствует формированию основ профессионализма у будущих специалистов. И в этой связи «назначение преподавателя высшей школы видится в установлении новых жизненных и семантических правил, этоса интеллектуальной честности и профессионального призвания обучающихся» (Солнцева, 2003). К тому же проблема профессионализма особенно актуальна и для самих вузовских преподавателей, поскольку только профессионал высокого уровня может быть успешен в деле подготовки других профессионалов в соответствующей сфере деятельности.

Эмпирическое исследование, в котором приняли участие 154 преподавателя высшей школы (Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратовский юридический институт МВД РФ и Саратовский аграрный университет им Н.И. Вавилова), позволило выявить

индивидуально-психологические особенности, определяющие профессиональную успешность и уровень профессионализма в научно-педагогической деятельности. Так, среди индивидуально-типологических особенностей личности, изученных с помощью методики «Индивидуально-типологический опросник» (Собчик, 2003), были выявлены следующие свойства личности, которые определяли успешность преподавателей высшей школы:

- акцентуация тревожности и лабильности, обуславливающая компромиссность личности;
- сбалансированность черт экстраверсии и интроверсии, определяющая обращенность личности в мир реальных явлений, позитивную самооценку и стремление к самоутверждению;
- высокая поисковая активность и напористость, выраженность интериоризированного социального контроля (в силу проявления взаимосвязи черт тревожности и спонтанности);
- повышенная эмоциональность (чувствительность к явлениям окружающей среды и интенсивность выражения чувств);
- выраженная коммуникативность и индивидуальный стиль общения, направленный на вовлеченность в межличностные отношения (при заметном стремлении найти у референтной группы признание, занять значимую позицию).

По данным экспертного опроса, направленного на выявление личностных особенностей, определяющих высокий уровень профессионализма, было установлено, что в системе межличностных отношений преподаватели вузов особенно выделяют принципиальность, правдивость, трудолюбие, способность проявлять справедливость и отзывчивость. Среди интеллектуальных свойств преподаватели отметили такие черты, как наблюдательность, практическую направленность ума и любознательность – эти свойства более значимыми оказались для преподавателей с более высоким уровнем профессионализма (при стаже научно-педагогической деятельности более 10 лет). В группе эмоционально-волевых черт личности преподаватели особенно выделили бодрость, самообладание, уверенность в своих силах, личностную организованность, самостоятельность и осознанную дисциплинированность. В тоже время были отмечены такие черты личности, как общительность, критическое отношение к своим силам и требовательность к себе, выраженность которых по мнению преподавателей не только является показателем профессионализма, но и позволяет минимизировать формирование рисков в профессиональной деятельности.

Примечательно также, что преподаватели с небольшим (до 10 лет) стажем работы в вузе более нацелены на изучение нового (книг, идей, разных возможностей решения задач и т.д.), чтобы познать как можно больше; они более способны отстаивать свои идеи, не обращая внимания на реакцию других, ставить перед собой высокие цели и пытаться их осуществить, в случае возникновения трудностей допускает для себя возможность ошибок и провалов и могут рискнуть, чтобы узнать, что из этого получится. Профессионалы более высокого уровня (преподаватели, работающие в вузе более 10 лет) в большей степени рациональны, т.е. склонны обдумывать свои решения и действовать при возможно полной ориентировке в ситуации. Они также более ориентированы на решение сложных профессиональных задач – познание сложных явлений и идей, склонны ставить перед собой трудные задачи и решать их самостоятельно, проявляя настойчивость при достижении своей цели. В целом в структуре личностных свойств у преподавателей, работающих в вузе менее 10 лет, значительно выражены показатели склонности к риску и любознательности, а у работающих более 10 лет – показатели рациональности и предпочтения сложности в деятельности.

В общем, изучение индивидуально-типологических особенностей личности современного преподавателя высшей школы, позволило выявить три группы факторов, которые можно рассматривать как личностные ресурсы становления и развития профессионализма: в первой сгруппировались факторы, связанные с интересом к работе, во вторую вошли факторы, определяющие удовлетворенность трудом, в третью – отношениями с руководством. Анализ взаимосвязей позволил отметить, что:

а) относительно формирования интереса к работе факторами, определяющими профессионализм, могут стать такие черты личности, как высокая интеллектуальная активность, ориентированность на решение сложных профессиональных задач, позитивное отношение к деятельности, к людям и к самому себе;

б) факторами формирования общей удовлетворенности преподавателей своим трудом выступают проявляющиеся в чертах личности принципиальность, правдивость, справедливость, уверенность в своих силах, личностная организованность и самостоятельность;

в) фактором формирования профессионализма в системе межличностных взаимоотношений выступают ориентация на коллектив, выраженная коммуникативность.

Литература

1. Солнцева Н. Проблема мотивации: концептуальные основания. // Высшее образование в России, 2003. № 6. С. 97.
2. Собчик Л.Н. Психология индивидуальности. – СПб.: Изд-во «Речь», 2003. – 624 с.

*Беспалов Д.В.,
ФГБОУ ВПО Курский государственный университет, Курск*

ЛИДЕРЫ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА*

*Работа поддержана грантом Президента России МК, проект -2254.2012.6, грантом РГНФ, проект № 11-06-01102а

Как показывает история XX века, всплески интереса к лидерству обусловлены глобальными переменами в жизни общества и востребованностью управленческих кадров, способных быть проводниками реформ. Конец XX – начало XXI века в этом смысле не является исключением, в настоящее время резко возрос спрос на лидерство как способность личности объединять других людей для достижения поставленных целей. С различных «высоких трибун» постоянно говорится об отсутствии квалифицированных управленческих кадров, способных успешно работать в условиях демократии и коренных социальных инноваций. Современной России необходимы лидеры и руководители, способные активизировать строительство гражданского общества, организовать самоуправление, стать во главе добровольно формирующихся ассоциаций и организаций.

Актуальность обращения к нравственным качествам лидеров обусловлена состоянием духовности современного Российского общества. Представители целого ряда наук (психологии, социологии, культурологии и др.), характеризуя духовно-нравственное развитие, не стесняясь в выражениях, констатируют моральную деградацию современного российского общества или, используя выражение Э. Гидденса, «испарение морали» (Юревич, 2009).

В формировании духовности, общественных оценок, суждений в усвоении общественных обязанностей и правил поведения большое значение имеет личность лидера. Молодежные лидеры наиболее интенсивно аккумулируют опыт близких им взрослых людей и те прогрессивные веяния, которыми насыщена общественная жизнь. Разумеется, лидер может аккумулировать и негативные проявления из опыта взрослых, становясь в итоге лидером-дезорганизатором.

Лидер любого масштаба, кроме прочих качеств, должен быть высоко духовным человеком, способным нравственно обогащать окружающих. Особенно это важно в детских и юношеских группах в период активного усвоения социальных норм. Длительный контакт с товарищами на протяжении многих лет обучения в период активного формирования личности во многом определяет формирование духовности, жизненных позиций учащихся (Чернышев, 2005). Естественно, что в этой ситуации дети, обладающие высоким статусом в коллективах ровесников, оказывают особое влияние на одноклассников, на лидеров равняются другие члены группы, через лидера педагоги могут оказывать более эффективное влияние на группу в целом, т.е. группа может активизировать своих членов в морально нравственном отношении и тогда лидер по своей направленности – «совесть группы» (Уманский, 1980, с. 73). По мнению А.В. Петровского, в подростковом возрасте лидер часто является эталоном, наиболее референтным лицом в группе, с помощью которого окружающие оценивают свои и чужие поступки (Петровский, 2001).

В Курской социально-психологической лаборатории, основанной профессором Л.И. Уманским, накоплен богатый опыт воспитания эффективных лидеров, обладающих высокими нравственными качествами. Более 50 лет успешно функционирует созданный Л.И. Уманским, А.С. Чернышевым и др. центр подготовки молодежных лидеров «Комсорг». Разработаны экспериментальные методы изучения и формирования лидеров, которые используются и в настоящее время (Чернышев, 2005).

Информацию о морально-нравственных характеристиках молодежных лидеров мы получили в ходе наблюдения за финалом областного конкурса «Лидер 21 века», проходившим 29 марта 2012 г. в г. Курске. В конкурсе приняли участие лидеры наиболее успешных детских общественных организаций г. Курска и Курской области, прошедших отбор в муниципальных образованиях. Возраст участников – 14-16 лет. Целью конкурса было развитие гражданской активности, поддержка самоуправления детей в общественных организациях по преобразованию социума.

Нами проанализированы минисочинения юных лидеров, посвященные ответам на следующие вопросы: «Какими качествами должен обладать современный лидер?» и «Как сделать команду наиболее эффективной?» С помощью метода контент-анализа мы проанализировали 54 сочинения, в которых участники конкурса в творческой форме давали ответы на эти вопросы.

В результате проведенного исследования были определены наиболее важные, по мнению молодежных лидеров, качества, необходимые конструктивному лидеру 21 века: целеустремленность, активность, коммуникабельность, способность к самообразованию и саморазвитию, наличие организаторских способностей, ответственность, инициативность, оптимизм, креативность, смелость, находчивость, честность и чувство юмора.

В ответах на вопрос «Как лидеру сделать команду более эффективной?» большинство опрошенных указало, что для этого необходимы «совместное принятие решения», «взаимодействие с командой», «вера в успех», «взаимоответственность», «уважение каждого члена команды» и т.д.

Исследование проводилось нами и в течение конкурса, например, в ходе одного из этапов участникам было предложено в течение 2 минут написать 20 качеств, необходимых молодежному лидеру. Полученные результаты были проанализированы нами с помощью контент-анализа, что позволило определить иерархию качеств, которыми должен обладать лидер молодежной организации. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Качества, необходимые молодежному лидеру

Место в иерархии ответов	Качество лидера	Процент от числа опрошенных
1	Доброта, коммуникабельность	100%
2	Целеустремленность	90%
3	Отзывчивость, харизма	80%
4	Умение вести за собой, инициативность	70%
5	Толерантность, уверенность в себе, креативность	60%
6	Честность, ответственность	50%
7	Активность, организованность	40%
8	Милосердие, мобильность, ораторские способности	30%
9	Самообразование, сила воли, трудолюбие	20%

Представленные результаты показывают, что респонденты придают большое значение наличию нравственных качеств в молодежных лидерах. По их мнению, лидер должен обладать добротой, толерантностью, честностью, милосердием. В то же время возникает вопрос, насколько сами изученные лидеры соответствуют названным ими качествам. Во время конкурса мы наблюдали поведение лидеров, во многом не соответствующее перечисленным выше положительным качествам. Например, группа лидеров по результатам одного из конкурсов предложила лозунг «Хочешь жить, умей вертеться», который мало соответствует ценностям гражданского общества. Некоторые лидеры категорически заявляли о нежелании в дальнейшем оставаться у себя на малой родине, высказывали намерения в будущем переехать в более крупный город. В оценке приведенных примеров мы солидарны с мнением А.В. Юревича, который указывает, что «подобный диссонанс – абстрактное признание одних норм и реальное следование другим, подчас прямопротивоположным, – как и всякий когнитивный диссонанс, болезненно переживается человеком, порождает у него чувство внутренней дисгармонии, снижающее удовлетворённость жизнью» (Юревич, 2011, с.5).

Проведенные исследования показали, что лидерами выступают подростки и с положительными, и с отрицательными качествами личности, но общая тенденция отражает ориентацию школьников на носителей нравственных достоинств, имеющих общественное признание. Создание условий, обеспечивающих активное проявление личности лидера в процессе совместной деятельности, духовно обогащает членов группы и нравственно – лидера. Следует заметить, что чем ярче будет развиваться индивидуальность личности лидера, тем сложнее и многограннее будут складываться ее отношения с людьми ближайшего окружения и тем больше будет возрастать социальная активность лидера, направленная на развитие общества.

Литература

- Беспалов Д.В. Динамика лидерства в группах подростков и юношей // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2011. – №3. – С. 49-59.
- Логвинов И.Н. Социально-психологическое исследование гендерного аспекта структуры типов молодежного лидерства // Известия ПгПу им. В.Г. Белинского. 2011. № 24. с. 966–971.
- Мальковская Т.Н. Выдвижение лидера в среде старших школьников и его влияние на товарищей // Руководство и лидерство. /Ред. Б. Д. Парыгин.- Л., 1973. - С.94 -116.
- Панарин И.А. Психология социальной ответственности лидеров молодежных движений. Автореф. дисс. ... доктора психолог. наук. – М., 2009
- Петровский А.В. Теоретическая психология: Учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. – М.: Академия, 2001. – 496 с.
- Уманский Л.И. Психология организаторской деятельности школьников / Л.И. Уманский. – М.: Просвещение, 1980. – 160с.
- Чернышев А.С. Школа психологического лидерства / А.С. Чернышев, С.В. Сарычев, Ю.А. Лунев, Ю.Л. Лобков. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2005. – 275 с.
- Юревич А.В. Асоциальная социализация» как основа нравственной деградации общества // Вестник российской академии наук. 2011 - № 1, том 81. – С. 3-10.

*Бойко З.В.,
РУДН, Москва*

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВА СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В последнее время проблема исследования этнической идентичности становится все актуальнее. Для большинства современных обществ характерно культурное разнообразие, когда в границах одного государства совместно проживают представители разных культур и этнических групп. Эффективность межличностного взаимодействия во многом зависит от установок и ценностей личности. Культурные нормы оказывают существенное влияние на установки и поведение членов этнической общности.

Миграционные процессы и межэтнические перемещения, порой ведут к изменению или потере культурной идентичности как мигрантов, так и принимающей стороны. Растущая миграция ведет и к изменению, усложнению этнокультурного состава принимающих стран. Именно в такой быстроменяющейся социокультурной обстановке сегодня особую роль приобретает идеология толерантности, которая способна обеспечить и поддержать диалог между представителями разных культурных и этнических групп.

Этническая идентичность является частью социальной идентичности и включает в себя совокупность представлений членов этнической группы как о себе, так и о других этнических группах. В основе этнической идентичности лежит осознание своей принадлежности к определенной этнической группе и, а также когнитивное и поведенческое сходство с ней. Убеждения и установки, связанные с этнической идентичностью, играют важную роль при контактах с представителями других культур и определяют толерантное или интолерантное поведение индивида. Считается, что чем сильнее выражены этнические границы, тем ниже уровень толерантности.

Толерантность как черта личности определяет гуманное отношение к личностному, культурному, религиозному, этническому и любому другому разнообразию. Толерантность появляется в способности понять и принять другого, непохожего на вас.

Целью нашего эмпирического исследования было изучение связи этнической идентичности и толерантности российских студентов. Исследование проводилось в 2009 – 2011 гг. на базе РУДН, МГИМО и РГГУ (Бойко, Соколова, 2010). Всего в исследовании приняли участие 107 респондентов, российских студентов, обучающихся по направлению «Связи с общественностью». Из них 67 девушек и 40 юношей в возрасте от 19 до 23 лет.

Для диагностики типов этнической идентичности применялась методика «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова). Эта методика позволяет диагностировать этническое самосознание и его трансформации. Для диагностики уровня толерантности использовался экспресс – опросник «Индекс толерантности» (Г.У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л.А. Шайгерова), который включает утверждения, выявляющие отношение к некоторым социальным группам коммуникативные установки (готовность к сотрудничеству, конструктивному решению конфликтов и пр). Специальное внимание уделено этнической толерантности – интолерантности (отношение к своей и чужой этническим группам, оценка культурной дистанции).

При обработке, полученных нами данных по методике «Типы этнической идентичности» был использован кластерный анализ. С помощью кластерного анализа мы разбили нашу выборку из 107 человек на три группы на основе сформированности позитивной этнической идентичности.

В первую группу вошли 43 респондента из 107, что в процентном соотношении составляет 40,19% от общей выборки. В этой группе выявлен средний уровень этнической идентичности с общим значением 15,79.

Во вторую группу попали 44 респондента, что в процентном соотношении составляет 41,12% от общей выборки. В эту группу вошли респонденты с наиболее сформированной этнической идентичностью (19,18).

Третью группу составили 20 респондентов, что в процентном соотношении равно 18,69% от общей выборки. В этой группе выявлен самый низкий уровень этнической идентичности среди выявленных групп (11,1). Анализ результатов исследования толерантности показал, что во второй группе также и наиболее высокие показатели по толерантности.

Низкий уровень общей толерантности был выявлен в первой и третьей группах. При этом самый низкий уровень толерантности присущ студентам в группе №3 (35,45), в этой же группе был выявлен и самый низкий уровень социальной толерантности, равный 39,17, и уровень толерантности как черты личности выявлены в группе №1, которые равны 52,67 и 48,03 соответственно.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что в случае взаимодействия с различными социальными группами, наиболее готовыми к сотрудничеству будут члены группы №2. Установки и убеждения респондентов группы №2, с которыми они живут в этом мире, и которые определяют их отношение к окружающему миру, наиболее толерантны, нежели чем у респондентов из двух других групп. Наименьшую готовность к вступлению во взаимодействие с представителями различных социальных групп будут проявлять респонденты группы №3.

В результате корреляционного анализа нами были выявлены положительные значимые связи между общей толерантностью и всеми типами этнической идентичности, кроме типа «этнонигилизм». Эти корреляции подтверждают закон социально – психологической связи между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью, установленный Н.М. Лебедевой (Лебедева, 1993).

Положительная значимая связь между общей толерантностью и этнической индифферентностью (0,2405) указывает на то, что размывание этнической идентичности, выраженное в ее неопределенности, неактуальность этничности для личности напрямую связано с проявлением толерантности. Чем менее важна этническая идентичность для индивида, тем толерантнее он.

Положительная связь между уровнем общей толерантности и позитивной этнической идентичностью (0,4013) означает, что чем сильнее выражена позитивная этническая идентичность, тем выше общий уровень его толерантности. Другими словами, позитивное отношение к собственной культуре и своей этнической группе сочетается с положительным отношением к другим культурам.

Отрицательные корреляции были выявлены между общим уровнем толерантности и такими типами этнической идентичности, как этноэгоизм (- 0,6430), этнофанатизм (- 0,3747) и этноизоляционизм

(- 0,5047). Эти связи свидетельствуют о том, что чем сильнее выражена у студентов этническая идентичность по типу «этноэгоизм, этноизоляционизм и этнофанатизм», тем ниже уровень общей толерантности. В том случае, когда индивид убежден в превосходстве своей этнической группы над другими, независимо от того, насколько открыто или скрыто, агрессивно или безобидно он проявляет эту свою убежденность, уровень его толерантности в таком случае будет ниже.

Для создания более полной картины мы рассмотрели связь возраста с формированием этнической идентичности.

В результате проведенного корреляционного анализа прямые значимые связи были выявлены между возрастом и этноэгоизмом (0,2342), а также возрастом и этнофанатизмом (0,1983). Эти корреляции означают, что с увеличением возраста возрастает уровень этнической идентичности, соответствующей типам «этноэгоизм и этнофанатизм», происходит усиление этнической идентичности, которое в межэтническом взаимодействии может проявляться как в безобидных формах, когда человек просто воспринимает окружающую его ситуацию через призму понятия «мой народ», не причиняя этим никаких неудобств другим культурам, так и доходить до агрессивных форм, вплоть до оправдания любых жертв во благо своего народа.

Отрицательная значимая связь была выявлена между возрастом и этнической индифферентностью (-0,3757). Следовательно, с увеличением возраста человека, снижается уровень этнической идентичности типа «этническая индифферентность», этническая идентичность становится более четкой, определенной, более ясной для самого индивида. Эту связь можно объяснить становлением идентичности, которая связана с возрастом, а также фактом «подвижности» идентичности, возможностью ее сознательного изменения в течение жизни.

Очевидно, с возрастом появляется больший интерес к своему народу, и поэтому происходит повышение уровня «этноэгоизма и этнофанатизма» и вместе с тем снижается выраженность «этнической индифферентности». Важно отметить, что мы берем «этноэгоизм и этнофанатизм» не в их крайних формах, а также берем за основу изначально позитивное отношение человека к своему этносу.

Сравнение результатов, полученных по уровню сформированности этнической идентичности и уровню толерантности, подтверждает тот факт, что люди со сформированной идентичностью более толерантны, причем как по общему уровню толерантности, так и по отдельным критериям (этническая, социальная толерантность и толерантность как черта личности в нашем случае).

Литература

1. Бойко З.В., Соколова Е.В. Проблема этнической толерантности в многонациональном коллективе. // Сборник материалов международной научно-практической конференции. Оптимизация процесса управления на современном этапе развития экономики Тирасполь 6 апреля 2010г. Тирасполь, 2010
2. Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М. Изд. ИЭА РАН, 1993

*Бочарников В.Н.,
Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток*

КОНЦЕПТ «ГЕШТАЛЬТ» В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАДАЧ ГЕОГРАФИИ

Хорошо известно, что в отечественной практике теория социально-экономической географии (СЭГ), ориентирована, прежде всего, на изучение закономерностей пространственной организации географических явлений, выявление и интерпретацию естественно-социальных феноменов различной природы и разного генезиса, она формирует запрос на рассмотрение комплекса проблем, связанный с человеческим обществом и географией человеческой деятельности.

Как наиболее общая теоретическая позиция в СЭГ, обозначена «сквозная» теория географического пространства времени (концепция географического поля) и особенного пространственно-временного поведения человека. Труды В.А. Шупера, А.Д. Арманда, С.А. Тархова, Б.Б. Родомана,

В. Н. Стрелецкого, А.В. Смирнягина и других, талантливых географов, появилась «философия экономики» безусловно, появится «философия географии».

Впрочем, в постоянно меняющемся современном мире, в условиях протекания перманентных кризисных ситуаций нужны новые идеи в изучении пространственных структур и пространственной самоорганизации общества, и здесь основное значение приобретает обращение к индивиду, персональности, конкретному человеку.

Легко можно обеспечить креативность развития в конструктивистском синтезе СЭГ с перспективными подходами российских когнитивных наук (школа Н. Бехтеровой в психологии и физиологии мозга, учение о ментальных картах, картоидах и ландшафтной экономики и др.). Как и в любой системе, многообразие, устойчивость и теснота связей в человеке позволяет формировать уникальные для каждого человека комплексы способностей и потребностей, и его специфика структурно-функционального устройства отражает каким образом как некий индивид через свои проявления актуализируется в природном, социальном и духовном.

Следует представлять человека как целостное существо, обладающее органической природно-социально-духовной целостностью, что понимается в русле развития системных представлений. Человек – это система, и его способности и потребности всегда будут свойствами особого в процессе достижения нужных условий обеспечения человеческой жизнедеятельности.

Весь этот процесс актуализируемых природно-органических, социально-личностных и духовно-душевных составляющих комплекса способностей и потребностей человека непрерывно изменяется. Более того, к множеству таких инвариант можно добавить то, что существует возможность компенсации – частичного восполнения или полной замены одних составляющих комплекса способностей и потребностей другими.

Как весьма специфический, но сходный по целевым установкам, следует отметить предмет экономико-географических исследований, действующий в рамках выявления закономерностей формирования и развития потребительской среды, выступающей в качестве сферы деятельности человека, наиболее тесно связанной с местными социально-экономическими условиями жизнедеятельности населения. И отметим, что при этом как системное действие, происходит формирование и удовлетворение различных потребностей человеком, что предопределяет некое поведение.

Это входит уже в сферу деятельности поведенческой географии, поскольку именно то обстоятельство, что в каждый конкретный момент существования, каждый человек выступает в своем единстве трех своих ипостасей (организма, личности и души), образует исключительно сложную мозаичность социально-экономической действительности. Важно здесь отметить, что в каждый момент времени выделяется доминирующая потребность, требующая первоочередного удовлетворения, и субдоминантные потребности, сосуществующие или конкурирующие с доминантной.

Впрочем, сами способности и ресурсы, как самого человека, так и его окружения, могут быть недостаточными по отношению к потребностям, а потребности, соответственно, избыточными по отношению к его способностям или противоположны по своему объемному количественному отношению. Таким образом, в мире живого вообще, и в психике, в особенности, проявляется особое свойство самоорганизующихся систем – нелинейность, что значит, живые системы развиваются необратимо, детерминируются неоднозначно, и из предыдущего состояния системы нельзя вывести точно текущее, а тем более, будущее состояние.

Изучение психики не только прерогатива психологической и биологической науки сейчас, а через ее гуманитарную составляющую таковое стало исключительно важным для общественной и гуманитарной географии. Здесь следует отметить, что в системной концепции организации человеческой психики, которую начали разрабатывать с 1960-х годов, работы отечественных психологов (Б.Г. Ананьев, Л.М. Веккер и др.) было наглядно показано, что познание природы психического должно учитывать не только собственно психологические закономерности, но и определяющие их биологические, а также более общие, кибернетические и математические законы и принципы, что позволяет ныне находить общие интересы с представителями других наук, использующим системный подход.

Следовательно, основываясь на вышесказанном, выделим новый исследовательский сегмент географии – социально-психологический уровень человека, что составляет существенную часть

психологии человека, и также предполагает рассмотрение тех параметров человека, которые формируются и проявляются только во взаимодействиях индивидов в группах людей. По аналогии с рассмотрением в СЭГ территориальных социально-экономических систем, структурированность и сложность психологических феноменов будет столь же выразительна и изменчива в их динамике психики индивида.

Очевидной предстает необходимость «включенности» продуктов психической активности (психических образов и состояний, психологических свойств и др.) в контекст рассмотрения таковых географией потребностей, что позволяет обосновывать особый вектор, возникающий междисциплинарных исследованиях по данной проблеме. Таковой представляет субъективную картину человека, формирующуюся от обработки сигналов сенсорных субъективных шкал до формирования смыслового пространства личности и ментальных карт.

Для наглядности, близкой по своей сути, аналогией для понимания этого процесса может быть почти забытая сейчас процедура проявления черно-белой фотографии в специальном растворе, происходящую при тусклом причудливом свете красного фонаря. В жизни происходит постоянная смена фигур, появляющихся и уходящих в фон после реализации определенной потребности. И таковой можно представлять, ориентируясь на постоянную переменчивость сцен и сюжета в театре и кино.

Именно, возможности превращения из неподвижной «фотографии» в постоянно меняющийся кинематографический сюжет, дает возможность более адекватного отображения всех процессов, происходящих в живой природе, где постоянно происходит воздействие множества факторов на отдельный живой организм, их сообщества и природные экосистемы, что можно обозначить единым словом концептом «гештальт». Так в добавлении к обычно упрощаемой схеме территориальных зависимостей СЭГ следует воспринять, что у человека еще наличествует рефлексия как направленности познавательной деятельности на свои собственные акты, и как следствие наличие у каждого человека своего особого «образа мира» (А.Н. Леонтьев).

В соответствии с гештальт-представлениями, рассматривая индивида как функцию поля, объединяющего организм и среду, и полагая, что поведение человека отображает его отношение в этом поле, мы можем связывать между собой представления о человеке как об индивиде, и одновременно как о социальном существе. А что такое гештальт?

«Гештальт» с нем. – форма, вид, фигура, и в соответствии с этим обозначается действие по принятию формы или созданию структуры. Это – непрерывный процесс, в результате которого происходит выделение основной фигуры из фона.

В соответствии с представлениями немецких психологов, человек не воспринимает отдельно несвязанные между собой элементы, а организует их сам в процессе восприятия в единое целое. Выбор определенного элемента среди других определяется многими факторами, совокупность которых может быть объединена общим термином «интерес».

Гештальт – это паттерн, конфигурация, определенная форма организации индивидуальных частей, которые создают целостность. Такая способность создает адекватность отображения постоянной смены адаптационных возможностей, демонстрирует всю существующую исключительность сложности поддержания гомеостаза, развития нового и приспособления уже существующего к непрерывному потоку воздействия.

В психологии доминирующая фигура рассматривается в зависимости от человеческой доминирующей потребности, определяющий гештальт и проявляющийся, соответственно, в словах и движениях, передающих чувственный опыт. Значимыми фигурами окружающей среды являются те лица, которые существенно влияют на поведение в связи с актуальным гештальтом. И если задачей гештальт-терапевта является необходимость помочь клиенту «разглядеть» эти фигуры, сделать их представленными в настоящем пространстве, и тогда потребность может быть узнана и признана.

То в географии следует учесть, что базовые интересы человека связаны с безопасностью жизнедеятельности и возможностью размножения – воспроизводства себе подобных, но если последнее практически не изменилось за тысячелетия, то взаимодействие современного человека с окружающей средой претерпело колоссальные изменения. Далеко не все потребности могут быть распознаны, ведь окружающая среда «не спешит навстречу».

Гештальт-психология – это наука с ее строгими элементами анализа, и искусство жить, именно естественный процесс смены фигур способствует гармоничной и разнообразной жизни. В

психологии, цель гештальт-подхода – расширение поля возможностей; увеличение способностей адаптироваться к жизни, к различному окружению, в восстановлении свободы выбора.

Уникальность гештальт-подхода состоит в способе использования и организации элементов теории психологии, где факты, восприятия, поведение или феномены приобретают свою специфику и свое определенное значение, благодаря своей специфической организации. И если мы действительно рассматривать потребности, как человека, так и всего общества с холистических позиций, то в этом аспекте, следует упомянуть о хорошо известном единстве явлений в медицине. Где такие очень различающиеся между собой структуры, такие как внутриклеточные структуры, клетки, органы, организмы и этносы внешне мало схоже, но являются частями единого поля.

Следовательно, они могут быть систематизированы и включены в одни и те же условия, и задействованы внутри особого поля. И лишь в этом понимании целостности мы способны выбирать с какой части, с какой единицы, и какого порядка нам удобнее выбирать и обеспечивать гармоничность взаимодействия. Согласно разработанной гештальт-психологами теории психологического поля, состояние и поведение человека принципиально не могут быть исследованы вне контекста ситуации – других объектов поля и их взаимоотношений. И здесь поле – именно близко к географическому смыслу термин, это уже – территория.

Идеи гештальтизма в XX в. существенно повлияли на преобразование первоначальной бихевиористской доктрины и подготовили почву для необихевиоризма, который стал складываться на рубеже 1930-х годов. Само появление и развитие гештальта свидетельствует о том, что данный процесс целостный и осознаваемый, в то время как современный человек уже стал нечувствительным ко всему, кроме «из ряда вон выходящего», неестественным образом, вызывающего сильные эмоции. Хотя и здесь некая форсированная склонность рассматривать большие коллективы людей как единую систему, все же «единый организм», холизм лежит в практической основе применения гештальт-подхода в работе с организациями.

Граница \ контакт – обозначается достаточно широко, но понимается как зона, где происходит обмен информацией, желаниями, материальными потребностями. Эта граница все время подвижна, и она же дает возможность, отображения постоянных смен фигур бытия в отношениях. Так происходит процесс постоянного приспособления организма к среде в постоянно меняющемся мире. В этом смысле они являются частью его физиологии, животных функций организма – в той же мере, как и частью среды – окружающей физической и социальной ситуации, и в связи с этим необособимы от обоих контекстов. И здесь ситуация с человеком, очень похожа на то, что происходит с каждым из нас в отношении окружающей природной среды.

Контакт следует представлять как процесс энергетического обмена между человеком и окружающей средой, в котором происходит получение потребного от среды и отвержение лишнего. В основе всех нарушений лежит ограничение способности индивида к поддержанию оптимального равновесия со средой, нарушение процесса саморегуляции организма. В гештальт-терапии описываются пять наиболее часто встречающихся форм нарушения взаимодействия между индивидом и его окружением, при которых энергия, необходимая для удовлетворения потребностей и для развития, оказалась рассеянной или ошибочно направленной. Но поскольку для нас принципиально, что контакт каждый раз создается человеком, и следовательно определяется отношениями между человеком и его окружением, где никто не создает другого; каждый сохраняет свои особенности, и это важнейший принцип для включения гештальт в контекст СЭГ.

И учитываем, что если для гештальт-психологов важно то, что происходит у отдельного человека как конкретной личности на границе контакта человека и с философских позиций рассмотрения как целостного биосоциального существа в его взаимоотношениях с окружающей средой, то для географии еще добавляется природный и социальный аспекты, территориальная дифференциация и системно-структурные закономерности территориальной организации общества, что может быть интегрировано в методологическое развитие теории общественной географии.

ТРЕВОЖНОСТЬ И ДЕПРЕССИВНОСТЬ У ЖЕНЩИН СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Адекватность развития индивида, которые касаются психофизического, интеллектуального, эмоционального и личностного развития можно оценить в каждом возрасте человеческой жизни через определенные нормативы. Эти нормативы обозначаются в форме кризисов возрастного развития или возрастных кризисов, отображаясь переходами от одного этапа к следующему этапу. Это относительно небольшие по времени периоды онтогенеза, характеризующиеся резкими психологическими изменениями. В зависимости от индивидуально-типологических особенностей человека, социальных и микросоциальных условий острота кризиса, форма и длительность может значительно различаться.

Целью нашего исследования было выставлено изучение тревожности и депрессивности женщин среднего возраста. Объектом исследования стали женщины среднего возраста.

В работе мы использовали следующие методы:

-метод анализа литературы по теме исследования;

-методы психодиагностики (методика измерения уровня тревожности (Дж. Тейлор, адаптация В. Г. Норакидзе) и опросник депрессии Бека.

- методы математического анализа.

Гипотеза исследования: у безработных женщин (домохозяек) уровень тревожности и депрессивности превышает уровень тревожности и депрессивности занятых женщин.

Методологической основой работы явились идеи и исследования представителей отечественной психологии Л.С. Выготского, Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева, А.В. Запорожца, В. В. Давыдова, П.Я. Гальперина, Д.Б. Эльконина, Л.И. Божович, Л.А. Венгера, а также материалы, содержащиеся в трудах известных представителей зарубежной психологии: В. Штерна, К. Бюлера, Ж. Пиаже, К. Коффки, Э. Клапереда, Э. Фрейда, А. Баллона, Р. Заззо, Э. Эриксона, Дж. Брунера и др.

Опрос проводился с двумя группами: работниками Автоборочного завода КамАЗа, а именно, отдела обработки информации и отдела сбыта деталей, в котором работают операторы ЭВиВМ, комплектовщики, распределители, мастера и с женщинами не работающими. В исследовании приняли участие 60 женщин, в возрасте 40-45 лет. На основе данных анкетирования были сформированы 2 выборки. В первую выборку вошли работающие женщины. Вторую выборку составили женщины-домохозяйки.

Для изучения тревожности мы применили методику измерения уровня тревожности Тейлора, в адаптации Т. А. Немчинова. Опросник состоит из 50 утверждений. Для удобства пользования каждое утверждение предлагается обследуемому на отдельной карточке. Согласно инструкции, обследуемый откладывает вправо и влево карточки, в зависимости от того, согласен он или не согласен с содержащимися в них утверждениями. Тестирование продолжается 15-30 мин.

Оценка результатов исследования по опроснику производится путем подсчета количества ответов обследуемого, свидетельствующих о тревожности.

В соответствии с полученными результатами, 36,4% женщин-домохозяек имеют высокий уровень тревожности. Т.е. для них характерны повышенная чувствительность к неудачам, раздражительность, склонность все принимать близко к сердцу. Им порой кажется, что перед ними нагромождены такие трудности, которые им не преодолеть. Также они склонны испытывать страх в тех случаях, когда им ничто не угрожает.

Большинство женщин-домохозяек (51,7%) имеют средний уровень тревожности, т.е. у них тревожность проявляется не всегда, а в зависимости от ситуации и проявляется она по-разному. Иногда это проявляется на соматическом уровне, в виде головной боли, постоянном чувстве усталости, повышенном сердцебиении, потливости, расстройстве желудка. И 12,8% женщин-домохозяек имеют низкий уровень тревожности, т.е. они вполне уверены в себе, счастливы, отличаются спокойствием и их достаточно трудно вывести из себя.

Таким образом, большинство женщин, как неработающих так и работающих женщин имеют средний уровень тревожности.

Мы изучили особенности депрессии работающих женщин с помощью методики Бекка.

В соответствии с полученными результатами, 18,2% работающих женщин имеют высокий уровень депрессии. Т.е. они не довольны своей жизнью, тревожатся, что выглядят старше возраста и непривлекательными, оглядываясь на свою жизнь, видят в ней много неудач, склонны плакать чаще, чем раньше.

Большинство женщин данной выборки (62,4%) имеют средний уровень депрессии, т.е. у них депрессия проявляется в зависимости от ситуации. И 9,2% работающих женщин имеют низкий уровень депрессии, т.е. они оптимистично воспринимают жизнь, хорошо себя чувствуют, вполне счастливы. 18% женщин имеют высокий уровень депрессии, т.е. они недовольны своей жизнью, тревожатся по любому поводу, что выглядят старыми и непривлекательными.

Далее рассмотрим особенности тревожности домохозяек. В соответствии с полученными результатами, 28,2% женщин-домохозяек имеют высокий уровень депрессии. Т.е. они не довольны своей жизнью, тревожатся, что выглядят уже немолодыми и непривлекательными, оглядываясь на свою жизнь, видят в ней много неудач, склонны плакать чаще, чем раньше. Большинство женщин данной выборки (51,5%) имеют средний уровень депрессии, т.е. у них депрессия проявляется в зависимости от ситуации. И 20,3% женщин-домохозяек имеют низкий уровень депрессии, т.е. они оптимистично воспринимают жизнь, хорошо себя чувствуют, вполне счастливы.

Таким образом, большинство женщин, как работающих так и неработающих имеют средний уровень депрессии.

Мы изучили особенности тревожности женщин с помощью методики Тейлора и уровень депрессии с помощью шкалы Бека. Выявление значимости различий средних показателей по каждой из шкал методики осуществили с помощью t – критерия Стьюдента.

Согласно данным статистически значимые различия между данными выборками выявлены по шкале «тревожность» ($p = 0,05$). Это говорит о том, что у домохозяек более высокий уровень тревожности. Т.е. они в большей степени чувствуют себя обычно раздраженно, напряженно. Им свойственно слишком переживать из-за пустяков, все принимать близко к сердцу, легко расстраиваться.

Для работающих женщин более характерно считать себя смелым человеком, они меньше обеспокоены своим материальным положением, они более уверены в себе. Чувствуют себя более счастливыми, не испытывая все время тревогу по какому-либо поводу.

Также статистически значимые различия между данными выборками выявлены по шкале «депрессия» ($p = 0,05$). Это говорит о том, что у домохозяек более высокий уровень депрессии. Т.е. они в большей степени недовольны своей жизнью, тревожатся, что выглядят немолодыми и непривлекательными, оглядываясь на свою жизнь, видят в ней много неудач, склонны плакать чаще, чем раньше. Также домохозяйки чувствуют, что терпели больше неудач, чем другие люди, не получают от жизни удовлетворение так как получали раньше, достаточно часто испытывают чувство вины.

Работающие женщины при этом считают, что на данный момент плачут так же редко, как и раньше, не любят откладывать решения «на потом», испытывают живой интерес к людям и к жизни, знают, что они не хуже других.

Таким образом, исследование показало, что женщины – домохозяйки в большей мере склонны к депрессии и тревожности, чем работающие женщины.

В результате изучения теоретических аспектов проблемы кризиса среднего возраста у женщин были проанализированы особенности его протекания. Кризис среднего возраста у женщин начинается после первых возрастных изменений. Он характеризуется определенными составляющими, такими как: беспокойство относительно будущего, проблемы со здоровьем, негативная переоценка отношений с родителями и детьми, с супругами, отрицательное восприятие своего профессионального статуса, поиск смысла жизни. В результате доминирующими в общем фоне настроений становятся депрессивные состояния и повышение уровня тревожности. Тревожность – это состояние сознания, связанное с переживанием надвигающихся или предполагаемых опасностей. Уровень тревожности усиливается во время и после стресса, кризиса. Кризис среднего возраста связан со страхом старения и осознания того, что достигнутое иногда значительно меньше, чем предполагалось, и является недолгим пиковым периодом, за которым следует постепенное уменьшение физической силы и остроты ума.

Эмпирическое исследование уровня тревожности и депрессии показало, что уровень депрессии и тревожности у домохозяек выше, чем у работающих женщин.

Большинство женщин как работающих, так и домохозяек имеют средний уровень тревожности и депрессии. Т.е. у них тревога и депрессия проявляется в зависимости от ситуации и не носит постоянный характер.

Но сравнительный анализ показал, что домохозяйки имеют более высокий уровень тревожности. Т.е. они в большей степени чувствуют себя обычно раздраженно, напряженно. Им свойственно слишком переживать из-за пустяков, все принимать близко к сердцу, легко расстраиваться.

Также уровень депрессии у домохозяек значительно выше, чем у работающих женщин. Т.е. домохозяйки в большей степени не довольны своей жизнью, тревожатся, что выглядят старыми и непривлекательными, оглядываясь на свою жизнь, видят в ней много неудач, склонны плакать чаще, чем раньше.

Таким образом, можно сделать вывод, что работающие женщины в большей степени довольны своей жизнью, чем неработающие. Работающие женщины имеют возможность самореализовываться не только в качестве матери и жены, но и на профессиональном поприще, что соответственно влияет на их удовлетворенность жизнью и тревогу.

Результаты нашего исследования могут использовать семейные психологи при психологическом консультировании, при построении программ тренингов для женщин.

Вайберт М.И.,

ЧГУ им. И.Н. Ульянова, Чебоксары

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ, ТВОРЧЕСКИХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЯХ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Развитие феминистического движения породило внимание к вопросам гендерных различий. С середины XX века гендерные исследования достаточно широко проводятся во всем мире. В России активное внимание этим вопросам стали уделять лишь в последние десятилетия.

Цель работы заключается в исследовании межполовых различий в способностях мужчин и женщин разного возраста.

Исследованиями установлено, что способности – прижизненные образования, их развитие идет в процессе индивидуальной жизни, что среда и воспитание активно формируют их (Адлер, 2000).

Гендерные отличия в способностях зачастую приписывают также фундаментальной биологической разнице между полами. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что эти различия возникают, большей частью, из-за разницы в требованиях, предъявляемых социумом к мужской и женской гендерной роли.

Исследования, проведенные в специальных, строго контролируемых экспериментальных условиях, дают основание для вывода о том, что социально-культурные факторы, связанные с развитием способностей, оказывают на них гораздо более сильное влияние, чем биологические. Средние различия между группами людей, выросшими в разных культурах, чаще всего намного больше тех, которые имеются между людьми разного пола (Берн, 2001).

В данной работе использовались три вида тестов на определение различных способностей. А именно: тест Айзенка для определения коэффициента интеллектуальности, тест креативности Торранса для определения уровня творческих способностей, методика экспертной оценки невербальной коммуникации А.М. Кузнецовой.

В ходе нашего исследования было опрошено 40 человек (20 мужчин и 20 женщин). Возраст опрашиваемых колебался в пределах от 16 до 52 лет. Более 60% - люди с высшим образованием, еще 25% - имеют незаконченное высшее образование и 7% готовятся к поступлению в ВУЗ. Все опрошенные – люди из интеллигентных образованных социально-бесконфликтных семей.

Исследование по методике Г. Айзенка дало следующие результаты: в возрасте от 16 до 25 лет мужчины намного больше проявили интеллектуальные способности. Коэффициент корреляции в этом возрасте $r=0,5149$, что уже дает возможность говорить о статистически достоверной

зависимости между полом и интеллектом. В возрасте от 25 до 35 лет какая бы то ни было зависимость между полом и уровнем интеллекта отсутствует. У людей старше 35 лет она проявляется, но не так значительно, как в молодости.

Творческие способности тестируемых оценивались по четырем показателям: беглости, гибкости, оригинальности и разработанности (по методике Торранса).

Все респонденты справились со всеми 10 заданиями.

Показатель гибкости мало зависит от пола в любом возрасте. Средний показатель гибкости опрашиваемых находится в норме, исключая мужчин старше 35 лет.

Показатель оригинальности по всем опрошенным у мужчин немного выше, чем у женщин ($r=0,43$), причем наиболее сильные различия в возрасте от 16 до 25 ($r=0,62$) и старше 35 лет ($r=0,59$). В возрасте от 25 до 35 лет значимых различий в данном показателе не обнаружено.

В связи с полученными результатами можно сделать вывод, что мужчины в возрасте от 16 до 25 лет подходят к заданию более ответственно и обладают ярко выраженной неконформностью и способностью к изобретательской и конструктивной деятельности. Кроме того, опрошенные в возрасте от 25 до 35 лет не имеют никаких ярко выраженных межполовых отличий в творческих способностях.

Результаты исследования невербально-коммуникативных способностей показали явное преимущество женщин в общей оценке невербального аппарата ($r=-0,31$), способности управлять им ($r=-0,56$), и, соответственно, общему уровню развития невербально-коммуникативных способностей ($r=-0,43$).

Если рассматривать возрастные периоды, то наибольшей способностью ко всем параметрам, связанным с невербальными способностями, обладают женщины в возрасте от 25 до 35 лет. В возрасте от 16 до 25 лет каких бы то ни было существенных различий в невербальных способностях не обнаружено.

На основании полученных данных можно сделать вывод, что невербально-коммуникативные способности больше развиты у женщин независимо от возраста.

Кроме всего вышесказанного, в данной работе было проведено исследование зависимости различных способностей между собой.

Если рассматривать зависимость интеллектуальных способностей с другими, рассмотренными в данной работе, то можно выявить яркую зависимость невербальных и интеллектуальных способностей и у мужчин ($r=0,46$), и у женщин ($r=0,76$), хотя у женщин она явно ярче выражена. В возрасте от 16 до 25 лет мужчины обладают обратной зависимостью уровня невербальных способностей и интеллекта ($r=-0,54$), с возрастом эта зависимость переходит в прямую ($r=0,64$; $r=0,77$). У женщин вне зависимости от возраста невербальные способности связаны с интеллектуальными ($r=0,9$; $r=0,51$; $r=0,8$).

Кроме этого, у мужчин интеллектуальные способности влияют на творческие ($r=0,33$), причем, зависимость разработанности и интеллекта обратная ($r=-0,36$). У женщин с интеллектуальными способностями связан только фактор оригинальности ($r=0,5$).

На основании этого можно сделать вывод, что высокий уровень невербальных способностей соответствует высокому уровню интеллекта вне зависимости от пола. Творческие способности мужчин также зависят от уровня их интеллектуальных способностей, причем связь разработанности и интеллекта обратная.

Зависимость между невербальными и творческими способностями прослеживается, в основном, у женщин ($r=0,58$). У мужчин эта зависимость есть только в возрасте от 16 до 25 лет, причем обратная ($r=-0,54$). У мужчин старше 35 лет существует зависимость параметра оригинальности от невербальных способностей ($r=0,63$). У женщин с возрастом зависимость уменьшается и в возрасте 35 лет для разработанности становится обратной ($r=0,67$; $r=0,34$; $r=-0,58$).

На основании проведенного исследования можно сделать основной вывод.

1. Более высокий показатель мужчин в интеллектуальных способностях не достоверно и не подтверждается эмпирически. Кроме этого, получение высшего образования сводит на нет какие бы то ни было преимущества мужчин в интеллектуальных способностях.

2. Невербально-коммуникативные способности больше развиты у женщин вне зависимости от возраста.

3. Гендерные различия в способностях объясняются существованием различных социальных

норм для мужчин и для женщин, которые стимулируют развитие определенных навыков и способностей, хотя утверждать отсутствие влияния природного фактора нельзя.

Литература

1. Адлер А. Понять природу человека. – СПб., 2000. – 256 с.
2. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб., 2001. – 320 с.

*Гавронова Ю.Д.,
СмоЛГУ, Смоленск*

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ СТУДЕНТОВ

Современное общество характеризуется постоянным ростом межкультурных контактов. В связи с интенсивным развитием межкультурных отношений России и Германии остро встает вопрос о ценностях молодых людей, определяющих их профессиональную деятельность и мотивацию.

Цель исследования: определить характер взаимосвязи ценностей культуры с профессиональной мотивацией русских и немецких студентов.

Объект исследования: ценностно-мотивационная сфера личности

Предмет исследования: взаимосвязь ценностей культуры и профессиональной мотивации русских и немецких студентов.

Гипотеза исследования: существуют общие и специфические особенности во взаимосвязи ценностей культуры и профессиональной мотивации.

Методы исследования: 1) опросник ценностей Шварца (Карандашев, 2004); 2) методика К. Замфир в модификации А. Реана (Бордовская, Реан, 2003). Обработка результатов эмпирического исследования осуществлялась с помощью статистического пакета Statistica 6 с использованием ранговой корреляции Спирмена для выявления взаимосвязи между ценностями культуры и профессиональными мотивами.

В исследовании приняли участие 600 респондентов: 300 русских студентов Смоленского государственного университета и 300 немецких студентов из разных вузов Германии. Выборки русских и немецких студентов были выровнены по полу и возрасту.

Сравнительный анализ результатов корреляционного анализа эмпирических данных выявил, что общим для этих групп является наличие положительных связей блоков ценностей Благосклонность и внутренней мотивации (ВМ) (русские: $k=0,14$, $p<0,05$; немцы: $k=0,12$, $p<0,05$), Достижение и внешней положительной мотивацией (ВПМ) (русские: $k=0,34$, $p<0,001$; немцы: $k=0,39$, $p<0,001$). Таким образом, ценности, направленные на поддержание благополучия людей, способствуют получению удовлетворения от процесса учебной деятельности и более полной самореализации в ней. Ценности Достижение, предполагающие достижение личного успеха и получение социального одобрения, мотивируют к карьере, более высокому уровню жизни и признанию.

Но с ВМ ценности Достижение у русских связаны отрицательно ($k=-0,11$, $p<0,04$), а у немцев положительно ($k=0,17$, $p<0,01$). Вероятно, у немецких студентов больше возможностей выбрать более интересную для них специальность и преуспеть в ней. А в России многие студенты учатся в вузе ради получения диплома о высшем образовании и далеко не все работают по специальности после окончания вуза.

Следующие различия состоят в том, что ценности Власть у русских студентов отрицательно связаны с ВПМ ($k=-0,15$, $p<0,01$), а у немецких – положительно ($k=0,38$, $p<0,001$). Можно прийти к заключению: в сознании русских студентов ценности социального статуса и престижа не связаны с профессиональным успехом и признанием окружающими, а в Германии ценности, направленные на повышение социального статуса и престижа, стимулируют стремление стать признанным специалистом и добиться профессиональных успехов. Данная особенность взаимосвязи обусловлена такими культурно-психологическими характеристиками немцев как добросовестность и ответственность (Куликова, 2004).

Помимо этого у немецких студентов обнаружена положительная взаимосвязь ценностей Безопасность с ВПМ ($k=0,15$, $p<0,001$). Положительная взаимосвязь ценностей Безопасность и Власть с ВПМ показывает, что немецкие студенты в своих карьерных ориентациях стараются избежать и преодолеть неопределенность и нестабильность путем контроля за человеческими отношениями. Ценности Безопасность, предполагающие стабильность, безопасность и гармонию общества, также положительно связаны с внешней отрицательной мотивацией (ВОМ) ($k=0,14$, $p<0,01$). Это означает: для того, чтобы лучше адаптироваться и снизить неопределенность, немецкие студенты стараются избежать критики и неприятностей. Выявленные взаимосвязи можно объяснить такой культурно-психологической характеристикой немцев, как стремление исключить, по возможности, все непредвиденные случаи развития событий, ошибочные решения и свести к минимум фактор риска (Куликова, 2004).

При рассмотрении особенностей ВОМ немецких студентов также важно отметить, что с данным видом мотивации положительно связаны ценности Конформность ($k=0,29$, $p<0,001$) и Традиция ($k=0,13$, $p<0,05$). Согласно данной взаимосвязи можно прийти к заключению, что немецкие студенты при избегании наказаний и критики со стороны преподавателей и своих однокурсников руководствуются ценностями сохранения стабильности за счет добровольного самоограничения и подчинения.

Однако ценности Традиция у немецких студентов отрицательно связаны с ВПМ ($k=-0,19$, $p<0,001$). А у ценностей Гедонизм обнаружена положительная взаимосвязь с данным типом мотивации ($k=0,17$, $p<0,01$). На основе данной взаимосвязи можно предположить, что немецкие студенты в своем стремлении к карьере и признанию окружающих не ориентированы на ценности уважения и поддержания культурных обычаев, а значимы для них в этом случае ценности удовольствия и наслаждения жизнью.

У немецких студентов ценности Конформность отрицательно связаны с ВМ ($k=-0,12$, $p<0,05$). Отсюда следует, что немецкие студенты при реализации познавательных мотивов и мотивов самообразования не придерживаются превалирующих групповых норм. Данный вывод о мотивационной сфере немецких студентов также подтверждает положительная взаимосвязь ценностей Самостоятельность, предполагающих свободу мысли и действия, с ВМ ($k=0,26$, $p<0,001$).

У немецких студентов обнаружены значимые взаимосвязи ценностей Универсализм, направленных на понимание, терпимость и поддержание благополучия, с тремя типами мотивации: с ВМ – положительная взаимосвязь ($k=0,18$, $p<0,001$), отрицательные взаимосвязи – с ВПМ ($k=-0,24$, $p<0,001$) и с ВОМ ($k=-0,14$, $p<0,01$). Таким образом, если немецкие студенты стремятся к получению удовлетворения от учебной деятельности и самореализоваться в ней, то они руководствуются ценностями справедливости и гармонии. Но если их мотивация обусловлена внешними условиями и обстоятельствами, то они не ориентированы на данные ценности.

Кроме того, с ВПМ немецких студентов отрицательно связаны ценности Благожелательность ($k=-0,13$, $p<0,05$). Универсализм и Благожелательность способствуют удовлетворению потребностей, связанных с существованием во внешнем мире и отказу от эгоистических интересов (Лебедева, 2009). Поэтому на основе отрицательной взаимосвязи ценностей Универсализм и Благожелательность с ВПМ можно предположить, что немецкие студенты в своем стремлении к профессиональному продвижению и социальному престижу не отказываются от эгоистических желаний.

Итак, как у русских, так и у немецких студентов ценности Самоутверждения положительно связаны с ВПМ. У немецких студентов это ценности Власть, Достижение, Гедонизм. У русских это только ценности Достижение. У русских и немецких студентов ценности Самопреодоления положительно связаны с ВМ. У немецких студентов – это ценности Универсализм и Благожелательность. У русских только лишь ценности Благожелательность. Кроме того, у немецких студентов ценности Сохранения (Безопасность, Конформность, Традиция) положительно связаны с ВОМ.

У русских студентов при профессиональном взаимодействии с немецкими студентами могут быть недопонимания на основании того, что немецкие студенты при достижении личного успеха стремятся к самореализации и удовлетворению, а для русских, в первую очередь, важен результат деятельности. Повышение социального статуса у немецких студентов служит стимулом к профессиональным успехам. Русские студенты стремятся добиться авторитета независимо от

профессиональных достижений и уважения со стороны других.

Литература

1. Бордовская Н.В., Реан А.А. Педагогика. Учебник для вузов. – СПб: Издательство «Питер», 2003. – 304 с.
2. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. — СПб.: Речь, 2004 - 70 с.
3. Куликова Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур: Монография – Красноярск: РИО КГПУ, 2004. – 196с.
4. Культура как фактор общественного прогресса / Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2009. – 408с.

Голубева Е.В.,

Технологический институт Южного федерального университета, Таганрог

МОТИВАЦИОННО-ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ПОДРОСТКОВ, ВОСПИТЫВАЕМЫХ РОДИТЕЛЯМИ С РАЗНОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ ЛИЧНОСТИ

В современных общественно-экономических условиях наблюдается динамика ценностных ориентиров социума (повышение значимости мотива материальной обеспеченности, индивидуальных достижений и др.), определяющая динамику личности. Изменение мотивов и ценностей характерно, прежде всего, для таких личностей, у которых они еще не сложились или недостаточно устойчивы, т.е. для детей и подростков. В связи с этим представляется актуальным изучение мотивационно-ценностного компонента экономического сознания подростков в современных условиях.

Анализ работ, существующих в данной области, показал, что представления об экономическом сознании и его структуре отражены в работах А.Л. Журавлева, Н.А. Журавлевой, Т.Н. Заславской, С.В.Ковалева, А.Б. Купрейченко, В.П. Познякова, В.Д. Попова, Г.Н. Соколовой, А.В. Филиппова и др. Экономическое сознание представляет собой совокупность конструктов, отражающих интеллектуально-эмоциональные переживания и поступки субъекта в сфере этих отношений. Экономическое сознание, согласно ряду работ (Журавлев, Поздняков, 2004; Купрейченко, 2010), тесно связано с нравственным, поэтому обоснованным представляется выделение мотивационно-ценностного его компонента.

Развитие мотивационно-ценностного компонента экономического сознания подростка во многом определяется личностными особенностями его родителей, а именно направленностью, которая является ведущей характеристикой личности. Ключевая характеристика направленности заключается в том, что она определяет поведение и деятельность человека в разных сферах. Воспитание, как и любая человеческая деятельность, может быть определена через устойчиво доминирующую систему мотивов воспитывающего. Направленность личности родителей, ведущие мотивы их жизни и деятельности обуславливают особенности формирования личности ребенка. В современных условиях выделение типов направленности личности родителей по критерию значимости общественных или личных интересов и преобладания материальных или духовных ценностей – гуманистической или прагматической – представляет особый интерес.

Целью настоящего исследования стало изучение мотивационно-ценностного компонента экономического сознания подростков, воспитываемых родителями с разной направленностью личности.

Мотивационно-ценностная сфера представляет собой структуру, состоящую из мотивационных и ценностных компонентов, в которой, выполняя функцию побуждения к действию, ценности образуют тесные связи с мотивационными образованиями личности. Наличие ведущих мотивационных образований – это одна из главных особенностей мотивационно-ценностной сферы, которая выражается в такой ее характеристике, как иерархизованность. Иерархическое положение разных по содержанию – материальных и духовных – мотивов и ценностей является одним из ключевых

вопросов формирования экономического сознания.

Возрастом, в котором происходят существенные изменения в мотивационно-ценностной сфере, является подростковый. В связи с преобразованием социальной ситуации развития, расширяющейся сферой деятельности, происходит интенсивное формирование личностных новообразований. Мотивационно-ценностная сфера, ядро личности, в подростковом возрасте характеризуется тем, что в ней начинают занимать ведущие позиции общественно-значимые мотивы, а в формировании мотива начинает участвовать «блок внутреннего» фильтра, включающий нравственный контроль. Неустойчивость идеалов и ценностей, на которые ориентируется подросток при осуществлении нравственного контроля, а также «вакуум духовности» в современном обществе придают проблеме формирования мотивационно-ценностной сферы подростков особую значимость и актуальность.

Задача формирования мотивационно-ценностной сферы в первую очередь стоит перед ближайшим окружением подростка – родительской семьей. Цели воспитательных воздействий, ориентация на формирование духовно-нравственных или эгоистически-престижных мотивов, тесно связаны с направленностью личности родителей.

Гипотеза исследования: существуют различия в мотивационно-ценностном компоненте экономического сознания подростков, воспитываемых родителями с разной направленностью личности.

Методики исследования:

А. Для выявления особенностей мотивационно-ценностной сферы подростков:

- «Морфологический тест жизненных ценностей» В.Ф. Сопова, Л.В. Карпушиной (МТЖЦ)
- «Диагностика мотивационной сферы личности подростков 14-17 лет» (на основе методики Ж.Нюттена)
- «Выявление осознанности различных компонентов мотива» (А.В. Ермолина, Е.П. Ильина)
- «Изучение мотивации успеха и боязни неудачи» (А.А. Реана)

Б. Для выявления направленности личности родителей:

- «Морфологический тест жизненных ценностей» В.Ф. Сопова, Л.В. Карпушиной (МТЖЦ).

Сведения об участниках исследования: в исследовании принимали участие 122 человека, из них – 61 подросток в возрасте от 14 до 15 лет и их родители. Сбор эмпирического материала проводился нами совместно со студенткой ТТИ ЮФУ Барковой Е.О.

Изучение направленности личности родителей показало, что в целом у исследованной группы преобладает противоречивая (49 %) и неопределенная (33 %) направленность личности, что свидетельствует о том, что у большинства современных родителей нет четко сложившейся системы ценностей. А это в свою очередь затрудняет образование мотивационно-ценностного компонента экономического сознания у ребенка.

Выявление особенностей мотивационно-ценностной сферы подростков, воспитываемых родителями с разной направленностью личности, включало следующие этапы:

1. Выявление выраженности гуманистических или прагматических ценностей у подростков, воспитываемых родителями с разной направленностью личности

Выраженность гуманистических ценностей не имеет значимых различий в сравниваемых группах, кроме группы подростков, воспитываемых родителями с противоречивой направленностью личности по сравнению с теми, кто воспитывается родителями с неопределенной направленностью.

Однако различия в преобладании эгоистически-престижных ценностей статистически достоверны при сравнении группы подростков, воспитываемых родителями с гуманистической направленностью и трех других групп (у первых меньше, т.е. склонны к игнорированию материального достатка как безусловной ценности, к которой надо стремиться).

2. Выявление осознанности компонентов мотива у подростков, воспитываемых родителями с разной направленностью личности

Несмотря на то, что статистическая обработка не показала значимых различий в распределении ответов подростков разных групп, можно отметить следующие тенденции.

В группе подростков, воспитываемых родителями с гуманистической направленностью личности, наблюдается тенденция к большей осознанности компонентов мотива, относящихся к «внутреннему фильтру», включающему недекларируемый нравственный контроль, то есть, в ответах они проявляли моральные установки, выработанные самостоятельно и не связанные с контролем извне.

А у подростков, воспитываемых родителями с другими типами направленности личности,

существует тенденция к ответам, относящимся к декларируемому нравственному контролю. То есть, детям этих трех групп важно, чтобы окружающие видели их высоконравственное поведение, оценили их добрые поступки.

Группы детей, которых воспитывают родители с противоречивой и неопределенной направленностью личности характеризуются тенденцией к низкой степени осознанности своих мотивов. Подростки в этих группах в основном, давали ответы, не затрагивающие структуры мотива и ответы, описывающие чаще всего процесс удовлетворения потребностей.

3. Выявление преобладания духовно-нравственных или материальных мотивов у подростков, воспитываемых родителями с разной направленностью личности

У подростков, воспитываемых родителями с гуманистической направленностью личности, мотив помощи (альтруизма), довольно ярко выражен. У подростков, воспитываемых родителями с прагматической направленностью личности, проявилась направленность на отдых, досуг, переживание приятного.

Группы детей, чьи родители имеют противоречивую или неопределенную направленность, отличает стремление к влиянию, доминированию, выраженная в желании контролировать свое социальное окружение посредством совета, убеждения, приказа. Это может объясняться тем, что дети чувствуют себя беззащитными в ситуации отсутствия четких установок и проявляют желание доминировать, чтобы защититься от окружающего мира.

4. Выявление мотивации достижения у подростков, воспитываемых родителями с разной направленностью личности

Почти у всех подростков доминирует мотивация достижения успеха. Мотив избегания неудач был выявлен только у 10% детей, воспитываемых родителями с противоречивой направленностью личности, и у 25% детей, чьи родители имеют неопределенную направленность.

Статистически достоверно, что мотив избегания неудачи в выборке подростков, воспитываемых родителями с неопределенной направленностью, выше. Невозможность выбрать цель и четко описать желаемый конечный результат деятельности от родителей передается воспитываемым им детям. Дети стараются в своей деятельности избежать срыва, наказания, неудачи и думают чаще о путях избегания этой гипотетической неудачи, а не о способах достижения успеха.

Проанализировав результаты выявления особенностей мотивационно-ценностного компонента экономического сознания подростков, можно выявить определенные закономерности и различия в группах детей, воспитываемых родителями с разной направленностью личности.

Группа детей, которых воспитывают родители с гуманистической направленностью личности, характеризуются:

- достоверно меньшей выраженностью прагматических ценностей по отношению к трем другим группам. Достоверных различий между группами по степени выраженности гуманистических ценностей выявлено не было;

- большей осознанностью компонентов мотива, относящихся к «внутреннему фильтру», включающему нравственный контроль. В 67% случаев на вопросы методики «выявление осознанности различных компонентов мотива» они давали ответы, относящиеся к недекларируемому нравственному контролю;

- доминированием у большинства подростков (83%) мотива помощи (альтруизма) и аффилиации;
- преобладанием мотивация достижения успеха.

Группа детей, которых воспитывают родители с прагматической направленностью личности, характеризуются:

- большей выраженностью прагматических ценностей;
- большей осознанностью компонентов мотива, относящихся к «внутреннему фильтру», тенденциями к ориентации на внутренние предпочтения («Мне так нравится», «Я так хочу») и оценке своих возможностей;

- доминированием направленности на отдых, досуг, переживание приятного;
- преобладанием мотивация достижения успеха.

Группы детей, которых воспитывают родители с противоречивой и неопределенной направленностью личности, характеризуются:

- большей выраженностью прагматических ценностей;
- тенденцией к низкой степени осознанности своих мотивов;

- тенденцией к преобладанию мотивов влияния/ доминирования;

- преобладанием мотивации избегания неудач.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу и позволило установить особенности мотивационно-ценностного компонента экономического сознания подростков, воспитываемых родителями с разной направленностью личности.

Литература

1. Журавлев А.Л., Поздняков В.П. Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – №3, 2004. – С. 46-65.

2. Купрейченко А.Б. Нравственно-психологическая детерминация экономического самоопределения личности и группы: автореф. дис. д. психол. наук: 19.00.05. – Москва, 2010. – 47 с.

Движнянинова Е.Н.,

Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола

РАЗВИТИЕ НАВРСТВЕННО-ЭТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

В отечественной психологии проблеме нравственности уделялось значительное внимание. Нравственность рассматривалась в рамках личностного и деятельностного подходов, где основной акцент ставился на ее социальной и культурно-исторической детерминации (Б.Г.Ананьев, С.Л.Рубинштейн, Л.С.Выготский, А.Н.Леонтьев, Д.Б.Эльконин, Л.И.Божович и др.).

В концепции человека как субъекта развития и саморазвития (Попов, 2000) нравственно-этический слой входит в состав мотивационно-личностной полисферы. Данная полисфера относится к внутренней детерминации поведения человека и определяет особенности внешних действий субъекта, а также создает условия для постоянного изменения самого себя. Внутренняя детерминация в совокупности с внешней образуют детерминантный, личностный комплекс в модели системно-структурной организации человека как субъекта развития и саморазвития. В качестве механизма развития субъекта рассматривается идея «психологического маятника», характеризующая постоянные взаимопереходы внешних действий, представлений во внутренние и наоборот. Благодаря переходам, происходит расширение амплитуды колебаний за счет проникновения в зоны ближайшего развития, что создает условия для постоянного развития и саморазвития субъекта. Развитие нравственной сферы также подчиняется данному механизму, происходит по средствам усвоения человеком норм морали, принятых в обществе и формированию индивидуальных нравственных представлений.

В основе формирования личности студентов технического ВУЗа должен быть акцент на нравственную направленность (Доронина, 2008). Необходимость формирования нравственной направленности студентов университета обусловлена тем, что будущая трудовая деятельность основывается на формировании высокого уровня обобщения и абстракции, при этом возникает нравственная изоляция, техническая и информационная редукция. Происходит недооценка важности духовно-нравственной основы.

Формирование нравственной направленности студента предполагает разработку и реализацию модели, которая включает в себя цель, подходы и принципы, содержание процесса формирования нравственной направленности студентов, формы и методы формирования направленности и прогноз результата. Содержание процесса формирования нравственной направленности студента, обусловленное содержанием нравственной направленности инженера, образуют ценности блага, добра, пользы, ответственности, долга, совести, реализуемые в рамках ценностного отношения, на методологическом уровне которого выявляется, как существуют ценности и как они регулируют деятельность человека, на мировоззренческом уровне – соотношение систем ценностей (Доронина, 2008).

Нами проведено экспериментальное исследование, целью которого было выявить особенности развития нравственно-этической сферы личности студентов. В исследовании приняли участие студенты Марийского государственного технического университета II и IV курсов трех

специальностей, всего 271 человек.

Диагностика по методике «Добро-Зло» показала, что студенты-экономисты второго курса существенно отличаются более позитивной тенденцией в отношении к жизни, чем другие студенты: показатели Добра ($t=1,98$ при $p \leq 0,05$) и Человечности ($t=2,22$ при $p \leq 0,05$) выше, чем у студентов-строителей и студентов-лесотехников. На четвертом курсе у студентов-экономистов несколько снижается значение показателя деструктивного отношения к миру ($t=4,04$ при $p \leq 0,001$), а соответственно и увеличивается позитивная величина соотношения «Добро-Зло» ($t=3,51$ при $p \leq 0,001$).

Динамика показателей студентов-строителей характеризуется некоторым снижением деструктивных отношений и увеличением значения показателя «Добро-Зло» ($t=6,38$ при $p \leq 0,001$). У студентов-лесотехников отмечается некоторое увеличение конструктивных тенденций и снижение выраженности деструктивных тенденций. При этом соотношение Добра и Зла остается практически неизменным.

Результаты по методике «Диагностика самоактуализации личности» – САМОАЛ показали, что студенты-экономисты характеризуются более высокими значениями таких показателей как Ценности ($t=2,59$ при $p < 0,05$), что указывает на более заметную ориентацию на общесоциальные ценности и стремление к гармоничному развитию; Креативность ($t=3,18$ при $p < 0,01$) свидетельствует о том, что у студентов-экономистов более развитый потенциал творческого отношения к жизни и Контактность ($t=2,80$ при $p < 0,01$) указывают на лучшую сформированность в этой группе испытуемых коммуникативную компетентность и готовность к построению долговременных отношений. У студентов-строителей несколько лучше сформирован показатель Ориентация во времени ($t=8,92$ при $p \leq 0,05$), что указывает на их более заметную прагматическую ориентацию на «здесь и сейчас», а у студентов-лесотехников более выражены Автономность ($t=-2,25$ при $p \leq 0,05$), что может указывать на более выраженную целостность структуры личности, ее независимость от других людей и обстоятельств, и Спонтанность ($t=-2,25$ при $p \leq 0,05$), что указывает на более развитую внутреннюю свободу, их более выраженную естественность в поведении.

У студентов-экономистов четвертого курса по методике «Диагностика самоактуализации личности» отличается изменениями (в сторону увеличения) величина таких показателей как: Ориентация во времени ($t=3,45$ при $p \leq 0,001$), рост этого показателя указывает на то, что студенты в значительно большей степени становятся ориентированными на объективность времени существования и меньше погружены в анализ прошлого и фантазии о будущем, Ценности ($t=4,48$ при $p \leq 0,001$), увеличение показателя свидетельствует о прятии общечеловеческих ценностей, что указывает на более высокий уровень самоактуализации личности, Креативность ($t=3,69$ при $p \leq 0,001$), увеличение этого показателя свидетельствует о творческом отношении ко всему происходящему, что является необходимым условием самоактуализации, Контактность ($t=3,41$ при $p \leq 0,001$), рост показателя указывает на повышение общительности и готовности строить долговременные позитивные отношения, Гибкость в общении ($t=11,28$ при $p \leq 0,001$), положительное изменение этого показателя свидетельствует о повышении способности к адекватному самовыражению в общении. При этом необходимо отметить некоторое снижение величины показателя Аутосимпатия ($t=-2,43$ при $p \leq 0,05$), что указывает на некоторое уменьшение объективности «Я-образа».

Динамика показателей у студентов-строителей направлена в сторону увеличения. Существенность этих сдвигов подтверждается и результатами статистического сравнения: Ориентация во времени ($t=8,92$ при $p \leq 0,001$), Ценности ($t=9,19$ при $p \leq 0,001$), Взгляд на природу человека ($t=4,43$ при $p \leq 0,001$), изменение этого показателя в сторону увеличения указывает на рост доверия к другим людям, Потребность в познании ($t=6,57$ при $p \leq 0,001$), рост показателя свидетельствует о росте потребности в новых знаниях безотносительно их утилитарной ценности, Креативность ($t=3,70$ при $p \leq 0,001$), Автономность ($t=9,09$ при $p \leq 0,001$), существенное изменение показателя свидетельствует о положительном изменении самодостаточности и целостности личности, Спонтанность ($t=3,11$ при $p \leq 0,01$), рост величины показателя указывает на изменение поведения связанные с его естественностью и низким напряжением, Самопонимание ($t=6,19$ при $p \leq 0,001$), увеличение показателя свидетельствует о формировании сензитивности в отношении своих стремлений и желаний, а также снижении уровня конформности, Аутосимпатия ($t=4,36$ при $p \leq 0,001$), возрастание величины показателя указывает на формирование в учебном процессе позитивной «Я-концепции», Контактность ($t=4,93$ при $p \leq 0,001$), Гибкость в общении ($t=4,93$ при $p \leq 0,001$).

Статистически достоверные изменения динамики показателей по методике «Диагностика самоактуализации личности» у студентов-лесотехников обнаружены по единственному показателю – Гибкость в общении ($t=2,66$ при $p \leq 0,01$) – увеличение этого показателя свидетельствует о заметном росте способности к самовыражению в общении с другими людьми.

Таким образом, нравственно-этическое развитие не является изолированным процессом, а органично включено в целостное психическое и социальное развитие личности. При этом необходимо учитывать, что студенческий возраст является периодом наиболее активного развития нравственных и эстетических чувств, овладения комплексом социальных ролей взрослого человека. Важнейшим новообразованием этого периода является развитие самообразования, то есть самопознания, а суть его – установка по отношению к самому себе. Знание и учет особенностей нравственно-этического развития на данном возрастном этапе и специфики уровней нравственного развития позволят организовывать систему целенаправленного созидания, которая обеспечит достижение высокого уровня нравственно-этического развития личности, что является особенно важным в кризисный период развития российского общества.

Литература

1. Буякас Т.М. Процесс обучения как диалог между профессиональным и личностным становлением / Т.М. Буякас // Вестник Московского университета.– Серия 14. Психология. – 2001. – №2. – С. 69-78.
2. Горбачев А.Л. Механизмы и условия формирования духовно-нравственной культуры личности / А.Л.Горбачев // Актуальные проблемы науки и гуманитарного образования: Межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 5. – Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2004.- С. 59-65.
3. Доронина О.Ю. Содержание и методы формирования нравственной направленности студента – будущего инженера: дисс. канд. психол. наук / О.Ю. Доронина. – Самара. 2008.
4. Попов Л.М. Психология самодетельного творчества студентов / Л.М. Попов. – Казань: КГУ, 1990. – 238 с.
5. Попов Л.М. Добро и Зло в психологии человека / Л.М.Попов, А.П. Кашин, Т.А.Старшинова. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2000. – 176 с.

*Зеленова М.Е.,
Институт психологии РАН, Москва*

СОЦИАЛЬНАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ СУБЪЕКТОВ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (Грант 11-06-00-234а)

Масштабные социально-экономические преобразования последних лет сильно изменили социальную и профессиональную структуру общества. Люди были вынуждены адаптироваться к происходящим переменам, встраиваться в новые профессиональные и социальные структуры, что привело к распаду и трансформации важных аспектов идентичности и, прежде всего, затронуло социальную и профессиональную идентичность человека (Ермолаева, 2011). Кроме того, воздействие многочисленных стресс-факторов окружающей среды сильно отразилось на состоянии здоровья населения. Проблема изучения путей и способов поддержания и укрепления здоровья, как на уровне индивида, так и популяции в целом в условиях нестабильной экономической и социальной среды оказалась в ряду приоритетных задач для целого ряда естественных и гуманитарных наук, в том числе и психологических.

Для социальной и профессиональной успешности необходим определенный уровень психосоматического здоровья, а также наличие устойчивой идентичности как важного регуляторного механизма функционирования индивида (Аронсон, Уилсон, Эйкерт, 2002). Исследования последних лет показали, что эффективность профессионалов зависит не только от степени подготовленности, наличия специальных знаний и технических навыков, но во многом определяется индивидуально-личностными характеристиками, включая особенности саморегуляции, мотивационные и ценностно-нравственные установки, которые приобретают особую значимость в стрессовых ситуациях (Бодров,

2006; Дикая, 2003).

Одним из наиболее перспективных направлений психологии в данной области можно считать ресурсный подход, получивший развитие в работах зарубежных и отечественных исследователей, рассматривающих ресурсы и резервы организма и психики человека в качестве одного из важных факторов противодействия формированию негативных психических состояний (Бодрова, 2006, 2011). Именно внутренние составляющие системы совладания в значительной степени зависят от самого человека, поддаются коррекции и могут быть использованы для сохранения психологического благополучия и повышения уровня здоровья. В качестве одного из таких ресурсов можно рассматривать индивидуально-личностные особенности субъекта труда, в частности – характеристики общей и профессиональной я-концепции индивида.

Цель исследования: Изучение личностных коррелятов профессионального здоровья. Выявление связи между индивидуально-личностными особенностями (составляющими я-концепции) и уровнем психического дистресса как детерминантами надежности и работоспособности профессионалов.

Профессиональное здоровье в данном исследовании рассматривается, как способность индивида быть работоспособным, продуктивным и креативным в реальных условиях конкретной профессиональной деятельности, сохраняя физическое, психологическое (субъективное) и социальное благополучие. Под «психическим дистрессом» понимается совокупность признаков негативных эмоциональных состояний, таких как депрессия, тревога, состояние нервно-психической напряженности и др., диагностируемых с помощью конкретных психологических методик. Особенности я-концепции рассматриваются в качестве важнейших психологических переменных, способных противостоять развитию неблагоприятных психосоматических состояний, как внутренние ресурсы индивида, детерминирующие его стрессоустойчивость и позволяющие сохранять работоспособность в ситуациях повышенной напряженности на работе и за ее пределами.

Участники исследования: специалисты технического профиля, работающие на предприятиях машиностроительной промышленности. Средний возраст - 39 лет. Средний уровень образования – 11,2 лет обучения.

Методы исследования:

С целью выявления уровня психического дистресса и субъективной оценки здоровья обследованных специалистов были использованы шкала определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Т.Х. Холмса, Р.Х. Райх и шкала психологического стресса PSM-25 (Водопьянова, 2005). Для выявления особенностей социальной, профессиональной и личностной идентичности применялись: 1. опросник Урбанович А.А. «Личностная и социальная идентичность» (ЛСИ); 2. опросник Е.В. Харитоновой, Б.А. Ясько «Профессиональная востребованность личности» (ПВЛ); 3. метод семантического дифференциала (СД).

Статистическая обработка данных проводилась с использованием стандартного пакета программ PASW Statistics 17 для Windows. Для оценки взаимосвязей между переменными и их структурной классификации использовались корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена), сравнительный анализ (t-критерий Стьюдента) и факторный анализ (метод главных компонент).

Результаты исследования:

Статистическая обработка и анализ материалов, полученных в ходе эмпирического исследования, позволили получить следующие результаты:

1. Выявлены значимые корреляционные взаимосвязи между показателями психосоматического статуса представителей машиностроительной промышленности и особенностями их социальной, профессиональной и личностной идентификации. Показано, что высокая самооценка и позитивная профессиональная я-концепция находятся в обратной связи с уровнем общего дистресса и субъективной оценкой состояния здоровья.

2. Сравнение групп машиностроителей, имеющих низкий и высокий уровень стресса, позволило обнаружить статистически значимые различия по целому ряду параметров социальной и личностной идентичности, а также зафиксировать различия в структуре профессиональной я-концепции. Установлено, что у индивидов, принадлежащих к группе с большей выраженностью симптомов психического дистресса, количественные показатели социальной и личностной идентичности (по тесту ЛСИ) имеют более низкие величины. Составляющие профессиональной самооценки, такие как «удовлетворенность реализацией профессионального потенциала», «переживание профессиональной востребованности», «отношение других», «самоотношение»,

«оценка результативности деятельности» и «общий индекс профессиональной востребованности» также ниже в группе с более высоким уровнем стресса. Не обнаружено различий в характеристиках социально-демографического и профессионального статуса обследованных индивидов. Кроме того, группы не отличаются по количеству эмоционально значимых жизненных событий, имевших место в течение года. То есть, результаты сравнительного анализа позволяют с большой вероятностью предполагать, что в процессе сохранения здоровья внутренние факторы (индивидуально-личностные особенности индивидов) играют ведущую роль. Специалисты-машиностроители с одинаковым уровнем стрессонаполненности жизни и не различающиеся по возрасту, образованию, наличию семьи, стажу и профессиональной квалификации реагируют на стресс в зависимости от личностных характеристик.

3. Результаты факторного анализа подтвердили существование тесной взаимосвязи между особенностями самоидентификации и уровнем стресса. Матричную структуру составили 6 значимых факторов, описывающих 75% совокупной дисперсии. Составляющие я-концепции, характеризующие уровень социальной («я и общество»), личностной («мой внутренний мир») и профессиональной («моя работа») идентичности и показатели здоровья, отражающие уровень проявления дистресса, самооценку состояния здоровья и стрессонаполненность жизни объединились в первом факторе с высокими факторными нагрузками (0,9- 0,65). Структурообразующей шкалой фактора выступила шкала ЛСИ «я и общество».

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить структуру и направленность взаимосвязей между уровнем стресса, особенностями субъективной оценки состояния здоровья и составляющими общей и профессиональной я-концепции. Показана роль характеристик социальной, профессиональной и личностной идентичности в нейтрализации неблагоприятных воздействий жизненных ситуаций для сохранения здоровья, работоспособности и надежности функционирования профессионалов. Установлено, что я-концепция является важным внутренним ресурсом, позволяющим поддерживать состояние профессионального здоровья, регулировать уровень психического дистресса и эффективность деятельности (на примере специалистов инженерно-технического профиля).

Литература

1. Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. – СПб.: праймЕВРОЗНАК, 2002.
2. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПЕР СЭ, 2006.
3. Бодров В.А. К проблеме функциональной надежности субъекта труда // ЧФ. Проблемы психологии и эргономики. 2011, № 3. С. 4-8.
4. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб., 2009.
5. Дикая Л.Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
6. Ермолаева Личностные и социальные функции в реализации профессионала // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып.3/ Под ред. В.А.Бодрова, А.Л.Журавлева.- М.: Изд-во «ИП РПН», 2011, с. 556-576.

*Иванченко Т.П.,
БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа*

СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГОВ

В настоящее время в России система образования переживает серьезные преобразования. В условиях введения новых федеральных государственных образовательных стандартов предъявляются все более высокие требования не только к профессиональным знаниям, умениям и навыкам педагога, но и к уровню его личностного саморазвития, его психологического самочувствия.

Между тем, существуют экономические проблемы, среди которых маленькая заработная плата, недостаточная техническая оснащенность учебных заведений, а также социально-психологические, связанные с падением престижа педагогической профессии. Отсутствие должного признания со

стороны общества ведет к низкой оценке педагогом своей профессиональной компетентности, к появлению чувства беспомощности.

Кроме того, для педагогической деятельности характерны ежедневные эмоциональные перегрузки, психическая напряженность и стрессовые ситуации, высокий динамизм, нехватка времени, большое количество «бумажной» работы, сложность возникающих педагогических ситуаций, социальная оценка, необходимость осуществления частых и интенсивных эмоциональных контактов, соучастия, сопереживания, выдержанности, взаимодействие с различными категориями людей, вкладывание в работу больших личностных ресурсов, работа с «немотивированными» учениками и т.д.

Все перечисленные факторы обуславливают чрезвычайную подверженность деятельности педагога влиянию феномена эмоционального выгорания, отрицательно сказывающегося на эффективности профессиональной деятельности: ухудшаются результаты работы, снижается уровень удовлетворенности профессиональной деятельностью и жизнью, накапливается усталость, возникают трудности установления позитивных контактов с учениками и коллегами. В результате снижается уровень квалификации.

Над проблемами эмоционального выгорания работали следующие психологи: Г. Селье, Р.П. Мильруд, К. Маслач, В.В. Бойко, В.Е. Орел, Л.М. Митина, Н.В. Кузьмина, В.П. Зинченко, Б.Ф. Ломов, В.А. Пономаренко, В.Д. Шадриков, М.И. Лисина, А.И. Сильвестров, Е.В. Субботский, И.В. Дубровина и др.

Анализ научной литературы позволяет рассматривать синдром выгорания как состояние эмоционального, умственного и физического истощения из-за продолжительной эмоциональной нагрузки. Эмоциональное выгорание определяется как выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на избранные психотравмирующие воздействия (Бойко, 1996).

По мнению отечественных и зарубежных исследователей, выгорание – динамический процесс. Оно включает в себя три основных составляющих, проявляющихся поэтапно: эмоциональная истощенность, деперсонализация (цинизм) и редукция профессиональных достижений.

Эмоциональное истощение - чувство эмоциональной опустошенности и усталости; контакты с учениками и коллегами клиентами становятся обезличенными и формальными; часто возникает внутренне сдерживаемое раздражение к ученикам и коллегам, которое со временем прорывается наружу и приводит к конфликтам.

Деперсонализация - циничное отношение к труду и объектам своего труда; у педагога появляется негативное отношение к ученикам, исчезает эмоциональная вовлеченность в отношения и рабочие ситуации.

Редукция профессиональных достижений - возникновение у работников чувства некомпетентности в своей профессиональной сфере; педагог становится безразличным к своему предмету, к ученикам.

Личностные характеристики, провоцирующие выгорание: тревожность, чувствительность, склонность к интроверсии, гуманистическая жизненная установка, склонность отождествляться с другими. Личностные характеристики, тормозящие процесс возникновения синдрома психического выгорания: оптимизм, высокая самооценка, интернальная Я-концепция, конфликтоустойчивость, увлеченность, проницательность, целеустремленность (Орел, 2005).

Описаны различные симптомы «выгорания»: симптом «эмоционального дефицита», симптом «эмоциональной отстраненности», симптом «личностной отстраненности, или деперсонализации», симптом «психосоматических и психовегетативных нарушений» (Бойко, 1996).

В целом, исследователи выделяют следующие симптомы синдрома эмоционального выгорания: физические симптомы (усталость, физическое утомление, истощение; изменение веса; недостаточный сон, бессонница; плохое общее состояние здоровья, в т.ч. по ощущениям; затрудненное дыхание, одышка; тошнота, головокружение, чрезмерная потливость, дрожь; повышение артериального давления; язвы и воспалительные заболевания кожи; болезни сердечно-сосудистой системы);

эмоциональные симптомы (недостаток эмоций; пессимизм, цинизм и черствость в работе и личной жизни; безразличие, усталость; ощущение беспомощности и безнадежности; агрессивность, раздражительность; тревога, усиление иррационального беспокойства, неспособность сосредоточиться; депрессия, чувство вины; истерики, душевные страдания; потеря идеалов, надежд или профессиональных перспектив; увеличение деперсонализации своей или других - люди

становятся безликими, как манекены; преобладает чувство одиночества);

поведенческие симптомы (рабочее время более 45 часов в неделю; во время работы появляется усталость и желание отдохнуть; безразличие к еде; малая физическая нагрузка; оправдание употребления табака, алкоголя, лекарств; несчастные случаи - падения, травмы, аварии и пр.; импульсивное эмоциональное поведение);

интеллектуальное состояние (падение интереса к новым теориям и идеям в работе, к альтернативным подходам в решении проблем; скука, тоска, апатия, падение вкуса и интереса к жизни; большее предпочтение стандартным шаблонам, рутине, нежели творческому подходу; цинизм или безразличие к новшествам; малое участие или отказ от участия в развивающих экспериментах - тренингах, образовании; формальное выполнение работы);

социальные симптомы (низкая социальная активность; падение интереса к досугу, увлечениям; социальные контакты ограничиваются работой; скудные отношения на работе и дома; ощущение изоляции, непонимания других и другими; ощущение недостатка поддержки со стороны семьи, друзей, коллег) (Сидоров, 2005).

Выделяют внешние и внутренние факторы, влияющие на синдром эмоционального выгорания.

Внешние факторы: хроническая напряженная психоэмоциональная деятельность, повышенная ответственность за исполняемые функции, неблагоприятная психологическая атмосфера профессиональной деятельности.

Внутренние факторы: склонность к эмоциональной ригидности; интенсивная интериоризация (восприятие и переживание) обстоятельств профессиональной деятельности; слабая мотивация эмоциональной отдачи в профессиональной деятельности; нравственные дефекты и дезориентация личности (Прохоров, 2005).

Исследование, проведенное нами на базе Кумертауского филиала Уфимского государственного авиационного технического университета в 2010-2011 году, показало, что синдром эмоционального выгорания находится в той или иной стадии формирования у 77,5% преподавателей.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что необходим поиск эффективных мер, направленных на предупреждение наступления у педагогов синдрома эмоционального выгорания.

В психопрофилактической работе можно выделить два основных направления: организационное и личностное. Суть первого направления состоит в профилактике психотравмирующих факторов, прежде всего, в улучшении условий труда. Второе заключается в психологической профилактике возможных отклонений в группе риска (Реан, Баранов, 1997).

Изменить организационные условия работы педагогов – задача общества.

Важнейшей задачей администрации учебного заведения является создание условий для повышения психологической культуры педагогов и овладения ими методами психологической саморегуляции. Необходимо внедрять обучающие программы по преодолению эмоционального выгорания и развивающие программы, направленные на осознание и раскрытие личностного и творческого потенциала педагогов. Эффективно проведение психологических тренингов, которые позволяют участникам прояснить стереотипы действий, препятствующие решению проблем, устанавливать более эффективные взаимоотношения с учащимися. Могут использоваться интерактивные методы: ролевые игры, дискуссия, «мозговой штурм», кейсы (анализ конкретных ситуаций) и др.

Методы психологической саморегуляции направлены на формирование адекватных внутренних средств деятельности человека по управлению собственным состоянием, которое достигается путем воздействия человека на самого себя с помощью слов, мысленных образов, управления мышечным тонусом и дыханием.

Управление дыханием — эффективное средство влияния на тонус мышц и эмоциональное состояние. Медленное и глубокое дыхание снижает возбудимость нервных центров, способствует мышечному расслаблению, то есть релаксации.

Умение расслаблять мышечные зажимы позволяет снять нервно-психическую напряженность.

Словесное воздействие связано с механизмом самовнушения, при котором идет воздействие на психофизиологические функции организма.

Использование образов основано на активном воздействии чувств и представлений на центральную нервную систему.

С успехом могут применяться следующие методы: релаксация, идеомоторные акты, определение целей, положительная внутренняя речь.

К эффектам саморегуляции можно отнести:

- эффект успокоения (происходит избавление от эмоциональной напряженности),
- эффект восстановления (ослабляются проявления утомления),
- эффект активизации (повышается психофизиологическая реактивность).

К организации психологической профилактики синдрома профессионального выгорания необходимо подходить комплексно: важны и просвещение, и диагностика, и консультирование, и коррекция, и в отдельных случаях психотерапия. Просвещение направлено на распространение необходимой информации о выгорании, диагностика – на выявление личностных особенностей, консультирование – на прояснение возможных причин трудностей, психотерапия – на глубинную проработку личностных тем.

Значительные возможности профилактики и коррекции синдрома эмоционального выгорания содержат арт-терапия, психодрама, гештальтподход. При выборе оптимальной стратегии психологической помощи нужно учитывать личностные особенности и конкретную ситуацию.

Важнейшим принципом предотвращения синдрома эмоционального выгорания является соблюдение требований психогигиены самим педагогом. Например, педагог может:

- использовать психологические приемы самозащиты, методики релаксации, медитации, психологической разгрузки, визуализации, ауторегуляции, самопрограммирования;
- освоить и использовать техники тайм-менеджмента, обязательно отдыхать;
- рассчитывать и обдуманно распределять свои нагрузки;
- поддерживать свое здоровье, хорошую физическую форму, вести здоровый образ жизни;
- развиваться в профессиональном плане;
- делиться своим опытом и проблемами с профессиональным сообществом;
- соблюдать режим сна и питания;
- учиться переключаться с одного вида деятельности на другой;
- способствовать созданию позитивной психологической атмосферы в трудовом коллективе;
- развивать интересы, не связанные с работой;
- общаться с друзьями (желательно не с педагогами, чтобы избежать разговоров исключительно о работе);
- иметь хобби;
- использовать возможность обратиться за помощью, советом к коллеге, психологу;
- проходить курсы индивидуальной и групповой психотерапии.

В процессе психологического консультирования и психотерапии могут происходить следующие позитивные изменения:

- осознание своих деструктивных моделей поведения и ограничений;
- принятие себя, переоценка собственной личности и своего профессионального статуса, повышение самооценки;
- освобождение от мешающих стереотипов, мифов (например, от мифов: «Я не имею права на ошибку», «Я всегда должен быть сдержанным» и др.);
- отреагирование эмоций, освобождение от негативных состояний и чувств;
- избавление от повышенной тревожности, страхов, гиперответственности;
- трансформация негативных убеждений;
- избавление от излишней конкурентности в отношениях;
- изменение установки по отношению к жизни, к ее смыслу, формирование здоровой оценки места профессии в жизни, уменьшение тотальной идентификации с ролью педагога;
- освоение новых навыков коммуникации, а также навыков конструктивного разрешения конфликтов;
- приобретение умений контролировать свои эмоциональные ресурсы, справляться с собственными негативными переживаниями, с агрессией и др.

Формирование личностных качеств, необходимых навыков целесообразно начинать на ранних этапах профессионального обучения. В период профессиональной подготовки в вузе студенты должны приобрести навыки самоконтроля, самооценки, умения управлять своими эмоциями и т. д. Нужно вводить спецкурсы, направленные на подготовку будущих педагогов к возможной эмоциональной перегрузке, формирование у них соответствующих знаний, умений, личностных качеств, необходимых для минимизации и преодоления эмоциональных трудностей профессии.

Литература

1. Бойко, В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других / В.В. Бойко. – М.: Издательский дом «Филинь», 1996. – 154 с.
2. Орёл В.Е. Феномен «психического выгорания»: теория, проблемы диагностика // Орел, В. Е. Структурно-функциональная организация и генезис психического выгорания: Автореф. ...д-ра пс. н. / В. Е. Орел. – Ярославль, 2005. – 51 с.
3. Прохоров А.О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности. - М.: ПЕР СЭ., 2005. – 352 с.
4. Реан А.А., Баранов А.А. Факторы стрессоустойчивости учителей // Вопросы психологии. — 1997. — № 1. — С.45-55.
5. Сидоров П.И. Синдром эмоционального выгорания // Медицинская газета. - №43. – 8 июня 2005 г. http://medgazeta.rusmedserv.com/2005/43/article_1322.html

*Каширский Д.В.,
Алтайская академия экономики и права, Барнаул*

ФАКТОРНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ*

*Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №12-06-00121)

Психология мотивации и связанные с ней проблемы стали привлекать внимание зарубежных ученых с 1930-х годов. Данная проблематика является одной из центральных в психологических исследованиях личности и представлена многими известными теориями (Г. Олпорт, А. Маслоу, Ф. Герцберг, Р. Кеттелл и др.). Большой вклад в исследование мотивации трудовой деятельности внесли Ф. Тейлор, К. Альдерфер, Дж. С. Адамс, Х. Хекхаузен, Д. МакГрегор и др. Изучение мотивации трудовой деятельности в России имеет научные истоки в XIX веке, но всплеск интереса отечественных ученых к исследованию мотивов труда произошел лишь в 80-90-е годы XX века (А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов, В.Г. Асеев, И.Г. Кокурина и др.).

Исследованием мотивации трудовой деятельности выступает часть более общей и фундаментальной психологической проблемы мотивации деятельности и поведения. Данная проблема, как известно, является основополагающей не только для психологической науки, но имеет и ярко выраженный междисциплинарный характер. Фундаментальный характер проблемы мотивации обусловлен тем, что она выступает проблемой движущих сил человеческого поведения и деятельности. «Учение о мотивации, - писал С.Л. Рубинштейн, - выступает как конкретизация учения о детерминации» (Рубинштейн, 2003). По мысли С.Л. Рубинштейна, мотивация есть ни что иное, как «через психику реализующаяся детерминация миром» и именно поэтому собственно научное психологическое исследование любой деятельности связано, прежде всего, с изучением ее мотивационных аспектов.

Трудовая мотивация является специфическим видом мотивации человеческого поведения. По мнению А.Я. Кибанова, трудовая мотивация представляет собой «стремление работника удовлетворить свои потребности в определенных благах посредством труда, направленного на достижение целей организации» (Кибанов, 2009). При этом «мотивационная сфера любого субъекта, включенного в трудовую деятельность, представляет собой систему мотивов, базирующихся на материальных, духовных и социальных потребностях» (Черемошкина, 2004). Е.А. Куприянов и А.Г. Шмелев определяют мотивацию труда как «совокупность внутренних и внешних движущих сил, побуждающих человека к трудовой деятельности и придающих этой деятельности направленность, ориентированную на достижение определенных целей» (Куприянов, Шмелев, 2006). И.Г. Кокурина под трудовой мотивацией понимает процесс наполнения смыслами наиболее значимых стимулов труда. В результате этого процесса возникает структура в виде иерархии смыслообразующих мотивов, способная оказывать обратное влияние на трудовую мотивацию (Кокурина, 1990). Е.П. Ильин определяет мотивацию трудовой деятельности как «совокупность побудительных причин, которые заставляют человека заниматься трудом» (Ильин, 2008).

В современной психологии понятие трудовой мотивации получило достаточно подробный анализ, а соответствующая феноменология - разностороннее изучение. В то же время в психологической науке отсутствует всесторонний и детальный анализ проблемы мотивации трудовой деятельности

руководителей, недостает также и эмпирических исследований на эту тему. Трудовая деятельность, как и любая другая деятельность человека, имеет полимотивированный характер, поэтому ее изучение необходимо предполагает проникновение во внутреннюю структуру мотивационной сферы человека (Каширский, Макота, 2012).

Целью данной работы является построение факторно-аналитической модели трудовой мотивации современных российских руководителей.

Выборка. В исследовании, организованном совместно с Макота Е.М., приняли участие руководители (менеджеры среднего звена) – мужчины и женщины в возрасте от 26 до 63 лет (средний возраст – 45,67 лет), всего - 123 человека.

Методы исследования. В работе использованы: опросник «Словарь» (И.Г. Кокурина), опросники исследования мотивации успеха и избегания неудач (А.А. Реан) и мотива власти (Е.П. Ильин), методика изучения внутренней и внешней мотивации профессиональной деятельности К. Замфир (в модификации А.А. Реана), эксплораторный факторный анализ.

Результаты исследования. Для оценки структуры трудовой мотивации руководителей применялся метод главных компонент, который с использованием процедуры Varimax вращения и нормализацией Кайзера позволил найти шестифакторное решение. Выделенные факторы объяснили более 70% общей дисперсии. Анализ матрицы факторных нагрузок показал, что шкалы «Мотивация успеха и избегание неудач» А.А. Реана и «Мотив власти» Е.П. Ильина не вошли ни в один из факторов, показав низкие корреляции с каждым из них. Полученная шестифакторная модель трудовой мотивации руководителей отличается тем, что первый, пятый и шестой факторы, входящие в ее структуру, получились униполярными. Каждый из этих факторов положительно нагружен какой-то одной из шкал опросника К. Замфир. Второй, третий и четвертый факторы оказались биполярными, то есть имеющими, как положительные, так и отрицательные полюса. Различные шкалы нагрузили эти факторы большими весами, составив с ними как положительные, так и отрицательные, корреляции. Перейдем к более детальному описанию модели.

Фактор 1. «Содержание профессиональной деятельности». Метод главных компонент позволил установить, что первый по значимости фактор, лежащий в основе профессиональной мотивации руководителей, нагружен преимущественно шкалой К. Замфир «Внутренняя мотивация», то есть является униполярным. Выделенная компонента объясняет 27% общей дисперсии и, исходя из названия шкалы методики Замфир, указывает, что в основе трудовой мотивации руководителей лежит, в первую очередь, потребность в саморазвитии и самореализации. Говоря иначе, ведущим фактором трудовой мотивации руководителей является содержание их профессиональной деятельности.

Фактор 2. «Деньги как средство самореализации». Второй фактор – биполярный. Он объясняет 12,4% общей дисперсии и объединяет ряд шкал (смыслообразующих мотивов) методики И.Г. Кокуриной, относящихся к категории «Деньги». Положительный полюс фактора образован мотивами процессуальной ориентации: преобразовательным, утилитарным и кооперативным, а отрицательный полюс – мотивами результирующей ориентации: преобразовательным, утилитарным, кооперативным, конкурентным и мотивом достижения.

Как показывает анализ пунктов, вошедших в данный фактор с положительным знаком, категория «Деньги» приобретает для опрошенных разные смысловые оттенки. Так, в представлениях современных руководителей, деньги – это «возможность приобретать вещи, способные украсить и облегчить жизнь», «возможность в работе любить саму работу, то, о чем вспоминаешь, когда их нет, и забываешь, когда они есть», «плата за вложенный труд, которой делишься с близкими тебе людьми». Анализ пунктов, составивших отрицательный полюс фактора, показал, что деньги рассматриваются руководителями как «стимул в развитии материальной культуры общества», «возможность иметь другие увлечения, помимо профессиональных», «стимул, мобилизующий на проявление сообразительности для выполнения больших и сложных задач» и др.

Интерпретация результатов латентно-структурного анализа позволяет сделать заключение о том, что деньги для руководителя выступают в качестве мотива с его побудительной, «динамизирующей» трудовую деятельность стороны, однако сами по себе они не несут, смыслообразующей функции, выступая, скорее, в качестве средства для достижения каких-то других целей. В первом случае (положительный полюс фактора), деньги как мотив труда, рассматриваются руководителями как возможность для организации жизни и деятельности в «ближнем окружении». Так, деньги позволяют приобретать нужные вещи, превращая желания в действительность и связываясь в сознании с

получением удовлетворения от самой работы, когда сам процесс их зарабатывания доставляет положительные эмоции; или же деньги рассматриваются руководителями как возможность участия в жизни близких и дорогих сердцу людей. Во втором же случае (отрицательный полюс фактора), деньги выступают для руководителя как средство для организации жизни и деятельности в ее дальней или непосредственно не связанной с их близкими людьми, или же самой работой, перспективой. Например, как возможность иметь другие увлечения, помимо, профессиональных, или как стимул в развитии материальной культуры общества.

Фактор 3. «Включенность в команду и самосовершенствование в среде единомышленников». Третья выделенная в исследовании компонента объясняет 12,3% общей дисперсии. Данный фактор является биполярным и объединяет ряд смыслообразующих мотивов методики И.Г. Кокуриной, относящихся к категории «Коллектив». Со знаком «+» в данный фактор вошли мотивы процессуальной ориентации: преобразовательный, утилитарный, кооперативный и конкурентный, а со знаком «-» - мотивы результирующей ориентации: преобразовательный, кооперативный, мотив достижения.

Пункты, составившие положительный полюс фактора, указывают на то, что коллектив представляется руководителям в качестве объединения людей, умеющих и любящих работать, постоянно совершенствующихся в профессии и руководящихся принципом: «Один за всех, все – за одного»; коллектив для руководителей – это и «люди, уважающие установленные нормы и правила поведения и умеющие добиваться от каждого выполнения этих правил». Анализ смыслового инварианта шкал, образующих положительный полюс третьего фактора, позволяет интерпретировать его как «Самосовершенствование в среде единомышленников». Отрицательный полюс третьего фактора нагружен такими смысловыми оттенками понятия «Коллектив», как «совокупность людей, болеющих за успехи своей организации и умеющих защищать ее авторитет», «слияние воли, ума, действий людей ради решения общей задачи» и, исходя из сказанного, может быть обозначен как «Единство ради успеха в общем деле».

Таким образом, основой трудовой деятельности в коллективе, по мнению руководителей, является возможность совершенствования работника в профессиональной деятельности в среде единомышленников, подчиненных общей для всех корпоративной морали. Трудовая деятельность важна и для получения общего для всех результата, когда благодаря включенности в команду, организация достигает успеха в значимой для всех деятельности.

Фактор 4. «Результативная деятельность в сотрудничестве с коллегами». Объясненный процент дисперсии для данного фактора составляет 9,7%. Этот фактор является биполярным, он объединяет ряд смыслообразующих мотивов методики И.Г. Кокуриной, относящихся к категории «Труд». Положительный полюс фактора составляют мотивы процессуальной ориентации: преобразовательный, коммуникативный и кооперативный, а отрицательный полюс нагружен мотивами результирующей ориентации: преобразовательным, коммуникативным, утилитарным, кооперативным, мотивом достижения.

Анализ пунктов, составивших положительный полюс четвертого фактора, показывает, что, по мнению руководителей, труд выступает для них как «усилия, которые тратятся на работе и дома и частично восполняются с помощью питания, сна и отдыха»; труд – это и «хорошо выполненная работа, за которую человека уважают и ценят в коллективе», «совместная коллективная работа, которая нравится, если люди стремятся помочь друг другу и огорчает, если между ними нет согласия и доброжелательности». Как показывает анализ пунктов, вошедших в данный фактор с отрицательным знаком, категория «Труд» рассматривается руководителями как «способ преодоления незнания и неумения на пути достижения задуманного, создания намеченного в своей работе», «совместная работа людей, в отличие от работы в одиночку», «целенаправленная деятельность человека, создающего то, в чем нуждаются кто-либо еще», «умение выкладываться так, чтобы получить максимально возможный и желаемый результат в работе». Такое распределение смыслообразующих мотивов позволяет интерпретировать четвертый фактор в структуре трудовой мотивации руководителя как «Результативность деятельности в сотрудничестве с коллегами».

Таким образом, результаты исследования говорят о том, что трудовая деятельность в представлениях современного руководителя – это не только совместная целенаправленная активность работников, приносящая требуемый результат, за который человека ценят и уважают, но и деятельность, имеющая качественное своеобразие, в первую очередь, за счет складывающихся в ее процессе отношений взаимной поддержки и кооперации.

Фактор 5. «Высокий социальный статус и уважение». Данный фактор объясняет 4,9% общей дисперсии и нагружен преимущественно шкалой «Внешняя положительная мотивация» методики К. Замфир, то есть является униполярным. Таким образом, одной из детерминант, лежащих в основе трудовой мотивации руководителей, является их потребность в достижении социального престижа и уважения со стороны других, стремление к продвижению по службе и денежный заработок, выступающий в роли показателя социального статуса.

Фактор 6. «Избегание критики коллег и начальства». Последний из выделенных методом главных компонент фактор также является униполярным, объясняет 4% общей дисперсии и включает в себя в большей степени шкалу «Внешняя отрицательная мотивация» методики К. Замфир. Полученный результат указывает, что в качестве одной из составляющих трудовой мотивации руководителя (пусть и в меньшей степени выраженной, но установленной в исследовании) является их стремление избежать критики со стороны более высокого по рангу руководителя или коллег, или же, как стремление избежать возможных наказаний или неприятностей.

Заключение.

Проведенное исследование показало, что в основе трудовой мотивации руководителя как целостного и многомерного личностного образования лежат, в первую очередь, мотивы профессионального саморазвития, связанные с содержанием его трудовой деятельности и возможностью самореализации в профессии. Наряду с этим одной из важнейших мотивационных составляющих труда является процесс зарабатывания денег и возможность их траты на себя, близких людей или другие увлечения, помимо профессиональных. Мотивация трудовой деятельности руководителей включает в себя в качестве важнейшей составляющей и возможность совершенствования руководителя в профессиональной деятельности в среде единомышленников, подчиненных общей для всех корпоративной морали. Для руководителей важно удовлетворять в профессиональной деятельности и потребность в социальном престиже, им важно уважение со стороны других, продвижение по службе и, конечно, материальная составляющая труда. Наконец, одним из слагаемых мотивации трудовой деятельности современного руководителя является его желание иметь на работе эмоционально комфортную и безопасную среду без чрезмерной критики коллег и вышестоящего начальства.

Представленная факторная структура трудовой мотивации представляет собой обобщенный образ мотивации профессиональной деятельности современного руководителя. Очевидно, что в структуру мотивации профессиональной деятельности разных руководителей, выявленные мотивы могут входить с разным весом, образуя в потребностно-мотивационной сфере личности различные связи, отношения, иерархии. В этой связи перспективным направлением исследования для нас является выявление особенностей структуры трудовой мотивации руководителей различного стажа и профиля работы, руководителей разного звена и профессиональной направленности, а также руководителей, принадлежащих государственным или частным структурам. Весьма актуальными представляются исследования гендерных аспектов трудовой мотивации, принимая во внимание все возрастающее количество женщин, занимающих руководящие посты в органах власти и бизнесе. Вызывает также интерес вопрос об особенностях мотивационных профилей руководителей, характеризующих различными личностными особенностями. Сказанное может рассматриваться в качестве актуальной задачи для психологического анализа мотивации трудовой деятельности руководителей и перспективы нашей дальнейшей работы.

Литература

- Кибанов А.Я. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности. М., 2009. С. 61.
- Черемошкина Л.В. Мотивация труда: факторы влияния // Человек и труд. 2004. №8. с. 75-79.
- Куприянов Е.А., Шмелев А.Г. Психодиагностика мотивации труда методами опроса и шкалирования // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2006. №2. С. 59.
- Кокурина И.Г. Методика изучения мотивации трудовой деятельности. М., 1990.
- Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб: Питер, 2008.
- Каширский Д.В., Макота Е.М. Проблема трудовой мотивации в общепсихологической теории деятельности // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2012. №1. С. 54-57.
- Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.

К ВОПРОСУ О НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Глубокие социально-экономические преобразования, происходящие в современном обществе, заставляют нас размышлять о будущем России, о её молодежи. Сегодня сматы нравственные ориентиры, подрастающее поколение можно обвинять в бездуховности, безверии, агрессивности. В настоящее время главной задачей образовательных учреждений является подготовка ответственного гражданина, способного самостоятельно оценить происходящее и строить свою деятельность в соответствии с интересами окружающих его людей. Решение этой задачи связано с формированием нравственного воспитания. Поэтому актуальность проблемы воспитания связана, по крайней мере, с четырьмя положениями:

Во-первых, наше общество нуждается в подготовке широко образованных, высоконравственных людей.

Во-вторых, в современном мире ребёнок живет и развивается, окруженный множеством разнообразных источников воздействия на него как позитивного, так и негативного характера, которые ежедневно обрушиваются на неокрепший интеллект и чувства ребенка, на ещё только формирующуюся сферу нравственности.

В-третьих, вооружение нравственными знаниями важно и потому, что они не только информируют учащихся о нормах поведения, утверждаемых в современном обществе, но и дают представления о последствиях нарушения норм или последствиях данного поступка для окружающих людей.

Основной функцией нравственного воспитания является формирование интеллектуальных, эмоциональных, деловых, коммуникативных способностей учащихся к активно-деятельностному взаимодействию с окружающим миром. Решение главных задач обучения должно обеспечивать формирование личностного отношения к окружающим, овладение этическими, эстетическими и нравственными нормами.

Нравственная культура человека – это характеристика нравственного развития личности, в которой отражается степень освоения ею морального опыта общества, способность последовательного осуществления в поведении и отношениях с другими людьми ценностей, норм и принципов, готовность к постоянному самосовершенствованию. Личность аккумулирует в своем сознании и поведении достижения нравственной культуры общества. Задача формирования нравственной культуры личности заключается в достижении оптимального сочетания традиций и новаций, в соединении конкретного опыта личности и всего богатства общественной морали. Элементами нравственной культуры личности являются культура этического мышления («способность морального суждения», умение пользоваться этическим знанием и различать добро и зло), культура чувств (доброжелательное отношение к людям, заинтересованное и искреннее сопереживание их горестей и радостей), культура поведения и этикет.

Люди, будучи членами социальной системы и находясь во множестве общественных и личных связей между собой, должны быть определенным образом организованы и в той или иной мере согласовывать свою деятельность с другими членами сообщества, подчиняться определенным нормам, правилам и требованиям. Вот почему в каждом обществе вырабатывается множество разнообразных средств, функцией которых является регуляция поведения человека во всех сферах его жизни и деятельности – в труде и в быту, в семье и в отношениях с другими людьми, в политике и науке, в гражданских проявлениях, игра и т.д. Такую регулирующую функцию, в частности, выполняют правовые нормы и различные постановления государственных органов, производственно-административные правила на предприятиях и в учреждениях, уставы и инструкции, указания и приказы служебных лиц и, наконец, нравственность.

Нормы и правила, которые относятся к ее сфере, такого обязательного характера не имеют, и практически их соблюдение зависит от самой личности. Когда же тот или иной человек их нарушает, общество, знакомые и незнакомые люди имеют только одно средство воздействия на него – силу общественного мнения: упреки, моральное порицание и, наконец, общественное осуждение, если аморальные действия и поступки приобретают уже более серьезный характер. Понимание этого и

побуждает личность вести в соответствии с моральными требованиями общества, совершенствовать свое поведение, что одновременно означает и ее моральное развитие. Правда, немаловажную роль здесь играет сам характер нравственности и ее содержание. Нравственность фашистского тоталитарного государства, например, развращала людей, возбуждала в них человеконенавистничество и вела к деградации личности.

Но моральные усовершенствования поддерживаются не только силой общественного мнения. Большую роль в этом играют нравственные обычаи, привычки и традиции, которые культивируются в обществе. Люди давно заметили, что нравственность личности не может основываться только на ее моральной сознательности, что она становится более прочной, когда соблюдение нравственных норм и правил приобретает характер привычных способов поведения и деятельности. Это имеет большое значение для воспитания.

Вопросы о решающей роли нравственного воспитания в развитии и формировании личности осознавались и ставились в педагогике с давних времен. Следует подчеркнуть, что они связывались главным образом с тем, что только нравственное воспитание обеспечивает формирование у личности добродетельного характера и доброжелательных отношений к людям. Вот что писал об этом Я.А. Коменский в своем трактате «Наставление нравов», приводя изречение древнеримского философа Сенеки: «Научись сперва добрым нравам, а затем мудрости, ибо без первой трудно научиться последней». Там же он цитировал народное изречение: «Кто успеваеет в науках, но отстает в добрых нравах, тот больше отстает, чем успеваеет» (Подласый, 1999).

Однако из педагогов-классиков прошлого наиболее полно и ярко характеризовал роль нравственного воспитания в развитии личности К.Д. Ушинский. В статье «О нравственном элементе в воспитании» он писал: «Конечно, образование ума и обогащение его познаниями много принесет пользы, но, увы, я никак не полагаю, чтобы ботанические или зоологические познания... могли сделать гоголевского городничего честным чиновником, и совершенно убежден, что будь Павел Иванович Чичиков посвящен во все тайны органической химии или политической экономии, он останется тем же, весьма вредным для общества пронырой (Троицкий, 2006).

Убежденные в том, что нравственность не есть необходимое последствие учености и умственного развития, мы еще убеждены и в том, что влияние нравственное составляет главную задачу воспитания, гораздо более важную, чем развитие ума вообще, наполнение головы познаниями (Ушинский, 2005).

Если педагоги – классики признавали огромную роль нравственности в развитии и формировании личности, тем большее значение имеет эта проблема в системе современного воспитания. Мы создаем правовое общество с высокой культурой отношений между людьми, которые будут определяться социальной справедливостью, совестью и дисциплинированностью. Понятно, что такое общество обуславливает необходимость нравственной воспитанности каждого его члена.

Мы согласны с И.Ф. Харламовым и рассматриваем нравственность человека как совокупность его сознания, навыков и привычек, связанных с соблюдением этих норм, правил и требований. Формирование нравственности, или нравственное воспитание, есть не что иное, как перевод моральных норм, правил и требований в знания, навыки и привычки поведения личности и их неуклонное соблюдение (Харламов, 1990).

Нравственность включает в себя: идейную убежденность; внутреннюю свободу выбора поведения, принятия нравственного решения, диктата совести; автономность, самостоятельность, верность убеждениям, самому себе как духовной и социально ответственной личности; терпимость к инакомыслию, и, вместе с тем, активное духовное противостояние заблуждениям; суждениям; гибкость нравственного мышления, способность к ломке моральных доги, запретов, стереотипов, способность к ценностной переориентации на основе истины и правды жизни; веру в человека духовного как в высшую ценность, в его способность к полному раскрытию своих существенных сил к самореализации; стремление к коллективности как единственному средству распространения и утверждения в людях нравственного начала.

Нравственные качества развиваются в обучаемом в результате общения с другими людьми, чтения книг, душевного внутреннего озарения, нравственного воспитания или самовоспитания, главная цель которых заключается в формировании у личности внутренней способности быть верной нравственным общечеловеческим принципам, умении делать выбор поведения с учетом общественных нравственных требований и норм, прочной системой привычного повседневного нравственного мышления.

Нравственно воспитанная личность проявляет честность перед собой и в отношении к другим людям, демонстрирует практическое, реальные, заинтересованные и развивающиеся отношения со всеми окружающими, является осознающей и ответственной за все созданное (Рожков, 2000).

Л.М. Архангельский, В.И. Афанасьев, О.С. Богданова, В.П. Васильева и др., изучая проблемы нравственного воспитания, отмечают, что: нравственное воспитание связано с другими вилами воспитания, которые выступают в качестве средств достижения целей нравственного воспитания; цели воспитания, практические и перспективные, предвосхищают направленность общественного развития, опережают уровень нравственного развития личности; цели воспитания реализуются через содержание деятельности, которая определяется проблемами воспитания; усвоение норм поведения происходит стихийно, через общение, которое придает воспитанию нравственную направленность; нравственное воспитание должно быть системным и комплексным (Архангельский, 1999).

Мы понимаем под нравственным воспитанием один из видов воспитания, обеспечивающих формирование и развитие нравственных качеств личности, которое основывается на понимании и освоении нравственных ценностей, составляющих современную общечеловеческую мораль. К основным нравственным ценностям относятся: свобода, демократизм, доброта, социальная культура и культура личности, вера, воля, добродетель, эмпатия (Бабаян, 2005).

Нравственное воспитание – двухсторонний процесс. Он заключается в воздействии воспитателей на воспитанников и в их ответных действиях, т.е. в усвоении ими нравственных понятий, в переживании своего отношения к нравственному и безнравственному в поступках и во всем поведении. Нравственные понятия становятся руководством к действию только тогда, когда они не просто заучены, а глубоко осмыслены и превращены в моральные убеждения. Наличие таких убеждений и устойчивых привычек нравственного поведения свидетельствует о воспитанности человека в нравственном отношении, его нравственной зрелости. Единство нравственного сознания, воплощенное в устойчивых нравственных качествах, – важнейший показатель соответствия между процессом воспитания и нравственным развитием личности.

Процесс нравственного воспитания – сложная динамическая система. Каждый компонент этой системы, в свою очередь может рассматриваться как система, содержащая свои компоненты. Согласно принципу иерархичности систем любая система представляет собой лишь один из компонентов более широкой системы. Например, каждый этап воспитательного процесса, являясь по отношению к нему элементом, сам представляет собой систему и в то же время, будучи системным образованием, выступает в роли элемента более широких систем.

Критериев, по которым можно выделять и анализировать системы в воспитательном процессе, множество. Наиболее известны в современной теоретической педагогике модели систем процесса воспитания, построенные по критериям: целей и задач, содержания воспитательного процесса, условий протекания процесса, взаимодействия воспитателей и воспитанников, применяемых методов, форм воспитательной деятельности, этапов развития процесса во времени и многих других.

Осознание воспитанниками требуемых норм и правил поведения – важный этап процесса нравственного воспитания. Без этого формирование заданного типа поведения личности не может быть успешным. Многие воспитательные системы, в частности русская дореволюционная, данному этапу уделяли или уделяют мало внимания, полагая, что особенно разъяснять воспитанникам что, зачем и почему не следует: подрастут – поймут сами. Необходимо без промедления приступать к действию – формированию заданного поведения. И чем больше ошибок допускают воспитанники, тем лучше. Своевременная коррекция поведения (часто с применением телесных наказаний) быстро исправит положение и приведет к желаемым результатам. Отечественная послереволюционная школа, как теперь выяснилось, наоборот, склонялась к гиперболизации данного этапа, отдавала предпочтение словесным методам воспитания в ущерб следующим этапам, требующим действия.

Знания должны перейти в убеждения – глубокое осознание именно такого, а не иного типа поведения. Убеждения – это твердые, основанные на определенных принципах и мировоззрении взгляды, которые служат руководством в жизни. Без них процесс воспитания будет развиваться вяло, болезненно, медленно и не всегда достигнет положительного результата.

Формирование чувств – еще один непереносимый и очень важный компонент процесса нравственного воспитания. Без человеческих эмоций, как утверждали еще древние философы, нет и не может быть человеческого искания истины. Только обостряя чувства и опираясь на них, воспитатели достигают правильного и быстрого восприятия требуемых норм и правил.

Наиболее верный путь формирования убеждений и укрепления их – создание ситуаций, в которых нужно проявить свою позицию. Наконец, формирование общей направленности личности, заключающее весь процесс, – это выработка устойчивой привычки поведения, которая становится нормой. Система привычных действий, поступков постепенно переходит в черту характера, свойства личности.

В процессе нравственного воспитания формируется мораль ребенка. Нравственное воспитание учащихся – это основа формирования их личности. Главной целью развития нравственных качеств является обучение учащихся пониманию смысла человеческого существования, ценности своего существования и ценности существования других людей; формирование у учащихся понимания и осознания исторического прошлого и будущего людей и своей непосредственной роли в нем. Результативность нравственного воспитания проявляется в поступках.

Поскольку соблюдение нравственных требований общества в конечном итоге зависит от самой личности, поскольку она выступает в качестве хранительницы и субъекта морального прогресса, вполне понятно, какое огромное значение приобретает нравственное воспитание, повышение его содержательности и педагогической действенности. Несомненно и то, что нравственное воспитание, определяя поведение человека в обществе, выступает ресурсом развития этого общества.

Литература

1. Архангельский Н. В. Нравственное воспитание.- М.: Политиздат, 1999.
2. Бабаян А.В. Дебольский Н.Г. О нравственности и нравственном воспитании. М.: Педагогика. – 2005. - №2.
3. Подласый И.П. Педагогика: Новый курс в 2-х книгах. 2-я книга Процесс воспитания.- М.: Владос, 1999 с.
4. Рожков М.И. Байбородова Л.В. Организация воспитательного процесса в школе: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2000.
5. Троицкий В.П. Лишенные будущего. Изд. Слово. – 2006. - № 3. – с. 10-15.
6. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Изд. Дрофа, 2005
7. Харламов И.Ф. Педагогика: Курс лекций. – М.: Просвещение, 1990.

*Короткина Е.Д.,
ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», Тверь*

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕНСИОНЕРОВ С РАЗНЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ СТАТУСОМ

Вопрос о социально-психологических факторах занятости лиц пожилого возраста в трудовой деятельности является достаточно сложным и недостаточно изученным в психологической науке. Проблема трудовой активности пенсионеров чаще всего рассматривалась с позиций экономической науки, поскольку заметное увеличение доли населения пенсионного возраста увеличивает экономическую нагрузку на трудоспособных, создает трудности в пополнении народного хозяйства новыми кадрами, усложняет распределение и перераспределение рабочей силы в отраслевом, профессионально-квалифицированном и территориальном резерве (Назарова, 1999).

Многие пожилые люди, имея право выйти на пенсию, обнаруживают, что не могут себе этого позволить по финансовым основаниям. Они должны работать, чтобы поддерживать тот уровень жизни, к которому привыкли. У пожилого человека меняется мотивация трудовой деятельности (Греллер, 1996). Для его самоутверждения важна сама неутраченная способность к труду, а деньги выступают эталоном ее оценки. Казалось бы, значимость работы должна уменьшаться с выходом на пенсию (Альперович, 1998). Однако низкий уровень жизни большинства пенсионеров заставляет их постоянно вспоминать свою работу, сравнивать прошлое и настоящее, подвергать анализу то, что происходит сегодня в сфере труда и в обществе в целом.

В психологической литературе проведено недостаточно исследований, посвященных влиянию экономического статуса, вида занятости и трудовой деятельности на социально-психологические

особенности личности, жизнестойкость в пожилом и старческом возрасте. Цель данной работы: исследовать психологические детерминанты жизнестойкости и ее компонентов в пожилом и старческом возрасте, проследить их взаимосвязи в группах работающих и неработающих пенсионеров.

В исследовании проверялась гипотеза о том, что характер и степень взаимосвязи показателей жизнестойкости, уровня субъективного благополучия и жизненных ценностей достоверно различается в группах пенсионеров с разным экономическим статусом (в нашем исследовании - работающих и не работающих пенсионеров).

В исследовании приняли участие 76 респондентов в возрасте от 60-ти до 85-ти лет (средний возраст 71 год), 35 работающих и 41 человек, не работающих в настоящее время. Для решения поставленных задач были использованы следующие психодиагностические методики: опросник жизнестойкости Леонтьева Д. А., Рассказовой Е.И (Леонтьев, Рассказова, 2006); методика ценностных ориентаций М. Рокича, шкала субъективного благополучия (Соколова, 1996).

Жизнестойкость (*hardiness*) — это особый паттерн установок и навыков, позволяющих превратить стрессогенные жизненные события в возможности (Леонтьев, Рассказова, 2006). Он состоит из трех компонентов: вовлеченность (*commitment*), контроль (*control*), принятие риска (*challenge*). Контроль позволяет чувствовать, что мы можем влиять на свою жизнь, а если что-то пойдет не так, мы сможем справиться, управляя своими ресурсами и принимая необходимые решения. Вызов дает ощущение того, что трудности – это «соревнование», и если справиться с ними, это будет полезно для дальнейшего развития. А вовлеченность как ключевой компонент обеспечивает необходимый уровень «любопытства», стремления принимать участие в том, что происходит вокруг. С. Мадди подчеркивал важность выраженности всех трех компонентов для сохранения здоровья и оптимального уровня работоспособности и активности в стрессогенных условиях (Леонтьев, Рассказова, 2006). Качество «*hardiness*» (самоощущение, содержащее чувство включенности, контроля, вызова) является составной частью ощущения полноты жизни и качества жизни. С. Мадди подчеркивал важность выраженности всех трех компонентов для сохранения здоровья и оптимального уровня работоспособности и активности в стрессогенных условиях (Леонтьев, Рассказова, 2006). Качество «*hardiness*» (самоощущение, содержащее чувство включенности, контроля, вызова) является составной частью ощущения полноты жизни и качества жизни.

Основные результаты эмпирического исследования показали, что существуют различия между показателями жизнестойкости ($p=0,013$), вовлеченности ($p=0,036$), принятия риска ($p=0,003$) и контроля ($p=0,088$) у работающих и неработающих пенсионеров. В группе работающих пенсионеров выше показатели жизнестойкости. Для данной группы респондентов работа помогает ощущать осмысленность жизни. Если пожилые люди продолжают работать, это повышает оценку ими своего здоровья, интеллектуальных функций и удовлетворенности жизнью. Работа задает образец привычной деятельности и, в этом смысле, является источником стабильности. Рабочее место и профессия создают основу для взаимодействий с другими людьми. Со временем между сослуживцами устанавливаются связи, которые сами по себе становятся источником смысла в жизни человека.

Работающие пенсионеры обладают чувством позитивного мироощущения, повышения качества жизни, превращения препятствий и стрессов в источник роста и развития. А главное, что жизнестойкость - это тот фактор, внутренний ресурс, который подвластен самому человеку, это то, что он может изменить и переосмыслить, то, что способствует поддержанию физического, психического и социального здоровья, установка, которая придает жизни ценность и смысл в любых обстоятельствах (Леонтьев, Рассказова, 2006).

Обнаружены достоверные различия между показателями субъективного благополучия у работающих и неработающих пенсионеров (по критерию Стьюдента $p=0,001$). Работающий пенсионер более благополучен в социальной, духовной, материальной и психологической сферах жизни. Благополучию способствуют межличностные контакты, возможность устанавливать отношения и получать от этого положительные эмоции, ощущение целостности, внутреннего равновесия, удовлетворенность личности своим социальным статусом и актуальным состоянием общества. Работающие пенсионеры более удовлетворены статусом в микросоциальном окружении, межличностными связями, им присуще чувство общности. Деньги, социальное и семейное положение, жилищные условия, уровень общения с окружающими и даже возможность пользоваться транспортными

средствами также являются важными факторами, от которых зависит, удовлетворен ли пожилой человек жизнью или нет.

Обнаружены статистически значимые различия между респондентами по таким терминальным ценностям как: «интересная работа», «развитие», «красота природы и искусства», а также по инструментальной ценности «воспитанность». Для неработающих пенсионеров более значимы такие жизненные ценности как «развитие», «красота природы и искусства» и «воспитанность». Ценность «интересная работа» более значима для работающих пенсионеров.

В целом, исследование показало, что показатели жизнестойкости положительно взаимосвязаны с уровнем субъективного благополучия. У пожилых людей, продолжающих трудовую деятельность, повышается оценка ими своего здоровья, интеллектуальных функций и удовлетворенности жизнью. Из приведенных выше данных следует, что работа для пенсионера создает условия для повышения уровня субъективного благополучия.

Таким образом, работающие пенсионеры обладают более высокой самооценкой, оптимальной для личностного благополучия и характеризуются более уверенным отношением к жизни. В целом, работающие пенсионеры отличаются более оптимистичным отношением к будущему, позитивной оценкой прошлого, стремятся к гармоничному бытию и здоровым отношениям с людьми. Благодаря развитию качества автономности, могут лучше противостоять давлению общества и вырабатывать собственные критерии оценки своей жизни и, следовательно, продлевать свое состояние молодости.

Для формирования государственной политики в социальной сфере чрезвычайно важным является понимание того, каким образом влияет трудовая деятельность на качество жизни пожилых людей, на поддержание их жизнестойкости и высокого уровня субъективного благополучия.

Литература

1. Альперович В.Д. Старость. Социально-философский анализ. Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 1998 - 104с.
2. Глуханюк Н.С., Гершкович Т.Б. Поздний возраст и стратегии его освоения. М.: Московский психолого-педагогический институт, 2003. – 112 с.
3. Греллер М. Старение и работа: человеческий и экономический потенциал // Иностранная психология. — 1996. — № 7. — С. 55—60.
4. Краснова О.В., Лидерс А.Г. Социальная психология старости. М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 288 с.
5. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. – М.: Смысл, 2006.
6. Назарова И. Б. Пенсионеры и работающие// Психология зрелости и старения. — 1999. — № 2(6). С. 62-71.
7. Соколова М.В. (автор адаптации) Шкала субъективного благополучия. НПЦ «Психодиагностика». Ярославль. 1996.

*Кузьмина В.М.,
РГСУ, Курск*

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Сегодня студенческая молодежь является предметом изучения многих социальных наук. Философия, психология, педагогика, социология, демография, политика, право, история— вот основной перечень наук, где «молодежь» входит в понятийный и терминологический аппарат. Естественно, в каждой из этих наук в понятие «студенческая молодежь» вкладывается свое содержание. Это связано с особенностями предмета науки и традиционностью употребления в них данного понятия.

Исследование ценностных ориентаций в России велось с середины 1960-х годов, когда появились теоретические работы психолога Б. Г. Ананьева, социологов А. Г. Здравомыслова, В. А. Ядова и др., а также эмпирические исследования, крупнейшим из которых стало социологическое и социально-психологическое исследование ценностных ориентаций рабочих (в том числе и молодых),

выполненное ленинградскими учеными под руководством В. А. Ядова в начале 1970-х годов. В советское время изучение ценностных ориентаций молодежи в значительной мере было направлено на выявление их соответствия коммунистическому идеалу, социалистическому образу жизни. В период перестройки (1985–1991 гг.) поле проблем заметно расширилось за счет исследований неформальных молодежных объединений (фактически это был путь к переходу к изучению молодежных субкультур). Наконец в последние 15 лет ценностные ориентации российской молодежи стали исследоваться немалым числом отдельных ученых и научных коллективов. Ситуация смены общественного строя и «переоценки ценностей» в масштабе целой страны подтолкнула ученых к осмыслению трансформаций ценностных ориентаций россиян. Большое научное значение имеет крупное исследование динамики ценностных ориентаций россиян, проведенное под руководством Н. И. Лапина. В последние 15 лет в России проведены десятки эмпирических исследований, защищены несколько сотен диссертаций по проблемам ценностных ориентаций молодежи. Правда, нередко масштабы таких исследований, их методическая корректность и возможности сопоставления данных остаются предметом критики.

Мы рассмотрим тенденции изменений в ценностных ориентациях студенческой молодежи, которые зафиксированы на эмпирическом уровне. Однако для начала установим, в чем теоретический смысл исследования ценностных ориентаций, в чем суть ценностного аспекта молодежных исследований.

Система ценностей современной молодежи достаточно противоречива (И.Ю. Меншикова, А.В. Капцов, О.В. Ковалевская и др.), а в ее динамике наметились новые аспекты, связанные с освоением ценностей рыночного общества, но применительно к студентам сельскохозяйственных вузов хотелось бы добавить, что именно этой категории свойственна традиционность и преемственность в ценностях, и именно сельская молодежь тяжелее всего переживает утрату или деформацию жизненных ценностей. Наблюдается утрата индивидуальных проявлений личности, происходит угасание творческой активности студентов, так как программа сельскохозяйственных вузов в меньшей степени уделяет место гуманитарным предметам, которые бы способствовали развитию личности. Анализируя ценностные ориентации современной учащейся молодежи по широкому кругу проблем, связанных с современной Россией, можно выделить ряд значимых факторов, активно влияющих на эти ориентации.

Во-первых, молодежь, получившая первичную социализацию в семье и школе, затем вторично проходит ее в условиях действительности России.

Во-вторых, немаловажным фактором вторичной социализации являются российские ментальные ценности и социальные представления, также оказывающие существенное влияние на сознание учащихся молодых людей.

Кроме того, их социализация осуществляется в условиях не только кризиса, но и угрожающе низкого достатка, что отражается на всех сторонах жизни, в том числе и системе ценностей.

Особое же влияние на процесс изменения ценностных ориентации в условиях современной нестабильности оказывает социальная идентичность (Волков, 1983, с.3). Молодежи, особенно сельской, очень трудно противостоять негативной стороне жизни в городе, как в провинциальном, так в мегаполисе. Город для приезжих сельских студентов является новым социокультурным пространством, которое им предстоит освоить. При поступлении в вуз молодой человек оказывается на стыке двух культур: городской – модернизированной и сельской – традиционной. Привлекательность города как образовательного центра студенты объясняют многими причинами, но самой главной, как правило, является материальная: «Я хотела поступать в другой город, родители не разрешили, дорого это»; «В другой город поступать не было возможностей». Часто выбор места учебы обуславливается и такой причиной: «Здесь учились мои родители». Также легче найти место проживания для студента (как правило, предоставляется общежитие) и молодым ребятам обеспечивается помощь родственников.

Первые трудности, испытываемые абитуриентами – мигрантами из села, связаны со знакомством с городом и устройством на жительство. При миграции в город сельский студент обретает новую идентичность – идентичность горожанина. В связи с тем, что идентичность объективно определяется как размещение в определенном мире, иметь данную идентичность – значит занимать особое место в мире.

Ежедневно сталкиваясь с проблемами, которые не связаны с образованием, и вынужденными их решать, студенты оказываются в определенной стрессогенной ситуации, когда угасает их

жизненный оптимизм, организм на уровне психике не справляется с нахлынувшими проблемами, что приводит к появлению депрессии и суициду. Система ценностей современной молодежи достаточно противоречива, а в ее динамике наметились новые аспекты, связанные с освоением ценностей рыночного общества, но применительно к студентам сельскохозяйственных вузов хотелось бы добавить, что именно этой категории свойственна традиционность и преемственность в ценностях, и именно сельская молодежь тяжелее всего переживает утрату или деформацию жизненных ценностей.

Определение жизненного пути сельской молодежи – это в свою очередь выбор социально-профессионального статуса и социально-территориальные перемещения с целью реализации жизненных планов. Особую важность, как видно из реальной практики, проблема адаптации приобретает в условиях вуза, в процессе образования, транслирующего не только профессиональные знания, но и воспроизводящего культурный пласт общества. От позитивной адаптации сельского студента в условиях вуза зависит формирование его личности. При поступлении людей в ВУЗ важнейшие социокультурные условия их жизнедеятельности резко меняются: они попадают в новую среду, меняется содержание учебной деятельности, создается новое коммуникативное пространство не только во время аудиторных занятий, но и во внеурочное время. В студенческой группе сосредотачиваются ранее незнакомые друг другу молодые люди, между которыми начинают формироваться межличностные отношения. Полностью меняется среда проживания: часть студентов начинает жить в общежитии или на частных квартирах, другая – в «семье» родственников. В период обучения в вузе наблюдается утрата индивидуальных проявлений личности, происходит угасание творческой активности студентов, так как программа сельскохозяйственных вузов в меньшей степени уделяет место гуманитарным предметам, которые бы способствовали развитию личности. Проблемой повышения активности студентов за счет развития их самостоятельности занимается П.В. Лебедчук, Н.А. Фаллиев, А.Е. Родионова и др. (Лебедчук, 2005, с.28-31). Профильное обучение само по себе исходит из утилитарных целей общества, оставляя в стороне ценностные аспекты человеческой деятельности. И в этой ситуации сельская молодежь оказывается наименее защищенной категорией.

В связи с активным навязыванием средствами массовой информации «западного, американского» стиля жизни, у молодежи появились такие ценности как «достижение карьерного успеха», «материальная обеспеченность» и др. Это своего рода рыночные ценности, за которыми ощущается потеря традиционных национальных ценностей и интересов, таких как дружба, духовность, сопереживание, стремление помочь окружающим.

Изучение трансформации ценностных ориентаций сельской и городской молодежи в условиях гуманитарного и негуманитарного вузов особенно важно, так как это будет являться показателем изменения ценностного отношения человека к окружающей действительности и к своей жизнедеятельности. Перед началом исследования необходимо учитывать, что в новых социальных группах, какими являются студенческие группы, собираются юноши и девушки из разных слоев населения, из разных семей, имеющих самые различные ценностные установки и традиции, и в процессе обучения, взаимодействия друг с другом, по мере становления референтных для каждого человека групп, будет происходить трансформация этих ценностей. Важную роль в изменении ценностных ориентаций играет вуз. И здесь важна не только та атмосфера, которая царит в вузе, во взаимоотношениях между студентами и преподавателями, важен сам уровень культурно-этической подготовки преподавателей и важные предметы, преподаваемые студентам, которые могли бы влиять на их мировоззрение. Для нас это очень важно, поскольку « социальные ценности, преломляясь через призму индивидуальной жизнедеятельности, входят в психологическую структуру личности в форме личностных ценностей, являющихся одним из источников мотивации ее поведения».

В целом, же рассмотрение молодости как социальной категории, определяемой не только возрастными границами, но и специфическим социальным статусом, особенностями сознания и поведения молодых людей, способствовало более углубленному осмыслению молодежных проблем, дифференцированному подходу к молодежи как внутренне неоднородной и вместе с тем специфически особой общественной группе. Выделение в ее составе различных слоев, выявление на основе исследований специфики их социального облика, особенностей сознания и поведения отдельных категорий молодых людей имело большое значение для научного обоснования дифференцированного подхода к учебно-воспитательной работе со студенческой молодежью.

Литература

1. Волков Е.С. Психологические особенности развития ценностных ориентаций у студентов педвуза. Автореф. дисс. канд. псих. наук.-М., 1983.-24с.
2. Лебедчук П.В. Саморегуляция произвольной активности как фактор успешной учебной деятельности студентов // Реалии и перспективы психологической науки и практики в российском обществе / Под ред. Р.А. Ахмерова.-Набережные Челны: Институт управления, 2005.-С.28-31.

*Купченко В.Е.,
ГОУ ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, Омск*

ТИПЫ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ ЛИНОСТЕЙ С РАЗЛИЧНЫМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ СТАТУСОМ

Понятие «жизненный путь» является наиболее емким термином для описания индивидуального развития человека. Его многомерность определяется тем, что он включает разнообразные тенденции и линии развития в пределах биографии одного человека. Жизненный путь исследуется через более конкретные понятия: стратегии жизни, жизненная психологическая и личностная перспектива, жизненные задачи, смысло-жизненные ориентации, пространство и время жизни, стиль жизни, жизненный план, сценарий жизни. Жизненная стратегия как социально обусловленная система ориентирования человека на долговременную перспективу всегда находится в динамике, постоянно видоизменяется в зависимости от реакции человека на происходящие события. Жизненная стратегия – это способ организации и регуляции личностью собственной жизни, представляющее собой многокомпонентное образование. Изучение отечественного и зарубежного подходов позволило нам выделить следующие компоненты, входящие в структуру жизненной стратегии.

1) Жизненные цели (Адлер, 1995; Бюлер, 1959) определяют конкретные пути и способы желаемого (или возможного в данных условиях) состояния жизни на ближайшую или долговременную перспективу. Жизненные цели являются ключевым компонентом формирования жизненной стратегии, так как прежде чем планировать что-либо человек должен представлять конечный результат своих действий.

2) Смысл жизни (Франкл, 1990; Леонтьев, 1992) является главной составляющей внутреннего мира человека, содержащей только ему присущие устойчивые смыслы значимых объектов и явлений. Обретение смысла жизни – задача каждого члена общества.

3) Активность/пассивность личности (Абульханова-Славская, 1991) характеризуется высокой степенью интенсивности осуществления, динамичностью и способностью производить изменения. В жизненной стратегии проявляется как стремление к балансу между желаемым и необходимым.

4) Преобладание внешних или внутренних стремлений (Рубинштейн, 1989). Внешние стремления опираются на оценку других людей и основаны на материальном благополучии, социальном признании и физической привлекательности. Внутренние стремления основаны на ценностях личностного роста, здоровья и служения обществу.

5) Самостоятельность/зависимость личности (Хорни, 1996). Самостоятельная личность обладает способностью направлять и ускорять события своей жизни. Самостоятельность заключается в выборе условий жизни, которые бы максимально отвечали особенностям и желаниям человека.

6) Осмысленности жизни (Леонтьев, 1992; Абульханова-Славская, 1991) представляет собой многоуровневой и многокомпонентное образование, которое заключается в удовлетворенности прошлым, ощущением содержательной полноты настоящего и наличием целей в будущем.

7) Самореализация (Фромм, 1998; Адлер, 1995; Роджерс, 1994). Человек, достигший уровня самореализации, добивается полного использования своих способностей. Достижения в определенных сферах деятельности являются итогом самореализации личности.

8) Жизненная удовлетворенность (Васильева, Демченко, 2002) является основным показателем эффективности жизненной стратегии личности. Удовлетворенность жизнью показывает, насколько эффективно происходит реализация жизненных целей человека.

9) Творчество личности в построении жизненной стратегии (Фромм, 1998, Адлер, 1995; Рубинштейн, 1989) — способность человека выйти за рамки социальных стереотипов и заблуждений

позволяет ему преобразовать свой прошлый опыт и найти свое место в жизни. Зрелая личность сознательно выбирает ценность творческого бытия.

10) Ответственность за собственную жизнь (Рубинштейн, 1989; Абульханова-Славская, 1991). Принятие ответственности за каждый жизненный выбор позволяет человеку почувствовать свою жизненную силу. Свобода выбора судьбы означает, что человек берет ответственность за этот выбор на себя. И несет эту ответственность не только перед собой, но и перед другими людьми.

Представления личности о содержании деятельности и круге своего общения, совокупности прав, привилегий, моральных норм и обязанностей, обусловлены ее статусным положением. Статус – понятие социальное, он имеет внутренне содержательную сторону и внешние формы проявления. Содержательная сторона социального статуса характеризуется определённой социальной позицией, и комплексом прав, обязанностей привилегий и полномочий, которыми обладает его носитель. Внешние формы проявления статуса предполагают следование нормам поведения, соответствующим данному социальному статусу. Психологический анализ социального статуса предполагает раскрытие таких его характеристик как:

— особенности образа жизни его носителей: круг деятельности, круг общения и материальные условия их реализации (Ананьев, 2001);

— объем и содержание прав, привилегий и обязанностей носителей статуса, степень авторитетности и престижности статусного положения, которые и определяются образом жизни его носителей (Анурин, 1993).

Таким образом, объект нашего исследования – личность, предмет исследования — типология жизненных стратегий в период зрелости у лиц с различным социально-экономическим статусом. Целью исследования, выполненного в 2008 г. под нашим руководством студенткой Э.О. Маркиной явилось построение типологии жизненных стратегий у лиц с различным социальным статусом. Задачи исследования:

1. На основе теоретического анализа литературы выделить компоненты жизненной стратегии.
2. Изучить компоненты жизненной стратегии и построить типологию жизненных стратегий в период зрелости
3. Выявить особенности жизненных стратегий у лиц с различным социально-экономическим статусом в период зрелости.

Гипотезы исследования: существуют отличия типов жизненных стратегий у лиц с различным социально-экономическим статусом. Выборка: вероятностная простая случайная квотная. Испытуемые возраста зрелости (35 – 60 лет), разного пола и социального статуса в общем количестве 50 человек.

Опишем полученные результаты. Приняв выборку за 100 %, отметим, что испытуемые по уровням социального статуса распределились следующим образом: высокий социальный статус – 26,7 %; средний социальный статус – 61,6 %; низкий социальный статус – 11,7 %.

Таблица 1. Типы жизненных стратегий лиц с различным социально-экономическим статусом, в %.

Тип жизненной стратегии	Высокий соц. статус	Средний соц. статус	Низкий соц. статус
Преобразующий	10,0	23,4	–
Неуверенный	5,0	6,6	11,7
Самореализующийся	11,7	31,6	-

Доля, попавших в первый кластер, составляет 33,3 % от общей выборки. В кластере - 65 % мужчин и 35 % женщин. Среди мужчин высшее образование имеют 55 %, а средне-специальное - 10 %. 35 % представителей мужского пола ведут собственный бизнес, причем 10% имеют очень крупные торговые компании, 10 % - руководят собственными фирмами среднего уровня и 15 % являются владельцами небольшого бизнеса. В данном кластере 50% мужчин состоят в первом браке, 10 % - в повторном официальном браке и 5 % - в повторном гражданском браке. В данный кластер входят женщины только с высшим образованием (35 %). Среди них 10 % на данный момент являются не работающими, а 25 % являются наемными работниками и занимают достойные, но не руководящие

должности. Среди них 5 % самостоятельно содержит семью без мужа, 10 % состоят в повторном официальном браке и 20 % замужем впервые.

О представителях данного кластера можно сказать, что у них из всей выборки самый высокий уровень креативности, и основной ценностью для них является материальная обеспеченность. Эти люди соотносят свои возможности с поставленными целями, интегрирует свои способности в различных сферах жизни. Известно, что для развития общества нужны творческие личности, а именно такие люди стали представителями данного кластера. Источниками самореализации для них являются: финансовая заинтересованность, как способ удовлетворения других потребностей, и радость творения. Представителя данного кластера являются творцами своей жизненной стратегии, и часто им приходится приводить реальности жизни в соответствие с размахом своих творческих мыслей.

Наименьшее количество принявших участие в исследовании отнесено к типу жизненной стратегии «неуверенный» 23,3%. В состав кластера вошли 13,3% мужчин и 10 % женщин. Среди мужчин (их состав в кластере составляет 57 %) высшее образование имеют 35,7 %, со средне-специальным образованием - 7 % и 14,3 % испытуемых имеют среднее образование. Женаты - 43 % мужчин, состоят в повторном гражданском браке 14,3 %. Занимают высокие руководящие должности и имеют высокий социальный статус 21,4 %. Являются руководителями среднего звена и имеют средний социальный статус 14,3 %. Низкий социальный статус имеют 21,4 % представителей данного кластера, они же являются наемными работниками низшего звена. В число женщин данного кластера попали 21,4 % с высшим образованием. Среди женщин этого кластера 14,3 % имеют средне-специальное образование и 7 % - среднее образование. Все они работают наемными работниками низшего звена и отнесены к низкому социальному статусу.

В результате проведенного анализа хочется отметить, что в состав кластера с неуверенным типом жизненной стратегии вошли все представители низкого социального статуса, принявшие участие в исследовании (11,7 % от общей выборки). Среди представителей данного кластера оказалось и 5 % испытуемых с высоким социальным статусом. Причем необходимо отметить, что именно они высказали в дополнительной беседе неудовлетворенность своим нынешним положением. Возможно, этот факт объясняется тем, что именно для них нынешний статусный уровень является предписанным и был предопределен, не зависимо от их собственных усилий и заслуг. Глядя на состав данного кластера можно отметить, что неуверенный тип жизненной стратегии используют представители всех уровней социального статуса. В период зрелости накопленный опыт, знания и умения представляют для человека огромную ценность, но могут создавать ему и трудности в восприятии новых профессиональных идей, тормозить рост его творческих возможностей. Прошлый опыт при отсутствии разумной гибкости и многогранности может стать источником консерватизма, ригидности, неприятия всего нового и непривычного.

Интересные данные были получены при изучении социально-экономических характеристик лиц с самореализующимся типом жизненной стратегии. Этот кластер оказался самым многочисленным и набрал 44,3% от общего числа испытуемых. Приняв состав этого кластера за 100 %, опишем его более детально. В данный тип вошли лица с высшим образованием - 88 %, и только 12 % - со средне-специальным образованием. Количество мужчин, вошедших в кластер, составило 27 %. С высшим образованием 23 % и 4 % со средне-специальным образованием, причем 15% имеют собственный прибыльный бизнес, 4 % занимают высокий руководящий пост, и 7,7 % являются руководителями среднего звена. Остальные 19 % представителей сильного пола имеют высокий социальный статус. Женатых мужчин в этом кластере 11,5 %, находящихся в повторном официальном браке 7,7 %, в повторном гражданском браке 7,7 %.

Стоит также отметить, что кластер отличается преобладанием женщин 73 %, причем с высшим образованием 65 % . Среди них замужних женщин – 42% (при этом 7,7 % состоят в повторном браке), а незамужних 31%. в число незамужних вошли 19 % состоящих в повторном гражданском браке. Также в кластер вошли 7,7 % женщин со средне-специальным образованием, среди которых одна является вдовой и сама обеспечивает себя и ребенка, другая - имеет хорошо организованный, прибыльный бизнес. Только 7,7 % представительниц женского пола этого кластера принадлежат к высокому социальному статусу, т.е. имеют высшее образование и занимают ответственный должностной пост. Остальным женщинам был присвоен средний социальный статус из-за отсутствия высокой занимаемой должности (все испытуемые оказались руководителями среднего

звена). Возможно, это можно объяснить следующим: в современном обществе с демократическим стилем правления женщины уверены в себе и могут полноценно реализовывать себя в различных сферах жизни. Им свойственна высокая степень целеполагания. Женщины стремятся реализовать себя в различных сферах жизни, поэтому много времени уделяют своему развитию.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. - М., 1991.
2. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. - М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1995.
3. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. - СПб.: Питер, 2001.
4. Анушин В.Ф. Проблема эмпирического измерения социальной стратификации и социальной мобильности // Социс, 1993, № 4, с. 87–96.
5. Васильева О.С., Демченко Е.А. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека. // Вопросы психологии, 2002, № 4, с. 74-85.
6. Леонтьев Д.А. Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО). – М.: Смысл, 1992.
7. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. - М.: Прогресс-универс, 1994.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. - М.: Педагогика, 1989.
9. Франкл В. Человек в поисках смысла. - М.: Прогресс, 1990.
10. Фромм Э. Иметь или быть. - Киев: Ника-Центр: Вист-С, 1998.
11. Хорни К. Невроз и развитие личности. - М.: Смысл, 1996.
12. Buhler Ch. Der menschliche Lebenslauf als psychologisches Problem. - Gittingen: Hogvele, 1959.

*Мельник О.А.,
Национальный университет физического воспитания и спорта Украины (НУФВСУ), Киев,
Украина*

ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ АВСЕНЬЕВА ПЕТРА СЕМЕНОВИЧА

Родился Петр Авсеньев в 1810г. в Воронежской губернии. Поступил в Киевскую Академию в 1829г. из Воронежской Духовной Семинарии. По окончании в 1833г. Киевской Духовной Академии со степенью магистра богословия, он был назначен в ту же Академию бакалавром по классу немецкого языка. С 3 марта 1836г. – бакалавр философских наук. При самом вступлении его в должность преподавателя философии, ему поручено было преподавание психологии, - и с этого момента, до самого окончания его педагогической деятельности, психология была постоянным, главным и особенно любимым предметом его ученых и учебных трудов и занятий. Кроме психологии, Авсеньеву было поручено преподавание истории новейшей философии – начиная с Канта; а в 1839 году и всей вообще новой философии – начиная с Декарта; с 1845 года преподавал еще и нравственную философию. С 22 октября 1839г. был назначен экстраординарным, а с 1845г. – ординарным профессором. В 1838г. был приглашен адъюнктом на кафедру философии в университет Св. Владимира, при этом оставался и в Академии. В 1842г. был избран секретарем 1 отделения философского факультета, а в 1844 подал прошение об увольнении из университета.

11 октября 1844г. принял монашество с именем Феофана. 16 июля 1846г. был возведен в сан архимандрита, а 31 декабря того же года был назначен инспектором Академии.

В последние годы академической службы о. Феофан преподавал кроме философии и психологии еще и священную библиологию. В марте 1950 года уволен по прошению от академической службы и определен настоятелем посольской церкви в Рим. Скончался Петр Авсеньев 31 марта 1852 года в Риме.

До начала 30-х годов XIX столетия, по разным причинам и обстоятельствам, наука о душе человека – психология была очень мало и почти совсем не разработана в Киевской Академии, поэтому и не имела особого значения в философском образовании студентов. Это недостаточное развитие психологических элементов знания в философском образовании, естественно, неблагоприятным образом могло отразиться и повлиять на умственное развитие учащихся. Новоприбывший ректор Киевской Академии Иннокентий считал, что чисто рациональные, логические и метафизические

знания, отдаленные от жизни и жизненного опыта, без внутреннего опыта и наблюдения, при дальнейшем ходе академического образования в этом одностороннем направлении, грозило опасностью наложить на умы студентов суровую печать сухости и жесткости, словом - отвлеченного, схоластического формализма. По этой причине, за распоряжением Иннокентия, на философскую кафедру при Академии для преподавания психологии в 1836 году был назначен третий наставник в лице Петра Авсеньева. Ему предстояла работа над научным развитием психологии в Киевской Академии, а так же поднятием авторитета психологической науки у студентов. Петр Семенович наилучшим образом справился с поставленной задачей и за свою многолетнюю и плодотворную педагогическую деятельность ученый заслужил добрую и признательную память Академии, как основатель психологии в Киевской Академии.

Дошедшие до наших дней труды Авсеньева свидетельствуют о глубине его исследований относительно психологии. Он основательно изучил психологию в современном ее состоянии и в связи с другими естественными и антропологическими науками. Обширная психологическая литература Германии, Англии и Франции представляла ему обильный и разнообразный материал для изучения. Без преувеличения можно сказать, что им были изучены практически все основные труды по психологии за три последних столетия. Так же, следует отметить, что ученый изучал и труды, которые относятся к учению о душе, древних писателей классического и христианского мира, при этом с особым вниманием останавливался на учениях о душе человека св. Отцов Церкви, и, продвигаясь, таким образом, все далее и далее, к самым первым истокам науки о душе человека, старался, насколько это позволяли ему научные средства, проникнуть даже в первобытную, мифологическую мудрость древних восточных народов.

Из древних психологических теорий его особенным расположением пользовалась возвышенная, нарвственно-религиозная и поэтическая идея о природе и жизни души человеческой, автором которой был Платон. Не менее интересной он считал мистико-религиозные идеи Плотина. Относительно творений св. Отцов Церкви, описывающих природу и жизнь человеческой души – самое глубокое и можно сказать благоговейное отношение вызывали в нем высоко созерцательные творения Макария Египетского, Исаака Сирина. Не остались, без внимания и сочинения средневековых мыслителей и особенно ему импонировали по своим основным идеям, характеру и направлению мышления, мистические сочинения Якова Бёма. Из новейших психологических теорий он разделял психологические идеи, построенные на философии Шеллинга. В свою очередь не одна теория так целостно и всесторонне не соответствовала его духовному настроению, так полно не удовлетворяла всем научным, религиозным и эстетическим требованиям и его научным интересам, как теория души Шуберта. Глубоко-религиозное и глубокомысленное воззрение теории Шуберта на природу и сущность души, ее происхождение, временную жизнь и вечное назначение, - все в этой системе соединено было так, что при первом знакомстве с ней молодого Авсеньева она стала одной из ведущих для ученого. Эта теория повлияла на его религиозно-эстетически настроенный ум как бы магически, т.е. совершенно очаровала его ум. “Так, в первые годы его профессуры, научные движения его мысли, сознательно или бессознательно, вращались в круге ее очертаний, и в направлении, указываемом ее началами” (Иконников, 1884). Поэтому, без колебаний можно предположить, что он и избрал ее в руководство для себя по преподаванию психологии в Духовной Академии и университете Св. Владимира. Ученый был убежден, что эта психологическая теория, как по направлению и характеру, так и по своему содержанию, будет вполне соответствовать и целям и духу академического, университетского образования.

Проводя всюду параллель между духовным и чувственным бытием, Петр Семенович Авсеньев, на все тонкие вещи смотрел только с точки их высшего философского назначения. Ученый утверждал, что «душа человека не может непосредственно созерцать и отдаленного, и будущего, проникая во внутреннее состояние других душ, ясно видеть глубину собственного существа своего. Но вот ясновидящая изумляет нас предсказанием, открывает пред нами мысли и внутренние состояния души и тела, предписывает самой себе в качество и пр.» (Авсеньев, 1869). Из этого следует, что в душе человека есть способности, которые не видны непосредственно, а обнаруживаются в душе, по мнению Авсеньева, только при особенных, исключительных обстоятельствах.

Основной взгляд Авсеньева на душу состоит в следующем. “Всякое существо имеет свою область бытия, к которой и принадлежит, как часть к своему целому. Имеет свою родную стихию, в которой живет: для низших телесных предметов это есть видимый мир, - для бессмертной души есть свой

мир высшей жизни, который составляет ее родину. Это высшая жизнь подобна океану, простирается по неизмеримому царству бытия; тело есть как бы ладья, а душа пловец, стремящийся к вечному пристанищу. Доколе ладья крепка, - душа уединена от всей этой небесной стихии; в нервах она свободно воспринимает и отражает ее приливы. Но каждое возмущение, каждая страсть делают в ладье какое-нибудь отверстие; она все тяжелеет и погружается. В старости душа уже отвращается от земной жизни, мало-помалу оставляет наружные чувства, не владеет членами, вместо того она соприкасается с миром будущей жизни, ей начинает открываться таинственное и сокровенное, она предчувствует перемены природы. Это значит, что стихия будущей жизни уже проникла в ладью. Наконец – еще несколько потрясений, - ладья погружается, и пловец устремляется неудержимо в вечную глубину” (Авсеньев, 1869).

Бытие человека, П. Авсеньев, разделяет на духовное и телесное. Различие в них он видит в следующих чертах:

1) Формой существования. Бытие телесное существует в пространстве, т.е. составляющие его содержание, существуют все в одно и то же время действительности, а бытие духовное – под формой времени, т.е. составляющие стороны и силы, которые в нем содержатся не существуют в одно и то же время действительности одна вне другой и пребывают в нем в состоянии возможности. Следовательно, в действительное бытие составляющие переходят в одном и том же пространстве одна после другой, последовательно во времени. Вследствие этого духовному бытию принадлежит внутреннее, идеальное, неосозаемое, развитие в определенном времени.

2) Своей сущностью. Составляющие части бытия телесного и его силы существуют каждая отдельно, сами по себе, одна другой безразличны, так что взаимное их отношение остается скрытым и познается только пониманием: единство сущности здесь теряется во множестве частей. Составляющие части бытия духовного и силы существуют не отдельно сами по себе, а сосуществуют как возможные, в своем основании, которое может одно за другим раскрывать их из себя. Здесь множественность частей теряется в единстве существа.

3) Своим достоинством. Бытие телесное и бессознательное и неразумное. Т.е. оно не охватывает множественность своего содержания единством своей сущности. Напротив, своей сущностью теряется в частях, потому существует не в себе самом и не для себя, а вне себя и для другого, является предметом сознания, а не осознающее себя разумом. Бытие духовное является сознательным и разумным. Т.е. всю многосложность своих сил и частей оно заключает в простоте своего существа, потому пребывает в себе и для себя, осознает свое отношение к другому, что и называется осознанностью.

4) Своей деятельностью. Бытие телесное само по себе бездейственно, к деятельности побуждается внешними причинами (механическими или динамическими) и подчиняется им слепо. Напротив, бытие духовное согласно своей сущности является деятельным, только для определенного рода деятельности требует известных побуждений извне, но воспринимает и выполняет их осознанно и свободно.

Но эту противоположность между бытием телесным и духовным, по мнению ученого, не следует принимать в абсолютном смысле, иначе между ними невозможно было бы никакое взаимодействие. Поэтому существуют и некоторые черты сходства между ними. Так, хотя дух единичен и не состоит из частей, однако своим отношением к телесному органу его влияние различно на определенные стороны и силы телесного бытия, которые пребывают одна вне другой. Хотя бытие телесное считается бессознательным, в нем заключено, по крайней мере, стремление сосредоточиться. Наконец, хотя телесное бытие существует в пространстве, внутри него остаются еще силы, которые открывают себя во времени.

Литература

1. Авсеньев Феофан, Архимандрит. Из записок по психологии // Сборник из лекций бывших профессоров Киевской духовной академии изданный академиею по случаю пятидесятилетнего юбилея. – К.: Тип. Киевского Губернского Управления, 1869. – 1 – 246 с.

2. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского университета Св. Владимира (1834 – 1884) / Составлен и издан под ред. ордин. проф. В.С. Иконникова. – К.: Тип. импер. ун-та Св. Владимира, 1884. – 818 с.

Сараева Н.М., Суханов А.А.,

**ПОКАЗАТЕЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНЕ С
ОСЛОЖНЕННЫМИ УСЛОВИЯМИ
ЖИЗНЕННОЙ СРЕДЫ КАК ОСНОВА ОЦЕНКИ
ПОПУЛЯЦИОННЫХ ПСИХИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ***

* Работа выполняется при поддержке РГНФ (проект № 12-06-00025 «Снижение показателей психологической адаптации как следствие длительного проживания населения в регионе экологического неблагополучия»)

Психические возможности людей - одна из главных, по большому счету, составляющих ресурсов развития любой страны. Они являются основой и гарантией ее социальной и экономической безопасности, важнейшим экономическим фактором общественного развития. Особенно важны показатели, характеризующие психические возможности людей, проживающих в конкретных регионах (или на их территориях) для оценки и определения перспектив социально-экономического развития последних, прогноза принципиальной решаемости задач, которые ставятся перед населением. Но, видимо, сама непреложность и очевидность фактов о том, что ни одну разработку глобальных или локальных социально-экономических проблем нельзя осуществить без учета возможностей людей, что возможности эти разные, что они определяются многими, в том числе, региональными условиями, делает указанную составляющую ресурсов неявной для специалистов. Значимость ее осознается недостаточно. На наш взгляд, именно отсутствие внимания к обозначенным выше вопросам является обстоятельством, которое при прочих равных тормозит решение многих задач.

Достоверную интегральную характеристику психических возможностей людей дают показатели их психологической адаптации. В системном контексте психологическая адаптация понимается как процесс и результат приспособления человека к средовым условиям на уровне целостной психики в системе «человек – жизненная среда» с целью сохранения ее динамического равновесия (Суханов, 2011). В структуре целостной психологической адаптации выделены связанные отношениями иерархии психофизиологический, психический и социально-психологический уровни. Жизненная среда представляет собой совокупность природных и социальных условий и факторов, во взаимодействии с которыми происходит развитие организма и психики индивида, многих людей (Ковалев, 1993; Панов, 2001; Ясвин, 2000).

В ряде регионов России условия жизненной среды человека осложнены. Особые природно-климатические, экологические и социальные характеристики жизненной среды, затрудняющие жизнедеятельность человека и обуславливающие специфику адаптационных процессов, мы называем осложненными условиями.

Результаты научного анализа показателей психологической адаптации населения, проживающего в регионах с осложненными условиями жизненной среды, имеют значительный экономический выход. Эти показатели характеризуют и актуальное состояние психики людей, то есть их наличные психические возможности, определяющие уровень достижений, эффективность любой деятельности, и психологические ресурсы, границы их «мобилизационного резерва».

Предметом многолетнего изучения сотрудников лаборатории региональных исследований психики ЗабГГПУ является состояние психики и психологическая адаптация человека в осложненных условиях жизненной среды. Исследования проводятся в Забайкальском крае, который рассматривается как модель других регионов России с осложненными условиями природной и социальной среды.

Основной комплекс осложнений жизненной среды населения названного региона состоит в затрудняющих жизнедеятельность человека природно-климатических характеристиках, в особом профиле хозяйственной деятельности, что в совокупности приводит к экологическому неблагополучию разной степени тяжести. Естественные и антропогенные «загрязнения», не являясь по интенсивности экстремальными, настолько серьезны, что вызывают деформацию природной (физической) среды. Она становится неадекватной (Казначеев, 1980), точнее, не вполне адекватной гено- фенотипическим свойствам человека.

По мнению адаптологов, этот регион «пригоден для массового расселения, но характеризуется физиологически тягостными условиями» (Народы Забайкалья..., 2007, с. 82). Люди, живущие здесь, испытывают на себе воздействие ряда дополнительных (не известных в других местах) неблагоприятных субэкстремальных и экстремальных естественных и техногенных факторов, вызывающих адаптационные реакции и патологические процессы. Жизнедеятельность людей здесь требует серьезных энергозатрат, напряжения адаптивных систем. Фиксируя в целом достаточный уровень биологической адаптации населения к природно-климатическим условиям региона исследователи вместе с тем отмечают, что «заболеваемость... свидетельствует о неустойчивой адаптации» (Агаджанян, Гомбоева, 2005, с. 122). По уровню индекса потенциальной жизнеспособности Забайкалье относят к регионам с наиболее низким показателем (Агаджанян, Гомбоева, 2005, с. 87). По данным ООН об индексе развития человеческого потенциала, Забайкальский край устойчиво замыкает список регионов Российской Федерации (Забайкалье в геополитике России..., 2003).

Одной из самых серьезных проблем региона является экологическое неблагополучие многих его территорий, обусловленное естественными и антропогенными факторами. Забайкальский край – старейший горнорудный район России. Развитие горнорудной и перерабатывающей промышленности привело к накоплению десятков миллионов тонн отходов. Концентрации вредных химических элементов в них превышают допустимые в десятки раз. На территории Забайкальского края в настоящий момент отмечается 900 млн м³ техногенных скоплений особо опасного характера, что составляет почти 650 м³ на душу населения. По этому показателю регион занимает одно из первых мест в мире (Государственный доклад..., 2003). Восточное Забайкалье относится к крупнейшей ураноносной провинции страны. Физическую среду Забайкалья в целом характеризует высокий уровень радиации как естественного, так и производственного генеза.

В условиях экологического неблагополучия на индивидуальном и популяционном уровнях снижаются резервы здоровья. «Страдают жизненно важные, энергозависимые функции, прежде всего, иммунная система и транспорт элементов через биологические мембраны» (Сердцев, 1996, с. 6). Следствием гипоксидона, характерного для среднегорных территорий, являются нарушения энергетического метаболизма, падение энергообразования.

В плане экономическом Забайкальский край относится к регионам периферийного типа, для которых характерна низкая степень экономической устойчивости. Хороший природно-ресурсный потенциал края, представляя базу для экономического развития, не стал гарантией его высокого уровня. Экономическое отставание Забайкалья заметно даже при сравнении с регионами Сибири и Урала, не говоря уже о европейской части России. По данным медико-экологического районирования, интегральный рейтинг региона по качеству жизни (19-ое место из 23-х) – очень низкий.

Понятно, что обозначенный выше комплекс осложнений вызывает напряжение адаптации не только на биологическом уровне системной организации человека (Леонтьев, 1977). Эмпирически установлено (Сараева, 2008) существование тенденции к изменению состояния психики – общему снижению психической активности детского населения, родившегося и постоянно проживающего на экологически неблагополучных территориях Забайкальского края. Разноуровневые показатели психологического статуса коренных жителей «загрязненных» территорий, независимо от социального статуса последних, с границ так называемой «средней» нормы в нижненормативные диапазоны (в границы показателей «сниженной нормы», «ниже среднего уровня», «слабые», «пограничные»). Мы полагаем, что сниженные показатели психологического статуса человека, проживающего в регионе экологического неблагополучия, есть проявление снижения уровня его психологической адаптации.

Цель нашего дальнейшего исследования состоит в выявлении особенностей психологической адаптации человека к экологически неблагополучной жизненной среде. Уточним, что выявить особенности в состоянии психики и в психологической адаптации людей, возникающие под влиянием экологического неблагополучия, можно только на уровне населения, а не отдельного человека, что потребовало применения метода популяционно-ориентированного анализа эмпирических данных.

Методологические позиции исследования определены экпсихологическим подходом к развитию психики человека В.И. Панова (Панов, 2004).

Изучалось юношеское население Забайкальского края (учащиеся старших классов и студенты), родившееся и постоянно проживающее на территориях, отличающихся по условиям жизненной

среды: по степени «загрязнения» природной (физической) среды и по характеристикам среды социальной (уровню социально-экономического развития, насыщенности образовательной, информационной среды и т.д.). Общий объем выборки - 763 человека. В данной статье представлены показатели психологической адаптации студентов первого (81 человек) и третьего (80 человек) курсов.

Определялись такие параметры психофизиологического уровня психологической адаптации студентов, как функциональный уровень нервной системы, устойчивость нервной реакции и уровень функциональных возможностей сформированной функциональной системы. В совокупности эти показатели дают комплексную характеристику функционального состояния человека и его работоспособности, в том числе умственной работоспособности. В качестве метода определения функционального состояния и работоспособности использовалась вариационная хронорефлексометрия (методика М.П. Мороз).

Показатели психического и социально-психологического уровня психологической адаптации определялись с помощью личностного опросника ММРІ. Кроме того, показателями психологической адаптации студентов на высшем, социально-психологическом, уровне явились характеристики, полученные с помощью теста жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой.

Замеры показателей психофизиологического уровня психологической адаптации проводились в середине учебного года, в первой половине дня. Было установлено, что на лишь 7 % студентов 1 курса и 11 % студентов 3 курса имеют нормальный (оптимальный) уровень работоспособности. 46 % обучающихся на 1 курсе и 49 % - на 3 курсе имеют показатели нижней границы нормы. Данное состояние возникает на начальных стадиях развития утомления и при астенизации организма при различных заболеваниях. У человека ослаблено внимание, допускаются ошибки и время выполнения задания увеличивается. У 44 % первокурсников и 39% студентов 3 курса работоспособность снижена, что можно наблюдать при переутомлении, воздействии на организм экстремальных факторов среды. Значительно снижена работоспособность у 3 % студентов 1 курса и у 1 % - 3 курса. Таким образом, показатели психологической адаптации на психофизиологическом уровне снижены у большинства студентов.

По результатам ММРІ равное количество студентов 1 и 3 курса (19 %) имеют показатели, определившие пограничный профиль. Для испытуемых характерна повышенная эмоциональная напряженность, проявляющаяся в поведении, выраженные затруднения в адаптации, неудовлетворенность, высокая степень стресса, низкая устойчивость к нему. 43 % студентов, обучающихся на 1 курсе, и 25 % - на 3 курсе, составляют группу, показатели которой определяют нормальный профиль. Студенты этой группы не имеют признаков стресса, им свойственны высокая устойчивость к стрессу, эмоциональное равновесие, спокойствие и уверенность. Отсутствуют выраженные затруднения в адаптации. Показатели 38 % испытуемых 1 курса и 56 % - 3 курса являются основой особого профиля – он находится между пограничным и нормальным. Это говорит о некоторой неудовлетворенности, стрессе и возможных трудностях в адаптации. Мы полагаем, что наличие в выборке студентов данной группы подтверждает наше предположение о том, что и в показателях психического уровня психологической адаптации молодых людей в экологически неблагоприятных условиях жизненной среды, возникает «дрейф» к нижней границе нормы.

По результатам теста С. Мадди большинство студентов (62 % на 1 курсе и 60 % на 3 курсе) имеют показатели среднего уровня жизнестойкости. Они на социально-психологическом уровне психологической адаптации умеют справляться со стрессовыми ситуациями. Жизнестойкость низкого уровня показали 23 % испытуемых 1 курса и 21 % - 3 курса. Они плохо справляются со стрессами, возникающими в их жизни. И только 15 % испытуемых первого года обучения и 19 % - третьего имеют показатели высокого уровня жизнестойкости. Студенты данной группы способны препятствовать возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами. На социально-психологическом уровне психологической адаптации, таким образом, показатели студентов достаточно благополучны.

Приведенные данные позволяют сделать следующие выводы. В экологически неблагоприятных условиях жизненной среды наблюдается отчетливое снижение показателей на психофизиологическом уровне психологической адаптации. Тенденция к снижению сохраняется и на психическом уровне,

хотя и не в столь явном виде. На социально-психологическом уровне показатели психологической адаптации студентов «выравниваются» за счет социальной компенсации, и большая их часть находятся в границах средних значений.

Возникает вопрос о «цене» социально устойчивого состояния психики, цене, которую «платит» человек, проживающий в регионе экологического неблагополучия. Подчеркнем, что психика едина, и поэтому, несмотря на преобладание средних и высоких показателей психологической адаптации на социально-психологическом уровне, нельзя говорить о хорошем состоянии психики в целом и достаточном уровне психологической адаптации. В регионе экологического неблагополучия реализуется минимизирующая адаптация, которая является механизмом снижения (в пределах нормы) показателей психической активности студентов.

Сниженные по ряду параметров показатели психологической адаптации практически здоровых молодых людей, проживающих в осложненных условиях жизненной среды, мешают признать вполне достаточными их психические возможности.

Литература

1. Агаджанян Н.А., Гомбоева Н.Г. Адаптация, экология и здоровье населения различных этнических групп Восточного Забайкалья: Научное издание. Новосибирск: Изд-во СО РАН; Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2005. 152 с.
2. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды в Читинской области за 2002 г.». Чита, 2003. 155 с.
3. Забайкалье в геополитике России: материалы международной конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 170 с.
4. Казначеев В.П. Современные аспекты адаптации. Новосибирск: Наука, 1980. 192 с.
5. Ковалев Г.А. Психическое развитие ребенка и жизненная среда // Вопросы психологии. 1993. № 1. С. 14—23.
6. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
7. Народы Забайкалья: экология и природопользование / Г.Ц. Цыбекмитова, В.Ф. Задорожный, А.В. Константинов [и др.]. Чита: Издательство Забайкал. гос. гум.-пед ун-та, 2007. 149 с.
8. Панов В.И. Экологическая психология: Опыт построения методологии. М.: Наука, 2004. 197 с.
9. Сараева Н.М. Психологический статус человека, живущего на экологически неблагоприятной территории (в Читинской области): монография. М: Изд-во ЛКИ, 2008. 175 с.
10. Сердцев М.И. Экология, метаболизм, здоровье. Чита: Изд-во Читинского пединститута, 1996. 161 с.
11. Суханов А.А. Понятие «психологическая адаптация» в системном контексте. Теоретическая модель психологической адаптации // Психологическая адаптация и психологическое здоровье человека в осложненных условиях жизненной среды: коллективная монография. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2011. С. 46-49.
12. Ясвин В.А. Психология отношения к природе. М.: Смысл, 2000. 456 с.

Седов В.П.,

Магнитогорский государственный университет, Магнитогорск

ПРОБЛЕМА СМЫСЛА СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА: РАСКОЛ СОЗНАНИЯ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ БЫТИЕМ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НА ПРОИЗВОДСТВЕ

С позиции психологии сознания работа на производстве (имею в виду наш Магнитогорский металлургический комбинат) потеряла былую привлекательность как труд на мощном предприятии. Привлекательной осталась зарплата. Более всего повлиял диктат суперрациональных отношений и уничижение всех других забот человека на всех уровнях управления. Рациональность в отношениях выпячивается не производственной необходимостью, а демонстрацией власти «не хочешь работать – уходи, никого не держим». Расхожий штамп делового общения руководителя с подчинённым

как минимум на половину объясняется трудностью (не подготовленностью) руководителей рефлексировать субъективную проблему в сознании подчинённого. «От себя никуда не денешься» – не семейный вопрос и вопрос не материального благополучия. Регуляция всех этих беспокойств не поддаётся произвольному действию, нужен ещё латентный период ожидания контрольного явления «так, верно». Это опыт доживания созревания ясной мысли, сознавания намерения, снимающего напряжение переживания непонятого, либо сохраняется сознавание непроходящего конфликта-непонимания. Здесь граница удержания здоровья человека. Субъективная ситуация то истаявает, то возникает снова, но приятие психологического состояния подчинённого «философская задача» руководителя. Работник предприятия переживает два различных смысла существования: один – в значении необходимости рабочего места для удобства жизни, второй – в привязанности к человеческому бытию, органически неизбежному по природе. Они раскалывают его сознание, вызывая диссонанс ощущений.

Напряжённые интонации в деловом общении лишь выражение диссонанса (контрастности) между тем, что происходит в бытие среди родственников и наедине с собой и отчуждением от человеческого, возводимое в норму в деловом разговоре по вертикали отношений. Некогнитивный диссонанс в конструкции сознания человека, кроме прочего, – несознаваемое переживание утраты чувства единства, целостности в самом себе. Непонимание работником этого раскола (даже с высшим техническим образованием), переносится из сферы профессиональной деятельности на событие в семье, заботу о «человеке в себе». Эту не новую проблему попытаемся описать ещё раз с позиции нашей концепции психологии субъекта сознания.

Человеческое бытие – родовое начало человекообразования от становления сознания в частности. Возможность появления сознания у новорожденного кроется в чувственности («чувственная ткань»). Человек в хозяйственной области жизнедеятельности, в худшем варианте, отстраняется от чувственной образующей сознания и живёт по правилу позитивистской психологии – полезности, удобства существования. В таком случае производственные отношения опрощают существование работников в организации, не оптимизируют сохранение целостности психологии. Рабочее место становится способом зарабатывания денег, а человеческое бытие субъекта жизни оказывается на окраине развития в такой организации. Причастность работника к коллективному субъекту утрачивается полностью или частично. Данная мысль давно решалась в профессиональной психологии. Социальная психология немало сделала для устранения раскола в сознании между профессией, работой и психологической областью проживания человеческого бытия.

Конструктивная область сознания субъекта – не природное образование, но строится в согласии с природой фундаментального сознания человека. В этой области мы различаем два разных этажа конструкции. Первый устроен на хотении и должном, с детства начинаясь с интереса к освоению окружающего пространства. Через шесть лет хотение разворачивается уже и на самого себя. Явление чувствования либо снимается пониманием мысли, действия, либо остаётся неразрешённым переживанием. Затем действительность требует развития второго этажа сознания субъекта ради приобщения к профессии. Он устраивается на основе первого присвоением представлений разного рода об отношениях между предметами в действительности и природе. Но для присвоения нужны другие способности. Способность же понимания, сознавания чувственности или психологии другого человека становится редким занятием. Психотехники саморегуляции чувственности и взаимодействия с другим человеком на этом основании остаются имплицитивно-интуитивными.

Под влиянием непосредственных отношений по вертикали в организации, культурных событий, «взрослое сознание» субъекта расширяется. В его структуре начинается трансформация отношений к прошлому: отторгается конкретный период детства как неправильный, несправедливый, прожитый «не так». Сознание приобретает качество «проходившегося». «Проходившееся сознание», в данном случае метафора, обозначает вытеснение из континуума событийного ряда жизни занятий, казавшихся ранее «нормальными». Возникает явление-оценка неприятия прошедших периодов жизни как бы прожитых «неправильно» – некогнитивный диссонанс: сознавание одного и того же содержания в прошлом и настоящим. Причём диссонанс может протекать на двух этажах сознания: а) только понимания различия в смысле чувствования одного и того предмета занятия, невыраженного в речевом виде; б) на этаже сознавания, когда смысл отношений между чувствованиями получает именование и выражение в языке. Некогнитивный диссонанс случается не в результате когнитивных действий субъекта в отношении прошлого события и настоящего, не вследствие психологического

сравнения образов, понятий. Диссонанс случается, полагаем мы, из направленности человека, обретающей в юношеском возрасте конкретный вид – тенденцию к лучшему, а на языке В.В.Розанова – тенденцию к добру, доброму.

Понятие тенденция остаётся на окраине психологии. Такое невнимание объясняется не различием двух качественно непохожих сфер жизни субъекта, начиная с юношеского возраста. Между тем В.Е.Ключко говорит: компьютер насчитал в трудах Л.С.Выготского употребление термина тенденция 72 раза. Динамика сознания человека, конечно же, должна иметь специальный тезаурус наряду со стативно-структурными понятиями. Установка человека отражает тоже, что и тенденция, но имеет краткосрочное или локальное значение. Некоторые законы физики (например, «всемирного тяготения») обладают тенденцией непрерывного действия на все предметы обладающие массой. Поэтому это закон о всеобщей тенденции материальных тел. Принцип развития в науке психологии сам по себе не тенденция, а стативное требование в исследовании. Однако конкретный субъект может обладать неизменным стремлением к развитию (тогда у него есть тенденция развития) или нет. Обладание тенденцией к развитию в духовном смысле, подразумевает не только направленность, ориентацию на обладание, но и намерение совершать необходимые действия. Однако это намерение невозможно исполнить сразу в один момент: за минуту. Отсроченность во времени такого хотения обусловлена обстоятельствами объективными и субъективными. Субъективная сторона отсроченности возникает из необходимости быть не «каким-нибудь», а способнее к занятию, к регуляции состояния, настроения и др. Забота такого рода скрыта в неосвоенном умственном действии, которое требует иного «внутреннего представления», нового чувствования, освоения нового движения. Новое возникает при сохранении установки на разрешение умственного напряжения, компенсируемое возбуждением (конструкция сознания обладает признаком самовозбуждающейся системы) от явления, снимающего переживание субъективной неопределённости. Эмпирически факт чередования напряжения и возбуждения как нормы существования и развития подтверждается абсолютным большинством студенческой молодёжи прожившей первый курс учения. Однако для рабочего такой способ активизации не может быть нормой деятельности либо из научения в событии с другим человеком, либо самостоятельными пробами, при условии, что у него есть опыт сознания подобной активности и активизирована установка любопытства, интереса к действию или возникла цель. Ожидание подобно установке, хотя установка может быть ещё несознаваемой.

Когда одно и тоже явление возникает неизменно при разных обстоятельствах, по крайней мере, в ситуациях не угрожающих жизни, то структуру, определяющую это явление в конструкции сознания субъекта, мы считаем тенденцией. Мысленный эксперимент с а) «пропавшим письмом» от неизвестного лица, б) «запрещение подходить к звонящему телефону» показывает, что феномен «ожидания несвершившегося» (неосознанная установка ожидания лучшего как тенденция) в этих производственных отношениях почти отсутствует. Следовательно, угнетается основной нерв совершенствования субъекта как человека. Тенденция к доброму, лучшему не побуждается языковой командой субъекта самому себе. Её становление покоится на чувственности и механизме «внутреннего бытия» между символическим и языковым выражением как в движении «снизу вверх» так и наоборот, хотя разворачивание этих переходов не симметрично. В худшем случае сознание лишь отражающее воздействие извне оказывается по своему значению – пособием.

Если взрослые даже на работе имеют условия сохранения нормативного функционирования сознания, то значимое место в проекте их будущего занимают дети, отношения с противоположным полом, «человек в самом себе». В направленности субъекта жизни всегда есть желание большей способности к жизни у себя, а потом у детей. Но эту устремлённость нельзя считать идеалом из-за своей неконкретности. Устремлённость может приобретать вид якобы цели, но неопределённая надежда на не свершившееся с верой в лучшее в жизни, сохраняется практически всегда. Феномен неопределённости будируется структурой «привязанности к самому себе», «ожиданием несбывшегося-несвершившегося». Они выполняют функцию блока управления в конструкции субъекта сознания. Направленность субъекта к более совершенному (лучшему) – заслуга культуры. И здесь возникает чувственная необходимость, в силу логики такого развития культуры, подобная желанию цели жизни. Нерв существования человеческой культуры, выражающий целостное состояние системы (конструкции) явления – тенденция к лучшему. Причём тенденция к лучшему свойственна конструкции субъекта с нормативным сознанием почти всегда. По крайней мере, тенденция действует даже в критическом состоянии, т.е. когда субъект утратил способность регуляции своих

переживаний. Однако, заметим, он надеется на преодоление (на лучшее) «плохого» состояния по направлению к «лучшему». Как могло случиться, что одно состояние сознания он считает лучшим, а другое плохим – вопрос для исследования. Хорошо ещё, что состояние «ничего неделания» и вечного отдыха, развлечения после труда не стали нормой, хотя появляется молодёжь, считающая такой разделением жизни правильным. Банальное заблуждение усиливается тем, что местное ТВ как раз показывает чаще всего: труд и развлечение, спорт.

Сознание возникает раньше личности, и оно всегда существеннее, бесконечнее личностного. Стремление к сохранению единства, целостности в себе также явление не личностного свойства как и субъектная тенденция к лучшему – не личностное образование. Здесь резерв коэффициента полезного действия работника. Считаться с этим руководители умели, но новому поколению менеджеров об этом напоминать нужно. Другое дело, что факторы регуляции актуализированной области сознания молодёжи и зрелого человека несопоставимы. Нужны исследования моделей инвариантных и вариативных «потенцирующих образов», структур в конструкции субъекта сознания.

*Флоровский С.Ю.,
Кубанский государственный университет, Краснодар*

К ПРОБЛЕМЕ ЛИЧНОСТНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ РОЛЕВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В КОМАНДНОЙ РАБОТЕ

Эффективность функционирования и позитивность развития любой организации во многом определяется согласованностью и слаженностью управленческого взаимодействия её руководителей. Построение совместной деятельности управленцев в соответствии с логикой и принципами командного подхода составляет важнейший тренд развития современной науки и практики менеджмента.

Одним из приоритетных факторов успешности команды является оптимальность её состава. Группы, в которых есть исполнители всех функциональных ролей, органично дополняющие друг друга в ходе группового взаимодействия, гораздо лучше работают над выполнением любого задания, нежели те группы, где в функционально-ролевом диапазоне наблюдаются «бреши» и «разрывы», а участники оказываются неспособны организовать своё взаимодействие в соответствии с принципами позитивной синергии (Белбин, 2004; Katzenbach, 2005; McGrath, 1984).

В свою очередь, хорошо известно, что эффективность исполнения человеком определенной роли в совместной деятельности намного выше, если эта роль оказывается релевантной психологическому складу реализующего её индивида (Журавлев, 2005; Осташенко, 2006; McGrath, 1984).

Однако существующие в настоящее время данные о взаимосвязи привлекательности той или иной командной роли с личностными характеристиками субъекта ролевых предпочтений чрезвычайно противоречивы, что оставляет эту проблему открытой для дальнейших исследований.

В социально-практическом плане актуальность исследований в этой направлении особенно возрастает в тех случаях, когда опыт реальной командной деятельности субъектов функционально-ролевых предпочтений является ограниченным, например, вследствие корпоративной или отраслевой приверженности традиционным (не-командным) моделям управления.

Примером подобной сферы деятельности является система муниципального управления, послужившая эмпирической базой нашего исследования. Выборку составили 114 руководителей и главных специалистов администраций четырёх муниципальных образований Краснодарского края. Исследование проводилось в течение 2011–2012 гг. в рамках образовательных и консультационных проектов по повышению квалификации персонала и совершенствованию деятельности региональной системы муниципального управления.

С учетом имеющихся данных о неравномерности функционального вклада в управленческое взаимодействие различных категорий личностных характеристик партнеров по взаимодействию (Флоровский, 2005), мы сосредоточились на анализе связи предпочтений командно-управленческих ролей с тремя подсистемами личностной регуляции субъектов ролевых предпочтений, – коммуникативными и эмоционально-волевыми качествами, локусом контроля и макиавеллизмом.

При этом мы опирались на типологию командных ролей, предложенную Р.М. Белбином и

операционализируемую соответствующим авторским опросником (Белбин, 2004). Названные выше категории личностных детерминант функционально-ролевых предпочтений диагностировались, соответственно, при помощи многофакторного личностного теста 16PF Р.Б. Кеттелла (форма С), опросника выявления локализации субъективного контроля (версия Е.Г. Ксенофонтовой) и методики определения уровня макиавеллизма по В.В. Знакову. Математико-статистическая обработка данных включала в себя вычисление показателей средних значений, стандартного отклонения, частотный и ранговый корреляционный анализ.

Наиболее популярными в рассматриваемой нами выборке оказались командные роли Организатора работы и Организатора группы. Все остальные функциональные роли, – Председателя, Формирователя, Генератора идей, Исследователя ресурсов, Завершителя, – воспринимаются как существенно менее привлекательные. При этом минимальную привлекательность имеет для наших респондентов роль Оценщика идей (Критика).

Выявившийся профиль ролевых предпочтений можно рассматривать как профессионально обусловленный. Содержание деятельности в системе муниципального управления предполагает основную нагрузку именно на организаторско-координационные функции, которые в итоге и осваиваются наилучшим образом. Что же касается функции критической оценки событий и действий, то в отечественном варианте построения муниципального управления (не на нормативно-декларативном, а на реально-действующем уровне) функция критической оценки событий и действий сосредотачивается на высших уровнях статусной иерархии и практически не представлена на «низовых» уровнях системы.

Результаты исследования позволяют конкретизировать психологические портреты людей, тяготеющих к занятию определенных функционально-ролевых ниш в управленческой команде.

Роль Организатора работы обладает повышенной привлекательностью для лиц ограниченно общительных, сдержанных (А–), социально осторожных (Н–), недоверчиво и подозрительно относящихся к окружающим (L+), экстернальных (Ио–), экстрапунитивных (Ин–, Псоб–), макиавеллистически ориентированных (Маc+).

Ролевая ниша Организатора группы притягательна для практичных, добросовестных (М–) и консервативных (Q1–) людей.

Командную роль Председателя предпочитают эмоционально зрелые, выдержанные субъекты (С+), способные чувствовать новое, склонные мыслить самостоятельно и умеющие успешно противостоять различным внешним влияниям (Q1+).

Роль Формирователя выбирают люди экстравертированные, общительные, эмоционально теплые (А+), с открытой эмоциональной чувствительностью, богатым внутренним миром (I+), плохо справляющиеся с фрустрационным напряжением (Q4+), но несмотря на это обладающие высоким уровнем готовности к преодолению трудностей (Дт+).

Склонность занимать командно-ролевую позицию Генератора идей обуславливается высоким уровнем социальной смелости (Н+).

Положительное отношение к перспективе занятия ролевой позиции Оценщика идей (Критика) выражено тем отчетливее, чем в большей мере у субъекта командно-ролевых предпочтений сформирован обобщенный самоконтроль (Q3+).

Эмоциональная привлекательность роли Исследователя ресурсов тем выше, чем больше выражены у человека релятивистское отношение к моральным и социальным нормам (G–), практичность и реалистичность мышления и поведения (M–), некоторый недостаток самоконтроля (Q3–), устойчивость к действию фрустрирующих факторов (Q4–), чувство «личной причастности» как к успехам (Ид+), так и неудачам (Ин+), склонность скорее «обходить» трудности, нежели преодолевать их (Дт–).

Эмоциональная привлекательность командной роли Завершителя связана с такими личностными тенденциями как самостоятельность, независимость от группы (Q2+) и фрустрационная напряженность (Q4+).

Полученные данные лишь частично согласуются с теми, которые ранее были получены в работах Р.М. Белбина и его коллег. На наш взгляд, это может быть связано с несколькими причинами.

В работах Р.М. Белбина изучались личностные детерминанты эффективного исполнения командных ролей; в нашем же исследовании выявлялись личностные факторы, оказывающие влияние на предпочтение ролей в управленческой команде по критерию их большей или меньшей

привлекательности для субъекта. Результаты нашего исследования могут рассматриваться как ещё одно подтверждение той закономерности, что склонность к занятию тех или иных ролевых позиций в совместной управленческой деятельности и способность эффективно действовать в соответствии с выбранной ролевой позицией опираются на неодинаковые личностные ресурсы (Осташенко, 2006; Флоровский, 2005).

Другой причиной выступает принципиальное различие парадигмально-управленческих контекстов командной работы. В трудах Р.М. Белбина рассматриваются команды, функционирующие в системах управления ориентированных на современную парадигму социального партнерства и обмена. В этой парадигме акцентируется партнерский принцип взаимодействия всех участников управленческого процесса, приоритет координационных отношений над субординационными (Чендлер, Блэк, 2007; Katzenbach, 2005; Likert, 1967). В организациях же, выступивших эмпирической базой нашего исследования, превалирует управленческая «парадигма власти», базирующаяся на идеях статусно-ранговой соподчиненности и жесткой субординации в отношениях.

Соответственно меняются и психологическое содержание ролей в групповой (командной) работе, и механизмы личностной регуляции ролевого поведения. Особенно отчетливо это проявляется в случае ролевых позиций Организатора работы и Организатора группы (обладающих наибольшей притягательностью для большинства опрошенных). В первом случае внимание респондентов акцентируется не на смыслах содействия продуктивной работе других людей, а на задачах максимизации личной власти и влияния в группе. Во втором, – ведущими оказываются не установки на открытое общение, фасилитацию групповой динамики, демократизацию группового климата, а установки консервативно-охранительной направленности. В соответствии с последними сознание субъекта, ориентированного на исполнение рассматриваемой роли, фокусируется на структурировании групповых взаимодействий и отношений с целью достижения их максимальной подчиненности интересам вышестоящего руководства.

Полученные результаты могут быть использованы в практической деятельности по совершенствованию управленческого взаимодействия в организациях ориентированных на властно-центрированную парадигму управления, содействуют развитию компетентности руководителей и специалистов таких организаций в качестве субъектов совместной управленческой деятельности, расширяют и конкретизируют базу прогностических оценок эффектов форсированного внедрения в «организационную повседневность» идей, принципов и технологий командного менеджмента.

Литература

1. Белбин Р.М. Типы ролей в командах менеджеров / Пер. с англ. М.: Дело, 2004. 240 с.
2. Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005. 640 с.
3. Осташенко Е.И. Личностные факторы регуляции делового взаимодействия руководителей (на примере производственных и торговых организаций): Автореф дис. ... канд психол. наук. Краснодар, 2006. 26 с.
4. Флоровский С.Ю. Личностная регуляция совместной управленческой деятельности руководителей и культура организации (психологические механизмы со-бытийности в управленческих коллективах и командах) // Личность и бытие: теория, исследования, практика / Под ред. З.И. Рябикиной и др. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. С.251-279.
5. Чендлер С., Блэк Д. Управление в бархатных перчатках: От беспощадного лидерства к эффективному управлению / Пер. с англ. М.: Вершина, 2007. 492 с.
6. Katzenbach J. The Wisdom of Teams: Creating The High Performance Organization: European Version. N.Y.–L.: McGraw-Hill Professional, 2005. 378 p.
7. Likert R. The Human Organization: Its Management and Value. N.Y.: McGraw-Hill Book Company, 1967. 258 p.
8. McGrath J.E. Groups: Interaction and Performance. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1984. 287 p.

МЕДИК КУРЯЩИЙ - СУБКУЛЬТУРНЫЕ/ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ И ВОЗМОЖНОСТЬ ВЛИЯНИЯ НА ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩУЮ МОТИВАЦИЮ ОБЩЕСТВА

Опасность курения самими медработниками для здоровья нации - тема, не обсуждаемая и не признаваемая актуальной в практике и теории российского здравоохранения, потому что, за редким исключением (Schnoll, 2006), курение среди медработников не исследуется, равно как и их реальные возможности постулируемого воздействия на пациентов, нынешних и будущих (Anselm, 1997). Выдвигаемый тезис «курение - вредно» (а не опасно!) формально звучит как аксиома, и в законодательных документах Минздрава ожидается проявление социальной роли медика как активного агента, включенного в антитабачную борьбу. Эта аксиома и ожидание рассыпаются при первом же соприкосновении с социальной реальностью: мало врачей на специальных «антитабачных» конференциях и школах, «дым коромыслом» в больницах, курящие медики, «недовольные» посягательством на право личного выбора и т.д.

Переводя наблюдаемые факты в методологические рамки мы предполагаем расхождение между действительным и формальным исполнением социальной роли медработника в отношении антитабачной профилактики и борьбы (анализ в рамках позитивистской социологии). Но кроме исследования вопроса «Как медики, курящие и нет, осознают и исполняют роли «борцов»?», важно понять, что ими движет и каковы их субъективные ощущения от возможной стрессогенной ситуации двойной морали (Страусс, 2001). Если в системе формирования у населения установок на здоровый образ жизни место и роль медиков основополагающие, то есть ли у них ресурсы - внутренние убеждения и методические приемы? Медики, обладающие информацией о вреде курения – в силу своего профессионального образования – и являющиеся курильщиками – это нонсенс, достойный девиантологических теорий познания или за пределами своей социальной роли врач/медсестра рассматривают собственное курение как привычку, совместимую с удобным стилем жизни (Blaxter, 1990); а может это феномен субкультуры внутри медицинского сообщества (маскулинизация хирургии и травматологии с повышенным потреблением табака и алкоголя?).

В процессе погружения наших исследовательских тем и проблем в различные модели социального познания и теоретико-методологические традиции наиболее эффективным представляется следование парадигме качественной методологии как альтернативе в ситуации выявленных ограничений позитивистской социологии (Annandale, 1998; Семенова 1998).

Представляемые результаты эмпирического исследования не являются законченными, а описывают комплексный подход к научной проблеме и обозначают ключевые пункты для воплощения в социальной и образовательной практике. Из-за необходимости строгого соответствия исследовательской этики мы не называем город, в котором один медицинский вуз, являющийся единственным и на весь регион (область). Уместно отметить, что этот регион является донором с высоким экономическим уровнем и связанной с этим развитой социальной сферой. Кроме того, специфической особенностью является повышенное внимание администрации региона на всех уровнях к проблематике здравоохранения и к вопросам медицинской профилактики.

Региональным институтом медицинской профилактики (как принято по всей России) на протяжении ряда лет проводятся социологические опросы по отношению к табакокурению среди различных групп населения, в результате чего была выявлена необходимость широкомасштабного вовлечения в качестве единиц анализа самих медработников. С теми, кто «самовыдвинулся» были проведены (и будут проводиться) полуструктурированные интервью. Самовыдвиженцы представляют разные медицинские специализации, в дополнении к ним были приглашены для интервью и те, кто сам не проявил интереса. Опрос и интервью сочетается также с анализом правовых документов федерального и регионального уровня, и приказов, изданных в самих ЛПУ.

Понимание феномена «курящие медики» через личные нарративы информантов (Квале, 2003) и при анализе нормативных установок позволило выделить ключевые стратегии интерпретации

«медик курящий»:

- слабое информационное обеспечение,
- завышенная самооценка медработников в отношении способности контроля собственной зависимости и негативных последствий,
- толерантное отношение в обществе, как ко всем курильщикам, так и к курящим медикам.

Анкетный опрос с открытыми вопросами для различных групп медиков был проведен в шести выборках (врачи-управленцы со всех районов, собравшиеся на областном совещании, медперсонал поликлиники, вспомогательный медперсонал, всего 385 респондентов). Респонденты в анкетном опросе сами заполняли анкеты в максимально-доверительной обстановке. Все анкеты были признаны годными (не было пропусков ответов) и анализ проводился в статпакете SPSS v.17.0.

При исследовании установок и действий врачей в зависимости от категории «личного» курения (Chi-square and Fisher exact tests) выявились следующие закономерности: Если сравнивать курящих и некурящих медиков, то 23.5% против 3.7% НЕ СПРАШИВАЮТ пациентов об их курительном статусе (соответственно); меньше среди курящих медиков и тех, кто всегда спрашивает пациентов об их курении (41.5% vs 50% среди некурящих врачей, p-value=0.037). Как и ожидалось, одинаково плохо все медики относятся к курению родных. Слабо (или совсем не знают) медики о центрах помощи табакозависимым пациентам, а также сами не обладают действенными технологиями помощи пациентам по отказу от курения.

При исследовании зависимости переменных «Установки», «Действия» и «Организационная Структура» (Logistic regression model) зависимая переменная была сконструирована по следующему вопросу: «Возможно ли ваше ЛПУ сделать зоной абсолютно свободной от табачного дыма?». Среди потенциальных предикторов были социально-демографические факторы, статус курильщика и знания по лечению табачной зависимости. Статистически значимые главные выводы модели:

1. Почти в 4 раза меньше шансов стать пессимистом (кто не верит в возможность ЛПУ соответствовать требованию Минздрава РФ) тому врачу, кто сам помогает пациентам бросить курить.

2. С возрастом шансы пессимизма возрастают, и с учетом возраста почти в 6 раз меньше шансов стать пессимистом тому, кто сам помогает пациентам бросить курить.

Традиционно, именно молодежь, в силу психолого-возрастных особенностей, меньше всего думает о сохранении своего здоровья, а вместе с ним и об укреплении экономического потенциала своей страны (Михеева, 2007). И наблюдая за студентами-медиками, включенными в процесс саморазрушения своего здоровья, задаем ключевые вопросы для исследования – их не обучают, не просвещают, или еще нет осознания сопричастности к социальной роли? И курение, начатое в студенчестве, то есть на стадии «отрочества» медицинской профессионализации, будет продолжаться и в зрелости, профессиональной и личной? Ибо зависимость проявляется на организменном уровне, даже если это тело просвещенного медика?

Был проведен письменный опрос представителей регионального медвуза (всего 51 человек, из них 40 преподавателей и 11 сотрудников с 18 кафедр; отказов не было). Наряду с вопросами отношения к курящим преподавателям, медикам, студентам был задан вопрос: «Считаете ли Вы необходимым обязательное включение в учебные планы (каких дисциплин?) материалов по профилактике табакокурения и методам отказа от табачной зависимости?».

Из проведенного анализа предложений преподавателей самым распространенным было включение антитабачной профилактики и антитабачной борьбы во внеаудиторную воспитательную работу наравне с пропагандой здорового образа жизни (ЗОЖ) в целом. Сотрудники предлагали вводить дисциплины о подробном изучении вреда табакокурения.

Самым оригинальным было предложение преподавателя (№БТ-19): «Считаю целесообразным обращать внимание: химия – состав табачного дыма, биология – семейство пасленовые, история-история распространения табакокурения и др.». Другие «маргинальные» предложения звучали так: «Считаю обязательно проводить рекламные показы и проведение мероприятий о вреде курения»; «Проблему нужно решать на государственном уровне, как может проводиться такая работа в ВУЗе, если большинство уважаемых преподавателей курит?!»

По данной нерепрезентативной выборке без учета самого курительного статуса мы заключаем: не все преподаватели и сотрудники считают необходимым включать в учебный план материалы по профилактике табакокурения и методам отказа от табачной зависимости. Самым распространенным было включить в следующие дисциплины: этика, цикл по психиатрии. Самым оригинальным мы

признали комплексный подход одного преподавателя, который предложил включать материалы по табакокурению не в одну дисциплину, а сразу в несколько учебных дисциплин, на протяжении всего обучения студентов-медиков.

Развитие данного, на наш взгляд, актуального исследования поможет выяснить роль и значение информированности субъекта в принятии им последующего решения относительно личного курения; насколько изменяются параметры индивидуальных установок в условиях давления, как субкультуры (медицинского сообщества), так и всех общественных институтов, включая административное давление в результате коренного изменения антитабачного законодательства РФ.

Литература

1. Annandale E. The sociology of Health and Medicine A critical introduction. Polity.- 1998.
2. Anselm L. Strauss, S. Fagerhaugh, B. Sucek and C. Wiener. Social organization of medical work. Transaction Publishers.- 1997.
3. Blaxter M. Health and lifestyles. Tavistock/Routledge. – 1990 – 268 p.
4. Schnoll R.A. et al. Smoking cessation counseling by Russian oncologists: opportunities for intervention in the Russian federation.// International Journal of Behavioral Medicine, 2006, v.13, N1, p.8-15.
5. Квале С. Исследовательское интервью – М., 2003. – 301 с.
6. Михеева А.А., Панченко С.С, Метод изучения поведения, связанного с отношением к здоровью, у молодежи// Социальная профилактика и здоровье, 2007, №1. с. 35-40.
7. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., Добросвет.- 1998 – 289 с.
8. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС.- 2001.

Циринг Д.А.,

Челябинский государственный университет, Челябинск

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ ПРЕДИКТОРОВ УСПЕШНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и образования Российской Федерации в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (ГК № 14.740.11.1119)

Успешность профессиональной деятельности определяется целым комплексом различных факторов, однако психологический следует считать важнейшим. Одним из конструктов, адекватно отражающих способность личности к успешному осуществлению профессиональной деятельности является самостоятельность, которая традиционно рассматривается как одна из самых ключевых характеристик субъекта. В последние годы интерес многих исследователей концентрируется на изучении известных и многообразных феноменов «самости» человека: саморегуляции (Л. Г. Дикая, В. И. Моросанова), самоутверждения (Н. Е. Харламенкова), самопрезентации (А. Н. Лебедев), самоопределения (А. Л. Журавлёв, А. Б. Купрейченко), самореализации (Э. В. Галажинский, Л. А. Коростылева, И. В. Солодникова), ставших «высокочастотными» проблемами психологических исследований. Как подчёркивает А. Л. Журавлёв, в феноменах «самости» наиболее ярко проявляются субъектные характеристики человека, составляющие его активное, действенное начало, во многом определяющие особенности его действий и поступков, отношений и общения, деятельности и поведения, других форм активности и в целом жизнедеятельности человека. Всё это касается и самостоятельности, которая, по нашему мнению, является проявлением высокого уровня субъектности человека.

Самостоятельность определяется в «Психологическом энциклопедическом словаре» М. И. Еникеева как способность ориентироваться на свои личностные позиции, принимать собственные решения и реализовывать их, независимость от ситуативных внешних воздействий. Но за термином самостоятельности у разных авторов может стоять различный психологический смысл.

В контексте концепции личностной беспомощности (Циринг, 2010) самостоятельность рассматривается как феномен, противоположный личностной беспомощности, обеспечивающий способность человека эффективно справляться с самыми разными задачами, возникающими в его деятельности. Как показывают результаты проведённых в рамках указанной концепции исследований (Д.А. Циринг, Е.В. Веденева, Ю.В. Яковлева, Е.В. Забелина), самостоятельность проявляется в поведении и деятельности человека, в том числе более эффективных стратегиях и успешности деятельности, а также в благополучных взаимоотношениях с другими людьми.

В соответствии с концепцией личностной беспомощности, самостоятельность как комплексная характеристика личности обуславливает высокую способность субъекта преобразовывать действительность, выступать активным началом собственной жизненной позиции. Самостоятельный субъект не испытывает трудностей с целеполаганием и проявляет высокую результативность в достижении целей. Самостоятельность является целостным качеством, включающим в себя единство специфических личностных особенностей, составляющих её эмоциональный, мотивационный, когнитивный и волевой компоненты, определяющим высокую способность субъекта преобразовывать действительность и собственную жизнедеятельность. В рамках концепции личностной беспомощности самостоятельность изучается в рамках одного континуума с личностной беспомощностью, данные качества субъекта соотносятся на континууме с разными уровнями субъектности, если самостоятельность соотносится с высоким уровнем субъектности, то личностная беспомощность – с низким. Между этими противоположными характеристиками возможны различные варианты выраженности субъектности. Поддерживая точку зрения Е. А. Сергиенко об уровне критерии субъектности, мы предлагаем рассматривать уровни субъектности как степень выраженности субъектных качеств, то есть степень выраженности способности человека инициировать и осуществлять специфическую человеческую активность, меру собственного творчества при достижении собственных целей.

Самостоятельность как системообразующее качество рассматривается нами в рамках субъектно-деятельностного подхода, что позволяет изучить поведение, деятельность и сознание субъекта с самостоятельностью как опосредованное его особым внутренним миром, специфической организацией его психических особенностей, обуславливающий выбор различных вариантов поведения, проявления активности, которые, в свою очередь, находят отражение в деятельности, определяя ее успешность. Согласно А. В. Брушлинскому, «любое психическое свойство, формируясь в ходе предшествующей деятельности, затем при определенных условиях влияет на последующую деятельность субъекта и развивается в ней» Самостоятельность, сформировавшаяся под влиянием внешних и внутренних факторов, обуславливает особенности деятельности субъекта, в частности ее успешность. Самостоятельность, являясь комплексной характеристикой личности, и выступая как внутреннее условие, опосредует влияние внешних условий, делает возможным активное преобразование ситуации субъектом, то есть высокий уровень субъектности, тогда как личностная беспомощность при воздействии неконтролируемых жизненных событий порождает возникновение дефицитов выученной беспомощности, то есть характеризует низкий уровень субъектности.

Рассматривая совокупность особенностей личности, выступающих в качестве внутренних условий, определяющих специфику активности, следует обратиться к вопросу о структуре самостоятельности, определении основных компонентов, входящих в её состав. Самостоятельность как системообразующая характеристика личности представлена мотивационным, волевым, когнитивным и эмоциональным компонентами, которые имеют значимые взаимосвязи.

Исследования мотивационного компонента самостоятельности свидетельствуют о том, что мотивационная сфера самостоятельных отличается высоким уровнем развития мотивации достижения, в основе которой лежит надежда на успех и потребность в достижении успеха. Высокий уровень притязания самостоятельного субъекта говорит о том, что он не боится трудных заданий, ставит перед собой высокую планку. Для него характерно сочетание достаточно высокого уровня развития мотива стремления к принятию, с низким уровнем страха отвержения. Интернальный локус контроля, характерный для самостоятельного субъекта, говорит о том, что большинство важных событий он воспринимает как результат собственных действий, он считает, что может ими управлять, и, следовательно, чувствует свою собственную ответственность за эти события и за то, как складывается его жизнь в целом. Выраженность ценностных ориентаций характерна для самостоятельных, большая вовлеченность в различные сферы жизни в сочетании с описанными

особенностями мотивационной сферы позволяет им с большей успешностью реализовывать себя в жизни, повышая тем самым уровень субъектности (Д. А. Циринг, Е. В. Веденева, Ю. В. Яковлева).

Эмоциональная сфера самостоятельного субъекта характеризуется жизнерадостностью, импульсивностью, эмоциональной значимостью социальных контактов, готовностью реагировать, проявлять чувства, экспрессивностью. Он умеет выдерживать эмоциональные нагрузки, реалистичен, спокоен, уверен, не боится сложных ситуаций, характеризуется эмоциональной зрелостью (Циринг, 2010; Яковлева, 2008).

Волевой компонент самостоятельности наполнен такими характеристиками, которые отличаются высоким уровнем развития всех волевых качеств, что позволяет самостоятельному субъекту четко осознавать, чего он хочет, быстро и уверенно принимать решение, успешнее справляться с затруднениями, возникающими при принятии, а затем при достижении цели. Самостоятельные субъекты отличаются хорошим самоконтролем и развитой волевой регуляцией (Циринг, 2010; Яковлева, 2008).

Когнитивная составляющая самостоятельности включает в себя оптимистический атрибутивный стиль, специфические особенности дивергентного мышления: самостоятельных отличают такие параметры креативности как гибкость, беглость, разработанность. Также для самостоятельных характерен низкий уровень ригидности, то есть их отличает приспособляемость к перемене условий, способность быстро изменить способ действий (Циринг, 2010; Яковлева, 2008).

Таким образом, самостоятельность, сопряжённая с высоким уровнем субъектности, представляет собой системообразующую характеристику личности, отличающуюся специфическими особенностями эмоциональной, когнитивной, мотивационной и волевой сфер личности. Самостоятельность, выступая интегративной характеристикой, обеспечивая целостное изучение субъекта, детерминирует не только успешность его деятельности, но бытие в целом.

Личностные переменные оказываются надёжными предикторами эффективного осуществления профессиональной деятельности субъекта. Влияние самостоятельности на успешность выполнения деятельности эмпирически подтверждена в работах Е.В. Веденева, Д.А. Циринг (2009, 2010) (в рамках концепции личностной беспомощности изучена успешность в ведущих видах деятельности на различных возрастных этапах), Е.А. Евстафеевой (2011, 2012) (в рамках той же концепции изучены особенности выполнения профессиональной деятельности сотрудников пенитенциарных учреждений), а также Д.А. Циринг, Е.В. Забелиной, Ю.В. Яковлевой, Е.А. Евстафеевой, В.Л. Бозаджиева, Е.В. Веденева, М.О. Крыловой, И.В. Пономарёвой (2011, 2012) (в профессиональной деятельности молодых научно-педагогических работников).

В соответствии с моделью, предложенной в рамках субъектно-деятельностного подхода (Циринг, Яковлева, Крылова, 2012), внешние условия, то есть условия профессиональной деятельности (включая цели и задачи деятельности, её объект, систему прав и обязанностей, социальные условия, систему взаимоотношений с руководителем и коллегами, корпоративную культуру организации) действуют на субъекта, преломляясь через его внутренние условия, представленные специфическими особенностями мотивационной, эмоциональной, волевой и когнитивной сфер личности, составляющими в своём единстве такое системное качество субъекта, как самостоятельность. Личностные особенности, взаимодействуя и образуя самостоятельность, проявляются в особенностях выполнения профессиональной деятельности (включая выполнение всех компонентов деятельности), которые обуславливают в результате успешность деятельности как по объективным, так и по субъективным показателям. Специфика компонентов, входящих в структуру самостоятельности, влияет на профессиональное становление личности и сказывается на успешности его деятельности.

Литература

1. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта / А.В. Брушлинский. – М.: ИП РАН. – 1994. – 109 с.
2. Еникеев М. И. Психологический энциклопедический словарь / М. И. Еникеев. – М.: ТК Велби : Проспект, 2006. – 560 с.
3. Журавлёв А. Л. Развитие методологических и теоретических исследований в Институте психологии РАН / А.Д. Журавлев // Национальный психол. журнал. – 2007. - № 1/2. – С. 75-80.
4. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание: человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.

5. Циринг Д. А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности / Д. А. Циринг. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 410 с.

6. Яковлева Ю. В. Феномен самостоятельности (на материале юношеского возраста) / Ю. В. Яковлева // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. – 2008. - № 5. – С. 161-165.

*Чораян О.Г., Чораян И.О.,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону*

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ АДАПТАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Не вызывает сомнения тот факт, что индивидуальные особенности человека определяют выносливость и диапазон функциональных возможностей отдельных систем организма. Изучение и сравнительный анализ параметров резистентности организма у лиц с различными индивидуально-типологическими особенностями позволит эффективнее применять человеческие ресурсы в различных сферах деятельности с целью обеспечения наиболее оптимального использования возможностей развития общества с одной стороны, а также сохранения и укрепления здоровья нации - с другой.

Цель работы состояла в изучении гендерных различий в уровне адаптационных возможностей в различных сферах деятельности и сравнительный анализ изменений психосоматического статуса у лиц разного пола при действии психологических нагрузок.

Психологическое тестирование проведено на студентах в возрасте от 19 до 20 лет (43 испытуемых мужского пола и 79 испытуемых женского). Адаптационные способности испытуемых оценивали на основании индекса адаптивности (ИА), предложенного Русаловым (Русалов, 1983). Для диагностики текущего функционального состояния испытуемых использовали следующие показатели: фрустрированность и тревожность. Фрустрированность испытуемых определяли по опроснику Кэттелла на основании численных значений фактора Q₄ (Кудряшов, 1992). Уровень тревожности испытуемых оценивали при помощи опросника Спилбергера-Ханина по показателям ситуативной (СТ) и личностной (ЛТ) тревожности (Ханин, 1976). Для оценки уровня тревожности использовали также опросник Тейлора (Блейхер, Круг, 1986), который в отличие от опросника Спилбергера-Ханина, позволяет выявить некоторые психогенные нарушения деятельности различных функциональных систем организма: сердечно-сосудистой, дыхательной, желудочно-кишечной, мочевыделительной, половой.

В качестве диагностических показателей, демонстрирующих психоэмоциональное состояние на уровне неосознаваемых реакций испытуемых, были выбраны вегетативный коэффициент (ВК) и суммарное отклонение от аутогенной нормы (АН), предложенные Люшером (Соколова, 1980).

Достоверность самоотчета оценивали на основании показателей шкалы лжи (L) опросника MMPI, позволяющей определить степень субъективного искажения ответов (Березин, Мирошников, Рожанец, 1976).

Статистическую обработку полученных данных проводили на основе стандартных методов вариационной статистики: t-критерия Стьюдента и коэффициента корреляции (Владимирский, 1983).

При выявлении личностных характеристик, оказывающих влияние на уровень адаптивности в различных сферах деятельности, продемонстрировано, что для женщин в большей степени характерна тенденция к занижению самооценки. Подобная особенность личностного профиля может способствовать неадекватному повышению уровня фрустрированности и тревожности в стрессовых условиях. Вместе с тем несколько более высокий, по сравнению с мужчинами, уровень самоконтроля отражает возможности эффективной целенаправленной регуляции поведения, ориентированности на выполнение социальных требований, что при отсутствии чрезвычайных раздражителей может приводить к более эффективной адаптации, особенно в сфере социальных взаимодействий. Полученные результаты, отражающие большую приспособленность женщин к деятельности в социальной сфере, в целом согласуются с имеющимися в литературе сведениями о том, что женщинам свойственно избирать социально-ориентированные виды работ (консультирование,

обучение и т.д.), в то время как мужчин отличает преимущественная направленность на предметные виды деятельности (Lipra, 2001, 2010).

Вместе с тем следует отметить еще один существенный момент, определяющий гендерные различия в уровне адаптированности к определенным видам деятельности, осуществляемым в разных сферах – более высокий уровень эмоциональности женщин, характеризующий повышенную чувствительность к негативным аспектам среды и возможному несовпадению цели действия и его результата. Следует заметить, что повышенные значения эмоциональности женщин (по сравнению с мужчинами) свидетельствуют о большей цене их адаптационных усилий. Возможно, успешная социальная адаптация женщин, отмечавшаяся в наших исследованиях, достигается за счет более высокого напряжения ЦНС и систем вегетативного обеспечения деятельности в стрессирующих условиях. Соответственно, можно высказать предположение о повышенной эффективности взаимодействий женщин в социальной сфере при режимах деятельности, близких к оптимальным, и, в то же время, о выраженной уязвимости при действии чрезвычайных раздражителей.

Исследуя проявления гендерных различий в адаптационных реакциях, можно отметить, что, несмотря на большую адаптивность в целом (по средним показателям), для женщин характерна большая вариативность индекса адаптивности по сравнению с мужчинами.

Сравнительный анализ результатов тестирования эмоционального состояния по различным методикам позволяет говорить о том, что гендерные различия в уровне тревожности и напряженности проявляются главным образом на психологическом уровне. Для женщин характерен несколько более высокий уровень тревожности, оцениваемой по тесту Тейлора и относительно более высокий уровень напряженности, определяемой по тесту Кэттелла.

В условиях психологических нагрузок, связанных с ситуациями социального оценивания, более выраженные изменения функционального состояния отмечаются у женщин. Подобная особенность реагирования согласуется с экспериментальными результатами, выявленными на основании личностных опросников, свидетельствующими о большей ориентированности женщин на мнение социального окружения. Полученные с помощью личностных опросников результаты согласуются со сведениями, описанными в соответствующей литературе. В работах Коста П.Т. с сотрудниками (Costa, Terraciano, McCrae, 2001) и Шмитт Д.П. с сотрудниками (Schmitt, Realo, Voracek, Allik, 2008) получены убедительные доказательства более высокого уровня конформности женской доли выборки и проявлениях консолидированной позиции с другими членами группы, даже в отсутствие выраженного давления.

Полагают, что соматические нарушения возникают лишь на фоне серьезных изменений в эмоциональной сфере и сопровождаются существенным снижением эмоционального фона, настроения, выраженными реакциями тревоги и беспокойства. Действительно, как у мужчин, так и у женщин в нашей постановке эксперимента проявлялась большая выраженность психологических аспектов тревожности. Однако отмечались отдельные случаи возникновения соматических отклонений, не сопровождавшихся ощущениями психологического дискомфорта. Заслуживает внимания тот факт, что взаимосвязь между психологическими и соматическими аспектами тревожности неодинакова для различных групп. У мужчин отмечаются довольно устойчивые взаимосвязи между нарушением деятельности соматических систем и психологическим дискомфортом, в то время как у женщин они выражены в меньшей степени. У женщин значимо чаще, чем у мужчин, встречаются случаи одновременного нарушения деятельности различных вегетативных систем. Менее специализированные нарушения наряду с фактами параллельного развития целого комплекса различных отклонений в ответ на воздействие стрессорной ситуации может объясняться меньшей степенью дифференцированности структур мозга, характерной для женщин и описанной в целом ряде работ. Продемонстрировано в частности, что у женщин значительно слабее выражена латерализация функций и, возможно, области, отвечающие за то или иное психофизиологическое свойство, в значительной степени перекрываются и в существенной мере менее четко дифференцированы (Mascie-Taylor, 1981; Mueller, Grove, Thompson, 1993).

Литература

1. Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Рожанец Р.В. Методика многопрофильного исследования личности (в клинической медицине и психогигиене). М.: Медицина, 1976.
2. Блейхер В.М., Круг И.В. Патопсихологическая диагностика. Киев: Вища школа, 1986.

3. Владимирский Б.М. Математические методы в биологии. Ростов-на-Дону: РГУ, 1983. 304 с.
4. Лучшие психологические тесты для профотбора и профориентации /под ред. А.Ф. Кудряшова. Петрозаводск. 1992. 318 с.
5. Русалов В.М. Пол и темперамент // Психол. ж. 1993. В.14. №6. С.55-64.
6. Русалов В.М., Дудин С.И. Темперамент и интеллект. Общие и специальные факторы развития // Психол. ж. 1995. Т.6. №5. С. 12-23.
7. Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности. – М.: МГУ, 1980. 170 с.
8. Ханин Ю.Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. Л.: ЛНИИТЕК, 1976.
9. Costa P.T., Terraciano A., McCrae R.R. Gender differences in personality across cultures: Robust and surprising results // J. of Personality and Social Psychology. 2001. V. 81. P. 322-331.
10. Lippa R.A. Gender-related individual difference and the structure of vocational interests: The importance of the “People-Things” dimension // J. of Personality and Social Psychology. 1998. V. 74. P. 996-1009.
11. Lippa R.A. On deconstructing and reconstructing masculinity-femininity // J. of Research in Personality. 2001. V. 35. P. 168-207.
12. Lippa R.A. Sex differences in personality traits and gender-related occupational preferences across 53 nations: testing evolutionary and social-environmental theories // Arch. Sex. Behav. 2010. V. 39. P. 619-636.
13. Mascie-Taylor C. Hand preference and personality traits // Cortex. 1981. V. 17, N2.
14. Mueller J.H., Grove T.R., Thompson W.B. Test anxiety and handedness // Bull. Psychonom. Soc. 1993. V.31. N 5. P. 461-464.
15. Schmitt D.P., Realo A., Voracek M., Allik J. Why can't a man be more like a woman? Sex differences in Big Five personality traits across 55 cultures // J. of Personality and Social Psychology. 2008. V. 94. P. 168-182.

Щербина Л.Ф.,

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина

РАЗВИТИЕ МЫШЛЕНИЯ: СУЩНОСТЬ И УСЛОВИЯ

Самой известной философской концепцией развития является система идей Гегеля. Гегелевская триада «тезис-антитезис-синтез» описывает общее развитие мысли. Поскольку между мышлением и бытием в философии Гегеля постулируется тождество, законы диалектики, сформулированные философом относительно объективного духа, абсолютной идеи, являются применимыми и к бытию.

В отечественной философской мысли представлен «продолженный» и углубленный вариант диалектики Гегеля - философская система А.Ф. Лосева. Философ путем анализа существующих в истории человечества систем мышления предложил не триаду, а пентаду основных моментов развития мысли (в основных текстах - «тетрактида», пятый момент выведен в последней, незавершенной работе А.Ф. Лосева (Завьялов, 2007). Кроме т.н. смысловой триады, хорошо известной по работам Гегеля, и имеющей в текстах А.Ф. Лосева вид «Одно» - «Многое» - «Становление», пентаду образуют еще четвертый момент «Ставшее» и пятый момент «Нестановящееся».

Из попыток найти закономерности или всеобщие законы и принципы развития наиболее артикулированными являются формулировка закона «от общего к частному и отдельному, от целого к частям» и связанного с ним принципа дифференциации (Чуприкова, 2007).

В современных философских работах развитие понимается как процесс необратимых, закономерных, направленных качественных изменений организованных объектов, который подчиняется диалектическим законам и сопровождается ростом дифференцированности, связности и определенности частей в целом. В психолого-акмеологическом контексте рассмотрения развитие представляет собой изменения в направлении более высокого уровня организации и функционирования тех или иных личностных аспектов и целостной личности.

Основу созданной К. Гольдштейн и М. Ширер (Чуприкова, 2007) теории составляют два уровня поведения, которые являются принципиально разными: конкретный, основанный на

непосредственных ответах человека на обстоятельства и ситуации; и абстрактный, предполагающий рефлексивное, сознательное выделение свойств и отношений объектов и ситуаций. «Абстрактный уровень поведения» основан на способности к абстрактному мышлению, которая появляется как результат развития мышления.

Результирующим для многих исследований развития мышления в возрастном аспекте стал вывод о движении этого процесса от общих схем к их детализации и конкретизации (там же). Первичные глобальные категории являются, по мнению авторов, генетически первичными и представляют собой примитивные зачаточные мини-теории, на базе которых идет дальнейшее концептуальное развитие.

В исследованиях Я.А. Пономарева было показано, что на ранних этапах развития мышления человек субъективно не разделяет процесс и результат собственного действия (Пономарев, 1960). По мере того как результаты начинают осознаваться человеком, постепенно во внутреннем плане появляются отдельно процесс и результат. Постепенно происходит разделение цели и мотива мыслительной деятельности. Дальнейшее осознание элементов структуры умственных действий приводит к формированию программ повторных действий, направленных на преобразование задачи через способ ее решения в задачу теоретическую. Полное развитие умственных действий завершается их систематизацией, построением в соответствии с замыслом.

Я.А. Пономарев отмечает, что высшие стадии организации мыслительной деятельности в большинстве случаев не сформированы не только у детей, но и у взрослых. В. С. Лазарев приводит данные, подтверждающие эти выводы в отношении руководителей производства, у которых часто превалирует эмпирический тип мышления с характерными слиянием цели планирования и результата, настоящего и будущего, неразведенностью оценки результатов планирования и оценки собственных планировочных действий, склонностью принимать гипотетические положения как достоверное знание (Лазарев, 1994). Теоретическое же мышление отличается чертами значительно большей дифференцированности.

Созвучны поднятой проблематике взгляды представителей т.н. «пост-Пиаже»-подходов к исследованию развития мышления, которые разрабатываются, в частности, американскими психологами.

D. Kuhn связывает уровень развития мышления с частотой, с которой используются различные мыслительные стратегии (Kuhn, 2010). Она считает, что человек способен полноценно мыслить лишь при условии функционирования мета-уровня, на котором стратегии могут избираться, наблюдаться и контролироваться. Это уровень, на котором человек способен получать «знание о знании».

D. Kuhn отмечает, что до этого - метакогнитивного - уровня познания без специальных развивающих воздействий не доходят ни дети, ни большинство взрослых. Очевидно, что его достижение в большинстве случаев требует создания особых развивающих условий. Автор понимает термин «научное мышление» в расширенном смысле - не как концептуальные стратегии, которые должны применяться независимо от контекста понимания изучаемых явлений, а как мышление поисковое, целенаправленное, способное к получению новых знаний. Его продуктом является научное понимание. Взгляд D. Kuhn на научное мышление консонирует с современной философией науки. Автор, опираясь на многочисленные исследования, отмечает, что дети для придания смысла и организации собственного опыта конструируют имплицитные теории, которые впоследствии корректируются и становятся более полными. Эта незрелая «концептуальная ревизия» сходна с научным мышлением следующими чертами: 1) для них важны координированность, согласованность теории и доказательств, 2) и то, и другое является основой для достижения понимания. Однако в отличие от научного мышления, пересмотр теории у детей, как и у большинства взрослых, происходит неявно, без усилий и сознательного стремления. ИмPLICITный пересмотр теории может быть трансформирован в научное мышление при наличии у человека стремления к познанию, которое, в свою очередь, возникает в случае признания своего имеющегося знания неполным, неправильным и веры, что может быть найдено новое знание. В таком случае процесс координации теории и доказательств становится эксплицитным и интенциональным, преднамеренным.

Если положения теории не противоречат новым фактическим данным, она остается неизменной. Если же индивид сталкивается с подобной противоречивостью, то решает ее одним из двух путей: 1) через игнорирование или искажение фактов в пользу теории (ненаучное мышление) 2) через корректировку теории под влиянием новых фактов, ей противоречащих (научное мышление).

Другая ветвь «пост-Пиаже»-подходов представлена исследованиями развития диалектического мышления. В частности, К.Ф. Рiegel считает способность к выполнению «диалектических операций» финальным этапом когнитивного развития (Riegel, 1973). А.В. Manzo считает, что диалектическое мышление сочетает в себе черты критичности и креативности (Manzo, 1992). Формально-логическое мышление, выполняя оценочно-корректирующую функцию относительно теорий, является недостаточно продуктивным относительно новых результатов мышления.

С.-С. Yang, С.-S. Wan, W.-B Chiou показали, что диалектическое мышление у взрослых людей положительно, а формальное мышление - отрицательно связаны с такими параметрами дивергентного мышления как беглость, открытость, гибкость, оригинальность, разработка и именованность (Yang, Wan, Chiou, 2010).

Необходимо также остановиться на понятии репрезентативно-когнитивной психологической структуры, которое означает упорядоченную систему сохранения в памяти продуктов когнитивной обработки (Чуприкова, 2007). Эта система выполняет не только функцию сохранения, но и функцию средства познания. Репрезентативно-когнитивные структуры являются «...внутренними мыслительными психологическими формами (матрицами, шаблонами, схемами, планами, сетками, «ситами», моделями)... Чем больше они развиты, тем больше возможности получения, анализа и синтеза информации, тем больше видит и понимает человек в окружающем его мире и в самом себе» (там же).

Автор замечает, что репрезентативно-когнитивные структуры - это не сами знания, умения или навыки, а обобщенно-абстрактный результат овладения ими, который и составляет сущность развития. Одновременно они являются внутренней основой всех процессов переработки информации и организации деятельности и определяют качество текущих мыслительных операций.

Краткие итоги:

1. Высшим уровнем развития мышления является научное мышление, понимаемое как координация между теорией и ее доказательствами.

2. ИмPLICITный пересмотр теории и научное мышление имеют общие черты: они координируют, согласовывают теорию и ее доказательства, а также служат цели улучшения понимания. Отличие между ними заключается в том, что имPLICITный пересмотр теории является неинтенциональным, неосознаваемым. Он, однако, может трансформироваться в научное мышление, в результате чего процесс координации теории и доказательств становится эксплицитным и интенциональным, преднамеренным.

3. Условиями превращения имPLICITного пересмотра теории в научное мышление являются стремление к познанию, которое возникает в случае признания своего имеющегося знания неполным, недостаточно правильным, а также наличие соответствующих репрезентативно-когнитивных структур в составе сформированного мета-уровня мышления.

4. Развитие мышления - это процесс необратимых, закономерных, направленных качественных изменений организованного мышления, который подчиняется диалектическим законам и сопровождается ростом дифференцированности, связности и определенности составляющих мышления. Носителями развития мышления являются репрезентативно-когнитивные структуры.

5. Финальным этапом когнитивного развития является способность к диалектическому мышлению, которое сочетает в себе преимущества формального и неформального мышления: критичность и креативность.

Литература

1. Завьялов В. Ю. Смысл нерукотворный: методология дианалитической терапии и консультирования. – Новосибирск: «Манускрипт», 2007.

2. Лазарев В.С. Психология стратегических решений: автореф. дис. д-ра психол. наук. – М., 1994. – 48 с.

3. Пономарев Я.А. Психология творческого мышления / под ред. А.Н. Леонтьева. - М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960.

4. Чуприкова Н.И. Умственное развитие: принцип дифференциации. – СПб.: Питер, 2007.

5. Kuhn D. What is scientific thinking and how does it develop? In U. Goswami (Ed.), Handbook of childhood cognitive development. Oxford: Blackwell, 2010 (2nd ed.)

6. Manzo A.V. Dialectical thinking: a generative approach to critical/creative thinking. Paper presented at the Annual Meeting of the National Reading Conference, San Antonio, TX, December. 1992.

7. Riegel K.F. Dialectical operations: the final period of cognitive development. Human Development, 1973, 16, 346-370.

8. Yang C.-C., Wan C.-S., Chiou W.-B. Dialectical thinking and creativity among young adults: a postformal operation perspective // Psychological Reports, 2010, 106, 1, 1-14.

РАЗДЕЛ 6. МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО- И СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Волгач Г.А.,

Воронежский государственный университет, Воронеж

АНАЛИЗ ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГРУППАХ С РАЗЛИЧНЫМИ ФОРМАЛЬНЫМИ ПАРАМЕТРАМИ

Общественный прогресс способствует упрочнению коллективного характера человеческой (сознательной) деятельности, и каждый человек, так или иначе, оказывается включенным в самые разные группы, прежде всего малые. В центре наших интересов находится групповая идентичность, которую можно определить как осознание членами группы своей принадлежности к этой группе в отличие от других в сочетании со сходством или гомогенностью ценностей, норм и установок, образующих групповое сознание и определяющих деятельность этой группы (Костинская, 2003).

Формирование групповой идентичности – не одномоментный акт, а сложный, внутренне противоречивый, длительный процесс, не обязательно имеющий линейный характер. Поэтому на отдельных его этапах возможно преобладание в структуре групповой идентичности того или иного компонента (когнитивного, эмоционального, поведенческого). Кроме того, групповая идентичность формируется и проявляется неодинаково в различных студенческих группах. Связано это, на наш взгляд, с тем, что каждой группе свойственен свой набор формальных признаков, или параметров, которые в той или иной степени опосредуют дальнейшее разворачивание идентификационного процесса.

К формальным характеристикам группы можно отнести количество членов в группе, ее композицию, каналы коммуникаций, особенности групповой задачи, связанные с распределением обязанностей между членами группы, – это те особенности группы, которые характеризуют ее параметры, не затрагивающие непосредственно психологию людей (Немов, 2003).

С середины XX века работы ряда отечественных и зарубежных психологов были обращены к тем изменениям, которые затрагивают групповые процессы и поведение отдельных индивидов в зависимости от увеличения или уменьшения численности группы.

При изучении малых групп Г.Зиммель выявил следующие особенности: по мере роста численности групп члены ее становятся все меньше похожими друг на друга, и наоборот: чем меньше группа, тем менее индивидуальны ее представители. Еще одна особенность заключается в том, что развитие индивидуальности членов группы сопровождается уменьшением ее сплоченности и единства (Зиммель, 1909).

Если говорить об особенностях коммуникации в группах, различных по размеру, здесь можно отметить следующие особенности: по мере того, как размер группы увеличивается, становится более трудным достижение согласия по вопросам, связанным с деятельностью группы и выполнением ее задач. Увеличение числа членов в группе также усиливает тенденцию к неформальному разделению групп на подгруппы, что может привести к появлению несогласующихся между собой целей (Сладкевич, 2001).

В исследованиях Р.Бэйлса было показано: по мере увеличения размера группы среди ее членов проявляется тенденция все меньше общаться друг с другом и чаще обращаться к лидеру, роль которого возрастает (Бэйлс, 1965).

Особенно наглядно эту особенность можно наблюдать на примере работы студенческой группы. Так, во время семинара небольшой группе студентов легче обмениваться мыслями между собой и с преподавателем, нежели представителям обширной аудитории на лекции, где преподаватель обращается ко всей группе в целом (Смелзер, 1998).

В 40-х годах Соломон Эш провел ряд важных экспериментов относительно воздействия группы на поведение ее членов, в следствии которых обнаружил, что даже незначительное большинство (примерно 3 человека) стимулирует эффект конформизма (Эш, 1951).

Изучая, как увеличение размера группы влияет на поведение ее членов, Э.Томас и К.Финк пришли к выводу, что более крупные группы значительно продуктивнее, чем меньшие по размеру. Кроме того, в более крупной группе меньше согласия, но также меньше и напряженность (Томас и Финк, 1965).

В более поздних исследованиях было установлено, что величина группы не оказывает прямого и однозначного влияния на успешность ее деятельности. Однако увеличение или уменьшение количества членов в зависимости от задачи группы, ее структуры и взаимоотношений может повлиять на результаты работы (Карпенко, 1984).

Таким образом, анализ исследований различных авторов показывает, что с увеличением числа членов в группе групповые процессы и характеристики проявляются неодинаково. В связи с этим можно сделать вывод, что групповая идентичность также будет различной в группах, различающихся по численности участников. Так, можно предположить, что в студенческих группах с меньшим количеством членов будут доминировать когнитивный и эмоциональный компоненты групповой идентичности, так как такие группы являются более согласованными, а их участники разделяют общегрупповые цели, более склонны к общению и чаще достигают согласия, а с увеличением размера студенческих групп будет наблюдаться тенденция к преобладанию поведенческого компонента групповой идентичности, о чем свидетельствует возрастание конформности, продуктивности деятельности и сильная роль лидера в таких группах. Такое неодинаковое преобладание в структуре групповой идентичности ее компонентов, на наш взгляд, может быть связано с тем, что группа с большим количеством членов действует совместно под влиянием лидера или большинства, нежели разделяя общие цели и стремясь достичь согласия, договориться.

Интересно также обратиться к такой формальной характеристике группы, как ее композиция, которая наряду с численностью группы во многом определяет групповые процессы.

Композиция влияет на жизнь группы так же, как ее величина и решаемые задачи, через систему отношений, характеризующих уровень ее социально-психологического развития как коллектива. При одном и том же составе группа может быть психологически совместимой и несовместимой, работоспособной и неработоспособной, сплоченной и разобщенной. И наоборот: процессы, происходящие в группе, в том числе групповая идентификация, могут протекать неодинаково в группах, различных по составу. Для нас при анализе студенческой группы как группового субъекта среди особенностей композиции наибольшее значение будет иметь соотношение студентов различного пола и то, как проявляется феномен групповой идентичности в группах, различных по половому составу.

С.А.Белановский обратился к исследованию гомогенности и гетерогенности групп и их влияния на процесс межличностного общения в контексте вопроса о выработке основных методических требований к проведению фокус-групп. По мнению автора, «разумная» гомогенность состава группы, в противовес принятому в науке мнению об обратном, является стимулятором дискуссии (Белановский, 1996).

В рамках групповой психотерапии вопрос однородности и неоднородности групповой композиции и их влияния на становление групповых процессов пристально рассматривался И.А.Фурмановым и Н.В.Фурмановой. Ими было установлено, что для получения видимых результатов групповой работы в неоднородных группах требуется больше времени, чем в однородных. Сплоченность группы достигается большими усилиями. И, наконец, в неоднородных группах в начале совместной работы существует опасность возникновения конфликтов, поскольку непохожим друг на друга членам группы довольно трудно быстро наладить взаимодействие (Фурманов, Фурманова, 2004).

Схожие выводы мы можем встретить и в рамках социально-психологических исследований, посвященных проблеме поиска оптимальной групповой композиции, которая обеспечивает максимальную эффективность совместной деятельности и, как мы предполагаем, способствует формированию групповой идентичности.

Так, Р.С.Немов отмечает значимую положительную связь эффективности с однородностью состава групп по различным личностным характеристикам, поскольку в однородных группах обычно выше уровень психологической совместимости (Немов, 2003).

С другой стороны, выяснилось, что разнородные группы способны показывать большую эффективность, особенно при решении сложных творческих задач (Пономарев, 1981).

При этом некоторые отечественные авторы отмечают, что неоднородная по композиции группа, состоящая из очень разных по своим психологическим особенностям людей, потенциально конфликтна, и в ней в процессе совместной работы членов группы чаще, чем в однородной группе, возникают противоречия между участниками (Рубцов, 1998).

Такие процессы, как разделение ценностей членами группы, групповое обсуждение, общение,

эмоциональный обмен и взаимная поддержка участниками друг друга протекают активнее в однородных по половому составу группах. То же касается эффективности деятельности и сплоченности, которые оказываются выше в однородных группах, нежели в неоднородных. В неоднородных группах повышается конфликтность, при этом, как мы уже отмечали, в силу разницы во взглядах члены таких групп способны более эффективно решать сложные творческие задачи.

Из этого можно сделать вывод о том, что в однородных по половому составу группах групповая идентичность в целом гораздо выше, чем в неоднородных. При этом для того, чтобы сделать однозначный вывод о тенденции к преобладанию того или иного компонента в структуре групповой идентичности, необходимо проводить дальнейшее практическое исследование.

Литература

1. Белановский С.А. Метод фокус-групп / С.А. Белановский. – М.: Издательство Магистр, 1996. – 272 с.
2. Зиммель Г. Социальная дифференциация: Социологические и психологические исследования / Г. Зиммель. – М.: М. и С. Сабашниковых, 1909. – 223 с.
3. Карпенко Л.А. Влияние размера ученической группы на успешность совместной познавательной деятельности / Л.А. Карпенко // *Вопр. психологии.* – 1984. – №1. – С. 71–75.
4. Костинская А.Г. Концепция социальной идентичности и групповые решения / А.Г. Костинская // *Мир психологии.* – 2003. – №1. – С. 186–198.
5. Немов Р.С. Психология / Р.С. Немов. – М.: Владос, 2003. – Кн.1: Общие основы психологии. – 688 с.
6. Пономарев Я.А. Роль непосредственного общения в решениях задач, требующих творческого подхода / Я.А. Пономарев // *Проблема общения в психологии* / под ред. Б.Ф. Ломова. – М.: Наука, 1981. – С. 79–91.
7. Рубцов В.В. Совместная учебная деятельность в контексте проблемы соотношения социальных взаимодействий и обучения / В.В. Рубцов // *Вопр. психологии.* – 1998. – №5. – С. 49–58.
8. Сладкевич В.П. Мотивационный менеджмент / В.П. Сладкевич. – К.: МАУП, 2001. – 168 с.
9. Фурманов И.А., Фурманова Н.В. Основы групповой психотерапии / И.А. Фурманов, Н.В. Фурманова. – Минск: Тесей, 2004. – 256 с.

*Волкова Ю.В.
ВТБ24 ЦФО, Воронеж*

КОРПОРАТИВНОЕ ВОЛОНТЕРСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Добровольческое движение в России сегодня переживает новый подъем. Все больше людей понимают необходимость личного участия в решении проблем, стоящих перед обществом и государством и готовы безвозмездно посвятить этому свое время, использовать свои опыт и знания. В связи с этим, определенная роль отводится корпоративному волонтерству как деятельности, осуществляемой людьми добровольно на безвозмездной основе и направленной на достижение социально значимых целей, решение проблем сообщества, которое, в свою очередь, позволяет работникам освоить новые навыки, проявить или развить лидерские качества, почувствовать себя частью общества и осознать свой вклад в решение местных проблем.

Благодаря корпоративному волонтерству, интегрированному в организационную стратегию, компания повышает производительность труда, укрепляет репутацию в местном сообществе, эффективно управляет переменами и находит инновационные решения для минимизации рисков. Многие компании уже активно интегрируют формы корпоративного добровольчества в свою HR-политику: используют добровольческую активность как альтернативу обучению персонала.

В связи с этим является актуальным исследование корпоративного волонтерства как социально-психологического феномена. Рассматривая добровольческую деятельность как активность человека, следует выделить такие ее характеристики как инициативность и ситуативность.

Под инициативностью понимается почин, внутреннее побуждение к деятельности,

предприимчивость и их проявление в деятельности человека. Инициатива тесно связана и выступает проявлением мотивации, свидетельствуя о внутренней включенности субъекта в процесс деятельности, без чего невозможна добровольческая деятельность.

Ситуативность активности может рассматриваться как характеристика, свидетельствующая о переходе деятельности в иное качество – качество активности в том случае, когда усилия, направленные на достижение цели превосходят нормированный уровень деятельности и необходимы для ее достижения. При этом уровень активности может рассматриваться с двух позиций – внешней по отношению к субъекту и внутренней. В первом случае активность может соответствовать нормативно определенной цели или превышать ее. Для характеристики такой активности используют понятия «надситуативной» и «сверхнормативной активности» (Немов, 1985), под которыми понимается способность субъекта подниматься над уровнем требований ситуации или, соответственно, официально предъявляемых обществом нормативных требований. Во втором случае активность рассматривается с точки зрения субъекта и соотносится с внутренне определяемой целью, отвечающей не внешним, социально обусловленным, а его личным внутренним целям.

Как известно, психологическим выражением активной социальной позиции являются мотивы, ценностные ориентации, нравственные ожидания, моральные установки, отношения, поступки и результаты общественно полезной деятельности субъекта – коллектива или личности, соответствующие тому, что не может быть им предъявлено как обязательное к исполнению, официально предписанное, т.е. нормативное в правовом смысле этого слова.

Речь идет о таких мотивах, ценностных ориентациях, установках, отношениях и результатах деятельности, которые отвечают интересам общества, ради прогрессивного развития которого данная деятельность осуществляется. Эти высшие проявления общественно полезной деятельности являются сверхнормативными. Сверхнормативная деятельность может проявляться во внутренних психологических характеристиках субъекта и вне его – в общении и результатах деятельности. Сверхнормативная деятельность, не нарушает, а созидает, не разобщает или разъединяет, а соединяет и сплачивает личность с коллективом, поскольку именно в ней утверждаются подлинно коллективистские принципы человеческих взаимоотношений, соответствующие интересам как коллектива, так и личности (Немов, 1985).

Мотивы участия в добровольческой деятельности очень разнообразны, среди которых часто называются: желание помочь нуждающимся, стремление усовершенствовать окружающий мир, самореализоваться, интересно провести свободное время, получить новые знания и профессиональные навыки, расширить круг общения. Значимыми мотивами участия в волонтерской деятельности являются такие, как желание научиться новому, приобрести круг общения, помочь нуждающимся людям.

Часто люди не могут реализовать все свои потребности, работая только по профессии. В этом случае волонтерский труд может внести разнообразие, позволяя отвлечься от каждодневной рутины. Волонтерская работа помогает в удовлетворении таких потребностей, как контакты с новыми людьми, самоудовлетворение, продвижение каких-то ценностей.

Анализируя опыт организации добровольческой деятельности, можно выделить ведущие социально значимые мотивы этой деятельности. Под ведущими понимаются те мотивы, которые отвечают следующим требованиям:

- имеют социально значимый, позитивный характер;
- имеют широкое распространение среди добровольцев;
- способствуют развитию добровольческой деятельности, реализации ее целей и задач;
- отвечают общечеловеческим ценностям;
- сохраняют индивидуальные различия добровольцев.

Потребность в деятельностном и социальном освоении окружающего мира, в использовании всех возможностей, предоставляемых человеку обществом - одна из насущных потребностей современного человека. Добровольческая деятельность должна способствовать развитию таких социальных навыков, как:

- развитие коммуникативных способностей;
- опыт ответственного взаимодействия;
- лидерские навыки;
- исполнительская дисциплина;

- защита и отстаивание прав и интересов;
- делегирование полномочий;
- инициативность.

Для развития этих навыков добровольческая деятельность должна носить характер комплексной системы решения социальных проблем.

Добровольческая деятельность способна стать мощным инструментом реализации целей и задач социальной политики в местном сообществе, создавать дополнительные условия для повышения ее эффективности. Добровольческая работа способствует улучшению значимых показателей качества общественной жизни:

- солидарности,
- эффективному взаимодействию членов общества;
- рациональной организации свободного времени;
- доверию членов общества друг к другу и различным общественным институтам;
- решению реальных социальных проблем;
- поддержке незащищенных членов общества;
- консолидации общественных, государственных и религиозных институтов;
- личностному и гражданскому развитию членов местного сообщества.

Эффективности общественной жизни местного сообщества, улучшения ее качества невозможно достичь без включения всего населения в решение общих, значимых целей и задач. Этому в немалой степени способна содействовать грамотная, четкая организация добровольческой деятельности.

Корпоративное волонтерство выражает активную социальную позицию личности и коллектива и соответствует, на наш взгляд, характеристикам сверхнормативной деятельности. Добровольческая деятельность, также как и сверхнормативная, во-первых, не предполагает ни внешнего контроля, ни подотчетности субъекта, ни применения к нему санкций в случае отсутствия с его стороны соответствующей активности. Во-вторых, выражается не столько в склонности придерживаться общепринятых социальных норм, сколько в следовании им, сопровождающемся обязательным стремлением превзойти существующие нормы, ставить и достигать нравственно более высокие цели. Добровольческая деятельность способна стать мощным инструментом реализации целей и задач социальной политики в местном сообществе, создавать дополнительные условия для повышения ее эффективности (Решетников, 2005).

Следует отметить, что добровольческая деятельность способствует улучшению значимых показателей качества общественной жизни таких как: солидарность, эффективное взаимодействие членов общества, рациональность организации свободного времени, доверие членов общества друг к другу и различным общественным институтам, решение реальных социальных проблем, поддержка незащищенных членов общества, консолидация общественных, государственных и религиозных институтов, личностное и гражданское развитие членов местного сообщества.

Эффективности общественной жизни местного сообщества, улучшения ее качества невозможно достичь без включения населения в решение общих, значимых целей и задач. Этому в немалой степени способна содействовать грамотная, четкая организация добровольческой деятельности. Активность участия граждан в добровольческой, общественной работе является показателем социальной зрелости общества.

Таким образом, корпоративное волонтерство является одной из форм сверхнормативной социальной активности личности, которая позволяет сотрудникам организации реализовать собственные права и обязанности, выполнить долг перед обществом. Кроме того, добровольческая деятельность создает социально значимую альтернативу оппозиционным гражданским настроениям, выражающимся исключительно в политической активности. Добровольческая деятельность позволяет работникам выразить свою гражданскую позицию в решении насущных социальных задач в деятельности, направленной на изменение местных сообществ и мира в целом к лучшему.

Литература

1. Немов Р.С. Социально-психологический анализ эффективной деятельности коллектива. – М., 1985.
2. Решетников О.В. Организация добровольческой деятельности. – М., 2005.

Гурьева Л.П.,

ПОЗИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Позитивная психология, рассматриваемая М.Селигманом (2006) как новое направление научных исследований, исходит из того, что человек рожден для счастья, успеха, благополучия. Поэтому надо изучать те составляющие, компоненты, пути, которые приводят к таким явлениям и состояниям. Одним из подходов является изучение и учет психологической структуры экономической деятельности, моделирование процессов решения задач и их «сопряжение» с личностным потенциалом работников.

Такой подход в определенной мере связан с исследованиями в области психологии труда (Климов, 1998), в которых рассматриваются вопросы профессиографии, профессиональной пригодности, профотбора, профобучения на макроуровне, анализируется взаимосоответствие психики человека и профессии.

Однако в условиях компьютеризации и передачи компьютеру ряда функций для согласования характеристик деятельности человека и работы компьютера возникает необходимость более тонких дефиниций: составления типологии решаемых задач и проведения более тщательного анализа их психологической структуры в выполняемой реальной деятельности.

Основой такого подхода является теория деятельности А.Н.Леонтьева (1983), согласно которой компьютеру могут передаваться операции - исполнительские интеллектуальные функции, имеющие репродуктивный, шаблонный характер, тогда как за человеком остаются творческие компоненты деятельности. Тихомиров О.К. (1984) развивал этот подход в разработанной им смысловой теории мышления.

В наших исследованиях (Тихомиров, Гурьева, 1986; Гурьева, 1973, 2009) такой подход использовался при изучении различных видов деятельности, в том числе и экономической, протекающих в реальных условиях. Целью исследования явилось выделение типов задач, решаемых в реальной трудовой деятельности, и определение их психологической структуры, а именно, репродуктивного или творческого характера.

Понятие «задача» вслед за Леонтьевым А.Н. (1983) трактовалась нами как цель, данная в определенных условиях. Такое психологическое определение понятия «задача» отличается от употребляемого в экономической литературе, в которой «задача» означает только «цель», например, «повысить производительность труда», «составить баланс», «увеличить прибыль», «распределить функции между человеком и машиной» и т.п. В результате из анализа выпадают те функциональные характеристики задач, в соответствии с которыми осуществляется реальная деятельность человека.

Приведем примеры из данных наших исследований выделения в реальной экономической деятельности некоторых функциональных характеристик решаемых задач и составления на этой основе их типологии с описанием психологической структуры деятельности.

Функциональная типология задач. Известно, что типологии относительно одного и того же явления можно составлять по разным критериям. Для того, чтобы ответить на вопрос является ли экономическая деятельность творческой или шаблонной нами были выделены по функциональным критериям типы задач, решаемые в реальной деятельности и проанализирована их психологическая структура их решения. В качестве примера рассмотрим некоторые из выделенных типов задач подробнее.

1. *Основные, вспомогательные и дополнительные задачи.* К основным относятся необходимые, входящие в «технологический цикл» деятельности, задачи. Например, в предпринимательской деятельности это подготовка продукции для продажи, учет и контроль, поиск клиентов, продажа продукции, получение прибыли. В бухгалтерском труде это проверка исходных данных, контровка (отнесение их на определенный счет), производство расчетов, получение продукта (баланса), контроль и анализ полученных конечных учетных данных. *Вспомогательные* задачи способствуют решению основных задач и могут возникать в зависимости от специфичности условий решения. Так, если поставщик задерживает доставку продукции, то возникает вспомогательная задача: связаться с поставщиком, выяснить причину и ускорить доставку продукции. В бухгалтерском труде при возникновении сомнения в анализируемых учетных данных бухгалтер может пойти на объект, чтобы проверить их соответствие реальным событиям или обратиться за консультацией к более

опытному работнику по вопросу той или иной трактовки инструкций. *Дополнительные задачи* - это те, которые связаны с выполнением работниками дополнительных функций. Например, справочных, общественных и т.д.

2. *Повторяющиеся, разовые и новые задачи.* Повторяющимися задачами обычно являются основные, входящие в необходимый «технологический цикл» задачи. Но могут повторяться и вспомогательные задачи. Их фиксация и анализ причин повторения могут способствовать оптимизации экономической деятельности. Например, увеличение вспомогательных задач консультирования работников по вопросам выполнения ими основной деятельности может свидетельствовать о недостаточной компетентности работников и необходимости повышения их квалификации, либо о необходимости изменения инструкций. Могут быть *разовыми*, редкими отдельные задачи, связанные, например, с обнаружением ошибок в начальных учетных данных в устойчивом производстве, либо с возвратом проданной некачественной продукции. В реальной экономической деятельности могут возникать *новые* задачи, которые определяются расширением и усложнением производства, введением инноваций, изменением требований и инструкций, сменой компьютерных программ и т.д.

3. *Несложные и сложные задачи.* В профессиональной экономической деятельности можно выделять небольшие, *несложные* для решения задачи и задачи *более сложные*, многоходовые, достижение успеха в которых требует значительных трудозатрат и времени. Например, бухгалтерский учет в небольшой кампании может выполняться одним бухгалтером. Тогда как на большом предприятии, где большое хозяйство и значительное число разнообразных учетных данных, существуют целые бухгалтерии с разделением труда в решении основных задач технологического цикла. В предпринимательской деятельности также можно выделить небольшие, несложные и более сложные, трудоемкие задачи. В решении сложных задач появляется целый ряд вспомогательных задач, например, связанных с рекламой и маркетингом, а также с руководством коллективом работников, разработкой стратегии и координацией их работы с целью достижения успеха в решении экономической задачи.

Могут быть выделены и другие функциональные типы задач, например, задачи: срочные и несрочные, стандартные и нестандартные, продуктивные и ошибочные, рациональные и нерациональные, значимые и незначимые и т.д.

Психологическая структура деятельности. В психологических исследованиях было установлено, что реально все перечисленные типы задач: основные, вспомогательные и дополнительные, повторяющиеся и новые, несложные и сложные задачи могут быть и *нетворческими* и *творческими*. Например, в бухгалтерской деятельности проверка первичных учетных данных может выполняться нетворчески, шаблонно, формально или творчески, неформально, включая смысловую проверку учетных данных. В более сложной задаче континировке - отнесения данных на определенный счет, опытный бухгалтер имеет целый ряд шаблонных приемов ее решения, но в некоторых случаях, когда нет прямых указаний в инструкциях, он принимает творческие решения. В предпринимательской деятельности также во всех рассмотренных типах задач могут иметь место и формальные, нетворческие решения и решения творческие. Так, если предприниматель действует по уже известной, готовой схеме: у него отлажена поставка товара, определен круг клиентов, продажа товара осуществляется продуктивно с требуемой долей прибыли, то такой процесс является с психологической точки зрения заранее предсказуемым, шаблонным, нетворческим. Если же предприниматель ставит цели расширения бизнеса и увеличения прибыли то процесс решения такой задачи становится творческим, включает ориентировку в условиях задачи, выбор или конструирование нового способа действия, смысловые оценки, формулирование новых знаний. И шаблонные и творческие процессы могут быть *рациональными*, необходимыми и достаточными для получения продуктивного результата и *нерациональными*, излишними, которых могло бы не быть. Так, если инструкции написаны некачественно или непонятно, или из-за низкой квалификации работник делает много ошибок, то творчество в толковании таких инструкций или в поиске причин ошибок будет нерациональным и осуществляться в ущерб позитивному *инновационному творчеству*, направленного на достижение новых целей.

Соотношение творческих и шаблонных компонентов в решении экономических задач *зависит от объективной структуры задачи*, например, от того насколько точно дается ее описание в инструкциях, насколько устойчив тип производства, который она отражает, какова специфика ее связи

с другими видами деятельности. Имеют значение и *субъективные условия*: наличие необходимой и достаточной *квалификации, способностей и мотивации* у работников к продуктивному выполнению экономической деятельности. Если таких субъективных условий нет, то процесс решения будет формальным, либо будет включать множество излишних нерациональных вспомогательных действий, результаты деятельности могут содержать ошибки, быть низкого качества и достигаться в более длительный промежуток времени.

Резюме: Таким образом, возвращаясь к позитивной психологии М.Селигмана (2006), на основе нашего анализа функционально-психологической структуры деятельности, можно сделать вывод, что, во-первых, люди могут быть удовлетворены и при нетворческом, и при творческом выполнении деятельности, и, во вторых, путь к успеху, благополучию и счастью может быть различным в зависимости от того, насколько рационально организован этот деятельностный «поток».

Литература

1. Гурьева Л.П. Структура умственной деятельности человека в условиях автоматизации. Автореф. дис. ... канд.психол.наук. МГУ,1973.
2. Гурьева Л.П. Психология творчества. М.: ГОУ ПаПО, 2009.
3. Климов Е.А. Введение в психологию труда. Учебник для вузов.-М.:Физультаура и спорт, ЮНИТИ,1998.
4. Леонтьев А.Н Избранные психологические произведения. М.: Педагогика,1983.
5. Селигман М. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни / Пер. с англ.-М.:Изд-во «София», 2006.
6. Тихомиров О.К. Психология мышления. М.: Изд-во МГУ.1984.
7. Тихомиров О.К., Гурьева Л.П. Психологический анализ трудовой деятельности, опосредствованной компьютерами // Психологический журнал. 1986.Т.7. №5. С.13-25.

*Зеленцова Н.Н.,
КГУ им. К.Э.Циолковского, Калуга*

ОРГАНИЗАЦИЯ НЕДИРЕКТИВНЫХ ВОЗДЕЙСТВИЙ НА ТИПИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖЕНЩИН В ПРЕНАТАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Материнство изучается в психологии в различных аспектах, психологических школах и направлениях. Существуют научные и научно-популярные издания, посвященные проблемам материнства. Различные аспекты материнского поведения затрагиваются в психологии личности, в детской психологии, педагогической психологии и пр. Важность материнского поведения для развития ребенка и его сложная структура, множественность культурных и индивидуальных вариантов, большое количество современных исследований в этой области позволяют говорить о материнстве как самостоятельной реальности, требующей разработки целостного научного подхода для его исследования.

Психология материнства - одна из наиболее сложных и малоразработанных областей современной науки. Считается, что материнство представляет собой часть личностной сферы женщины, имеющую фило- и онтогенетическую историю и ориентированную на задачи рождения и воспитания ребенка, причем особенности раннего онтогенеза рассматриваются с точки зрения содержания материнских функций, их видотипичных и конкретно-культурных особенностей. Актуальность изучения этого периода продиктована противоречием между остротой демографических проблем, связанных с падением рождаемости, увеличением числа распадающихся семей и увеличением числа сиротеющих детей при живых родителях, с ростом числа случаев жестокого обращения с детьми и неразработанностью программ социальной и психологической помощи семье, и в первую очередь, женщине в этот ответственный период. Материнство изучается в русле различных наук: истории, культурологии, медицины, физиологии, биологии поведения, социологии, психологии, причем зарубежные исследования в области психологии материнства и смежных проблемам отличаются обширностью, разнонаправленностью концепций и подходов, а в последние годы появился интерес к комплексному, междисциплинарному (психологическому, психиатрическому, медицинскому) изучению материнства, когда на основе комплексного подхода выявляются факторы риска, влияющие

на качество материнско-детского взаимодействия и готовность к материнству.

Актуальность целостного психологического подхода к изучению материнства подкрепляется тем, что количество психологических проблем материнства и раннего детства не уменьшается. Кроме того, необходимость изучения психологии материнства и подготовки специалистов в этой области обусловлена бурным развитием отрасли психологической помощи матери и ребенку (коррекция развития ребенка и материнско-детского взаимодействия), включая младенчество и пренатальный период, а вторжение процессов осознания в область интимных отношений матери с ребенком, изначально регулируемых филогенетически ранними неосознаваемыми механизмами, требует тщательной научной рефлексии этих взаимоотношений и способов вмешательства в них для диагностики, психологической коррекции и профилактики. В России активно развивающийся социальный запрос на такого рода психологические услуги сталкивается с почти полным отсутствием теоретического, методического и организационного обеспечения. В последнее время в отечественной психологии появился ряд работ, связанных с изучением феноменологии, психофизиологии, психологии материнства, психотерапевтическими и психолого-педагогическими аспектами беременности и ранних этапов материнства, девиантным материнством.

Образ ребенка, возникающий в воображении матери, в ходе беременности закономерно изменяется, имея две тенденции - движение к все большей реалистичности и обобщенности образа, наделяние его младенческими чертами поведения, строения тела, психическими особенностями. Важной задачей, которую женщина должна решить во время беременности и при воспитании детей, является интегрирование реальности и подсознательных фантазий, надежд и мечтаний, относящихся к ребенку. Высказывания по поводу образа ребенка и представления о себе как матери анализировались с точки зрения их эмоциональной насыщенности, когнитивной дифференцированности и связываются с готовностью к материнству. Беременность - испытание материнско-дочерних отношений, поскольку беременная женщина сначала бессознательно повторяет роль своей матери по отношению к своему ребенку, пока не сможет вести себя как самостоятельная мать.

Проблемами мифотворчества ученые интересуются давно, да и миф, в последнее время, перестал восприниматься как нечто противоположное логике, науке и точному знанию. Со второй половины XIX века миф становится объектом изучения как особая форма освоения человеком действительности и одновременно инструмент преобразования этой действительности. Сегодня считается, что многообразные формы мифологического мышления продолжают жить в современном духовном мире, при этом постоянно модифицируясь в науке, культуре, политике. Миф – особое речевое высказыванием, коммуникативная система, сообщение (один из способов означивания, форма), мифом может стать что угодно. Главная цель, объективно стоящая перед мифом - разрушение старой и создание новой социальной нормы поведения, при этом основными функциями мифа являются установление системы ценностей в соответствии с новой социальной нормой и создание представления о них как естественных и вечных.

При работе с мифами необходимо учитывать, что люди сами являются творцами собственных мифов (реальность - фантазия, в которую человек безоглядно верит). Быть человеком и жить содержательной жизнью в рамках культуры означает необходимость жить в очень усложненной абстрактной системе, в значительной степени воображаемой. Неспособность к фантазированию «выбрасывает» человека из культурального контекста. Ребенок же еще в игре проявляет человеческую способность к творению мифов, создавая воображаемые миры, структурирующие прошлый опыт, наполняющие его смыслом и придающие ему энергетическую насыщенность, а тесная связь между игрой и мифом предполагает, что процесс игровой коррекции - не только демонстрация мифа, но и открытое выражение желаний и надежд. Мифы (поэтому они и понятны людям) используют символы и метафоры для конкретизации заложенного в них смысла, секуляризуя, персонализируя и инсценируя свою основную идею. Мифы развивают и укрепляют наше чувство идентичности, они рождают в нас чувство общности, укрепляют моральные ценности, пытаются объяснить тайну творения.

Сегодня все больше внимания уделяется развитию творческих способностей, креативности ребенка (способности принимать и создавать новое; инициативности, гибкости мышления и поведения, умению слушать себя и других; проявлению себя адекватно жизненным ситуациям). Процесс познания мира и собственных возможностей (по Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой) «подобен Сказочной дороге, полной неожиданных находок и приключений. Сказочная история, несущая

жизненный опыт многих поколений, служит самым коротким путем к внутреннему миру ребенка и помощью ему в познании «законов» этого мира». Сказкотерапия использует сказочную форму для интеграции личности, развития творческих способностей, расширения сознания и совершенствования взаимодействия с окружающим миром. Сказка и миф рассматриваются нами как органическая составляющая общечеловеческой культуры, способствующая установлению гуманных отношений между участниками процесса преобразования личности, овладению духовно-ценностным опытом предшествующих поколений.

Нами осуществлен анализ исследований, раскрывающих психологический аспект проблемы изменений происходящих в типическом поведении женщин в пренатальный период, и на его основе исследован характер изменений, происходящих в психологической структуре направленности личности в процессе личностного мифотворчества, выявлена специфика и механизмы типического поведения женщин в этот период, что весьма важно для построения коррекционной программы коррекции типического поведения женщин в пренатальный период. Кроме того, мы выявили развивающий потенциал личностных мифов и сказок в пренатальный период и разработали и апробировали экспериментальную программу «Коррекция типического поведения женщин в пренатальный период», способствующую личностному развитию беременных женщин, а также выявили динамику изменений типического поведения женщин в пренатальный период при освоении указанной коррекционной программы.

Нами теоретически обоснована и экспериментально доказана возможность изменения и необходимость коррекции типического поведения женщин в пренатальный период путем применения методик работы с личностными мифами и сказками беременных женщин. Выявлены и экспериментально подтверждены психологические и дидактические условия коррекции типического поведения женщин в пренатальный период посредством метода вербальной мифологизации личности, дана характеристика развивающего потенциала личностной сказки и мифа; разработана и апробирована экспериментальная программа «Коррекция типического поведения женщин в пренатальный период», способствующая личностному развитию беременных женщин, направленная на личностное развитие женщин в пренатальный период средствами сказки и мифа. Разработан спецкурс «Метафора и миф в структуре современного управления поведением» для студентов факультетов психологии, предполагающий освоение технологий коррекции поведения и способствующий личностному развитию.

Нами доказано, что вербализация собственного отношения к миру в виде личностных сказок и мифов оказывает существенное влияние на типическое поведение женщин в пренатальный период. Необходима коррекция типического поведения женщин в пренатальный период в связи с тем, что указанное поведение во многом программирует жизненные сценарии детей. Возможности личностной мифологизации для коррекции типического поведения женщин в пренатальный период определяются ее ценностноориентированным и самореализационным потенциалами, обеспечивающими социализацию и личностное развитие женщин в пренатальный период. Психологическими и дидактическими условиями коррекции типического поведения женщин в пренатальный период посредством метода вербальной мифологизации личности являются: использование механизмов идентификации, рефлексивного принятия и освоения социальных ролей, интериоризации и экстериоризации, сдвига мотива на цель; реализация личностного подхода в процессе коррекции поведения, его ориентация на общечеловеческие и национальные ценности; разработка и реализация инновационных программ, направленных на коррекцию типического поведения женщин в пренатальный период. Реализация ценностно-ориентационных, идентификационных, развивающих потенциалов личностных сказок и мифов может осуществляться при освоении программы «Коррекция типического поведения женщин в пренатальный период», способствующей социализации и личностному развитию женщин в пренатальный период.

Литература

1. Брехман Г.И. Перинатальные аспекты в психотерапевтической практике // Психотерапия и клиническая психология: методы, обучение, организация. Матер. всеросс. конф. «Психотерапия и клиническая психология в общемедицинской практике». – СПб.-Иваново, 2000. – С. 13-17.
2. Васильева О.С., Могилевская Е.В. Групповая работа с беременными женщинами: социально-психологический аспект // Психол. ж. - 2001. - Т. 22. - № I. - С. 42-45.

3. Коваленко Н.П. Психологические особенности и коррекция эмоционального состояния женщины в период беременности и родов / Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998.
4. Косова Н.Н. Воздействие на женщин в пренатальный период: характеристика недирективных средств, методов и принципов // XVI Уральские социологические чтения: Социальное пространство Урала в условиях глобализации - XX1 век. Материалы международной н.-пр. конф. (Челябинск, 7-8 апр. 2006) В 3.ч. /отв. Ред. Зырянов. – Челябинск: Центр анализа и прогнозирования, 2006, Ч. 3. – 264 с. - С. 195-201.
5. Косова Н.Н. Коррекционное воздействие на типическое поведение женщин в пренатальный период // Современное социально-экономическое развитие России: тенденции, перспективы, проекты. Материалы Всеросс. н.-пр. конф. (апр. 2006.) – М.: Изд-во РГСУ, 2006. – 220 с. – С. 109-112.
6. Косова Н.Н. Ментальные схемы и ситуации как схемы символической организации опыта при построении картины мира (формировании образа будущего) // Журнал практического психолога. 2006. - № 1. – С. 94-106.
7. Косова Н.Н. Метафора и миф в структуре современного управления поведением // Методические рекомендации к проведению лекционных, лабораторно-практических и семинарных занятий КГПУ им. К.Э. Циолковского, Калуга: Принт – 2004.
8. Косова Н.Н. Мифокоррекция отношений в диаде «мать-дитя» при наличии у ребенка родовой травмы // Актуальные проблемы психологической теории и практики. Мат. 2-ой летней психол. шк. «Профессиональное становление психолога» ФП КГПУ им. К.Э. Циолковского / сост. и науч. ред. Краснощеченко И.П. – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского. 2004. – 115 с. - С. 94-100.
9. Косова Н.Н. Психологическое обеспечение совместной деятельности в культуральной (сказочно-ритуальной) парадигме // Актуальные проблемы психологической теории и практики. Материалы 2-ой зимн. психол. шк. «Профессиональное становление психолога» ФП КГПУ им. К.Э. Циолковского / сост. и науч. ред. Арсланов Т.А., Краснощеченко И.П. – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского. 2004. – 164 с. - С. 81-85.
10. Мак-Кормак Э. Когнитивная теория метафоры. - М.: Прогресс, 1990. – С. 358-387.
11. Мещерякова С.Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопр. психол. - 2000. - № 5. - С 18-27.
12. Родионова М.С. Динамика переживания женщиной кризиса отказа от ребенка. Дис. ... к. психол. н. - М., 1997.
13. Скобло Г.В. Дубовик О.Ю. Система «мать-дитя» в раннем возрасте как объект психопрофилактики // Соц. и клин. Психиатрия. - 1992. - № 2. - С. 75-78.
14. Филиппова Г.Г. Психология материнства (сравнительно-психологический анализ). Дис. ... д. психол. н. - М., 2001.
15. Шмурак Ю.И. Пренатальная общность // Человек. 1993. № 6. - С. 24-37.

Косов А.В.,

КГУ им. К.Э.Циолковского, Калуга

СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И МИФОСОЗНАНИЕ

Социальное поведение, присущее человеку (как, впрочем, и многим общественным животным), выражается в совокупности поступков и действий индивида или группы в обществе, и зависит от социально-экономических факторов, определяющих границы одобряемого и поощряемого обществом поведения, а также господствующих в нем социальных норм. Считается, что биологическая ценность социального поведения в том, что оно позволяет решать адаптивные задачи, непосильные для отдельно взятого человека.

Для термина социальная компетентность в обиходе давно существует словосочетание-синоним - «умение жить», поэтому социальная компетентность подразумевает, в первую очередь, наличие непреходящих ценностей и ценностных ориентаций, характеризующих направленность устремлений (даже тех, что могут считаться спонтанными). Кроме того, социальная компетентность подразумевает наличие развитых умений и навыков ориентации в пространстве и времени. Под умением ориентироваться подразумевается, прежде всего, прямое и

косвенное получение необходимой информации, способность к внедрению в повседневную жизнь и профессиональную деятельность новшеств, умение в зависимости от ситуации использовать знания, умения, навыки, планировать, учитывать ресурсы и антиресурсы, управлять поведением собственным и других людей, манипулировать информацией, оценивать и переоценивать, принимать решения и делегировать ответственность, быть членом группы и противостоять групповому давлению и пр. По нашему мнению, указанные качества всеобъемлющи, вмещающая в себя особенности всей жизнедеятельности конкретного человека.

Ориентация в ценностях (точнее, в ценностных ориентациях, принятых в тех или иных сообществах) необходима для определения направления и оценки эффективности воздействий. Обычно ценности подразделяют на материальные и духовные, причем всегда считалась нравственно менее предпочтительной ориентация на первые. Объясняется это, скорее всего тем, что материальные и культурные ценности по-разному могут оцениваться в разное время и в разных социальных сообществах. Хотя духовные ценности в этом случае более устойчивы (так, к духовным можно отнести как родословную человека, так и историю этноса), но и они подвержены изменениям. Изъятие материальных ценностей почти всегда рано или поздно восполняется, а изменение, искажение или присвоение духовных ценностей ощущается на протяжении длительного времени, иногда на протяжении жизни нескольких поколений, а последствия этого могут быть вовсе непрогнозируемыми. При рассмотрении проблем социальной компетентности необходимо учитывать особенности межличностного восприятия информации и степень ее личностного принятия. Таким образом, социальная компетентность личности, видимо, может оцениваться лишь исходя из личностно значимой для указанной личности информации и способности активной реализации ею собственных социальных воззрений.

При психологическом исследовании человеческого бытия, предметом неизбежно оказывается направленность познавательной, этической и эстетической активности общающихся субъектов друг на друга и на себя самих. В социальных взаимодействиях субъект представлен не только таким, какой он есть в действительности, но и таким, каким он себя представляет в процессе самонаблюдения, самоубеждения самооправдания, самообмана, самоанализа, самопознания и самопонимания. Т.о., исследование психологии человеческого бытия исходно направлено на анализ существования субъекта в мире с позиций «Я и другой человек». В силу специфичности этого объекта (интерсубъектных социальных взаимодействий, целостных ситуаций человеческого бытия) особенно важно понимание многомерности соотношения общезначимого объективированного социального опыта с индивидуально-личностным и (естественно) менее достоверным научно обыденным знанием. Ответ на вопрос, что именно скрывается за этой внутренней реальностью (наше внутреннее состояние, взаимодействие наших психических функций, игра воображения, отражение, выражение или проявление иной реальности) видимо, следует искать в теориях и моделях сознания, несмотря на различия в деталях, подходах и интерпретациях, согласующихся между собой в подчеркивании многослойности сознания и выделении в нем различных уровней.

Так, в теории Ч. Тарта (Tart, 1990) представления об отражении в сознании человека эмпирической реальности (чувственной, физической), внеэмпирической (сверхчувственной, метафизической) и надэмпирической (мистической, трансцендентной), приводят к выводу о рамках реального сознания, задаваемых нормами и правилами поведения, способами видения мира, принятыми в данной культуре, а также о трансформации личностных качеств и смене личности вследствие пребывания в состоянии измененного сознания.

Картографирование сознания через изучение «глубоких погружений» позволяет исследователям разработать шкалу для измерения структуры сознания и построить его своеобразную «карту». Одна такая карта (спектральная) была предложена К. Уилбером (Уилбер, 2006), другая (персональная) - С. Грофом (Гроф, 1994), и они соотносятся между собой по принципу «наоборот», но в той и другой многослойность сознания человека задается спектром уровней осознающей себя Реальности, с которой человек идентифицируется: абсолютная реальность Универсума, трансперсональный уровень, экзистенциальный, ментальный (идентификация с Эго) и уровень Тени, когда происходит идентификация с обедненным или неверным образом самого себя. В концепции С. Грофа множество экзистенциальных проблем личности обусловлено идентификацией с перинатальным опытом.

В вероятностно-смысловой концепции сознания и модели бессознательного Налимова В.В. (Налимов, 1989) последовательное применение математических и герменевтических методов

позволило ему вскрыть вероятностную природу смыслов (и текстов), образующих семантическую ткань сознания, т.к., в соответствии с требованиями герменевтики, сознание рассматривается как некий текст, подлежащий истолкованию, смысловой интерпретации.

Множественность, многомерность составляющих бытия и сознания эпистемологизируется через многочисленные теории идентичности, самосознания и рассмотрение различных параметров «Я». Самосознание имеет своим предметом сознание, следовательно, противопоставляет ему себя. Но в то же время сознание сохраняется в самосознании в качестве момента, поскольку ориентировано на постижение своей сущности. Если сознание - субъективное условие ориентировки человека в окружающем мире, то самосознание - ориентировка человека в собственной личности. В контексте решения вопроса о соотношении «Я – другой» С.Л. Рубинштейном (Рубинштейн, 1973) сформулирована проблема осознания личностью себя, проблема самосознания: Я - «это не сознание, не психический субъект, а человек, обладающий сознанием, наделенный сознанием», т.е. «человек как сознательное существо, осознающий мир, других людей, самого себя».

Если мир конституируется сознанием, то мифосознание поэлементарно конституирует иной тип реальности, чем сознание рациональное, ведь мифосознание и рационализм - разные формы тематизации исходной открытости бытия, притом, что современный подход к проблемам мифологии признает равноправность разных типов сознания как разных способов конституирования мира. Для значительной части людей именно миф способен компенсировать недостаток позитивной, адекватной информации, становясь опорой их мировоззрения, «картины мира», средством социального ориентирования. Социальная мифология производит перенос акцентов из сферы сверхъестественного в область интерпретации социальных отношений и социальный миф (особая реальность, наиболее ярко проявляющаяся, когда в обществе проявляются признаки распада, нарастает отчуждение, перестают действовать устоявшиеся законы, нормы морали, традиции, обычаи) становится силой, гармонизирующей общественные противоречия.

Мифосознание отражает общие характеристики мифологического способа освоения действительности, а ряд свойств мифосознания конституирует социальную реальность. Если рассматривать мифосознание как отправную точку ментальных трансформаций, выясняется, что миф обладает сложной символической структурой, в мифе пространственная организация преобладает над временной, смысловое поле мифа задается присутствием в нем образцовых действий (архетипов), а мифологическая практика всегда может быть представлена в форме некоего повествования (нарратива). Миф, как дорефлективная форма сознания, категориально не структурирован и, соответственно, особенности мифосознания видоизменяются в достаточно широких пределах, позволяя мифосознанию объединять совершенно несовместимые вещи. Т.о., отличительная особенность мифосознания - осознание целостности мира в противоположность стремления современного человека к аналитическому рассмотрению явлений мира, т.е. стремления к разделению мира. Человек мифа осознает себя включённым в жизнь всего мира и чувствует свою значимость и это - объективное следствие мифологического состояния сознания. В современном же мире человек обособляет себя от действительности и в результате теряет над ней контроль, поэтому мифосознание - способ осмысления человеком мира и социальная практика. Любой тип сознания (в т.ч., мифо-) - своеобразная структура, позволяющая человеку наполнить свой мир смыслом, выйти за рамки индивидуального существования и преодолеть ситуацию отсутствия самоидентичности, интерпретирующая смену типа смыслополагания как трансформацию элементов структуры (притом, что структура не абсолютна, зависима контекстуально и социокультурно обусловлена). Мифосознание, в первую очередь, социокультурная практика, причём мифическое, как опыт сознания, участвует в формировании и структурировании локальных жизненных миров, интенциональных идентичностей и коммуникативного пространства интеракций (бытие-друг-с-другом). Наиболее устойчивые признаки мифосознания (находятся в явном противоречии с установками исторического сознания - каузальностью, временностью, индивидуальностью, тотальностью): - знаковость и символизм мифомировосприятия; по преимуществу синхронический характер мифологических представлений; наличие архетипов, как образцов любого осмысленного действия.

Литература

1. Гроф С. Области человеческого бессознательного. - М., 1994.
2. Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая

архитектоника личности. - М.: Прометей, 1989.

3. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. - М.: Педагогика, 1973. - 424 с.

4. Уилбер К. Краткая история всего. — М.: АСТ: Астрель, 2006. – 476 с.

5. Tart C.T. Multiple personality, altered states and virtual reality: The world simulation process approach // Dissociation, 1990, N 3.

Нагибина Н.Л.,

Московский институт психоанализа, Москва

ПСИКОСМОЛОГИЯ КАК МОДЕЛЬ ПСИХИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

До сих пор методологами психологии не осознан тот факт, что связь с практикой требует учета не только общих законов психики и ее функционирования, но и частных (типологических) и индивидуально-личностных. Так, Б.М. Теплов отмечал: «Если общая психология еще могла обходиться без систематического изучения индивидуальных различий, то для прикладной психологии это просто невозможно. В прикладных отраслях нашей науки проблема индивидуальных различий давно уже стала одной из важнейших; этого требовали запросы практики» (Теплов, 1985, с. 169).

Общая психология создала свой исследовательский аппарат, с помощью которого на протяжении полутора столетий достаточно подробно исследованы общие законы распределения основных характеристик, касающихся эмоциональной, мотивационной и когнитивной сферы человека. Однако, как отмечал еще в 1900 году В. Штерн «Общепсихологические методы не могли привести к какому-либо позитивному результату, так как учение о типах – это предмет дифференциальной психологии, и оно должно разрабатываться с ее позиций и ее собственными методами» (Штерн, 1998, с.126).

Практика требовала новой методологической базы – более тонких исследовательских инструментов, более дифференцированной модели психики, учитывающей типологическую реальность, интуитивно нащупываемую психологами-эмпириками.

Один из пионеров дифференциальной психологии В.Штерн пытался создать некую логическую схему, которая смогла бы в одной ясной модели описать существующую реальность. Главная его заслуга – вывод о том, что необходимо изучать профильную характеристику, в которой учтен сложный состав представлений с его диспозиционной структурой. «Определение типов происходило в большинстве случаев (особенно у Бине и его последователей) при помощи оценки общего впечатления, вызываемого представлениями. Немецкое исследование пыталось дополнить этот недостаточно надежный метод или заменить его более точным, разлагая каждое представление на элементы, которые подсчитывали и разбивали на группы и, наконец, выводили суммарное представление по соотношению друг с другом их частотности» (Штерн, 1998, с.135). Такой метод применяли в своих исследованиях Штерн, Роденвальд, Пфейффер, Дитфенбахер и др. при исследовании восприятия текстов и картин.

Свои два «сверхтипа» Штерн описывает так: «Я сам уже в 1900 году предложил 4 типа Бине (описывающий, наблюдающий, эмоциональный и эрудированный) расположить в двух сверттипах «объективном» и «субъективном». Первая тенденция характерна для тех, кого отличает строго деловой характер, кто пытается быть внимательным к объекту как таковому; вторая тенденция выступает, прежде всего, в стремлении подать себя самого, свое личное отношение к предметам, выразить через них свои реакции, настроение, волю, фантазию» (Штерн, 1998, с.141). Штерн считает, что существование «субъективного» и «объективного» типов представлений многократно доказаны в самых разнообразных исследованиях. Однако внутри каждого из этих типов возможны большие различия, считает он. Образно говоря, у кого стремление соединить в своем «Я» Вселенную выражено сильнее – те относятся к субъективному типу, а у кого Вселенная существует вне связи с личным Я – те к объективному типу.

Делая обзор исследований личности за первую половину XX века, Р.Мейли пишет: «Взаимодействие между организмом и окружающей средой, особенно социальной, приводит к возникновению целостной организации, имеющей более или менее отчетливую центрацию ... эта центрация соответствует субъективному ощущению «Я», что вполне возможно из выявленных в процессе исследования фактов» (Мейли, 1975, с.278). Мейли же отмечает, что знаний и моделей

в этой области накопилось много, и все же очевидна необходимость поиска более тонкой и дифференцированной модели.

Требовалась модель психической реальности, которая объединила бы разные уровни – общий, типологический, личностный во взаимодействии с внутренними и внешними стимулами.

Психосмология (Нагибина, 2000) стала ответом на методологический запрос в поиске открытых систем, учитывающих сложную и многоуровневую психологическую реальность. Психосмология акцентирует внимание на духовной составляющей существующего мира, являющегося равноправной частью Вселенной. «Благодаря открытости системы «человек - мир» человек есть, как утверждала еще античная философия, микрокосм, отражающий и представляющий в себе макрокосм» (Ананьев, 1980, с. 170).

Предлагаемая модель органично включила в себя три уровня. Каждый уровень имеет свои особенности и требует своей исследовательской методологии, учитывающей особенности динамики и изменчивости.

Психологический тип (в психосмологии) — это тип психики человека, который определяется соотношением и направленностью (на мир или на Я) осознаваемого (рационального) и неосознаваемого (иррационального) познания человека. Психотип определяет доминирующие в психике способы получения и обработки информации, возможности человека при взаимодействии с окружающей действительностью, его сильные и слабые стороны. Каждый человек представляет собой не комбинаторно-случайный набор психологических черт и особенностей, а достаточно фиксированные и заданные „целостности“, „зерна“, „смысловые узлы“, содержащие в себе все свойства конкретного психологического типа. Отношение субъекта к объекту проявляется в самых различных психических функциях – в восприятии, в суждении и оценке, в желаниях и поступках.

Личность в модели «Психосмология» представляет собой надстройку над базовыми чертами (имеющими обычно характер нормального распределения) и типологическими.

Если черты и характеристики психики общего и типологического уровней отличаются устойчивостью, объективностью, пассивной энергией связей, направленной на устойчивость системы, то характеристики личностного уровня отличает гибкость, рефлексивность, это все свойства психики с приставкой «само...», они «дышат» энергией активности. Когнитивный компонент составляют структуры и качества образа Я, связанные с характеристиками познавательной сферы (Самосознание, Самовосприятие, Я-реальное, Самопознание, Самокопание, Самоконтроль, Самонаблюдение, Самовнушение и т.п.). Эмоциональный компонент составляют структуры и качества образа Я, связанные с характеристиками эмоционально-волевой сферы (Самоощущение, Самочувствие, Самообладание, Самоконтроль, Саморегуляция и т.п.). Ценностный компонент составляют структуры и качества образа Я, связанные с характеристиками ценностно-мотивационной сферы (Самопринятие, Я-идеальное, Сверх-Я, Самоутверждение, Самоуважение, Самовоспитание, Самоопределение, Саморазвитие, Самоактуализация). Поведенческий компонент составляют структуры и качества образа Я, связанные с характеристиками организации поведения (Самоподкрепление, Самоэффективность, Самоорганизация, Самопрезентация, Самостоятельность, Самодетерминация).

Психосмология оказалась очень продуктивной моделью в описании педагогической реальности на уровне стилевых характеристик учебной и педагогической деятельности. Она имеет большие перспективы в диагностике и прогнозировании стиля познания и ценностных ориентиров в любой практической деятельности.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Избранные психологические труды: В 2-х т. Т.1. М.: Педагогика, 1980.
2. Артемцева Н.Г., Ильясов И.И., Миронычева А.В., Нагибина Н.Л. Фивейский В.Ю. Познание и личность: типологический подход. М.: Книга и бизнес, 2004.
3. Артемцева Н.Г., Нагибина Н.Л. Познание, детерминированное психологическим типом личности // В кн. Общение и познание. Под. Ред. В.А. Барабанщикова и Е.С. Самойленко. М.: Институт психологии РАН, 2007.
4. Мейли Р. Структура личности / П.Фресс, Ж.Пиаже. Экспериментальная психология: В 5-ти т. Т.5. Мотивации, эмоции и личность. М.: Прогресс, 1975.

5. Нагибина Н.Л. Психология типов. Системный подход. Психодиагностические методики. Ч.1. М.: Институт молодежи, 2000.
6. Теплов Б.М. Избранные труды: В 2-х т. Т.2., М.: Педагогика. 1985.
7. Штерн В. Дифференциальная психология и ее методологические основы. М.: Наука, 1998.

*Николаева И.А.,
Курганский государственный университет, Курган*

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ЦЕННОСТНОГО ОЦЕНИВАНИЯ

Атрибутом человеческого взаимодействия с Миром является избирательность, в основе которой лежит *определение значимости* объектов и ситуаций. Определение значимости является начальным звеном в выборе направления, формы, содержания поведения. Согласно Б.С.Алишеву (2002), функцию определения значений (а с ними и значимости) выполняют личностные ценности. В.Е.Ключко (2008) также утверждает, что феномены избирательности обусловлены ценностями и смыслами. («Именно они обеспечивают динамику и качество того, что появляется в поле «ясного сознания», через них идет управление «поток сознания», тем «зеркалом», на котором отражаются наиболее важные фрагменты «окружающей среды», соответствующие текущему состоянию «целостного человека» в настоящий момент бытия». (Ключко, 2008, с.44). Разработка структуры психологического (в том числе и ценностного) оценивания принадлежит Н.А.Батурину (1995), который выделяет в оценочном акте объект, основание оценки и процесс их сравнения.

Изучение и измерение ценностного оценивания затруднено, как полагает Б.С.Алишев, индивидуальным многообразием критериев оценки. Согласно Н.А.Батурину, ценностные основания имеют социально-нормативную природу. Мы полагаем, что основания ценностного оценивания являются разноуровневыми. Можно выделить крайне индивидуализированный уровень ценностных критериев, обусловленный индивидуальной историей развития личности, он максимально соответствует текущей жизненной ситуации и состоянию человека и открыт для изменений. Выделяется уровень «типичных» ценностных критериев, включающих несколько подуровней или подсистем, которые могут характеризоваться существующим многообразием типологий и классификаций ценностей. Наконец, объективно выделяется «прото»-уровень – уровень универсальных критериев ценностной оценки, которые принадлежат «мифологическому» уровню сознания человека.

Универсальность архетипической структуры доказывается исследованиями всего спектра гуманитарных наук от лингвистики, филологии и социологии до психиатрии. Возможно, что при таком масштабе обобщения «плохая поэзия выдается за науку» (Стеблин–Каменский, 2003), т.е. субъективное желание исследователя видеть мифологическую структуру там, где ее нет, приводит к научным заблуждениям.

Мы полагаем, что сам факт существования этой структуры пусть не объективно выявленной, а привнесенной субъективизмом исследователей, говорит о массовом существовании этой структуры в сознании исследователей и об объективном существовании этой психологической структуры.

Индивидуальное сознание является удобной и доступной моделью изучения слабоосознаваемой универсальной структуры ценностного оценивания. В наших исследованиях содержания индивидуального сознания (Николаева, 2007) выявлено четыре универсальных критерия ценностной оценки. Три из них постулировались изначально (на основе субъективизма исследователя, подкрепленного анализом философских, культурологических и психологических источников). Эти критерии – «высшее (идеальное)», «низшее (антиидеальное)», «Я». Относительно этих трех критериев на вертикальной оси испытуемые размещали всех «других», которые «всплывали» в их сознании в процессе «тематического ассоциирования». Была использована авторская методика (Николаева, 2004). В ходе исследования обнаружен еще один критерий, которым пользовались испытуемые – критерий среднего, «середины». Возможно, он соответствует архетипическому «центру».

В результате исследования обнаружено, что поток припоминаемых людей не составляет какой-

либо единый сюжет или сценарий, в котором эти люди являются персонажами. Состав «других» в разных ситуациях менялся, но стабильной оставалась сама конфигурация оценок «других» в системе названных критериев. Поток образов «других» структурировался в единое целое подавляющим большинством испытуемых. Полученные результаты подтверждают, что основной способ достижения целостности, которым пользуется человек на малоосознаваемом уровне, в большинстве случаев идентичен динамической структуре мифа. Этот способ - взаимосвязь антиномичных ценностно-смысловых оценок, которые сопряжены с вышеназванными критериями. Как полагают исследователи мифа, основная функция мифа – также функция созидания целостности («преобразования Хаоса в Космос» (Неклюдов, 2000)).

В реальных индивидуальных структурах ценностных оценок, представленных нашими испытуемыми, каждый названный критерий имел большую или меньшую «валентность»: большинство других могли быть оценены как «близкие к идеалам», «близкие к «антиидеалам», близкие к «середине», близкие к «Я». В политике, психологии и психиатрии имеются различные типологии, ориентированные именно на подобные критерии. Например, Г.Я.Пилягина характеризует личностные радикалы ориентацией на определенные архетипические символы. Так, индивидуум с преобладанием психастенического и астенического радикалов прибегает к архетипу конечного спасителя. (В нашей терминологии «конечный спаситель» является вариантом ценностного критерия «высшее»). При преобладании шизоидного радикала — к символу собственной исключительности. (В нашей терминологии этот символ соответствует «Я»-критерию) При преобладании истерического радикала — характерно одновременное амбивалентное включение обоих архетипических символов или стадийный переход от образа собственной исключительности к архетипу конечного спасителя (Пилягина, 2000) .

В наших исследованиях обнаружено, что прогностическое значение, связанное с определенным психологическим содержанием, имеет не только количество «других», приравненных или близких к определенному критерию, но и степень субъективной близости – удаленности от названных «центров тяготения».

В связи с этим были выделены структурные параметры, которые в ретестовом исследовании сохранили свою устойчивость на уровне $r=0.6-0.8$. Эти параметры образованы на основе указанных ценностных критериев:

- склонность (анти-) идеализировать других (количество «других», ближайших к критериям «высшее» и «низшее»);
- склонность абсолютизировать идеализируемые образы (степень близости к ценностным полюсам);
- степень удаленности «идеальных» образов от «других» (соответствует чувству достижимости/недостижимости «идеалов»);
- степень удаленности «антиидеальных» образов от других (соответствует различию между допустимым и недопустимым – чувству недопустимости «антиидеалов»);
- склонность ценить «других»: а) как равноценных Я, б) «выше Я», в) «ниже Я»;
- склонность ценить «других» «выше среднего»;
- субъективная близость а) к тем, кто «выше Я», б) к тем, кто «ниже Я»;
- самооценку (глобальная самооценка).

В корреляционных исследованиях нами обнаружены связи перечисленных параметров со многими личностными и социально-психологическими феноменами (Николаева, 2010).

Универсальные критерии ценностной оценки с психологической точки зрения представляют собой ценностно-смысловые обобщения, аффективно нагруженные. Однако их специфика состоит не только в их неконкретности. Специфика этих критериев также в их бинарном участии в оценочном процессе. То есть процесс оценки, по Н.А.Батурину, представленный как сличение объекта с оценочным основанием, в оценке по архетипическим критериям должен выглядеть как сравнение с двойным основанием – как определение «места» на шкале между двумя полюсами. Так мы определяем свою ценность как «место» между «низшим» и «высшим». Ценность друга мы можем определять как «место» между «Я» и «высшим» и т.д. Принципиально важной для нас также является оценка «выше среднего»: место между «серединой» и «высшим» - либо место в области «ниже среднего». Понимаемый таким образом процесс оценивания дает нам возможность использовать субъективную меру измерения переживаемой ценности или ценностной оценки. Для такого рода

оценок адекватным будет использование аппарата булевой алгебры, который с успехом применяется в описании психологических феноменов В.А.Лефевром и В.А.Петровским (Петровский, 2010).

Измерение параметров ценностного оценивания позволяет выйти за пределы преимущественно метафорического описания личностных типов, их ценностных отношений, и проводить более строгие сравнительные исследования и дифференциацию испытуемых.

Наши исследования подтверждают, что «структура, обнаруживаемая ... в мифах, это алгебра человеческой мысли вообще» (Стеблин–Каменский, 2003). Миф является одной из развитых культурных форм универсальных психологических процессов определения значимости.

Задача современной психологии состоит не только в подтверждении универсальности этой структуры на разных уровнях функционирования сознания, но в дифференциации различных вариантов этой структуры, изучении типичных форм и описании соответствующего поведения и психологической феноменологии.

Литература

1. Алишев Б.С. Психологическая теория ценности (системно-функциональный подход): Автореф. дис. ... докт. психол. наук. - Казань, ИПП ПО РАО, 2002.
2. Батурин Н.А. Оценочная функция психики. Дис. ... докт. психол. наук. – СПб, 1998.
3. Ключко В.Е. Закономерности движения психологического познания: проблема ценностей и смысла в призме транспективного анализа / Ценностные основания психологической науки и психология ценностей/Отв.ред. В.В.Знаков, Г.В.Залевский. – М.: ИП РАН, 2008. –С. 41 – 62.
4. Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа /Мифы и мифология в современной России. Под ред. К.Аймермахера, Ф.Бомсдорфа, Г.Бордюкова. М.: АИРО-XX, 2000.- С. 17-38.
5. Николаева И.А. Универсальные критерии ценностного и нравственного оценивания и сопутствующие психологические феномены/Психология нравственности/Отв.ред. А.Л.Журавлев, А.В.Юревич. – М.: Изд-во ИП РАН, 2010. – С. 67 – 94.
6. Николаева И.А. Пространственное измерение ценностной сферы личности. – Курган: Изд-во КургГУ, 2007.
7. Николаева И.А. «Я и другие». Процедура исследования субъективных характеристик социализации личности: Учебно-методическое пособие. – Курган: Изд-во КургГУ, 2003.
8. Пилягина Г.Я. Магические архетипы и ритуалы в патогенезе невротических расстройств и аутоагрессивного поведения // Таврический журнал психиатрии. — 2000. — Т. 4, № 4. — С. 64–67.
9. Петровский В.А. Человек над ситуацией. – М.: Смысл, 2010.
10. Стеблин–Каменский М.И. Миф / Труды по филологии. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. <http://ulfdalir.narod.ru/>

*Никольская А.В.,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДА И ВЛАСТИ

До сих пор имеющиеся исследования взаимодействия народа и власти были направлены на выявление удовлетворенности/неудовлетворенности властью. Но это только один психологический аспект взаимодействия «власть-народ», лежащий в области эмоций и потребностей. Между тем, существует еще вопрос коммуникации, доверия, единого понимания целей развития государства, сотрудничества народа и власти. На сегодняшний день между народом и властью нет сплоченности, нет единого понимания целей развития государства, нет доверия друг к другу, нет конструктивного взаимодействия, нет взаимопонимания, нет сотрудничества, нет адекватной коммуникации в виде обратной связи. Власть воспринимается народом как некое закрытое элитное сообщество, существующее для достижения собственных целей (Шестопал, 2002).

Чтобы выявить психологические механизмы конструктивного взаимодействия народа и власти, необходимо рассматривать все психологические структуры, участвующие в любом взаимодействии (Чуприкова, 2007), а именно: когнитивную структуру (восприятие друг друга обоими компонентами

системы, а не только восприятие народом власти, память об успешных разрешениях конфликтных ситуаций, особенности мышления разных социальных страт); мотивационно-потребностную структуру (учет степени удовлетворения потребностей населения и представления о мотивах принятия решений властью); эмоциональную структуру (учет значений внешних процессов, происходящих в государстве для власти и для населения, учет последствий принятия тех или иных решений и поведения, связанного с их исполнением); коммуникативную структуру (что необходимо для понимания друг друга); регулятивную структуру (процессы согласования информации, получаемой от разных структур и формирование системой программ поведения).

Каково же взаимодействие «власть-народ» в современной России?

В *когнитивной сфере* наблюдается выраженный когнитивный диссонанс у населения. В *эмоциональной сфере* доверие население к власти низкое. Так, на основании данных опроса ФОМ, проведенного в июле 2008, большинство населения не доверяет ни одному государственному властному институту, что говорит о выраженной делигитимизации государства. Те же данные еще в 2004 получила И.В. Антоненко, исследуя личное и социальное доверие (Антоненко, 2004). Эта мысль подтверждается материалами фокус-групп. В *мотивационно-потребностной сфере* ни народ, ни нынешние политики не говорят о своей потребности во взаимодействии друг с другом.

Представляется, что не только население, но и современные политические лидеры новой волны имеют диффузное представление о ситуации в стране в целом. Тем не менее, в стране назрела серьезная политическая ситуация, требующая целенаправленной смены политической элиты с целью модернизации государственного управления, идеологического и экономического возрождения страны. Участники фокус-групп хорошо понимают, что их не устраивает, но их идеал не выстраивается из-за отсутствия должного опыта и кругозора. Новые политики сравниваются с этим неотрефлексированным запросом и либо отвергаются, либо выбираются как меньшее зло (Дмитиев, Белановский, 2012).

Учитывая запросы населения, необходимо: чтобы лидер новой волны сумел сформировать вокруг себя команду сильных экспертов в разных областях государственной деятельности, и не только сам доверял выбранным членам команды, но сумел внушить доверие к ним у населения. Для этого необходимо, чтобы население воспринимало действия каждого члена команды как безопасные для страны, предсказуемые и оправдывающие ожидания (Т.П. Скрипкина, 2004).

Далее, важно, что, имея такую команду, новый лидер получит дифференцированное представление о том, что происходит в разных отраслях экономики и государственного управления, что, в конечном итоге позволит ему иметь интегрированную концепцию практических действий по обеспечению трансформации власти в контексте необходимой модернизации Российской Федерации.

Имея такую интегрированную концепцию, лидер сможет выстроить эффективную *коммуникацию* с населением, а успех в коммуникативной сфере способствует персональной легитимности. Такая персональная легитимность неизменно будет приводить к привязанности населения к лидеру. Для достижения привязанности населения к новой политической элите, ее представители должны: демонстрировать свою компетентность в той области государственного регулирования, которую они представляют; демонстрировать свою готовность нести ответственность за принятые решения в подведомственной им области, уметь признавать свои ошибки; уметь разговаривать с разными аудиториями на наиболее понятном им языке.

Представители новой властной элиты должны принимать во внимание такие аспекты своих выступлений, как согласованность вербального и невербального проявлений своего поведения во время публичных выступлений, риторическую грамотность, уместность и доступность речи для разных слоев населения.

Такая практика публичных выступлений позволит и у населения формировать не диффузное представление о современной российской действительности, а интегрированное знание той области реальности, которая является наиболее значимой для каждой социальной страты (состояние промышленности, сельского хозяйства, образования, медицины и реальные перспективы их изменения).

В этом смысле можно говорить о феномене коммуникации «новая политическая элита – население», поскольку коммуникация такого рода в России до сих пор представляется неудовлетворительной как стороны действующей власти, так и со стороны оппозиции.

В современной риторике государственной власти отсутствует проблема обеспечения

социального равенства, что свидетельствует о либеральной парадигме управления. В то же время уровень дифференциации доходов населения начинает генерировать социальную неустойчивость (Российский статистический ежегодник, 2009). Если исходить из того, что новая политическая элита продолжит работать в либеральной парадигме, ей необходима идеологическая самоидентификация, а именно – чем новая политическая группировка отличается от других направлений общественной оппозиции. Этим объясняется успех ранних работ В.И. Ленина который критиковал не столько реально существующий режим императорской России, сколько оппонентов внутри социалистического движения (Арутюнов, 1992). Однако следует принимать во внимание, что результаты опроса населения показывают, что народ устал от бесконечной критики внутри политических партий и между их лидерами, поэтому такая критика должна быть не агрессивной, а, признавая позитивные стороны оппонентов, предлагать более эффективные решения тех или иных общественных проблем.

Некоторые современные политики и социологи предполагают, что для российского населения одной и важных идеологических основ до сих пор является патриотизм, и именно поэтому население в фокус-группах и во время массовых опросов голосует за усиление военного бюджета. К сожалению, нам представляется, что это не так или не совсем так. Выраженный патриотизм российского населения на сегодняшний день, на наш взгляд, носит исключительно локальный и темпоральный характер, например, во время международных матчей по футболу и хоккею, в которых играют наши сборные.

Если же говорить о голосовании за усиление военного бюджета, то население здесь руководствуется не логикой патриотизма, а логикой стереотипа. С 1917 нам внушают, что кругом враги, то готовые захватить Советскую Республику, то имеющие своей целью разрушить российскую демократию и завладеть богатыми природными ресурсами. Поэтому народ, который подчеркивает, что хочет стабильности, готов голосовать за защиту от внешних врагов. Но такое поведение не имеет ничего общего с патриотизмом. Если бы это было так, в стране не было бы таких проблем с ежегодным призывом в армию или с построением профессиональной армии, в стране не наблюдалось бы массового оттока капиталов и граждан за границу, а также растущего стремление представителей среднего класса купить недвижимость за рубежом (в пределах Европейского союза), причем не для отдыха, а «на всякий случай» (цитата из фокус-групп).

Кстати, такие ответы населения свидетельствуют о выраженной нечувствительности к противоречиям (с одной стороны я голосую за выделение денег в военный бюджет, с другой стороны я жалуюсь на плохое состояние дорог, рост тарифов ЖКХ и пр.)

Возвращаясь же к идеологической платформе, исследования в фокус-группах показывают, что население все чаще говорит о семейных ценностях, стабильности, необходимости дать хорошее образование детям. Вероятно, эти идеи и должны лечь в основу идеологии новой политической элиты.

Наконец важным психологическим феноменом, который должен создаваться между властью (новой политической элитой) и населением, должен быть феномен формирования норм и правил поведения по отношению друг к другу. Причем, сформированные нормы и правила должны обоюдно соблюдаться обеими сторонами, что предполагает серьезную трансформацию законодательства. В противном случае, доверие населения к власти будет утеряно.

Таким образом, мы утверждаем, что политическая трансформация в сегодняшней России необходима и возможна только «сверху», путем создания партии новой политической элиты, необходимость появления которой назрела и озвучивается в массовых опросах и качественных социологических исследованиях. Для того, чтобы такая партия была успешной необходимо, чтобы у власти было сформировано целостное представление о том, что происходит в стране, и чего действительно хочет второй участник диалога (народ). Народ же в свою очередь, должен доверять власти и понимать, что говорит ему власть. Наконец, нормы поведения или законы, которые устанавливает власть, должны соблюдаться и самими органами власти, в противном случае, как это уже не раз происходило, доверие народа к власти будет подорвано.

Литература

1. Антоненко И.В. Доверие: социально-психологический феномен. М., 2004.
2. Арутюнов А.А. Феномен Владимира Ульянова (Ленина) М., 1992.

3. Дмитриев М.Э., Белановский С.А. Общество и власть в условиях политического кризиса М., 2012.
4. Российский статистический ежегодник, 2009. Статистический сборник. М., 2009.
5. Скрипкина Т.П. Психология доверия. М., 2000.
6. Чуприкова Н.И. Система понятий общей психологии и функциональная система психической регуляции поведения и деятельности// Вопросы психологии. – 2007. № 3.–С.3-16.
7. Шестопап Е.Б. Теоретико-методологические проблемы исследования образов власти/ Психология восприятия власти / Под ред. Е.Б. Шестопап. М., 2002. С.10-21.

*Орехов А.Н.,
Московский институт психоанализа, Москва*

САМООБУЧАЮЩАЯСЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ СИСТЕМА НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ ПСИХИКИ

В психологии неоднократно предпринимались попытки строго определить процессы обучения и самообучения человека. Одна из наиболее известных попыток такого рода Аткинсон с соавторами (1969). По моему мнению, ни эта, ни другие более поздние попытки не привели и не могли привести к успеху, т.к. не опирались на общую строгую теорию психического. Одна из таких теорий (Орехов, 2010) была создана в 1985 в Советском Союзе и в 2000 г. в России развилась в достаточной степени для создания работоспособных компьютерных программ. Приведём ниже лишь те соотношения теории, которые необходимо использовать при определении процессов обучения и самообучения.

Согласно теории любые объекты внешнего и внутреннего мира отображаются состояниями психики.

Основными характеристиками состояния психики, от которых зависит его участие в психических процессах, являются: местоположение в локусе семантического пространства, ей определяются расстояния от него до соседей, организованность и связи. Основа - контекстная организованность. Она определяется соотношениями 1 и 2.

1. Совокупность расстояний $\{r_{xi}\}$, проходимых Y-системой при попадании в $i \in Y^*$, $i \in W$ в интервале времени от t_0 до t определяет организованность состояния $i \in Or_t(i)$, где

$$t_0 = \min \{s | s \in \{s \in S \mid P(Y_{A,s}^* \hat{E} Y_{A,t}^*)\}\}.$$

2. $Or_t(i)$ вычисляется следующим образом. Определим функцию $Or(\times)$ на распределениях на $\mathbb{R}$ с плотностью $p(l)$: $Or(p(l)) = 1/L_a$, $L_a = \min(u_2 - u_1)$, где

$$\int_{u_1}^{u_2} p(l) dl = 1 - a \text{ и } a \text{ постоянна на } [t_0, t], p(l) - \text{одна из плотностей вида } p_q(l) -$$

u_1 плотность для семейства распределений.

Помимо контекстной организованности состояние характеризуется внутренними и внешними связями: 3 и 4 (3 в теории - 11, 4 в теории - 11.1).

3. Пусть $i \in W$, тогда $P(j_t^* = i) = p_t(i) = K_t(i) SF_{tr}(i)$,

где $K_t(i) = \exp(-Or(i))$; $P(j_t^* = W) = p_t(W) = 1 - Sp_t(i)$, $p_t(W) \geq a$, $i \in W$. F_{tr} – весовые коэффициенты участия других психических систем в функционировании данной психической системы в момент времени t .

4. Заданы вероятностные поля – распределение весовых коэффициентов по точкам пространства признаков, таким образом, что

$$SF_{tr}(i) = \int_{r=X,Y,Q,Z} \delta_{\Sigma pr}^l(x) dx$$

Когда объекты внешнего или внутреннего мира относительно неизменны, состояния «блуждают» внутри относительно небольших семантических областей. В этом случае, согласно основному закону теории, контекстная организованность состояния увеличивается, но согласно п.3 увеличиваются и его внутренние связи, а при равных вероятностных полях, возрастает и $P(j_t^* = i)$ – вероятность попадания системы в это состояние, что, в конечном счёте, ведёт к его активному вовлечению в

функционирование психики.

В конце концов, если внешняя обстановка и внутренние условия не меняются значимо, возникает ситуация описанная соотношением 5 (5 в теории - 19).

5. Пусть $[t_0, t_n]$ такой, что $P(Or_t(i_0) > 0.5) > 1 - a$, $t \in [t_0, t_n]$, $t_n - t_0 > 100$, тогда i_0 – психическое образование.

Т.о. объекты и явления внешнего и внутреннего мира человека отображаются в психические образования.

Помимо контекстной организованности и связей психическое образование характеризуется состоянием характеризуется общей организованностью задаваемой соотношениями 6 и 7 (6 в теории - 20, 7 в теории - 21).

6. Пусть $Or_{ta}(i_0)$ – контекстная организованность психического образования, где $i_0 \in Y_{A,t}^*$, $t_a \in [t_0, t_n]$ и $t_a = t_n$, тогда A – множество активных на этом интервале психических образований Y-системы таких, что $p_t(j_0 | i_0) \geq a$ и $p_t(i_0 | j_0) \geq a$, если $j_0 \in Y_{A,t}^*$.

7. $Or_{tc}(i_0) = M(\{Or_{ta}(i_0)\})$ – общая организованность психического образования, $M(\times)$ – математическое ожидание, $\{Or_{ta}(i_0)\}$ – множество организованностей по тем контекстам, в которые входило образование i_0 .

Допустим, что все необходимые состояния в психике уже имеют достаточную устойчивость, т.е. стали психическими образованиями, а значит, получили свои постоянные номера и соответствующие семантические области. Тогда «обученная» психика от «необученной» в теории будет отличаться ровно одним. А именно, в обученной психике при адекватном сенсорном потоке (структурированная стимуляция) и наборе активных состояний быстро активируется соответствующее этому набору и потоку состояние (вар.1), а в необученной или этого не происходит вовсе, или процесс активации сильно замедляется (вар.2).

Таким образом, из соотношений 1 – 7 следует, что интересующее нас развитие событий относительно одного психического образования – вар.1 – обеспечивается большими значениями $Or_{ta}(i_0)$, $K_{ta}(i)$, и F_{tar} .

Отсюда вытекают три варианта обучения психики, в которой все необходимые состояния имеют достаточную устойчивость:

- за счёт увеличения контекстной организованности (растёт $Or_{ta}(i)$),
- за счёт консолидации внутренних связей (растёт $K_{ta}(i)$),
- за счёт «уплотнения» вероятностного поля – консолидации внешних связей (растёт одна или несколько F_{tar}).

Согласно теории в психике основную важную роль играют сложные психические образования, активирующиеся только в результате совместной активации нескольких простых. Однако и для них принципиально общая картина не меняется: процесс обучения должен увеличить контекстную организованность, или консолидировать внутренние либо внешние связи соответствующих психических образований. А самое лучшее, чтобы произошло и первое, и второе и третье.

Важно заметить, что согласно теории, психика на конечном этапе всегда обучается сама, даже когда ей сообщают в готовом виде информацию, которую требуется усвоить.

При этом разница между обучением и самообучением по теории заключается в следующем: при обучении независимо от обучающегося, т.е. внешним образом, меняется сенсорный поток, в том числе и та его часть, которая обеспечивает активацию правильных оценок. При самообучении сенсорный поток либо остаётся неизменным, в этом случае нужные активации обеспечиваются перераспределением внимания (меняется внутренняя компонента вероятностных полей), либо запускаются сложные поисковые действия, которые меняют ситуацию, а изменившаяся ситуация порождает новый сенсорный поток.

Но и в том и в другом случае при самообучении психика вынуждена сама создавать условия активации нужной для обучения правильной оценки. Так что, даже самые простые самообучающиеся системы будут заведомо сложнее систем с внешним обучением.

Здесь нас будет интересовать только компьютерная система, реализующая процесс самообучения присущий X-системе психики (системе Знаний), ибо только такая система способна обеспечить процессы понимания и мышления.

Опуская промежуточные построения, получим следующие варианты самообучения компьютерной системы способной осуществлять процессы понимания или мышления:

- (вар.1) на основе увеличения $Or_{ta}(i)$, в нашем случае это будет означать уменьшение размера области соответствующей образованию i в пространстве признаков;
- (вар.2) за счёт увеличения F_{tar} , либо всех четырёх, что очень сложно осуществить, либо какой-то одной из его составляющих;
- (вар. 3) на основе увеличения $K_t(i/\{j\}_a)$, где $\{j\}_a$ - множество активных состояний и $K_t(i/\{j\}_a) = K_{ta}(i)$ для момента времени t , когда система оказалась в j .

Естественно в психике человека реализуется в зависимости от её совершенства и сложившейся ситуации либо один, либо некоторая комбинация указанных вариантов.

Выберем тот вариант самообучения, который во-первых, дал бы наиболее ощутимый эффект в плане наблюдаемого поведения: до, в процессе и после самообучения системы. А во-вторых, мог быть написан, отлажен и включен систему в построенную на основе теории компьютерную систему Советник АлНикОр за приемлемое время.

В плане внешне наблюдаемого поведения реализация варианта:

- 1 сделает систему (X-систему АлНикОра) более устойчивой, т.е. при поминании неоднозначных высказываний и мышлении научившаяся таким способом система будет делать меньше ошибок, но в обычных случаях эффект будет не очень заметен;

- 2 позволит системе намного быстрее понимать и мыслить, даже в областях на задачах из которых она не училась, в некотором смысле сходных (что-то вроде заключения по аналогии), но, во-первых, научившаяся система без алгоритмов предусматриваемых вариантами 1 и 3 будет гораздо чаще ошибаться, а во-вторых, полноценная реализация варианта 2 возможна только в более развитых компьютерных системах;

- 3 обеспечит систему основными механизмами семантической памяти, т.е. система будет намного быстрее понимать сообщения сходные (по смыслу!) и находить решения в ситуациях, которые с её точки зрения близки по смыслу к ситуациям, в которых система училась.

С точки зрения трудозатрат, необходимых для воплощения в компьютерную программу вариант 3 занимает промежуточное положение между самым простым - 1 и самым сложным - 2.

Итак, приведённые выше оценки обусловили включение в X-систему АлНикОра компьютерной реализации механизмов семантической памяти человека (вар 3).

Зададим критерий определения по внешним признакам способности компьютерной системы самообучаться, используя семантическую память – Сем.

Если система способна, правильно поняв смысл некоторого высказывания, пусть А, за время T_a , сама без вмешательства пользователя способна правильно понять смысл другого высказывания, пусть Б, за время T_b и $T_b \ll T_a$, причём высказывания А и Б близки по смыслу, т.е. среднее расстояние между их областями в семантическом пространстве меньше некоторого критического значения при этом они близки и по количеству слов, но различаются составом слов, то есть основания считать, что система научилась (самообучилась), используя алгоритмы семантической памяти.

Ниже - выдержки из эксперимента, проведённого с АлНикОром 01.02.11.

Заметим, что АлНикОр запускает одно из многих возможных действий по запросу пользователя на естественном русском языке, используя правила, также задаваемые пользователем также на естественном русском. В эксперименте представлено такое правило в шуточной форме, чтобы подчеркнуть отличие от строгих правил систем, основанных на знаниях. Заметим, АлНикОру известно, что «К» может быть успех, а коэффициент по смыслу похож на индекс.

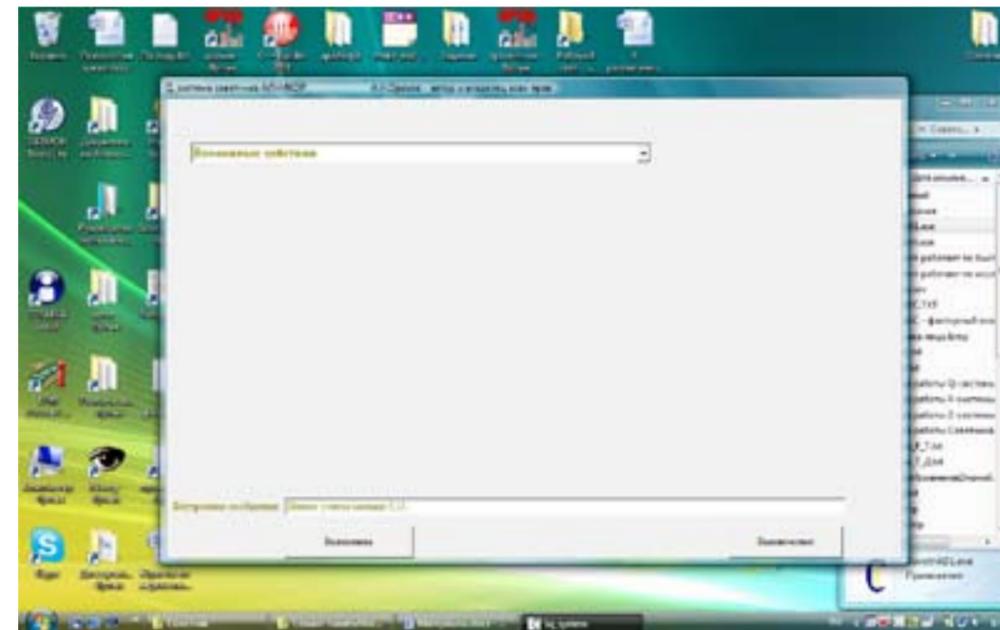
Требуемое действие: запустить внешний вычислитель.

Правило: Если коэффициент «К» не меньше 0,1, то запустить внешний вычислитель.

Базы связей смыслов нет.

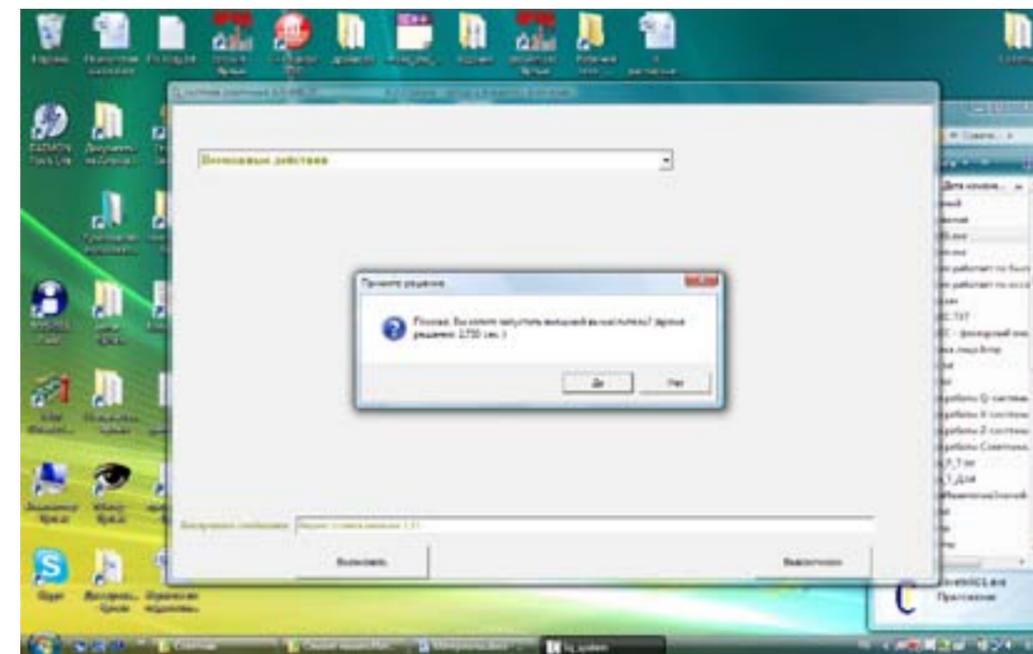
Введём запрос «Индекс успеха меньше 5,15».

Скриншот 1.

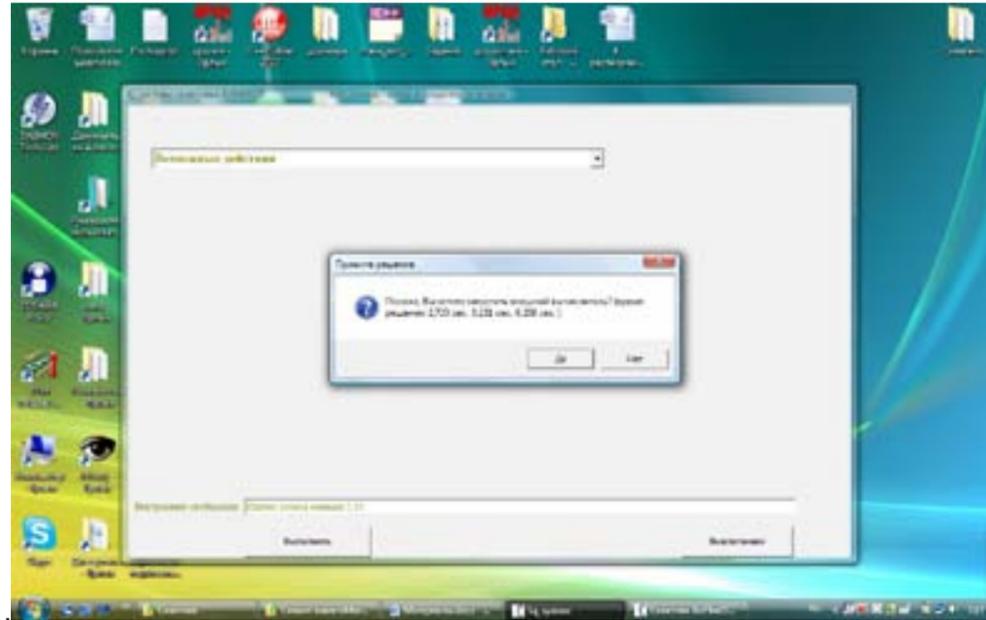
На скриншоте 1 видно, что запущен АлНикОр и введено первое сообщение.

Скриншот 2.

АлНикОр, как явствует из скриншота 2, выявил смысл запроса, сопоставил его со всеми правилами, понял, что пользователю нужно и попросил пользователя подтвердить выполнение нужного действия. На всё это АлНикОр затратил 2,733сек. Поскольку все алгоритмы всех систем имеют вероятностный характер, и с каждой решенной задачей вероятность использования семантической памяти нарастает, чтобы сработало семантическое научение запрос целесообразно повторить два, три раза.

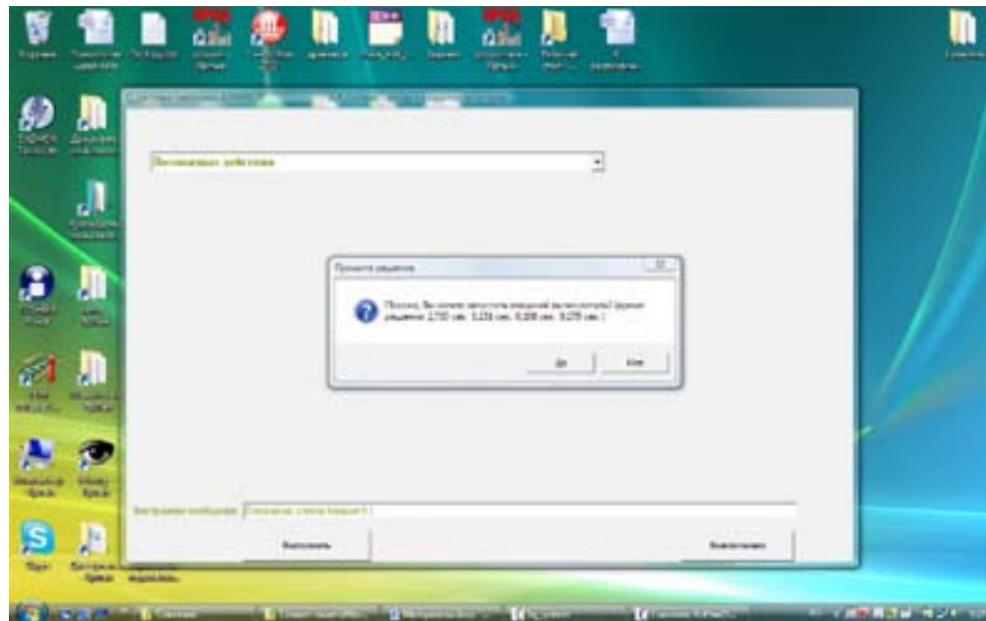
Скриншот 3

На скриншоте 3 видно, что время решения мало - 0,208 сек. Следовательно, «сработала» семантическая память.

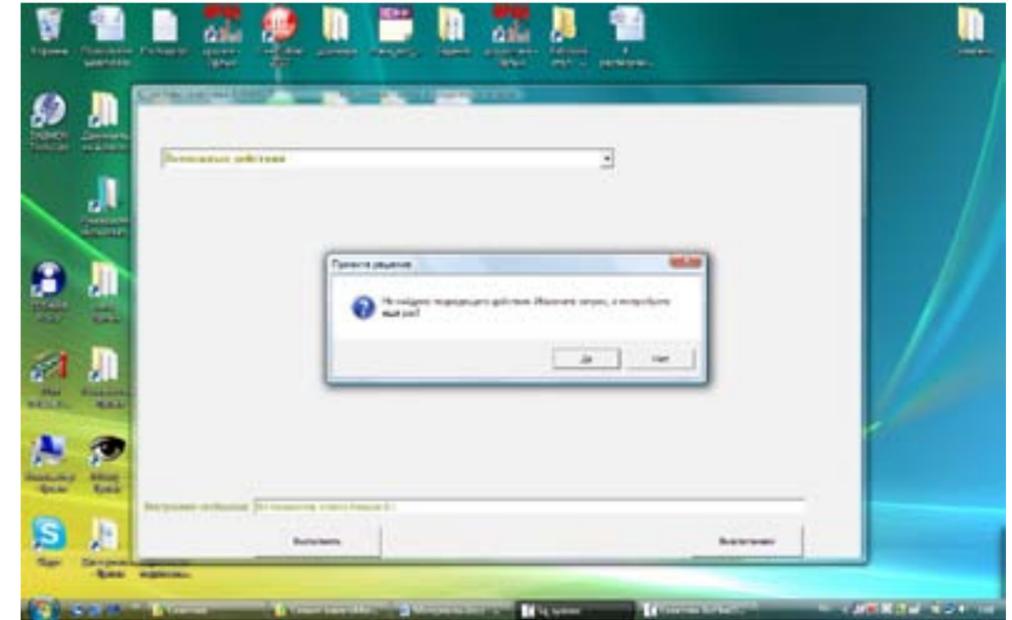
Перейдём к основной части эксперимента и поменяем сам запрос на «Показатель успеха больше 0,1». В этом запросе поменялись три слова: показатель (был индекс), больше (было меньше) и 0,1 (было 5,15).

Скриншот 4.

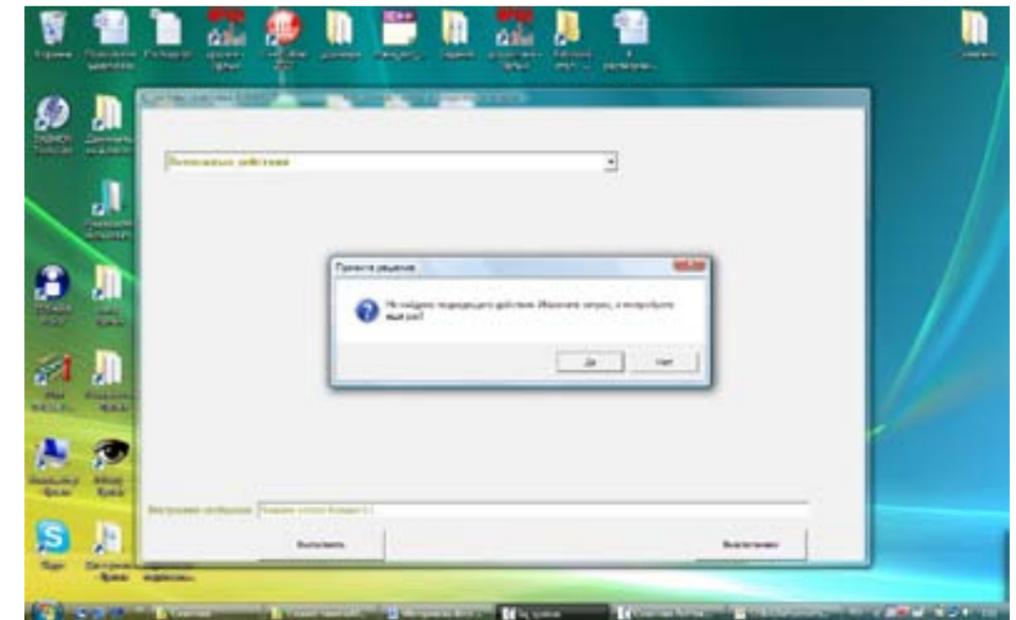
На скриншоте 4 видно, что время решения задачи с другими, но сходными по смыслу относительно заданного правила условиями, снова - всего 0,275сек. Так что можно говорить о «срабатывании» семантической памяти. Но возможно АлНикОр реагирует на слово «успеха»? Проверим это. Оставив данное слово, но кардинально поменяв смысл запроса относительно заданного правила. Итак, новый запрос «Не показатель успеха больше 0,1» .

Скриншот 5.

На скриншоте 5 видно, что в этом случае АлНикОр не нашёл нужного действия и предлагает нам изменить запрос. Послушаем его совету и проверим, может быть, дело в «не», а если изменить смысл, не используя эту частицу, то удастся обмануть семантическую память Советника? Введём запрос «Человек успеха больше 0,1».

Скриншот 6.

На скриншоте 6 видно, что и в этом случае АлНикОр не нашёл нужного действия и предлагает нам изменить запрос. Так что дело не в каких-то определённых словах, а именно в смысле высказывания в целом относительно заданного правила.

Таким образом, наш эксперимент показал, что семантическая память АлНикОра эффективно работает, реализуя согласно критерию СЕМ 3 3 вариант самообучения, что позволило уменьшить время решения задачи понимания практически на порядок!

Литература

1. Аткинсон Р., Бауэр Г., Кротерс Э. Введение в математическую теорию обучения. М.: Мир, 1969. - 486 с.
2. Орехов А.Н. Психология: новые направления, методы, результаты. – Москва: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2010.

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Проблема субъективного благополучия все чаще становится предметом исследования психологов. Вызвано это тем, что по сей день психологи не могут определить, что же является основанием для внутреннего равновесия личности, из чего оно состоит, когда и на основе чего возникает, каким образом оно регулирует поведение личности и участвует ли в его регуляции вообще, а самое главное, каким образом можно помочь личности в решении проблемы благополучия. Следовательно, проблема субъективного благополучия остается весьма актуальной и, тем самым, требует новых, более глубоких исследований.

Благополучие (греч. ευδαιμονία) — то же, что счастье, всегда субъективно понимаемое под достижением всех благ, к которым стремится человек (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона., 2001). Еще Аристотель в своей «Этике» справедливо замечал, что относительно благополучия все согласны только в названии этого понятия, но все различно понимают его содержание. Действительно, каждый вкладывает свой смысл в понятие «благополучие». Для кого - то благополучие это когда у человека есть все то, что благоприятно характеризует его в глазах окружающих, его близких и его самого; для кого то – спокойное течение жизни, не нарушаемое несчастьями и неудачами либо довольство, материальная обеспеченность.

Под благополучием нужно понимать достижение человеческим разумом полной зрелости. То есть человек должен не только быть способным критически мыслить, но и «позволять вещам быть» тем, чем они являются в действительности. Человек может достичь благополучия лишь в той степени, в которой он открыт для окружающего мира, способен реагировать на него. Благополучие характеризуется эмоциональной насыщенностью жизни человека в его отношении к другим индивидам и природе, в его способности преодолеть отчуждение и ощутить единение с окружающим миром, с одной стороны, и осознание собственного отдельного и неделимого «я» — с другой. Именно поэтому стоит обратиться к такому явлению как субъективное благополучие.

Проблема субъективного благополучия личности является одной из фундаментальных в психологии, поэтому интерес к ней сохраняется на протяжении всей истории психологической науки, и в настоящее время является объектом исследования многих социальных наук – экономики, психологии, социологии, философии.

Данная проблема изучается как отечественными, так и зарубежными учеными. Изучение субъективного благополучия личности зарубежом осуществляется с шестидесятых годов двадцатого века. Категория «субъективное благополучие» появилась в Северной Америке для измерения качества жизни, которое оказалось весьма мало связано с объективными характеристиками уровня жизни людей. На настоящий момент субъективное благополучие, субъективное качество жизни и удовлетворенность жизнью часто используются как синонимы, однако субъективное благополучие рассматривается как самый широкий термин, отражающий сложный конструкт, включающий различные меры удовлетворенности и эмоциональных переживаний. Традиционно субъективное благополучие оценивают через два компонента: 1) когнитивную оценку того, насколько жизнь человека удовлетворяет его индивидуальные ожидания (как в целом, так и в различных областях); 2) эмоциональную (аффективную) оценку жизни. Когнитивный компонент субъективного благополучия обозначают термином «удовлетворенность жизнью», а аффективный – «переживание счастья».

В России изучение субъективного благополучия личности находится на начальном этапе и сих пор остается крайне проблемной областью, поскольку отдельные исследования качества жизни населения России ориентированы преимущественно на объективные экономические и демографические показатели. В зарубежных исследованиях понятие «субъективное благополучие» является устоявшимся и определенным, а методы его изучения – достаточно единообразными, для России же на современном этапе развития отечественной науки характерна неопределенность и размытость этой категории, что значительно затрудняет изучение данной проблемы.

Само понятие «субъективное благополучие» ввел Э. Динер. Субъективное благополучие, по мнению исследователя, состоит из трех основных компонентов: удовлетворение, приятные эмоции

и неприятные эмоции, все эти три компонента вместе формируют единый показатель субъективного благополучия. Как отмечает сам автор, речь здесь идет о когнитивной (интеллектуальная оценка удовлетворенности различными сферами своей жизни) и эмоциональной (наличие плохого или хорошего настроения) сторонах самопринятия. Э. Динер считает, что большинство людей, так или иначе оценивают то, что с ними случается в терминах «хорошо – плохо», но такая интеллектуальная оценка всегда имеет под собой соответственно окрашенную эмоцию. Следовательно, человек имеет высокий уровень субъективного благополучия, если в большинстве случаев он испытывает удовлетворение от жизни, и только в отдельных ситуациях он переживает неприятные чувства. Между тем, субъективное благополучие можно определить как состояние физического и духовного самоудовлетворения жизнью. Под благополучием так же можно понимать достижение человеком полной зрелости, ощущение собственной значимости и самодостатка. Благополучие характеризуется эмоциональной насыщенностью жизни человека в его отношении к другим индивидам и природе, в его способности преодолеть отчуждение и ощутить единение с окружающим миром.

Существуют также и другие модели субъективного благополучия. Н. Брэдбёрн например, создал модель психологического благополучия, которая представляет баланс позитивного и негативного аффекта. События повседневной жизни, которые несут нам радость и счастье, способствуют увеличению позитивного аффекта. Из этой теории следует, что разница между позитивным и негативным аффектами является показателем субъективного благополучия.

К. Рифф выделила шесть основных компонентов психологического благополучия: самопринятие, позитивные отношения с окружающими, автономия, управление окружающей средой, цель в жизни, личностный рост.

Самопринятие. Человек обладает позитивным отношением к себе и своему прошлому; осознаёт и принимает разные стороны своего Я, включая как положительные, так и отрицательные качества.

Противоположность самопринятия - неудовлетворенность собой; человек разочарован своим прошлым; обеспокоен определёнными личностными качествами; не желает быть тем, кем является.

Позитивные отношения с окружающими - получает удовлетворение от тёплых, доверительных отношений с другими людьми; заботится о благополучии других; способен к сильной эмпатии, привязанности и близости; понимает необходимость идти на уступки во взаимоотношениях. Когда это качество отсутствует, человеку трудно заботиться о других, быть тёплым и открытым; он изолирован и фрустрирован в межличностных отношениях; не может противостоять социальному давлению, мыслить и вести себя независимо; саморегулирует своё стремление идти на компромисс для поддержания важных связей с другими.

Автономность. Человек, обладающий высокой автономией оценивает себя, исходя из личных стандартов. Если же автономия отсутствует, человек озабочен ожиданиями и оценками других; при принятии важных решений опирается на суждение других; его мышление и поведение подвержено социальному давлению.

Компетентность. Обладает чувством мастерства и компетентности в овладении средой; осуществляет разнообразные виды деятельности; способен выбирать или создавать подходящий контекст для реализации личных потребностей и ценностей. При недостатке этого качества человеку трудно справляться с повседневными делами; отсутствует чувство контроля над внешним миром.

Цели в жизни. Имеет цели в жизни и чувство направленности; чувство осмысленности своего прошлого и настоящего; у него есть основания и причины для того, чтобы жить.

Недостаток целей - нет чувства осмысленности жизни, чувства направленности; не видит целей и в своём прошлом; отсутствуют воззрения и убеждения, придающие жизни смысл.

Личностный рост. Обладает чувством продолжающегося развития и реализации своего потенциала; видит свой рост и экспансию; открыт новому опыту; наблюдает всё большее совершенствование себя и своего поведения с течением времени; изменения отражают всё большее познание себя и эффективность этого процесса.

Субъективное благополучие личности включает ее социально-нормативные ценностные установки, реализация которых предопределяется условиями социализации, а также реализацию потребностей, также имеющих социальный контекст.

Ученые различают три варианта субъективного благополучия - физическое, психологическое и социальное. Это понимание согласуется с подходами психологов к внутренней структуре личности, включающей неразрывное единство трех ипостасей «Я». Так, в структуре личности

У. Джеймса обнаруживаются три класса элементов: физическое «Я», социальное «Я» и духовное «Я». Физическое «Я» включает телесную организацию и все материальное, чем обладает человек, а также его ближайшее окружение, то есть родственники, друзья и т.д. Потеря какой-либо части физического «Я» ведет к потере «части личности». Структуру социального «Я» составляют роли, нормы и стремление человека к обществу. Духовное «Я» - это «полное объединение отдельных состояний сознания, конкретно взятых духовных способностей и свойств». В данной структуре личности четко очерчивается круг «социально-материальных носителей личности» – то есть того, что позволяет рассматривать ее с точки зрения «реального» существа. Однако невозможно отрывать друг от друга различные ипостаси «Я» и в изучении субъективного благополучия, поскольку в их неразрывном единстве обеспечивается устойчивость и целостность личности, а также само это единство становится фактором субъективного благополучия.

Необходимо также сказать о общественно важном содержании субъективного благополучия. Каждый человек по-разному понимает благополучие. Кто-то может считать себя «благополучным» удовлетворяя лишь свои собственные желания и амбиции, реализуя потребности и не соотносить их при этом с желаниями и потребностями окружающих и общества в целом. Вследствие чего может возникать внутренняя пустота и социальная изоляция, а в итоге – невозможность самореализации и неминуемое снижение индекса субъективного благополучия в будущем. В таком же случае, ущербна будет и альтруистическая личностная позиция.

Субъективное благополучие предполагает, прежде всего, контекстуальность отношения то, что лежит в основе состояния комфорта, удовлетворенности - в общении, труде, учении, социальных отношениях.

Поскольку субъективные переживания, «внутренние ощущения счастья очень похожи вне зависимости от того, что их вызвало», аффективный компонент субъективного благополучия достаточно постоянен и, очевидно, зависит от контекстности событий или явлений жизни. Суждение об удовлетворенности, благополучии строится именно на отношении личности к полноте, глубине, качеству, т.е. содержательным сторонам событий и явлений, происходящими с ним. Поэтому, не изменив отношения к чему-либо, например, к какой-либо ситуации, невозможно изменить ее состояние и исход. Значит, стоит обратить внимание на те контексты, на основе которых формируется благополучие, их отношения и связи между собой.

Проблема субъективного благополучия личности может порождаться и в результате ее социального развития, которая, с одной стороны, определяет ее критерии, а с другой - качественное своеобразие (и разнообразие) жизни способствующее или не способствующее благополучию. Иначе говоря, качественные компоненты субъективного благополучия определяются тем социумом, теми институтами социализации, которые образуют наиболее мощное воздействие и индивида теми конкретными группами, в которых удовлетворяются наиболее значимые потребности и стремления.

Шамионов Р.М. выделяет определенные типы субъективного благополучия, своего рода его модусные комплексы (Шамионов, 2007):

- модус материального пополнения тесно связан с материальной подструктурой личности; предполагает личную значимость материального обогащения и, прежде всего, степень ее полноты.

- модус личностного (смыслового) самоопределения. Включает систему реализации личностных смыслов, жизненного сценария, определяемого в зависимости от условий социализации.

- модус социального («отношенческого») самоопределения. Содержит систему связей и отношений, квалифицируемых как «необходимые и достаточные» для сохранения внутреннего равновесия.

- модус личностного (характерологического) благополучия. Относится к субъективной оценке собственного характера, свойств личности с точки зрения их приемлемости для широкого круга явлений личности (от отношений с другими до самоотношения, от труда до «ничегонеделания»).

-модус профессионального самоопределения и роста. Включает адекватность профессионального самоопределения, удовлетворенность избранной профессией, трудом, отношениями с коллегами и др.

- модус физического (соматического) и психологического здоровья. Содержит систему взглядов на ценность здоровья и определяет деятельность, направленную на оптимизацию здорового образа жизни, поправление здоровья.

Различные модусы субъективного благополучия оптимизируются в зависимости от актуальной

жизненной ситуации. Однако субъективное неблагополучие в чем-либо (относительно того или иного модуса) не остается незаметным; оно присутствует либо в виде сниженного настроения, либо в виде активности. Кроме того, невозможность усиления индекса благополучия в одной сфере часто замещается активностью и достижениями в другой. Личность, вместе с тем, стремится к «глобальному» благополучию, которое для нее принимает совершенно очевидные очертания в процессе своего становления.

По мнению представителей гедонистического подхода, путь человека к благополучию лежит, прежде всего, через успешную социальную адаптацию – приспособление к конкретным жизненным условиям и обстоятельствам, запросам социального окружения (Созонов, 2006).

Счастливым человеком – в первую очередь тот, кто соответствует принятым в современном обществе эталонам благополучия, т.е. успешный, имеющий крут деловых и личностных социальных контактов, возможность не ограничивать себя в приобретении и потреблении (Аргайл, 2003). Способность человека приспосабливаться к изменяющимся социальным условиям, основными составляющими которой выступают позитивное мышление (оптимистичный, рациональный взгляд на события жизни, окружающих, самого себя) и позитивное социальное поведение (проявление добровольной активности на работе, должного поведения в семье, принятия и подачи социальной поддержки), обеспечивает достижение социально значимых результатов и, соответственно, повышение удовлетворенности жизнью, увеличение положительных эмоциональных переживаний, снижение вероятности психологических проявлений дистресса, а также числа стрессовых ситуаций.

Проанализировав данную проблему, можно сделать следующие выводы:

1. Субъективное благополучие – своеобразное качество человека, обретаемое им в процессе жизнедеятельности, проявляется у личности в переживании содержательной наполненности и ценности жизни в целом как средства достижения внутренних, социально ориентированных целей и служит условием реализации его потенциальных возможностей и способностей.

2. В субъективном благополучии синтезируются все виды отношений, но на первом месте выступают социально-психологические отношения, которые в конечном счете и определяют систему отношений личности.

3. Уровень субъективного благополучия соответствует удовлетворению потребностей разного уровня и удовлетворению жизнью в целом.

4. Феномен субъективного благополучия связан не только с потребностями и их реализацией, но и с субъективным отношением личности к возможности их удовлетворения, событиям жизни и самому себе.

Литература

1. Аргайл М. Психология счастья [Текст] / Аргайл М. - Санкт-Петербург: ПИТЕР, 2003. – 272 с.
2. Созонов А.Е. Гедонистический и эвдемонистический подходы к проблеме психологического благополучия // Вопр. психол. 2006. № 4.
3. Шамионов Р.М. Психология субъективного благополучия: (к разработке интегративной концепции)/Р.М. Шамионов // Мир психологии. – 2007.- №2.
4. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 82 тт. и 4 доп. тт. — М.: Терра, 2001. — 409 726 с.

Сутужко В.В.,

Саратовский государственный технический университет, Саратов

МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕКА

В современных социально-гуманитарных науках большую роль играет моделирование психических и социально-психологических процессов, среди которых особое место занимает феномен оценки (Сутужко, 2010). *Социально-психологическая оценка* – это в первую очередь производное от социальных ценностей, вырабатываемых и проявляющихся в системе *межсубъектных отношений* разного уровня. Человек формирует свой мир под влиянием оценок других (значимых

для него) людей, групп и социумов. Вследствие этого социальное оценивание является основанием и регулятором индивидуального оценивания. Социально-психологические оценки обусловлены общественными феноменами. На всё это указывает то, что формирует социально-психологические оценки и управляет оценочной деятельностью человека: *социальная направленность, социальные установки, социальные представления, обыденное массовое сознание, идеология* и другие феномены, образующие социальные системы. Во многом социально-психологические оценки – результат усвоения системы шаблонов массового сознания и повседневности, продукт мифологизированного сознания и стереотипизации мышления.

В общем виде формирование социально-психологических оценок детерминируется *социальной направленностью* человека, в которую обычно включается система установок, потребности, мотивы, интересы, убеждения, идеалы, нравственные и политические взгляды, отношение к себе и к другим людям (Полежаев, 2000). Однако, направленности личности предшествует ориентировка. Прежде чем выбрать направление деятельности человек «осматривается», проводит разведку, ориентируется в окружающем мире. Поступающая «извне» информация осмысливается и определенным образом перерабатывается человеком, оценивается им, исходя из его личной системы ценностных установок. Только после *всестороннего оценивания* происходящего и выработки внутренне осознанной позиции может происходить выбор направления дальнейшего социального движения личности, то есть выбор позиции в окружающем личность социуме, при этом обдуманно формируется цель дальнейшего её существования, личностного бытия. Главный итог этих процессов заключается в том, что ориентации личности придается характер целеустремленности, сосредоточенности и последовательности. Позицию личности в обществе можно представить как многомерное пространство, измерения которого соответствуют определенным видам общественных отношений. «Пространство отношений», присущее и характерное для каждой личности, специфично и весьма динамично, что отражается в субъективном мире личности и её психических свойствах как единое целое.

При формировании социально-психологических оценок человек исходит из сложившейся системы оценочных критериев. Одной из точек отсчета для оценивания служат индивидуальные *потребности*. Многие исследователи не без оснований анализируют сферу потребностей в структуре мотивации личности (Ковалев, 2001). По существу своей природы личностное бытие определяют не только биологические, но и социальные потребности (потребности в общении, самоутверждении, совместной деятельности и другие). *Социальные потребности* могут реализоваться в результате социального воздействия. *Социальное воздействие* проявляется в форме социального влияния и порождает эффекты подражания, комфортности, а также другие феномены и ценностные ориентации личности, что существенно влияет на *формирование социальных оценок*. Вследствие усложнения и дифференциации социальной среды социальное воздействие на личность приобретает всё более сложный структурный характер. В итоге социальное воздействие направлено на изменение социальных оценок и поведения субъектов взаимоотношений. Однако реакция индивида на социальное воздействие не носит механический характер, не выступает функцией стимула. *Социально-психологические оценки* при отражении внешних воздействий имеют сложный характер, они опосредствуются не только опытом прошлых поколений (привычки, традиции, национальный характер и прочее), но и собственным, индивидуальным опытом человека, иными словами, социально-психологическое оценивание опосредствуется и внешней средой, и внутренним миром субъекта.

Другим важнейшим основанием и критерием социально-психологической оценки является *социальная установка*. Социальная установка как основной компонент критериально-оценочной системы личности входит в структуру её социальной направленности. Социальная установка рядом исследователей вполне точно определяется как целостное психическое явление, в котором действительность отражается в соответствии с потребностями индивида, в силу чего протекающая на её основе активность носит целеустремленный характер. Кроме того, обоснованно установка рассматривается, как неосознанное состояние готовности человека определенным образом воспринимать, оценивать и действовать по отношению к окружающим его людям или объектам; она функционирует наряду с интересом, целью, потребностью. Социальная установка выражает *ценностную ориентацию* в форме социально-детерминированной *предрасположенности* личности (или группы) к заранее определяемому отношению – позиции к данной вещи (человеку,

событию, явлению). Таким образом, понятие социальной установки применяется для обозначения субъективных ориентаций индивидов как членов группы (или общества) на те или иные ценности, предписывающих индивидам определенные социально-принятые способы поведения и формирующие у них определенные системы социальных оценок.

Кроме того, формирование социально-психологических оценок личности определяется влиянием самого общества. Существуют различные подходы к проблеме взаимоотношения личного и социального в формировании ценностных ориентаций личности. Не отрицая очевидности и мощи влияния различных факторов социальной природы на развитие личности, первоначально это влияние рассматривалось как давление, к которому человек с большим или меньшим успехом приспосабливается (подчиняется, адаптируется, борется, обходит). В работах большинства иностранных исследователей социальное влияние всегда имеет манипуляционный характер: нарушение требований и запретов общества (супер-Эго) чревато чувствами страха, вины и стыда (З. Фрейд); неумение должным образом реагировать на стимулы получает от общества отрицательное подкрепление (Б. Скиннер); искажения спонтанного развития организма нарушают его аутентичность и внутреннюю гармонию (К. Роджерс). В итоге надличные ценности (сформированные при социальном оценивании) оказывались «по ту сторону границы» и в индивидуальной психической жизни могли выполнять только функцию объекта отношения, а ценности, определявшиеся «от индивидуальной оценки» (Г. Олпорт), выступали как образования сугубо индивидуально-личностной природы, не имеющие никаких корней и соответствий в социальной реальности. Синтез таких представлений – асоциальный подход к проблеме формирования личности. Напротив, в отечественных социально-гуманитарных науках долгое время господствовала пансоциальность, то есть тенденция свести формирование личности к её «формовке» на основе социальных матриц. Ценности понимались как социальные образования *par excellence*, при этом механизм регулирующего действия социальных ценностей и норм на оценивание и деятельность индивидов полагался прямым. При таком подходе даже вполне зрелый, совершеннолетний индивид оказывается привязанным прочной пуповиной к сформировавшему его социуму (что, впрочем, отражало объективную реальность) и автоматически следует социальным нормам и установлениям. Социальная регуляция поведения рассматривается как внешняя по отношению к личности стимуляция; внутри-личностные структуры и механизмы трактуются как социальные регуляторы, «пересаженные внутрь» индивида, то есть, по сути, речь идет о той же внешней, но добровольно и некритически принимаемой манипуляции.

Если в асоциальной парадигме социальное влияние предстает как нечто внешнее (поэтому всё социальное оценивается, как «чуждое Я» и «объект противоборства»), то при пансоциальном подходе – как нечто внутреннее, «часть Я» (социальное оценивается, как «неотделимое от Я», «объект отождествления»). Однако в обоих случаях социальное влияние имело вид прямой или косвенной, внутренней или внешней манипуляции. Преодоление асоциальной парадигмы на Западе нашло выражение в разработке новых подходов к исследованию регуляции поведения человека (социальный конструктивизм, социальная грамматика, социальная экология), в огромном интересе к трудам Л.С. Выготского, в моде на сравнительно-культурные исследования и тому подобное. С начала 70-х годов XX века стала вытесняться и пансоциальная парадигма, характерная для советской социально-гуманитарной науки. По мере ослабления и практически полного прекращения идеологического контроля в отечественной науке «набирали вес» исследования личности и индивидуальности, переход к представлениям об опосредствованном характере социальной регуляции индивидуального поведения, углубленное изучение внутриличностных механизмов регуляции деятельности и общения, происходило смещения акцентов с социальной реальности на индивидуальную реальность и прочее. В результате современное социально-гуманитарное познание руководствуется новой, более адекватной парадигмой (если таковая вообще существует), для которой вполне подходящим представляется название «культурно-историческая психология». Предполагается, что человек не только изначально находится в социокультурном окружении, но и строит себя из него как из материала. Культура и общество – суть не просто внешние условия, но материал индивидуального развития, которое заключается в их присвоении, в превращении их в собственное достояние, в элементы внутренней организации личности. Излишне специально оговаривать, что это не механический, а сложно опосредованный процесс, складывающийся из разнообразных трансформаций. При таком подходе общество – результат человеческих взаимосвязей и взаимодействий в целях удовлетворения индивидуальных потребностей, которое является основополагающим фактором в формировании

эмоционально-окрашенных оценок. Другими словами, общество опосредовано участвует в формировании не только социальных оценок, но и индивидуальных оценок.

В этом контексте ключевым моментом социального оценивания можно считать *социальное представление*. Понятие «социальные представления» в социально-гуманитарных исследованиях применяется, начиная с построения принципиальных моделей «Человека символического» (*Homo symbolicus*) и общества как системы отношений между субъектами различного масштаба: индивид, группа, социум (Московичи, 2007). При этом социально-психологическое оценивание на основе социальных представлений является научным, если оно занимается весьма специфическим типом поведения – символическим поведением. Общество – это система связей между социальными субъектами, групповыми и индивидуальными, которые самоопределяются через отношения друг к другу. Поэтому более общее понимание предмета социальной психологии в целом, выражено в том, центральным объектом социально-психологического оценивания является, прежде всего, то, что относится к идеологии и общению, их структуре, генезису и функциям. Сфера социально-психологического познания – изучение культурных процессов, ответственных за организацию познания в обществе, за установление межличностных отношений в социальной и физической среде, за формирование социальных движений, групп, партий, институтов. Посредством социальных образований и в их рамках люди действуют и взаимодействуют. При помощи кодификации межличностного и межгруппового поведения создается общая социальная реальность с её нормами, причины и происхождение которых следует искать в социальном контексте. В последующих трудах С. Московичи наблюдается определенная эволюция социально-психологических идей (Московичи, 1996, 1998). В модели человека на первый план выдвигается потребность в вере и переживаниях, с одной стороны, и способность удовлетворить эту потребность, в том числе и наличие некоего «органа» для этого – с другой. «Человек символический» (*Homo symbolicus*) уступил место «Человеку верующему» (*Homo credens*). Иными словами в концепции социальных представлений акцент сместился с социально-психологического аспекта на социально-теистический аспект. В модели общества на первый план выдвинулись его динамические, а не статические, структурные, свойства. Общество понимается как система динамичных отношений, нечто подвижное, непрерывно изменяющееся и потому сопоставимое с психикой, с динамикой страстей и верований, составляющих суть духовной жизни реального человека. Сферой социальной психологии оказывается этический аспект социального взаимодействия, а поскольку этот же аспект составляет ядро любой религии, то по замечанию автора, далее «остаётся один шаг до теологии». Для исследователя, сформировавшегося под влиянием французской рационалистической традиции, это – отрицание всего ранее им утверждавшегося. С. Московичи делает вынужденный шаг назад, оставляя надежду на то, что когда-нибудь демократическое развитие общества превратит его из «машины, творящей богов» в «машину, творящую людей». Центральное место в его поздних рассуждениях о судьбах мира занимают проблемы этики, морального характера личности и другие проблемы, совсем далекие от сферы традиционных интересов неопозитивизма. Между тем, если социально-психологическое оценивание вести на основе модели «Человек верующий» и представлениях об обществе в его текучести и динамизме, скрепляемом непостижимой для нас силой, то идеи о социальном оценивании возвращаются к тем вопросам, которые пытались обойти М. Вебер, Э. Дюркгейм и Г. Зиммель, вначале стремившиеся объяснить социальный процесс социологически, не обращаясь к существованию социального, однако, предмет их позднего творчества – социально-психологическое оценивание в форме сравнительного анализа религий или демонстрации растущей неосвязаемости экономического обмена, его зависимости от «социально-психологической ткани общества» (Г. Зиммель). Такого подхода придерживаются и в современном естествознании, где некоторые авторы говорят о невозможности объяснения целого ряда явлений мозговой активности, не прибегая к категориям «Дух» и «Бог» (Дж. Эклз). Очевидно, освоение существующей реальности имеет социально-оценочный характер, что до сих пор не всеми исследователями признается.

Если провести этимологический анализ слова «социальное» и его производных (на материале многих, в том числе пиктографических, языков), то выявляются такие общие атрибутивные свойства, как взаимозависимость людей в процессе совместного созидания чего-либо и позитивное (кооперативное) отношение к партнеру. В такой интерпретации нравственное вновь есть сущность социального начала в значении «всеобщая зависимость людей друг от друга». Всё социальное изначально и потенциально этично. Этот тезис подтверждается современной глобальной

экономической, культурной, политической взаимозависимостью людей, живущих на нашей планете. Общее осознание такой взаимозависимости как необратимого следствия общеисторического процесса – основа социального закона возрастания нравственности, развертывания социального как взаимно-позитивных, миролюбивых, ориентированных на сожителство и сотрудничество отношений между людьми. Концептуально и содержательно понятие «этическое» оказывается тем слоем бытия, где сходятся социальное и психическое. Этическая сфера духовного бытия материально выражается в культуре – созданной человеком реальности, в которой объективированы, остановлены в разных формах динамика страстей и переживаний, моральных дилемм и нравственных конфликтов. Так и «промышленность есть чувственно представшая психология» (К. Маркс), и «историю делают живые люди» (Ф. Энгельс), и само по себе человечество превращается в геологический фактор: доступные наблюдению 90% геологического слоя Земли есть бывшая живая, биологическая масса (В.И. Вернадский). Принцип единения людей – естественный закон природы. Эта аксиома полностью применима и в анализе сущности соотношения «социальное/психическое». Социальные институты, нормы, идеологии, социальные оценки по своей сути – чувственно-представшая этика и психология социальных отношений субъектов (личностей, групп, обществ, всего человечества в целом). На социально-гуманитарное познание существенное влияние оказывают помимо материалистических идей альтернативные им идеалистические идеи о том, что сознание (психическое) определяет бытие, всю социально-экономическую реальность. В своих трудах С. Московичи, детально анализируя эти альтернативы и критикуя обе позиции, в то же время частично развивает идеалистическую концепцию. В решении проблемы детерминизма (социальное или психическое) существует и третий подход – теория субъекта и деятельности, созданная С.Л. Рубинштейном и развиваемая его последователями. При таком подходе не психическое и не бытие сами по себе, а субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, творит историю. В процессе своих деятельности, общения, созерцания и оценивания человек преобразует, развивает, познает окружающую его реальность (природу, общество, самого себя), всё полнее раскрывая и используя объективные закономерности. В меру этого люди сознательно и бессознательно, рационально и интуитивно прокладывают свой жизненный путь. Детерминизм – не предопределенность, но процесс, который в готовом виде не представляется, а, напротив, формируется самим субъектом как самоопределение в ходе деятельности, общения, познания, оценивания и другого. Потому детерминизмом не исключается человеческая активность, но, напротив, как необходимое условие, предполагается свобода. Свобода человека, главным образом, проявляется в его творчестве, которое осуществляется только субъектом – человеком, людьми, а не животными, не машинами, не Духом, не Богом и тому подобное. Творчество выражается в социально-психологических оценках автора, субъекта деятельности. Результаты творчества в свою очередь *оцениваются социально*, то есть социум наделяет их (результаты) признаками общей конкретно-исторической значимости. При таком подходе к субъекту и его самоопределению создаваемые им и изучающие его науки нельзя разделить на две группы, например, на науки о природе и науки о духе (как в случае противопоставления неокантианцами естественнонаучного и культурно-исторического познания), на объясняющую и понимающую психологию и так далее. Дух, душа (духовное, душевное) – это не надпсихические образования, а различные свойства психического как важнейшего атрибута субъекта. Поэтому гуманитарность в психологии неразрывно связана с духовностью человека, изучаемой в этическом контексте.

Психология и этика с давних времен рассматривались многими мыслителями в единстве, для этого достаточно вспомнить учение о нормах нравственности и церемониале Конфуция и «Никомахову этику» Аристотеля. К сожалению, начиная с французских просветителей, пройдя через марксизм и позитивизм, заканчивая многими современными этическими парадигмами, в общественных науках очевидные для древних мыслителей истины преданы забвению. Способствовало этому и стойкое неприятие забытых идей сторонниками «наук о духе», герменевтики, «понимающей социологии» и других. В современном социально-гуманитарном познании находятся новые аргументы в пользу старых истин. Приведем лишь некоторые из них: необычно высокими темпами развивается культурология, в которой изучаются многие аспекты социологии, социальной психологии и философии; возродились поиски универсалий человеческого поведения, того, что объединяет, но не разъединяет людей в мире; исключительно актуальными стали нравственные проблемы в политике и экономике; материальную силу таких неосязаемых психологических факторов общественной жизни, как доверие признают самые убежденные материалисты; в целом заметно возросла роль морально-

психологического способа социальной регуляции поведения по сравнению с чисто экономической стимуляцией.

Проблема адекватности социально-психологических оценок и социальных представлений социальной реальности остается неразрешимой до сих пор, особенно в нашем Отечестве – стране парадоксов и загадок, где одновременно совмещается материализм и религия, передовые космические технологии и массовые спиритические сеансы, рыночный прагматизм и вера в быстрое обогащение и многое другое. Динамика современного общественного развития вообще и России в частности определяется тем, что субъекты и объекты этого процесса (конкретные люди и группы) преследуют определенные цели, руководствуются своими конкретными мотивами и осуществляют различные виды деятельности. В широком смысле субъектом общественного развития является всё человечество, противоречиво-объединяющее субъектов разного уровня, взаимодействующих друг с другом (государства, этносы, общественные классы, социальные страты и группы, личности). Эти разно-уровневые субъекты изучаются различными социально-гуманитарными науками, в том числе и фундаментальной и прикладной социальной психологией. При этом моделирование социально-психологической оценки человека и метод социальной оценки интенсивно применяются в социальной практике, что позволяет успешно решать сложные задачи социально-экономического развития, в частности и проблемы сохранения и развития российского общества.

Литература

1. Ковалев А.Е. Мотивация личности в кризисный период. М., 2001.
2. Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998.
3. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996.
4. Полежаев Д.В. Ментальность личности и внутренние механизмы динамики социальной направленности // *Credo*. 2000. № 20.
5. Социальная психология / Под ред. С. Московичи. СПб., 2007.
6. Сутужко В.В. Феномен оценки: философское осмысление. Саратов, 2010.

Научное издание

ЧЕЛОВЕК В ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

4-5 октября 2012 г.

Москва

Макет и верстка – типография ООО «Медиа-Студия»

Сдано в набор: 03.09.2012

Типография ООО «Медиа-Студия»

109390, г. Москва, ул. Артюхиной, д. 6, корп. 1

www.media studia.ru

Тираж 200 экз.

Издательство «Институт психологии РАН»

ИМЭИ Институт мировой экономики и информатизации

Стать настоящим профессионалом с нами!

<p>Факультет Экономики и управления</p> <p>Направление: ЭКОНОМИКА Профили: Бухгалтерский учет, анализ и аудит; Мировая экономика; Финансы и кредит; Бизнес-информатика</p> <p>Направление: ТУРИЗМ Профили: Специализация: Сервис; Гостиничное дело</p> <p>Направление: МЕНЕДЖМЕНТ Профили: Специализация: Международный менеджмент; Управление малым бизнесом; Финансовый менеджмент; Управление персоналом; Государственное и муниципальное управление</p>	<p>Факультет Права</p> <p>Направление: ЮРИСПРУДЕНЦИЯ Профили: Гражданско-правовой; Государственно-правовой; Уголовно-правовой</p> <p>Специальность: ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО</p>	<p>Факультет информатизации и экологии</p> <p>Направления: ПРИКЛАДНАЯ ИНФОРМАТИКА, ЭКОЛОГИЯ И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ, ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКА, ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО И КАДАСТРЫ, ЭКСПЛУАТАЦИЯ ТРАНСПОРТНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ МАШИН И КОМПЛЕКСОВ, ТЕХНОЛОГИЯ ТРАНСПОРТНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТРОИТЕЛЬСТВО, ТЕХНОСФЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ</p>
<p>Гуманитарный факультет</p> <p>Направления: ЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛОГИЯ, ДИЗАЙН, КОНФЛИКТОЛОГИЯ</p>		

• Бакалавриат • Магистратура • Аспирантура • Среднее профессиональное образование (колледж)
 • Центр дополнительного образования и переподготовки • Подготовительные курсы
 Формы обучения: очная, очно-заочная, заочная с элементами дистанционных технологий
 Диплом государственного образца
 Отсрочка от службы в Армии (для студентов очной формы обучения)

г. Москва, м. "Текстильщики", ул. Артюхиной, д. 6, корп. 1
 (499) 179-22-35
 (499) 178-02-00
www.nouimeir.ru
 e-mail: info@nouimeir.ru

Проезд: метро "Текстильщики", 1 вагон из центра, в переходе направо, до входа на СК "Москвич", пересечь территорию СК до шлагбаума, далее прямо по улице 200 метров.

Приемная комиссия комната 104
улица Артюхиной, дом 6, корп. 1

www.nouimeir.ru

Часы работы приемной комиссии:
понедельник-пятница
 с 9:00 до 19:00
суббота
 10:00 до 16:00

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ В ЖУРНАЛЕ «УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИМЭИ»

Для публикации научных работ в журнале «Ученые записки ИМЭИ» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

После получения статьи и прилагаемых документов от Вашего учреждения редколлегия журнала проводит научную экспертизу (рецензирование) содержания и качества статьи. Процедура работы со статьей такова:

- обсуждение материала на заседании редколлегии журнала;
- в случае отклонения материала по причинам его недостаточного качества или непрофильности (при этом автор сохраняет право на предоставление другой статьи);
- если материал рекомендован к печати с замечаниями, он направляется автору на доработку;
- в случае рекомендации редколлегии материала к печати без существенных замечаний он поступает на редактирование и предпечатную подготовку, а автору посылается (по его запросу) положительное заключение редколлегии;
- примерные сроки публикации материала в журнале – от 6 месяцев до 1 года в зависимости от его темы и актуальности, а также издательских возможностей («портфеля») редакции.

Редакция журнала не несет ответственность за нарушение сроков своевременного предоставления материалов и не может гарантировать точную дату их выхода в свет.

Редакция журнала установила следующий порядок рецензирования статей:

- Статьи от вузов, с которыми у редакции журнала имеются договорные отношения, поступают на основании решения (рекомендации) редакционного совета региона (или вуза) и предварительного рецензирования. Письменную рецензию на рукопись статьи готовит доктор наук, работающий с автором в одном регионе (или вузе) и не являющийся его научным руководителем (консультантом). Рецензия прилагается к рекомендации редакционного совета региона (вуза).

- Статьи, поступающие в редакцию от авторов в инициативном порядке, проходят предварительную экспертизу (осуществляется руководителями отделов редколлегии по соответствующей отрасли наук) и принимаются в установленном порядке. К ним прилагается рекомендация вуза (научного отдела вуза) и рецензия доктора наук, работающего в данном вузе или регионе.

- Статьи, поступившие в редакцию, проходят далее обсуждение на заседании редколлегии журнала, на которое выносятся рецензии не менее 2 членов редколлегии (1 письменная и 1 устная), являющихся специалистами в данной области. Непосредственную ответственность за своевременное рецензирование статей несут руководители отделов редколлегии по соответствующей отрасли наук. В составе редколлегии функционируют отделы экономики, юриспруденции, инженерно-технический, философии, культурологии, социальной антропологии, политологии, истории, филологии и искусствознания, педагогики и психологии, проблем организации и управления.

- Статья считается принятой к публикации при наличии положительных рецензий и в том случае, если ее поддержало большинство членов редколлегии, работающих в той же области социально-гуманитарных наук, что и автор статьи. Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от объема публикуемых материалов и перечня рубрик в каждом конкретном выпуске.

- Рецензии на рукописи статей, подготовленные членами редколлегии, направляются далее для ознакомления представителям вузов и авторам. В случае отклонения статьи от публикации в журнале представителю вуза и автору по их запросу направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

Научная статья должна содержать следующие необходимые элементы:

- постановка проблемы, целей и задач исследования по теме, актуальной в современной теории и практике;
- определение места авторской постановки вопроса в имеющейся мировой и (или) отечественной научной литературе;

• оригинальное авторское исследование: первичные эмпирические данные и их качественный или количественный анализ; обработка вторичных данных; историческое исследование; анализ эволюции научных взглядов по выбранной теме и т.п.;

• выводы, соответствующие целям и задачам исследования.

За точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта. Редакционная коллегия научного журнала «Ученые записки ИМЭИ» проводит независимое рецензирование представленных статей.

Статьи, не соответствующие указанным требованиям и направленности «Ученых записок ИМЭИ», решением редакционной коллегии не публикуются.

Графический материал должен быть оформлен определенным образом.

Статья должна содержать минимум таблиц, формул, рисунков и графиков. Их присутствие допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно или нецелесообразно. Площадь рисунков, схем, таблиц, формул приравнивается к текстовому эквиваленту. Каждый объект не должен превышать указанные размеры страницы, а шрифт в нем должен быть не менее 12 пунктов. Возможно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области. Все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. Все формулы должны быть созданы с использованием компонента Microsoft Equation или в виде четких картинок.

Статью должна предварять следующая информация:

а) фамилия и имя автора на русском и на английском языках;

б) название статьи на русском и английском языках;

в) аннотация на русском языке (500-1000 знаков с пробелами) с подзаголовком «Аннотация» ;

г) аннотация на английском языке под заголовком «Abstract»;

д) ключевые слова на русском языке (примерно 5-7 слов: основных общенаучных терминов или терминов по профилю исследования, упорядоченных от наиболее общих к конкретным, соответствующим описанию исследования) под заголовком «Ключевые слова»;

е) ключевые слова на английском языке под заголовком «Key words»;

ж) индекс УДК (Универсальной десятичной классификации) - система классификации информации, используется для систематизации произведений науки, литературы и искусства, периодической печати, различных видов документов и организации картотек.

Объем статьи – от 0,5 до 1,25 п.л. Формат страницы А4. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14. Междустрочный интервал – полуторный. Поля: левое, правое, верхнее -20мм., нижнее – 25 мм. Отступ 1 строки абзаца – 1,25. Название статьи – прописными буквами с выравниванием по центру, шрифт жирный, через 2 интервала фамилия и инициалы автора с выравниванием по центру, далее через 2 интервала – полное название организации, город с выравниванием по центру. После отступа в 3 интервала следует текст. Ссылки на цитированную литературу внутритекстовые - [3]. После основного текста статьи на следующей строке без дополнительных интервалов размещается список цитируемой литературы. Автоматический перенос. Нумерация страниц, разрыв страниц не допускается. Гарантируем сохранность авторского права.

В случае положительного решения вопроса о публикации автор, предоставивший свою статью в журнал «Ученые записки ИМЭИ», выражает согласие на размещение полного текста статьи в сети Интернет на официальных сайтах журнала «Ученые записки ИМЭИ» и Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) (См.: ст. 1286 и 1238 Гражданского Кодекса Российской Федерации). Одновременно автор дает согласие на доступ своих персональных данных неограниченному кругу лиц.

Адрес редакции: 109390, Москва, ул. Артюхиной, д.6, корп. 1, каб 308

Тел.: 8 499 176 93 06

Электронный адрес: sp-iwei@yandex.ru